

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный университет
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»
Кафедра психологии
Центр социально-психологических и исторических
исследований

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕРМАНИСТИКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Сборник научных статей и материалов

Псков 2023

УДК 811.11-112(045):94(430)(045)
ББК 80.4-03я431+63.3(4Гем)я431
И90

Сборник основан в 2018 г.

Авторы идеи и составители: профессор кафедры психологии ВГУ имени П.М. Машерова, доктор исторических наук, профессор **В.А. Космач**; доцент кафедры международных отношений БГУ, кандидат исторических наук, доцент **И.И. Ковяко**

И90 Историческая германистика: актуальные проблемы современных исследований : сб. научных статей и материалов / сост.: В.А. Космач, И.И. Ковяко; под науч. ред. В.А. Космача. – Псков: ООО «ЛОГОС», 2023. – 362 с.
ISBN 978-5-6049957-8-5.

Сборник посвящен 70-летию со дня рождения известного белорусского историка, доктора исторических наук, профессора Г.А. Космача, внесшего весомый вклад в историческую германистику Новейшего времени, преподавание всеобщей истории в высших учебных заведениях Республики Беларусь.

Статьи печатаются в авторской редакции, ответственность за их содержание несут сами авторы.

УДК 811.11-112(045):94(430)(045)
ББК 80.4-03я431+63.3(4Гем)я431

ISBN 978-5-6049957-8-5

© БГУ, 2023
© ВГУ имени П.М. Машерова, 2023
© ООО «Логос»

КОСМАЧ ГЕННАДИЙ АРКАДЬЕВИЧ
(1953–2016 гг.)

О Г Л А В Л Е Н И Е

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
РАЗДЕЛ I. СТАНОВЛЕНИЕ УЧЕНОГО И ПЕДАГОГА (ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ДРУЗЕЙ И КОЛЛЕГ О Г.А. КОСМАЧЕ)	9
<i>Космач В.А.</i> Из пережитого: о Г.А. Космаче – ученом-германисте, преподавателе высшей школы и родном брате – Учителе по жизни	9
<i>Снапкоўскі У.Е.</i> Пра братоў Космачаў, вёску Талуі і нашых настаўнікаў	22
РАЗДЕЛ II. ГЕРМАНИЯ И СТРАНЫ ЗАПАДА В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ	31
<i>Довгялло М.С.</i> Освободительная миссия Красной армии и переосмысление роли СССР во Второй мировой войне в странах Центральной и Юго-Восточной Европы	31
<i>Космач В.А.</i> Украинская война НАТО против России и украинский фашизм (нацизм)	47
<i>Космач В.А.</i> «Мир» Андре Тардьё	65
<i>Космач П.Г.</i> Эволюция религиозных элементов национального самосознания в США XIX в.	83
<i>Ландина Л.В.</i> Просвещенный абсолютизм в Пруссии и Австрии (концепции российской новистики начала XX века) ...	89
<i>Свилас С.Ф.</i> Политика Отто фон Бисмарка в российских диссертационных исследованиях XXI века	98
РАЗДЕЛ III. ГЕРМАНИЯ И ГЕРМАНСКИЙ ВОПРОС В XX в. ...	112
<i>Величко Н.В.</i> Позиции французских политических партий, парламента и правительства по германскому вопросу в 1945–1949 гг.	112
<i>Гавриловец Л.В.</i> Основные направления польской политики по германскому вопросу 1970–1980-х гг.	123

Добровольский Е.С. Восточногерманские христианские демократы и проблема образования Германской Демократической Республики	135
Дубровко Е.Н. Германо-польские отношения во второй половине 1920-х годов и позиция Великобритании	243
Иоффе Э.Г. Адольф Гитлер на территории Беларуси	154
Космач В.А. Г. Хильгер о военном сотрудничестве Германии и Советской России (СССР) в 1920–1930 гг.	171
Космач В.А. Становление и первые шаги исторической германистики Новейшего времени в г. Витебске в 1985–1995 гг. (о себе в третьем лице)	191
Космач В.А. Крах восточной политики ФРГ в духе «реал-политик»: причины и ключевые факторы русофобской политики Берлина в отношении Москвы и Минска (наши дни, авторское видение)	196
Мезга Н.Н. Влияние германского фактора на советско-польский переговорный процесс в конце 1924 – первой половине 1925 г.	201
Мигун Д.А. Германо-белорусские культурные и научные связи в 20-х гг. XX в.	214
Петелин Б.В. Советская дипломатия и германский вопрос: признание и решение. 1985–1990 гг.	227
Родин Д.В. Геополитические аспекты советско-германского взаимодействия в 1920-е гг.	233
Субботин О.Г. Дискуссия по вопросам «имперской реформы» в Третьем рейхе (1933–1934)	247
Хавкин Б.Л. Немецкие евреи в антигитлеровском сопротивлении. Группа Герберта Баума	255
Черноперов В.Л. Дуализм отношений НКВД РСФСР и Коминтерна на германском направлении в 1920–1921 годах ...	266
РАЗДЕЛ IV. ГЕРМАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ	279
Ковяко И.И., Бай Сюетун. Развитие научно-технического сотрудничества между КНР и ФРГ в эпоху стратегического партнёрства (2004–2020 гг.)	279
Ковяко И.И., Пузанова Д.А. Диверсификация энергоносителей в германии в условиях геополитического кризиса	290
Свилас С.Ф., Ливиндюк О.В. Ключевые аспекты индийско-германских отношений в XXI веке	296
Свилас С.Ф., Ткачук К.И. Немецкая диаспора в Бразилии: формирование и современное состояние	304

Синдеев А.А. Новые идеи СДПГ в политике безопасности и обороны	308
Соколов А.П., Давыдов А.Д., Проценко С.Е. «Смена эпох» ФРГ в свете межпартийного взаимодействия правительства Олафа Шольца	318
Терехов О.Э., Терехова О.Н. Современная российская историография о российско-германских отношениях	325
Хришкевич Т.Г. Отчеты правительства ФРГ о роли финансового участия в НАТО	333
РЕЦЕНЗИИ	339
Довгялло М.С. Рецензия на монографию профессора, доктора исторических наук В.А. Космача «Талуи: история деревни, ее жителей и окрестностей»	339
Стрелец М.В. Эра мастера компромиссов	340
ИЗБРАННЫЕ ФОТОГРАФИИ	346
ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ	356

ПРЕДИСЛОВИЕ

Геннадия Аркадьевича Космача, моего родного брата и Учителя, известного белорусского историка-германиста и преподавателя высшей школы Беларуси не стало 26 июля 2016 г. Он ушел из жизни в возрасте 63 лет, оставив незавершенными многие планы и проекты.

Геннадий Аркадьевич Космач родился 7 июля 1953 года в небольшой деревеньке под названием Талуи на Молодечненщине в Минской области в крестьянской семье. Там он рос, учился в Марковской средней школе, а затем стал студентом исторического факультета Белгосуниверситета в 1971 году. Годы детства и юношества в родительском доме сформировали у Геннадия Аркадьевича такие стойкие черты личностного характера и иммунитета как трудолюбие, выдержка, прилежание, стойкость к любым испытаниям в жизни, обостренное чувство справедливости и доброты, уважения к родителям, старшим и своей «малой Родине» (Талуям), перед которой он трепетно преклонялся и куда его постоянно тянуло, особенно после смерти отца, Аркадия Степановича, в 2004 году и матери, Нины Григорьевны, в 2011 году.

Этот сборник научных статей и материалов посвящен 70-летию со дня рождения профессора Г.А. Космача. Искреннее признателен всем коллегам и друзьям, которые откликнулись на эту дату в личной, деловой и научной биографии Геннадия Аркадьевича, который подготовил и воспитал 15 кандидатов и 2 докторов исторических наук. Это уже второй сборник (первый вышел в 2018 г.). Пусть он будет данью нашего глубокого уважения и светлой памяти Г.А. Космачу.

С уважением и благодарностью,

В.А. Космач, доктор исторических наук, профессор

Сборник «Историческая германистика», подготовленный коллективом отечественных и зарубежных авторов, приурочен к 70-летию со дня рождения выдающегося белорусского историка-германиста, доктора исторических наук Геннадия Аркадьевича Космача. Сложно переоценить его вклад в развитие белорусской школы германских и международных исследований. Предметом исследований профессора Г.А. Космача являлись актуальные вопросы истории Австрии, Веймарской Республики, ФРГ и ГДР, а также объединенной Германии. Особое внимание он уделял геополитическому подходу в изучении внешней политики государств и

международных отношений. Под руководством Г.А. Космача сформировалась отечественная научная школа изучения Германии и германского вопроса, состоялись успешные защиты 17 кандидатских и докторских диссертаций. Отдельного внимания заслуживает деятельное участие Г.А. Космача в работе научной экспертной группы, которая трудилась над созданием новой экспозиции музея Великой Отечественной войны.

Немало времени и сил было уделено учебно-методической работе. Профессор Г.А. Космач внес весомый вклад в формирование национальной концепции исторического образования, он являлся автором серии учебных пособий, подготовленных для учащихся и учителей средних школ, гимназий, лицеев. Он также подготовил ряд учебных изданий для студентов вузов, обучающихся по историческим специальностям, многочисленные программы и учебно-методические комплексы.

Профессор Г.А. Космач долгие годы плодотворно сотрудничал с кафедрой и факультетом международных отношений БГУ, выступая председателем государственной экзаменационной комиссии, рецензентом учебных пособий и научных статей, экспертом и оппонентом диссертационных исследований.

Наследие Г.А. Космача остается востребованным современниками. Актуальность германских исследований обусловлена значительной ролью ФРГ в глобальной политической и торгово-экономической системе, ее вкладом в формирование и реализацию повестки международных и региональных организаций. Изучение исторического прошлого Германии, особенностей немецкой геополитики и политической культуры способствует лучшему пониманию нынешних процессов и содействует выработке оптимальных решений современных задач.

Выражаем надежду, что наш проект будет способствовать взаимопониманию и взаимообогащению ученых из различных учреждений, городов и стран, объединенных интересом к исторической германистике.

Ю.И. Малевич, заведующий кафедрой
международных отношений ФМО БГУ,
доктор полит. наук, профессор

Сборник «Историческая германистика» – это дань уважения всем ученым, нашим наставникам, благодаря которым мы состоялись в профессиональной жизни. И одновременно – это приветственное послание всем будущим поколениям исследователей, которые продолжают наш путь.

С благодарностью учителям, с верою в учеников.

И.И. Ковяко, редактор и составитель сборника
«Историческая германистика», канд. ист. наук, доцент

Р А З Д Е Л I

СТАНОВЛЕНИЕ УЧЕНОГО И ПЕДАГОГА (ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ДРУЗЕЙ И КОЛЛЕГ)

ИЗ ПЕРЕЖИТОГО: О Г.А. КОСМАЧЕ – УЧЕНОМ-ГЕРМАНИСТЕ, ПРЕПОДАВАТЕЛЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ И РОДНОМ БРАТЕ – УЧИТЕЛЕ ПО ЖИЗНИ

В.А. Космач, г. Витебск (Республика Беларусь)

Статья посвящена доктору исторических наук, профессору Г.А. Космачу – известному белорусскому историку-германисту, много лет проработавшему в высшей школе (БГУ, БГПУ имени М. Танка) и оставившему богатое наследие в области исторической германистики, преподавания истории в высшей и средней школах, в научной и преподавательской деятельности. Статья основана на домашних архивах, личных воспоминаниях автора и оценках коллег-историков профессора Г.А. Космача.

Ключевые слова: семья, школа, история, историческая германистика, новая и новейшая история, высшая школа, историческая наука.

Духовным наставником по жизни, добрым советчиком и примером в преподавательской и научно-исследовательской работе для меня был и остается родной брат **Геннадий Аркадьевич Космач** – доктор исторических наук, профессор, известный белорусский историк и ученый-германист, имя и труды которого известны не только в Беларуси, но и в Германии и России.

Гена проявил интерес и способность к общественным наукам еще в школе, Марковской средней школе, в которой он учился все 10 классов и окончил в 1970 году. Сохранилась школьная характеристика Гены и две грамоты, которыми он был отмечен на выпуске в 1970 году.

Свой путь в историческую науку, которой Геннадий Аркадьевич занимался и был предан 40 лет, он начал с исторического факультета Белорусского государственного университета в 1971 году (окончил в 1976 г.). Профессора **Григорий Маркович Трухнов** и **Лев Израилевич Гинцберг** – его учителя и наставники.

С октября 2004 года и до ухода из жизни в возрасте 63 лет в июле 2016 г. профессор Геннадий Аркадьевич Космач возглавлял кафедру

новой и новейшей истории Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка в г. Минске. Вместе со своим учителем, профессором Г.М. Трухановым профессор Г.А. Космач стоял у истоков основания и деятельности новой научной школы в Беларуси – научной школы белорусской германистики (с 1980-х гг.). В БГПИ имени М. Танка он много лет руководил научно-педагогической школой актуальных проблем истории Германии, германского вопроса и международных отношений. Автор 128 печатных работ, в числе которых 82 научные работы (монографии и статьи). Под научным руководством проф. Г.А. Космача два соискателя защитили докторские диссертации и 15 исследователей стали кандидатами исторических наук. Многие учителя и школьники хорошо знают учебники проф. Г.А. Космача по «Всемирной истории новейшего времени» для 9–11 классов общеобразовательных школ Беларуси.

В ноябре 2007 года тогдашний министр образования Республики Беларусь **А.М. Радьков** вручил Геннадию Аркадьевичу нагрудный знак «Отличник образования». Произошло это в первый день работы Первого съезда ученых Беларуси¹.

В том же 2007 году фамилия профессора Г.А. Космача вошла в биобиблиографический справочник **«Историки Беларуси в начале XXI столетия»²: «КОСМАЧ Геннадий Аркадьевич.**

Родился 7 июля 1953 г. в д. Асташки Молодечненского р-на Минской обл. в крестьянской семье. В 1976 г. окончил исторический факультет БГУ. Обучался в аспирантуре БГУ (1976–1979). На формирование исторического мировоззрения большое влияние оказали М.Г. Елисеев, В.С. Кошелев, Г.М. Трухнов, Л.М. Шнеерсон. В 1979 г. защитил кандидатскую диссертацию «Коммунистическая партия Австрии в борьбе против реакции и фашизма в период частичной стабилизации капитализма» (науч. рук. – профессор Г.М. Трухнов). В 1990 г. защитил докторскую диссертацию «Рабочий класс в политике правящих буржуазных партий Веймарской Германии. 1924–1929 гг.». Профессор (1992). Находился в творческом отпуске для подготовки докторской диссертации (1987–1989). С 1993 г. – заведующий кафедрой всеобщей истории, с 2004 г. – кафедрой новой и новейшей истории Белорусского государственного педагогического университета им. М. Танка.

Награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Республики Беларусь (1996).

Научные интересы: новейшая история Германии, советско-германские отношения, история политических партий Веймарской республики. Автор более 70 работ.

Основные публикации: Кризис германского либерализма в годы Веймарской республики. – Мн., 1989; Трагедия кумиров революции. Политические портреты Бухарина, Рыкова и Троцкого. – Мн., 1994; Рабочий класс в политике правящих партий Веймарской Германии в 1924–1929 гг. – Мн., 2003; Идеологическая борьба правящих партий Веймарской Германии

¹ См.: Настаўніцкая газета. 2007. № 144, 3 лістапада. С. 1.

² См.: Корзенко Г.В. Историки Беларуси в начале XXI столетия: биобибл. справочник. Мн., 2007. С. 188–189.

против СДПГ и КППГ в 1919–1932 гг. – Мн., 1989; Кризис правящих буржуазных партий Веймарской Германии в 1927–1930 гг. – Мн., 1990; Всемирная история новейшего времени: учеб. пособ. – Кн. I, II. – Мн., 1993; Всемирная история новейшего времени: 1918–1945 гг.: учеб. пособ. – Мн., 2005; Всемирная история новейшего времени: 1945–2005 гг.: учеб. пособ. для 9-го кл. – Мн., 2006; Германский либерализм и Ноябрьская революция // Ежегодник германской истории. – М., 1988; Национал-большевизм в Германии и советско-германские отношения в 1919–1923 гг. // Россия и Германия. – М., 1998; Начало политической карьеры В. Кубе в первые годы Веймарской республики (1919–1923) // Актуальные проблемы новой и новейшей истории Европы и США. – Мн., 2005; Борьба В. Кубе против веймарской демократии в Германии (осень 1923–лето 1925 гг.) // Актуальные проблемы новой и новейшей истории Европы и США. – Мн., 2005; Борьба В. Кубе против Веймарской республики, вступление в НСДАП (лето 1925 – май 1928 гг.) // Актуальные проблемы новой и новейшей истории Европы и США. – Мн., 2005».

21–22 июня 2018 г. на историческом факультете Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка прошла Международная научная конференция **«Историческая германистика: актуальные проблемы современных исследований»**. Мероприятие было приурочено к 65-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Геннадия Аркадьевича Космача. Конференция была организована по инициативе декана исторического факультета БГПУ А.В. Касовича, декана исторического факультета ВГУ имени П.М. Машерова В.А. Космача, доцентов исторического факультета БГПУ А.Ф. Великого и И.И. Ковяко. В памятной встрече приняли участие коллеги, ученики и друзья выдающегося белорусского германиста, ученые Беларуси, России и Украины.

Открывая конференцию, декан исторического факультета БГПУ имени М. Танка, кандидат исторических наук, доцент **А.В. Касович** сказал³:

«7 июля 2018 г. исполнилось бы 65 лет Геннадию Аркадьевичу Космачу – известному белорусскому ученому-германисту, доктору исторических наук, профессору. Как ученый Г.А. Космач сформировался благодаря своим личным качествам – трудолюбию, усердию и преданности исторической науке. Научные работы Г.А. Космача в конце 1980–1990-х гг. выдвинули его в ряд ведущих германистов не только в Беларуси, но и в Российской Федерации. Как никто другой, Геннадий Аркадьевич поддерживал научные и личные контакты со многими зарубежными учеными. Высокий авторитет профессора Г.А. Космача среди российских коллег подтверждает тот факт, что он был включен в состав совета Центра германских исторических исследований Института всеобщей истории Российской академии наук. Работы Г.А. Космача всегда отличала научная глубина, широкая источниковедческая база, оригинальность постановки проблем и способов их решения.

³ Цит. по: Историческая германистика: актуальные проблемы современных исследований: сб. науч. ст. и материалов / сост.: А.В. Касович, В.А. Космач, А.Ф. Великий, И.И. Ковяко. Псков, 2018. С. 5–6.

Ученики и коллеги ценили Г.А. Космача за его организаторские способности, основательность и результативность в работе, широту научных интересов и оригинальность идей, трудолюбие и ответственность.

Г.А. Космач является основателем современной белорусской школы германских исторических исследований. Под его научным руководством были защищены 15 кандидатских и 2 докторские диссертации. Им было опубликовано более 120 научных работ, которые не утратили своей научной значимости и ценности до настоящего времени. Научный авторитет Г.А. Космача позволил ему на протяжении многих лет являться председателем ученого совета по защите диссертаций при БГПУ и членом ученого совета по защите диссертаций при БГУ.

Научно-исследовательскую работу Геннадий Аркадьевич успешно сочетал с педагогической деятельностью. С 1979 года по 2016 год он работал на историческом факультете Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка. С 1991 года занимал должность профессора кафедры всеобщей истории БГПУ, в 1992 году получил звание профессора. В 1993–2015 годах он заведовал кафедрой всеобщей истории, а затем – кафедрой новой и новейшей истории. Работая в ведущем педагогическом вузе Республики Беларусь он много сил, времени, своих интеллектуальных усилий отдавал школе. Учителя высоко оценивали его методический талант, выразившийся в написании ряда учебных и учебно-методических пособий для учреждений образования нашей страны.

Требовательный к себе и другим, принципиальный в вопросах науки Г.А. Космач, в то же время, являлся глубоко отзывчивым и душевным человеком, приходившим на помощь своим коллегам в различных житейских ситуациях.

Г.А. Космач ушел из жизни в расцвете творческих сил. Многое из задуманного и планируемого он не успел осуществить. Однако его многочисленные и благодарные ученики и коллеги продолжают работать, развивая различные направления исследований в области германистики. Светлая память о Геннадии Аркадьевиче навсегда останется в памяти его учеников, коллег, друзей, родных и близких».

Г.А. Космач по праву считается одним из основоположников отечественной **школы германских исторических исследований**. На протяжении 1990–2000-х гг. он являлся бессменным руководителем кафедры новой и новейшей истории БГПУ. За эти годы под его научным руководством были выполнены 4 фундаментальных научных проекта по новейшей истории Германии и германского вопроса, защищены 15 кандидатских и 2 докторские диссертации, опубликовано большое количество научных работ как в Беларуси, так и за рубежом. Геннадий Аркадьевич стоял у истоков создания национальной концепции школьного исторического образования, являлся автором нескольких поколений школьных учебников по всемирной истории. При его непосредственном участии были разработаны многочисленные учебно-методические и вспомогательные пособия для учителей и учащихся: хрестоматии, рабочие тетради, карты, атласы и др. Немало времени профессор Г.А. Космач уделял вопросам высшего образования. Результаты его трудов воплотились в подготовке и издании учебных пособий по новейшей истории для студентов вузов.

Основными направлениями работы конференции стали научное и педагогическое наследие **Г.А. Космача**, историческая германистика, а также актуальные проблемы новой и новейшей истории. Участники смогли ознакомиться с докладами представителей Института Европы Российской академии наук, Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, Волгоградского государственного университета, Псковского государственного университета, а также столичных и региональных вузов Беларуси.

В ходе мероприятия прошла презентация последнего научного труда Г.А. Космача, над которым он усердно работал на протяжении многих лет. Монография «Вильгельм Кубе: из политической биографии палача белорусского народа до начала Второй мировой войны (1914–1939 гг.)» вышла в свет в Российской Федерации в 2018 г. и стала результатом систематизации и обобщения научных публикаций Г.А. Космача по теме⁴.

Особое место в выступлениях участников заняли воспоминания о Геннадии Аркадьевиче как о талантливом и дальновидном ученом и наставнике, отзывчивом и мудром руководителе, доброжелательном человеке, открытым для общения и восприимчивым к новым идеям. Отдельное место заняли воспоминания доктора исторических наук, профессора Вениамина Аркадьевича Космача о детстве и юности брата, о значении родительской любви и личного примера отца и матери в воспитании и становлении всесторонне развитого человека, готового к плодотворному труду длиной в жизнь. Некоторые из участников мероприятия поделились воспоминаниями о совместном студенческом прошлом, о том, как «закалялась сталь» будущего ученого в непростые годы учебы и жизни в общежитии, вдали от родных и семьи. Немало было сказано коллегами о титаническом труде по созданию первых в истории независимой Беларуси школьных учебников по истории. Темой отдельного разговора стал неоценимый вклад Геннадия Аркадьевича в разработку научной концепции новой экспозиции музея Великой Отечественной войны, над которой он работал в 2011–2013 гг.

Ко времени проведения конференции была подготовлена и издана памятная книга, в которую вошли научные доклады участников, воспоминания учеников, друзей, коллег, избранные фотографии, перечень опубликованных работ профессора Г.А. Космача, а также список диссертаций, защищенных под его научным руководством. В завершение мероприятия участники высказали пожелание продолжить добрую традицию и придать конференции статус биеннале, что позволило бы сделать ее площадкой регулярных встреч и консультаций историков-германистов Беларуси и зарубежья⁵.

Уделил внимание профессору Г.А. Космачу в связи с его уходом из жизни и такой авторитетный российский исторический журнал как **«Новая и новейшая история»**. В первом номере за 2017 год был опубликован отзыв в рубрике **«Памяти ушедших»**⁶:

⁴ См.: Ковяко И.И. Историческая германистика: памяти талантливого ученого и педагога // *Гісторыя і грамадазнаўства*. 2018. № 10(88). С. 65.

⁵ См.: Ковяко И.И. Историческая германистика: памяти талантливого ученого и педагога // *Гісторыя і грамадазнаўства*. 2018. № 10(88). С. 66.

⁶ См.: Новая и новейшая история. 2017. № 1.

«26 июля 2016 г. ушел из жизни доктор исторических наук, профессор Белорусского государственного педагогического университета (БГПУ), член-корр. Белорусской академии образования Геннадий Аркадьевич Космач.

Г.А. Космач родился 7 июля 1953 г. в Белоруссии, в д. Асташки Молодечненского района Минской области. В 1971 г. после окончания средней школы он поступил на исторический факультет Белорусского государственного университета (БГУ), который окончил в 1976 г. После обучения в аспирантуре БГУ Г.А. Космач в 1979 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему “Борьба Коммунистической партии Австрии против реакции и фашизма в 1920-х годах”.

С 1979 г. вся жизнь историка была связана с БГПУ, где он преподавал. В 1990 г. в Институте всеобщей истории АН СССР Геннадий Аркадьевич защитил докторскую диссертацию на тему “Рабочий класс в политике правящих партий Веймарской Германии в 1924–1929 гг.” С 1991 г. Геннадий Аркадьевич занимал должность профессора кафедры всеобщей истории БГПУ, в 1992 г. получил звание профессора. В 1993–2004 гг. Геннадий Аркадьевич заведовал кафедрой всеобщей истории, в 2004–2015 гг. – кафедрой новой и новейшей истории БГПУ.

Сферой научных интересов историка были германистика, история международных отношений и методика преподавания истории. Им было создано более 140 научных работ, среди которых 3 монографии и ряд учебных пособий для вузов и средних школ Республики Беларусь.

Г.А. Космач был одним из основателей белорусской школы германских исторических исследований, входил в совет Центра германских исторических исследований Института всеобщей истории РАН, был членом научно-методического совета Министерства образования Республики Беларусь.

Г.А. Космач являлся председателем ученого совета по защите диссертаций при БГПУ и членом ученого совета по защите диссертаций при БГУ. Под его руководством защищено 17 кандидатских и 2 докторские диссертации.

Геннадий Аркадьевич был награжден знаком “Отличник образования” и почетными грамотами Президиума Верховного Совета Республики Беларусь и Министерства образования Республики Беларусь.

Светлая память о Г.А. Космаче останется в сердцах его родных, друзей, коллег и учеников».

11 сентября 2016 г. в «Брестской газете» была опубликована статья доктора исторических наук, профессора **М. Стрельца** о Г.А. Космаче под названием **«Геннадий Космач был гордостью нашей страны»**, в которой Михаил Васильевич отметил, что профессор Г.А. Космач как видный ученый был «высоко оценен авторитетными зарубежными германистами. Он был членом Совета Центра германских исследований Института всеобщей истории Российской академии наук. Именно там белорусский специалист в 37-летнем возрасте защитил докторскую диссертацию, что было редкостью в советское время.

На труды данного специалиста ссылаются российские, польские, украинские, литовские, германские исследователи.

Важно иметь в виду, что германистика – не единственное направление, на котором был сконцентрирован профессор. У него имелись также интересные работы по советской истории. Среди учеников профессора есть известные американисты, англоведы, востоковеды.

Много времени у Геннадия Космача отнимали членство в совете исторического факультета БГПУ, в советах по защите диссертаций, в научно-методическом совете Министерства образования Республики Беларусь, причастность к подготовке учебно-методической продукции для средних школ. И везде ученый проявил себя блестяще»⁷.

23 июля 1996 г. проф. **Г.А. Космач** был награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Республики Беларусь «за многолетнюю плодотворную научно-педагогическую деятельность»; 22 октября 2002 г. – Почетной грамотой Минского городского Совета депутатов «за многолетнюю плодотворную педагогическую деятельность в системе образования и в связи с 80-летием со дня основания УО «БГПУ им. М. Танка»; 5 июля 2014 г. – Почетной грамотой Министерства образования Республики Беларусь «за добросовестный плодотворный труд, значительный личный вклад в подготовку высококвалифицированных специалистов и в связи с 60-летием со дня рождения».

Свое 60-летие Геннадий Аркадьевич встречал в кругу семьи, родственников, друзей, коллег и учеников. Он был полон сил, энергии, планов на будущее в исторической науке и преподавательской деятельности. Через три года, 27 июля 2016 г. его не стало. Гена был и останется для меня на всю оставшуюся жизнь не только близким по духу родным братом, но и самым большим авторитетом во всем.

В моих семейных архивах сохранилось **благодарственное письмо** секретаря комитета комсомола исторического факультета БГУ в адрес наших с Геней родителей, Аркадия Степановича и Нины Григорьевны Космачей, в котором говорится: «Уважаемые Аркадий Степанович и Нина Григорьевна! Комсомольская организация исторического факультета БГУ имени В.И. Ленина благодарит Вас за хорошее воспитание сына. За время учебы в БГУ Ваш сын проявил себя как способный, думающий студент, успешно сочетающий отличную учебу с активностью в общественной жизни факультета. Вы можете гордиться им. Желаем Вам крепкого здоровья, успехов в работе. С уважением к Вам: секретарь комитета комсомола Жвалевская». Через три года коллегия ВАК СССР (г. Москва), 22 августа 1979 г., своим решением (протокол 31К/51) присвоила Г.А. Космачу ученую степень кандидата исторических наук. На тот момент Геннадию Аркадьевичу было 26 лет. Тогда он был одним из самых молодых историков-германистов с ученой степенью кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 – всеобщая история не только в Беларуси, но и во всем Советском Союзе. Начинался путь в «большую науку» и самостоятельную преподавательскую работу со студентами в БГУ и БГПУ в Минске.

⁷ См.: Стрелец М. Геннадий Космач был гордостью нашей страны // Брестская газета. 2016. 11 сентября.

ГРАМОТА

Дирекция школы, партийная организация и комитет комсомола Марковской СШ награждает комсомольца КОСМАЧА ГЕННАДИЯ за активное участие в комсомольской работе и общественной жизни школы.

Директор школы: *Хорош* /Дорох Н.К./

Секретарь парторганизации: *Назаренко* /Назаренко Л.С./

Секретарь комсомольской орг.: *Шарак* /Шарак В./

11 апреля 1970 года.

Характеристика
выпускника Марковской средней
школы Молодечненского района,
Минской области

Космач Геннадия Аркадьевича,
члена ВЛКСМ, 1953 г. рождения.

Космач Геннадий в течение всей
учёбы в школе занимался хорошо.
Ученик способный, внимательный,
трудолюбивый. Он имеет широкий
круг знаний по предметам. От-
веты его отличались точностью
и конкретностью. Особенно увле-
кался гуманитарными науками.

Интересовался философскими ра-
ботами Маркса, Энгельса, Ленина.
Многие из них переработал, со-
ставлял конспекты, рефераты.

Прочитал много произведений ху-
дожественной литературы, научно-
популярной. Ученик внимательно
следил за общественной жизнью
в нашей стране и за рубежом,
всегда был в курсе происходящих
событий.

Геннадий — хороший обществен-
ник. Он был ответственным за

политическую литературу в ленинской библиотеке в школе, входит в состав комиссии, принимавшей ленинский зачет, был экскурсоводом школьного музея В. И. Ленина, являлся лектором по проведению тематических бесед в школе. Награжден грамотой райкома комсомола за общественную работу в школе в связи с празднованием 100-летия со дня рождения В. И. Ленина.

Большая любовь к урокам труда и физкультуры, участвовал в соревнованиях на первенство района, выполнил II взрослый разряд по лыжам.

Ученик спокойный, уравновешенный, внимательный в обращении с учителями и взрослыми, дорожит именем коллектива.

29-й-70г.

Кл. руководит: *В. И. Ленин*

Директор школы: *Уфимин*

Секретарь школьной комсомольской организации: *Северин*

ВЗ

Северин

В. И. Ленин
Северин

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ГРАМОТА

Уважаемые - Космач Нина Григорьевна и
Аркадий Степанович !

Педагогический коллектив ,партийная,
профсоюзная и комсомольская организации
Марковской СШ выносят Вам благодарность
за примерное воспитание детей и надеются,
что Вы воспитаετε достойных строителей
коммунизма.

Директор школы: *Харитон* /Дорох Н.К./

Секретарь парт-
организации: *МН* /Назаренко Л.С./

Председатель
месткома: *Семашкевич* /Семашкевич И.С./

4 февраля 1970 года.

ПРАЦАЙ

СЛАЎНЫ

ЧАЛАВЕК

ПАДЗЯЧНАЕ ПІСЬМО

Нине Григорьевне и Аркадию Степановичу Космачам

Марковский сельский Совет ветеранов войны и труда, сельский Совет депутатов, коллектив народного ансамбля "Марковчанка", выражают Вам, уважаемые Нина Григорьевна и Аркадий Степанович, большую благодарность за многолетний добросовестный труд на всех участках работы: и в школе, на строительстве и на колхозных полях и в своем личном хозяйстве.

Большое Вам спасибо за воспитание своих детей. Вы дали стране, обществу двух сыновей: Геннадия и Вениамина, которые стали учеными исторических наук Минского и Витебского педагогических университетов. Вы помогали растить и воспитывать замечательных внуков, которые будут достойны своих родителей, бабушки и дедушки.

С радостью отмечаем Вас с замечательным событием в вашей жизни - золотым юбилеем. Дорovsky Вам, благополучия на долгие годы.

Председатель Совета ветеранов войны и труда *Космач* К.К.Дорох

Председатель сельского Совета *В.М.Бычок* В.М.Бычок

Руководитель ансамбля "Марковчанка" *В.Н.Зигунова* В.Н.Зигунова

ПРА БРАТОЎ КОСМАЧАЎ, ВЁСКУ ТАЛУІ І НАШЫХ НАСТАЎНІКАЎ

У.Е. Снапкоўскі, г. Мінск (Рэспубліка Беларусь)

У артыкуле аўтар дзеліцца сваімі ўспамінамі аб братах Генадзе і Веніаміне Космачах, знаёмстве з імі, сяброўстве і сумесным навучанні з Генам на гістарычным факультэце БДУ (1971–1976). Апісваецца шлях у навуку, выбар тэматыкі даследаванняў і навуковых кіраўнікоў. Характарызуецца вехі навуковай біяграфіі Г.А. і В.А.Космачаў, іх дасягненні ў галіне германістыкі. Адзначаецца вельмі важны і цікавы паварот В.Космача да тэматыкі рэгіянальнай гісторыі і краязнаўства, што адлюстравана ў яго манаграфіі пра родную вёску Талуі Маладзечанскага раёна Мінскай вобласці. Даюцца характарыстыкі любімых універсітэцкіх выкладчыкаў, якія аказалі глыбокі ўплыў на далейшы лёс братаў Космачаў і аўтара, у выніку чаго ўсе ўтраіх пазней сталі прафесарамі.

Ключавыя словы: біяграфіі гісторыкаў; аўтабіяграфія; гістарычны факультэт БДУ; беларуская гістарыяграфія.

З Генам Космачам я пазнаёміўся і потым блізка сыйшоўся на першым курсе гістарычнага факультэта БДУ, куды паступіў у 1971 г. Мы апынуліся ў адной групе, дзе Гена стаў выдзяляцца добрымі адказамі на семінарскіх званятках. У кабінёце Гісторыі КПСС (на пятым паверсе галоўнага корпуса БДУ) я часта заўважаў постаць схіленага над кнігамі майго аднагрупніка, які старанна канспекціраваў працы класікаў марксізма-ленінізма. Тым жа самым займаўся і я. Сталі вывучаць К. Маркса, Ф. Энгельса і У.І. Леніна разам.

З трэцяга курса мы з Генам сталі жыць у адным утульным пакоі на другім паверсе (комната № 49) у інтэрнаце на вул. Свядлова, 34, дзе нас было пяць чалавек (Гена Космач, Толя Шутко, Вася Асіпёнак, Віця Цярэшка і я). Я быў самы малодшы, паступіўшы ва ўніверсітэт адразу пасля школы. Гена выдзяляўся мэтанакіраванасцю і цвёрдасцю характара. Быў старэйшы за мяне на год, паступіўшы ў БДУ з другога захода. Пасля няўдачы з першым паступленнем на філасофскае аддзяленне гістафаку БДУ працаваў у роднай школе, добра падрыхтаваўся да ўступных экзаменаў і іх паспяхова здаў. За вучобу Гена ўзяўся без раскачкі, вучыўся выдатна і атрымаў чырвоны дыплом. Я цягнуся за ім, але два першых курса быў “харашыстам”, атрымліваючы чацвёркі і пяцёркі. На 3-м курсе дзякуючы рэгулярнай працы з вучэбнай і навуковай літаратурай мы з Генам ужо шмат што ведалі, калі можна так сказаць пра неабсяжны працэс пазнання, і выдзяляліся сярод іншых студэнтаў. Мае адзнакі пайшлі ўверх і я стаў амаль што выдатнікам, хаця чырвонага дыплама не атрымаў.

У працэсе навучання і авалодвання гістарычнымі ведамі мы з Генам ішлі рознымі шляхамі, дапаўняючы адзін аднаго. Ён з уласцівай яму сялянскай практычнасцю і прагматызмам мэтанакіравана ішоў ўглыб, што праяўлялася ў глыбокім веданні нямецкай мовы на перакладчыцкім узроўні і грунтоўнай даследчыцкай распрацоўцы тэмы дыпломнай працы на падставе нямецкамоўнай літаратуры і дакументаў. На 4–5-х курсах ён

ужо працаваў з літаратурай спецфондаў бібліятэкі БДУ і Дзяржаўнай бібліятэкі БССР і пазнаёміў мяне з загадчыцай чытальнай залы Ленінкі, куды я канечне доступу не меў, але зазірнуць на паліцы схаваных у спецхране кніг было вельмі цікава. Гена меў акрэсленую мэту стаць вучоным, хаця мне аб гэтым не казаў, і ўпэўнена ішоў па выбранаму шляху.

Я такой мэты ў студэнцкія гады не меў і не думаў неяк сур'ёзна над сваёй будучыняй. Захапляўся навейшай гісторыяй, філасофіяй, мастацкай гістарычнай прозай, прыгожым пісьменствам. Чытаў шмат, але больш несістэмна. Калі Гена ішоў углыб, то я пашыраў свае веды з розных гуманітарных дысцыплін. Магчыма, гэта не было апраўдана і шмат часу было згублена напэўна дарэмна, аднак і тады, і ў будучым выпрацаваны шырокі погляд на гуманітарыстыку, любоў хадзіць паміж бібліятэчных паліц, гартаць кнігі і чытаць энцыклапедыі дапамагалі хутка арыентавацца ў акіяне навуковай літаратуры [9, с. 347].

Пасля заканчэння ўніверсітэта Гену пакінулі ў БДУ, я паехаў па размеркаванні ў вёску Пальмінка Гарадоцкага раёна Віцебскай вобласці ў сярэднюю школу настаўнікам гісторыі і грамадазнаўства. Аднак родная кафедра новай і навейшай гісторыі дала мне рэкамендацыю ў аспірантуру, якую здавалася немагчыма было выкарыстаць, паколькі трэба было адпрацаваць два гады па размеркаванні. Дзякуючы шчасліваму збегу абставін, выдатным адзнакам пры паступленні ў аспірантуру Інстытута гісторыі АН БССР і дапамозе добрых людзей (загадчыка сектара гісторыі еўрапейскіх сацыялістычных краін Васіля Сямёнавіча Талстога і навуковай супрацоўніцы сектара Марыі Георгіеўны Крэканэ), пра што я заўсёды памятую, у лістападзе 1976 г. я быў залічаны ў аспірантуру. Пачаўся новы, пасля-ўніверсітэцкі перыяд маіх адносін з Генам Космачам.

Вольны час мы праводзілі не толькі ў працы з кнігамі і канспектамі. Утраіх разам з Генам і Толям Шутко любілі хадзіць у Купалаўскі тэатр, дзе перагледзілі амаль увесь рэпертуар, наведвалі часам Рускі тэатр і кіно, хадзілі парыцца ў лазню на Мар'еўскай. З Лёням Жыхарам я часам хадзіў на футбол на "Дынама", якое было побач, ці глядзеў спартыўныя перадачы па тэлевізары. Утраіх хадзілі на танцы, што праходзілі як у галоўным корпусе, так і ў нашым інтэрнаце. На 5-м курсе падчас адной з такіх вечарынак Толя пазнаёміў нас са студэнткай 3-га курса Тамарай Скачко, вясёлай і адкрытай дзяўчынкай, якая запала ў душу Геню. Яны пачалі сустрэчацца і паміж імі ўзнікла трывалыя адносіны, пра што аднак я ўзнаў пазней. Яны хутка ажаніліся, але гэты першы шлюб Гены аказаўся недаўгавечным. Пра Тамару хацеў бы тут сказаць асобна, ніякім чынам не закранаючы маёй светлай памяці пра Гену. Яна адыграла выключна важную ролю і ў маім жыцці, калі пазнаёміла мяне ўвёсню 1980 г. з маёй будучай жонкай Святланай, з якой яна разам працавала ў Мінскім медыцынскім вучылішчы. Мы з удзячнасцю запрасілі яе на сваё вяселле ў кастрычніку таго ж года. Са Святланай мы жывем у шчаслівым шлюбе маючы двух сыноў. На жаль пра далейшы лёс Тамары мне невядома.

На старэйшых курсах Гена пазнаёміў мяне са сваім малодшым братам Веняй, які таксама палюбіў гісторыю і цягнуўся да навукі. Знаёмства адбылося ля будынку Дзяржаўнай бібліятэкі, потым разам з Генам мы пайшлі ў чытальную залу, а Веня, як памяту, накіраваўся ў абласную бібліятэку імя А.Пушкіна. Ён таксама выдатна вучыўся ў школе, дасканаліў веданне нямецкай мовай і рыхтаваўся ісці па слядах старшага брата ў даследаванні навейшай германскай гісторыі. Ён паступіў на гістарычны факультэт БДУ ў 1977 г., пад кіраўніцтвам праф. Г.Трухнова стаў вывучаць савецка-германскія адносіны і знешнюю культурную палітыку веймарскай Германіі, па якіх напісаў выдатную дыпломную працу, а потым абараніў кандыдацкую і доктарскую дысертацыі. Веня аказаўся і маім студэнтам, калі я пачаў ў 1980/81 навучальным годзе выкладчыцкую працу па кафедры новай і навейшай гісторыі. Сярод іншых студэнтаў памяту Віктара Шадурскага, з якім пазней працаваў на факультэце міжнародных адносін БДУ, цяперашніх выкладчыкаў гістарычнага факультэта --Сяргея Ходзіна, Алега Перзашкевіча, Міхаіла Даўгялу, Тадэвуша Наваградскага і некаторых іншых.

Пасля заканчэння БДУ Веня апрацаваў тры гады сельскім настаўнікам у школе, завочна закончыў аспірантуру і абараніў кандыдацкую дысертацыю, ажаніўся са сваёй аднакурсніцай і пераехаў працаваць у яе і мой родны горад Віцебск. У Віцебскім медыцынскім інстытуце (пазней універсітэце) стаў расцвітаць яго талент вучонага і выкладчыка. Працягваў займацца даследаваннем знешняй палітыкі Германіі ў міжваенныя часы, скончыўшы завочна дактарантуру пры Інстытуце ўсеагульнай гісторыі АН СССР (цяпер РАН), дзе ў 1995 г. абараніў доктарскую дысертацыю. Прыходзіў і да нашай кафедры міжнародных адносін БДУ, дзе мы дапамагалі добрымі водгукамі і кансультацыямі.

Шлях у вышэйшую школу да вяршын гістарычнай адукацыі, а потым у навуку да атрымання найвышэйшых ступенняў і званняў дактароў гістарычных навукі прафесараў для Генадзя і Веніаміна Космачаў быў у значнай меры падобны і адбываўся на маіх вачах. Гэта выдатная вучоба ва ўніверсітэце і спецыялізацыя па кафедры новай і навейшай гісторыі пад кіраўніцтвам праф. Г.М.Трухнова. Потым аспірантура пры БДУ і паспяхова абарона кандыдацкай дысертацыі па навейшай гісторыі Аўстрыі (у Гені) і Германіі (у Вені) пад кіраўніцтвам Г.М.Трухнова. Наступны крок па падрыхтоўцы доктарскіх дысертацый ужо давялося рабіць у дактарантуры ў Маскве пры Інстытуце ўсеагульнай гісторыі АН СССР, дзе была мацнейшая ў саюзе школа германістаў. Гена абараніў доктарскую працу ў 1990 г., праз пяць год гэта зрабіў малодшы брат.

Пры сустрэчах з Генам мы абменьваліся сваімі пошукамі, знаходкамі і дасягненнямі. Мая кандыдацкая дысертацыя была прысвечана таксама германскай тэматыцы, але ўжо пасляваеннай і амаль што сучаснай: адносінам паміж ГДР і ФРГ ў 1970-я гады. Аспірантуру я праходзіў у Інстытуце гісторыі АН БССР, а навуковым кіраўніком мне прызначылі вядомага савецкага германіста, выхадца з Беларусі (з-пад Оршы), прафесара Акадэміі грамадскіх навук пры ЦК КПСС В.Ц.Фаміна. Доктароў навук па сучаснай германскай

гісторыі ў Беларусі не было і загадчык сектара В.Талстой, маючы ранейшыя сувязі з вядомым земляком у Маскве, прапанаваў яму аспіранта. І гэта адбылося, як памятую, пасля абароны ў спецсавеце БДУ доктарскай дысертацыі Д.С.Клімоўскага, дзе В.Фамін выступаў афіцыйным апанентам. У 1977 г. упершыню паехаў у камандзіроўку ў Маскву, дзе пазнаёміўся з навуковым кіраўніком. Тады ж абралі і тэму кандыдацкай дысертацыі.

Яна была “навеяна” несумненным уплывам на мяне яшчэ адной неардынарнай асобы з ліку супрацоўнікаў кафедры новай і навейшай гісторыі – дацэнта, кандыдата гістарычных навук М.Г. Елісеева. Ён прачытаў на 4-м курсе спецкурс па адносінах паміж двума германскімі дзяржавамі, а ў 1975 г. выдаў манаграфію “Бонн і ГДР”. У наступныя гады Міхаіл Герасімавіч працягваў даследаванне гэтай тэмы, павярнуўшы яе да адлюстравання пазіцыі Свабоднай дэмакратычнай партыі ФРГ да ўсходняй палітыкі і асабліва да ГДР. У 1989 г. ён выдаў капітальную кнігу, якая цалкам адпавядала самым высокім стандартам доктарскай дысертацыі. Аднак спыненне існавання ГДР і яе далучэнне да Заходняй Германіі, а потым распад СССР кардынальна змянілі гістарычныя і палітыка-ідэалагічныя арыенціры і падыходы. М.Елісееў быў вымушаны адмовіцца ад планаў абароны доктарскай дысертацыі па абранай раней тэме. Хаця я лічу, што ён мог бы павярнуць тэму ў новым ключы. У тым жа 1989 г. манаграфію пра крах германскага лібералізму ў 1920-пачатку 30-х гг. апублікаваў Г.Космач. На кнігі М.Елісеева і Г.Космача я адрэагаваў рэцэнзіяй пра сутнасць і асаблівасці германскага лібералізму ў даваенныя і пасляваенныя часы, дзе сказаў добрыя і адпаведныя зместу гэтых прац словы ў адрас сябра і настаўніка [10].

Нашы (братоў Космачаў і мае) паездкі ў Маскву былі абумоўлены наяўнасцю там навуковага кіраўніка (для мяне) і пазней навуковых кансультантаў для ўсіх нас траіх па доктарскіх дысертацыях, існаваннем у сталіцы моцных навуковых цэнтраў і канешне канцэнтрацыяй у маскоўскіх бібліятэках гістарычных крыніц і навуковай літаратуры. Але трэба адзначыць, што па міжваеннай германскай гісторыі і па міжнародных адносінах у Еўропе ў пасляваенны перыяд нядрэнная падборка замежнай, асабліва нямецкамоўнай літаратуры была ў Мінску ў Дзяржаўнай (зараз Нацыянальнай бібліятэцы) і Бібліятэцы Акадэміі навук. Я гэтымі крыніцамі актыўна карыстаўся. Добра працаваў тады міжбібліятэчны абанемент, дзякуючы якому атрымліваў кнігі з Масквы, ГДР і нават з ФРГ. Гена трапіў у савецкія архівы і паказаў нам з Веняй туды дарогу. Так для мяне былі адкрыты Архіў знешняй палітыкі СССР і Цэнтральны ваенны гістарычны архіў. Пазней у 1990-я і пачату 2000-х гг. да іх далучыліся іншыя расійскія архівы.

Веня успамінае: “Мы с Геннадием часто бывали в Москве, работали там в архивах, днями пропадали в “историчке” –Государственной публичной исторической библиотеке. Недалеко от Старой площади и Кремля. Перечитали и законспектировали огромное количество документального материала, Ну, и конечно же, незабываемые встречи с коллегами-

историками в Москве, а также на многочисленных научных конференциях по всему СССР, после 1991 г. – по всей России” [1, с. 206].

Пасля дасягнення вяршын навукі, атрымання высокіх ступеняў і званняў, універсітэцкіх пасадаў (Гена больш за 20 гадоў загадваў кафедрай у БДПУ імя М.Танка, Веня працяглы час быў дэканам і загадчыкам кафедры ў Віцебскім дзяржаўным універсітэце), публікацыі манаграфій і падручнікаў надыйшоў час вяртання да малай Радзімы. Па словах Вені, Гена даўно яго падштурхоўваў да напісання гісторыі іх роднай вёскі Талуі, рода Космачаў і іх сям’і. Праца пачалася ў Маскве ў Дзяржаўнай гістарычнай бібліятэцы. У перапынках паміж вывучэннем пратаколаў германскага рэйхстага з цяжкім гатычным шрыфтам Веня стаў чытаць для разрадкі літаратуру пра гісторыю роднага краю – Віленскай губерні, Ашмянскага, Маладзечненскага, Вілейскага і іншых павеатаў, Маркаўскага сельскага савета і непасрэдна роднай вёскі Талуі, якой у 2016 г. споўнілася 400 год.

Калі меркаваць па той капітальнай працы, якую выдаў В. Космач у 2022 г., яе аўтар прааналізаваў шмат разнастайных гістарычных крыніц і навуковай, даведачна-энцыклапедычнай літаратуры. А межы даследавання ахопліваюць XVII – пачатак XXI ст. Сярод крыніц вядзяюцца статыстычныя матэрыялы часоў Расійскай імперыі і СССР, дакументы Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі, кнігі з серыі “Памяць”, даведнікі і энцыклапедыі, гістарычныя даследаванні, інтэрнет-крыніцы. У кнізе шмат архіўных дакументаў, картаграфічных матэрыялаў, успамінаў, фотаздымкаў. У 11 главах апісваецца гісторыя вёскі Талуі, а таксама Маркава і навакольных вёсак і пасяленняў, паходжанне фаміліі Космачаў і лёс яе носьбітаў. Асобная ўвага надазена бацькам, бацькоўскаму дому і блізкім сваякам. Сваім бацькам – Ніне Рыгораўне і Аркадзю Сцяпанавічу і брату Генадзю аўтар пасвяціў сваю кнігу. У апошняй главе “З сямейнага архіва” змешчаны фотаздымкі, дзе я знайшоў і памятныя і на жаль рэдкія для мяне і нас адбіткі са студэнцкага жыцця ў Мінску [1]. Іх малавата, Гена не вельмі любіў фатаграфавання, лічыў гэта непатрэбнай рэччу, таму выпускнога здымку ў нас няма.

Прэзентацыя кнігі з удзелам аўтара адбылася ў Маркаўскім сельскім Доме культуры ў кастрычніку 2022 г. Вядомага беларускага гісторыка і свайго земляка цёпла віталі мясцовыя жыхары, краезнаўцы-даўнія сябры і кіраўніцтва сельсавета. У адказ на прапановы В.Космач паабяцаў пашырыць выданне і падрыхтаваць новую кнігу пра Маркава, вёску са статусам аграгарадка, вядомую з XIV ст. як валоданне караля і вялікага князя Казіміра Іў [2]. Вёска Талуі вядома дзякуючы старажытнаму вязу-старажылу, якому больш за два стагоддзі і з якога ў добрае надвор’е бачна тры гарады: Вілейку, Маладзечна і Смаргонь [3]. Пра гэты вяз мне казаў і студэнцкі сябар Лёня Жыхар, ураджэнец Мядзельшчыны. Талуёўскаму вязу і Талуям В. Космач прысвяціў заключныя радкі сваёй кнігі: “Часоў мінула шмат у вёсцы../А ён яднае ўсіх нас/Павагай да бацькоў і продкаў/-Славу ты Талуёўскі вяз!” [1, с. 338].

У жніўні 2022 г. у Віцебску Веня падарыў мне кнігу з цёплым надпісам у мой і жонкі Святланы адрас. Я з задавальненнем прыняў падарунак,

адзначыўшы, што Веня зрабіў вельмі важную справу як прафесійны гісторык і патрыёт. Пасля даследавання замежных дзяржаў і народаў надыйшла чарга аддаць даніну сваёй малай Радзіме, вёсцы, раёну, гораду, рэгіёну, увесці ў гістарычны дыскурс сваіх продкаў, сям'ю і блізкіх. Калі гэта робіць майстар сваёй справы, доктар гістарычных навук і прафесар, атрымліваецца прафесійная сага з жанру рэгіяналістыкі, краіназнаўства і сямейнай гісторыі. Нешта падобнае стварыў у 1989 г. вядомы беларускі і, па волі лёсу, расійскі гісторык Мікалай Улашчык сваёй кнігай “Была такая вёска” пра родную вёску Віцкаўшчыну (цяпер Дзяржынскі раён Мінскай вобласці) [12]. На прыкладзе яе жыхароў ён у гэтай кнізе і ранейшых публікацыях абвергнуў міф ці паўміф аб непісьменным і цёмным беларускім народзе, які знаходзіўся ў такім стане перад Кастрычніцкай рэвалюцыяй, што актыўна выкарыстоўвала савецкая гістарыяграфія [13]. У 1990-я гады гэта ненавуковае сцвяржэнне на падставе новых і раней вядомых гістарычных фактаў было адкінута беларускімі даследчыкамі па гісторыі адукацыі і педагогічнай думкі (С.В.Снапкоўская) [4, с. 12, 17, 25-26; 5, с. 122-126] і прынята сучаснай замежнай гістарыяграфіяй, у тым ліку польскай [6, с. 36-38].

В.Космач у кнізе пра Талуі не дае дадзеных пра ўзровень пісьменнасці мясцовых жыхароў у часы Расійскай імперыі і СССР, паколькі гэта не ўваходзіла ў даследчыя задачы. Аднак у статыстыцы і навуковай літаратуры гэта ўжо вядомыя лічбы на ўзроўні паветаў і губерняў. Па перапісе 1897 г. самы высокі ўзровень пісьменнасці ў Паўночна-Заходнім краі (беларукія паветы) мелі заходнія губерні Беларусі, сярод якіх на першым месцы ішла як раз Віленская губерня з паказчыкам 33,9%, апераджваючы сярэдні паказчык у 25,7%. На апошнім месцы ішла Магілёўская губерня – 21,8% [7, с. 36].

Сваёй кнігай пра Талуі і навакольныя вёскі В.Космач зрабіў важны паварот у даследчым полі, перайшоўшы ад усеагульнай да айчынай, нацыянальнай гісторыі, ад палітычнай гістарыяграфіі замежных дзяржаў (германістыкі) да краязнаўства, ад высокай, класічнай гісторыі да родных каранёў. Паварот у пэўнай ступені лагічны, выкліканы прафесійнай эвалюцыяй высокакваліфікаванага гісторыка і развіццём гістарычнай, нацыянальнай і грамадскай свядомасці грамадзяніна.

Пра Талуі ўпершыню пачуў ад Гены, які кожныя выходныя наведваў бацькоў у вёсцы. З дому ён прывозіў смачныя мясныя і малочныя вырабы, якімі нас частаваў. Гэта было сала, сальцісон, розныя вэндліны, сыр, тварог. Гена дапамагаў бацькам, у вёсцы набіраўся сіл і энергіі. Я с жонкай Святланай упершыню і ў апошні раз наведваў Талуі ў 1981 г., калі Гена запрасіў нас на сваё вяселле. Тады пазнаёміўся з бацькамі майго сябра, убачыў яго любімага настаўніка гісторыі, пра якога Гена часта ўспамінаў.

Некалькі слоў пра нашых універсітэцкіх настаўнікаў, пра што ўжо раней пісаў. Любоў да гісторыі прыйшла на трэцім курсе, калі лекцыі сталі чытаць выкладчыкі кафедры новай і навішай гісторыі, па якой мы з Генам сталі спецыялізавацца. З задавальненнем канспекціраваў лекцыі па першаму перыяду новай гісторыі краін Еўропы і Амерыкі маладога выкладчыка, кандыдата гістарычных навук В.І.Сініцы, які стаў маім

навуковым кіраўніком па курсавых і дыпломнай працах. Некаторыя яркія гістарычныя факты з яго лекцый мне вельмі дапамагалі ў працы з аўдыторыяй, у тым ліку з нямецкімі студэнтамі, калі стаў выкладчыкам. На 3-м курсе Вадзім Іванавіч прывёў мяне ў навуковую залю Дзяржаўнай бібліятэкі, дзе я пазнаёміўся са службовым каталогам бібліятэкі і мог заказваць у агульнай чытальнай залі дарэвалюцыйную літаратуру, патрэбную для дыпломнай працы. Бібліятэкі я палюбіў са школьных гадоў і калі хадзіў у бібліятэку Чыгуначнага раёна Віцебска, набіраў шмат кніжак на абанеменце, якія даваў чытаць вулічным сябрам і прыяцелям. Потым адкрыў абласную бібліятэку, куды хадзіў у чытальную залу, прыезджаючы на канікулы да бацькоў і пазней пасля ўніверсітэта. Генеральны службовы каталог Дзяржаўнай бібліятэкі адкрыў дзверы ў неабсяжны свет ведаў. Пасля знаёмства з ім быў вельмі ўзрушаны і доўга не мог заснуць у нашым інтэрнацкім пакоі. Зараз, калі праязджаю міма на машыне па крутым спуску па вуліцы Кірава з працы дамоў, успамінаю як В.І.Сініца адкрыў мне дзверы ў край навукі і ведаў.

Але сапраўднае захапленне адчуў ад лекцый загадчыка кафедры, прафесара Льва Міхайлавіча Шнеерсона, прысвечаных другому перыяду новай гісторыі краін Еўропы і Амерыкі. Пра гэта я напісаў у артыкуле аб лектарскім майстэрстве Л.М.Шнеерсона, гэтага выдатнага выкладчыка, вучонага і вельмі прыемнага чалавека, якога лічу сваім настаўнікам. Яго канспект лекцый, дзе ўсё запісана амаль слова ў слова, захоўваецца ў мяне па сённяшні дзень [8]. Мае пачуцці наконт выкладчыкаў падзяляў і Гена, які выбраў сябе навуковым кіраўніком прафесара Р. М. Трухнова.

На 4-м курсе да плеяды любімых выкладчыкаў далучыліся дацэнты кафедры новай і навейшай гісторыі Міхаіл Герасімавіч Елісееў і Данііл Сяргеевіч Клімоўскі. М.Елісееў прыцягваў да сябе моцнай энергетыкай, аратарскім майстэрствам, камунікабельнасцю і ўменнем працаваць са студэнтамі. Пасля 3-га курса Гена ў складзе групы студэнтаў, якую ўзначальваў М. Елісееў, ездзіў у ГДР, дзе пазнаёміўся з універсітэцкім жыццём і ўдасканаліў веды нямецкай мовы. Як ужо адзначаў, Міхаіл Герасімавіч займаўся адносінамі паміж дзвюма германскімі дзяржавамі і дзякуючы напэўна гэтаму я выбраў падобную тэматыку. Ён быў строгім і патрабавальным выкладчыкам, але Генам і мной апекаваўся як здольнымі студэнтамі і цікавіўся нашымі справамі, па неабходнасці дапамагаў. Пазней, пасля заканчэння ўніверсітэта ў мяне з ім склаліся добрыя, прыязныя адносіны, якія працягваліся аж да яго заўчаснага зыходу з жыцця ў 1997 г. [11].

Прафесар Р.М.Трухноў таксама быў неардынарнай асобай сярод выкладчыкаў кафедры і ўсяго гістарычнага факультэта, прыцягваючы да сябе адкрытасцю і ўласцівымі яму паводзінамі, асабліва абаронай сваіх пітомцаў, што пісалі пад яго кіраўніцтвам дыпломныя працы і дысертацыі. Памятаю, як на гэтай глебе загадчык кафедры Л. Шнеерсон стрымліваў і супакоіваў свайго сябра-калегу Р.Трухнова, які даволі рэзка выказаўся ў адрас сваіх вучняў Л.В.Лойкі і П.А.Шупляка за тое, што тыя, на яго думку, занадта крытычна выказваліся на адрас кандыдацкай дысертацыі яго аспіранткі, дарэчы жонкі

Геннадзя. У гэтым сэнсе Гена мог адчуваць сябе як за камяннай сцяной. Не ведаю, як Гена сышоўся з прафесарам, але тэму дыпломнай працы Рыгор Маркавіч яму выбраў з перспектывай, якая потым перарасла ў кандыдацкую дысертацыю пад яго ж кіраўніцтвам. На 4-м курсе дзякуючы рэгулярнай працы з вучэбнай і навуковай літаратурай мы з Генам ужо шмат што ведалі, калі можна так сказаць пра неабсяжны працэс пазнання, і выдзяляліся сярод іншых студэнтаў. Мае адзнакі пайшлі ўверх і я стаў амаль што выдатнікам, хаця чырвонага дыплама не атрымаў [9, с. 346].

На адным з семінарскіх заняткаў па навейшай гісторыі Германіі, калі мы разбіралі Баварскую савецкую рэспубліку 1919 г., Гена і я падрыхтавалі рэфераты на падставе спецыяльнай гістарычнай літаратуры, ад якіх праф. Трухноў аказаўся ў захапленні, назваўшы нас ці то выдатнымі студэнтамі ці то будучымі вучонымі, а нашы рэфераты ўзорнымі. Мы канечне пачарванелі ад гордасці. Як паказала жыццё, ён не памыліўся. У станаўленні Гены як вучонага, дапамозе яму ва ўладкаванні на працу ў Мінскі дзяржаўны педінстытут (будучы БДПУ імя М.Танка), устанаўленні кантактаў з аўтарытэтнымі маскоўскімі гісторыкамі-германістамі, вырашэнні іншых жыццёвых пытанняў праф. Трухноў адыграў важную ролю ў лёсе майго сябра. Праф. Трухноў дапамагаў і мне падчас навучання ў аспірантуры і абароны кандыдацкай дысертацыі ў спецсавеце БДУ ў сакавіку 1980 г. [9, с. 346].

Браты Г. і В.Космачы зрабілі значны ўклад у фарміраванне і развіццё беларускай школы германскіх даследаванняў. Падмурак гэтай школы быў закладзены ў савецкія часы працамі У.Перцава, М.Палітыкі, Л.Шнеерсона, Р.Трухнова, Д.Клімоўскага, М.Елісеева і іншых беларускіх даследчыкаў. Г.Космач і яго брат В.Космач працягнулі традыцыі беларускай савецкай школы германістыкі, узняўшы яе на новы ўзровень ва ўмовах станаўлення незалежнай беларускай дзяржавы. Уклад Г.А.Космача ў гістарычную навуку і гістарычную адукацыю вымяраўся перш за ўсё падрыхтоўкай кадраў вышэйшай кваліфікацыі (дактароў і кандыдатаў навук) і публікацыяй вычэбных матэрыялаў (падручнікаў і дапаможнікаў) для сярэдняй і вышэйшай школы.

В. Космач узбагаціў беларускую гістарычную навуку двума дзесяткамі манаграфій па навейшай гісторыі Германіі, яе знешняй палітыкі, савецка-германскіх, у тым ліку беларуска-германскіх адносін, сучаснай гісторыі міжнародных адносін. Ён апублікаваў змястоўныя даследаванні і вучэбныя дапаможнікі па гісторыі дзяржавы і права Расіі і замежных краін, тэорыі і гісторыі культуры, краіназнаўству і краязнаўству. В.Космач стварыў у Віцебскім дзяржаўным універсітэце і вакол яго аўтарытэтны рэгіянальны цэнтр германскіх і міжнародных даследаванняў, вядомы сваімі аўтарамі, публікацыямі і традыцыйнай міжнароднай канферэнцыяй па гісторыі міжнародных адносін. Пад навуковым кіраўніцтвам прафесара В. Космача паспяхова абаранілі кандыдацкія дысертацыі восем яго аспірантаў. Дынастычную справу братоў Космачаў у вывучэнні і даследаванні беларускай і замежнай гісторыі працягваюць іх жонкі, сыны і дачкі. Сямейны ўклад Космачаў у развіццё беларускай гістарычнай навукі і адукацыі, які

запачаткаваў Генадзь Аркадзьевіч, а потым працягнуў Веніамін Аркадзьевіч, а за імі пашырае і ўзбагачае новае пакаленне, гэта прыкметная, неардынарная з’ява ў нашай навуцы і гістарычнай адукацыі.

Крыніцы і літаратура

1. Космач, В.А. Талуи: история деревни, ее жителей и окрестностей / В.А. Космач. – Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова, 2022. – 344 с.
2. Слиж, М. Книгу о молодецненской деревне Марково планирует написать известный историк Вениамин Космач. 11.10.2022 // [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: Мінская праўда. file:///C:/Users/user/Desktop/тэксты%202023/космач/Книгу%20о%20молодецненской%20деревне%20Марково%20планирует%20написать%20известный%20историк%20Вениамин%20Космач%20-%20Минская%20правда.html – Дата доступу: 20.04.2023.
3. Слиж, М. Как молодецненский вяз, с которого три города видны, прославил деревню Талуи 14.07.2022 // [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: Мінская праўда. file:///C:/Users/user/Desktop/тэксты%202023/космач/Как%20молодецненский%20вяз,%20с%20которого%20три%20города%20видны,%20прославил%20деревню%20Талуи%20-%20Минская%20правда.html – Дата доступу: 20.04.2023.
4. Снапкоўская, С.В. Адукацыйная палітыка і школа на Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX ст. / С.В. Снапкоўская. – Мінск: НІА, 1998. – 191 с.
5. Снапковская, С.В. Развитие образования и педагогической мысли Беларуси: вторая половина XIX – начало XX в. / С.В. Снапковская. – М.: УРАО ИТИП, 2011. – 316 с.
6. Міхалюк, Д. Беларуская Народная Рэспубліка ў 1918–1920 гг.: Ля вытокаў беларускай дзяржаўнасці / Д. Міхалюк. – Смаленск: Інбелкульт, 2015. – 496 с.
7. Снапкоўская, С.В. Гісторыя адукацыі і педагогічнай думкі Беларусі (60-я гады XIX – пачатак XX ст.): вучэб. дапаможнік для студэнтаў / С.В. Снапкоўская. – Мінск: НІА, 2001. – 160 с.
8. Снапкоўскі, У.Е. Аб лектарскім майстэрстве Л.М. Шнеерсона / У.Е. Снапкоўскі // Актуальныя праблемы гісторыі Новага і Новага часу (к 100-летцю прафесара Л.М. Шнеерсона: міжнарод. навуц.-теарет. конф. – Мінск, РІВШ, 2012. – С. 24–28.
9. Снапкоўскі, У.Е. Аб студэнцкім сяброўстве з Генам Космачам / У.Е. Снапкоўскі // Гісторыя германістыка: Актуальныя праблемы сучасных даследаванняў: сб. навуц. статей і матэрыялаў / сост.: А.В.Косовіч, В.А.Космач, А.Ф.Великий, И.И.Ковяко. – Псков: ООО «Логос», 2018. – С. 344–348.
10. Снапкоўскі, У.Е. Даследаванні беларускіх вучоных па гісторыі нямецкага лібералізму XX ст. Рэц на кн.: Космач Г.А. Кризис германского либерализма в годы Веймарской республики: идеология и политика Немецкой демократической партии в 1918–1929 гг. – Мн., 1989; Елисеев М.Г. Между конфронтацией и разрядкой: СвДП в партийной системе ФРГ: проблемы «восточной» политики. – Мн., 1989 / У.Е. Снапкоўскі // Весці Акад. навук Беларускай ССР. Сер. грамад. навук. 1990. № 4. – С. 118–120.
11. Снапкоўскі, У.Е. Мае ўспаміны пра М.Г. Елісеева / У.Е. Снапкоўскі // Германія ў сістэме міжнародных адносін новага часу: ключевыя аспекты сучаснага осмысления: тезісы дакладаў круглага стала, посвящ. 70-летцю вялікага беларус. вучога-германіста Міхаіла Герасімовіча Елісеева (1940–1997) (Мінск, 18 янв. 2010 г.). – Брэст: Альтэрнатыва, 2010. – С. 9–11.
12. Улашчык М.М. Была такая вёска: Гісторыка-этнаграфічны нарыс / М.М. Улашчык. – Мінск: Палымя, 1989. – 134 с.
13. Улащик, Н.Н. Грамотность в дореволюционной Белоруссии / Н.Н. Улащик // История СССР. – 1968. – № 1. – С. 106–116.

РАЗДЕЛ II

ГЕРМАНИЯ И СТРАНЫ ЗАПАДА В НОВОЕ ВРЕМЯ

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ МИССИЯ КРАСНОЙ АРМИИ И ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ РОЛИ СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

М.С. Довгялло, г. Минск (Республика Беларусь)

Статья посвящена освободительной миссии Красной армии в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ). Автор рассматривает роль СССР и стран Антигитлеровской коалиции в освобождении Европы от гитлеровской Германии и ее сателлитов. Приводятся данные о потерях СССР в ходе наступательных операций в славянских странах, о разрушениях могил советских воинов и памятников освободителям.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великая Отечественная война, СССР, освободительная миссия, Красная армия, страны ЦЮВЕ, информационная война, борьба с памятниками, Польша, Чехословакия, Болгария, Югославия.

Прошло 78 лет после окончания Великой Отечественной войны. Сменилось несколько поколений людей, изменился и сам мир. Многие сегодня видятся иначе, чем в далеком победном 1945-м. Тема освободительной миссии Красной армии во Второй мировой войне и переосмысление роли СССР не раз поднималась как в научной литературе, так и в средствах массовой информации. Сегодня она особенно актуальна, так как стала ареной информационной и идеологической войны против России. Решающий вклад в разгром фашистской Германии внес СССР, и этот факт очевиден и неоспорим с 1945 г., как главная, определяющая роль Красной армии в освобождении стран ЦЮВЕ. «...Именно русская армия выпустила кишки из германской военной машины...» [1, с. 299], в сентябре 1944 г. признал премьер-министр Великобритании У. Черчилль. В феврале 1945 г. он заявил: «Будущие поколения будут считать себя в долгу перед Красной армией столь же безоговорочно, как и мы, которым довелось быть свидетелем этих великолепных подвигов» [2, с. 280]. Всего Красная армия освободила почти 50% территории, полностью или частично 11 стран Европы с населением 113 млн. человек, а в освобождении еще 6 стран участвовала вместе с союзниками в 1944–1945 гг. [3, с. 103]. Для многих славянских народов Вторая мировая война стала самым трагическим событием за всю их

историю. Само физическое существование славян в это время было поставлено под вопрос.

Суть освободительной миссии Красной армии состояла в том, что, ведя войну против немецко-фашистских захватчиков, она не только спасала советскую страну от уничтожения, но и отстаивала право народов других стран Европы на свободное существование. Впервые освободительная миссия СССР была определена советским руководством в самом начале Великой Отечественной войны – с момента вероломного нападения врага 22 июня 1941 г. Великая Отечественная война была войной судьбоносной, справедливой – оборонительной и освободительной. В докладе по случаю 24-й годовщины Октябрьской революции 6 ноября 1941 г. И.В. Сталин сказал: «В отличие от гитлеровской Германии, Советский Союз и его союзники ведут освободительную, справедливую войну, рассчитанную на освобождение поработанных народов Европы и СССР. ...Наша цель состоит в том, чтобы помочь этим народам в их освободительной борьбе против гитлеровской тирании и потом предоставить им вполне свободно устроиться на своей земле так, как они хотят» [4, с. 34]. Затем эта цель стала основой для программы возрождения государственности европейских народов, которую обосновал СССР в ноябре 1943 г. Она включала освобождение народов Европы и оказание им содействия в воссоздании своих национальных государств, расчлененных фашистскими поработителями; предоставление освобожденным народам полного права и свободы самим решать вопрос о государственном устройстве; обеспечение длительного экономического, политического и культурного сотрудничества народов Европы на основе доверия и взаимной помощи и др. [5, с. 114].

Поэтому вполне правомерно говорить об Освободительной миссии Красной армии не только с момента, когда в 1944 г. она вступила на территории других стран, но и самого начала Великой Отечественной войны. На пути к этой цели оказывались как государства – сателлиты Тройственного пакта (Румыния, Венгрия, Болгария, Австрия и др.), которые необходимо было вывести из войны, так и оккупированные ими страны (Польша, Чехословакия, Югославия и др.). Благодарность освобожденных народов советским воинам-освободителям увековечивалась в памятниках, мемориалах, обелисках, названиях городов, улиц, площадей. Многие советские солдаты и офицеры награждены иностранными орденами и медалями.

Оперативно-стратегические задачи были сформулированы при планировании летне-осенней кампании 1944 г. Как отмечалось в первом приказе Верховного Главнокомандующего, они состояли в том, чтобы «вызволить из немецкой неволи наших братьев поляков, чехословаков и другие союзные с нами народы Западной Европы, находящиеся под пятой гитлеровской Германии» [6, с. 27]. Ставилась задача вывести из войны страны – сателлиты Германии и помочь их народам в освобождении от фашистского ига. Таким образом, реализация освободительной задачи перешла в практическую плоскость лишь летом, когда советские войска вышли на государственную границу СССР. В Приказе Верховного

Главнокомандующего от 7 ноября 1944 г. № 220 отмечалось: «Завершив освобождение родной земли от гитлеровской нечисти, Красная армия помогает теперь народам Польши, Югославии, Чехословакии разорвать цепи фашистского рабства и восстановить их свободу и независимость» [5, с. 156]. Вступление на территорию других государств советское правительство позиционирует как освобождение.

Политика советского командования и руководства была весьма дифференцированной применительно к разным странам и народам, участвовавшим в войне на стороне Гитлера или, напротив, являвшимся жертвой агрессора. Реализация освободительной миссии происходила постепенно и поэтапно, в результате разгрома основных сил противника на советской территории и ее освобождения, затем – как путем освобождения оккупированных стран от немецкой агрессии, так и принудительным выведением из войны сателлитов Германии и ведением боевых действий на их территории.

Вступлению Красной армии в освобождаемые страны предшествовала и сопровождалась большая политическая, дипломатическая, правовая, пропагандистская работа. При вступлении Красной армии в каждую из европейских стран применялась специально подготовленная правовая база. В период Второй мировой войны советские войска освободили (полностью или частично) двенадцать стран Европы и Азии. На территории четырех из этих стран они вступили, заключив межправительственные соглашения. Первой из стран, на территорию которой вступили советские войска, была Румыния (в ночь на 27 марта 1944 г.). В постановлении ГКО от 10 апреля объявлялось: «Верховным Главнокомандованием Красной армии дан приказ советским наступающим частям преследовать врага вплоть до его разгрома и капитуляции». Отмечалось, что Советское правительство «...не преследует цели приобретения какой либо части румынской территории или изменения существующего строя Румынии и вступление советских войск в пределы Румынии диктуется исключительно военной необходимостью и продолжающимся сопротивлением войск противника» [7, с. 54]. Однако правительство И. Антонеску отклонило гуманитарные условия перемирия, предложенные вслед за тем Советским правительством, в связи с чем боевые действия продолжались. ГКО СССР поручил Военному Совету 2-го Украинского фронта издать воззвание к населению, в котором поручалось: «...Сказать населению, что Красная армия вступила на территорию Румынии, как освободительница румынского народа от немецко-фашистского гнета, не имеющая других целей, кроме целей разгрома вражеских германских армий и уничтожения господства гитлеровской Германии в поработанных ею странах» [4, с. 53–54]. Вместе с тем, в Румынии больше четырех месяцев продолжались боевые действия. Было пленено более 200 тыс. солдат и офицеров, в т.ч. 25 генералов противника. В результате операции был выведен из войны один из основных сателлитов Германии – Румыния.

От нацистской политики особенно пострадали оккупированные европейские славянские страны. В первую очередь Польша.

Оккупационный режим в «генерал-губернаторстве» и особенно в новых имперских округах «рейхсгау», на которые немцы разделили территорию Польши. Население подвергалось жестокой эксплуатации, в том числе насильственному перемещению на территорию Германии, на трудовые работы во Францию. Историки считают, что за время войны изгнанию из родных мест в Польше были подвергнуты до 2,5 млн. поляков. Генерал-губернатор Г. Франк, вступая в должность, заявил: «Отныне политическая роль польского народа закончена. Он объявляется рабочей силой, больше ничем... Мы добьемся того, чтобы стерлось навеки самое понятие Польша. Никогда уже не возродится Речь Посполитая или какое-либо иное польское государство» [8, с. 286-287]. Перед польским народом был выбор: подчиниться или бороться, отстаивать свое право на жизнь и государственность. С победами Красной армии в 1943-1944 г. обозначилась возможная перспектива освобождения Польши советскими войсками. На территорию Польши Красная армия вышла в ходе Люблинско-Брестской операции (18 июля – 2 августа 1944 г.), но освобождение этой страны затянулось из-за того, что немцы защищали польскую территорию с особым ожесточением – через нее пролегал кратчайший путь к столице – Берлину. В западной исторической науке бытует тезис о том, что войска 1-го Белорусского фронта якобы умышленно не оказали помощь участникам Варшавского восстания. Вместе с тем, документы и объективный анализ стратегической ситуации позволяют сделать вывод о том, что в той ситуации оказать помощь было невозможно. В личном послании И. Сталина премьер-министру Великобритании У. Черчиллю по этому поводу отмечалось: «Варшавская акция представляет безрассудную ужасную авантюру, стоящую населению больших жертв. Этого не было бы, если бы советское командование было информировано до начала варшавской акции и если бы поляки поддерживали с последним контакт. При создавшемся положении советское командование пришло к выводу, что оно должно отмежеваться от варшавской авантюры, так как оно не может нести ни прямой, ни косвенной ответственности за варшавскую акцию» [9, с. 401]. Советские войска были измотаны наступлением, нуждались в пополнении людьми, техникой и боеприпасами. Премьер-министр Великобритании У. Черчилль утверждал: «Советская армия не смогла прийти на помощь варшавянам с первых дней восстания, так как советское командование не было поставлено в известность о готовившемся восстании, а оказать быструю помощь после начала было уже невозможно. Однако высказывалась надежда на то, что русские сбросят наиболее необходимое снабжение и оружие полякам – патриотам Варшавы» [10, с. 239–240]. Вступление советских войск в Польшу было оформлено Заявлением Наркомата иностранных дел СССР от 26 июля 1944 г. В нем говорилось: «Советские войска вступили в пределы Польши, преисполненные одной решимостью – разгромить вражеские германские армии. Советское правительство заявляет, что оно рассматривает военные действия Красной армии на территории Польши как действия на территории суверенного, дружественного,

союзного государства» [6, с. 283]. Политические цели были изложены более чем прозрачно. Бои за освобождение Польши продолжались в общей сложности девять месяцев. Советский Союз и в дальнейшем продолжал оказывать помощь в строительстве Войска Польского. За годы войны Войско Польское получило от СССР 700 тыс. винтовок и автоматов, свыше 15 тыс. пулеметов, 3,5 тыс. орудий, 1 тыс. танков, 1200 самолетов, свыше 18 тыс. автомобилей, огромное количество боеприпасов, продовольствия и обмундирования и т.д. [11, с. 134].

Ситуация в конце Второй мировой войны явилась результатом успешного наступления Красной армии против фашистской Германии и ее сателлитов. При этом она складывалась согласно международно-правовому акту, решениям «большой тройки» по антигитлеровской коалиции. Занятие стран Восточной Европы войсками Красной армии было необходимым условием выхода к границам Германии и обеспечивало тылы союзникам. Красная армия реализовывала выполнение Декларации об освобожденной Европе, которая была принята в феврале 1945 г. на Крымской конференции. Ялтинские и Потсдамские соглашения, двусторонние договоры 1943 и 1945 гг. (советско-чехословацкий, советско-польский, советско-югославский), а также Соглашение о перемирии с Болгарией, Венгрией и Румынией фиксировали международно-правовые итоги войны. В большинстве стран Восточной Европы (кроме Албании, Югославии, а с декабря 1945 г. и Чехословакии) находились части Красной армии, функционировали советские военные комендатуры. Кроме того, в соответствии с международными договоренностями союзников в странах-участницах «оси» – Болгарии, Венгрии и Румынии – решающую роль играли советские представители, действовали советские дипломатические структуры, формировалась система политических, экономических и военных советников.

13 декабря 1941 г. Болгария официально вступила во Вторую мировую войну на стороне Германии и ее союзников, объявив войну США и Великобритании – странам антигитлеровской коалиции. Из славянских стран-сателлитов только Болгария предпочла не разрывать дипломатические отношения с СССР, не участвовала своими вооруженными силами в агрессии против СССР, однако предоставляла свою территорию, морские порты, железные дороги и аэродромы для германских вооруженных сил, поставляла различные ресурсы для военных действий против Советского Союза. Советское правительство неоднократно предлагало прекратить предоставление Германии помощи, учредить советское консульство в Варне, Бургасе и Руссике. 30 августа 1944 г. советское правительство потребовало отказаться от нейтралитета и выступить на стороне антигитлеровской коалиции [11, с. 98, 131]. Только 6 сентября болгарское правительство объявило о разрыве отношений с Третьим рейхом. Советские войска перешли границу. И.В. Сталин отдал приказ, запрещающий разоружать болгарские войска. С 8 на 9 сентября было осуществлено вооруженное восстание, и власть перешла к Отечественному фронту. 15 сентября советские войска вступили в Софию. После этого Болгария официально вступила в

войну с Германией. Болгарские войска были реорганизованы, подчинены 3-му Украинскому фронту и участвовали в боевых действиях против Германии. Сражались с вермахтом на территории Македонии, Сербии, Венгрии и Австрии, потеряв в боях более 32 тыс. человек убитыми и ранеными [12, с. 79]. Практически без боев прошли советские войска по Болгарии на помощь восставшим 9 сентября 1944 г. «В Болгарии не было ни боев, ни сражений. Болгарская операция была бескровной, она вылилась в триумфальный освободительный поход» [13, с. 160]. В октябре 1944 г. Болгария подписала соглашение о перемирии, предложенное странами антигитлеровской коалиции СССР, Соединенного Королевства и США [14, с. 58-61]. Болгария прекратила свои военные действия на стороне Германии. В августе 1945 г. болгарское правительство приняло предложение правительства СССР о восстановлении дипломатических отношений.

На территорию Югославии советские войска вошли по просьбе командующего народно-освободительной армии Югославии маршала И.Б. Тито, переданной в Государственный Комитет Обороны (ГКО) СССР в начале сентября 1944 г. и мотивированной отсутствием у югославского сопротивления тяжелого вооружения для разгрома немецких оккупантов. В Югославии, где было развернуто мощное движение сопротивления гитлеровцам и коллаборационистам, велась настоящая война на истребление.

При содействии Советского Союза были созданы десятки воинских частей и соединений других стран общей численностью свыше 550 тыс. человек. Они самоотверженно боролись с фашистскими захватчиками – это бойцы воинских соединений и партизанских армий и отрядов Югославии, Польши, Чехословакии, патриоты Болгарии, Румынии, Албании [6, с. 31]. Для обеспечения боеспособности народных армий Польши, Румынии, Югославии и Чехословакии им было безвозмездно передано свыше полутора миллиона винтовок и карабинов, почти 200 тыс. автоматов, более 40 тыс. пулеметов, 17 тыс. артиллерийских орудий и минометов, множество танков и самолетов. Также им было передано продовольствия и снаряжения на сумму более 1,5 млрд. руб. И эта помощь – на полях сражений, и в материальном виде – была бескорыстной.

Огромную помощь оказали советские войска в освобождении восточной части Югославии и столицы Белграда. Бои в Югославии носили ожесточенный характер, но население оказывало советским войскам, сражавшимся в тесном взаимодействии с Народно-освободительной армией, всяческую поддержку и помощь. Многочисленные силы Красной Армии были задействованы по освобождению Польши и в Пражской операции по освобождению Чехословакии.

Советские войска провели на территории Балканских стран ряд крупных наступательных операций, приведших к полному разгрому противника и освобождению от оккупации. За их свободу пролили кровь свыше 3 млн. советских воинов, из них свыше 1 млн. погибло [6, с. 6].

Мюнхенское соглашение 1938 г. «на деле предоставило Германии свободу рук в Восточной Европе и узаконило оккупацию части

Чехословакии, отошедшей к ней по Версальскому миру». Реакция президента Э. Бенеша была следующей: «Это – конец. Вероломство наказывается. Уму непостижимо. Они думают, что спасут себя от войны и революции за наш счет. Ошибаются» [15, с. 42]. Уже в годы Второй мировой войны Э. Бенеш в качестве президента Чехословацкой республики в изгнании стал одним из самых активных сторонников сближения с СССР: «С одной стороны, сотрудничество с Советским Союзом должно было послужить ЧСР дополнительной гарантией безопасности от немецкой угрозы, а с другой – дружественная позиция Чехословакии призвана была обеспечить безопасность западных границ СССР и предотвратить вмешательство Москвы во внутренние дела республики» [16, с. 4-5].

Красная армия вступила на территорию Чехословакии в соответствии с Соглашением об отношениях между советским главнокомандующим и чехословацкой администрацией после вступления советских войск на территорию Чехословакии, подписанным в Лондоне 8 мая 1944 г. [6, с. 373]. 5 мая в Праге началось вооруженное восстание. Чешский национальный совет обратился по радио к странам антигитлеровской коалиции с просьбой о помощи. Советское командование откликнулось, и 9 мая к 10 часам советские войска с помощью жителей Праги освободили город от захватчиков. Разрушение Праги, которое могло бы стать культурной катастрофой для Европы, удалось предотвратить войскам 1-го Украинского фронта под командованием И.С. Конева. В день освобождения Чехословакии К. Готвальд говорил: «Нечеловеческие усилия народов Советского Союза сыграли решающую роль в разгроме гитлеровской Германии. Это Красная армия освободила Чехословацкую республику от нацистского террора» [17, с. 164]. Общие потери Красной армии за время Пражской операции достигли 12 тыс. убитых и 40 тыс. раненых, поэтому говорить об отсутствии сопротивления не приходится.

Словакия была союзницей Германии, но к концу войны в стране развернулось сильное антифашистское движение, которое привело к карательным акциям немецких оккупационных властей. С лета 1944 г. начали быстро создаваться и расти партизанские отряды. В августе началось словацкое восстание. Красная армия пришла восставшим словакам на помощь в тяжелых условиях. При отсутствии времени на подготовку наступления, меньшей численности в живой силе, при не укомплектованности боеприпасами и материальными средствами советским войскам пришлось вести тяжелейшие бои и потерять более трети личного состава, а численно – больше, чем было всех участников Словацкого национального восстания. Чехия дольше всех была под немецкой оккупацией. Несмотря на то, что славяне подвергались унижениям и преследованиям, нещадной эксплуатации в течение всей мировой войны, они работали на немецкую военную машину. Треть бронетанковой техники производилось на чешских предприятиях. Поэтому Чехия не понесла столь значительного людского урона, как другие славянские народы.

Свыше года около 7 млн. советских воинов сражались за пределами Советского Союза. Больше миллиона из них погибли за освобождение народов

Европы от фашизма. И подвиг их нельзя поставить под сомнение. За освобождение Польши отдали свою жизнь 600 тыс. воинов, Чехословакии – 140 тыс., Венгрии – 140 тыс., Румынии – 69 тыс., Югославии – 8 тыс., Болгарии – около 1 тыс., на территории Германии погибли 102 тыс. воинов Красной Армии [18, с. 313]. Однако историческую память народов Европы об этом подвиге Красной армии все более успешно замещают различными мифами о своей армии, своих битвах, своих героях. В память об исторических победах Советских Вооруженных Сил Президиум Верховного Совета СССР учредил в июне 1945 г. 7 медалей, например, «За освобождение Белграда» (были награждены 70 тыс. воинов), «За освобождение Варшавы» (701 700 воинов), «За освобождение Праги» (были награждены 400 700 воинов) и др. Награждение ждали более 3 671 200 воинов [19, с. 84]. Они – свидетельство победоносного шествия Красной армии, ее освободительной миссии.

Гуманитарная сторона Освободительной миссии оказалась не менее значимой составляющей, чем военная – Красная армия организовывала жизнеобеспечение освобожденных стран, создавала условия для выживания населения на разрушенных войной территориях, в том числе помогала в восстановлении наиболее значимых объектов инфраструктуры и т.д. Помощь в налаживании мирной жизни местному населению оказывали советские военные комендатуры, которые были созданы и действовали в большинстве стран Восточной Европы, которые освобождала Красная Армия. В первые дни после освобождения они оказывались единственными органами местной власти, решали вопросы разного характера, начиная с раздачи пищи мирному населению из полевых советских кухонь, постановки населения на довольствие, введения минимальных норм питания для жителей ряда городов и т.д. Оказывалась помощь продовольствием населению таких крупных городов, как Берлин, Вена, Будапешт, Белград, Прага и др. «По решению правительства СССР для оказания помощи населению иностранных государств было передано из запасов Красной армии: зернопродуктов – 572000 тонн, мяса – 60000, сахар – 9000, жиров – 3000, картофеля и овощей – 146000, соли – 15000 тонн» [20, с. 597]. Гуманитарная составляющая освободительной миссии Красной Армии имела широкий спектр и по мере освобождения стран Европы все больше выходила на первый план в налаживании мирной жизни.

Полный разгром фашистской Германии Советским Союзам позволил славянским народам не только выжить, но и возродить собственную государственность. Если во второй половине 50-х гг. XX в. на политической карте мира существовало всего пять социалистических славянских стран – СССР, Польша, Чехословакия, Югославия и Болгария, то после Второй мировой войны их число возросло до тринадцати [21, с. 15].

На территории Европы захоронено более 2,5 млн. погибших советских солдат. Символами Освобождения стали устанавливаемые в послевоенные годы в странах ЦЮВЕ, где проходила с боями Красная армия, монументы советским солдатам-освободителям, которые вместе с воинскими захоронениями под ними становились важными элементами

сакрализации памяти о войне с фашизмом. Для увековечения их памяти было возведено свыше 4,5 тыс. воинских мемориалов и памятников. В мае 2009 г. были названы более точные цифры – 4561 братская могила, где захоронены 2556216 человек, из них 2073612 – неизвестные солдаты [22].

Таким образом, разгромив армии противников, Красная армия осуществила историческую освободительную миссию, внесла решающий вклад в восстановление суверенной государственности европейских государств. Польша не только восстановила свой суверенитет, но обрела новые территории и ныне существует в значительно расширенных границах. В Чехословацкую (Республику Чехию) вновь вернули Судетскую область. Болгария сохранила свою территорию в границах на 1 января 1941 г. и не потеряла ни одного квадратного метра своей территории.

Страны ЦЮВЕ вошли в сферу влияния СССР по согласованному в Ялте и Потсдаме решению «Большой тройки». Она признавала право СССР на создание «пояса безопасности» вдоль его границ. Таким поясом стали СЭВ и Варшавский договор.

К сожалению, сегодня в ряде восточноевропейских стран активизировались попытки переписать историю, представив героев предателями, а предателей объявить героями. В прибалтийских странах, в Польше пытаются возложить равную ответственность за Вторую мировую войну на нацистскую Германию и Советский Союз, поставить знак формального равенства между фашистской идеологией и социалистическими и коммунистическими идеями. Новые «интерпретаторы» грубо извращают историческую миссию Красной армии освободительницы. Они распространяют теорию об «экспорте революции». Отрицая освободительный характер действий Красной армии в странах ЦЮВЕ и подменяя его понятием «оккупации», современные политические силы в Восточной Европе в качестве основного аргумента приводят «насаждение» в этих странах коммунистических режимов. Сейчас в Польше широко распространено мнение, что 17 января 1945 г. и 9 мая 1945 г. – это не повод для празднования. Якобы, с одной стороны, да, это было освобождение Варшавы и победа над Гитлером, но, с другой стороны, это еще и «подчинение Польши влиянию Кремля» [23, с. 331]. Однако нельзя путать события с его последствиями. Политика СССР в послевоенный период и в период перестройки претерпела значительную эволюцию. Хотя и в тот послевоенный период XX в. советское военно-политическое присутствие в Восточной Европе отнюдь не было равнозначно «оккупационному режиму», а смысл его не состоял в силовом проведении советизации [24, с. 161–166]. После развала СССР его роль в странах Восточной Европы оказалась «переименована» из освободительной в «новую оккупацию», как «новое порабощение» стран, оказавшихся в сфере советского влияния. Обвинения, адресованные СССР и советской армии, в том числе России как его правопреемницы, в насаждении тоталитарных режимов в ЦЮВЕ, в преступлениях против гражданского населения, а также требования «покаяться» и «возместить ущерб» не имеют под собой ни фактических, ни юридических оснований.

В «постреволюционные» 90-е г. XX в. во время подъема антисоветской волны в странах ЦЮВЕ участились случаи осквернения и разрушения могил советских солдат. В течение десятилетия, начиная с середины 90-х годов, Россия заключила с Словакией, Польшей и др. странами межправительственные соглашения о взаимном сохранении и уходе за воинскими захоронениями на территории каждого государства.

Сегодня официальные версии почти во всех странах ЦЮВЕ преподносят послевоенную историю как насаждение Советским Союзом коммунистических режимов. В Венгрии и бывшей ГДР в 1956 г. были подавлены антиправительственные мятежи. В Чехословакии при введении войск стран Варшавского договора, прежде всего советских войск, в августе 1968 г. была «заморожена» «Пражская весна». В Польше в декабре 1981 г. было введено военное положение, призванное сломить движение «Солидарности» и спасти страну от возможного вооруженного вмешательства по чехословацкому образцу.

Участие разных стран во Второй мировой войне на стороне гитлеровской Германии или стран антигитлеровской коалиции относится в современной Европе к категории событий, травмирующих национальное сознание. Раскол произошел по линии «победители – побежденные». В этом сложнейшем контексте и формировалась память о Второй мировой войне, роли в ней СССР и освободительной миссии Красной армии. В каждой из стран существовала своя живая память участников и свидетелей событий (пока они были живы), но официальная память во многом основывалась на общей линии идеологии и политики стран социалистического лагеря. К сожалению, современные европейцы не помнят о своих реальных освободителях, о том, кто в действительности спас их от фашистской Германии. Более того, многие в Польше сейчас уверены, что СССР (и Россия) несет равную с гитлеровской Германией ответственность за начало Второй мировой войны, что страны Восточной Европы Советский Союз не освобождал, а оккупировал, и что сейчас нужно избавляться от «ложного чувства благодарности» Красной армии, снося памятники советским воинам-освободителям.

С распадом СССР тенденция только усилилась, поскольку Запад стал делить и осваивать «советское наследство», в том числе символическое. Эта тенденция проявляется не только на Западе, но и на территории стран бывшего «социалистического содружества». Постепенно уходили непосредственные участники и свидетели событий, и на их место приходили родившиеся после войны, а потому память формировалась все более опосредованно, институционально (через систему образования, СМИ, искусство и т.д.) в Советском Союзе, в странах бывшего социалистического содружества.

Вследствие распада «социалистической системы» и СССР в той или иной степени подверглись ревизии или «корректировки» все события XX в., и особенно – Вторая мировая война. Этот процесс затронул почти все страны Запада, и бывшие страны «соцлагеря» в ЦЮВЕ, и новые государства, прежде всего входившие в состав СССР (Литва, Латвия, Эстония и

др.). Ключевыми факторами, повлиявшими на историческую память, стали «перестройка» и дальнейший распад Советского Союза, крах двух-полюсного мира, превращение США в единственную сверхдержаву. В США к 75-летию победы во Второй мировой войне выпустили сувенирную монету. В описании к монете говорится, что она посвящена тем, «кто обеспечил нам свободу, которой мы наслаждаемся сегодня». Но на реверсе монеты изображены только флаги США, Великобритании и Франции. Флаг СССР там отсутствует. Неудивительно, что многие в Европе считают, что основная заслуга в разгроме фашизма принадлежит США.

Вместе с тем оспариваются государственные границы, установленные после окончания Второй мировой войны. Сносят воинские захоронения и оскверняют памятники советским воинам, павшим в боях на европейском театре военных действий. Против России развернута информационная война. Важным инструментом, а точнее, оружием этой войны стал избирательный подход, прежде всего к истории Второй мировой войны, а также ее циничная и откровенная фальсификация.

После безусловной капитуляции Третьего рейха в ряде стран ЦЮВЕ термин «освобождение» начали заменять понятиями «захват» или «вход», или «вступление» Красной армии, а также утверждать, что их народ попал под «советскую оккупацию», поскольку они находились во внешнем кругу советской сверхдержавы во второй половине XX в. и славянские страны оказались в разной степени политической и экономической зависимости от Советского Союза. На Западе и особенно в постсоциалистических странах ЦЮВЕ освободительный поход Красной армии 1944–1945 гг. и последующие десятилетия все чаще трактуются как «советская оккупация». Главная цель – дискредитация освободительной роли Красной армии, а использование термина имеет главным образом пропагандистский характер. Началось не просто забвение и вытеснение памяти о советском солдате-освободителе, а осквернение этой памяти. В официальной исторической пропаганде доминирующим становится формирование негативного образа советского солдата как «наильника и оккупанта».

Например, в Польше доминирует позиция, что освобождение от фашизма польскому народу ничего хорошего не принесло, «одна тирания сменилась на другую». Отмечают юбилеи формально: максимум – возложением венков на кладбищах, где похоронены советские воины. Однако исторические факты свидетельствуют об ином. Именно Польша оказалась на третьем месте по масштабам жертв около (6 млн граждан). В ходе войны была истреблена почти вся интеллектуальная элита страны, офицерство, дворянские роды, ликвидации подлежало все еврейское население. В связи с чем 20 января 1945 г. Правительство Польши обратилось со словами признательности к Верховному Главнокомандующему: «Польский народ никогда не забудет, что он получил свободу и возможность восстановления своей независимой государственности жизни благодаря блестящим победам советского оружия и благодаря обильно пролитой крови героических советских бойцов» [25, с. 494]. На территории Польши

находится около 500 мест захоронений советских и польских военнослужащих. Из них 120 отдельных кладбищ, 199 братских могил. Кроме того, здесь покоится прах многих сотен тысяч погибших советских военнопленных [26, с. 486]. Разве можно такие жертвы предать забвению!

Кроме того, вместо благодарности за освобождение, польская элита возлагает вину на СССР за раздел Польши в 1939 г., за установление коммунистического режима и т.д. В сентябре 2019 г. в Европарламенте приняли резолюцию, приравнивающую СССР к фашистской Германии. В интервью немецкому журналу Bild экс-премьер министр Польши Ярослав Качинский заявил, что Россия, как и Германия, должна заплатить Польше огромную компенсацию за Вторую мировую войну. Причем польские требования не имеют срока давности. После всех подсчетов поляки попробуют узаконить свои претензии на европейском уровне. Резолюция Европарламента о равной ответственности СССР и фашистской Германии у Варшавы уже есть [27].

В древней столице Польши Кракове, спасенном войсками 1-го Украинского фронта от разрушения, был демонтирован и обезображен памятник почетному гражданину города маршалу И.С. Коневу. Памятник был перевезен в г. Киров (Вятка) и восстановлен там. В г. Пененжно (Польша) в мае 2014 г. был осквернен памятник генералу И. Черняховскому. На монументе был нарисован символ Армии Крайовой. Генерал считается в Польше ответственным за арест и депортацию в 1944 г. свыше 6 тыс. солдат. Ранее в январе местный городской совет принял решение о сносе памятника. Россия высказалась против, а власти Калининградской области предложили его отремонтировать. 24 июня 1945 г. лучшие польские воины приняли участие в Параде Победы на Красной площади. Руководство современной Польши не хочет вспоминать добрым словом тех поляков, которые плечом к плечу с красноармейцами сражались с нацистами. Снос памятников благодарности Красной армии – самая конфликтная тема в отношениях Польши с Россией.

Краеугольным камнем политики партии «Право и справедливость» на российском направлении стало сведение исторических счетов. Весьма примечательным стал снос сотен памятников советским воинам. Соответствующий закон о декоммунизации приняли 22 июня 2017 г. По нему сносу подлежат 469 советских памятников [28]. В 2009 г. премьер-министр РФ В. Путин посетил Гданьск, связанный с 70-летием начала Второй мировой войны, где вел беседы с премьер-министром Д. Туском. Россию не пригласили на памятную церемонию, приуроченную к 80-летию начала Второй мировой войны 1 сентября 2019 г. Действия правительства президент Польши А. Дуда фактически объяснил «неправильным поведением» Российской Федерации, которая продолжает политику СССР.

В Чехословакии (чешского и словацкого народов) не было до августа 1968 г. никаких серьезных коллизий с СССР, Россией. В этих обществах были достаточно сильны традиции славянской общности, хотя при этом чешское общество более тяготело к Западу с его культурным индивидуализмом, а словацкое – к славянскому Востоку со всеми присущими ему

положительными и отрицательными чертами. В период 70-80-х годов во внешне весьма благоприятных советско-чехословацких отношениях было скрыто негативное отношение Чехословакии СССР, которое под влиянием начавшейся в СССР «горбачевской перестройки» вылилось в «бархатную революцию» конца 1989 г. Изменения истории были обусловлены антисоветизмом и русофобией. Чешские историки многократно переписывали историю войны. Об участии Красной армии в освобождении Праги вспоминают все реже, а прессой, политиками Чехии ставится под сомнение сам факт освобождения столицы. В 1980 г. в столице Чехии Праге был воздвигнут памятник маршалу Советского Союза И.С. Коневу, войска которого окончательно освободили Прагу от нацистской оккупации 9 мая 1945 г. и за освобождение которой он был удостоен высшего «Ордена Белого льва» 1-й степени и «Чехословацкого военного креста 1939 г.». В апреле 2020 г. по решению местной администрации района Прага-6 столицы Чехии он был демонтирован. При этом чехи, в отличие от поляков, отказались передать памятник России, заявив, что он «поставлен на чешские деньги и принадлежит местным властям» [29, с. 72]. Значительное число жителей Чехии выступало против демонтажа памятника Коневу, справедливо считая это не только глумлением над памятью об одном из самых видных советских военачальников, но и памятью о 150 тыс. солдат Красной армии, погибших за освобождение Чехословакии. Против демонтажа памятника выступили ведущие чешские историки, представители общественности, а также президент Чехии М. Земан. Практически одновременно с демонтажем памятника в пражском районе Ржепорые на окраине чешской столицы было принято решение об установлении мемориальной доски в честь власовцев. Одним из главных аргументов, обосновывающих демонтаж памятника, стал тезис об участии маршала Конева в разработке плана вторжения армий стран Варшавского Договора в Чехословакию в августе 1968 г. Однако документальные подтверждения указанного факта отсутствуют.

На территории Чехии и Словакии, которые до 1993 г. были единым государством, находится 57 памятников советским воинам, они охраняются государством. Но инциденты имеют место. В 1991 г. чешский скульптор Д. Черны выкрасил в розовый цвет советский танк Т-34, участвовавший в освобождении Праги. В июне 1991 г. танк был лишен статуса памятника и передан в коллекцию Военного исторического института в Праге.

Практику пересмотра истории подхватила и Болгария. В 1990-е г. в Болгарии на страницах печатных изданий в отношении СССР и его преемницы России получил достаточно широкое распространение термин «оккупант». В целях избавления от культурного наследия «советской оккупации» был поднят вопрос об уничтожении памятника советскому солдату («Алёше»), установленного в Пловдиве в 1957 г. В 1996 г. власти города приняли решение снести его, однако Верховный суд Болгарии постановил, что монумент является памятником Второй мировой войны и не может быть уничтожен. Споры между сторонниками и противниками

сохранения памятника продолжаются. Ни 8, ни 9 мая в Болгарии не являются государственными праздниками. В Софии в начале 1990-х годов болгарские власти демонтировали памятник командующему 3-м Украинским фронтом Ф.И. Толбухину, он был увезен в Россию и установлен в г. Тутаеве Ярославской области. 3 сентября 2019 г. МИД Болгарии сделал заявление «75 лет освобождения Восточной Европы от нацизма», в котором сообщалось, что «с точки зрения международного права факты очевидны: переворот 9 сентября был прямым следствием объявления СССР войны Болгарии 5 сентября 1944 г. и последующего ввода советских войск на территорию, нейтральную для СССР...» [30]. В феврале 2014 г. в столице Болгарии Софии неизвестные раскрасили знамя и фигуру одного из бойцов на памятнике в цвета украинского флага и написали на нем «Слава Украине!».

Важнейшей политической причиной продолжения Красной армией войны на чужой территории было выполнение советскими войсками союзнических обязательств, взятых на себя правительством СССР, которые предусматривали завершение войны безоговорочной капитуляцией Германии.

Однако историческая память славянских народов сильнее политических идей переписать историю Второй мировой войны и освободительную миссию Красной армии. В праздновании 9 мая, посвященном 70-летию Великой победы в Москве приняли участие представители 28 иностранных государств, а также Генеральный секретарь ООН и Президент ЮНЕСКО [3, с. 342-343]. Прибыв в Москву на торжество, они личным примером доказали: нет, не забыли в Европе, кто их освобождал. Президент Чехии заявил: «Я приехал поклониться памяти советских солдат, которые погибли при освобождении Чехословакии» [14, с. 45]. Президент Сербии Т. Николич почтил память советских освободителей участием в празднованиях Дня Победы в Москве, в том числе и на параде. А президент А. Вучич по приглашению российского президента принял участие в праздновании 75-летия Великой Победы и торжественной церемонии парада 24 июня 2020 г. в Москве. Вместе с тем, Президент Словакии А. Киска в связи с событиями на Украине принял решение не участвовать в праздновании Победы, последовав доминирующим установкам Евросоюза и под давлением США.

Польша и Венгрия и др. страны выступили с инициативой ввести в календарь стран ЕС «День памяти жертв тоталитаризма». Идея была подхвачена другими странами, и 23 августа стали отмечать как День памяти жертв тоталитаризма (день выбран символический – 23 августа 1939 г. был подписан так называемый пакт Риббентропа-Молотова). В сентябре 2019 г. Европарламент принял резолюцию, которая в развязывании Второй мировой войны наряду с Германией обвиняет СССР, а также отмечает неблагоприятную роль ряда европейских государств [31, с. 137]. Москва негативно оценила тенденциозный характер резолюции.

Показательным стал отказ посетить праздничные мероприятия в Москве 9 мая 2020 г. со стороны практически всех лидеров западных держав, а также большинства стран, которые освобождала Красная армия, и земли которых были политы кровью советских воинов-освободителей.

На сегодняшний день на Западе и в странах ЦЮВЕ негативное отношение к российской истории XX в. целенаправленно культивируется, в том числе и путем искажения исторической памяти о Второй мировой войне. Вытесняется память о советском солдате как освободителе и спасителе пострадавших от фашизма народов и внедряется фальсифицированный образ жестокого захватчика, почти на полвека оккупировавшего восточноевропейские страны. За последние 20 лет число владеющих русским языком сократилось на 50 млн. особенно большие потери наблюдаются в странах Восточной Европы, на Балканах: падение с 38 млн. в 1990 г. до 7 млн. в 2020 г. [32].

Между тем объективный взгляд на историю показывает, что только победа СССР над нацистской Германией избавила как поляков, чехов, словенцев, сербов так и ряд других славян от неминуемой угрозы полного национального уничтожения, поскольку именно такой сценарий решения «чешского вопроса» был подготовлен руководством гитлеровской Германии.

Источники и литература

1. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : в 2 т.. – М.: Политиздат, 1989. – Т.1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 г. – ноябрь 1945 г.). – 464 с.
2. Величие подвига советского народа: Зарубежные отклики и высказывания 1941–1945 годов о Великой Отечественной войне : сб. / А. И. Бабин [и др.]. – М.: Междунар. отношения, 1985. – 383 с.
3. Страна в огне: В 3 т. В 2 кн. Кн. 1. Очерки / отв. ред. А.М. Литвин, М. Ю. Мягков; ред.-сост. Д. В. Суржик – М.: Абрис, 2018. – Т. 3. Освобождение. 1944-1945. – 717 с.
4. Советский фактор в Восточной Европе. Документы 1944-1953 гг. : в 2 т. – М.: РОССПЭН, 1999. – Т. 1. 1944-1948 гг – 687 с.
5. Сталин, И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. – СПб.: Питер, 2010. – 192 с.
6. Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил в Европе во второй мировой войне: Документы и материалы. – М.: Воениздат, 1985. – 640 с.
7. Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Документы и материалы. – М.: Политиздат, 1946. – Т. 2: 1 января – 31 декабря 1944 г. – 684 с.
8. Польша в XX веке. Очерки политической истории / отв. ред. А.Ф. Носкова. – М.: Индрик, 2012. – 952 с.
9. Черчилль, У. Вторая мировая война. В 3 кн. – М.: Воениздат, 1991. – Кн. 3. – 702 с.
10. Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. – М.: Воскресенье, 2005. – 671 с.
11. Зарождение народных армий стран - участниц Варшавского Договора, 1941-1949 гг.; ред. коллегия М. И. Семиряга [и др.]. – М.: Наука, 1975. – 391 с.
12. Васев, С., Христов, К. България на мирната конференция. Париж 1946. –София: Синева, 2017. – 400 с.
13. Шумихин, В. С. Немеркнущий подвиг. Героизм советских воинов в годы Великой Отечественной войны / отв. ред. А. В. Марков. – М.: Наука, 1985. – 271 с.

14. Великая Отечественная война. 1941-1945. Документы и материалы. Т. VI. Освобождение Европы. – М.: Ретроспектива, 2015. – 448 с.
15. Марьина, В. В. СССР – Словакия 1939-1945 гг.: Военно-политические аспекты / В. В. Марьина. – М., 2017. – 496 с.
16. Зорин, А. В. Официальный визит президента Э. Бенеша в США в 1943 г. / А. В. Зорин // Вопросы истории. – №5. – С. 4-5.
17. Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.: Документы и материалы. – М.: Госполитиздат, 1960. – 291 с.
18. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание / Г. Ф. Кривошеев, В. М. Андронников, П. Д. Буриков [и др.]. – М.: Вече, 2014. – 384 с.
19. Зайцева, Е. Пир победителей / Е. Зайцева // Родина. – 2020. – №5. – С. 84-87.
20. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 14 (3-2). Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах, 1944-1945: Док. и материалы / Ин-т воен. истории М-ва обороны РФ, Воен.-ист. центр Вооружен. сил РФ, Центр. архив М-ва обороны РФ; Авт. сост. А.Д. Ефремов и др. – М.: Терра, 2000. – 688 с.
21. Вторая мировая война 1939-1945 гг. в истории СССР, Чехословакии и славянских народов /редкол.: Ю. А. Борисёнок [и др.]. – Мн.: Колорград, 2019. – 106 с.
22. Лебедев Н., Павлюткина И. Всё равно перед ними в долгу...// Литературная газета. – 2009. – 6 мая.
23. Гречена, Е. Польша. Полная история / Е. Гречена. – М.: АСТ, 2020. – 352 с.
24. Довгялло, М. С. Советские войска в странах народно́й демократіі //Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны (да 75 годдзя кафедры ўсеагульнай гісторыі Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Францыска Скарыны) : зб. навук. артыкулаў. – Гомель. ГДУ імя Ф. Скарыны. 2022. – Вып. 8. – 179 с.
25. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 3. 1 января – 3 сентября 1945 г. / ред.-сост. С. Майоров. – М.: Гос. изд. полит. лит-ры, 1947. – 791 с.
26. Россия и СССР в войнах XX века / Г. Ф. Кривошеев [и др.]. – М.: Вече, 2010. – 618 с.
27. Крестьянинов, В. «Что делать с Польшей?» / В. Крестьянинов // Аргументы недели. – 29 янв.–4 февр. 2020. – № 3. (697).
28. Особым варварством отличаются акты вандализма в Польше [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://dzen.ru/a/Xo_5sHU_RVkJSLNLU. – Дата доступа: 16.05.2023.
29. Эрлихман, В. Два Ивана / В. Эрлихман // Историк. – 2022. – №12. – С. 68–73.
30. Сообщение МИД о мероприятии, организованном Посольством Российской Федерации //Республика Болгария. Министерство иностранных дел. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mfa.bg/bg/news/22725>. – Дата доступа: 10.05.2023.
31. Кобринская, И. Россия в мировой политике: поддерживая баланс / И. Кобринская // Год планеты: ежегодник / под ред. В. Г. Барановского, Э. Г. Соловьева; ИМЭМО РАН. – М.: Идея-Пресс, 2019. – 386 с.
32. Костиков, В. Устойчивое слововычитание / В. Костиков // Аргументы и факты в Белоруссии. – 2023. – №17. – 25 апр.

УКРАИНСКАЯ ВОЙНА НАТО ПРОТИВ РОССИИ И УКРАИНСКИЙ ФАШИЗМ (НАЦИЗМ)

В.А. Космач, г. Витебск, Республика Беларусь

Статья посвящена Украинской войне НАТО против России, которую Запад развязал против Москвы в феврале 2014 г. на территории Украины. Анализируется украинский фашизм (нацизм). Статья написана в авторском видении и трактовке.

Ключевые слова: национализм, разрушение СССР, «евромайдан», война, НАТО, коллективный Запад, украинский нацизм (фашизм), геноцид, специальная военная операция (СВО), денацификация, демилитаризация.

Украинская война НАТО против России развернулась с февраля 2014 года. Она была необъявленной, дата ее начала – 22/23 февраля 2014 г., дни государственного переворота на Украине, в Киеве. Законно избранный президент Украины Виктор Янукович был отстранен от власти «евромайдановцами». С 23 февраля 2014 г. обязанности президента Украины были возложены Верховной Радой Украины на ее нового председателя Александра Турчинова, а 27 февраля новым премьер-министром Украины стал Арсений Яценюк, оба они – ставленники США и Запада. Однако жители Донбасса не поддержали государственный переворот в Киеве, как и все русскоязычное население Крыма. На территориях Донецкой и Луганской областей (меньше, чем в границах этих областей) были провозглашены Донецкая и Луганская Народные Республики (ДНР и ЛНР), а Крым по итогам референдума 16 марта 2014 года стал частью Российской Федерации.

Прозападная националистическая (бандеровская) клика в Киеве расценила происходящее в Донбассе как «сепаратизм». Против ДНР и ЛНР были брошены войска и националистические батальоны типа «Азов». С апреля 2014 г. в Донбассе развернулись боевые действия между сторонниками и противниками «евромайдана». Википедия события 2014–2022 гг. так и называет – война в Донбассе, стыдливо умалчивая, что это еще и гражданская война на территории Украины, единой до событий 2014 г.

США, все государства НАТО и ЕС, т.е. коллективный Запад, сразу же поддержали «евромайдан» в Киеве, приход путчистов к власти и развязанную в Донбассе гражданскую войну против «сепаратистов» и пророссийских ДНР и ЛНР. На это были брошены огромные деньги и силы, прежде всего, вооружение и наемники. Только на подготовку «евромайдана» в Киеве США выделили 5 млрд долл. и... «пакет пончиков», которые раздавала «евромайдановцам» в Киеве Виктория Нуланд, помощник госсекретаря США по вопросам национальной безопасности. На конец 2022 г., начиная с 2014 г., страны ЕС выделили Украине на устойчивость режима «евромайдана» в Киеве и на войну с Россией в Донбассе 16,5 млрд евро, а США – в разы больше.

По словам пресс-секретаря Пентагона Пэта Райдера, США с 2014 г. предоставили Украине военную помощь на сумму в 15,5 млрд долл.,

с января 2021 г. – еще более 13,5 млрд. долл. в виде помощи в сфере безопасности. Согласно отчету Пентагона в 2022 г. США потратили 63,3 млрд долл. на Украину на оружие, боеприпасы, логистику, поставки, зарплаты и стипендии. По утверждению газеты «The Hill», США потратили на помощь Украине 75,5 млрд долл. Из них 29,3 млрд долл. – это военная поддержка Украины с февраля 2022 г., а 45 млрд – это траты Штатов на обеспечение безопасности Украины, восстановление ее экономики, энергетической безопасности и для преодоления гуманитарного кризиса. В Афганистане затраты США за 20 лет составили 2,3 трлн долл. (по 200 млн долл. в день). С начала СВО России на Украине Запад потратил на Украину 150 млрд долл., из которых 75 млрд долл. – на военные нужды «режима Зеленского».

14 февраля 2023 г. генсек НАТО Й. Столтенберг заявил в одном из своих интервью, что война НАТО против России на Украине началась в 2014 г., а не чуть более года назад (с СВО России 24 февраля 2022 г.). За восемь лет этой войны по данным Управления Верховного комиссара ООН по правам человека ее жертвами стали 3,5 тыс. гражданских лиц. В действительности, в Донбассе жертвами укронацистов стали от 5 до 8 тысяч мирных жителей. Нужно было остановить этот геноцид и тех, кто его развязал и поддерживал. 24 февраля 2022 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин заявил о начале специальной военной операции (СВО) в Украине с целью защиты мирного населения Донбасса, демилитаризации и денацификации Украины. Это было справедливое и единственно верное решение. Причем, на опережение, поскольку Киев планировал ударить по Донбассу и Крыму неделей-двумя позже и грозился даже ядерной бомбой против России.

Выступая на саммите секретарей Совета безопасности стран ШОС в Нью-Дели 29 марта 2023 г. и говоря о ходе СВО ВС РФ в Украине, секретарь Совета Безопасности России Николай Патрушев отметил, что в войне НАТО против России создана коалиция из более чем 50-ти государств, которые входят в так называемую коалицию «Рамштайн» (по названию американской военной базы в ФРГ).

Украинская война НАТО против России 2014 г. и последующих лет была вызвана, прежде всего, геополитическим соперничеством США и России на постсоветском пространстве после разрушения СССР в конце 1991 г. Ключевой площадкой для соперничества стала Украина. И в Москве, и в Вашингтоне прекрасно понимали значимость украинского фактора. Для России потеря Украины означала потерю статуса империи, т.е. сильного государства и мощного игрока в мировой политике, лишится своих исконно русских территорий, русскоязычного населения и огромных украинских источников сырья и чернозема.

Для США утрата Москвой Украины означала геополитическую победу, захват новых территорий и расширение НАТО на восток, вплотную к границам России. Как образно выразился римский папа Франциск I, «лай НАТО у ворот Кремля» вынудил Президента России В.В. Путина начать СВО. Расширение НАТО на восток, т.е. НАТОвское продвижение к границам России, началось уже с начала 1990-х гг. и особенно активно в своей второй

фазе пошло с 2008 г. Между тем, еще в 1990 г. государственный секретарь США Джеймс Бейкер обещал М.С. Горбачеву не расширять НАТО на восток, чтобы не вызвать конфронтации блока с СССР. Но это были только слова, а на деле – очередным обманом, как и Минские соглашения 2015 г.

В марте 1947 года президент США Гарри Трумэн провозгласил доктрину сдерживания СССР. Через год в марте 1948 года, в Брюсселе был заключен пакт между Великобританией, Францией, Люксембургом, Бельгией и Нидерландами, который лег в основу Альянса. А еще через год, 4 апреля 1949 года, в Вашингтоне 12 стран подписали Североатлантический договор. Среди них – Франция, Италия, Португалия, Исландия, Великобритания, Бельгия, Норвегия, Дания, Нидерланды, Люксембург, Канада и США. В 1954 году на вступление в НАТО подавал заявку и СССР, но ее отклонили.

Заклучив договор, государства-члены взяли на себя обязательство поддерживать и развивать свой оборонный потенциал, обеспечивая основу для коллективного военного планирования. Важнейшим пунктом документа является ст. 5, в которой говорится, что в случае «вооруженного нападения на одного или нескольких его участников другие члены НАТО окажут немедленную помощь странам, подвергшимся нападению, любым путем, «включая применение вооруженной силы».

Этапы расширения НАТО до развала СССР: за свою историю НАТО расширялось восемь раз. До распада Советского Союза были три волны расширения: к союзу 12 стран присоединились Греция, Турция, Германия и Испания.

Первая волна расширения. Греция – одна из старейших членов Североатлантического альянса. Присоединилась к блоку 18 февраля 1952 года, через три года после подписания договора. 14 августа 1974 года на фоне обострения кипрского кризиса премьер-министр Греции заявил о выходе страны из военной организации НАТО, мотивируя решение неспособностью блока помешать возникновению вооруженного конфликта между Грецией и Турцией. В 1980 году Греция вернулась к участию в военной организации Альянса.

Турция – одна из старейших членов Североатлантического альянса. Вступила в НАТО 18 февраля 1952 года. Принятие в Альянс «несвероатлантических» членов лежит в основе доктрины Трумэна — расширение военной и экономической помощи государствам, уязвимым для советской угрозы.

Вторая волна расширения. Германия стала членом Североатлантического альянса 9 мая 1955 года. Получила право на формирование вооруженных сил, но не имела права иметь собственное оружие массового поражения.

Третья волна расширения. Испания была принята в Альянс 30 мая 1982 года. В 1996 году испанский парламент одобрил участие страны в общей командной структуре НАТО.

Этапы расширения НАТО после распада СССР. После распада СССР Альянс стал создавать различные механизмы консультаций с бывшими странами Варшавского договора, начал проводить политику «открытых

дверей». Путь к расширению Альянса открыла программа «Партнерство ради мира» (1994 год), активизировавшая сотрудничество со странами бывшего соцлагеря.

Четвертая волна расширения. 12 марта 1999 года, за 12 дней до начала бомбардировок Югославии, в Альянс вступили Венгрия, Польша и Чехия – с этого началось расширение НАТО на восток. Президент России Борис Ельцин еще в феврале 1999 года в обращении к парламенту призвал противостоять концепции «натоцентризма», поскольку расширение Альянса «остаётся для России неприемлемым».

Пятая волна расширения. В 2004 году к НАТО присоединились Болгария, Латвия, Литва, Румыния, Словакия, Словения и Эстония. Это расширение стало самым крупным в истории Альянса. Кроме того, НАТО вплотную приблизилась к границам России. Глава МИД РФ Сергей Лавров тогда подчеркивал, что «Россия по-прежнему считает расширение НАТО ошибочным шагом на пути укрепления европейской безопасности».

Шестая волна расширения. В 2009 году к Североатлантическому альянсу присоединились Албания и Хорватия. Новое расширение произошло 1 апреля. В сентябре того же года президент России Дмитрий Медведев отмечал, что у Москвы «ровные, нормальные отношения с Североатлантическим альянсом», однако «НАТО – это все-таки военный блок, и его ракеты направлены в российскую сторону».

Седьмая волна расширения. В 2017 году в НАТО вступила Черногория. Страна была принята в Альянс спустя 11 лет и два дня после провозглашения независимости. Присоединение происходило на фоне утверждений о вмешательстве РФ в выборы в республике. Лавров указывал, что такое развитие событий было предрешено, поскольку НАТО «хочет вобрать все Балканы в свою структуру».

Восьмая волна расширения. 6 февраля 2019 года был подписан протокол о вступлении в НАТО Северной Македонии. Официально страна стала членом Альянса 27 марта 2020 года, в разгар пандемии коронавируса. МИД РФ тогда заявил, что «присоединение Скопье к Альянсу не несет никакой добавленной стоимости ни европейской, ни региональной, ни национальной безопасности» и, напротив, «будет только создавать новые разделительные линии».

На пороге девятой волны расширения. В 2018 году для Боснии и Герцеговины запустили План действий по членству. После его реализации следует официальное приглашение в Альянс, однако вступление пока так и не произошло.

Кроме того, партнерами по ускоренному диалогу с НАТО являются Грузия и Украина. Однако еще весной 2022 года лидеры Альянса и украинское руководство признали, что вступление Украины в НАТО невозможно. 30 сентября 2022 года украинский президент Владимир Зеленский заявил, что Украина в ускоренном порядке подает заявку на вступление в НАТО. Однако в январе 2023 года экс-председатель Мюнхенской

конференции по безопасности Вольфганг Ишингер заявил, что Украина не может вступить в НАТО из-за несоответствия требованиям Альянса.

Финляндия и Швеция подали заявки на вступление в НАТО летом 2022 года. С того момента 28 из 30 стран-членов блока ратифицировали договоры о приеме североευропейских стран. Блокировали процесс Венгрия и Турция. Позднее Венгрия все же одобрила заявку Хельсинки. А 1 апреля текущего года заявку Финляндии ратифицировал президент Турции Реджеп Эрдоган.

В Кремле сообщали, что Россия ответит на вступление Финляндии в Альянс, приняв контрмеры в тактическом и стратегическом плане. Пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков обращал внимание на то, что расширение НАТО является посягательством на безопасность и интересы России.

4 апреля 2023 года Финляндия все-таки официально вступила в НАТО – без Швеции [1].

По словам экс-советника по национальной безопасности при Президенте США Д. Трампе Дж. Болтона, НАТО планировалось расширить за счет Молдавии, Украины и Белоруссии. Для этого Дж. Болтон приезжал в Минск в 2019 г. и встречался с А.Г. Лукашенко. «Я поехал на встречу с Лукашенко, – говорил он позже, уже не скрывая, – чтобы оценить, сможем ли мы заставить его отвернуться от Москвы». Но белорусский Президент не дрогнул. Тогда, в ответ на его отказ отвернуться от Москвы, коллективный Запад организовал и профинансировал «белорусский майдан» в 2020 г.

Сегодня (2023 г.) министр иностранных дел Германии Анналена Бербок открыто и официально заявляет, что Запад воюет с Россией, а экс-президент Польши Лех Валенса высказался о том, что следует «окончательно разобраться с Россией». Как подчеркивают постоянно президент Российской Федерации В.В. Путин и министр иностранных дел России С.В. Лавров, Запад поставил цель разрушить экономику России, уничтожить ее как великую державу. Как заявил С. Лавров в мае 2023 г. в одном из своих интервью, расширение западного военно-политического блока НАТО на восток для России подобно внешней политике Гитлера в духе *Drang nach Osten*. По словам М. Захаровой, «налицо все признаки того, что Запад на территории Украины ведет настоящую этническую чистку украинцев. Западными кураторами делается все для полного уничтожения украинцев как народа. Сначала у них отняли историю, затем их развалили через коррупцию, затем ввергли в фазу кровавого внутреннего противостояния, а затем использовали, чтобы нанесли поражение России».

Вторая причина Украинской войны НАТО против России связана со всеми событиями, происходившими вокруг СССР в 1991 г. и на постсоветском пространстве после разрушения Советского Союза американцами (Западом) и «пятой колонной» внутри СССР. В июле 1991 г. в Москву прибыл президент США Дж. Буш-старший. Состоялся очередной советско-американский саммит, в ходе которого был подписан Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1). Согласно

договору, СССР и США должны были в течение 7 лет сократить ядерные арсеналы таким образом, чтобы у каждой стороны осталось не более 6 тыс. единиц. Правда, в реальности согласно «правилам зачета» боезарядов, находящихся на тяжелых бомбардировщиках, СССР мог иметь около 6,5 тыс. боеголовок, а США – 8,5 тыс. Реализация договоренностей была затруднена из-за непредсказуемо развивавшихся событий в Советском Союзе [1, с. 108–109]. Может показаться странным, но именно после этого визита Дж. Буша-старшего в Москву разрушение Советского Союза пошло очень быстрыми темпами.

29 июля 1991 года, пишет в своей книге А.А. Медведев, президент США Джордж Буш-старший вместе с женой Барбарой гостил на подмосковной даче первого и последнего президента СССР Михаила Горбачева. Они обсуждали разные вопросы: положение дел на Ближнем Востоке, ситуацию в Восточной Европе и события, разворачивающиеся внутри СССР. А Советский Союз трещал по швам, разваливался, по окраинам страны уже начинались межэтнические столкновения. Кремль растерянно пытался что-то предпринять, но реальных рычагов управления страной становилось все меньше и меньше. Однако Джордж Буш говорил Горбачеву, что распад СССР не в интересах Америки. Еще Буш сказал, что поедет в Киев, столицу советской Украины, чтобы убедить украинцев не выходить из состава СССР [2].

Украина еще была республикой Советского Союза, еще подчинялась Москве, и Горбачев мог запретить американскому президенту лететь в Киев. Но не сделал этого. Почему? Ответа на этот вопрос нет. А Украину, Украинскую Советскую Социалистическую Республику, сотрясали митинги и демонстрации, она переживала невероятный подъем национального движения. Тысячи людей на фоне экономического упадка в СССР в целом выходили на митинги с требованием независимости Украины от СССР. «Украина без Москвы» – главный лозунг киевских, львовских, харьковских митингов 1990–1991 годов. Партийное руководство УССР, поначалу перепуганное всплеском гражданской активности, вскоре осознало, что это движение к независимости можно и нужно возглавить с выгодой для себя. Перед партийными чиновниками возникали головокружительные перспективы стать президентами, премьерами, министрами независимого государства. Но открыто выступать против Москвы в Киеве пока боялись.

1 августа 1991 года прилетевший в Киев Джордж Буш выступил в Верховной Раде. Он, в частности, сказал: «Много веков назад ваши предки называли эту страну Украина, или «границу», потому что ваши степи лежат между Европой и Азией. Но украинцы теперь стали пограничниками другого рода. Сегодня вы исследуете границы и контуры свободы. Мы будем поддерживать тех, кто намерен следовать свободе, демократии и экономическим свободам».

Это был, конечно, вызов Москве, который она проглотила. А в Киеве поняли – Запад на их стороне, а Кремль бессилен. Через две с половиной

недели в Москве произошел путч, неудачная попытка смещения Горбачева, его подавили 21 августа, а 24 августа 1991 года внеочередная сессия Верховной Рады приняла «Акт провозглашения независимости Украины». В декабре там прошел референдум о суверенитете, и сразу после его проведения Джордж Буш распорядился признать независимость Украины [2, с. 7–8]. А еще до референдума это сделала Польша. Почему и для чего Западу в целом и США в частности была нужна независимая Украина, предельно прозрачно объяснил американский политолог, социолог, бывший советник президента США по национальной безопасности Збигнев Бжезинский в своей книге «Великая шахматная доска: господство Америки и ее геостратегические императивы»: «Украина, новое и важное пространство на евразийской шахматной доске, является геополитическим центром, потому что само ее существование как независимого государства помогает трансформировать Россию. Без Украины Россия перестает быть евразийской империей. Без Украины Россия все еще может бороться за имперский статус, но тогда она стала бы в основном азиатским имперским государством и, скорее всего, была бы втянута в изнуряющие конфликты с поднимающей голову Средней Азией, которая, произойди такое, была бы обижена в связи с утратой недавней независимости и получила бы поддержку со стороны дружественных ей исламских государств Юга. Китай, похоже, также воспротивился бы любого рода реставрации российского доминирования над Средней Азией, учитывая его возрастающий интерес к недавно получившим независимость государствам этого региона. Однако если Москва вернет себе контроль над Украиной с ее 52-миллионным населением и крупными ресурсами, а также выходом к Черному морю, то Россия автоматически вновь получит средства превратиться в мощное имперское государство, раскинувшееся в Европе и в Азии. Потеря Украиной независимости имела бы незамедлительные последствия для Центральной Европы, трансформировав Польшу в геополитический центр на восточных рубежах объединенной Европы» [3].

Эти слова многое объясняют в том, что же и почему происходит на Украине сейчас. Они показывают, насколько для Запада важен контроль над Украиной. Точнее, насколько важно не дать ей войти в российскую политическую орбиту. И почему из всех сил Брюссель и Вашингтон поддерживают украинский политический проект.

По Р. Медведеву, распад Советского Союза был вызван ростом антироссийского национализма и российского сепаратизма, холодной войной и давлением Запада, разрушением социалистического лагеря правящих там компартий, острой борьбой между Б.Н. Ельциным и М.С. Горбачевым за власть, неустойчивостью фундамента (экономики) и несущих конструкций СССР [4]. Несомненно, это была величайшая трагедия в истории второй половины XX в., которая привела, в конечном итоге, к украинской войне НАТО против России. Ее контуры обозначились уже в ходе «цветных революций» (см. рис.).

«Украинский майдан» в феврале 2014 г. был насильственным государственным переворотом, подготовленным и проплаченным американцами (все мы помним «пирожки» и «пончики» Виктории Нуланд, которые она раздавала бандеровцам на улицах Киева в 2014 г.). В Украине он вызвал гражданскую войну, поскольку «новые власти» (бандеровские и нацистские) Донбасс и Крым не признали и туда для усмирения якобы «сепаратистов», а на самом деле для убийства русских и «ненастоящих украинцев» были направлены националистические батальоны и ВСУ, изначально вооруженные США и другими государствами НАТО. Так вместе с гражданской войной в Украине началась война между НАТО и Россией, которая решительно заявила о своей защите русских в Донбассе и Крыму. Последний по итогам всенародного референдума уже в 2014 г. был включен в состав России. А вот в Донбасс пришла война.

Февраль 2014 г. – февраль 2022 г. – это первая, вялотекущая, невоенная стадия (период) Украинской войны, когда государства НАТО и Россия не были напрямую втянуты в военный конфликт в Украине. За эти годы США и Запад (НАТО) готовились к войне с Россией, но руками украинцев, поставляя Киеву огромные суммы денег и вооружений, направляя инструкторов для обучения ВСУ «современным стандартам НАТО». Вынужденная этим обстоятельством и геноцидом русского населения Донбасса спецоперация России (СВО) в феврале 2022 г. – это начало второй «горячей фазы» Украинской войны между НАТО и Россией в Украине. Заявления американских и других высокопоставленных НАТОвцев, включая высшее политическое руководство НАТО, ЕС, Германии, Франции, Великобритании, Италии и других, о том, что они не воюют с Москвой, а всего лишь помогают Украине «отстаивать независимость, демократию и свободу» – прямая и наглая ложь.

За годы войны НАТО с Россией на территории Украины (до последнего украинца!) коллективным Западом было разработано и наложено на Россию 13700 различных санкций – больше, чем на все другие страны вместе взятые! Американские, польские, английские, французские и другие наемники уже не один год участвуют в боевых действиях в Донбассе, убивая русских (и не только военных, но и гражданское население). 10 февраля 2023 г. российское МИД заявило, что расстрел российских военных лежит на совести западных кураторов Киева, которые «создали этот нацистский режим» и вырастили поколение жителей Украины, «одержимых идеей ненависти и национального превосходства», а также покрывали молчанием преступления таких «украинцев».

Возникает вопрос: есть ли в современной Украине нацизм? Ответ: да, вне всякого сомнения. Он одет в форму бандеровского украинства и представлен преступным режимом Зеленского и доброй половиной украинцев, обманутых и оболваненных, которые этот режим поддерживают, наивно веря в то, что он борется с «москалями» за «свободу и независимость Украины», а также за защиту Запада и западной «демократии» от покушений России.

ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ XX ВЕКА В БЫВШЕМ СССР

Год	Страна	Название	Формальный повод	Скрытая причина	Лидеры протеста	Почерк протеста	Итог
2003	Грузия	Революция роз 	Обвинения в фальсификации парламентских выборов	Попытки Шеварднадзе наладить испорченные экономические отношения с Россией	Михаил Саакашвили	Бескровный захват здания парламента	Победа оппозиции. Война в Южной Осетии. Осуждение Саакашвили
2004-05	Украина	Оранжевая революция 	Обвинения в фальсификации президентских выборов	Поддержка оппозиции "извне", контроль со стороны прозападных НКО	Виктор Ющенко, Юлия Тимошенко	Мирные акции протеста	"Третий тур" голосования. Победа Ющенко. Дефицит бюджета. Катастрофа на следующих выборах
2005	Киргизия	Тюльпановая революция 	Обвинения в фальсификации парламентских и президентских выборов	Требование Акаева к США свернуть военную авиабазу в Башкеке	Курманбек Бакиев	Массовый штурм парламента	Победа оппозиции. Экономический спад. "Дынная революция" в 2010 году. Киргизо-узбекский конфликт. Массовая резня.
2009	Молдавия	Сиреневая революция 	Победа коммунистов на парламентских выборах	Экономические сложности в стране	Без выраженных лидеров	Массовый штурм парламента	Выслан посол Румынии. Парламентские перевыборы.
2013-14	Украина	Евромайдан 	Приостановка подготовки к подписанию соглашения с Евросоюзом	Геополитическая конкуренция	Дмитрий Ярош, Андрей Парубий, Олег Тягнибок, Арсений Яценюк, Виталий Кличко	Мирные акции протеста, провокации	Отстранение Януковича. Раскол Украины. Конфликт с Россией
2018	Армения	Бархатная революция 	Выдвижение на очередной срок Сержа Саргсяна	Никол Пашинян казался Западу наиболее подходящим среди проевропейских политиков	Никол Пашинян	Митинги, угрозы народного бунта	Поражение в Нагорном Карабахе. Сближение с Россией
2020	Белоруссия	Революция БКБ (бело-красно-белая) 	Обвинения в фальсификации президентских выборов	Попытки Александра Лукашенко выстроить многовекторную политику с Западом и Россией	Светлана Тихановская	Манифестации, забастовки на крупных предприятиях.	Жестокое подавление, что было необходимо

Украинский нацизм (фашизм) имеет давние исторические корни и в своем нынешнем мировоззрении сформировался еще в начале XX века, когда в феврале 1900 г. украинство австрийского «розлива» пришло в Россию. Тогда в Харькове была образована первая политическая украинская партия в Российской империи – Революционная украинская партия (РУП). Ее создатель, Николай Михновский, родился в семье сельского священника, который, по рассказам самого Михновского, детей воспитывал в национальном духе. И даже проповеди в церкви он читал только на народном (украинском) языке. РУП была малочисленна, и, на первый взгляд, не очень влиятельна, но из нее выросли все последующие украинские партии, потому что именно РУП предложила новую идеологию в новой форме, впервые сформулировала базовые принципы украинского национализма. Именно от Н. Михновского берет начало знаменитое майдановское «кто не скачет – тот москаль» [2, с. 251–253].

В начале 1904 г. Н. Михновский и его наиболее радикальные молодые сторонники вышли из РУП и образовали Украинскую народную партию (УНП), которая своей целью провозгласила борьбу за независимость Украины [2, с. 255–256].

Михновский был партийным лидером, идеологом, он написал, можно сказать, основной манифест украинского национализма, который стал базовым для многих поколений, и который, по сути своей, и сегодня воплощается в жизнь властями Украины. «Десять заповедей УНП», этакий партийный катехизис, присяга для каждого нового члена партии, стоят того, чтобы процитировать их полностью.

1. Одна, единая, неделимая, от Карпат и до Кавказа независимая, свободная, демократическая Украина – республика рабочих людей.

2. Все люди – твои братья, но москали, ляхи, венгры, румыны и евреи – это враги нашего народа, пока они господствуют над нами и обируют нас.

3. Украина – для украинцев! Итак, выгони отовсюду с Украины чужаков-угнетателей.

4. Всегда и везде используй украинский язык. Пускай ни жена твоя, ни дети твои не оскверняют твой дом языком чужаков-угнетателей.

5. Уважай деятелей родного края, ненавидь врагов его, презирай оборотней-отступников – и хорошо будет всему твоему народу и тебе.

6. Не убивай Украину своим равнодушием к всенародным интересам.

7. Не становись ренегатом-отступником.

8. Не обворовывай собственный народ, работая на врагов Украины.

9. Помогай своему земляку прежде всех, держись в центре товарищей.

10. Не бери себе жену из чужаков, поскольку твои дети будут тебе врагами, не дружи с врагами нашего народа, поскольку ты даешь им силу и отвагу, не создавай союзы с угнетателями нашими, поскольку будешь предателем.)

Пункт номер два особенно прекрасен. В нем вся суть будущей украинской политики. В нем перечислены все виновные в бедах несчастного украинского народа. Все люди – братья, но вот поляки, москали, евреи и

венгры – нет. Но это не просто все соседние страны, это ведь еще и нации, населявшие саму Малороссию. Но они чужаки и враги украинского народа, смотрим пункт 10, с ними дружить-то нельзя [2, с. 256–257].

Похоже, в 1919 г., начиналась история НСДАП (Национал-социалистической рабочей партии Германии) Адольфа Гитлера. Созданная германской военщиной в своей партийной программе («25 пунктов») в феврале 1920 г. она провозгласила первое и главное требование нацистов – «объединение всех немцев в Великую Германию на основе права народов на самоопределение» [5]. В 1891 г. Николай Михновский вступил в тайную студенческую организацию, по другим данным он сам ее организовал. Несколько студентов Харьковского и Киевского университетов решили присягнуть на верность Украине, сделали они это на могиле Тараса Шевченко, а организацию свою называли, что естественно, «Братством тарасовцев». Украинско-казачья мифология, помноженная на стихи певца украинского восстания, оказала термоядерное воздействие на молодые радикальные умы. «Тарасовцы» заявили, что они будут бороться за «самостоятельную суверенную Украину, соборную, единую и неразделенную, от Сана до Кубани, от Карпат до Кавказа, свободную среди свободных, без пана, хама, без классовой борьбы, федеративную республику» [2, с. 251–252]. В 1900 г. Н. Михновский заявил, что террористические методы помогут Украине обрести свободу. Точно также рассуждал и действовал А. Гитлер. Последователями и верными учениками Н. Михновского, которые в разы превзойдут своего учителя, станут историк Николай Грушевский, униатский митрополит Андрей Шептицкий, атаман Павел Скоропадский, Кость Левицкий, Евгений Коновалец, Степан Бандера, Роман Шухевич и др., а сегодня Арсений Яценюк, Александр Турчинов, Петр Порошенко, Виктор Ющенко, Юлия Тимошенко и прочие, и, конечно же, Владимир Зеленский со своими будановыми, залужными, резниковыми, даниловыми и подоляками. У А. Гитлера тоже было много своих соратников и последователей. Многие из них были осуждены на смерть в Нюрнберге в 1946 г. и повешены за содеянные преступления.

Таким образом, как минимум два, и это не все, ключевых признака, которые роднят нынешних укронацистов и германских национал-социалистов, налицо: борьба за величие страны за счет других народов и территорий и террористические методы осуществления власти и пути к власти. Но более всего поражает третий признак сходства украинского фашизма и германского национализма: это расовые и расистские фашизмы, которые отличаются этим от других фашизмов, в том числе и от итальянского фашизма, который был государственно-корпоративным по своей сути.

Как известно, А. Гитлер и немецкие национал-социалисты (нацисты) делили собственных граждан на «арийцев» и остальных. В официальном лексиконе фашистской Германии было слово «Untermenschen» («недочеловеки»), к которым относили, прежде всего, евреев, славян и цыган. И «Великую Германию» А. Гитлер и нацисты планировали создать за счет порабощения и уничтожения других народов, т.е. налицо юдофобия,

славянофобия и цыганофобия. У киевского режима В. Зеленского сегодня на вооружении русофобия (война с «клятыми москалями»). И когда многие в Украине в наши дни говорят: «А где вы видели фашизм на Украине? Вот я похож на фашиста? Это ваша пропаганда рисует из украинцев каких-то нелюдей! Нет у нас фашизма. Наш президент еврей. Как может быть еврей фашистом? Мы просто хотим жить по-другому. Мы хотим, чтобы Украина стала украинской...», то это вовсе не значит, что в Украине нет фашизма. Он есть, он во власти и у власти. То, что президент Украины В. Зеленский и его основной спонсор Б. Коломойский, как и другие в высшем эшелоне политической власти в Украине евреи, вовсе не означает, что на Украине не может быть фашизма, причем, как мы уже отметили, в форме и подобии германского национал-социализма. Сам А. Гитлер был на одну шестнадцатую евреем, его личный шофер и один из создателей отрядов СС Эмиль Морис – тоже еврей. Один из гитлеровских генералов – Эргард Мильх тоже был евреем и националистом. Он внес огромный вклад в подготовку люфтваффе (ВВС фашистской Германии) к войне. Интересно, что Г. Геттинг не все упреки в адрес Э. Мильха отвечал «Это я определяю, кто еврей, в кто нет» [5–6]. Все мы низко склоняем головы перед жертвами Холокоста, как и перед всеми жертвами геноцида против славян и других народов. Но были и такие евреи, которые воевали на стороне фашистской Германии против СССР. Сразу после войны в советских лагерях для военнопленных оказалось 10173 евреев, воевавших против СССР на стороне фашистской Германии. Были предатели и среди славян, среди поляков, украинцев, белорусов и русских. Что касается В. Зеленского, то, по словам В.В. Путина, сказанным им 16 июня 2023 г. во время Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ), он – «это позор еврейского народа».

Сторонником фашизма, нацистом может быть лицо любой национальности, поскольку дело не в ней, а в нравственном, мировоззренческом и политическом выборе политика, или простого обывателя. В. Зеленский и все те, кто поддерживает его режим, – это украинские фашисты в самой худшей форме фашизма – германского национал-социализма. Это украинские нацисты, которых сегодня Запад бросил в войну против России в украинской войне НАТО против Москвы. Внутри самой Украины, как и в фашистской Германии 1933–1945 гг., действует расовое законодательство.

23 февраля 2014 г., сразу же после государственного переворота и прихода к власти бандеровцев, Верховная Рада Украины проголосовала за отмену закона «Об основах государственной языковой политики», который действовал с 10 августа 2012 г. После его отмены только украинский язык стал государственным и единственным языком официального делопроизводства и общения. И это несмотря на то, что более двух третей украинцев говорят и думают на русском языке. В том же духе были выдержаны поправки к закону «О телевидении и радиовещании» в 2016 и 2017 гг. 5 сентября 2017 г. парламент Украины принял в националистическом духе новую редакцию закона «Об образовании».

В 2019 г. был принят закон о языке в националистическом духе, в то время, как 76% пользователей Google и 83% участников опроса Гэллапа на Украине предпочитают русский язык украинскому. При этом около половины украинцев говорят на русском и дома. Наконец, вершиной украинского законодательства стал закон от 1 июля 2021 г. «О коренных народах Украины», в числе которых не оказалось ни русских, ни белорусов, ни венгров.

По состоянию на ноябрь 2022 г. в публичных библиотеках Украины списано и уничтожено около 19 млн экземпляров книг, в том числе около 11 млн – на русском языке. В рамках политики «дерусификации» в 2022 г. на Украине уничтожено 20 млн экземпляров книг на русском языке. Так поступали только гитлеровцы в Германии в 1930-е гг. Аналогичная участь постигла памятники, связанные с русской и советской историей и Великой Отечественной войной 1941–1945 гг., а также названия улиц и площадей.

Теперь сравним два нацизма – германский и украинский. Сходство очевидное и поразительное.

Германский национал-социализм	Украинский нацизм (фашизм)
1. Идеология и практика «Великой Германии». Лозунг «Германия превыше всего!»	Единая и неделимая Украина от Карпат до Кавказа. Лозунг «Слава Украине – героям слава!»
2. Деление граждан на немцев и остальных, «арийцев» и «неарийцев»	Деление граждан на «украинцев» и «ненастоящих украинцев»
3. Расовое законодательство	Расовое законодательство
4. Юдо-, славяно- и цыганофобия	Русофобия, борьба с «клятыми москалями»
5. Полное уничтожение политической оппозиции, установление однопартийной диктатуры	Аналогично
6. Зачистка бизнес-структур и олигархата после прихода к власти	Аналогично
7. Попытка создать «новую религию»	Гонения на УПЦ вплоть до запрета. Создание ПЦУ
8. Ставка на террор и устранение инакомыслия. Политические убийства	Аналогично
9. Нацистская символика и приветствия	Аналогично
10. Пропаганда в духе Й Геббельса	Пропаганда в духе С. Бандеры

В 2013 г. ряд неонацистских организаций Украины («Тризуб», «Патриоты Украины», УНА–УНСО, «Социал-национальная ассамблея», С14 и «Белый молот») объединились, сформировав «Правый сектор». В 2014 г.

членами нацистских «Патриота Украины» и «Социал-национальной ассамблеи» был создан батальон «Азов», отметившийся своими зверствами в Донбассе. Командир «Азова» Андрей Билецкий был избран депутатом Верховной рады Украины, а его заместитель, бывший неонацистский активист Вадим Троян стал исполняющим обязанности начальника Национальной полиции Украины. Еще один украинский нацист, основатель и лидер «Правого сектора» в 2013–2015 гг., руководитель праворадикальной националистической организации «Тризуб» Дмитрий Ярош являлся депутатом Верховной рады и заместителем главы комитета по вопросам национальной безопасности и обороны. С апреля 2015 г. Л. Ярош – советник начальника генштаба – главнокомандующего вооруженных сил Украины. Так что украинский нацизм (фашизм) – он и у власти, и во власти. Поэтому и сформировалась в феврале 2022 г. одна из важнейших целей и задач СВО России в Украине – денацификация ее властных и идеологических структур, недопущение полного и окончательного сползания Украины в германской национал-социализм, каковым сегодня является украинский фашизм (нацизм).

Обратим внимание на то, что современный украинский фашизм (нацизм) имеет и отличия от германского национал-социализма, что делает его устойчиво радикальным и агрессивным. Прежде всего это опора укронацизма на так называемое «украинство».

«Украинство» – собирательное название для всей совокупности элементов культуры, быта, психологии, моральных установок, политических наработок, национального юмора, особенностей языка, одежды (включая вышиванку, шаровары и т.п.). Главный замысел идеологов «украинства» состоял в том, чтобы отыскать всевозможные архаичные отличия от того общего, что роднило украинскую культуру с русской в советские времена. Образец «украинства» – Украина времен Тараса Шевченко со всей ее местечковостью и хуторянским сознанием. Если бы речь шла только о культурном возрождении, то в этом бы не было ничего предосудительного. Но идея «украинства» – это не культурный, а политический проект, а в этом статусе он теряет свою непредвзятость и безобидность, обретая антирусскую направленность, пока еще в форме «мягкой силы». По мере усиления «украинства» этот проект становится агрессивным, контрпродуктивным. Вторгаясь в сферу политики, «украинство» демонстрирует признаки клоунады и карнавальной культуры. Активировав «вирус украинства» среди населения Украины, новоиспеченная независимая власть положила начало вялотекущему процессу, а с течением времени – и лавинообразному в обратном от России направлении [7].

Что касается германского национал-социализма и лично А. Гитлера, то они критически относились к аналогу «украинства» в Германии и среди немцев – к «фёлькише» (народничеству), считая его анахронизмом для «новой и великой Германии».

Германские национал-социалисты более сдержанно и осторожно относились к Церкви (католической и протестантской), хотя та была

противником нацистского режима в Германии. Священнослужители преследовались гестапо, но А. Гитлер не использовал церковный (религиозный фактор) для развязывания гражданской войны и против внутренних и внешних врагов. У В. Зеленского и его «команды все по-другому. Курс на раскол единой УПЦ, взятый еще П. Порошенко, достиг сегодня в Украине опасной черты [8]. Налицо религиозная гражданская война в стране, которая вместе с неудачами Запада в войне с Россией может смести режим майдановцев в Киеве. Дело идет к этому.

Еще одним фактором, обусловившим антироссийский курс «незалежной» Украины, была проблема, в силу которой украинские земли страдали политической болезнью под названием «государственная недостаточность». Если выражаться точнее, то речь идет о том, что безгосударственность Украины в течение 300 лет имеет конкретную причину. Исследователи философской поэзии пророка украинского народа Т. Шевченко отмечают его идею богопокинутости украинской нации. Бог якобы отвернул свой лик от украинской земли и тем обрек ее на трагизм существования [7, с. 79].

Как отмечают современные российские авторы, главной ее проблемой следует считать отсутствие подлинной национальной элиты. Для образования и нормального функционирования национального государства необходимо наличие и взаимодействие трех элементов: народ – элита – власть. Народ продуцирует элиту, из элитарной сферы произрастает власть. Если вместо народа иметь население, а вместо элиты – псевдоэлиту, невозможно рассчитывать на адекватную, полноценную власть. Украинский народ есть трудолюбивый, неагрессивный, с моральными достоинствами, богатый индивидуальными талантами, создавший шедевры песенной культуры, но народ – не государственный по своей природе. Этому народу не дано производить политическую аристократию. Не зря существует украинская поговорка: «Не зроби з Івана пана». Политическая элита Украины есть политический плебс, не способный справиться с обеспечением суверенитета, который во внутренней политике озабочен личным обогащением, а во внешней – обречен на вассальную зависимость. Вассалы оказались у власти по стечению обстоятельств. Их беспомощность востребует смены хозяина (сюзерена). Вассал никогда не перестанет быть вассалом, но у него хватит гордыни не вернуться добровольно к прежнему сюзерену. Осознав неспособность выжить в этом мире в одиночку, политический правящий класс Украины стал зондировать свою востребованность на Западе, у политического противника России, отдавая себе отчет, что это приведет к конфликтам не только с российской властью, но и с братским русским народом.

Ни украинский народ, ни его элитарная часть в советские времена не проявляли особого рвения к независимости. Поэтому высокопарные слова о вековой борьбе украинцев за национальное освобождение есть миф, вымысел, в котором желаемое выдается за действительное. Исключение составляет только история с ОУН-УПА, имевшая локальный характер и не затронувшая большей части территории Украины. Независимость досталась

Украине по недоразумению, вследствие всеобщего хаоса в период неконтролируемого распада большого государства [7, с. 80].

Украина сыграла решающую роль в развале Советского Союза в силу своего высокого системного статуса в советской империи, постепенно превратившись в рамках СССР в своеобразное «государство в государстве». Союзная власть неуклонно наращивала территориальное, экономическое, военное, научное, культурное могущество УССР. Украинская республика прочно обосновалась на втором месте после России в системе советской федерации. По количеству населения и размеру территории Украина была равна Франции, уступая по вышеназванным показателям лишь Германии и Великобритании. Развитые промышленность и сельское хозяйство, передовая наука, выгодное геополитическое положение, благоприятный климат, морское побережье и, наконец, 22% мировых запасов чернозема – далеко не полный перечень достоинств украинской республики, о которых многие суверенные государства могли только мечтать. Ключевое слово здесь – «мечтать». Как только зашаталась устои империи, в Украине пробудились мечтатели-романтики, восприняв потенциал республики за достаточное основание претендовать на полный суверенитет.

Справедливости ради заметим, что империя сделала все для того, чтобы посеять семена сепаратизма в «государстве в государстве». Центральная власть не видела ничего предосудительного в том, что Украина практически по всем показателям была в рейтинге следующей после России. Второе место в состязательных видах человеческой жизнедеятельности – в искусстве, спорте и особенно в политике – связано не только с успехом, но и с неудачей, поскольку содержит в себе не только самоуважение, но и самоуничтожение, а также зависть и обиду. У украинцев постепенно сформировался «комплекс младшего брата». При этом ударение делается не на слове «брат», а на определении «младший», что понимается как «недоросль», «неровня». Отсюда произрастают обиды, завышенные претензии и ожидания. Вскрывшиеся тенденции набирают обороты, недовольство перерастает в неприязнь, претензии – в амбиции. В итоге нежелание быть вторым трансформируется в сепаратизм [7, с. 80–81].

Незаметно для центра Украина объективно становилась угрозой для единства страны. В канун перестройки уже не было бы преувеличением сказать, что имперообразующих субъектов уже не один, а два: Россия и Украина. Дуализма в имперообразовании следовало избежать, поскольку центр империи есть основа основ. До начала перестройки ничто не мешало разделить Украину на две части: Левобережную (с центром в Харькове) и Правобережную (с центром в Киеве), а может быть, и на три, создав отдельный субъект с центром во Львове (Галичина). Если бы эти профилактические меры вовремя были приняты, как минимум Восточная Украина могла остаться в составе РФ или же, подобно Беларуси, быть дружественной страной.

Так или иначе, но Украина вышла из СССР не для того, чтобы оставаться «братом» России. Братские российско-украинские отношения

были возможны только в СССР и закончились вместе с его распадом. Началось всестороннее «похолодание» («ледниковый период»), и на некоторое время братские отношения уступили место дружеским.

Переход от братства к дружбе многое значит. Прежде всего, замену семейных отношений политическими. В политике не бывает друзей, есть только интересы. Конечно, отношения могут быть союзническими и существовать долго, как, например, у США с Канадой или Великобританией. Но здесь важно то, какие интересы делают государства союзниками и на какой основе образуется союз. Надежнее всего отношения скрепляет общий враг или конкурент. В противостоянии с противником проблема равенства в союзе уходит на второй план. Равенство возможно только между равными. Примером может служить антигитлеровская коалиция. В банальных случаях о равенстве речи нет, союз формируется по системе сюзерен – вассал [7, с. 81].

Украина оказалась именно в такой ситуации. Отказавшись от статуса «брата», она недолго позиционировала себя в роли «друга». Первые руководители независимой Украины Л.М. Кравчук и Л.Д. Кучма родом из советского партийного прошлого. Они не хотели быть «братьями», но были не против дружбы с Россией. Правда, дружбу они понимали своеобразно. То, что стало принадлежать Украине, должно ей принадлежать безоговорочно: территории, приращенные при СССР, Заводы, фабрики, агропромышленный комплекс, колоссальные запасы вооружения, ГТС и т.п. При этом погашение внешних долгов СССР должна была взять на себя Россия. Что же касается поставок энергоносителей для украинской промышленности, то расчеты должны были производиться на «братской» основе, то есть по заниженным ценам, а по факту – в кредит.

Строительство нового государства есть не только создание новой экономики и финансовой системы. Это и гуманитарная политика, и организация силовых структур, и международные отношения. Весь комплекс обозначенных вопросов Украина стала решать не только не по-братски, но и весьма не по-дружески. Уже в первые годы «независимости» возникли проблемы с русским языком, разделом Черноморского флота, членством в СНГ и др.

Особым пунктом стал вопрос об истории Украины. Вся ее предыдущая биография – это страницы совместной с Россией жизни, где были общие беды и общие победы, а украинский народ считался частью русского народа (за исключением жителей Галичины)? Или украинская нация сама по себе – другой народ, колонизированный Москвией, которая даже название «Русь» отобрала у украинцев? Украинская элита и власть выбрали второй путь. «Украина – не Россия», – провозгласил президент Кучма. Это следовало понимать уже как отказ от дружбы в пользу добрососедских отношений. Добрососедских в том смысле, что доельцинская Россия – это одно, а современная – другое. При царях и советских вождях Украину угнетали, а при Ельцине считают партнером и добрым соседом.

Лукавство Украины состояло в том, что еще до заключения в 1998 г. Большого договора о дружбе она не обнародовала свою позицию официально, хотя уже определилась с «дрейфом» от России к Западу. Договор о дружбе Украине был нужен, главным образом, ради признания Россией границ «незалежного» государства. Кроме того, Л. Кучма извлекал выгоду из официального нейтрального статуса и так называемой многовекторности. Россию задевала такая политика, но ей нечего было возразить против основного украинского аргумента: «Дайте нам денег больше, чем Запад, и мы будем с вами» [7, с. 82].

Далее события развивались по нарастающей. Запад не устраивала декларируемая Л. Кучмой многовекторность, и после серии попыток его досрочного отстранения от должности президента, наконец, был организован «майдан» (так называемая оранжевая революция). К власти на Украине пришел ставленник США В. Ющенко.

Новый президент внес существенные коррективы как во внутреннюю, так и во внешнюю политику. России было отказано уже и в добрососедстве. Ющенко сформировал откровенно неприемлемые для России планы и цели Украины. Среди них переоценка истории, героизация ОУН-УПА, провокация на тему Голодомора, пересмотр газовых соглашений, решительный отказ от двуязычия, все больший отход от России, курс в ЕС и НАТО. Если большой конфликт между Россией и Украиной идейно был заложен в период распада Советского Союза, то о его материализации можно говорить с момента вступления В. Ющенко в президентскую должность. Многовекторность теряет свою актуальность. Теперь России предстоит смириться с курсом Украины в ЕС, обозначается «красная линия» – вступление в НАТО.

Кратковременное потепление в российско-украинских отношениях наступило с приходом к власти В. Януковича. На какое-то время происходит возврат к добрососедству. Харьковские соглашения стали серьезным шагом Украины в пользу России, срок базирования Черноморского флота в Севастополе продлевался до 2042 г. Однако «пророссийскость» Януковича оказалась блефом. Очередному президенту добрососедские отношения с Россией были нужны для беспрепятственного вхождения в ЕС. Украина при Януковиче вела себя более тактично, чем при Ющенко, произошло некоторое сближение в гуманитарной сфере. Но экономический курс был взят на Запад, следовательно, разворот к России, по словам Б. Олейника, «задним буютом», не отменялся. Команда Януковича – Азарова подготовила практически весь пакет правовой документации для ассоциативного членства в ЕС. Все попытки России убедить украинскую сторону в невыгодности для нее подписания договора и в том, что Россия будет вынуждена принять ответные меры, оставались без рассмотрения.

До сих пор нет окончательного понимания того, по каким соображениям Янукович отказался от своих намерений. Возможно, из-за \$15 млрд кредита, обещанного Россией. А возможно, он таким образом торговался с Западом, рассчитывая на еще более выгодную сделку. Ясно только одно: Украина в лице своего президента серьезно просчиталась. Решение

В. Януковича отложить подписание ассоциативного членства с ЕС обернулось для него личной трагедией, а для Украины – очередным «майданом», который вывел российско-украинские отношения на катастрофический путь [7, с. 83].

Источники и литература

1. Системная история международных отношений. Опять разделенный мир. 1980–2018: учебное пособие для вузов / под ред. А.Д. Богатурова. – М., 2020. – 362 с.
2. Медведев, А.А. Подлинная история русского и украинского народа / А.А. Медведев. – М., 2015. – С. 7.
3. Бжезинский, З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы / З. Бжезинский. – М., 2015. – С. 62–63.
4. Медведев, Р. Советский Союз. Последние годы жизни. Конец советской империи / Р. Медведев. – М., 2010. – С. 583–634.
5. Космач, В.А. Адольф Гитлер и ранний фашизм в Германии (1889–1924 гг.). История. Суждения. Мнения. Оценки / В.А. Космач. – Псков: Изд-во «ЛОГОС», 2016. – С. 445.
6. Космач, В.А. Западно-европейский фашизм в 1919–1945 гг. (Италия, Германия, Испания): история, суждения, мнения и оценки / В.А. Космач. – Псков, 2019.
7. Чемшит, А.А. Российско-украинский конфликт: причины, состояние, перспективы / А.А. Чемшит, Д.А. Чемшит, О.С. Стаценко // Вопросы истории. – 2022. – № 1(1). – С. 79.
8. Мудров, С.А. Российско-украинский конфликт и положение Украинской православной церкви / С.А. Мудров // Современная Европа. – 2023. – № 1. – С. 163–172.

«МИР» АНДРЕ ТАРДЬЁ

В.А. Космач, г. Витебск (Республика Беларусь)

Статья посвящена книге известного политического деятеля и дипломата Франции первой половины XX в. Андре Тардьё под названием «Мир», которая была написана им в начале 1920-х гг., по «свежим следам» Парижской мирной конференции в Версале в 1919 г. В подготовке этой конференции, и в особенности, статей Версальского мирного договора, огромную роль сыграл А. Тардьё, который в Версале являлся членом французской делегации, возглавляемой Ж. Клемансо. Все перипетии сложной борьбы великих держав в Версале по «германскому вопросу» подробно излагает А. Тардьё в своей книге «Мир». Она – прекрасный источник по истории международных отношений и геополитики, а также истории стран Запада первой половины XX в.

Ключевые слова: Первая мировая война, мир, Версаль, великие державы, Франция, Германия, США, Великобритания, Версальский мирный договор, Саар, Рейн, репарации, армия, территории, конфликты, соперничество.

В 1943 г., в разгар Великой Отечественной войны, в Москве, в издательстве «Госполитиздат» на русском языке (перевод с французского сделал и вступительную статью написал известный историк Б.Е. Штейн) вышла книга активного политического деятеля Франции первой половины XX в., одного из творцов большинства статей Версальского договора 1919 г. Андре

Тардьё под кратким названием «Мир» [2]. Она посвящена знаменитой Парижской мирной конференции и Версальскому мирному договору, подведшими конечную, финальную черту под Первой мировой войной 1914–1918 гг. Об А. Тардьё с связи с его другой книгой («Франция и союзы», 1909) В.И. Ленин писал так: «Автор – Тардьё – дипломат сам, знаток! Много указаний на роль финансов. Обзор событий цельный, хороший. Полезно и необходимо, как история дипломатии с французской точки зрения». И напротив самого заголовка книги В.И. Ленин пометил: «Очень полезная вещь!» [2, с. III]. Тоже самое можно сказать о книге «Мир» Андре Тардьё.

Андре Тардьё родился 22 сентября 1876 г. в Париже. Многие поколения рода Тардьё были граверами, отдельные представители фамилии даже состояли в Королевской академии изобразительных искусств. Семья А. Тардьё жила в центре Парижа в большом доме, построенном на проспекте Мессин за 10 лет до его рождения. В 15 лет, учась в лицее Кондорсе, на общенациональном конкурсе он выиграл призы за сочинение на французском, по истории и за перевод на латинский язык; в следующем году занял первое место в конкурсе по истории, географии и сочинению на латыни, а еще через год повторил свой успех. Без труда поступил в Высшую нормальную школу, будучи самым молодым студентом в потоке. Прочувшись всего несколько недель, записался в 55-й пехотный полк, который располагался под Парижем. Как оказалось, его голова в буквальном смысле была слишком большой для армии, и несколько дней он был вынужден ходить в шляпе-котелке, пока военное кепи не было изготовлено на заказ. Но военная служба длилась недолго – в ходе весенних маневров Тардьё упал с велосипеда под телегу с боеприпасами и сломал плечо, после чего был переведен в резерв. Вернувшись в Париж, он подал документы на юридический и филологический факультеты Парижского университета и вскоре получил научную степень по филологии.

Связи семьи Тардьё не раз помогали ему двигаться по карьерной лестнице. В сентябре 1897 г. через отца он познакомился с министром иностранных дел Габриэлем Аното, и тот порекомендовал его послу в Берлине маркизу де Ноай, который как раз искал нового атташе. Дед Тардьё был хорошим другом маркиза, что помогло ему получить должность. «Я уезжаю в Берлин. Поездка дорогостоящая, но необходимая для будущего», – написал он отцу. В Берлине Тардьё постигал азы дипломатии, познакомился с влиятельными людьми, быстро освоил немецкий язык. В 1898 г. Тардьё был приглашен на работу помощником в кабинет нового министра иностранных дел Теофиля Делькассе, известного своей одержимостью реваншем. Зимой того же года Тардьё дебютировал в качестве журналиста под псевдонимом Жорж Вилье, написав серию статей для «Фигаро» в защиту политики Делькассе после капитуляции в Фашоде.

23 июня 1899 г. премьер-министр Пьер Вальдек-Руссо (друг отца и дядя мужа сестры Тардьё) назначил его уполномоченным по иностранным делам, учредив для него должность секретаря государственного совета, или политического секретаря. Тардьё вел переписку премьера,

принимал его гостей, замещал на заседаниях, подготавливал законопроекты. Весной 1902 г. он занял должность заместителя инспектора при Министерстве внутренних дел. Инспекторы проводили от трех до шести месяцев в году в разъездах, проверяя различные службы в департаментах и коммунах с целью обеспечения единообразия и централизации. Занимаясь внутренними проверками, Тардьё досконально узнал работу госпиталей, санитарной системы, полиции, тюрем Франции. Его четкие и информативные отчеты в будущем использовались в качестве примера для молодых инспекторов. Сам Тардьё вспоминал: «Полученное мною в детстве, молодости и зрелости образование независимо от меня способствовало тому, что я служил системе: в течение 20 лет как чиновник и как писатель, а затем еще 20 лет как депутат и министр» [1, с. 100–101].

Между тем он добился известности в журналистике под своим псевдонимом. Будучи обозревателем по иностранным делам в «Фигаро», Тардьё в 24 года получал 12 тыс. франков ежегодно – больше 30 сантимов за строчку, что делало его самым высокооплачиваемым журналистом Франции. Через Делькассе он имел доступ к посольствам в Париже и даже к иностранным правительствам. Тардьё специализировался на интервью с иностранными государственными деятелями. Одним из самых запоминающихся было интервью с немецким канцлером фон Бюловым 30 мая 1902 г., неожиданно сообщившим о благожелательном отношении Германии к Франции. Впоследствии из-за ссоры с издателем Гастоном Кальметтом, пытавшимся заработать на репутации Жоржа Вилье как представителя Кэ д'Орсэ, Тардьё порвал с «Фигаро» и всего через два месяца устроился в «Тан» – на тот момент самую влиятельную газету в Европе. Газета имела своих корреспондентов в европейских столицах и даже в США, которые присылали в редакцию эксклюзивную информацию. Каждый уважающий себя член парижского общества считал своим долгом прочитывать огромные полосы этой газеты. Редакционные колонки, написанные Тардьё по международным проблемам, оказывали такое влияние на дипломатию, что немецкий канцлер фон Бюлов как-то сказал: «В Европе все решают шесть великих держав и месье Тардьё» [1, с. 101].

В 1908 г. Андре совершил поездку в США, где выступал с лекциями в Гарварде и писал для «Тан». По возвращении опубликовал книгу «Заметки о Соединенных Штатах Америки», где живо и колоритно описал общественную и политическую жизнь США.

В апреле 1914 г. Тардьё был избран депутатом от департамента Сена и Уаза. Сразу после начала войны в звании младшего лейтенанта стал переводчиком, ответственным за взаимодействие третьего бюро Генерального штаба (где вырабатывали оперативные планы сухопутных войск) с командованием и обеспечение связей с прессой и иностранными военными атташе. Вскоре был отправлен в пехотные войска, сражался в Шампани и на севере, а с декабря 1914 г. по май 1915 г. был прикомандирован к Генеральному штабу. К концу 1915 г. был произведен в капитаны и командовал ротой стрелков. С июня 1916 г. продолжил деятельность в парламенте. В первые месяцы 1917 г. был замешан в политических

кулуарных интригах, приведших к отставке военного министра Юбера Лиотэ, а затем и премьер-министра Аристиды Бриана [1, с. 102].

Вскоре Тардьё очень быстро устраивается на работу при штабе генерала (впоследствии маршала) Фора. Впрочем, на этой работе Тардьё останется недолго. Вскоре он получает весьма ответственное назначение. Его посылают в Америку в качестве верховного комиссара для наблюдения за изготовлением и отправкой амуниции и продовольствия во Францию. Кроме того, Тардьё дается и более деликатное поручение: он должен организовать подкуп «нужных людей» для проведения ими политики, соответствующей интересам французских правящих кругов.

О деятельности Тардьё в качестве верховного комиссара в США имеется свидетельство Пуанкаре. 11 июля 1929 г. Пуанкаре заявил в палате депутатов, что американским промышленникам при посредстве Тардьё было выплачено 2933 млн долл., причем их поставки стоили лишь 1093 млн долл. Отсюда следует, что 1840 млн долл. было выплачено американским поставщикам в качестве «сверхприбыли», по выражению Пуанкаре. Можно себе представить, сколько «частных сделок» было заключено за время пребывания Тардьё в США между ним и американскими поставщиками!

В декабре 1918 г. премьер-министр Клемансо – политический друг покровитель и учитель Тардьё – поручает ему техническую подготовку мирного договора. Тардьё входит в качестве представителя Франции в большинство комиссий по выработке текста мирного договора.

Роль Тардьё в выработке текста Версальского договора и борьба за этот текст были поистине громадны. По существу, Тардьё являлся ближайшим сотрудником и проводником заданий Клемансо. Тардьё, а не министр иностранных дел был постоянным представителем Франции в большинстве комиссий и комитетов. Когда Вильсону или Ллойд Джорджу нужно было воздействовать на Клемансо, то предварительно разговаривали с Тардьё. Именно ему Клемансо поручил написать ответ на знаменитый меморандум Ллойд Джорджа, который назывался «Меморандум из Фонтенебло» [2, с. IV].

При редактировании любой статьи Версальского договора Тардьё применял формулу, ставшую затем знаменитой: «немец заплатит». Этот лозунг был решающим. 2 сентября 1919 г., выступая в палате депутатов от имени правительства и предлагая ратифицировать Версальский договор, Тардьё заявил: «Мы получили все, что требовали, и даже больше».

Тардьё был доверенным Клемансо до тех пор, пока последний сохранял в своих руках полноту власти. Решительные и резкие приемы Клемансо, его политическая программа «сильной власти» импонировали Тардьё и вызывали его восхищение. Версальский мир, как известно, был лебединой песней Клемансо-политика. Клемансо жил еще некоторое время, но как политик он умер в тот момент, когда Национальное собрание провалило его кандидатуру в президенты республики, предпочтя бесцветную фигуру Дешанеля. С окончанием политической карьеры Клемансо немедленно окончилась и дружба Тардьё со старым «учителем и другом». Клемансо ушел в частную жизнь, объявив Тардьё своим политическим

наследником и передав ему редакторский пост в «Echo National». Тардьё принял это политическое наследство и... не замедлил войти в кабинет давнишнего врага Клемансо – Пуанкаре. Эта измена настолько подействовала на Клемансо, что последний полностью порвал с Тардьё [2, с. VI–VII].

В правительстве Пуанкаре Тардьё получил портфель министра общественных работ и. освобожденных провинций; а затем вскоре был назначен министром внутренних дел. Портфель министра внутренних дел во Франции дает в руки его носителя огромную власть над централизованным полицейским и административным аппаратом. Устраивая в различных звеньях этого аппарата «своих людей», можно блестяще проводить ряд Дел. Этим и занялся Тардьё.

В ноябре 1929 г. Тардьё в первый раз становится премьер-министром Франции. Премьер-министром Тардьё был дважды. Характерной особенностью его обоих кабинетов являлось прежде всего огромное количество министров и статс-секретарей. Так, в первом кабинете было 16 министров и 12 статс-секретарей. В следующем кабинете было уже 18 министров и 16 статс-секретарей. Тардьё увеличивал количество министерских постов не случайно. В его руках министерский портфель превращался в средство подкупа лидера той или иной парламентской группы или нужного человека из делового мира. Тардьё не добивался политической однородности своего правительства. Чем более разнообразным оно было, чем больше политических тенденций в нем было представлено, тем Тардьё чувствовал себя лучше, тем больше мог он лавировать в парламенте, выставляя то направо, то налево заслон в виде соответствующих членов своего правительства [2, с. VII].

За время своего пребывания у власти в качестве премьер-министра Тардьё имел немало заслуг перед крупной буржуазией, перед пресловутыми «200 правящих семейств» во Франции. Внутренняя политика Тардьё проводилась под знаком беспощадной, борьбы с рабочим классом, коммунистической, партией и рабочими организациями. Тардьё во много раз увеличил полицейский аппарат, возглавлявшийся реакционнейшим префектом парижской полиции Кьяппом. Правление Тардьё совпало с наиболее грозными для капитализма годами мирового экономического кризиса. С последним Тардьё боролся методами Гувера, используя для этой борьбы валютные запасы французского банка и подготавливая дальнейшее обесценение франка, которое и получило в наследство после хозяйничания Тардьё и его преемников пришедшее к власти в 1936 г. правительство, опиравшееся на Народный фронт.

Будучи премьер-министром, Тардьё открыто не выявлял своей политической программы, которую он опубликовал значительно позже, и которая заключалась в требовании «диктатуры, сильной власти». Не выявляя своих стремлений, Тардьё систематически подготавливал почву для этой будущей диктатуры. В частности он совершенно обновил состав высшего военного совета и поставил во главе его генерала Вейгана,

являвшегося, так же как и Тардьё, сторонником «сильной власти» и тесно связанного с французскими фашистскими организациями [2, с. VIII].

Карьера Тардьё на посту премьер-министра Франции была временно прервана очередной «неприятностью». Внезапно вся Франция узнала об афере Устрика. Этот «финансист» при содействии и попустительстве ряда политических деятелей осуществлял в продолжение длительного периода циничный грабеж французской казны. Убытки, понесенные французским банком в результате финансовых «комбинаций» Устрика, были огромны. В ноябре 1930 г. стало известно, что Тардьё и его министры, ряд адвокатов и деловых людей были теснейшим образом связаны с Устриком. Перед следственной комиссией Тардьё вынужден был признать, что он не только знал Устрика, но и имел с ним ряд «совещаний» в своем служебном кабинете премьер-министра. Более того, Тардьё заявил, что он завтракал несколько раз у мадам Абель Фери (подруга Устрика, на обязанности которой лежала организация деловых встреч). Правда, тут же Тардьё прибавил, что он завтракал не один, а с Блюмом, Поль Бонкуром и другими.

В связи с аферой Устрика Тардьё был вынужден покинуть пост премьер-министра Франции. Несмотря на все его заслуги перед монополистическим капиталом, последнему оказалось неудобным сохранять Тардьё у кормила власти, по крайней мере до той поры, пока не пройдет возбуждение, созданное делом Устрика. Тардьё становится министром земледелия, а затем военным министром в двух правительствах Лаваля.

В мае 1932 г. левый картель (блок) одержал большую победу на выборах. С этого момента Тардьё переходит в оппозицию. Накануне своего ухода от власти Тардьё пытается спровоцировать новую провокацию против Советского Союза, который он остро ненавидел. Эта провокация Тардьё была связана с убийством белогвардейцем Горгуловым президента французской республики Поля Думера. Убийство произошло 6 мая 1932 г., в то время, когда Тардьё находился у власти [2, с. IX].

Андрэ Тардьё трижды занимал должность премьер-министра Франции: с 3 ноября 19129 г. по 17 февраля 1930 г. (первое правительство Тардьё), с 2 марта по 4 декабря 1930 г. (второе правительство Тардьё) и с 20 февраля по 3 июня 1932 г. (третье правительство Тардьё). После убийства президента Третьей республики Поля Думера и до избрания президента Альберта Лебрена исполнял обязанности президента Франции (с 7 по 10 мая 1932 г.).

В 1934 г. Тардьё опубликовал книгу «Час решений», в которой обосновал свою политическую программу ревизии конституции Третьей республики.

Суть программы Тардьё сводилась к следующим пунктам: 1) предоставление президенту республики по предложению премьер-министра права роспуска палаты депутатов, не спрашивая на это согласия сената; 2) лишение палаты депутатов права увеличивать расходы в бюджете и сокращать доходы, предоставив эти права только правительству; 3) предоставление президенту по предложению премьер-министра права

организации референдума; 4) лишение государственных служащих права стачек и коалиций (права принадлежности к профсоюзу и т.д.).

Смысл предлагавшихся Тардьё реформ заключался в создании «легальных» форм для установления «сильной власти», т.е. подготовки фашистской диктатуры.

Программа Тардьё немедленно сделалась программой всей французской реакции. Буржуазная пресса и ряд буржуазных политиков (бывший президент Думерг и др.) выступили с полной поддержкой «плана Тардьё», восхваляя его «как единственный путь к спасению».

В 1934 г. Тардьё считал еще необходимым держаться «легального» пути. Он проповедовал ревизию конституции, пытаясь привлечь на свою сторону консервативного мелкого буржуа и выступить перед ним в качестве защитника «демократии и легальности». Неудача попыток образовать «сильную власть» при помощи конституционных форм, создание Народного фронта и его первые успехи вызвали перегруппировку реакционных сил в лагере крупной буржуазии. Вновь Тардьё сформулировал (в течение 1935 и 1936 гг.) программу, которая ставила крест на «легальности» и «законности». Тардьё объявил (в частности, в своей книге «По наклонной плоскости» и в своих выступлениях), что единственным спасением от катастрофы для буржуазии является «сознательная революция» [2, с. XI].

Тардьё мечтал сделаться лидером объединенной реакции и осуществить (любыми средствами) фашистский государственный переворот, который снова привел бы его к власти, но уже в качестве полновластного диктатора Франции. Хозяева Тардьё не рискнули его поддержать и немедленно поставили ставку на открытый государственный переворот, в особенности после неудавшегося путча в феврале 1934 г.

Тардьё оказался за бортом. Его услуги, его претензии играть роль диктатора Франции оказались ненужными. В последние предвоенные годы Тардьё сходил с политической арены. Все реже и реже мелькает его имя на столбцах большой печати. Лишь однажды, уже незадолго до второй мировой войны, газеты снова занимаются Тардьё, но лишь кратко-временно, и то в связи с его женитьбой.

Вторая мировая война не дала возможности Тардьё выплыть на поверхность большой политики. В конце 1940 г. радио из Берлина передало, что «бывший премьер-министр Франции Тардьё душевно заболел и был помещен в психиатрическую лечебницу» [2, с. XII]. Умер Андре Тардьё 15 сентября 1945 г.

Андре Тардьё, как уже было сказано, играл на Парижской конференции исключительно крупную роль. Формально он был только одним из членов довольно многочисленной французской делегации, которая имела в своем составе такие имена, как Клемансо, Леон Буржуа, Пишон, Лушер, Жюль Камбон, Клоп, Лейг и др. По существу же Тардьё был ближайшим и интимным помощником Клемансо, его доверенным лицом, его личным представителем. Роль Тардьё на Парижской конференции, роль его в создании текста Версальского договора открыто признает

Клемансо. Эта роль была, в частности, зафиксирована тем фактом, что из 25 комиссий, созданных «советом четырех» на Парижской конференции, Тардьё входил в 13, причем эти 13 были наиболее решающими.

Все сказанное позволяет считать Тардьё одним из главных авторов Версальского договора [2, с. XI–XII]. Об этом же свидетельствует и его книга под кратким названием «Мир». На русском языке она вышла в издательстве «Госполитиздат» в Москве в 1943 г. под редакцией Б.Е. Штейна, который сделал перевод с французского и написал вступительную статью [2, с. III–XXIV].

Первую главу своей книги «Мир» А. Тардьё назвал «Агрессия» и посвятил ее анализу предвоенной обстановки в Европе накануне Первой мировой войны, начиная с франко-прусской войны 1871 г. [2, с. 1–26]. При этом Франция изображается как жертва Германии. Тардьё подчеркивает, что «Германия хотела войны» [2, с. 11] и что «в Германии идея войны неразделима с идеей родины» [2, с. 12]. Он показывает в процентах увеличение военных расходов шести великих европейских держав с 1883 по 1913 г., где у Германии первое место [2, с. 16]: Франция – 70%; Италия – 108%; Австрия – 111%; Россия – 114%; Англия – 153%; Германия – 227%.

Тардьё подчеркивал, что в 1914 г. все немецкие политические партии, в том числе оппозиция (СДПГ), были готовы в едином порыве поддержать свое правительство в войне, в том числе разгром Франции за три недели [2, с. 21]. Первая глава начинается утверждением А. Тардьё о том, что «история не знает более грубого нарушения международного права, чем нападение Германии на Францию 2 августа 1914 г. Не бывало и более преднамеренного» [2, с. 1].

Вторую главу своей книги А. Тардьё назвал «Война и перемирие» [2, с. 27–67] и начал словами о том, что «Франция играла в войне особую роль» [2, с. 27]. Это утверждение Тардьё обосновывает многочисленными факторами и цифрами. Высоко оценивает он и роль союзников по Антанте, но есть неточности. Например, названо число потерь в живой силе России в Первой мировой войне – 1700 тыс. солдат и офицеров [2, с. 35, 42]. На самом деле Россия потеряла в той Великой войне как минимум 2500 тыс. погибшими.

Но для Тардьё, Франция – превыше всего! Он снова отмечает, что «подвиг Франции на поле брани останется непревзойденным в истории» [2, с. 31], «она была щитом цивилизованного мира и гарантией победы» [2, с. 41]. Много внимания в этой главе А. Тардьё уделяет самой разработке всего механизма условий перемирия с Германией на условиях союзников и «14 пунктов» Вильсона, что приведет побежденную Германию в Компьен [2, с. 42–68].

Главу третью, «Конференция» А. Тардьё посвятил началу работы Версальской мирной конференции, ее повестке и предстоящим решениям, в том числе по «русскому вопросу», а также принципам работы Совета четырех [2, с. 69–111]. В самом начале главы он отметил: «Работа, которую предстояло проделать участникам конференции, была огромна и

не имела прецедентов, равно как огромна была и сама война, завершением которой должен был явиться мир. Огромна она была прежде всего по своим масштабам: впервые в войне принимали участие целые народы; 70 миллионов мобилизованных, 30 миллионов раненых, 8 миллионов убитых; ничего подобного не знала история: одних убитых было больше, чем солдат во всех наполеоновских армиях. Огромна она была так же и по сложности своих составных элементов; поскольку война велась всей нацией, она втянула в свою орбиту все национальные силы: земледельческие, промышленные, коммерческие, финансовые, и мирный договор должен был учесть интересы всех этих сил» [2, с. 69].

Главным лейтмотивом главы четвертой, «Разоружение», стали слова А. Тардьё о том, что «непривычным делом было разрушить военную мощь самой воинственной в мире нации, но это дело было предпринято и выполнено с мужеством, достойным великих солдат нашей родины. Удар был нанесен по голове упразднением генерального штаба армии, военных школ, мобилизационных работ. Удар был нанесен основе военной мощи упразднением конскрипции и сокращением численности войск до 100. тысяч человек при 12-летнем сроке службы. Что касается вооружения и военного снаряжения, запрещены были вся тяжелая артиллерия, танки, авиация, газы, право что-либо из этого хранить и право производить что-либо заново. Германии разрешено было оставить себе 288-полевых орудий, сконструированных на заводах, выбранных союзниками, контролируемых ими же, число которых они могли в любой момент ограничить. Можно ли было идти дальше, не давая оснований к возражению, которое часто пускали в ход наши союзники: «В таком случае придется защищать и гарантировать Германию?» [2, с. 125].

Главу пятую А. Тардьё назвал «Левый берег Рейна» [2, с. 129–171]. Тардьё пишет: «Самые ожесточенные дебаты' на конференции вызвал вопрос об оккупации левого берега Рейна. Ни один вопрос так ярко и убедительно не выявил различия национальных психологий– этого препятствия, стоящего, на пути ко взаимному пониманию честных правительств и народов, связанных, объединенных победой и пролитой кровью. Для нас, французов, оккупация левого берега Рейна, и предмостных укреплений была не только необходимой гарантией осуществления договора, но и уверенностью в невозможности повторения грабительского нападения, дважды имевшего место на протяжении 50 лет. Для остальных, хотя и связанных душой и телом с грозившими нам вчера и предстоящими. завтра опасностями, эта оккупация, каковы бы ни были ее формы и длительность, в связи с различным подходом к толкованию исторических событий представлялась неоправданной, бесполезной и рискованной [2, с. 129].

В шестой главе, «Союзы», А. Тардьё подробно анализирует союзнические договоренности и отношения Франции с США, Великобританией и Бельгией [2, с. 172–197]. Седьмая глава носит название «Эльзас и Лотарингия» и посвящена весьма болезненной для Франции теме [2, с. 198–212]. Тардьё пишет: «В тот день, когда Эльзас и Лотарингия с ликованием

встретили наши победоносные войска, весь мир понял, чем были эти две провинции для Франции. Верность их нашей стране относится к далекому прошлому...

С 1871 по 1914 г. разыгрывалась драма двух миллионов человек, отстаивавших свой национальный дух от империи грубого насилия. Как в Эльзас-Лотарингии, так и во Франции и за границей 360 тысяч эльзасцев и лотарингцев заявляли о том, что при праве оптации они отдадут предпочтение Франции. Те, кто оставался на месте, также к ним присоединились. Но с безжалостной суровостью на обе провинции обрушилась германизация. Как административными мерами, так и обучением изгонялось все, что напоминало о прошлом» [2, с. 198–199].

Насчет Саара (глава восьмая «Саар») А. Тардьё заявил, что «проблема Саарского бассейна принадлежит к числу таких проблем, которые были, по крайней мере вначале, хуже всего поняты американскими делегатами на мирной конференции и Америкой вообще. Это – единственная проблема, в связи с которой возникли и десять дней продолжались распри между представителями Франции и Соединенных штатов, в иные часы, перераставшие в подлинный конфликт. Именно она дала повод к самым оскорбительным обвинениям против нас. Тем более не следует оставлять что-либо в тени. Я день за днем опишу происходившие переговоры. Я оглашу документы, еще нигде не опубликованные, в которых Франции нечего скрывать, не о чем жалеть, нечего изменять.

Проблема двойная и потому трудная; с одной стороны, экономическая из-за угольных копей, обладание которыми и юридически и фактически необходимо было нации, систематически разоряемой Германией, но также моральная и историческая, так как население большей части этой территории по своему происхождению, по своим традициям и стремлениям было французским» [2, с. 212].

Глава девятая, «Требования долгов союзниками», отражает прения и противоречия между государствами Антанты, и прежде всего, между США, Великобританией и Францией, по вопросу репараций и контрибуций с побежденной Германией [2, с. 236–270]. В центре внимания союзников стояло их требование к Германии обеспечить выполнение двух долгов. «Первый долг состоял в том, чтобы обеспечить безопасность, второй – в том, чтобы организовать репарации. Оба эти долга были общими для всех, но для Франции их насущный характер подчеркивался трагическим опытом.

Здесь еще раз французские интересы совпадали с общими интересами и справедливостью. За нарушения, причиненные войной, Германия несет двойную ответственность: прежде всего потому, что она спровоцировала их своей преднамеренной агрессией, затем потому, что она усугубила их своей методической, дикой жестокостью. Война – это зверство. Развязывая ее, Германия знала, что делает, но тем методом, каким она эту войну вела, она еще усилила ее зловещий характер. Война жестока для гражданского населения – вот какой была построенная на расчете быстрой победы доктрина германского генерального штаба, часто

проповедуемая «*ex cathedra*» (публично) еще до того, как Лувен и многие другие города познакомились с отвратительным применением ее на практике. Но война жестока также и потому, что она преследует цель возможно лучше использовать наступающее вслед за нею мирное время и при помощи меча добывать себе золото, – вот какой была доктрина германских промышленников, видевших в противнике на полях сражения возможного конкурента завтрашнего дня. Большая часть разрушений производилась систематически и не во время боев, а с целью надолго разорить оккупированные местности и подготовить почву для выгодного сбыта германской продукции в будущем. Такая концепция войны, подчеркивая ответственность побежденного теперь агрессора, вдвойне оправдывала самое полное возмещение понесенных убытков [2, с. 236–237].

К побежденной Германии, отмечает В. Тардьё, было проявлено милосердие, так как «союзники, которым война стоила более 1 тысячи миллиардов, по смыслу договора требуют от Германии около 350 миллиардов» [2, с. 269]. В целом, по механизму взимания репараций с Германии в Версале было решено следующее:

«1. Германия ответственна, поскольку она их причинила, за всю совокупность потерь и убытков, понесенных победителями в результате ее агрессии.

2. Германия ввиду непрерывного уменьшения ее ресурсов, проистекающего для нее из договора, обязана (но обязана к этому безоговорочно и безусловно) лишь к возмещению прямых убытков и выплате пенсий в тех размерах, как это уточнено в приложении I части VIII договора, по ценам в момент восстановления.

3. Германия заплатит до 1 мая 1921 г. 20 миллиардов марок золотом деньгами или натурой.

4. Не позднее 1 мая 1921 г. Комиссия по репарациям установит общую сумму долга Германии.

5. Этот долг будет погашаться годовыми платежами, сумму которых Комиссия будет устанавливать вперед для каждого года.

6. Платежи будут происходить в течение 30 лет и в течение более продолжительного срока, если к концу 30-го года долг еще не будет погашен.

7. Германия выпустит на 100 миллиардов марок золотом бонны на предъявителя и в последующем все те бонны, каких потребует от нее Комиссия по репарациям, пока не будет достигнута сумма долга. Это последнее устанавливается в целях мобилизации долга.

8. Платежи будут осуществляться наличными и натурой. Поставки натурой будут производиться углем, скотом, продукцией химической промышленности, судами, спущенными на воду и находящимися в процессе строительства, машинами, орудиями производства и различными предметами движимого имущества. Платежи деньгами будут состоять из металлической наличности, находящихся за границей авуаров (долгосрочных вложений) Германии, как государственных, так и частных, и

будут обеспечиваться преимущественным правом кредиторов на все имущество и средства империи и германских государств.

9. Комиссия по репарациям, которой поручено обеспечить выполнение этих статей, будет располагать правом контроля и вынесения решений. Она будет Комиссией по германскому долгу, наделенной самыми широкими прерогативами. Призванная выносить постановления согласно «справедливости, праву и добросовестности, не будучи связана каким-либо кодексом, законодательством или специальным уставом», она получает от Германии зафиксированное самим договором «непреложное признание своей власти». Она должна будет – и это является основным пунктом – контролировать вплоть до момента погашения долга «положение Германии, ее финансовые операции, ее имущество, ее производительные силы, ее продовольственные запасы, ее текущую продукцию», убеждаться .как в том, сколько Германия может каждый год заплатить, так и в том, что ее платежи, будучи прибавлены к ее бюджету, обложат ее налогоплательщиков по меньшей мере в такой же степени, как обложены налогоплательщики любой из союзных стран с самыми высокими ставками налогов. Ее решения будут «тотчас же подлежать исполнению и будут немедленно проводиться в жизнь без дальнейших формальностей». Она своими предложениями может требовать всех необходимых изменений германских законов и уложений, равно как принятия любой финансовой, экономической или военной санкции при установленных нарушениях постановлений, подлежащих ее контролю. Германия заранее обязывается не рассматривать такие санкции, каковы бы они ни были, как враждебные акты» [2, с. 267–268].

Главу девятую логично продолжила глава десятая – «Германские платежи» [2, с. 271–300]. С одной стороны, она рассматривала материальные, людские и финансовые возможности Германии, с другой – А. Тардьё детально проанализировал гарантии и контроль над взиманием репараций, а также финансовую солидарность и приоритеты союзников в этом деле. А. Тардьё называет людские потери Германии в войне – 1800 тыс. чел. убитыми и 4 млн ранеными [2, с. 273]. Особенно острые противоречия по вопросу германских платежей возникли между Парижем и Лондоном [2, с. 294–300].

Интересна глава 11. А. Тардьё назвал ее «Германское единство», отметив, что «Бисмарк создал единство Германии, его гений определил масштабы этого единства, но Бисмарк создавал его не один, и нельзя объяснять германское единство только его гением» [2, с. 307]. Еще в 1820–1830 гг. Геррес, а не Бисмарк (он лишь повторит это) заявил, что, если понадобится, то германское единство «надо создавать железом и кровью» [2, с. 310]. А. Тардьё подчеркивает, что «ни правительства, ни парламенты, ни даже пресса не требовали в течение войны уничтожения германского единства» [2, с. 314], в Версале «все союзники говорят то же самое» [2, с. 315].

Большая 12-я глава («Результаты мирного договора») посвящена у А. Тардьё политическим и экономическим итогам Версаля и критике Версальского мирного договора [2, с. 327–372]. В самом начале главы А. Тардьё пишет: «Когда 28 июня 1919 г. в Зеркальном зале Версальского

дворца представители Германии подписали мирный договор, вся Франция невольно вспомнила день 8 января 1871 г.: контраст разительный, еще более глубокий, чем могли думать современники. Версальский договор вычеркивал не только Франкфуртский договор, но и полтора столетия превратностей и неудач, – полтора столетия, за время которых наша судьба в силу своей парадоксальности сочетала необычайный размах французской мысли со все усиливающимся упадком французской политики: упадком в XVIII веке, когда кусок за куском монархия бестолково растеряла нашу колониальную империю; упадком на пороге XIX века, когда договоры 1815 г., удалив нас с Рейна, водворили там Пруссии; упадком в конце этого века, когда из-за ошибок Второй империи, орудия бисмарковского господства, Бисмарку были отданы Эльзас и Лотарингия. А затем наступили 43 года мира, – мира, описанного мною в начале этой книги, – мира навязанного, мира тягостного, мира угрожающего, отмеченного в 1911 г. – уступкой части Конго, мира, закончившегося агрессией 1914 г. и шесть недель спустя вторжением улан в Люзарх. Подписав в 1919 г. Версальский договор, Франция искупила 150 лет разочарований и неуверенности в собственной безопасности; это было – чудесное возрождение, блестящая удача которого диктовала участникам переговоров закон поведения. Этот закон сводился к двум словам: безопасность и солидарность, причем последняя была условием и гарантией первой. Такова была с января – по июнь 1919 г. мирная политика Клемансо. Всякая иная не имела бы завтрашнего дня. Для Франции, восстановленной в ее единстве, тесная дружба с Бельгией, Великобританией и Соединенными штатами в час подписания договора обеспечила такой политике характер постоянства. Что же означает новое распределение сил в тот момент, когда оно определилось для Европы, являющейся их театром действий?

Прежде всего о неприятеле. Германия, за шесть лет до даты подписания полная владычица безропотно покорившегося континента, не представляла щетиниться угрозами, но теперь она была урезана, разоружена, осуждена, за нею был установлен надзор. Она щетинилась угрозами? Да, потому что это была агрессивная нация, утверждающая свое моральное единство отрицанием своей ответственности и мечтой о реванше. Она была урезана? Да, потому что договор справедливо лишал ее восьмой части территории, восьмой части населения, потому что он освобождал от ее ига провинции, где ее военная и промышленная мощь находили для себя наиболее надежную базу, потому что у нее не было больше ни колоний, ни торгового флота, ни того престижа, которым, пуская людям пыль в глаза, она пользовалась на протяжении 50 лет. Она разоружена? Да, путем упразднения ее большого генерального штаба и ее военных училищ, путем сокращения до 100 тысяч численности ее войск, путем отмены обязательной воинской повинности, путем уничтожения ее флота, ее пушек, ее военных материалов и оборудования, путем установления в 50 километрах к востоку от Рейна, ее военной границы, путем ограничения возможных мобилизаций на территории между Эльбой и Везером. Она осуждена? Да, путем подтверждения во всех статьях мирного договора ее коллективной и

индивидуальной ответственности, путем возложения на нее финансовых обязательств, путем оповещения о ее преступлениях и о санкциях, предусмотренных против их авторов. За нею установлен надзор? Да, путем права на военный контроль, порученный на ее территории представителям Лиги наций, путем предоставления Комиссии по репарациям неограниченных полномочий в вопросах финансового порядка, путем могущей в случае надобности быть продолженной оккупации левого берега Рейна и его предмостных укреплений. Пред лицом побежденного агрессора Франция, чувство справедливости которой теперь удовлетворено возвращением к родному национальному очагу эльзасцев и лотарингцев, а также освобождением французов Саарской области, располагает для сохранения плодов своей победы гарантиями если и не совершенными, то во всяком случае качественно превосходящими все, какими она когда-либо на протяжении всей своей истории располагала» [2, с. 327–328].

В том же духе А. Тардьё высказывается об Италии, Австро-Венгрии и Турции – союзниках Германии по Первой мировой войне [2, с. 328–337]. «Теперь, – пишет А. Тардьё, – мы подошли к великому пробелу договора – России, этому огромному миру, оставшемуся не урегулированным, этой тайне и угрозе, ибо если Германия завладеет Москвою, что останется от безопасности в Европе? Парижская конференция не разрешила русской проблемы, и из всех критических суждений, которые изглядятся со временем, только это последнее сохранит история. Могла ли конференция разрешить ее? Судя по тому, какие усилия потребовались, чтобы помешать ей эту проблему усложнить, приходится сомневаться в этом, Еще 27 октября 1918 г. Франция наметила конечную цель и в письме к главнокомандующему восточными армиями Клемансо предписывает ему разработать план, предназначенный «не только продолжать в России борьбу против центральных держав, но и осуществить экономическую блокаду большевизма и вызвать его крах». 5 ноября, на следующий день после подписания перемирия с Австрией от 4 ноября, предлагая генералу д'Эспере «сконцентрировать против Германии максимум» своих средств», Клемансо советует ему подумать «о возможной кампании в южной России с привлечением британских армий Палестины». Последствием этих предписаний некоторое время спустя явилась оккупация Одессы. Но чтобы идти далее, необходимо было согласие союзников, а этого-то согласия и не было. 12 января 1919 г. Ллойд Джордж рекомендовал созвать в Париже все русские правительства, в том числе и советское правительство, Клемансо отклонил это предложение, но вынужден был согласиться на Примцевы острова. Напрасно в последующие месяцы французский генеральным штаб уточнил способы блокировать большевизм: все уклонились. Франция не могла ни действовать в одиночестве в России, ни порвать со своими союзниками из-за России в такой момент, когда на карту были поставлены ее жизненные интересы, Саар, левый берег Рейна, репарации. Имея дело с англичанами, которые подобно генералу Бота и генералу Гофу говорили: «Большевистская опасность – это всего только огородное пугало», и с американцами, которые вместе с президентом Вильсоном

говорили: «Все проекты о восстановлении восточного фронта наводят на мысль о человеке, который при помощи метлы хотел бы остановить морской прилив», имея дело с союзниками, отступавшими перед всяким решением и проявлявшими нерешительность даже в вопросе блокады Балтийского моря, – возможно было проводить только политику выжидательную и политику наименьшего зла, Такою и была политика Клемансо. Он помешал признанию Советов» [2, с. 337–338].

«В принципе, – заявлял Клемансо, – я не сторонник разговора с большевиками не только потому, что это преступники, но также, и даже в большей степени, потому, что, вступая с ними в беседу, рискуешь только больше их усилить.

Опасность очень велика. Она распространилась на провинции Прибалтики, Польшу, Венгрию. Из Вены, равно как и из Будапешта, поступают тревожные сведения. В этом для Франции и для Италии кроется угроза, с которой нельзя не считаться.

Мы обязаны бороться против большевиков. Они хитры и в совершенстве владеют искусством расставлять ловушки...

Если бы, на наше несчастье, мы на эту удочку попались, вы скоро могли бы убедиться, как большевики используют против нас нашу же слабость. Я не говорю даже о том, что они способны нарушить данное слово, – в этом можно не сомневаться. Но если бы мы их предложения приняли, они не замедлили бы сказать: «Когда мы ссылались на наши принципы, союзники нас оттолкнули. Когда же мы заговорили о деньгах, они нас признали».

Но что поделаешь? Мы торопимся и не можем ждать результатов эволюции, которая рано или поздно произойдет в России. Если бы решение зависело от меня, я немедленно устроил бы вокруг большевизма заграждения во избежание распространения заразы. Но я не один, и в присутствии всех представителей верховной власти союзников я вынужден руководствоваться их взглядами» [2, с. 338–339].

Клемансо «помешал заключению торговых соглашений, обсуждавшихся, к прискорбию, год спустя. Он» помешал полякам, заверив их тем не менее в поддержке наших офицеров, предпринять неблагоразумный поход на Москву. Одним словом, он избежал нескольких ошибок из числа тех, что были совершены в 1920 г. Это была негативная политика. Что она была неполноценна, это несомненно, но что возможна была какая-то иная политика, этого никто не доказал.

Это – наиболее слабое место мирного договора [2, с. 339].

В этой же главе А. Тардьё показал основные противоречия между Францией и союзниками в Версале и по пунктам отметил то, чего удалось добиться Парижу по «германскому вопросу» в ходе мирной конференции, а именно:

«1) Лига наций. Франция с первого же дня заявляет, что Гер- /мания не может быть принята в Лигу наций до тех пор, пока выполнением обязательств она не докажет своей добросовестности. Обе англо-саксонские страны, напротив, склонны согласиться с чуть ли немедленным ее принятием». В конце концов в статью 1 договора «носится французская формулировка.

2) Оккупация левого берега Рейна. Франция требует, чтобы эта оккупация продолжалась по меньшей мере столько же, сколько потребуют для своего выполнения обязательства договора, и чтобы Рейнская область получила независимость. Великобритания, к которой вскоре присоединяются Соединенные штаты, отказывает как в независимости Рейнской области, так и в длительной оккупации. После трехмесячной дискуссии договор гарантирует Франции оккупацию сроком на 15 лет с правом продолжить ее свыше этого срока, если Германия не выполнит своих обязательств или если гарантии против ничем не вызванной германской агрессии окажутся недостаточными.

3) Эльзас-Лотарингия. Франции недостаточно вновь обрести провинции, отнятые у нее Германией. Она хочет, чтобы все статьи, имеющие отношение к лицам и к имуществу, подчеркивали исключительный характер такой реституции. Английские эксперты восстают против этого; они особенно настаивают, чтобы Франция взяла на себя эльзасский и лотарингский долг, чтобы она за плату приобрела государственное имущество этих провинций; они отклоняют временный союз порта Страсбурга с портом Келем. По всем этим пунктам Франция одерживает верх.

4) Шахты Саарского бассейна. Франция требует права собственности на эти шахты. Президент Вильсон это право оспаривает и предлагает ей только право возмещения на равных началах в соответствии с тоннажем уничтоженного угля. Франция добивается права полной собственности с мельчайшими гарантиями эксплуатации.

5) Население Саарской области. Франция требует, чтобы французы Саарской области, с 1815 г. отделенные от Франции, вернулись к своей родине. Сперва Великобритания и Соединенные штаты против этого восстают. Под конец прений все население Саарского бассейна, избавленное от притеснений германского правительства, получает право через 15 лет самому избрать суверенитет, которому оно пожелает подчиниться, а до истечения 15 лет все, кто захочет принять французское подданство, его получают.

6) Австрия. Франция считает, что Австрия должна и впредь быть отделена от Германии и что при наличии пангерманских происков отделение является единственным способом защитить права народов. Великобритания и Соединенные штаты колеблются и дискутируют в течение трех месяцев. Договор запрещает заключение союза без одобрения Лиги наций, предполагающего согласие Франции, поскольку голосование должно быть единодушным.

7) Сумма репараций. Франция требует, чтобы Германия возместила если не все, чего стоила война, то по крайней мере убытки и пенсии. Англо-саксонские страны рекомендуют глобальную сумму, которая, с одной стороны, устанавливала бы германский долг по мнимой платежеспособности, определить которую не представляется возможным, и с другой – покрыла бы меньше половины наших убытков и пенсий. Франция добивается отказа от глобальной суммы, и договор обязывает Германию покрыть всю, какой бы она ни оказалась, сумму убытков и пенсий.

8) Срок германского обязательства. Франция для применения этого принципа требует, чтобы, если 30 лет окажется недостаточно для амортизации долга, платежи были рассрочены на большее число лет. Несмотря на сопротивление союзников, предлагающих, чтобы Германия была освобождена от долга по истечении определенного периода, какова бы ни была в момент окончания этого периода сумма ее платежей, французская формула вносится в статью 233 договора.

9) Условия выплаты. Франция возводит в принцип, чтобы единственным способом платежа было золото или его эквивалент в виде сырья. Союзники допускают, чтобы в сумме половины своего долга Германия расплачивалась бумажными деньгами. Договор в соответствии с французским! требованием признает средством платежа только золото.

10) Уголь. Франция хочет получить гарантии как в отношении количества, так и в отношении цен. Английские делегаты предлагают исчислить германские поставки по английским экс-, портным ценам, в результате чего Франция понесет двойной ущерб как в своих отношениях с Германией, так и в своих отношениях с Англией. Договор принимает за основу в соответствии с французским тезисом цену внутреннего германского рынка (пласт угля) для всего угля, доставляемого по железным дорогам, рекам или каналам, т. е. для огромного большинства поставок.

11) Тоннаж грузовых судов. Франция, не имевшая возможности что-либо строить во время войны, требует, чтобы ее потери (900 тысяч тонн) были компенсированы на правах приоритета. Союзники предлагают либо распределение соразмерно с потерями, что дало бы Франции 100 тысяч тонн, либо индивидуальное сохранение захваченных или интернированных судов, что дало бы ей 40 тысяч тонн. К концу переговоров Франция получает 410 тысяч тонн, т.е. 45% своих потерь, вместо 4 или 11%, которые гарантировало бы ей каждое из двух других решений.

12) Экономические статьи. Франция требует, чтобы специальные мероприятия помешали Германии конкурировать, ввиду сохранения ее промышленных возможностей, с разоренными победителями. Ссылаясь на принцип экономического равенства, подтвержденного в Четырнадцати пунктах, союзники восстают против такого специального режима переходного периода. Тем не менее договор постановляет, что в течение пятилетнего срока, могущего быть продолженным, Германия в силу требований справедливости не будет располагать правом взаимности в экономической области.

13) Военный надзор за Германией. Франция с самого начала указала на то, что разоружение Германии лишь в том случае будет иметь надежную ценность, если союзники в силу договора получают право следить за тем, чтобы она вновь не вооружалась. Соединенные штаты не согласившись признать за Советом Лиги наций общее право контроля за вооружениями, предложенного Францией, в течение нескольких недель отказывались согласиться на специальное право, которого Франция требовала по отношению к Германии. После длительной дискуссии такое право было внесено в договор.

Очевидность говорит сама за себя. Не только неверно, что Франция всегда уступала, но даже установлено, что обычно, хотя и не без борьбы, превалировала ее точка зрения» [2, с. 361–365].

Главу 13-ю, заключительную, А. Тардьё назвал «На завтра после мира», в которой с сожалением отметил многочисленные случаи искажений и ревизий Версальского мирного договора. Он предупреждал, что это может грозить новой войной через какое-то время (как в воду гладе! – *В.К.*). Тардьё пишет, что опасность грозит «не стороны Франции, слишком много претерпевшей от войны, чтобы не жаждать мира, а со стороны Германии, мечтающей только о реванше, со стороны пангерманизма, который все еще жив. Чтобы обезопасить себя от него и его последствий, мы воевали, мы создали мирный договор. Если хотят, чтобы мир оказался прочным, необходимо, чтобы Германия поняла, что мирный договор – нечто серьезное. Если Германия этого не понимает, если ее не заставят это понять, рано или поздно те же причины вызовут те же следствия. Опять американским юношам придется переплывать океан. Чтобы этого избежать, Соединенные Штаты теперь же, а не позже, должны занять по отношению к Германии твердую позицию. Всякое поощрение в форме уступок германским империалистам – первый шаг к осложнениям; всякое проявление раскола среди победителей – зародыш войны. Раз Америка подобно нам хочет мира, пусть она поможет нам его практически осуществить: это – единственный способ закрепить его. До тех пор, пока она будет оставаться в стороне, ее мощь будет только на руку неприятелю, с которым она еще вчера сражалась. Если американцы в этом еще не убеждены, мы приведем их в Аргоннскую долину, где 30 тысяч белых крестов могут напомнить им о том, ради чего Америка шла на риск. Она и теперь хочет того же. Ей остается только суметь выбрать способы для осуществления того, чего она хочет. Это – насущная задача. Если она не будет разрешена, всякий мир будет ненадежным и жертвы войны окажутся напрасными» [2, с. 396–397].

Он обращается со страстным призывом к руководителям английской политики, заявляя им: «Франция нуждается в Англии, но Англия нуждается во Франции. Она нуждается в ней ради своей безопасности. Если когда-нибудь агрессия восстановившей свою мощь Германии создаст для Франции и Бельгии новую угрозу на Востоке, в этот день одновременно и та тех же основаниях угроза возникнет и для Великобритании. Без Бельгии и без Франции у Великобритании нет на континенте поля сражения, где она могла бы развернуть свои силы и защищать свои берега. Когда дорога на Париж открыта для нападения, в опасности Кале и Дувр» [2, с. 398–399].

Этим строкам нельзя отказать в политической прозорливости.

Источники и литература

1. Слесарев, И.Ю. Андре Тердьё: комиссар по делам франко-американского военного сотрудничества (1917–1918 годы) / И.Ю. Слесарев // Новая и Новейшая история. – 2020. – № 5. – С. 98–109.

2. Тардьё, А. Мир / под ред. и вступ. статья Б.Е. Штейна / А. Тардьё. – М.: ОГИЗ. Госполитиздат, 1943. – 432 с.

ЭВОЛЮЦИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ В США XIX В.

П.Г. Космач, г. Минск (Республика Беларусь)

В статье рассматривается религиозный контекст развития американского национального самосознания XIX в. На основе широкого круга источников и научной литературы показан протестантский фундамент культуры гражданского общества США того времени. Сделан вывод о значительном влиянии религиозного фактора в процессе эволюции американской национальной идентичности Нового времени.

Ключевые слова: американская идентичность; религиозный фактор; история США; протестантизм.

Со времени своего возникновения национальное самосознание в США имело религиозное основание в форме протестантизма, дело которого, как считалось, отстаивали поселенцы в Новом свете. Получив в период 1774–1789 гг. секулярную надстройку, американизм не утратил своих отличительных черт и в XIX в. В силу протестантского своеобразия религиозное и светское глубоко переплетались, образуя специфическую амальгаму идей и представлений о мире, распространенную среди большей части населения США того времени.

Американская национальная идея, как правило, выступала от имени высших авторитетов – Бога, Провидения, предначертанной судьбы. Вместе с тем внутренняя либерализация протестантизма XIX в. привела к тому, что теистические элементы в мировоззрении как паствы, так и церковных лидеров постепенно вытеснялись сугубо земными идеалами, связанными преимущественно с индивидуальными свободами. Эта черта очень точно была подмечена А. де Токвилем: «Американцы не только лично заинтересованы в упрочении их религии, но и часто рассматривают ее с точки зрения той пользы, которую она может принести верующим в земной жизни. В Средние века священники говорили только о загробной жизни; они едва ли обременяли себя доказательством возможности для искреннего христианина быть счастливым здесь, на земле. Американские проповедники, напротив, беспрестанно спускаются на землю, и, пожалуй, лишь с великим трудом им удастся оторвать от нее свои взоры. Стараясь сильнее затронуть души своей паствы, они ежедневно рисуют перед ее очами картины того, насколько благоприятны для свободы и общественного порядка религиозные чувства; слушая их, подчас бывает трудно понять, какова же основная цель религии – обретение вечного блаженства на том свете или же обеспечение благополучия на этом?» [12, с. 389].

Подобная тенденция имела вполне понятное основание: по сравнению со странами Старого света жизнь основной массы населения в США была достаточно благополучной и, казалось, ничто принципиально не мешало сделать ее еще лучше для большего круга лиц, приблизившись тем самым к «Царству Божьему». Именно данная логика рассуждений,

продиктованная принципом любви к ближнему, лежала в основе религиозного аболиционизма в северных штатах, а также, к примеру, и деятельности представителей «социального христианства» конца XIX – начала XX в., делавших все возможное для улучшения условий жизни промышленных рабочих. Фактически перед нами достаточно сложный феномен внутренней секуляризации церквей, которая медленно, но неуклонно нарастала по мере становления и развития индустриального общества в США Нового и Новейшего времени. И даже те мыслители, которые в своих работах выходили далеко за рамки протестантского христианства, могли проповедовать свои идеи в религиозной форме. К примеру, Р. Эмерсон писал: «Мы должны довериться благодетельной Высшей Силе, а не нашим деньгам и не государству, которое охраняет наше состояние. (...) У нас всего в избытке – звезд и лесов, холмов, животных, людей, и великие тенденции все сообща приведут к новому порядку. Если только люди будут действовать в согласии с тем Духом, который привел нас на эту землю, и продолжает вести дальше, мы очень скоро достигнем тех вершин, куда не донесется никакая хула и где нас перестанут посещать наши собственные сожаления, и создадим новое общество и государство – более прекрасное, чем все, какие знала история» [15, с. 298, 301].

Важно подчеркнуть, что взаимосвязь протестантского христианства и американского национального самосознания сохранялась на протяжении всего XIX в. Именно поэтому достаточно трудно проходил процесс интеграции в принимающее общество иммигрантов из католических стран Европы, которые стремились сохранить свою конфессиональную идентичность. К 1840 г. в США было уже более 600 тысяч католиков. Известный пресвитерианский священник того времени Лайман Бичер (1775–1863), выступая за активную колонизацию и миссионерскую работу на западных землях, подчеркивал опасность, исходящую от католической церкви [16, с. 71–72]. В 1842 г. создается «Американская протестантская ассоциация», которая своей целью прямо заявляла о необходимости борьбы с «системой папизма». «Романизм», считали основатели ассоциации, несет прямую угрозу гражданской и религиозной свободе в США [22, с. 264]. Эти призывы, связанные также с требованием ограничить иммиграцию из некоторых частей Европы, находили определенный отклик в массах, проживавших преимущественно на Северо-Западе США. Активисты нативистского движения не чуждались прямого насилия: «С помощью заложенных ночью бочек с порохом в 1854 г. были взорваны католические церкви в Дорчестере (Массачусетс) и Сиднее (Огайо). Вошли в историю как «кровавый понедельник» выборы 5 августа 1855 г. в Луисвилле (Кентукки). Бунт, по масштабам уступавший только филадельфийским событиям 1844 г., привел к ранению и гибели ста человек и сожжению двадцати домов» [9, с. 126]. Нативисты считали, что католическая церковь враждебна интересам протестантской Америки, а ее рядовые приверженцы несут лишь социальные проблемы в США. Вместе с тем сравнительно высокий уровень жизни в сочетании с наличием гражданских прав (в т.ч. и относительной свободы вероисповедания) обеспечивал

активную работу «плавильного котла», укрепляя и расширяя американскую национальную идентичность. Однако это не означало реального равноправия католиков, которых опасались многие протестанты, доминировавшие среди представителей истеблишмента. Даже во второй половине XX в. Дж. Кеннеди, кандидату на пост президента США, приходилось во время избирательной кампании (1960 г.) специально объяснять, что он, будучи католиком, не подчиняется папе римскому в светских вопросах [18, с. 158].

Будучи интегральной частью национального самосознания, американский протестантизм XIX в. демонстрировал тенденции, постепенно отдалявшие его от исторического христианства. В 1820–1830-х гг. разворачивается деятельность Джозефа Смита (1805–1844), ставшего основоположником вероучения «Церкви Иисуса Святых последних дней» (мормонов). Его «Книга Мормона» представляла собой своеобразную попытку связать историю Древнего Израиля и американского народа [5, с. 146]. Будучи с научной точки зрения вымыслом автора на основе доступных ему литературных источников, писания Дж. Смита выражали определенные настроения среди народных масс, которых по-прежнему привлекала религиозная проповедь. В доктрине «Церкви Иисуса Святых последних дней» присутствовало сочетание некоторых элементов теологического либерализма с американским патриотизмом. «Символ веры» мормонов утверждал, то «Сион (Новый Иерусалим) будет построен на Американском континенте [11, с. 73]. Христианский догмат о первородном грехе ими отрицался, а понимание Бога явно отличалось от принятого в авраамической традиции [6, с. 14].

Подобные теологические инновации наряду с практикой полигамии встречали сопротивление большей части американского общества. Мормонов изгоняли из Миссури и Иллинойса, но «Церковь Иисуса Святых последних дней» не только выжила, но и, осуществив переход своих сторонников на западные земли, установила свое господство на территории Юты. Их новый лидер Б. Янг (1801–1877) подчеркивал избранность американского континента и превозносил Конституцию США [24, с. 131–133]. Мормоны считали, что им открылся сам Бог, поручив строительство своего царства на земле [24, с. 134].

При всей маргинальности соответствующих идей в данной формулировке они отражали элементы национального сознания в США. А. де Токвиль (1805–1859) свидетельствовал: «В Соединенных Штатах религия пронизывает все национальные обычаи, став неотделимой частью патристических чувств, и именно это придает ей необычайную силу [12, с. 321]. В 1839 г. эти чувства получили знаковое выражение в статье «Великая нация будущего», автором которого был (предположительно) Дж. О'Салливан. Ее автор утверждал, что американский народ уникален в своем происхождении, связывающем его не с прошлым, а лишь с ярким будущим, которое воспринималось в качестве своего рода новой эры. Американцы, как провозглашалось в данной публикации, являются «нацией человеческого прогресса», призванной показать миру превосходство божественных принципов, а также союза, управляемого «Божьим естественным и нравственным законом равенства, законом братства» [21, с. 78–79].

Данная аргументация использовалась для оправдания расширения территории США в 1840–1850-х гг., а в некоторых случаях и позднее [10, с. 101–113]. Однако подобные настроения постепенно теряли популярность на фоне нарастания внутренних противоречий между регионами страны и общего кризиса союза штатов.

Важнейшим вызовом для религиозного сознания в США стал раскол страны на Север и Юг. Доминирование в обоих регионах протестантов различных деноминаций только усугубляло теологические трудности для объяснения кровопролитного конфликта, в котором каждая из сторон считала, что на ее стороне находится Провидение Бога. Итогом стало представление о Гражданской войне как расплате за национальные грехи (рабовладение и т.д.). Вскоре былой оптимизм восторжествовал: доктрина «явного предназначения», обосновывавшая особую миссию американского народа и государства, обрела второе дыхание [20, с. 100]. Данные представления подкреплялись впечатляющими экономическими успехами, выходом в конце XIX в. США на первое место в мире по промышленному развитию. Так, Б. Гаррисон, президент США в 1889–1893 гг., говорил: «Ни у одного народа нет правительства более достойного его уважения и любви, нет такой величественной в своем размахе земли, так радующей глаз и так щедро открытой для предприимчивости и труда. Бог возложил диадему на нашу голову и положил к нашим ногам власть и богатство, не поддающиеся определению или счету. Но мы не должны забывать, что эти дары нам даны при условии, что справедливость и милосердие будут держать бразды власти, и ведущие наверх пути надежды будут открыты для всех людей» [2, с. 279–280]. Г. Кливленд в 1885 г. призывал: «И давайте полагаться не только на усилия людей, но, смиренно признавая могущество и доброту Всевышнего Бога, владеющего судьбами наций и присутствовавшего в истории нашей страны во все времена, давайте молить Его о помощи и благословении наших трудов» [7, с. 266]. А. Беверидж, один из идеологов так называемой «прогрессивной эры», в 1898 г. говорил: «Бог даровал своему избранному народу славную историю – историю героическую, исполненную веры в нашу миссию и в наше будущее: историю государственных мужей, распространивших границы нашей Республики на неизведанные земли и дикие территории; (...) историю божественно логичную, в процессе творения которой мы сегодня участвуем» [1, с. 149].

Религиозные ценности национального самосознания получали определенную реализацию на практике. К 1850 г. в большинстве штатов существовали законы, «защищающие день поклонения Богу и наказывающие за богохульство, атеизм, многоженство и преступления против морали» [19, с. 72]. Соответствующие действия наказывались на том основании, что они угрожали гражданскому миру, оскорбляя религиозные чувства людей, и подрывали устои общества, считавшиеся необходимыми для осуществления республиканского правления. Конгресс США после завершения Гражданской войны проводил законодательную политику т.н. «моральной Реконструкции». Она включала борьбу против полигамии у мормонов на территории Юты, запрещала непристойную информацию и

товары, которые могли быть применены для контроля за рождаемостью или осуществления аборт, а также специальные меры, направленные на ограничение разводов и проституции [17, с. 6].

Вместе с тем у американского патриотизма имелись и оборотные стороны, которые осознавались некоторыми общественными деятелями. Одно из наиболее ярких выражений вполне обоснованных опасений было высказано У. Гаррисоном. «Мы – тщеславный народ, наша страсть к похвальбе переходит всякие границы. Мы забрали себе в голову – и в истинности этого предположения нас уверяют ежегодно, – что республика бессмертна. Что она, подобно могучему ангелу, вечно будет править свой полет, воспарив над грешной землей, устремившись в надзвездную даль – и там, достигнув совершенства, вовеки пребудет неизменной, чуждой суетному влиянию преходящих обстоятельств. Пусть землетрясение пошатнет до основания всю Европу и внезапно разверзшиеся пропасти поглотят целые царства – оно не поколеблет ни одного дюйма территории нашей республики, не сдвинет с места ни одной тарелки на полках наших кухонных шкафов. Пусть океан, собрав всю свою мощь, волнами второго потопа захлестнет вершины высочайших гор – наш ковчег будет уверенно продолжать свое плавание, даже если бы весь мир исчез в пучине. Пусть грозовые тучи закроют небо – улыбка нашей богини, Свободы, рассеет мглу, и повсюду, куда ни обратит она взор свой, загорится радуга. Мы пребудем вечно, «доколе не прейдет небо»! Это роковое заблуждение ужасает людей, способных размышлять и предвидеть, оно приводит в трепет христианина, осмеливающегося заглянуть в наше будущее, исторгает слезы отчаяния у патриота; оно несмываемым клеймом ляжет на всю последующую историю нашей страны, если только преградой этому не станет милосердие Божье», – писал У. Гаррисон [3, с. 64–65].

Подобные предупреждения не были услышаны. Более того, богиня Свободы, присутствовавшая в языческой религии Древнего Рима, обрела официальный статус на территории США. В 1863 г. статуя в ее честь увенчала величественный купол нового Капитолия – архитектурной доминанты столицы страны. В 1886 г. была торжественно открыта Статуя Свободы («Свобода, озаряющая мир») на острове в Верхней бухте Нью-Йорка – города, представляющего собой символ новой (урбанизированной) Америки. Начало иной эпохи отчетливо ощущалось некоторыми современниками. К примеру, У. Уитмен подчеркивал следующее: «Подобно самой Америке, ее поэзия должна освободиться от влияния даже величайших образцов прошлого, и пусть она, почтительно отдавая им должное, до конца уверует только в себя самое, только в проявления своего собственного демократического духа. Подобно Америке, она должна поднять знамя священной веры человека в свое достоинство (этой первоосновы новой религии)» [13, с. 369]. В массовом сознании культ индивидуальной свободы, совмещенный с традиционным поклонением Богу авраамических религий, представлял собой весьма странное сочетание, которое не могло быть устойчивым в исторической перспективе. Но подобный культ имел

свое обоснование в протестантизме, ориентированном на личную веру, которая из области вероисповедания постепенно проникала и в другие сферы жизни человека, общества и государства. Национальное двоебожие стало временным компромиссом между духовными веяниями разных эпох, определив многие черты культурного развития США Новейшего времени.

Источники и литература

1. Беверидж, А. Поступь флага (1898 г.) / А. Беверидж // История США: Хрестоматия / Сост. Э.А. Иванян. – М. : Дрофа, 2005. – С. 148–153.
2. Гаррисон, Б. Инаугурационная речь (4 марта 1889 г.) / Б. Гаррисон // Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша (1789 – 2001 г.) с ист. коммент. / Общ. ред. и комментарий Э. А. Иваняна. – М. : Изд. дом «Стратегия», 2001. – С. 269–280.
3. Гаррисон, У. Л. Опасность, грозящая Америке (1829) / У. Л. Гаррисон // «Сделать прекрасным наш день...» : публицистика американского романтизма / сост. и авт. предисл. А. Н. Николюкина. – М. : Прогресс, 1990. – С. 62–79.
4. Девина, И. В. Мормоны: философия, религия, культура : науч.-аналит. обзор / И. В. Девина. – М. : ИНИОН РАН, 1994. – 43 с.
5. Заявление Смитсоновского института относительно «Книги Мормона» // Дворкин А. Сектоведение. Опыт систематического исследования. – Нижний Новгород : Издательство Братства во имя св. Александра Невского, 2002. – С. 146–147.
6. Кирчанов, М. «И снова утвержу свой Сион»: религиозный и секулярный национализм в Америке / М. Кирчанов. – Воронеж : ФМО ВГУ, 2010. – 272 с.
7. Кливленд, Г. Инаугурационная речь (4 марта 1885 г.) / Г. Кливленд // Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша (1789–2001 г.) с ист. коммент. / Общ. ред. и комментарий Э. А. Иваняна. – М. : Изд. дом «Стратегия», 2001. – С. 266.
8. Пархоменко, В. К. Теория явного предначертания // США: политическая мысль и история / В. К. Пархоменко / Отв. ред. Н.Н. Яковлев. – М. : Наука, 1976. – С. 53–145.
9. Прилуцкий, В. В. Движение американских националистов-нативистов 1830–1860-е гг. / В. В. Прилуцкий // Вопросы истории. – 2011. – № 7. – С. 121–134.
10. Сиротинская, М. М. Идея «предопределения судьбы» в восприятии американских современников: середина XIX в. / М. М. Сиротинская // Вестник РГГУ. – 2017. – Серия «Политология. История. Международные отношения». – № (2). – С. 101–113.
11. Смит, Дж. Символы веры / Дж. Смит // Драгоценная жемчужина. – Солт-Лейк-Сити : Издательство Церкви Иисуса Христа Святых последних дней, 2016. – С. 72–73.
12. Токвиль, А. Демократия в Америке / А. Токвиль. – М. : Прогресс, 1992. – 554 с.
13. Уитмен, У. Демократические дали (Фрагменты) / У. Уитмен // Уитмен У. Избранные произведения. – М. : Художественная литература, 1970. – С. 355–373.
14. Эмерсон, Р. Доверие к себе / Р. Эмерсон // Эмерсон Р. Эссе. Торо Г. Уолден, или Жизнь в лесу / Вступит. статья Н. Покровского. – М. : Худож. Лит., 1986. – С. 132–161.
15. Эмерсон, Р. Молодой американец / Р. Эмерсон // Эстетика американского романтизма / Сост., коммент. и вступ. статья А. Н. Николюкина. – М. : Искусство, 1977. – С. 281–301.
16. Beecher L. A Plea for the West (1835) // Greenberg A.S. Manifest Destiny and the American Territorial Expansion. A Brief History with Documents. – Boston, New York : Bedford / St. Martin's, 2012. – P. 69–72.

17. Foster, G. M. Moral Reconstruction: Christian Lobbyists and the Federal legislation of Morality, 1865–1920 / G. M. Foster. – Chapel Hill and London : The University of North Carolina Press, 2002. – 318 p.
18. Lambert, F. Religion in American Politics: A Short History / F. Lambert. – Princeton and Oxford : Princeton University Press, 2008. – 296 p.
19. McGarvie, M. D. Law and Religion in American History : Public Values and Private Conscience / M. D. McGarvie. – New York : Cambridge University Press, 2016. – 312 p.
20. Shalev, E. American Zion: The Old Testament as Political Text from the Revolution to the Civil War / E. Shalev. – New Haven and London : Yale University Press, 2013. – 239 p.
21. The Great Nation of Futurity (November 1839) // Greenberg A. S. Manifest Destiny and the American Territorial Expansion. A Brief History with Documents. – Boston, New York: Bedford / St. Martin's, 2012. – P. 78–79.
22. The Launching of the American Protestant Association Against the Catholic Church (November 22, 1842) // Documents of American Catholic History / Ed. by J.T. Ellis. – Lexington : Forgotten Books, 2012. – P. 263–265.
23. Weinberg, A. K. Manifest Destiny. A Study of Nationalist Expansionism in American History. – Chicago : Quadrangle Books, 1963. – 559 p.
24. Young, B. Discourses / B. Young // God's New Israel: Religious Interpretations of American Destiny. – Chapel Hill and London : The University of North Carolina Press, 1998. – P. 131–134.

ПРОСВЕЩЕННЫЙ АБСОЛЮТИЗМ В ПРУССИИ И АВСТРИИ (КОНЦЕПЦИИ РОССИЙСКОЙ НОВИСТИКИ НАЧАЛА XX ВЕКА)

Л.В. Ландина, г. Минск (Республика Беларусь)

В статье раскрыто осмысление политики просвещенного абсолютизма в российской дореволюционной исторической науке (В.И. Герье, Н.И. Кареев, П.П. Митрофанов), продемонстрирована связь концептуальных построений российских либералов-новиков с выводами западноевропейской, в частности, германской исторической науки. Особое внимание уделено трактовкам российскими историками мероприятий Фридриха II (1740–1786) и Иосифа II (1780–1790). Фридрих II, идеолог и создатель прусской государственности, успешно реформировал страну в русле просвещенного абсолютизма. В свою очередь, уникальным примером просвещенного монарха являлся император Священной Римской империи Иосиф II, «революционер на троне», реформы которого в общем потерпели поражение. Правление Иосифа II анализируется в работе П. П. Митрофанова, которая до сегодняшнего дня не только остается крупнейшим исследованием на русском языке, созданным по данной проблеме, но и является ярким примером дискурса российской дореволюционной новистики.

Ключевые слова: абсолютизм, просвещенный абсолютизм, австрийские Габсбурги, Фридрих II, Иосиф II, российская историография, новистика.

Просвещенный абсолютизм как знаковое явление раннего Нового времени и феномен эпохи Просвещения привлекал внимание и требовал рефлексии уже у своих современников. Оформившись в философии и правоведении, реализовавшись в практике управления, он к середине XIX в.

обрел свое место в исторической науке, и это было не случайно. В просвещенном абсолютизме наиболее ярко и масштабно отразились апогей и реформирование Старого порядка. В середине же XIX в. в Европе (за исключением Российской империи) абсолютных монархий не осталось, и наступило время осмысления уже ушедшего явления.

В современной историографии существует устоявшееся мнение о просвещенном абсолютизме как политике масштабного реформаторства, развернувшейся в последние полстолетия Старого порядка под влиянием идей Просвещения, когда, «отринув представления о божественном происхождении своей власти, монархи этого времени попытались дать ей рациональное обоснование и пришли к осознанию своего долга “служить общему благу”» [2, с. 105]. Эпоха Просвещения была временем формирования новой политической культуры, основанной на разуме и вере в силу совершенных законов, созданных просвещенным монархом. Процесс становления национальных светских государств требовал новых средств легитимизации власти, что нашло отражение в работах Вольфа, Гроция, Лейбница, Пуффендорфа, Монтескье [2, с. 110] (однако божественную санкцию верховной власти, никто не отменял, она сохранялась во всех слоях общества; возможно, самый яркий ее пример – царистское мировоззрение основной массы народа в России начала XX в. – Л.Л.). Сами понятия «общественного блага», общественного договора, фундаментальных законов, разделения властей и т. д. были в то время «политическим мейнстримом». [2, с. 115–119], и это совершенно не препятствовало стремлению просвещенных монархов сосредоточить всю власть в своих руках [2, с. 112].

Современное утверждение о том, что реформаторство данного периода было не вынужденной реакцией, как в предшествующие времена, а осознанной политикой по созданию новой реальности [2, с. 119], бесспорно, лестно для просвещенных монархов, но вызывает ряд вопросов. Например, каковы критерии «вынужденности» или «произвольности»? В чем, если сравнивать конечные результаты, а не обоснование, принципиальная разница между меркантилистской политикой XVII в. и экономическими мероприятиями просвещенных монархов? Насколько искренними были стремления правителей следовать философским принципам и по каким параметрам эти стремления оценить? Эти и ряд подобных вопросов четких ответов не имеют. Наконец, сама правомочность терминов «абсолютизм» и «просвещенный абсолютизм» не раз ставилась под сомнение, но и в данном вопросе на сегодняшний день превалируют пожелания, а не предложение адекватной терминологической замены [7, с. 703–713; 9, с. 69]. В целом же нужно отметить, что современная интерпретация просвещенного абсолютизма основывается преимущественно на правовом к нему подходе и в целом благожелательном отношении, что применимо как к самой политике, так и к ее представителям. Однако так было отнюдь не всегда, и советская трактовка просвещенного абсолютизма как социальной демагогии крепостнического государства, возможно, наиболее конфронтационна, но не уникальна.

В российской исторической науке термин «абсолютизм» впервые был применен медиевистом С. В. Ешевским (1829–1865) в лекционном курсе 1858/59 гг. при описании ранней империи в Риме, когда ослабленное в результате гражданских войн общество приняло власть Августа во имя мира и спокойствия. В интерпретации Ешевского абсолютизм был допустим на время, во имя высшей цели спасения общества. Однако, предупреждал Ешевский, утративший необходимость, превратившийся в самоцель «абсолютизм губительно действует на все живое, смертельным недугом поражает все общество» [4, с. 125–126; 7, с. 37]. Абсолютизм, таким образом, есть необходимое зло, попрание свободы, главная его опасность – в перерождении во враждебную обществу реакционную силу. Эта либеральная интерпретация, естественная и в Западной Европе после революций 1848 г., и в России накануне «великих реформ», останется неизменной в российской дореволюционной историографии.

В это же время в российскую новистику вошло и понятие «просвещенный абсолютизм». Рассматривая социокультурную ситуацию начала реформ Александра II, нельзя не согласиться с российским исследователем политики просвещенного абсолютизма В. С. Антиповым. Либерализация, политика гласности, обоснование реформ в России закономерно вызывали интерес к опыту реформирования «сверху» в европейских странах. В свою очередь, переводы работ зарубежных историков предоставляли столь необходимый российским читателям нарративный материал [1, с. 36–37].

Термин «просвещенный абсолютизм» восходит к трудам немецких гегельянцев первой половины XIX в., считавших, что именно приверженность этой политике Фридриха II позволила Пруссии, в отличие от Франции, избежать революционных потрясений [2, с. 105]. Идеолог старой исторической школы экономики В. Рошер (1817–1894) работе «Наброски к естественному учению о трех формах государства» указывает на три стадии развития абсолютной монархии. Во-первых, это конфессиональный абсолютизм, при котором во главу угла ставились вероисповедные интересы и действовал принцип «Cuius regio, eius religio» – «Чья страна, того и религия». Следующим этапом в развитии абсолютизма стал придворный. Его лозунг – «L'État c'est moi!» – «Государство – это я!», а наивысшее воплощение – Людовик XIV. Наконец, просвещенный абсолютизм, представленный Помбалом и Арандой, Фридрихом II и Иосифом II выражается в идее «Le roi c'est le premier serviteur de l'état» – «Король есть первый слуга государства» [10, с. 451]. Далее Рошер делает важное замечание о том, что каждая последующая ступень абсолютизма усиливает власть, становящуюся все более неограниченной. Вероисповедный абсолютизм предполагает союз с духовной властью, что может подавлять светского властелина, придворный абсолютизм ограничивается окружением – дворянами, придворными, чиновниками. При просвещенном же абсолютизме *«первый слуга государства» может во имя него «гораздо охотнее присвоить достоинство и кровь народа, чем во имя своего собственного»* (курсив мой – Л. Л.)

[10, с. 451]. Этот примечательный вывод Рошера не оставляет почвы для просветительских (либеральных, демократических и т. д.) иллюзий относительно смягчения политического режима монарха, который может, разумеется, беседовать с философами, но не обязан реализовывать их идеи.

Более того, при просвещенном абсолютизме, как считает Рошер, для власти сняты все барьеры, управлению способствуют административные реформы, жесткая бюрократия, не обремененный формальностями ход государственной машины. Однако в этом таится и опасность. Пока во главе государства стоит человек масштаба Фридриха II, это может значительно способствовать укреплению государства. Однако при каждом менее способном преемнике потребность в гарантиях власти возрастает, и отлаженная государственная машина может быть разрушена одним мощным ударом, что доказывает свержение старой французской монархии в 1789 году [10, с. 451].

Каким образом теоретические выводы западноевропейской науки отражались на российской историографии? Можно уверенно говорить об их заимствовании и развитии – все российские историки-новисты были либералами, хоть и в разной степени. Несомненно и значительное влияние западноевропейского, в первую очередь германского научного нарратива на концептуальные построения российских историков. Так, оно очевидно у В. И. Герье (1837–1919), ученика С. М. Соловьева и одного из основателей «русской школы» всеобщей истории. Продолжением концептуального построения В. Рошера представляется тезис В. И. Герье о двух типах абсолютизма. При первом идея государя заслоняет собой идею государства, и монарх ищет опору личной власти в божественном установлении. Это монархия Людовика XIV, праздничная, разорительная для государства. Другой тип монархии – будничной, рабочей, подразумевает монарха как хозяина своего государства, трудящегося ему во благо, не отвергая идею божественного происхождения своей власти. Это монархия Фридриха-Вильгельма I [3, с. 107–108].

Постепенно среди монархии другого типа под влиянием просветительских идей формируется просвещенный абсолютизм, основанный на рациональных, этических началах. Монарх – это гражданин своего государства, призванный править во благо народа, а государство обязано заботиться о благосостоянии граждан. Главная разница между обоими типами монархии в том, что «просвещенный абсолютизм» не прибегает к теории божественного происхождения власти [3, с. 108–115; 7, с. 104].

Центральными фигурами просвещенного абсолютизма на Западе Герье считает Фридриха II и Иосифа II. Прусский монарх сочетал в себе качества как практика, так и философа, имея перед собой пример отца и продолжая вековую традицию возвышения Пруссии [3, с. 119–120]. Герье указывает на продуманность мер Фридриха в крестьянском вопросе, финансах, законодательстве, просвещении [3, с. 130–132]. Иосиф II, действовал в Австрии, настолько страдавшей от церковной опеки, что еще его мать Мария-Терезия была вынуждена провести реформы, ослабившие роль католицизма в государстве, причем Герье проводит параллель с

аналогичными реформами в Испании, Италии, Португалии [3, с. 132–136]. Будучи поклонником идей Просвещения не в меньшей степени, чем принципа единовластия, Иосиф II продолжил антиклерикальную политику, хотя и не всегда продуманную. Меры же в области централизации, проводимые директивно и без учета местных особенностей, привели к сопротивлению. Иосиф умер, не успев реализовать свои идеи [3, с. 136–139; 7, с. 104–105].

В. И. Герье, как и В. Рошер, не питал иллюзий в отношении «демократичности» просвещенных монархов. Характеризуя безусловно почитаемого им Петра I, Герье указывает на «три главнейшие черты просвещенного абсолютизма». Во-первых, это «ясное сознание, что власть государя безусловна и самодержавна, и он твердо стоит на этом»; во-вторых, просвещенный абсолютизм безусловен, цель его есть благо государства, а назначение власти – заботиться о благе государства. Наконец, если в основании общества лежит разумное начало, то в стремлении к его торжеству необходимо принуждение, выступавшее у Петра как «принуждение вразумляющее» [3, с. 118–119].

Н. И. Кареев (1850–1931), один из крупнейших российских историков и ученик В. И. Герье, указывает на идею светского государства, выраженную в просвещенном абсолютизме и направленную против конфессиональной политики XVI и XVII веков [5, с. 290]. Кареев отмечает необходимость приспособления абсолютных монархий к новым условиям, что стимулировало переход к политике просвещенного абсолютизма в конкурентной борьбе европейских стран [5, с. 363].

Наличие просветительской риторики в мероприятиях монархов, по мнению Кареева, отнюдь не значило отступления от полноты власти, практика полицейского государства усиливалась. Проводя свои мероприятия, правители заботились лишь о казне, государстве, управлении, а если и делали послабления, например, для крестьян, то лишь в целях сохранить их как налогоплательщиков [5, с. 364].

В практике просвещенного абсолютизма Кареев отличает протестантские и католические страны. В протестантских странах уже произошло освобождение государства от папской власти, секуляризация церковных имуществ и т. д., и у их правителей не было потребности в изменениях в церковной области. Католические же государства были вынуждены, не касаясь сути религии, реформировать отношения между церковью, обществом и государством в той мере, как это делали протестантские страны в эпоху Реформации. Представительницей протестантских стран Кареев называет Пруссию, католических – Австрию. В области религиозной политики Пруссия уже в XVI веке достигла того, к чему Австрия стремилась в конце XVIII века. Сравнивая модели развития обеих стран, Кареев отмечает совершенно различные характеры «короля-философа» Фридриха II и «революционера на троне» Иосифа II. Один был реалист-прагматик, другой идеалист-теоретик; Фридрих сохранил династические традиции Гогенцоллернов, Иосиф пошел вразрез с клерикально-феодальной политикой Габсбургов. Между Иосифом II и Фридрихом II разница

такая же, как между Руссо и Вольтером, бывшими «сердцем» и «головой» XVIII века [6, с. 299–303].

Таким образом, сопоставление трактовок В. И. Герье и Н. И. Кареева, как представителей двух поколений в российской новистике, раскрывает постепенное развитие концептуального видения просвещенного абсолютизма в сторону конструирования не просто нарратива, но и теоретических схем, характеризующих новоевропейскую государственность.

Наконец, ученик Н. И. Кареева П. П. Митрофанов (1873–1917) создал оригинальное исследование, посвященное политике просвещенного абсолютизма Иосифа II [8]. Фундаментальный труд Митрофанова, написанный в традициях позитивистской историографии, с привлечением массива источников и выдерживанием хронологического построения и иерархии рассматриваемой проблематики, пока не превзойден на русском языке. Нужно отметить, что Митрофанов, как и его наставники, не только не идеализирует просвещенный абсолютизм Иосифа II, но и всячески демонстрирует контролируемую, полицейскую и бюрократическую сторону просвещенной монархии. «Все для народа и ничего посредством народа», – такими словами начинает он свою работу. Эта формула, отмечает Митрофанов, была бы совершенно верна, если бы слово «народ» в первом предложении заменить словом «государство» [8, с. 73]. Такая направленность книги Митрофанова станет тем более понятна, если вспомнить социально-политические реалии России начала XX века. Революция 1905–1907 гг., Манифест 17 октября, формальное упразднение российского абсолютизма вызвали не только мощный всплеск исследований, посвященных монархии как на Западе, так и в России, но и оживление либеральных настроений.

Общее отношение Митрофанова к просвещенному абсолютизму исчерпывающе характеризуется в таких словах: «Наступает век “просвещенного абсолютизма”, но название это, быть может, не совсем точно характеризует вновь наступивший порядок: слову “просвещение” отведено здесь слишком много места сравнительно с тем реальным значением, которое оно имело в узко-государственной сфере. Были, конечно, и серьезные попытки применить учение энциклопедистов на деле: в мелких государствах, вроде маркграфства баденского, проводились в этом смысле весьма решительные и бесстрашные эксперименты *in anima vili*, т. е. над безответными подданными... Монархи ласкали философов, льстили им, даже заискивали перед ними... Но эти просвещение могучих властителей, как таковое, и ограничивалось: *raison d'état* безраздельно управлял их политическими действиями, и тот же Фридрих II не дал бы костей и одного померанского гренадера за осуществление прекраснейшей из теорий, ему невыгодной... Такие требования, как веротерпимость, отмена крепостного права, уравнивание всех перед законом и перед налогом... мало-помалу стали азбучной истиной для государственных деятелей. Конечно, требования эти создала сама жизнь, но синтезировали и теоретически обосновали их писатели, а осуществили их на практике представители

абсолютной монархии: в этом смысле деспоты второй половины XVIII века воистину были просвещенными» [8, с. 75–76].

Анализируя реформаторскую деятельность Иосифа II, Митрофанов начинает с характеристики его личности, выделяя в ней такие качества, как гордость, эгоцентризм, упрямство, что впоследствии объясняло волюнтаристский характер проводимой политики австрийского императора [8, с. 77–85]. Рассматривая меры Иосифа II, Митрофанов неуклонно придерживается того, что сейчас называют историко-генетическим принципом – он указывает не только на предпосылки реформирования, но и на те реформы, которые уже были реализованы матерью Иосифа – императрицей Марией-Терезией. Освещая административную, военную, финансовую и экономическую, судебную, церковную и образовательную реформы, Митрофанов не ограничивается констатацией проводимых императором мероприятий. Ценным является прослеживание реакции на них на местах, подкрепленное материалом источников.

Монархия австрийских Габсбургов была не только многонациональна и многоконфессиональна, включая территории современных Италии, Бельгии, Чехии, Венгрии, западной Украины, но и различна применительно к сословиям, их политическим амбициям и культуре. Между тем, «абсолютизм, хотя бы и благожелательный абсолютизм Иосифа, был врагом какого бы то ни было самоуправления, какой бы то ни было общественной самостоятельности, а корпоративный принцип противоречил его нивелирующей системе... даже такие невинные союзы, как земледельческие, не нашли милости в его глазах» [8, с. 211–212]. Волнения в Венгрии и Бельгии, ущемленных в своих традиционных правах, расценивались императором с позиций «или подчинить их, или самому погибнуть», «стрелять по сволочи», «казнить негодяев-зачинщиков» и т. д. [8, с. 213]. Неудача административной реформы, очевидно, проистекала от убежденности императора в необходимости унификации управления империей при непонимании и нежелании понять местные национальные, сословные и правовые особенности. Более того, император «хотел из различных народностей, покорных его скипетру, создать единую нацию, одушевленную любовью к общему отечеству, как то было, например, во Франции, королю которой он искренне завидовал» [8, с. 229]. Этот проект выглядит утопией даже в эпоху глобализации XXI века.

Социальная политика Иосифа, несмотря на ее теоретическое обоснование и рационализм, очевидно, опережала свое время – уравнивание сословий в правах и налоговых обязательствах перед государством было нереализуемо в середине XVIII века. Пример Людовика XVI, пытавшегося не уравнивать сословия, а хотя бы добиться более справедливого и рационального налогообложения, казалось, был более чем красноречив для австрийского императора. Требование документального подтверждения дворянства, пополнение рядов чиновничества разночинцами, возможно, имели какое-то значение, но «сразу и вполне разрушить государственный уклад было невозможно. Даже там, где властная рука императора была

поистине владыкой – в сфере государственного управления, дворянство сохраняло фактический перевес над остальными сословиями благодаря тому, что заполняло кадры чиновников» [8, с. 530]. Анализ неудач реформаторской деятельности Иосифа II, искренне желавшего перестроить всю свою империю и фанатично уверенного при этом, что только он знает, что нужно всем подданным и как этого достичь, выглядит весьма поучительно и сегодня, несмотря на кажущуюся пропасть во времени, разделяющую эпохи Просвещения и постиндустриального общества.

П. П. Митрофанов подводит такой итог рассмотрению различных сторон реформаторской деятельности Иосифа II: «И все-таки Иосиф был догматиком и фанатиком – догматиком идеи о государстве и фанатиком общего блага. Здесь у него не было ни колебаний, ни сомнений, ни отступлений, и это увлечение стоило любого другого. Оно-то и заставило его попрасть национальные чувства венгерцев, бельгийцев и поляков, нарушить вольности отдельных провинций, уничтожить привилегии высших классов, стать в обостренные отношения к духовенству, вооружить против себя чиновничество и армию» [8, с. 766–767]. Почему стало возможно формирование и достаточно успешное действие разнородной оппозиции его реформам? Всякое нововведение, объясняет Митрофанов, неизбежно вызывает недовольство и оппозицию, и государство должно быть к этому готово. При этом имеет значение не степень недовольства, а моральные и материальные силы, которыми располагают та и другая сторона, и в противодействии Иосифу II моральное преимущество имели его противники. Они, по образной характеристике Митрофанова, были «сильны оскорбленным национальным чувством, сознанием поправленного и поруганного своего права на привилегии, освященного не только веками и кровью предков, но и положительным законодательством, религиозным своим мировоззрением, которое в течение веков превратилась в святая святых, стремлением своим к свободе, быть может, исключительно и своеобразно понятым, но искренним и неукротимым. Под сенью таких знамен оппозиция смело и не опасаясь ничьих укоров могла выступать на защиту жизненных своих интересов, которым грозило великое умаление: сражаясь *pro patria et libertate*, она билась и за свое имущественное благосостояние, и за свое положение в обществе, и за политическое преобладание [8, с. 766–767]. Митрофанов, выразил одну из центральных идей российской либеральной новистики применительно к абсолютизму: подавляя общественные силы, абсолютизм не только не достиг своих целей, но и погубил их.

Таким образом, рассмотренные трактовки политики просвещенного абсолютизма в работах трех поколений российских исследователей новой истории – В. И. Герье, Н. И. Кареева и П. П. Митрофанова, дают возможность прийти к выводам о значительном влиянии на российскую новистику западноевропейского нарратива и теоретических установок, весьма сдержанном отношении к просвещенному абсолютизму, признанию в первую очередь прагматичных и фискальных интересов верховной власти в

проводимом реформировании и отсутствии идеализации персоналий названной эпохи. В перспективе такое отношение к просвещенному абсолютизму будет усиливаться и достигнет максимума в советской историографии. В данном случае наблюдается оценочная преемственность, объясняемая достаточно просто – и либералы-западники, и марксисты (также западники) к абсолютизму относились весьма сдержанно, как к необходимому злу, которое все же будет ликвидировано буржуазной революцией. В постсоветской же историографии произошла смена революционных ценностей традиционалистскими, абсолютная монархия стала оцениваться с позиций восприятия ее как закономерного и приемлемого этапа развития государственности. Соответственно, и просвещенный абсолютизм ныне воспринимается в целом более положительно, чем в дореволюционной историографии. В частности, не отрицается значимость реформаторской деятельности Иосифа II в области ликвидации крепостного права, секуляризации, судопроизводства, реформирования армии, системы образования, медицины и т.д.

Источники и литература

1. Антипов, В. С. Дореволюционная отечественная историография политики просвещенного абсолютизма в зарубежных странах / В. С. Антипов // Вестн. Псков. гос. ун-та. Сер. : Соц.-гуманитар. науки. – 2011. – № 13. – С. 35–44.
2. Всемирная история : в 6 т. / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщей истории ; [редкол.: А. О. Чубарьян (гл. ред.) и др.]. – М. : Наука, 2013. – Т. 4 : Мир в XVIII веке / отв. ред. С. Я. Карп. – 787 с.
3. Герье, В. И. История XVIII века : лекции, чит. в 1902–1903 гг. / В. И. Герье. – М. : Типо-Литогр. Ю. Венер, 1902. – 525 с.
4. Ешевский, С. В. Сочинения : в 2 ч. / С. В. Ешевский. – М. : Тип. Грачева и К^о, 1870. – Ч. 1. – 576 с.
5. Кареев, Н. И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков; общая характеристика бюрократического государства и сословного общества «старого порядка» / Н. И. Кареев. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1908. – 452 с.
6. Кареев, Н. И. История Западной Европы в новое время: развитие культурных и социальных отношений: в 3 т. / Н. И. Кареев. – Изд. 5-е. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича. – 1913–1915. – Том 3. История XVIII века / – 1913. – 680 с.
7. Ландина, Л. В. Абсолютизм и абсолютная монархия в российской историографии последней трети XIX – начале XXI в. / Л. В. Ландина ; под науч. ред. В. С. Кошелева. – Минск : Энциклопедикс, 2020. – 816 с.
8. Митрофанов, П. П. Политическая деятельность Иосифа II, его сторонники и ее враги (1780–1790) / П. П. Митрофанов – СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1907. – [2], VI, [2], 784 с.
9. Поор, Я. О понятии просвещенного абсолютизма / Я. Поор // Судьбы двух империй: Российская и Австро-Венгерская монархии в историческом развитии от расцвета до крушения : материалы научной конф., Москва, 31 марта, 4 апр. 2005 г. / [редкол. : Л. П. Колодникова и др.]. – М. : 2006. – С. 69–83.
10. Roscher, W. Umriss zur Naturlehre der drei Staatsformen / Vom Professor Roscher in Göttingen // Allgemeine Zeitschrift für Geschichte. – 1847. – Vol. VII. – P. 436–476.

ПОЛИТИКА ОТТО ФОН БИСМАРКА В РОССИЙСКИХ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ XXI ВЕКА

С.Ф. Свилас, г. Минск (Республика Беларусь)

Посредством проблемно-хронологического метода и метода анализа документов автор выявил, систематизировал и охарактеризовал диссертационные исследования о деятельности выдающегося германского политика Отто фон Бисмарка, защищенные в России в XXI веке. Защита осуществлялась по трем научным специальностям – «Всеобщая история», «Отечественная история», «Историография, источниковедение, методы исторического исследования». Выделены особенности работ, рассмотрены основные результаты соискателей. Подчеркнуто значение кандидатской (1946) и докторской (1963) диссертаций профессора Белорусского государственного университета Л.М. Шнерсона как историографического источника для современных историков.

Ключевые слова: история международных отношений; XIX век; дипломатия; германо-российские отношения; Бисмарк; историография.

Исследование истории российско-германского взаимодействия сохраняет актуальность, особенно в политической и исторической науках. В многочисленных работах о Бисмарке, оставившем в отношениях между двумя странами яркий след, встречаются противоречивые оценки его дипломатии и внутривнутриполитической деятельности. **В. Н. Фаррахов** (2005, Казань) выделяет пять этапов в развитии российской историографии образования Германской империи [1].

Первый этап, 1860–1880-е годы. Подходы к процессам объединения Германии, появившиеся в российской печати, стали одним из отправных пунктов при постепенном формировании профессиональной российской историографии по данной теме. Современники бисмарковского объединения страны испытывали тревогу за судьбы России и европейских государств. И консервативная, и либеральная печать выражала в основном негативное отношение к объединению Германии; наметились расхождения между официальным курсом русской дипломатии и преобладающим общественным мнением. Основным недостатком работ журналистов и публицистов – отсутствие необходимых документальных материалов.

Второй этап, конец XIX – начало XX века. Тема создания Германской империи стала одной из наиболее актуальных и дискуссионных. Использовались появившиеся в Германии исторические труды по теме, доступные документы и материалы, в том числе работы Бисмарка. Его образ претерпевает серьезную эволюцию – от полного неприятия канцлера как великого государственного деятеля, его принижения по сравнению с Вильгельмом I до признания исторической роли в объединении Германии. Закладывается традиция изучения влияния объединения Германии на рабочее движение в Европе и на международные отношения, усиливается критика международных последствий объединения Германии, возникает тема виновности Германской империи за развязывание Первой мировой войны.

Третий этап, 1920–1960-е годы. До Второй мировой войны происходило накопление материала по проблемам создания Германской империи. Вина за развязывание двух мировых войн возлагалась на Германию. Советские историки и в выборе проблематики, и в негативном отношении к объединению Германии продолжили традиции дореволюционной историографии, однако указанная проблема рассматривалась более детально, затрагивались новые аспекты. После 1945 года появилась возможность работать с документами немецких архивов. Историки переносят акцент с международных последствий создания Германской империи на внешнеполитические предпосылки, в этой связи особое внимание уделяют позиции России. Формируется интерес к изучению российского общественного мнения на основе привлечения российской периодической печати. В 1940–1960-е годы появляются первые крупные специальные работы, наметилась тенденция снижения идеологической и политической заданности исследований.

В. Н. Фаррахов подчеркивает, что кандидатская диссертация на тему «Франко-прусская война и общественное мнение России», защищенная доцентом Белорусского государственного университета *Л. М. Шнеерсоном* (1946), стала одной из первых специальных работ, где изучалась реакция в России на события в Германии в 1860—1870-е годы по материалам русской периодической печати. В 1963 году им была защищена докторская диссертация «Австро-прусская война 1866 года и политика великих европейских держав (из истории германского вопроса)».

Четвертый этап, 1970–1980-е годы. Наряду с расширением источниковой базы, более внимательным отношением к концепциям зарубежных историков развивается тенденция к изучению общественного мнения и позиций европейских государств в период объединения Германии. При исследовании внешнеполитических предпосылок объединения возрастает историографическая составляющая работ, расширяется проблематика, куда включаются социальные аспекты создания Германской империи. Со времени разрядки, «восточной политики» правительства Вилли Брандта, подход к данной теме становился все более взвешенным.

Пятый этап, конец XX – начало XXI века. Образование Германской империи в российской историографии в конце XX века стало трактоваться с плюралистических позиций, однако наблюдался спад внимания к теме. Российские авторы исследовали проблемы, связанные с объединением Германии в 1990 году.

В. Н. Фаррахов подчеркивает, что с конца XIX века доминирующим стал негативный, критический подход к образованию Германской империи, однако в постсоветский период наблюдается тенденция к конструктивному изучению проблем объединения Германии в 1871 году. Главное внимание в российской историографии второй половины XIX–XX веков уделялось исследованию внешнеполитических предпосылок и международных последствий объединения Германии, в связи с чем авторы обращались к проблеме роли *О. фон Бисмарка* в создании Германской

империи. В то же время историки России мало внимания уделяли исследованию экономических и юридических аспектов проблемы [1].

Р. И. Иваняков (2006, Псков) рассматривает комплекс вопросов, связанных с пребыванием Отто фон Бисмарка в России в качестве посланника Пруссии [2]. Он отмечает, что петербургская деятельность О. Бисмарка сыграла важную роль в формировании дальнейшего политического курса дипломата. Именно в Петербурге под влиянием Итальянской войны, общественного движения в Германии за реформу союзного устройства, знакомства с российским общественным мнением и позицией правящих кругов сформировалась основы будущей политики «железа и крови».

Пребывание О. Бисмарка в России позволило значительно улучшить отношения Пруссии с восточным соседом. Это произошло бы и без него, но «прорусская» репутация дипломата ускорила этот процесс. Благожелательная позиция России, а этого добивался Бисмарк с помощью обещаний оказать содействие в отмене положений Парижского мирного договора и практической помощи в ходе подавления польского восстания 1863 года, стала одним из важных факторов объединения Германии.

По мнению Р. И. Иванякова, было бы преувеличением заявлять, что пребывание Бисмарка в России кардинально повлияло на становление его последующей политики, однако знакомство с позицией общественного мнения и российской политикой показали возможность реализации уже зародившихся планов и позволили добиться благожелательного отношения Петербурга при их проведении. Позиция Бисмарка в польском вопросе, в решении которого он начал принимать участие, еще находясь в российской столице, в последующем, после подписания конвенции Альвенслебена, обеспечила благожелательную позицию России при проведении им политики «железа и крови» [2].

Целью исследования **А. В. Бодрова** (2007, Санкт-Петербург) стало воссоздание целостной картины франко-германских отношений в годы, непосредственно следовавшие за Франкфуртским мирным договором, а также характеристика влияния этих отношений на развитие двух государств, французского и германского общества [3].

Бисмарк рассматривал враждебность Франции после войны как неизбежность, и эта точка зрения разделялась многими представителями германской политической и интеллектуальной элиты. Политика Бисмарка после Франкфуртского мира в отношении побежденной страны была проста: «враждебность Франции обязывает нас к тому, чтобы она была слабой». Несмотря на все резкие демарши О. фон Бисмарка, главным его приоритетом в отношении Франции оставалась реализация положений мирного договора. Для мобилизации общественного мнения в поддержку правительственных законопроектов канцлер неизменно вызывал призрак «французской угрозы».

Обращаясь к деятельности руководителей французской внешней политики, автор отмечает, что ни один из них, вопреки обвинениям Берлина, не делал ставку на войну-реванш в ближайшей перспективе,

осознавая реальное соотношение сил. Как выяснил А. В. Бодров, неверно представлять франко-германские отношения в эти годы неуклонно обостряющимися. Нагнетание ситуации происходило в соответствии с расчетами германского канцлера, и в остальное время напряженность ощутимо спадала. «Военной тревоге» 1875 года предшествовала ощутимая разрядка во франко-германских отношениях второй половины 1874 года.

На международной арене Бисмарк стремился подорвать доверие к французским монархистам, приписывая им планы немедленной войны-реванша ради мобилизации нации вокруг престола, который они намеревались восстановить. Искренность заверений французского руководства об отсутствии у него намерения напасть на Германию подтверждается также данными о состоянии вооруженных сил Франции. Об этом были осведомлены в Берлине, однако опасения германских стратегов вызывали масштабы бюджета и численного состава, которые закладывались французскими военными законами 1872, 1873 и 1875 годов. Все послевоенное развитие французской армии, начиная от заимствования прусского опыта и заканчивая гонкой вооружений, ориентировалось на соперничество с Германией. Признанием прогресса французской военной реорганизации стало перенесение в конце 1870-х годов германским генштабом решающего удара с Запада на Восток в планах войны на два фронта - против Франции и России.

Усилия Бисмарка сконцентрировались на политико-дипломатическом давлении, изоляции Франции на международной арене и сталкивании между собой ее потенциальных союзников. На протяжении всех рассматриваемых диссертантом лет Бисмарк неоднократно прогнозировал новое столкновение Франции и Германии как неизбежное.

В европейских кабинетах, в том числе и в Петербурге, не верили в реальность возникновения весной 1875 года вооруженного конфликта, но сочли нужным выразить свое неприятие дальнейшего ослабления Франции. В угрозу войны не верили и в Париже, однако в обозримом будущем она ощущалась достаточно остро.

А. В. Бодров задается вопросом, что же так выделило дипломатический конфликт 1875 года среди предыдущих обострений? Весной 1875 года публика поверила в близкую угрозу войны. Берлин и Париж раздували конфликт с помощью прессы, что обусловило громкое звучание «военной тревоги», которое намного превзошло истинные масштабы инцидента.

На протяжении всего кризиса в Лондоне росло недовольство политикой Бисмарка, но открыто выразить его, как это сделало российское руководство, там не решались. Вмешательство Великобритании в конфликт состоялось в самый последний момент под нажимом королевы Виктории, которая была встревожена угрозой войны в Европе, и премьер-министра Дизраэли, который в эту угрозу не верил, но хотел более популярной в глазах избирателей внешней политики, при этом британская дипломатия действовала изолированно от российской.

Решающего значения выступление Англия не имело. Главной целью усилий французской и германской дипломатии оставалось привлечь на свою сторону Россию. Как представляется автору диссертации, Александр II уже весной 1875 года начал отделять родственные узы с берлинским двором от германской политики под руководством князя Бисмарка. Основа для будущего франко-российского сближения была заложена при молчаливом признании в Петербурге пагубного для спокойствия Европы воздействия последних территориальных приращений Германии.

Особенно актуальной для немцев стала задача укрепления своего единства. Осуществлялась мифологизация победы Германии в войне 1870-1871 годов. Французы изображались как вечные возмутители спокойствия Европы, охваченные попеременно революционным, религиозным и реваншистским экстремизмом, а также идеей своего первенства в семье европейских народов. Особенной категоричностью при этом отличались ближайшие к германскому канцлеру Бисмарку органы печати, пытались создать образ охваченной разложением французской нации, стремящейся к немедленной войне-реваншу. Далеко не все в Германии поддерживали эти тезисы, однако господствующее положение заняли именно близкие к официальным взгляды.

Франция давала понять, что не откажется от своей роли «великой нации». Война 1870 года не затронула в сознании французов представления о своем первенстве в интеллектуальной сфере, зато коренной ломке подверглись представления о Германии. Секрет успехов, слабые и сильные стороны новой империи всесторонне изучались. Широкое распространение получило представление о «незавершенности», «двойственности» Германской империи, при котором Пруссия противопоставлялась остальной Германии. Морально при этом французы отказывались считать себя побежденными. Как и в Германии, результатом войны здесь стал всплеск патриотических чувств, но идея реванша в массовом сознании французов относилась к неопределенному будущему. Рост интереса к России и ее культуре во Франции в первые годы после Франкфуртского мира стал откликом на благожелательную Франции позицию российской дипломатии во франко-германских конфликтах того времени [3].

С. А. Юртаев (2009, Москва) на материале периодической печати и мемуаров прослеживает формирование отношения к дипломатии канцлера Германской империи О. фон Бисмарка в общественном мнении России [4]. Представители различных идейных направлений на всем протяжении пребывания Бисмарка у власти давали, в целом, реалистичные оценки текущих событий, а также прогнозы развития ситуации. Подчеркнем, что научным руководителем С. А. Юртаева был **Н. И. Смоленский**, известный теоретик и методолог истории [5].

Различия оценок у представителей разных течений российского общественного мнения тех или иных фактов внешнеполитической деятельности Бисмарка были менее значительными, чем различия по вопросам внутренней жизни России. Основной выразитель общественного мнения,

периодические печатные издания, оценивали внешнеполитические события, не оказывая при этом существенного влияния на принятие решений в этой области.

Российская общественность выступала за сохранение мира с Германией и выстраивание взаимовыгодных отношений. В 1870-е годы Германия рассматривалась как надежный союзник, хотя ее победа над Францией вызывала определенные опасения. В Германской империи усматривался новый центр силы, потенциальный участник военных конфликтов. Уже в 1871 году указывалось на возможность столкновений интересов Австро-Венгрии и России на Балканах. Россия присоединилась к Союзу трех императоров, который российской общественностью рассматривался как надежный гарант мира в Европе. Представители консервативного лагеря особое внимание уделяли охранительному характеру союза в международных отношениях, а либералы надеялись на продолжение внутренних реформ в России в условиях международной стабильности. С момента создания Союза встречались указания на его потенциальную неэффективность в условиях кризиса, что в полной мере подтвердилось событиями на Балканах в 1875-1878 годах. Тем не менее, в отзывах русской прессы преобладало доверие по отношению к политике Германии.

Анализируя отзывы общественного мнения о политике Бисмарка в ходе Берлинского конгресса 1878 года, С. А. Юртаев отмечает следующие моменты. Либералы (журнал «Вестник Европы», газета «Голос») стремились сгладить негативные впечатления, указывая, что достигнутое Россией весьма значительно, а пассивность Германии – следствие просчетов русской дипломатии. Консерваторы (газета «Московские ведомости») критиковали результаты Берлинского конгресса, при этом значительную долю ответственности возлагали на Бисмарка. В начале 1880-х годов преобладающим стало мнение, что в дипломатическом поражении России виноват не Бисмарк, а российская дипломатия. Эту позицию разделял и прежний критик Бисмарка М. Н. Катков. Даже из лагеря славянофилов, которые по-прежнему оценивали Берлинский конгресс как унижительное поражение России, звучали обвинения в адрес официального Петербурга. По С. А. Юртаеву, эта переоценка была связана с заинтересованностью России в восстановлении Союза трех императоров с целью избежать дипломатической изоляции.

После Берлинского конгресса представители всех идейных направлений общественной мысли подчеркивали выбор Бисмарка в пользу Австрии и его намерение всячески поддерживать австрийское продвижение на Балканы. Тесный союз Германии с Австрией ставил Россию перед опасностью войны с двумя европейскими державами, чего она должна была избежать.

Либеральный «Вестник Европы» выступал за *возобновление Союза трех императоров после окончания русско-турецкой войны*, подчеркивая необходимость сохранения мира и сосредоточения всех сил на внутреннем развитии страны. Консерватор М. Н. Катков («Московские ведомости») выступал против восстановления союза, в рамках которого Россия следовала бы за германо-австрийской политикой, поступаясь своими национальными

интересами на Балканах. По оценке славянофилов, Союз трех императоров был направлен против славян и ничем не отличался от прошлого, приведшего к Берлинскому трактату. К концу 1880-х годов преобладающим в общественном мнении стало крайне негативное отношение к Германии. Славянофилы («Русское дело») прямо предсказывались за войну с Германией, все настойчивее звучали призывы заключить союз с Францией [4].

В. С. Дударев (2010, Москва) изучил формирование образа России в восприятии Бисмарка (50-е – начале 60-х годов XIX в.), при этом основное внимание уделил его петербургской миссии (1859–1862). Исследование проводилось по четырем историографическим направлениям: «свой» – «чужой», роль личности в истории, микроистория, история повседневности. Автор проанализировал обширный комплекс официальных и личных документов Бисмарка, изданных на немецком языке [6]. Материалы диссертации легли в основу монографии, изданной в 2013 году [7].

Бисмарк считал, что в первой половине 1850-х годов роль России в системе международных отношений заключалась в защите консервативных принципов европейской политики, а после окончания Крымской войны основное внимание Петербурга было сосредоточено на преодолении изоляции и сохранении мира в Европе, поскольку этого требовали подготовка и проведение задуманных императором Александром II преобразований.

Наметившееся после Крымской войны сближение между Россией и Францией, по оценке Бисмарка, не было прочным из-за несоответствия их геополитических интересов и национальной политики Наполеона III, осложнявшей польскую проблему. Он был убежден, что ориентация России на Францию мешала стратегическим целям Пруссии и не соответствовала государственным интересам самой России. По его мнению, отсутствие спорных проблем и общие интересы в польском вопросе сближали международный курс Берлина и Петербурга. Находясь в России, Бисмарк приложил все усилия для создания положительного образа Пруссии, а когда стал министром-президентом королевства, продолжил курс на укрепление отношений между двумя государствами.

Бисмарк высоко оценивал крестьянскую реформу как основу оздоровления экономики России и восстановления ее международного положения, подчеркивая при этом роль Александра II. Вместе с тем он отмечал слабость механизма её реализации. Находясь в России, Бисмарк уделял пристальное внимание польскому вопросу. Он полагал, что Царству Польскому необходима русификация подобно германизации, проводимой Пруссией в ее польских землях.

В Петербурге Бисмарк придавал особое значение общению с Александром II и А. М. Горчаковым. Главными качествами императора прусский дипломат считал трудолюбие, справедливость, честность, стремление к сохранению мира в Европе. Благодаря своим многочисленным высказываниям об отсутствии повода для Пруссии воевать с Россией в годы Крымской и Итальянской войн, Бисмарк пользовался особым расположением царя. В Горчакове Бисмарк ценил ум, искусство дипломата и

оратора, но считал его тщеславным человеком. Он отмечал, что основная задача российского министра заключалась в восстановлении международного положения России после 1856 года, опираясь на тесный союз с Францией, что ему не удалось осуществить в долгосрочной перспективе. В. С. Дударев подвергает сомнению тезис о том, что Бисмарк чувствовал себя учеником в отношениях с Горчаковым, но петербургская школа дипломатии оказала большое влияние на становление его личности.

Петербургский опыт позволил немецкому политику определиться с выбором позиции в восстании 1863 года. Прусский нейтралитет во время Крымской и Итальянской войн, конвенция Альвенслебена – все это укрепляло доверие к Берлину в Петербурге. Во время личных встреч Бисмарка с Александром II император подчеркивал, что поддержит сторону Пруссии в борьбе с Австрией [6].

«Личность и деятельность Отто фон Бисмарка в оценках российской политической и интеллектуальной элиты во второй половине XIX – начале XX века» - тема диссертации **А. М. Ипатова** (2011, Воронеж) [8]. Исследователь отмечает, что личность Бисмарка с момента назначения его на высшие государственные должности вызывала большой интерес образованных людей Российской империи, объяснимый давними династическими связями между двумя странами, а также реальной ролью политика в принятии решений на внутригосударственном и международном уровнях.

Образ «железного канцлера» в оценках его российских современников был неоднозначен, что ставит под сомнение утвердившееся в советской историографии представление об исключительно враждебном восприятии германского политика в России второй половины XIX – начала XX века, а также непостоянен, зависел от мировоззрения автора и его оценки состояния российско-германских отношений в тот или иной промежуток времени.

Общественное мнение в Российской империи исследуемого периода складывалось на основе материалов периодической печати, трудов ученых и публицистов, произведений художественной литературы, источников личного происхождения - мемуаров, дневников, воспоминаний.

Большинство государственных деятелей, ученых, журналистов и литераторов признавали Бисмарка великой личностью, но встречались и другие точки зрения: лишь сила обстоятельств позволила ему стать канцлером Германской империи. Не сложилось единой точки зрения и по поводу его религиозных взглядов.

Одним из наиболее спорных вопросов стали политические пристрастия германского политика. Одни считали его консерватором: Бисмарк был инициатором создания Союза трех императоров, который преследовал цель охранения монархических режимов. Другая группа считала его революционером: он посягнул на интересы католической церкви в Германской империи, объединил страну «железом и кровью», в то время как большинство немцев мечтало о добровольном слиянии земель в одно государство на парламентской основе. Третья группа доказывала, что политические пристрастия не играли в деятельности Бисмарка существенной роли:

канцлер, в зависимости от стоявших перед ним задач, приближал к себе ту, или иную партию, что дало повод сравнить его политику с бонапартизмом, лавированием между различными политическими силами в стране. В российском общественном сознании сложились две основных точки зрения по вопросу интерпретации канцлером политического устройства Германии. Сторонники первой доказывали, что он был сторонником ограничения власти императора, поэтому наделил себя по конституции 1871 года широкими полномочиями. Приверженцы второй точки зрения настаивали на том, что «железный канцлер» был верным слугой Вильгельма I.

Наибольший интерес в российском обществе наблюдался к его внутривнутриполитической деятельности. Всеми признавалось, что внутренняя политика Бисмарка, которая требовала кропотливой работы и коллективных усилий, оказалась менее успешна, чем его дипломатическая деятельность. Наибольший интерес вызывали конституционный конфликт, культуркампф, борьба с социал-демократами, социальное законодательство и отставка. Конституционный конфликт и роль будущего канцлера в нем вызвали появление двух противоположных точек зрения. Российские консерваторы и сторонники сильной армии высказались в поддержку позиции «железного канцлера». Либералы и демократы подчеркивали, что Бисмарк пошел на грубое нарушение закона, в результате чего Пруссия несколько лет не имела государственного бюджета, а первый успех вселил в канцлера веру в свою непогрешимость, что позднее вылилось в авторитаризм. Неоднозначной была и реакция на культуркампф, который, с одной стороны, осуждался как политика ущемления прав церкви и веры, с другой стороны, покушение на влияние католической церкви в Западной Европе вызывало одобрительную реакцию в российских православных кругах.

Многие представители российского общества поддерживали политику германского канцлера, направленную против социалистов, способствовало этому убийство Александра II. Однако порой методы ведения Бисмарком борьбы против социалистов вызывали негативную оценку даже у наиболее последовательных приверженцев «железного канцлера». Большинство представителей российской элиты отрицательно относилось к его социальной политике, вместе с тем единицы сумели осознать вклад «железного канцлера» в становление и развитие социального законодательства, предвосхитив современное понимание того, что именно Бисмарку принадлежит первенство в развитии пенсионной и страховой систем, используемых и в наши дни.

Отставка Бисмарка вызвала противоречивые чувства: большинство не скрывало радости по этому поводу: «железный канцлер» слишком долго держал Европу в напряжении своей политикой сдержек и противовесов. Однако были и те, в том числе российский император Александр III, кто с тревогой узнал об этой отставке: последующие канцлеры находились под давлением кайзера Вильгельма II.

Наибольший интерес вызывала дипломатия германского канцлера, в которой важную роль играли отношения с Россией. Бисмарк являлся главным вдохновителем объединения Германской империи, хотя встречались и другие мнения: заслуги в консолидации германских земель принадлежат Фридриху III, прусской армии, неумолимому ходу истории, а «железный канцлер» появился в нужное время в нужном месте.

Неоднозначной была и реакция на способы объединения Германии. Понимая, что успехи Пруссии были на руку России, так как давали надежду на отмену статей Парижского договора 1856 года, образованные слои российского общества опасались чрезмерного усиления Пруссии/Германии, взоры которой могли устремиться на Восток.

Дальнейшая деятельность Бисмарка на международной арене вызывала все большую тревогу у одной части российского общества, считавшего, что он не остановится на достигнутом и захочет присоединить ряд новых территорий к Германской империи; другая часть считала, что «железный канцлер», объединив Германию, стремился лишь к сохранению достигнутого единства.

Государственные деятели, ученые, журналисты, литераторы критически оценивали политику Бисмарка в российском вопросе. Сторонники первой точки зрения считали германского канцлера последовательным противником России, на протяжении всей своей карьеры стремившимся ослабить ее, но до определенной степени, чтобы иметь в случае надобности, поддержку с ее стороны. Берлинский конгресс воспринимался ими как символ враждебного отношения «честного маклера к России». Выразители второй точки зрения считали Бисмарка русофилом. В доказательство своей точки зрения они указывали на позицию Бисмарка во время Крымской войны 1853–1856 годов и польского восстания 1863 года, а также на его стремление оказать поддержку России на Берлинском конгрессе, что не нашло понимания у российской дипломатии. Суть третьей точки зрения состояла в том, что Бисмарк в своей внешней политике руководствовался не симпатией или антипатией к той или иной стране, а национальными интересами Германии. В первые годы канцлерства Бисмарка в российской политической и интеллектуальной элите преобладала вторая точка зрения, однако со временем большее распространение получили взгляды людей, которые считали германского политика врагом России. И лишь в начале XX века в российском образованном обществе возникло понимание того, что Бисмарк не был ни другом, ни врагом России, а руководствовался национальными интересами, однако противоречия между двумя государствами усиливались и стали одной из причин возникновения Первой мировой войны [8].

Бисмарк вошел в историю также и как государственный деятель, оказавший большое влияние на социальное развитие Германии. Он встал одним из первых на путь создания германского социального государства, значимые этапы которого связывают с Веймарской республикой и реформами Эрхарда. *Л. Н. Беспалова* исследовала политику социального

реформирования Отто фон Бисмарка, рассмотрев её истоки и направления; достижения и проблемы; значение исторического опыта (2019, Москва) [9].

Идею социального государства, назначение которого состоит в гармонизации общественных отношений и обеспечении политической стабильности О. Бисмарк начинает воплощать в 1860-е годы. Он ориентировался на практику известных предпринимателей, которая комбинировала попечительно-патриархальные и авторитарно-дисциплинарные меры.

Принятие конституции 1871 года привело к определенному разрыву между политическим и социальным устройством империи. Необходимо было решать проблему государственной социальной помощи образовавшемуся в ходе индустриализации пролетариату: поднять уровень его заработной платы, улучшить условия труда и быта. Бисмарк пришел к выводу, что лучшим решением «рабочего вопроса» будет социальное законодательство, цель которого – создание надежной социальной опоры общегерманского государства.

Л. Н. Беспалова утверждает, что проводимая О. Бисмарком политика социального маневрирования в 70-е годы XIX века оказалась достаточно результативной. Рейхсканцлеру удалось добиться сотрудничества юнкерства и буржуазии по основным проблемам преобразований социальной жизни. В 80-е годы XIX в. по инициативе и активном участии канцлера Германской империи был разработан и принят комплекс законодательных актов о социальном страховании, государство вошло в число основных субъектов трудовых отношений, наряду с работниками и работодателями. Принятие страхового законодательства привело к определенному примирению «рабочего сословия» с государством, создав ему правовую защиту и укрепив его трудовой статус. Опыт социального маневрирования О. Бисмарка был позднее заимствован ведущими европейскими государствами. Автор констатирует прямую связь социальной политики канцлера с развитием «социального государства» в современной Германии [9].

В. С. Дударев в своей второй монографии (2021, Петербург) и докторской диссертации (2022, Москва) осуществил системный анализ истории прусско-российских отношений в 1851–1871 годах [10; 11]. Исследователем были изучены тысячи документов на немецком, французском и русском языках. Сочетание различных подходов в историческом анализе позволило определить роль Бисмарка в развитии двухсторонних отношений и ввести в научный оборот термин «Поворот на Восток», характеризующий проведенную им переориентацию международного курса Пруссии в сторону укрепления связей с Россией. Важное место в работе занимают личности Вильгельма I, А. М. Горчакова, Александра II.

В. С. Дударев обосновывает тезис о том, что внешняя политика Пруссии в 1850-е годы была ориентирована преимущественно на Англию и Австрию. Бисмарк пришел к выводу о необходимости переориентации международного курса королевства в сторону укрепления связей с Россией, эта идея характеризуется термином «поворот на Восток». Успеху «поворота на Восток» способствовал ряд факторов. Пруссия и Россия нуждались

в проведении реформ и укреплении государственного строя, а на международной арене перед ними стояла необходимость выполнения приоритетных национальных задач. Укреплению прусско-российского партнерства способствовало отсутствие в это время острых противоречий между ними и одновременное усиление разногласий с другими державами.

По сравнению с Францией, Пруссия не являлась основным международным партнером России во второй половине 1850-х годов, однако вследствие отсутствия помощи Франции в отмене ограничительных статей Парижского мира 1856 года и поддержки Наполеоном III «принципа национальностей» Александр II к концу 1850-х годов рассматривал возможность заключения франко-пруско-российского альянса, но с 1860 года, а не с польского восстания, как принято считать в историографии, сконцентрировался на укреплении прусско-российских отношений.

Польское восстание 1863–1864 годов дало Бисмарку возможность укрепить достигнутые им в годы петербургской миссии успехи в укреплении прусско-российских связей. В отличие от существующего в историографии мнения, Бисмарк в 1860-е гг. не имел агрессивных планов относительно Царства Польского и Остзейского края. В ходе войн против Дании (1864) и против Австрии (1866) Бисмарк ориентировался, прежде всего, на позицию России. Россия занимала важное место в политике Пруссии и во время франко-германской войны (1870–1871). В. С. Дударев корректирует выводы германской историографии о второстепенной роли России в международном курсе Пруссии и мнения в российской историографии о слабой европейской политике Петербурга, лишь не упустившего удобный случай для защиты своих прав в Черном море.

Одним из следствий прусско-российского сближения в 1860-е годы стала реализация национальных задач: Пруссии удалось объединить германские государства в единую империю, а России – добиться отмены нейтрализации Черного моря. Период 1860–1871 годов стал кульминацией взаимоотношений Германии и России в XIX веке, после чего усиливалось их соперничество и взаимное недоверие.

Международный курс Пруссии в ходе войн с Данией и Австрией Бисмарк выстраивал, ориентируясь, прежде всего, на занятую Россией позицию. Он понимал, что царь не поддержит смещение легитимных германских правителей, поэтому доказывал Петербургу: сохранение мелких и средних германских государств – анахронизм, опасный дальнейшими беспорядками в Центральной Европе. На завершающих этапах трех войн за объединение Германии Бисмарк в отношениях с Петербургом приводил довод о нарастании национального недовольства в Пруссии, если понесший военные жертвы народ не будет удовлетворен условиями мира. По мнению В. С. Дударева, существующая в историографии точка зрения о том, что апелляцией к «народному гневу» Бисмарк вынуждал Петербург смириться с территориальными приобретениями Пруссии, не соответствует действительности. Официально осуждая свержение законных германских правителей, Александр II не оказал сопротивления консолидации политической власти в Германии под руководством Пруссии потому,

что мелкие и средние германские государства едва ли могли оказать России сопоставимую с прусской помощь в противостоянии с Австрией или Францией, в решении польского и восточного вопросов.

Очередной международный кризис, вызванный событиями в Испании, привел к франко-германской войне, результаты которой оказали влияние на европейский баланс сил. Используемые в диссертации документы корректируют установившиеся в историографии выводы о том, что Россия не проводила активную внешнюю политику в Европе и играла второстепенную роль в международном курсе Берлина в это время. Франко-германская война подвела итог в решении германского вопроса. Объединение государства по «малогерманскому» пути создавало предпосылки для дальнейшего территориального расширения и реализации идеи «Великой Германии». В этом случае возникал риск трансформации политики «Поворота на Восток» в сторону агрессивной концепции «Натиска на Восток». Считать Бисмарка русофилом или утверждать, что объединением Германии он придал германскому движению на восток Европы милитаристское ускорение, было бы, по мнению автора, упрощением оценки его деятельности. Бисмарк выступал в течение 1860-х годов за укрепление отношений с Российской империей - по его мнению, наиболее подходящим союзником Пруссии в этот период времени. Но он подчеркивал, что поддержит войну против любого государства, в том числе и России, если того потребуют прусские национальные интересы.

Итогом прусско-русского сближения в 1860-е годы стала реализация двумя государствами своих национальных целей: объединение Пруссией германских государств и возвращение Россией прав в Черном море. Это было кульминацией германо-русских политических отношений XIX века, что не исключило появления соперничества между двумя государствами в дальнейшем. Желание Бисмарка укрепить позиции Германии в Европе после 1871 года привело к формированию вокруг Германской империи сложной сети межгосударственных союзов. В этих обстоятельствах политическое сотрудничество между двумя государствами сменилось на соперничество, что сыграло важную роль в расстановке сил накануне Первой мировой войны [11].

Таким образом, в российской историографии, в том числе на уровне диссертационных исследований, сохраняется интерес к личности Отто фон Бисмарка, его дипломатии и внутриполитической деятельности, позиции в отношении России. Для авторов рассмотренных диссертаций характерны междисциплинарный и антропологический подходы, значительное расширение источниковой базы и тщательный анализ документов, широкое использование биографического метода, взвешенное отношение к работам зарубежных коллег.

Источники и литература

1. Фаррахов, В. Н. Образование Германской империи в отечественной историографии второй половины XIX–XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / В. Н. Фаррахов ; Казанский гос. ун-т. – Казань, 2005. – 20 с.

2. Иваняков, Р. И. Политическая деятельность О. Бисмарка в период пребывания на посту посланника в Санкт-Петербурге: 1859-1862 гг. : автореф. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Р. И. Иваняков : Псковский юридический ун-т. – Санкт-Петербург, 2006. – 26 с.
3. Бодров, А. В. Франко-германские отношения в первые годы после Франкфуртского мира: 1871-1875 гг. : автореф. дис. ...канд. ист. наук : 07.00.03 / А. В. Бодров : Санкт-Петербургский гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2007. – 26 с.
4. Юртаев, С. А. Внешняя политика О. фон Бисмарка в 1871–1890 гг. в отражении общественного мнения России : автореф. дис. ...канд. ист. наук : 07.00.02 / С. А. Юртаев ; Московский городской педагогический ун-т. – М., 2009. – 21 с.
5. Смоленский, Н. И. Теория и методология истории: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования / Н. И. Смоленский. – 4-е изд., испр. – М. : Издательский центр «Академия», 2012. – 272 с.
6. Дударев, В. С. Россия в восприятии и политике Отто фон Бисмарка в 50-е – начале 60-х гг. XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07. 00. 02 / В. С. Дударев ; Моск. гос. ун-т. – М., 2010. – 31 с.
7. Дударев, В. С. Петербургская миссия Отто фон Бисмарка. 1859–1862. Дипломатическая ссылка или политический успех? / В. С. Дударев. – СПб.: Алетейя, 2013. – 304 с.
8. Ипатов, А. М. Личность и деятельность Отто фон Бисмарка в оценках российской политической и интеллектуальной элиты во второй половине XIX – начале XX века : автореф. дис. ...канд. ист. наук : 07.00.09 / А. М. Ипатов ; Воронежский гос. пед. университет. – Воронеж, 2011. – 23 с.
9. Беспалова, Л. Н. Политика социального реформирования Отто фон Бисмарка: истоки и направления; достижения и проблемы; значение исторического опыта : автореф. дис. ...канд. ист. наук : 07.00.03 / Л. Н. Беспалова ; Московский гос. областной ун-т. – М., 2019. – 26 с.
10. Дударев, В. С. Бисмарк и Россия. 1851–1871 / В. С. Дударев. – СПб.: Алетейя, 2021. – 680 с.
11. Дударев, В. С. Отто фон Бисмарк и российское направление внешней политики Прусского королевства. 1851–1871 гг. : автореф. дис. ... докт. ист. наук : 5.6.2 / В. С. Дударев ; Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории. – М., 2022. – 44 с.

РАЗДЕЛ III

ГЕРМАНИЯ И ГЕРМАНСКИЙ ВОПРОС В XX ВЕКЕ

ПОЗИЦИИ ФРАНЦУЗСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ, ПАРЛАМЕНТА И ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ГЕРМАНСКОМУ ВОПРОСУ В 1945–1949 ГГ.

Н.В. Величко, г. Витебск (Республика Беларусь)

В истории Франции 1945–1949 гг. можно наблюдать широкий спектр политических партий. Все они в той или иной степени реагировали на германскую проблему. Французские политические партии в разное время входили в состав действующих правительств. Именно их позиции, а также взгляды партийных лидеров определяли политику французского парламента и правительства по германскому вопросу. В статье предпринята попытка выявить позиции Французской коммунистической партии (ФКП), Социалистической партии Франции (СФИО), «Народно-республиканского движения» (МРП), партии радикалов, «Республиканской партии свободы» (РПС), «Объединения французского народа» (РПФ), а также ряда других французских политических партий и движений, парламента и правительства по германскому вопросу в 1945–1949 гг. и проследить их влияние на германскую политику Франции.

Ключевые слова: Национальная ассамблея, правительство, голлизм, Французская коммунистическая партия, Социалистическая партия Франции, «Объединение французского народа».

Крупнейшими и самыми популярными политическими партиями Франции в 1945–1949 гг. были Французская коммунистическая партия (ФКП), Социалистическая партия Франции (СФИО), «Народно-республиканское движение» (МРП), партия радикалов, «Республиканская партия свободы» (РПС), «Объединение французского народа» (РПФ). Все они в той или иной степени реагировали на германскую проблему. Французские политические партии в разное время входили в состав действующих правительств. Именно их позиции, а также взгляды партийных лидеров определяли политику французского парламента и правительства по германскому вопросу.

В современной отечественной и российской историографии рассматриваемая проблема изучена очень слабо. В трудах советских историков германская политика Франции изучалась лишь в контексте формирования отношений между западными державами и СССР, которые привели к развязыванию «холодной войны» (В.Н. Белецкий, Н.Н. Молчанов, М.М. Наринский).

В связи с этим основной упор при изучении данного вопроса делался на труды французских историков: П. Ла Горса, А. Гроссэра, Г. де Кармуа, Э. Морэна. При написании статьи автор обращался к воспоминаниям свидетеля французской оккупационной политики Пьера Пфлимлена и ее непосредственных проводников Шарля де Голля и Пьера Дюрана. Очевидный интерес вызвали взгляды французских партийных лидеров на германскую проблему. Некоторые из них подчеркивали неоднозначность германской политики Франции и отмечали ее положительные моменты для немецкого народа, в особенности в культурной и образовательной сферах.

Цель исследования – определить позиции ведущих французских политических партий и движений, парламента и правительства по германскому вопросу в 1945–1949 гг. и выявить их влияние на германскую политику Франции.

Для написания данного исследования были использованы следующие источники: материалы американской, немецкой и советской прессы 1945–1948 гг.; материалы французского ежегодника «L'année politique»; документы единой референтуры по Германии третьего европейского отдела МИД СССР (фонд 82) из Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) («Информация о Германии (хроники важнейших событий)») и документы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) (Стенограмма записи заседаний сессии Совета Министров иностранных дел в Лондоне 11 сентября – 2 октября 1945 г., текст предложений и проектов делегаций США, Англии, Франции, Китая).

Со времени освобождения Франции и вплоть до принятия конституции 1946 г. во Франции существовал Временный режим. Страной управляло Временное правительство во главе с Ш. де Голлем. С уходом Ш. де Голля в отставку началось правление трёхпартийной коалиции. С января 1946 г. по май 1947 г. коалиция ФКП, СФИО и МРП являлась основой для формирования почти всех французских правительственных кабинетов. Некоторые исследователи называют этот период «трипартизмом». Эра «трипартизма» во французском правительстве сменилась периодом коалиции «третьей силы». Этот период характеризовался активным участием партии радикалов и умеренного крыла правых партий во французском правительстве, а также отстранением ФКП от участия в правительстве. С середины 1947 г. работа французского правительства находилось под влиянием партии РПФ.

Французские коммунисты поддерживали единый внешнеполитический курс держав-победительниц в германском вопросе [9, с. 181]. Эта позиция коммунистов совпадала с точкой зрения Ж. Бидо. Подходы ФКП к германскому вопросу были идентичны программным установкам первых временных правительств, где коммунисты составляли большинство. Они считали, что всё, что связано с Германией, должно послужить на благо Франции. ФКП стояла на позициях расчленения Германии, её демилитаризации, репараций, отделения Рура, Рейнской области и Саара [2, с. 113].

К 1947 г. позиция Ж. Бидо по германскому вопросу существенно изменилась, а ФКП осталась верной внешнеполитическому курсу Москвы. По мнению французских коммунистов, именно их партия отстаивала традиционные французские интересы. Несмотря на раскол в лагере союзников с началом «холодной войны», ФКП не изменила своей внешнеполитической концепции, но, являясь сторонницей СССР, она поменяла своё отношение к Великобритании. В отчётах Центрального комитета Конгресса ФКП в Страсбурге (июнь 1947 г.) содержались негативные оценки политики У. Черчилля, Ш. де Голля и других государственных деятелей Западной Европы. В условиях «холодной войны» любые военные или политические союзы расценивались коммунистами как антисоветские или антикоммунистические [5, с. 1]. По их мнению, всякое новое соглашение между западноевропейскими странами по германскому вопросу было направлено на возрождение западных зон оккупации Германии [10, с. 3].

Периодические издания ФКП постоянно подчёркивали вклад СССР в разгром нацистской Германии и считали невозможным разрешение вопросов безопасности и сохранения мира в Европе без его непосредственного участия [4, с. 3]. Боннскую конституцию французские коммунисты расценили как прямую угрозу «возрождения милитаристского и реваншистского Западного Рейха» [10, с. 1, 3].

СФИО, несмотря на свою проевропейскую ориентацию, испытывала сложности в определении своей позиции по отношению к возрождённой Германии. Она высказывалась против аннексии германских территорий, выступала с многочисленными оговорками по французскому проекту в деле Саара, относилась нейтрально, в отличие от других партий, к демонтажу немецкой промышленности. СФИО немедленно согласилась с принятием «плана Шумана» и интернационализацией Рура [2, с. 153]. Но всё-таки единую линию партии обнаружить сложно. Её руководители и видные деятели расходились по всем пунктам в германском вопросе, кроме одного – не допустить возрождения Германии, лишив её при этом всякого контроля. Лучшим средством для этого, по мнению французских социалистов, являлось создание Объединённой Европы.

Французские социалисты долгое время отказывались признавать существование СДПГ. Тем не менее, в результате длительных дискуссий в руководстве СФИО, одному из её видных деятелей С. Грумбаху удалось добиться участия СДПГ в международной конференции социалистов в Анвере в декабре 1947 г. [9, с. 186]. Но и впоследствии отношения между СФИО и СДПГ оставались напряжёнными и двусмысленными. В то время, как СФИО признавала политическую реконструкцию Германии лишь в форме федерации, СДПГ отстаивала принцип создания централизованного немецкого государства. Когда СФИО начала свою борьбу за создание Объединённой Европы, она встретила отпор со стороны СДПГ, которая выступала против создания Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), а впоследствии и Европейского экономического сообщества

(ЕЭС). Взгляды французских и немецких социалистов расходились также по вопросам Саара, международного контроля над Руром, Совета Европы.

В целом, по мнению немецкого историка В. Лотта, социалисты сыграли важную и позитивную роль в развороте германской политики Франции в западном направлении, то есть, в сторону сближения Кэ д'Орсэ с позициями Великобритании и США по германской проблеме, особенно в 1946–1949 гг. [11].

Самой крупной новой политической партией стало «Народно-республиканское движение» (от франц. *Mouvement républicain populaire* (MRP)), возникшее в ноябре 1944 г. Его основателями были видные участники Сопротивления – бывший председатель Национального Совета Сопротивления (НСС) Ж. Бидо и диктор «Свободной Франции» Морис Шуман.

Внешнеполитический курс МРП был направлен на объединение стран Западной Европы. Считая, что национальные государства являются анахронизмом, лидеры МРП предлагали создать «Соединённые Штаты Европы» по образцу Соединённых Штатов Америки [7, с. 34]. Их концепция новой Европы была направлена на защиту западной христианской цивилизации. Причём в сознании членов МРП термины «западная цивилизация» и «христианская цивилизация» вскоре стали синонимами [3, с. 97]. Партия МРП отличалась антикоммунистическим и антисоветским характером.

В программе МРП, принятой 8 ноября 1945 г., указывалось, что в интересах Франции необходимо дополнить советско-французский договор 1944 г. аналогичным альянсом с Великобританией и тесным сотрудничеством с США. Союзническая оккупация Германии должна обеспечить безопасность Европы, эффективное взимание репараций и привести к административной и политической децентрализации бывшего Рейха. Рейнско-Вестфальский бассейн, согласно программе партии, должен быть изъят с тем, чтобы не допустить ремилитаризации Германии. Франция как держава, которая сильно пострадала в результате военных действий и фашистской оккупации, имеет право, по мнению лидеров МРП, на взимание репараций с немецких угольных шахт в том количестве, которое она считает достаточным для восстановления своей экономики. Саарский угольный бассейн должен быть передан во владение Франции. Кроме того, Франция должна участвовать в управлении Руром. Рур и Рейнскую область предполагалось изъять из-под влияния немецкой администрации и передать международному контролю [9, с. 193]. Майский конгресс МРП 1948 г. окончательно утвердил линию партии в отношении Европы. МРП взяла курс на вхождение обновлённой Германии в состав европейской федерации. Благодаря поведенческой линии своих министров иностранных дел Ж. Бидо и Р. Шумана партия МРП расценивалась во Франции в качестве ведущей силы в деле создания «европейской» Германии.

Внешнеполитическую доктрину движения радикалов определить довольно сложно, так как это движение во французской политике было очень широко представлено. В него входили партия радикалов-республиканцев, партия радикал-социалистов, «Объединение левых

республиканцев», «Союз демократов и социалистов Сопротивления». Гибкая программа радикалов позволяла им легко входить в многочисленные политические коалиции. С одной стороны, радикалы склонялись к мирному разрешению политических конфликтов и были сторонниками международной разрядки. Однако, с другой стороны, учитывая якобинское наследие, в партии радикалов часто доминировали националистические и даже шовинистические тенденции. В целом, поведение радикалов определялось конкретной ситуацией.

В отношении Германии они требовали трёх гарантий безопасности Франции: политической, экономической и территориальной. Под первой понимались децентрализация и установление строгого контроля над Германией. Вторая гарантия включала в себя выплату репараций, передачу Франции Саарского угольного бассейна, предоставление в широкое пользование европейским странам природных и человеческих ресурсов Германии, а также международную эксплуатацию Рурского угольного бассейна. Радикалы ратовали за единство взглядов и методов союзнической оккупационной политики Германии.

Тем не менее, в своём докладе на Конгрессе радикалов в 1946 г. Р. Майер, настаивавший на единстве союзнической политики, отметил в ней двойной раскол: по линии Восток – Запад, с одной стороны, и между западными союзниками, с другой [9, с. 205]. Виновницей второго конфликта радикалы посчитали Великобританию, которая взяла курс на возрождение Германии, не учитывая опасности подобной политики для безопасности Франции.

Партия радикалов всегда считалась с внешнеполитическими реалиями. В течение 1947 г. радикалы отмечали невыгодную роль Франции в качестве посредника между западноевропейскими странами и СССР и бесполезность изоляции её оккупационной политики. В 1948 г. радикалы окончательно повернули свой курс в сторону европейской политики. Они считали, что Атлантический пакт и «план Маршалла» представляют собой основу европейской безопасности. Радикалы были убеждены, что включение обновлённой Западной Германии в Европейский союз является необходимостью в целях обеспечения безопасности Европы от угрозы со стороны СССР.

Однако партию радикалов нельзя рассматривать в качестве проводника политики нормализации отношений Франции и Германии ни в парламенте, ни в правительстве. Они всегда следовали тому курсу, который позволял им получить максимальное количество мест в государственных структурах управления Франции.

Правые партии, дискредитировавшие себя поддержкой правительства Виши, утратили после войны свой прежний авторитет. Часть бывших деятелей Демократического альянса и других «умеренных» решили создать новую политическую партию, в руководство которой вошли некоторые деятели Сопротивления. Приняв название «Республиканская партия свободы», она отстаивала основные идеи «умеренных». Позднее часть деятелей

Демократического альянса и Республиканской федерации образовала близкую к РПС группу «независимых» во главе с вернувшимся из заключения в Германии бывшим председателем Совета министров Полем Рейно.

Будучи защитниками гуманистических и христианских ценностей, во внешней политике «умеренные» вели усиленную борьбу против коммунизма и блока советских держав. Они понимали крайнюю необходимость создания европейской федерации в качестве платформы для противодействия коммунистическому влиянию. «Умеренные» были приверженцами политического союза Франции с США и Великобританией в деле построения нового европейского демократического порядка [14, с. 3–8].

Во Франции исторически сложились три правых течения. Ультраправые всегда вели борьбу против республиканской формы правления во Франции («Аксьон франсез»). Правые националисты систематически поддерживали политический режим. Наконец, во Франции существовали либеральные правые, которые постоянно входили в состав правительств [9, с. 212].

Приход фашистов к власти в Германии послужил толчком к расколу правых националистов. Часть из них поддержала фашистов, а другая осталась верной принципам германофобии и дала рождение классическому голлизму в период Соппротивления. После Второй мировой войны в рядах правых снова произошёл раскол на «вишистов», «моррасьенов» (от имени руководителя «Аксьон франсез» Шарля Морраса) и «голлистов».

Вишисты видели разрешение германского вопроса во франко-немецком союзе внутри Объединённой Европы. Они считали, что создание новой Европы невозможно без участия США. СССР оставался для них «врагом номер один» [9, с. 213]. Вишисты были убеждены, что вести действительную борьбу против влияния СССР возможно только в союзе с Германией, которая уже приобрела в этом отношении определённый опыт.

Моррасьены, напротив, демонстрировали свою враждебность и неприязнь по отношению к Германии. Однако, в то же время они оставались антикоммунистами. В дальнейшем одновременное существование анти-немецких и антикоммунистических тенденций в рядах моррасьенов привело их к расколу. Моррасьены ратовали за расчленение Германии с целью недопущения новой катастрофы. Они являлись «хранителями традиций ортоксального антигерманизма» [9, с. 213]. Страх перед возможностью создания «прогерманской» Европы был у моррасьенов настолько велик, что германская проблема на долгое время у них отодвинула на задний план другие вопросы, в частности, внутренние и колониальные. Германофобия моррасьенов приняла латентную форму лишь к середине 1950-х гг.

Вишисты и моррасьены в послевоенной Франции часто встречались под общим названием «правые неголлисты». Неголлисты постоянно блокировали обсуждение германского вопроса в парламенте и правительстве [2, с. 243].

В апреле 1947 г. генерал Ш. де Голль объявил о создании новой политической организации – «Объединения французского народа». Руководители РПФ – Ш. де Голль и его соратники военного времени, которых

прозвали «баронами голлизма» (Ж. Сустель, М. Дебре, Ж. Шабан-Дельмас и др.), – утверждали, что их организация не является обычной политической партией, а представляет собой широкое народное объединение, созданное в соответствии с традициями Сопротивления. Одну из своих главных задач они видели в борьбе против коммунизма. Атаки на Советский Союз и коммунистические партии, обвиняемые в стремлении к агрессии и диктатуре, вскоре заняли центральное место в их пропаганде. Хотя партия РПФ не желала называть себя ни левой, ни правой, фактически она выступала как правая партия.

Программа партии РПФ базировалась на позициях её безусловного лидера – Ш. де Голля. Ш. де Голль всегда отстаивал идею величия Франции и считал, что именно его страна должна сыграть определяющую роль в построении нового международного порядка в Европе. Вся германская политика Франции 1944–1946 гг. вытекала из этой базовой концепции. Ш. де Голль всеми силами пытался обеспечить превосходство Франции в Европе, особенно над побеждённой Германией [2, с. 210]. В течение 1944–1950 гг. его позиция относительно обновлённого немецкого государства существенно не изменилась. Однако некоторые французские исследователи выделяют две фазы эволюции политической мысли Ш. де Голля относительно германского вопроса: первая продолжалась с начала освобождения Франции до конца 1946 г., а вторая началась в 1947 г.

До конца 1946 г. Ш. де Голль видел решение германской проблемы в тесном союзе четырёх держав-победительниц и установлении ими общего контроля над Германией. Ш. де Голль говорил о Германии только во множественном числе, как о федерации немецких государств [17, л. 62].

Два взаимосвязанных фактора определили позицию Ш. де Голля во внешней политике с начала 1947 г.: неизбежный раскол между Востоком и Западом и возрождение идеи унификации Европы. Возрастание угрозы со стороны СССР склонило политическую ориентацию Ш. де Голля в сторону Европы. С этого момента он начал говорить о целесообразности создания европейской федерации. Прогнозируемый раскол Германии трансформировал у него германский вопрос в проблему Западной Германии. По его мнению, Западную Германию в форме конфедерации отдельных государств нужно было интегрировать в европейскую федерацию под эгидой Франции [19, л. 2].

Безусловно, по сравнению с 1944–1946 гг. позиция Ш. де Голля в германском вопросе претерпела значительное изменение по ряду пунктов. Создание конфедерации немецких государств стало преобладающей идеей [12, с. 107]. Требование оккупации левого берега Рейна больше не предполагало его отделения от остальной территории Германии. Статус международного контроля над Руром трансформировался в его «европейский статус», то есть, подразумевал интеграцию Рура в Западную Европу. Однако, с другой стороны, Ш. де Голль не видел никакого противоречия между необходимостью построения европейской федерации вместе с Германией и одновременным требованием продолжения оккупации части её

территорий. Он считал, что Европа будет представлять собой, прежде всего, экономическое и культурное сообщество, в котором вопросы суверенитета будут играть минимальную роль. В случае же действительного европейского союза и, в особенности, франко-германского, границы спорных территорий исчезнут автоматически [1, с. 78].

Возникшая в 1947 г., партия РПФ являлась самой многочисленной и играла важную роль в политической жизни страны в 1947–1949 гг. В этот период Франция полностью пересмотрела свой курс в германской политике. Руководство РПФ дублировало позиции своего лидера во внешней политике и в германском вопросе в частности. Его конечной целью являлось создание единой Европы под эгидой Франции.

После изучения германской проблемы комиссия по международным вопросам на одном из заседаний партии РПФ объявила, что слияние французской зоны оккупации Германии с Бизонией является возможным только при соблюдении ряда условий. Слияние вышеуказанных территорий, по мнению комиссии, можно было осуществить лишь при полном устранении угрозы возрождения Рейха. Члены РПФ высказались за необходимость интеграции конфедерации немецких государств в европейскую федерацию. Франция, в виду своего географического положения и традиционной миссии, должна была призвать все страны-учредительницы новой Европы в ближайшем будущем собраться в Париже для обсуждения основ европейского союза [2, с. 229].

Руководство РПФ много говорило о советской угрозе, которая, по их мнению, представляла ещё большую опасность, чем Германия. Голлисты не допускали вмешательства англичан во внешнюю политику Франции. Они считали возможным возрождение Германии лишь после экономического и политического восстановления Франции.

Таким образом, с одной стороны, РПФ являлась проводником европейского пути решения германского вопроса, а с другой стороны, она опасалась быстрых темпов реализации германской политики. Это, в конечном итоге, привело к тому, что вся деятельность РПФ была направлена на создание разного рода препятствий в разрешении германской проблемы.

В 1944–1946 гг. во Франции существовал Временный режим, при котором страной управляло Временное правительство во главе с Ш. де Голлем. 31 июля 1945 г. Временному правительству Франции было передано приглашение принять участие в Лондонской сессии СМВД. В тот же день ему был передан текст соглашения, заключённого между Великобританией, США и СССР относительно политических принципов, которыми необходимо руководствоваться при обращении с Германией в начальный контрольный период. Отвечая на эти оба сообщения, Временное правительство сформулировало ряд оговорок, в которых отражалась позиция французского парламента в течение 1945–1947 гг. Временное правительство «сожалеет, что...предусматривается уже сейчас возможность восстановления германского центрального правительства, создание центральных административных департаментов с германским правлением и

восстановление политических партий для всей Германии – все меры, способные возродить германские объединительные тенденции и благоприятствовать возвращению к формуле централизованного германского государства». Кроме того, «Временное правительство уже неоднократно официально отмечало первостепенное значение, которое оно придаёт тому, чтобы Рейнско-Вестфальский регион не смог больше в будущем представлять для Германии арсенал, зону прохода или отправной пункт для нападения на своих западных соседей. Оно считает, что окончательное отделение этого района, включая Рур, от Германии, необходимое для прикрытия французской границы, составляет, кроме того, существенное условие безопасности для Европы и всего мира» [18, л. 17].

Высшим органом государственной власти, по Конституции 1946 г., являлся парламент, состоявший из Национального собрания и Совета Республики. В ноябре 1946 г. состоялись первые выборы в Национальное собрание Четвёртой республики, а в декабре – выборы в Совет Республики. ФКП заняла первое место, на втором месте оказалась партия МРП, на третьем – СФИО. Трёхпартийная коалиция распалась в мае 1947 г. в связи с отстранением от участия в правительстве коммунистов.

Взгляды ФКП, СФИО и МРП на внешнюю политику Франции и в частности на германский вопрос были почти схожими в течение 1945 – начала 1947 гг. Трёхпартийное Национальное собрание отличалось единством мнений и твёрдым внешнеполитическим курсом [6, с. 79]. Парламент являлся проводником национальных интересов Франции на международной арене. Он оказывал всестороннюю поддержку министру иностранных дел Ж. Бидо в германском вопросе [9, с. 259]. Последний, в свою очередь, горячо отстаивал французские требования по германской проблеме на уровне СМВД и международных конференций.

Массовые стачки, руководимые коммунистами, и антикоммунистическая кампания в средствах массовой информации привели к росту популярности партии РПФ. Возникшая в 1947 г. голлистская партия РПФ выступила с требованием отмены Конституции 1946 г. и создания сильной исполнительной власти, способной возвыситься над «партийной чехардой». Такие требования вызвали тревогу не только у коммунистов, но и у социалистов и у членов МРП, которые не хотели уступать власть голлистам, но, порвав с коммунистами, оказались в меньшинстве в Национальном собрании. Руководство социалистов нашло выход в создании коалиции «третьей силы», в которую вошли разные партии, желающие бороться против коммунизма и голлизма [16, с. 442].

С уходом коммунистов из правительства в мае 1947 г. и созданием коалиции «третьей силы», в которой был попеременно представлен весь спектр политических партий Франции, германская политика изменила своё направление. Франция больше не поддерживала СССР в германском вопросе, а склонялась к англо-американскому курсу. Однако германской политике Франции пришлось пережить огромный кризис, прежде чем окончательно принять сторону США и Великобритании в германском

вопросе [15, с. 230]. Ж. Бидо до 1948 г. оставался вербальным сторонником германской политики Франции 1945 – первой половины 1947 гг., однако он не мог не принимать в расчёт международную обстановку «холодной войны» между СССР и Западной Европой. Это противоречие и породило глубокий кризис в парламенте [9, с. 260]. Национальное собрание, понимая необходимость принятия англо-американского курса в германском вопросе, откладывало своё окончательное присоединение к подобной германской политике. Экономическое и политическое реформирование Германии вызывало необходимость смягчения французских требований. [8, с. 53]. В Национальном собрании были сторонники и противники возрождения Германии.

В июне 1948 г. во французском парламенте развернулись большие дебаты по поводу принятия Лондонских требований возрождения Германии. Большинством голосов парламент одобрил Лондонские решения и, таким образом, окончательно повернул внешнеполитический курс в германской политике в сторону США и Великобритании, а также возрождения Германии [13, с. 346–347].

Роль парламента в германской политике Франции была двойкой. С одной стороны, он сам разрабатывал французские требования по германскому вопросу и направлял их правительству. Однако, с другой стороны, Национальное собрание не могло контролировать действия правительства. Министры иностранных дел защищали интересы Франции на международной арене, принимали самостоятельные решения в зависимости от обстоятельств, заключали договоры. Парламенту оставалось только одобрять конкретные действия правительства, если последние не противоречили национальным интересам [9, с. 258].

Преобладающая роль правительства в области внешней политики была особенно очевидна в первые послевоенные годы. Парламент был, прежде всего, заинтересован в разрешении внутренних проблем своей страны и не мог уделять должного внимания международной обстановке.

Таким образом, в 1945–1949 гг. политические партии определяли и представляли позицию Франции по германскому вопросу на уровне парламента и правительств. Все политические партии, кроме ФКП, являлись проводниками европейской модели решения германской проблемы, то есть, включения Германии в состав Объединённой Европы. В то же время они опасались быстрых темпов экономического и политического возрождения Германии, которое, по их мнению, угрожало национальной безопасности Франции. Ни одна партия не смогла в течение данного периода придерживаться единой линии поведения по германскому вопросу. Их позиции менялись в зависимости от международной обстановки или потребности получения большинства в правительстве. В ряде случаев позиция партии по германской проблеме представляла собой мнение отдельных её лидеров.

После окончания Второй мировой войны внешнеполитическая концепция Франции базировалась на доктрине «голлизма», основной идеей которого было «величие Франции». Французский парламент горячо

отстаивал национальные интересы Франции по германскому вопросу. Он считал возможным возрождение Германии лишь после экономического и политического восстановления Франции. Парламент разрабатывал французские требования относительно будущего устройства Германии и направлял их правительству. Правительство добросовестно в лице Ж. Бидо следовало его требованиям на международных конференциях до середины 1947 г. Однако нерешительность парламента в вопросе присоединения Франции к англо-американскому курсу вынудило правительство самостоятельно пересмотреть германскую политику Франции на международной арене. Парламенту пришлось её одобрить. Постепенно свобода действий правительства в германской политике парализовала инициативу парламента в этой области.

Источники и литература

1. Binoche, J. L'Allemagne et le général de Gaulle (1924–1970) / J. Binoche. – Paris : Plon, 1975. – 229 p.
2. Bjol, E. La France devant l'Europe. La politique européenne de la IV-e République / E. Bjol. – Copenhagen : Munksgaard, 1966. – 456 p.
3. Bloch, J. L'Europe déchirée: Le problème allemand / J. Bloch, R. Bloch. – Paris : Buchet/Chastel, 1988. – 251 p.
4. Courtade, P. «La victoire de L'Allemagne» / P. Courtade // Humanité. – 1949. – 18 mars. – P. 3.
5. Courtade, P. Le fédéralisme allemand est contraire aux intérêts de la France / P. Courtade // Humanité. – 1948. – 2 juillet. – P. 1.
6. Dumaine, J. Quai d'Orsay (1945–1951) / J. Dumaine. – Paris : Julliard, 1955. – 591 p.
7. Durand, P. Vingt ans. Chronique 1945–1965 / P. Durand. – Paris : Éd. sociales, 1965. – 445 p.
8. Grosser, A. Affaires extérieures: La politique de la France, 1944–1984 / A. Grosser. – Paris : Flammarion, 1984. – 347 p.
9. Korff, A. Le Revirement de la politique extérieure française entre 1945 et 1950 / A. Korff. – Ambilly-Annemasse : Imp. franco-suisse, 1965. – 367 p.
10. Le Reich occidental // Humanité. – 1949. – 10 mai. – P. 3.
11. Loth, W. Sozialismus und Internationalismus. Die französischen Sozialisten und die Nachkriegsordnung Europas, 1940–1950 / W. Loth. – Stuttgart : Deutsche Verlags-Anstalt, 1977. – 414 s.
12. Maillard, P. De Gaulle et l'Allemagne. Le rêve inachevé / P. Maillard. – Paris : Plon, 1990. – 323 p.
13. Ordre du jour du 16/6/48. (Recommandation de Londres sur l'Allemagne) // Korff A. Le Revirement de la politique extérieure française entre 1945 et 1950. – Ambilly-Annemasse : Imp. franco-suisse, 1965. – P. 346–347.
14. Reynaud, P. Incertitudes 1948 / P. Reynaud // Revue de Paris. – Août 1948. – P. 3–8.
15. Wall, J.M. L'influence américaine sur la politique française 1945–1954 / J.M. Wall. – Paris : Balland, 1989. – 515 p.
16. Winock, M. La France politique. XIXe–XXe siècle / M. Winock. – Paris : Seuil, 1999. – 553 p.

17. Американская печать о политике союзников в отношении Германии // Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). – Фонд 82. – Оп. 28. – Д. 12. – Л. 56–69.

18. Конференция пяти министров иностранных дел в Лондоне. Стенограмма записи заседаний сессии Совета Министров иностранных дел в Лондоне 11 сентября – 2 октября 1945 г., текст предложений и проектов делегаций США, Англии, Франции, Китая. Типографские экземпляры, подготовленные НКВД СССР. – Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 558. – Оп. 11. – Д. 238. – 129 л.

19. Меморандум французского правительства от 17 января 1947 г. относительно конституционного устройства Германии // Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). – Фонд 82. – Оп. 29. – Д. 26. – Л. 2–18.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОЛЬСКОЙ ПОЛИТИКИ ПО ГЕРМАНСКОМУ ВОПРОСУ 1970–1980-Х ГГ.

Л.В. Гавриловец, г. Мозырь (Республика Беларусь)

Анализируются взаимоотношения Польши с ГДР и ФРГ в 1970–1980 гг. В политике Польши в указанный период главное место занимало решение вопросов, связанных с нормализацией отношений с ФРГ, признанием границы по Одеру-Нейсе, развитие торгово-экономического и культурного сотрудничества с германскими государствами, решение проблем гуманитарного характера и вопроса о немецком меньшинстве в Польше.

Ключевые слова: граница Одер-Нейсе, ФРГ, ГДР, сотрудничество, договор, приглашение, ПНР.

В первой половине 1970-х гг. усилия польских политиков были направлены на то, чтобы повысить авторитет ГДР на международной арене и добиться признания ее суверенитета ФРГ. В 1972 г. открытие границы с ГДР на Одере партийное руководство ПНР использовало в качестве примера социалистического сотрудничества и напоминания о том, что нерешенным остается вопрос об объединении двух германских государств [5, s. 123]. Правда, вплоть до конца 1970-х гг. эта проблема среди руководства ПОРП не обсуждалась, на нее было наложено политическое табу даже после того, как ФРГ во второй раз с визитом в период с 4 по 7 мая 1978 г. посетил Л.И. Брежнев. После его визита в западногерманской печати стали появляться статьи с разными сценариями на тему возможного вхождения ГДР в состав ФРГ при соблюдении определенных условий, выдвинутых Москвой. Польское правительство было обеспокоено тем, что объединение Германии приведет к утрате ею своих западных и северных земель и не допускало мысли, что Германия может возродиться как демократическое государство [11, s. 136].

Польская же оппозиция в 1970–1980-х гг. придерживалась иной точки зрения. Так, А. Кийовски в 1978 г., Я.Ю. Липский в 1981 г. в своих

работах писали, что нельзя отказать ни одному народу близкому в этническом плане в правах жить в едином государстве. Я. Щепанский в своей работе, написанной в 1988 г. утверждал, что «в ближайшее время наступит взаимопонимание между германскими государствами либо в форме федерации, либо в виде комплекса соглашений, либо произойдет наконец-то воссоединение» [4, s. 124]. Падение Берлинской стены 9 ноября 1989 г., затем произошедшая «бархатная революция» в ГДР создали предпосылки для объединения Германии, что отчетливо осознавали в руководстве ПНР. Реакция поляков на произошедшие события была неоднозначной, с одной стороны, удовлетворение от того, что распалось «сталинское» социалистическое государство, с другой, опасения за западную границу Польши.

В этот период изменились и основные принципы внешней политики Польши. Главной целью стало сближение и интеграция с западными политическими структурами, экономическими и военными. Для правительства Тадеуша Мазовецкого приоритетным становится западногерманское направление. Так, с 9 по 14 ноября 1989 г. в Польше с визитом находился канцлер ФРГ Гельмут Коль, который считал, что реализация проекта объединения Германии будет затруднена, если окончательно не установить и не улучшить взаимоотношения с польским государством. Еще в 70-е гг. XX в. были сделаны попытки установить взаимосвязи двух стран в культурной сфере. В 1976 г. между ПНР и ФРГ было подписано соглашение о культурном обмене, что создало предпосылки для будущего сотрудничества двух стран [12, s. 404]. Но польское правительство вынуждено было удовлетворить требование правительства ГДР, которое заявило, что является единственным представителем германской культуры на территории Польши. Поэтому только в 1990 г. появится институт Гете в Варшаве и Кракове, как свидетельство двустороннего культурного сотрудничества Польши и ФРГ.

Однако согласно соглашению 1976 г. все-таки было установлено хоть и не афишировалось сотрудничество между отдельными городами (Вроцлав являлся городом-партнером Дрездена, Щецин – Росток), товариществами, в 1978 г. между университетами, а также у польских студентов появилась возможность получать стипендию Фонда имени А. Гумбольдта. В 1980 г. в Дармштадте был открыт Польский институт, в котором совместно польские и западногерманские ученые занимались изучением культурной и духовной жизни поляков и немцев [10, s. 141]. Таким образом, в конце 1970-х – начале 1980-х гг. в центре внимания руководства Польши находились культурные связи с ФРГ.

Необходимо отметить, что польская молодежь активно интересовалась западногерманской культурой. Так, в 1988 г. на территории ПНР насчитывалось 2 200 студентов, изучавших германскую филологию, 340 700 человек изучали немецкий язык на различных языковых курсах. На протяжении 1982–1987 гг. около 3 000 польских студентов выехало на научную стажировку в ФРГ. Свидетельством развития польско-западногерманских культурных связей стало проведение дней культуры.

В октябре 1988 г. в Польше прошли первые Дни культуры ФРГ с участием известных западногерманских культурных деятелей.

Что касается культурных связей Польши с ГДР, они не так сильно интересовали польское руководство, как польско-западногерманские. Культурное сотрудничество ПНР и ГДР развивалось на основе соглашения об идеологической работе от 1973 г. Заключенное в январе 1972 г. двустороннее соглашение о безвизовом въезде восточногерманских туристов в Польшу в глазах руководства ГДР имело необратимые последствия [7, s. 360], [8, s. 23]. Так, население ГДР приезжало в «либеральную» Польшу, чтобы посетить там кинотеатры, театры и различные художественные выставки, на которых экспонировались, например, работы экспрессионистов, не попавшие в ГДР в число картин, представленных для обозрения восточным немцам. Поэтому одной из причин закрытия польско-германской границы 30 октября 1980 г. стало непринятие восточногерманским правительством либеральной польской культуры.

Опасалось правительство ГДР и тех перемен, что происходили в Польше, связанных с деятельностью движения «Солидарность». В связи с этими событиями восточногерманским правительством и был отменен безвизовый режим, установленный между ПНР и ГДР. Не стремились в этот период к диалогу с восточными немцами и сами поляки, которые называли их очень часто «немцы класса В» [4, s. 136].

В октябре 1980 г. власти ГДР приостановили безвизовое пассажирское сообщение между двумя странами, что конечно отразилось на их сотрудничестве, т.к. установленные контакты создавали определенную основу взаимодействия двух сторон. С одной стороны, эти контакты часто носили очень формальный характер и служили чисто политическим целям. С другой стороны, были преодолены некоторые ограничения и налажены личные контакты. Даже на заводах в ГДР работали выходцы из Польши. Благодаря, казалось бы, пропагандистской деятельности иногда возникало даже наилучшее понимание среди граждан двух государств. Так, обмен школьниками и учителями в 1980-х гг., несмотря на строго политические мотивы перерос в частные контакты. Однако временами официальные визиты партийных чиновников, местных властей или молодежных организаций Польши и ГДР были просто ритуалом, а совместные инициативы так до конца и не реализовывались.

Необходимо отметить, что для восточногерманской интеллигенции, действующей в условиях оппозиции по отношению к властям ГДР, борьба движения «Солидарность» была примером для подражания в борьбе за демократизацию своей страны. Власти ГДР в свою очередь осудили действия движения «Солидарность» и назвали их контрреволюцией.

События, происходившие в Польше вызывали опасения также политических элит ФРГ и правительства Гельмута Шмидта, в частности из-за боязни повторения событий, подобных тем, которые произошли в Будапеште в 1956 г. и в Праге в 1968 г. Это было связано с концептуальной ошибкой в восточной политике, которая была сосредоточена на

сотрудничестве между правительствами, не взирая на вопрос об их легитимности. Направление восточной политики не изменилось, в частности, и после прихода к власти христианских демократов в 1982 г., хотя канцлер Г. Коль выразил свою поддержку организациям «Союза изгнанных». В то время камнем преткновения в польско-западногерманских отношениях было требование признать немецкое меньшинство в Польше, особенно проживающее в Верхней Силезии, в обмен на экономическую помощь со стороны ФРГ. Необходимо отметить, что до второй половины 1980-х гг. польские власти воспринимали вопрос признания немецкого меньшинства как предлог для ревизионистских требований [6, s. 108].

В 1970-х гг. основной сферой деятельности между ПНР и ГДР остается торгово-экономическая. Рост германского экспорта в Польшу происходил постепенно и в 1974 г. его сальдо составило 2,2 млрд. немецких марок, в 1975 г. – 4,4 млрд. марок, в 1980 г. – 5,5. Однако, начиная с 1976 г. в связи с политическим и экономическим кризисом в Польше постепенно ослабевали ее торгово-экономические связи с восточногерманским государством. Этому способствовала паническая реакция властей ГДР на события в ПНР в начале 1980-х гг. и страх «заразиться польской болезнью». В итоге власти ГДР поддерживали пропагандистскую кампанию против контрреволюции в Польше и «польской забастовочной экономики».

В 1989 г. между Польшей и ГДР, затем в 1990 г. с объединенной Германией товарооборот снизился. Во-первых, потому что не были выполнены полностью условия двусторонних торговых соглашений между ПНР и ГДР, во-вторых, ГДР поставляла в основном свою продукцию на земли ФРГ, в-третьих, Польша ориентировалась в наибольшей степени на развитие торгового сотрудничества с другими западноевропейскими странами. Таким образом, в конце 1980-х гг. снизился товарооборот Польши с ГДР, увеличился с ФРГ и соответственно составил около 4% и 15% во внешней торговле ПНР в 1989 г. [4, s. 178].

Глубокий экономический и политический кризис в Польше в конце 1970-х гг., за которым последовали массовые забастовки, демонстрации, появление организованной оппозиции, которая объединила забастовщиков с интеллигенцией, и образование свободного профсоюза «Солидарность» привели к краху режима Эдварда Герека. Власти ГДР незамедлительно отреагировали на эти события, и как уже говорилось выше в одностороннем порядке закрыли границу для безвизового движения. Только введение военного положения в Польше стабилизировало ситуацию, хотя безвизовое движение между ПНР и ГДР было приостановлено до 1989 г. Проводившаяся сильная антипольская пропаганда в ГДР быстро возродила старые антипольские предрассудки. Так, приводились абсурдные высказывания, например, в декабре 1980 г. в Университете Гумбольдта в Восточном Берлине преподаватель марксизма-ленинизма заявил, что спад производства из-за массовых забастовок в августе 1980 г. в Польше нанес убытки, превышающие экономический ущерб от Второй мировой войны [13, s. 111].

После подписания Гданьских соглашений в августе 1980 г. Э. Герек подал в отставку, а ПОРП, возглавляемая новым лидером генералом Войцехом Ярузельским, была недовольна начатым германо-германским сближением. Обстановка в социалистическом лагере была напряженной, и этот шаг во внешней политике Восточной и Западной Германии сильно встревожил польских политиков. Однако для восточногерманского правительства наиболее важными были политические изменения в Польше, произошедшие в период правления В. Ярузельского. Согласно отчетам и оценкам СЕПГ и Штази (Министерство государственной безопасности ГДР), ситуация в Польше в 1980–1981 гг. была хуже, чем в Чехословакии при Дубчеке в 1968 г. Руководство СЕПГ опасалось, что революционная искра разгорится в ГДР.

Ухудшение восточногермано-польских отношений привело к тому, что польская сторона все больше обращала внимание в сторону ФРГ, о чем свидетельствовали взаимные поездки граждан этих стран, начиная с 1985 г. Кроме того, ФРГ приняла участие в общественной и неправительственной акции помощи Польше, так называемая посылочная помощь в 1981–1982 гг. О похолодании в отношениях ПНР и ГДР свидетельствовал также обмен студентами, который в 1980-х гг. был относительно низким по сравнению с соответствующим обменом с ФРГ. В 1980–1981 гг. он был практически прекращен, а затем не достиг даже уровня середины 1970-х гг., на который приходился расцвет по вопросу обмена студенческой молодежью между ПНР и ГДР. После введения военного положения в Польше обмен молодыми людьми подлежал более строгому политическому и идеологическому контролю и происходил только внутри организаций и в профсоюзах.

Если говорить о польско-западногерманских отношениях, то в 1980-е годы наблюдалось замедление темпов нормализации двустороннего сотрудничества. Первые годы этого десятилетия были отмечены спорами из-за границы, введением военного положения и репрессиями польских властей против движения «Солидарность». После объявления генералом В. Ярузельским 13 декабря 1981 г. введения военного положения в Польше канцлер ФРГ Г. Шмидт, лидер ГДР Эрих Хонеккер посетили охотничий домик в Хубертусштоке на озере Вербеллин. Оба политика выразили общественное мнение по поводу политической ситуации в Польше, но не обеспокоенность. В 1980–1982 гг. федеральное правительство занимало довольно умеренную позицию в отношении событий в Польше. Правительство ФРГ было нейтральным во всех своих высказываниях и призывало не вмешиваться в дела иностранных государств, в том числе в вопросы, касающиеся событий в ПНР.

Необходимо отметить, что Бонн отреагировал на события в Польше спокойно и осторожно. Это было связано с тем, что кабинет Шмидта руководствовался внутренними германскими интересами и в первую очередь хотел разрушить политику «наведения мостов» с ГДР. В свою очередь Станислав Каня, взяв на себя функции первого секретаря ЦК ПОРП, заявил, что

Польша будет продолжать идти по пути безопасности и сотрудничества и активно развивать отношения с капиталистическими государствами.

Польско-западногерманские отношения на уровне правительства ухудшились в середине сентября 1982 г., когда правительственная коалиция СДПГ-СвДП распалась. Правоцентристский кабинет под руководством Г. Коля был создан 1 октября 1982 г. По общепринятым правилам, после вступления канцлера в должность, он заявил, что следует придерживаться ранее заключенных договоров и соглашений, но в то же время кабинет Коля провозгласил дуалистическую форму политики по отношению к Польше – взаимопонимание с польским народом и противостояние с властями. В выступлении от 13 октября 1982 г. Г. Коль, обвиняя правительство ПНР в невыполнении международных обещаний, потребовал снять запрет на деятельность профсоюза «Солидарность». Реализация этих требований была поставлена в зависимость от нормализации отношений между Бонном и Варшавой.

Ободренные заявлениями Коля христианские демократы стали еще более резко высказываться по польским вопросам. 29 января 1983 г. министр внутренних дел ФРГ Фридрих Циммерман публично подверг сомнению установленную границу на Одере-Нейсе на собрании баварской организации «Союза изгнанных». В своей речи он заявил, что восточные договора и договор между ГДР и ФРГ не предшествовали мирному договору и не заменили его. Поэтому в соответствии с конституцией ФРГ германский вопрос все еще остается открытым, а Рейх существует в пределах границ с 1937 г., и ФРГ рассматривает вопрос объединения не только с территориями, контролируемыми ГДР, но также и с «восточными германскими территориями за Одер-Нейсе» [1, s. 176].

Заявления и действия германской стороны усугубили пессимистические настроения в ЦК ПОРП, но не привели к бездействию. Было решено воспользоваться официальной ситуацией и заявлениями западногерманских политиков о пересмотре западной границы Польши. Реагируя на охлаждение взаимоотношений, В. Ярузельский стал подчеркивать тезис об исходившей угрозе со стороны ФРГ. Речь министра Ф. Циммермана была признана первым за многие годы конкретным и ощутимым доказательством жизнеспособности западногерманского ревизионизма. На Первого секретаря ЦК ПОРП и его ближайшее окружение оказывалось давление со стороны других польских политиков с требованием решительного осуждения ревизионистов в ФРГ и укрепления отношений с Москвой. Однако антиревизионистские лозунги, независимо от шагов, предпринятых на международной арене и внутри страны, не могли быть использованы в финансовом плане. Руководство ПОРП признало, что необходимо искать выход из тупика, сложившегося в отношениях с Западной Германией. Этого требовала, прежде всего, неблагоприятная экономическая ситуация, сложившаяся в стране. Изолированная на Западе Польша, отрезанная от источников финансирования, нуждалась в иностранной валюте, сырье и моратории на погашение кредитов, взятых в период правления

Э. Герек. Кроме того, выдвинутые правительствами западных стран гуманитарные требования, как приостановление действия военного положения, освобождение политических заключенных и призыв к «национальному примирению» были выполнены. Поэтому предполагалось, что, руководствуясь прагматизмом, западные страны будут стремиться к отмене экономических санкций, введенных против ПНР, что привело к неблагоприятной, с их точки зрения, глубокой зависимости Варшавы от Москвы.

Необходимо отметить, что официальные заявления даже самых ярких активистов ПОРП, поднимающих вопросы ревизионизма в ФРГ, обычно включали в себя предложение о сотрудничестве и готовность продолжить процесс нормализации. 16 марта 1984 г., во время Национальной конференции делегатов ПОРП в Варшаве, в докладе Политбюро В. Ярузельский снова отметил: «У нас нет предубеждений против Федеративной Республики Германии. Мы ценим готовность к сотрудничеству, где бы это ни происходило, там, где это служит европейской стабилизации и укреплению мира, где есть взаимовыгодный опыт и это стоит приумножить» [1, s. 177].

С середины 1980-х гг. отношения между ПНР и ФРГ постепенно потеплели, что связывали с ослаблением напряженности в отношениях Восток-Запад после избрания Михаила Горбачева генеральным секретарем КПСС, с ослаблением конфронтационных тенденций в США и выходом из изоляции Польши. Однако по-прежнему польское руководство считало, что во внешней политике Западной Германии существуют противоречия. Например, польская партийная пресса высоко оценила выступление канцлера ФРГ о Польше в его речи о состоянии государства и народа от 27 февраля 1985 г., а также выступление главы парламентской фракции ХДС/ХСС Альфреда Дреггера в одном из выпусков еженедельника «Der Spiegel», но в то же время раскритиковала Г. Коля за посещение Битбургского кладбища, где он возложил венки к могилам вермахта и солдат СС, за его участие в съезде объединения «силезских» немцев в Ганновере.

9 марта 1985 г. В. Ярузельский на отчетной конференции ПОРП в Щецине напомнил о событиях, которые привели к возвращению в состав Польши Западной Померании, Силезии и Мазур. Он также подчеркнул, что соглашения и сотрудничество между Польшей и ФРГ стали важным компонентом улучшения политического климата в Европе, совместным вкладом двух стран в дело мира в Европе. В то же время он ясно дал понять, что польско-западногерманский диалог может иметь место только на незыблемой основе Варшавского договора 1970 г. Однако надежды польских властей на преодоление польско-западногерманских конфликтов в международных отношениях не оправдались. Руководство ПОРП подтвердило свою готовность обсуждать различные темы, но на условиях, которые правительству в Бонне было крайне сложно принять. Со стороны Польши высказывались требования отказаться от «юридической фикции» о существовании Рейха в границах 1937 г., прекратить финансирование «Союза изгнанных», закрыть радио «Свободная Европа» и решить официальную проблему «ревизионистских» лозунгов.

Во второй половине 1980-х гг. понятие «западногерманский ревизионизм» постепенно исчезло из политической жизни в Польше, что стало подтверждением готовности к конструктивному сотрудничеству с Бонном. Кроме того, манипулирование проблемой западногерманской угрозы могло пошатнуть основы политики ПОРП. Тем не менее, в польской прессе продолжали появляться статьи с критикой процесса сближения Варшавы и Бонна. В целом же в 1986–1989 гг. произошло улучшение климата в двусторонних отношениях между ПНР и ФРГ. Так, после визита в Бонн министра иностранных дел Польши Мариана Ожеховского 7–9 апреля 1986 г., состоялись переговоры о расширении взаимной торговли двух стран и предоставлении Польше новых гарантий по кредитам.

В 1987 г. Г. Коль заявил, что наступило подходящее время чтобы начать процесс объединения Германии. В потенциальной игре по германскому вопросу польская карта была одной из самых важных для ФРГ, потому что объединение Германии было связано с вопросом о границах будущего единого германского государства. Начиная с договора 1970 г., ФРГ заявляла, что признает и уважает границы, но их окончательная формулировка будет связана с переговорами по германскому вопросу, за которые отвечает большая четверка. Таким образом, оказывавшееся давление на Варшаву по вопросу национального меньшинства было связано с желанием ФРГ быстрее выделить немецкое меньшинство в Польше из числа коренных народов как институт с гарантированным правовым статусом, закрепленный в международных конвенциях. Существование немецкого меньшинства в Польше должно было быть неотделимо от подготовки демографических и территориальных аргументов в случае запланированных мирных переговоров об объединении Германии. Необходимо отметить, что Г. Коль расценивал отношения с Варшавой после заключения договора от 7 декабря 1970 г. как разочаровывающие. Таким образом, он объяснял, почему не хотел поддерживать польское правительство, и как Дж. Буш нанести визит в Варшаву после июньских выборов 1989 г. [9, s. 289].

Канцлер ФРГ, воспользовавшись сложным положением правительства Мечислава Раковского начал переговоры по вопросу польско-западногерманских отношений в конце 1988 г., но во время переговоров с Польшей внимательно следил за польским диалогом между правительством и оппозицией и в наибольшей степени надеялся на установление более эффективных контактов с польской оппозицией в августе 1980-х гг. Ее подход к проблеме объединения Германии, по вопросу защиты языка и культуры немецкого меньшинства в Польше вызывали большой интерес у федеральных властей.

28 августа 1988 г. в парламентской речи премьер-министр М. Раковский заявил о своем желании преодолеть разногласия между Польшей и ФРГ. Однако, стремясь определить свою позицию по Западной Германии, польское руководство не сумело предпринять никаких шагов по вопросу заключения нового польско-западногерманского соглашения, столкнувшись за круглым столом, в первую очередь, с обсуждениями вопроса о

подготовке к парламентским выборам. 4 июня 1989 г. ПОРП проиграла выборы в Сейм и решение задач внешней политики Польши было возложено на правительство Т. Мазовецкого. Представляя «Солидарность», Т. Мазовецкий стремился к сближению с Западом, придавал большое значение отношениям с ФРГ и признавал право германских государств на самоопределение и установление государственного единства, тем самым отказавшись от одного из основных принципов внешней политики ПОРП, который заключался в разделении Германии как факторе безопасности Польши.

7 июля 1989 г. представители польской оппозиции прибыли в Бонн. Делегацию польской оппозиции возглавлял Бронислав Геремек, председатель Гражданского комитета Сейма, созданного после июньских выборов. На первый план в переговорах с делегацией профсоюза «Солидарность» было выдвинуто решение экономических вопросов. Но в отличие от принятых мер по оказанию экономической помощи Венгрии, Г. Коль был сдержан в данном вопросе в отношении Польши. Казалось, он хотел достичь двух целей, пообещав финансовую помощь, с одной стороны, он хотел остановить возможный негативный сценарий развития событий в Польше в результате выдвижения чрезмерных политических требований оппозиции или предотвратить негативную реакцию польских властей, с другой стороны, но он не планировал удовлетворить конкретные финансовые, например, кредитные нужды поляков. Предвидя возможные просьбы Б. Геремека, Г. Коль опустил конкретное обсуждение вопроса об установлении определенной суммы кредитных гарантий для Польши. В свою очередь Б. Геремек заявил, что дело не в деньгах, а больше в участии Запада в поддержке польских реформ. Но в то же время польская сторона обратилась к Г. Колю с целым рядом конкретных экономических предложений: оказание краткосрочной помощи для улучшения продовольственных запасов, поддержка в вопросе погашения долга путем его реструктуризации Парижскому клубу и сокращения долга Польши перед западными кредиторами, долгосрочное инвестирование со стороны ФРГ в Польшу и оказание помощи в переходе от экономики с централизованным контролем к рыночной. Взамен Б. Геремек заявил о готовности возродить немецкую культуру в Польше, развивать немецко-польские культурные отношения и поддерживать немецкий язык.

Для Г. Коля вопрос о немецком меньшинстве в Польше являлся одной из серьезных проблем в отношениях Варшава-Бонн. Так, Г. Коль рассчитывал, что данная проблема станет основным инструментом давления в будущей игре за решение германского вопроса в наиболее благоприятной для ФРГ территориальной форме [9, s. 291]. Сдержанность Г. Коля по отношению к Б. Геремеку объяснялась тем, что канцлер не знал, кто возглавит новое правительство в Варшаве, будет ли оно стабильным и сможет ли выполнить свои обязательства. Г. Коль подтвердил свое намерение приехать в Польшу, но поставил его в зависимость от результатов завершения польско-западногерманских переговоров, что было своего рода давлением на польское руководство. Он также объявил, что

на экономическом саммите в Париже сделает заявление в поддержку процессов реформирования в Польше. Однако не захотел комментировать реструктуризацию польского долга другими западными странами, несмотря на то, что данная проблема обсуждалась в Париже. В целом, Г. Коль не пошел дальше заявления о поддержке польских реформ как на двустороннем, так и на международном уровне.

На экономическом саммите западных стран в Париже, сразу после визита Дж. Буша в Центральную Европу, канцлер ФРГ, который был сторонником создания плана аналогичного плану Маршалла, убеждал Буша в необходимости отнять у Польши свободу передвижения и принять единую позицию Запада. Г. Коль был заинтересован в том, чтобы сохранить силу Бонна в предстоящих переговорах с Варшавой по «всеобъемлющему пакету» в польско-западногерманских отношениях. Получив в 1989 г. исчерпывающий отчет министра Норберта Блиима о визите к премьер-министру Т. Мазовецкому, он предложил возобновить польско-западногерманские переговоры через полномочного представителя, а также установить прямой контакт с его советником Хорстом Тельчиком. Г. Коль желал завершить переговоры с Польшей до конца года.

В этом вопросе намерения канцлера ФРГ совпадали с намерениями Польши, так как Т. Мазовецкий хотел не только быстрого финала переговоров, но и прорыва в польско-западногерманских отношениях, потому что, как сказал Г. Коль, польское общество «желало примирения с ФРГ и ощущения того, что оно живет в безопасных границах» [9, s. 292]. Таким образом, Т. Мазовецкий внес в переговорный процесс вопрос о безопасных границах для Польши и ФРГ, тем самым подняв крайне неудобную тему для Г. Коля, т.к. ранее переговоры между Польшей и ФРГ застопорились именно по данному вопросу. Вторым основным акцентом с польской стороны было решение экономических вопросов. Т. Мазовецкий затронул вопрос о кредитных гарантиях и выразил просьбу поддержать усилия Польши по сокращению долга в Парижском клубе. Г. Коль пообещал помочь, хотя и дал понять, что со стороны Западной Германии, особенно что касается долга Польши ФРГ такие возможности ограничены [9, s. 293].

Визит 7 сентября 1989 г. Леха Валенсы в ФРГ и беседа с канцлером через неделю после установления первого прямого контакта Г. Коля с Т. Мазовецким привели к углублению тех проблем, о которых говорили обе стороны. Во время беседы Л. Валенсы с Г. Колем речь шла о взаимоотношениях между правительствами двух стран, польских реформах и дальнейшем возможном развитии ситуации в ГДР. Канцлер ФРГ оказывал эмоциональное давление на Л. Валенсу, ссылаясь на решение им польского вопроса в Европейском сообществе, США, Парижском клубе, Всемирном банке и Международном валютном фонде и требуя быстрых и беспрепятственных действий со стороны Польши, поиска «общего разумного компромисса». Необходимо отметить, что Л. Валенса согласился с оценкой Г. Коля ситуации в ГДР, он также видел решение восточногерманской проблемы в «экономическом уравнивании с Западной Германией». В разговоре

с канцлером Л. Валенса пытался избежать проблемы меньшинств, однако затронул вопрос о доле западногерманских инвестиций в 10 млрд. долларов США, но никакой реакции со стороны Г. Коля не последовало.

О том, что правительство ФРГ было явно заинтересовано оказанием влияния на Варшаву с целью благоприятного урегулирования вопроса о немецком меньшинстве в обмен на обещания экономической помощи, свидетельствует тот факт, что днем позже в письме Т. Мазовецкому Г. Коль сообщил, что его советник Х. Тельчик еще в августе 1989 г. подготовил материалы к предстоящим переговорам по экономическим вопросам и вопросу национальных меньшинств. Действительно, на саммите стран Европейского сообщества, состоявшемся несколькими днями ранее, было решено предоставить Польше продовольственную помощь. По наиболее важному вопросу для польской стороны, а именно по вопросу безопасности границ, Г. Коль указал на отсутствие мирного договора, сохраняющего дух и букву договора о границе 1970 г., а также на необходимость объединения Германии, поэтому повторное регулирование пограничных вопросов возможно лишь в мирном соглашении с уже объединившейся Германией. Таким образом, ФРГ рассчитывала на то, что на предстоящих переговорах изменится позиция Польши и произойдет быстрое урегулирование все еще нерешенных вопросов, в частности западногерманская сторона была заинтересована в урегулировании проблемы немецкого меньшинства.

Необходимо также отметить, что позиция Польши в процессе переговоров по вопросу объединения Германии была полна недоверия, что вызывало неприкрытое раздражение со стороны ФРГ и способствовало появлению мнения о нежелании польской стороны поддержать объединительный процесс. Однако и Т. Мазовецкий, и К. Скубишевский безоговорочно поддерживали процесс объединения двух германских государств, но только настаивали на том, чтобы окончательная формулировка границы была закреплена в решениях конференции 2+4 до объединения Германии и до заключения польско-германского договора о границе, опасаясь последующих осложнений между государствами. Но Польше все равно не удалось избежать ослабления своих позиций, потому что увязка ратификации договора о подтверждении границы с переговорами и ратификацией соглашения о добрососедстве уже давали возможность оказывать давление на польскую сторону.

Поводом к началу нового этапа в польско-западногерманских отношениях, основанного на сотрудничестве и общности интересов, а также на конвергентных политических целях, стало проведение примирительной мессы в д. Кшижова в Нижней Силезии 12 ноября 1989 г. с участием канцлера ФРГ Г. Коля и премьер-министра Польши Т. Мазовецкого. Данное мероприятие заложило основу для сотрудничества двух стран в гуманитарной сфере, а именно по вопросу сохранения исторической памяти. Так, был создан Фонд взаимопонимания в Европе имени Кшижова. Его основной целью являлось сохранение наследия «антинацистской оппозиции», действовавшей в Кшижова во время Второй мировой войны.

В структуру фонда входили Международный центр встреч польской и германской молодежи, функционирование мемориала в Кшижова, посвященного движению сопротивления оккупационному режиму. Другой подобной организацией, созданной Освенцимской общиной и в результате Берлинской акции покаяния, стал Международный центр встреч молодежи в Освенциме. Его основной задачей является проведение образовательных и культурных мероприятий на основе истории концлагеря Освенцим [2, s. 157], [3, s. 158].

В 1989 г. также произошла внезапная активизация приграничного и межрегионального сотрудничества Польши и ФРГ, которое с тех пор стало охватывать регионы объединенной Германии на западной границе. Несмотря на определенную напряженность в польско-западногерманских отношениях развитие приграничного сотрудничества в ФРГ имело давнюю традицию, прежде всего на границе с Францией и Нидерландами, поэтому особо не возникло проблем в налаживании подобного сотрудничества с Польшей. Было заключено соответствующее соглашение между Польшей и ФРГ о региональном и приграничном сотрудничестве.

Все выше изложенное позволяет констатировать тот факт, что в 1970–1980 гг. внешняя политика Польши по германскому вопросу была ориентирована на решение основных проблем: 1) признание суверенитета ГДР ФРГ; 2) развитие научно-культурных и торгово-экономических связей с ГДР и ФРГ; 3) подтверждение признания существующей западной границы Польши ФРГ; 4) развитие молодежного сотрудничества; 5) урегулирование вопроса о правах немецкого меньшинства в Польше. Таким образом, можно утверждать, что начиная с середины 1970-х гг. отношения Польши с ГДР преимущественно строились на развитии экономических и культурных связей. Однако и в них существовали некоторые проблемы. Восточногерманское правительство высказывало свое недовольство по вопросу культурной политики Польши, что привело к ликвидации безвизового режима между государствами. В политической сфере в конце 1980-х гг. наступил период охлаждения отношений, что было связано с новым общественно-политическим курсом Польши. В конце 80-х гг. XX в. установились более тесные связи между Польшей и ФРГ в культурной и экономической сферах. На территории Польши действовали культурные центры по распространению западногерманской художественной и научной литературы, проходили дни польской и немецкой культуры, получило свое развитие гуманитарное и приграничное сотрудничество Польши и ФРГ.

Источники и литература

1. Bielawska, A. Normalizacja stosunków polsko-niemieckich – proces wciąż trwający? / A. Bielawska // Studia Podlaskie. – 2009. – Nr. 3. – S. 159–200.
2. Kącka, K. Polsko-niemieckie pojednanie jako Projekt polityczny / K. Kącka // Wybrane problemy niemcoznawcze z perspektywy geopolitycznej ; redakcja naukowa M. Wiliński. – Częstochowa, 2014. – S. 137–159.
3. Kącka, K. Historia, normalizacja, pojednanie, dialog, czyli medialny bilans dwudziestolecia stosunków polsko-niemieckich / K. Kącka // Po obu stronach Odry Polska,

Niemcy i ich wzajemne relacje w XX i XXI wieku – wybrane problemy ; pod redakcją K. Kąckiej. – Toruń, 2011. – S. 138–162.

4. Kocwin, L. Polacy i Niemcy na Ziemi Kłodzkiej 1991–2000 / L. Kocwin. – Wrocław: WUW, 2002. – 298 s.

5. Kokot, J. Od Poczdamu do Helsinki. Koniec okresu powojennego w Europie / J. Kokot. – Instytut Śląski w Opolu, 1974. – 265 s.

6. Mniejszości narodowe w Polsce. Państwo i społeczeństwo polskie a mniejszości narodowe w okresach przełomów politycznych (1944–1989) / pod red. P. Madajczyka. – Warszawa : ISP PAN, 1998. – 295 s.

7. Oświadczenie Rządowe z dnia 7 grudnia 1971 r. w sprawie wejścia w życie Umowy między Rządem Polskiej Rzeczypospolitej Ludowej a Rządem Niemieckiej Republiki Demokratycznej o wzajemnych podróżach obywateli obu państw, podpisanej w Warszawie dnia 25 listopada 1971 r. // Dziennik Ustaw Polskiej Rzeczypospolitej Ludowej. – 1971. – Nr. 35. – Poz. 307. – S. 360.

8. Pamięć i polityka wobec dziedzictwa kulturowego w Polsce i w Niemczech / Pod red. K. Ziemiera. – Warszawa : Un-t Kardynała S. Wyszyńskiego, 2015. – 132 s.

9. Sawczuk, J. Polska w polityce Niemiec. Geneza nowego etapu sąsiedztwa oraz implikacje współczesne / J. Sawczuk // Krakowskie Studia Międzynarodowe. – 2006. – Nr. 4. – S. 289–302.

10. Sokół, A. Polsko-niemiecka współpraca kulturalna, programy i instytucje / A. Sokół // Zarządzanie w Kulturze. – 2008. – Tom 9. – S. 131–166.

11. Tomala, M. Warszawa – Berlin – Bonn (1944–1980) / M. Tomala. – Szczecin : Wyd-wo Glob, 1987. – 399 s.

12. Umowa między Rządem Polskiej Rzeczypospolitej Ludowej a Rządem Republiki Federalnej Niemiec o współpracy kulturalnej z dnia 11 czerwca 1976 roku // Dziennik Ustaw Polskiej Rzeczypospolitej Ludowej. – 1977. – Nr. 39. – Poz. 180. – S. 404–405.

13. Zariczny, P. PRL i NRD – czy tylko związki wymuszone politycznie? / P. Zariczny // Po obu stronach Odry Polska, Niemcy i ich wzajemne relacje w XX i XXI wieku – wybrane problemy ; pod redakcją K. Kąckiej. – Toruń, 2011. – S. 83–115.

ВОСТОЧНОГЕРМАНСКИЕ ХРИСТИАНСКИЕ ДЕМОКРАТЫ И ПРОБЛЕМА ОБРАЗОВАНИЯ ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Е.С. Добровольский, г. Череповец (Россия)

В статье рассматриваются внутрипартийные дискуссии среди христианских демократов Восточной Германии по поводу образования Германской Демократической Республики. Отмечается разница в подходах к этому вопросу со стороны председателя ХДС и председателей региональных ячеек союза. Из-за вмешательства советской администрации в дела союза и влияния со стороны СЕПГ христианские демократы вынужденно стали подстраивать свои партийные установки под новый вектор государственного развития. Подводится итог, что основание ГДР осенью 1949 г. было свершившимся фактом. Новое государство диктовало новые требования восточно-германским христианским демократам.

Ключевые слова: ХДС, Восточная Германия, ГДР, Отто Нушке, Гуго Хикман, СВАГ.

1949 г. – время кардинальных изменений в германском вопросе. Образование двух Германий было далеко не решением главного вопроса Холодной войны, а наоборот, усугублением проблемы. Христианско-демократическому союзу (ХДС), как партии, представленной на Востоке и Западе Германии, предстояло пройти свой путь, а каким он будет, зависело не только от самих христианских демократов. Если на Западе партия Аденауэра по итогам первых выборов стала партией власти [4, с. 74], а сам председатель ХДС Конрад Аденауэр – первым канцлером ФРГ, то восточногерманскому ХДС уготовано было совсем другое. Ситуацию для Христианско-демократического союза можно охарактеризовать, как балансирование между сопротивлением и унификацией.

С момента избрания Отто Нушке в 1948 году председателем восточногерманского ХДС стратегия деятельности партии качественно изменилась. Нушке подстраивал партийную политику под целевые установки Социалистической единой партии Германии (СЕПГ), усиливая прокоммунистическую ориентацию союза. Он был убеждён, что становление новой Германии возможно только в дружбе с СССР, где именно ХДС, а не СЕПГ должен был образовать решающую общегерманскую силу. Также он считал, что согласие на предстоящее основание ГДР не противоречит партийным установкам христианских демократов.

На первом всемирном конгрессе сторонников мира в Париже весной 1949 г. Нушке выступил с речью, в которой сказал: «Всемирная история показывает, что народы ничему в ней не учатся. И если народы уже это осознали, то их правительства ещё нет. Чем больше они говорят о демократии и свободе, тем более автократично действуют. Возникает вопрос: где Объединённые Нации? На другой стороне океана только дипломаты! Парижский всемирный конгресс – это новое движение сопротивления против войны, но за дело мира» [16, s. 45].

Также он продолжил, начатую ещё в двадцатые годы, деятельность по укреплению мирных, дружеских отношений с СССР. С этой миссией Нушке в 1948 г. посещал Москву. В своих встречах с высшим советским руководством он неоднократно выражал свой протест по поводу разделения Германии на два независимых государства. Эту миссию председатель ХДС продолжил и в 1949 г., но теперь уже в Западной Германии. Там он встречался с некоторыми ключевыми политиками западногерманского ХДС, в том числе и с Аденауэром.

Первыми, кого коснулся новый вектор развития союза, были земельные ячейки ХДС. Например, в Саксонии всем членам партии запрещались любые антисоветские выпады. Инициатором такого решения было руководство ХДС Саксонии с оглядкой на Советскую военную администрацию Германии (СВАГ). В своей статье в газете «Die Union» под заголовком «ХДС и Советский Союз» один из видных функционеров союза пастор Кирш отметил: «...антисоветские настроения не совместимы с пребыванием в ХДС...» [2, л. 41–42]. В духе заявления Кирша выступил и председатель ХДС Саксонии Гуго Хикман, сформулировавший задачу партии так:

«...активизировать политику мира... Мы обязаны сделать все возможное и именно в лучшем сотрудничестве с той властью, которая всегда действительно отстаивает политику мира – советской оккупационной властью. Поэтому мы должны искоренить из нашей партии все, что мешает мирной политике, все что обозначает антисоветскую травлю... Наше столетие – столетие социализма» [2, л. 43–44].

Схожие мысли высказывал и председатель ХДС Саксонии-Анхальт Эрих Фашер, который в одном из своих выступлений сказал, что ХДС восточной зоны должен больше подчеркивать свой «социалистический» характер. Также подчеркнул стремление сделать ХДС народной партией, опирающейся на рабочих и молодежь: «Мы с СЕПГ – две социалистические партии, мы должны работать одна с другой во взаимном уважении, дополняя одна другую с марксистско-материалистической и христианско-духовной точек зрения. Мы с СЕПГ должны вести за собой весь немецкий народ... В такой культурной нации как немецкий народ, нельзя существовать только одной партии, их необходимо должно быть две-три» [1, л. 6–7].

В конце сентября – начале октября 1949 г. Нушке вёл важные переговоры по вопросу основания правительства ГДР. Он, как простой немец, горожанин, почти каждый вечер посещал людные места, чтобы изучать настроение населения. Таким образом, он знал, чем живёт и о чём думает немецкий народ. Такая тактика способствовала росту популярности Нушке и повышению авторитета ХДС.

Однако руководство СЕПГ было настроено решительно и не собиралось упускать власть из своих рук. Поддержку СЕПГ, как всегда, получила от советских властей. Отчётливо проявилось стремление СВАГ свести деятельность партий Советской зоны оккупации под общий знаменатель и выделить главное централистское начало в лице СЕПГ, которое стало решающим фактором при подготовке к предстоящим выборам в центральные органы власти Германии.

Партийным руководством ХДС возлагались большие надежды на свободные выборы, в результате которых может произойти воссоединение Германии. Но у советской оккупационной администрации на этот счёт было своё мнение. Она была осведомлена о привлекательности ХДС в народе. По оценке советского руководства, христианские демократы могли бы набрать на предстоящих выборах до 75% голосов. Этого СВАГ допустить никак не могла. Поэтому Нушке был вызван на беседу. На ней председателю ХДС была популярно разъяснена советская оценка распределения голосов на выборах и, ввиду возможного поражения СЕПГ, свободных выборов СВАГ допустить не могла. Что касается мнений ХДС и Либерально-демократической партии (ЛДП), то, в случае их несогласия, новое немецкое правительство может обойтись и без них [17]. У Нушке почти не было альтернатив. В качестве примера ему была приведена печальная участь министра иностранных дел Венгрии Ласло Райка, который за отказ сотрудничать с новой властью поплатился своей жизнью. Поэтому председателю ХДС пришлось уступить.

6 августа 1949 г. состоялся разговор политического советника СВАГ Владимира Семеновича Семенова с председателем СЕПГ Отто Гротеволем по поводу состава будущего правительства Восточной Германии, на случай формирования западногерманского правительства [5, с. 510–512]. Были предложения от ХДС включить следующих лиц: вице-премьером Георга Дертингера, от ЛДПГ – Кастнера, от СЕПГ – Ульбрихта. От ХДС назначить министрами внутренней торговли – Гантера-Гильманса, труда и социального обеспечения – Штайдле. Председателем Народной палаты, по словам Гротеволя, мог бы быть Нушке.

7 октября 1949 г. согласно результатам выборов, проходивших в мае, был утверждён Немецкий народный совет, который провозгласил себя Временной Народной палатой. Так была основана Германская Демократическая Республика

Восточногерманский ХДС основанию ГДР мало что мог противопоставить, к тому же он и не стремился к этому. Более того, ещё с конца 1948 г. христианские демократы, как и другие партии, были включены в процесс государственного образования. 5 октября 1949 г. Нушке информировал Немецкий народный совет, что ХДС ничего не имеет против основания ГДР. Однако партия надеялась на проведение свободных демократических выборов и участие в формировании правительства [13]. В письме председателю Немецкого народного совета Гротеволю Дертингер требовал для ХДС три министерских поста в новом правительстве.

Ряд ключевых политиков ХДС также соглашались с основанием нового государства и опасались игнорировать политику оккупационных властей, так как не хотели потерять свои должности. Однако дух соглашательства у христианских демократов был весьма нестабилен. Председатель саксонского ХДС Хикман, как на заседании президиума Народного совета, так и на заседании партийного блока, провоцировал сильные споры, требуя, чтобы СССР был признан виновником разделения Германии и основания ГДР. Чтобы предотвратить попытки Хикмана наложить вето на формирование нового государства, решение было принято не на заседании партийного блока, а на заседании президиума народного совета.

На последнем заседании Немецкого народного совета 7 октября 1949 г. Дертингер требовал, чтобы в новом правительстве: «...признание всех демократических сил стало реальностью, без различия их идеологических основ и была лояльная политика партийного блока» [8]. На этом заседании первым президентом ГДР был избран представитель от СЕПГ Вильгельм Пик. Президентом Народной палаты был избран Дикманн (ЛДП). От ХДС в президиум палаты вошел Хикманн.

После протестного выступления Дертингера на последнем заседании Немецкого народного совета снова начались репрессии против ХДС и ЛДП. В земельных отделениях партии оппозиционных функционеров ХДС подвергали исключениям из союза и даже арестам. Многие партийцы были вынуждены бежать в Западную Германию. Итогом этого процесса стал массовый выход из рядов как христианских, так и либеральных

демократов. В основном гонениям были подвергнуты представители партийных организаций. Как пишет историк Агетен, с образованием ГДР репрессии властей против неугодных членов ХДС только усилились. К октябрю 1950 г. партия потеряла 25% своих членов. Из 35 основателей ХДС в Берлине, подписавших воззвание в 1945 г., к середине 1950 г. в ГДР осталось лишь двое [6, с. 209].

В ХДС создание ГДР всеобщего одобрения не вызвало. 9 октября 1949 г. в центральном правлении партии состоялось совещание председателей районных правлений ХДС, на котором Нушке и Дертингер рассказали о положении в Германии после «создания западногерманского сепаратного государства, что явилось следствием создания ГДР и необходимости отложить выборы в зоне» [5, с. 579 – 581]. Выступление Нушке сопровождалось выкриками, резким неприятием, так что мероприятие пришлось прекратить. Это же повторилось и во время выступления Дертингера. Многие выступавшие обвинили руководство в предательстве и потребовали от Нушке отказаться от поста председателя партии. В телеграмме Семенова из Берлина были сведения о причастности Хикмана к организации нападок. Но на совещании не было принято никаких решений, так как Нушке заявил о неправомерности его участников. Борьба внутри ХДС продолжилась.

11 октября 1949 г. была сформирована земельная палата ГДР. Несмотря на политическое давление СЕПГ на ХДС, заместителями премьер-министра ГДР были назначены три представителя от СЕПГ, ХДС и ЛДП. Заместителем премьер-министра от христианских демократов стал Нушке. Ему был также подчинён Главный отдел по связям с церквями. Министром иностранных дел был назначен Дертингер. Этим назначением советское руководство надеялось достигнуть проведения курса взвешенной, грамотной политики ГДР и считало, что представитель от ХДС лучше, чем представитель от СЕПГ проявит себя на этом месте. Советские власти шли на риск, так как в этом случае не могли полностью контролировать все шаги представителя оппозиционной партии. Также от ХДС министром труда и здравоохранения стал Штайдле, министром почты и телеграфа – Бурмайстер [5, с. 576 – 577].

17 октября 1949 г. в Дрездене состоялось совещание расширенного земельного правления ХДС с участием районных секретарей партии. На нем были жалобы на то, что центральное правление ХДС без ведома членов партии решило такой важный вопрос, как создание правительства, и выражает недоверие Нушке, Дертингеру, Штайдле. Выступил против центрального правления пастор Кирш, отметивший, что оно «совершило еще большую ошибку, чем бывший председатель ХДС Якоб Кайзер, когда он сказал свое нет Народному конгрессу» [3, л. 50]. Там же выступил и Хикман сказавший: «Если придет единство Германии, прежде чем СЕПГ оседлает коня, то тогда она его уже никогда не оседлает – в Германии мы сильнейшая партия» [3, л. 51].

18 октября 1949 г. руководство ХДС внесло своё заявление во Временную палату ГДР, в котором пыталось оправдать своё мнение по поводу

основания немецкой республики. «В какую сторону будет развиваться новое государство: в парламентскую демократию или в восточную форму народной демократии? ХДС настаивала только на основании парламентской демократической формы государственного управления» [11]. Ответы на данные вопросы руководство ХДС в скором времени должно было получить.

Очень быстро истеблишмент ХДС понял, что в новом управленческом аппарате ГДР почти все места заняты членами СЕПГ. Поэтому было необходимо провести всеобщее обсуждение этой проблемы. Возможность представилась на очередном четвертом съезде партии, проходившем 12 – 13 ноября 1949 г. в Лейпциге в обстановке политического напряжения, так как противостояние между центральным руководством союза и представителями земельных организаций со всей очевидностью проявилось именно здесь.

Многочисленные местные и районные правления христианских демократов хотели использовать съезд партии для вынесения вотума недоверия, навязанного советской стороной, руководству ХДС. На съезде центральным правлением бала представлена программа партии по социально-экономическому развитию ГДР, разработанная политическим комитетом под руководством Герхарда Десчика [14]. Эта программа была подвергнута резкой критике со стороны Дертингера. Он требовал внимательного учёта политики партийного блока, хорошего отношения к СССР, признания планового хозяйства и конституционного проекта народного совета [7, s. 11].

Решением Политического комитета ХДС эта программа была отклонена. Всем недовольным пришлось считаться с тем, что партия находилась в переломной фазе, в которой влияние умеренных политиков оттеснялось влиянием Нушке и Хикмана. Целью партийных функционеров, делегированных на этот съезд от советского руководства и СЕПГ было, выступая с позиции силы, перестроить ХДС в инструмент коммунистической политики. Немаловажную роль здесь сыграли Дертингер и Герадъд Гёттинг – будущий председатель ХДС, которые, препятствуя приёму социально-экономической программы ХДС, тем самым создавали предпосылки для программного подчинения христианских демократов целям СЕПГ. На съезде с докладом выступил Дертингер. Он требовал признания границы по рекам Одер и Нейсе и заявил, что «социализм народной демократии объединил христиан в единственный в Европе союз», что должно считаться в партии безусловным успехом [15, s. 211].

В своем докладе «Значение ГДР» Нушке говорил о последствиях создания демократической республики на немецкой земле, что, по его мнению, вовсе не означает окончательного раскола Германии: «...ГДР отказывается быть особым немецким государством. Мы верим, что два государственно-правовых формирования немецкой нации скорее вызовут объединение Германии... мы знаем, что ни партия, ни ГДР – наша цель, а именно вся Германия» [12, s. 107–108].

В проекте решений по четвертому съезду ХДС отмечалось: «...мы признаем свою ответственность за новое государство и готовы служить ему верно на основании Конституции ГДР... Союз соглашается с программой

правительства ГДР без ограничений... ХДС убежден в том, что основание ГДР и ее политика мира и дружбы со всеми народами, прежде всего с СССР и странами народной демократии, ведут к объединению Германии... Союз верит в христианское будущее своей страны, как верит в свободную миролюбивую Германию в мире» [10].

Что касается Хикмана, то он, вопреки строгой цензуре использовал аудиторию партийного съезда для критики персональной политики партии власти: «...господство СЕПГ, несмотря на всестороннюю критику, продолжает нарастать» [18]. Кроме Хикмана, с критикой политики СЕПГ, выступил ещё ряд ораторов. Однако на исход съезда они повлиять не могли. В принятых на съезде решениях союз признал свою ответственность за программу правительства.

После съезда стало ясно, что надежды на внутреннюю либерализацию иллюзорны. СЕПГ продолжила кампанию дискредитации ведущих политиков ХДС, прежде всего тех, кто критиковал коммунистов. Руководство партии вынуждено было признать, насколько наивными оказались их надежды на либерализацию политической ситуации в ГДР. СЕПГ, в свою очередь, начала полномасштабную кампанию против всех ключевых функционеров ХДС, которые позволили себе критику политики их партии. СЕПГ поставила своей задачей произвести генеральную чистку ХДС от политиков, отстаивающих христианско-демократические ценности.

В декабре 1949 г. была инициирована кампания против Хикмана, которая закончилась 25 января 1950 г. Он публично ставил под сомнение право СЕПГ на ключевую роль в государстве и обществе и требовал политической самостоятельности партий. На многочисленных собраниях Хикман снова поднимал вопрос о незаконном единовластии СЕПГ и развязанном ею политическом терроре против своих противников. 14 января Ульбрихт призвал к открытой борьбе против «врагов немецкой нации и Германии» [9]. Этот список возглавлял Хикман.

Чтобы ослабить позицию лидера ХДС Саксонии, Советская контрольная комиссия, пришедшая на смену СВАГ и СЕПГ усилили своё давление на ряд ключевых христианских демократов. Во второй половине января СССР начал кампанию по окончательной отставке Хикмана с поста председателя саксонского ХДС. В прессе СЕПГ и на различных коммунистических собраниях была развёрнута его ожесточённая травля. Вся эта пропагандистская кампания осуществлялась под личным руководством Ульбрихта. 25 января 1950 г. в Берлине состоялось заседание Политического комитета, на котором было вынесено решение об отставке Хикмана. На его место был назначен другой крупный политик ХДС, просоветский партийный функционер Отто Фрайтаг.

Падение Хикмана означало конец политической самостоятельности саксонского отделения ХДС. Репрессии СКК и СЕПГ не ограничивались только разгромом саксонских христианских демократов, они распространились на все земельные отделения ХДС. Были также уволены и партийные функционеры среднего звена. На многочисленные освободившиеся

места назначались прокоммунистические члены ХДС. Был усилен контроль и диктат со стороны СЕПГ. Ни один кандидат от христианских демократов не мог вступить в должность бургомистра, не мог быть выбран в районный совет или ландрат без согласия СЕПГ. Во Временную Народную палату и ландтаг стали избираться только лояльные депутаты ХДС. Много членов партии были поставлены тайной полицией ГДР перед выбором: стать их осведомителем либо арест и тюрьма. Отстранение Хикмана стало судьбоносным событием в процессе смены политического курса ХДС. Союз вступил в новую фазу своего развития.

Источники и литература

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). – Ф. Р-7133. Оп. 1. Д. 282.
2. ГА РФ. – Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 251.
3. ГА РФ. – Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 260.
4. Павлов Н.В. История современной Германии, 1945 – 2005 / Н.В. Павлов. - М.: АСТ: Астрель, 2006. - 511 с.
5. СССР и германский вопрос. 1941 – 1949: Документы из российских архивов – Die UdSSR und die Deutsche Frage. 1941 – 1949: Dokumente aus russischen Archiven: в 4-х тт. Т. IV. 18 июня 1948 г. – 5 ноября 1949 г. – М.: Международные отношения, 2012. – 775 с.
6. Agethen M. Die CDU in der DDR. In: Kleine Geschichte der CDU. – Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1995. – 319 S.
7. Arbeitsbericht der HGS für die Zeit vom 1. Oktober 1948 bis 1. November 1949, Archiv für Christlich-demokratische Politik (ACDP) I-297-003.
8. CDU-Erklärung vor dem Volkstagg vom Oktober 1949, ACDP-III-013-869.
9. Einige Fragen an Herrn Professor H. Hickmann // „Sächsische Zeitung“ vom 16. Januar 1950. Bundes Archiv (BArch) NL Kaiser 8.
10. Entwurf Betrifft: Entschließung zur 4. Jahrestagung der CDU, ACDP VII-011-0489.
11. „Neue Zeit“ vom 19. Oktober 1949. Stiftung Archiv der Parteien und Massenorganisationen der DDR im Bundesarchiv (SAPMO-BArch) DY 6/431.
12. Otto Nuschke. Mensch, Politiker, Journalist. – Berlin: Union Verlag, 1953. – 186 S.
13. Protokoll über die Hauptvorstandssitzung der CDU am 5. Oktober 1949 9:00 Uhr Unionshaus Berlin, ACDP III-013-869.
14. Protokoll über die Sitzung des politischen Ausschusses vom 2. Mai 1950, BArch NL Kaiser 105.
15. Richter M. Die Ost-CDU 1948 – 1952. Zwischen Widerstand und Gleichschaltung. – Düsseldorf: Droste, 1991. – 490 S.
16. Schalück A. Eine Agentur der Kirchen im Staatsapparat. Otto Nuschke und die Hauptabteilung „Verbindung zu den Kirchen“ 1949 – 1953. Berlin: Akademische Verlag, 1999. – 84 S.
17. Vernnerk A. Sagner für Bundesminister Kaiser und Oberregierungsrat Thedick. Bericht über die Tagung der Kreisvorsitzender und Kreissekretäre der Ost-CDU in Berlin am 9. Oktober 1949 vom 10. November 1949. BArch NL Kaiser N1018.
18. 4. Jahrestagung der CDU. 12. – 13. November 1949. Vgl. „Otto Nuschke, ohne Beifall“. In: „Der Tag“ vom 13. November 1949, BArch NL Kaiser N 1018.

ГЕРМАНО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГОДОВ И ПОЗИЦИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Е.Н. Дубровко, г. Гомель (Республика Беларусь)

В статье на основе анализа документов британского парламента и внешнеполитического ведомства выявлена и охарактеризована позиция Великобритании по отношению к германо-польским отношениям во второй половине 1920-х гг. Показано, что в германо-польских отношениях Великобритания проявляла готовность к пренебрежению позицией Польши, проблема положения национальных меньшинств, связанная с территориальными изменениями на германо-польской границе, не рассматривалась как значимая.

Ключевые слова: Германия, Польша, Великобритания, Локарнская конференция, проблема безопасности.

Несмотря на заключение мирных договоров и проведение ряда конференций, в ходе которых уточнялись не до конца урегулированные на Парижской мирной конференции 1919 – начала 1920 года вопросы репараций, территориальных претензий, к середине 1920-х годов важнейшей задачей в международных отношениях в Европе оставалось создание механизма поддержания безопасности, тесно связанного с отношениями Германии с соседними государствами. Актуализировали эту задачу события Рурского кризиса 1923 года, одним из последствий которого стало появление проекта, известного как «Протокол о мирном урегулировании международных споров» или Женевский протокол 1924 года. Как известно, он не вступил в действие, так как не был ратифицирован Великобританией, где с ноября 1924 по июнь 1929 года у власти находился кабинет консерватора Стенли Болдуина. Пост главы внешнеполитического ведомства (Форин оффис) в нём занимал Джозеф Остин Чемберлен, с деятельностью которого и связан отказ от ратификации Женевского протокола 1924 года, равно как и реализация идеи локарнских соглашений. В ходе обсуждения этих проектов, а также их реализации британскими политиками и дипломатами неоднократно затрагивалась такая важная составляющая европейской безопасности, как напряжённые германо-польские отношения, последующее развитие которых переросло в военный конфликт – в начало Второй мировой войны. Выявление британской позиции по проблемам германо-польских отношений во второй половине 1920-х годов представляется актуальной на сегодняшний день исследовательской задачей. Оно позволит осмыслить обстоятельства перерастания отдельного межгосударственного конфликта в центрально-восточной Европе в войну мирового масштаба, проследить роль при этом такого фактора, как позиция Великобритании – одного из самых влиятельных европейских государств межвоенного времени, постоянного члена Совета Лиги Наций, гаранта Рейнского пакта. Актуальность предмета исследования нашей статьи обусловлена и текущим состоянием его изученности в

историографии. Этот сюжет не нашёл отражения в работах крупнейшего специалиста в советской исторической науке по истории британской внешней политики первой половины 20 века В.Г. Трухановского [1], как и в работах современных российских исследователей-англоведов [2; 3], хоть в целом, интерес к британской внешней политике 1920-х годов увеличивается [4; 5; 6; 7]. В британской историографии английская политика в отношении германо-польских отношений во второй половине 1920-х годов получила лишь фрагментарное отражение в работах исследователей, посвящённых германскому, реже польскому, вектору британской политики [8; 9]. Наибольшее внимание этой теме уделили, несомненно, польские историки при анализе польско-британских отношений соответствующего периода [10; 11; 12]. При этом, однако, вторая половина 1920-х годов не получила достаточного освещения в работах исследователей, чаще уделявших внимание анализу событий предвоенного десятилетия.

Начать стоит с событий середины 1920-х годов. 25 марта 1925 года в Палате общин британского парламента обсуждался вопрос международных отношений в связи с готовящейся конференцией в Женеве. Эта тематика не часто становилась предметом обсуждения в парламенте. Как заметил депутат-либерал Герберт Фишер «это первый с сентября прошлого года случай, когда Палата представителей имела возможность обсудить иностранные дела». Упрекая правительство в недостаточном введении депутатов палаты в курс дела о международных делах, Г. Фишер выразил позицию либеральной партии по вопросу об обеспечении безопасности в Европе. Он подчеркнул, что депутаты-либералы против идеи тройственного альянса, включающего Великобританию, Францию и Бельгию. Объяснялось это двумя причинами. Во-первых, в начале 1922 года британское правительство предлагало общую договоренность с участием России (речь идёт о проекте пакта об отказе от агрессии (ненападении), предложенном Д. Ллойд Джорджем – Е.Д.), однако это предложение было отвергнуто правительством Франции. Оно было сочтено по форме унижительным и неадекватным по содержанию, и было ясно, что предложение о заключении договора, который не включал бы в себя какого-либо соглашения о гарантиях границ восточных союзников Франции, будет неприемлемым для Франции. Во-вторых, по мнению британского парламентария, если Англия заключит договор с Францией и Бельгией, будет положено начало процессу, который в конечном счете неизбежно приведет к разделению Европы на две группы держав, выступающих одна против другой и вооружающихся друг против друга; одним из первых ответов, который был бы дан такому тройственному альянсу западных держав, было бы объединение России и Германии. При этом британский политик поддерживал другую схему: «Нам сообщили, что правительство Германии выступило с предложением присоединиться к пакту, гарантирующему восточную границу Франции, но мы понимаем, что правительство Берлина желает оставить за собой право передать на рассмотрение Лиги Наций или арбитража вопросы, касающиеся немецкой границы на Востоке <...>

Я предвижу, как, без сомнения, и любой другой член этой Палаты, что с французской стороны могут возникнуть возражения. Я ожидаю, что в Париже будет сказано, что Франция не может принять какую-либо форму гарантии, которая не учитывает Польшу и Чехословакию». Однако в ответ на это британский депутат привёл слова Ж. Клеманско в ходе мирной конференции в Париже о том, что «мирный договор создает механизм для мирного урегулирования всех международных проблем путем обсуждения и согласия, посредством чего само урегулирование 1919 года может время от времени изменяться в соответствии с новыми фактами и новыми условиями по мере их возникновения» [13]. То есть Г. Фишер допускал в полной мере пересмотр германо-польской границы. Также затронул он и вопрос о Данциге. «В моем опыте работы в Лиге Наций было немного более острых вопросов, чем отношения между Республикой Польша и вольным городом Данцигом по Версальскому договору. Конечно, в этой стране мы испытываем все симпатии к Республике Польша и желаем ей всяческих успехов. Мы желаем, чтобы у этой блестящей и одаренной нации, чьи горести привлекали сочувствие либерально настроенных людей в этой стране на протяжении многих поколений, было блестящее и стабильное будущее. В то же время никто не может наблюдать за ходом событий в Данциге и его окрестностях без глубочайшего чувства тревоги. Вот Данциг, великий немецкий город с великолепными историческими традициями, один из ведущих ганзейских городов, гордый и процветающий торговый город, придающий большое значение своим историческим традициям, а рядом с ним находится Республика, постоянно пытающаяся подорвать его независимость. К счастью, Лига Наций в прошлом и в настоящем представлена в Данциге Верховным комиссаром, который является представителем нашей нации, британским подданным, но самым верным слугой Лиги Наций, выполняющим приказы только от Лиги, и благодаря тактичности и хорошему управлению эти трудности были устранены. Я очень надеюсь, что Верховный комиссар получит от этой страны всю дипломатическую поддержку, на которую он имеет право, потому что в интересах самой Польши желательно, чтобы у нее на западной границе был не ожесточенный, злой и бдительный враг, а хороший сосед и друг.» [13]. В ответном выступлении глава британского внешнеполитического ведомства Дж. О. Чемберлен заверил, что полностью разделяет желание, «чтобы восстановленная Республика Польша поддерживала хорошие отношения со своими соседями и делала все, что может справедливо и легко сделать держава ее уровня величия, славы и силы, чтобы облегчить ситуацию, которая в любом случае должна быть трудной, и предотвратить возникновение ненужных трудностей. Мы все можем посочувствовать трудностям и невзгодам Польши, призванной к возрождению в первые дни своего существования и все еще находящейся под угрозой на своих границах; но сейчас она неуклонно укрепляет свои позиции, она приводит в порядок свои финансы без какого-либо международного займа, она добивается устойчивого и плодотворного прогресса; и в этих

обстоятельствах мы можем рассчитывать на ее уверенность в суждениях, мудрость в политике и уважение к чувствам других» [14].

В ходе дальнейшего обсуждения проблемы безопасности в Европе и британской политики в связи с этим либеральный депутат Эдвард Григ, хоть и не говорил прямо о германо-польских отношениях, обозначил свою оценку ситуации во всём регионе: «Безопасность – это не одна проблема; это сеть проблем, и трудность заключается в том, чтобы увидеть эти проблемы в перспективе <...> В этой сети проблем на первом плане стоит вопрос об эвакуации Кельна (центр расквартировки в Рейнской области британских войск, введенных в декабре 1918 г. – Е.Д.). За этим, на средней дистанции, стоит более сложная проблема безопасности Франции и Бельгии. И за этим опять же, на заднем плане, стоит еще более сложная проблема обеспечения мира на восточных рубежах Европы и на всем континенте». В ходе дальнейшей речи он заявил «За этим (вопросом о западных границах Германии – Е.Д.) снова встает – бесполезно закрывать глаза на этот факт – вопрос о восточных границах, который нельзя отделить от общего вопроса безопасности в Европе. Я не верю, что есть хоть какой-то шанс на то, что Франция в конечном счете согласится с предложениями, которые каким-то образом не касаются восточных границ. Поскольку пакты о гарантиях провалились, она взяла на себя новые обязательства перед союзниками на юге и востоке Германии, и хотя мы никоим образом не связаны этими обязательствами, это факты в сложившейся ситуации, и мы должны иметь дело с фактами <...> стоит надеяться, что в вопросе о восточных границах в Европе, что бы не предприняло правительство, оно будет придерживаться принципа, что любые обещания, которые мы даем ради укрепления европейской безопасности, обусловлены принятием принципа мирного пересмотра, где и когда это необходимо, восточных договорённостей» [15]. *Как видно, британские парламентарии стояли на позиции готовности допустить мирный пересмотр итогов версальского урегулирования в вопросе германо-польских отношений, видя в этом залог обеспечения «безопасности», соответствовавшей британским национальным интересам.*

Пропагандистские беседы, к которым прибегли в течении 1925 года польские дипломаты, не принесли им желаемой активной поддержки Великобритании в деле лоббирования проекта одинаковых гарантий для западных и восточных границ Германии в канун Локарно [16, с. 99–105]. Как результат, по итогам Локарнской конференции Польша лишь парфировала арбитражный договор с Германией и гарантийный договор с Францией, который предусматривал взаимопомощь в рамках устава Лиги Наций в случае неспровоцированной агрессии. В отличие от ситуации с германо-французской и германо-бельгийской границами Великобритания не выступила гарантом германо-польской границы [17, с. 497–498].

Уже в день окончания конференции Дж. О. Чемберлен написал английскому посланнику в Варшаве, что тому следует настойчиво озвучить польским властям позицию Великобритании: Польша должна стремиться создать атмосферу доверия между собой и Германией. По его словам,

Великобритания осознаёт, что территориальное урегулирование между Польшей и Германией может содержать потенциальные причины недовольства, но их можно устранить, сохраняя приверженность мирным переговорным методам. Дж. О. Чемберлен подчёркивал, что Польше не стоит пренебрегать благоприятными возможностями для налаживания отношений и с западным, и с восточными соседями [18, р. 944–945].

Во время Локарнской конференции были также обозначены основные вопросы, связанные со вступлением Германии в Лигу Наций. В ходе нее вопрос о вступлении Германии в Лигу предложил обсудить Дж. О. Чемберлен на четвертом заседании 8 октября 1925 года [17, с. 182]. Он указал, что нельзя рассматривать вопрос о заключении Рейнского гарантийного пакта без одновременного вступления Германии в Лигу. Поддержав требование Германии на предоставление постоянного места в Совете Лиги, остальные члены Совета, в том числе и Великобритания, столкнулись с требованием предоставления такого же места со стороны Испании, Бразилии и Польши, которое не было однозначно поддержано. После длительных переговоров 4 сентября 1926 года Совет Лиги принял резолюцию, предусматривающую избрание Германии постоянным членом Совета, увеличение непостоянных мест до девяти. Было также решено, что срок полномочий непостоянных членов продлится до трех лет, появится статус трех полупостоянных членов. Также для удовлетворения претензий Польши было принято решение о возможности переизбрания на следующий трехлетний срок решением Ассамблеи при большинстве в две трети голосов. 10 сентября 1926 года немецкая делегация заняла свои места в зале Лиги Наций. В том же году непостоянными членами Совета на три года стали Чили, Польша, Румыния, также было удовлетворено заявление Польши о ее переизбрании на еще три года [19, с. 171–172]. Это означало реализацию своеобразного компромисса, позволяло надеяться на создание рабочего механизма урегулирования спорных вопросов в отношениях между Польшей и Германией.

По мнению польской исследовательницы М. Новак-Келбиковой в 1926–1927 гг. интерес к Польше в Великобритании был связан преимущественно с её соседством с СССР в условиях обострения англо-советских отношений [11, с. 141]. Однако анализ документов Форин оффис показывает, что сохранялось и пристальное внимание со стороны британских дипломатов к германо-польским отношениям, остававшимся потенциальной сферой конфликта. Во второй половине 1920-х годов сохранялась напряжённость в экономических отношениях между Польшей и Германией, за развитием которых следили британские дипломаты. С 1925 года в них важное место заняли переговоры о торговом соглашении, но после отказа Германии на просьбу Польши о беспошлинном ввозе польских товаров, особенно, угля из Верхней Силезии летом 1925 года, они приостановились. Развернулась, по сути, таможенная война. В 1926 году переговоры осложнились вопросом о ликвидации немецкой собственности в Польше, а в 1927 году – требованием Германии использовать по

отношению к ней принцип «наибольшего благоприятствования» в вопросе права проживания [20, р. 36–37]. В связи с последним инцидентом прошла встреча британского посла в Берлине Р. Линдси с госсекретарём министерства иностранных дел Германии Карлом фон Шубертом, инициированная последним. В ходе встречи немецкий дипломат уже вполне откровенно говорил, что в Локарно Германия не пошла на требуемые Польшей гарантии, так как не скрывала своих надежд однажды мирными средствами изменить свои восточные границы; до того времени она декларировала заинтересованность в установлении нормальных отношений с Польшей, чтобы убрать повод для Франции сохранять оккупацию рейнской области (оккупация выступала средством давления на Германию с запада, чтобы предотвратить немецкое давление на восток). Обвиняя Польшу в срыве переговоров, К. фон Шуберт, по мнению Р. Линдси, намекал на «два конструктивных действия» со стороны Великобритании: подтолкнуть Польшу к более рациональной позиции и посоветовать сменить посла в Берлине. В ответах британского дипломата, не содержащих никаких обещаний и протестов против такой интерпретации развития локарнских принципов, есть лишь красноречивая характеристика польского государства, как «не только нового, но и крайне националистического и не менее невежественного в искусстве государственного управления» [20, р. 38]. По-видимому, в качестве стимула для Великобритании немецкий дипломат сообщил о слухах «в определённых кругах» в Германии, что действия Польши в отношениях с Германией инспирируются Великобританией, на что получил твёрдые уверения, что это противоречит принципам британской политики [20, р. 39]. То есть британским дипломатам был известен исключительно декларативный характер заинтересованности Германии в налаживании германо-польских отношений и сохранении стратегии возврата территорий, перешедших к Польше в соответствии с решениями Версальской мирной конференции.

В феврале 1927 года в условиях обострения англо-советских отношений британский посол в Берлине Р. Линдси констатировал в письме к Дж. О. Чемберлену, что обеспокоенность распространилась и на взгляды немецких политиков на «балтийский и польский» вопросы; дипломат также подчёркивал присутствие теории о поощрении Великобританией неуступчивости поляков по отношению к Германии. Передавая свои впечатления о германо-польских переговорах, Р. Линдси писал, что Германия с радостью бы возобновила их, чему препятствуют лишь проволоочки со стороны Польши [20, р. 61].

Немецкие политики, о чём польская дипломатия постоянно информировала Великобританию, при любом удобном случае напоминали о неудовлетворённости их страны германо-польской границей. Показательна беседа, произошедшая в период заседания Совета Лиги в марте 1927 года между Г. Штресманом и А. Залеским, когда в ответ на заявления последнего, что Польша не имеет территориальных претензий к Восточной Пруссии, так как у неё есть как раз столько земель, сколько ей нужно, немецкий министр иностранных дел заметил, что их больше, чем Польше

следует иметь [20, р. 110]. В сентябре 1927 года советник немецкого консульства в Катовице барон фон Грюнау вновь говорил Р.Э. Кименсу, торговому советнику британского посольства в Варшаве, что, пока польская Верхняя Силезия и «коридор» не будут возвращены Германии, хорошие германо-польские отношения невозможны [21, р. 13–15].

В этих обстоятельствах Дж. О. Чемберлен изложил в октябре 1927 года польскому министру иностранных дел А. Залескому следующее видение «польского отношения к вопросу безопасности в целом»: «поляки обладают очень ценными гарантиями. По-моему, они совершают ошибку, когда словами или действиями недооценивают или выражают сомнение в гарантиях безопасности, которые у них есть» [21, р. 49]. Английский дипломат рекомендовал чаще предавать гласности те усилия, которые были предприняты Польшей и Германией для предотвращения угрозы миру. «Если бы я был польским министром иностранных дел <...> я бы призвал мир в свидетели того, что немецкий министр иностранных дел объявил, что ценность локарнских договоров не только в отношениях, установленных с соседями Германии на западе, но и в том, что фактом заключения арбитражного договора с Польшей она обозначила невозможность обращения к войне, как к средству преодоления проблем в их взаимоотношениях» [21, р. 49]. По сути эти заявления отражали стремление главы Форин оффис посредством апелляции к итогам локарнской конференции снизить напряжение в германо-польских отношениях.

Однако «дух Локарно» оказался недостаточным фактором для перехода германо-польских отношений в состояние бесконфликтных. Польша не считала достаточным декларирование Германией отказа от силового пути изменения территориальных решений Версальского мирного договора. Более того, она не пренебрегала и превентивными мерами для предотвращения территориального реванша со стороны Германии. Ставка была сделана на проблему национальных меньшинств. Так в июне 1928 года британский представитель в Варшаве Уильям Эрскин прислал в Лондон рапорт о ситуации в Верхней Силезии, подготовленный британским вице-консулом в Катовицах. Обширный рапорт содержал информацию о притеснениях немецкого населения со стороны польских властей, о развёрнутой полонизации, проводимой по инициативе воеводы с 1926 года, о сохранявшейся угрозе политической нестабильности в регионе, которому центральные власти не уделяют должного внимания. При этом сам У. Эрскин выразил сомнения в справедливости возложения всей вины исключительно на местные власти, саму же сложность политической ситуации не отрицал [22, р. 98–105]. После более подробного изучения ситуации он сообщал в Лондон, что удостоверился в справедливости изложенной в рапорте информации, но вместе с тем пришёл к выводу, что обозначенная политика в отношении немецкого меньшинства имеет место только в этом регионе Польши. Британский дипломат объяснял это недовольством польских властей зыбким статусом этой территории, попытками посредством полонизации укрепить там свои позиции [22, р. 154–156].

Триггером нового витка напряжения в германо-польских отношениях стал вопрос об эвакуации союзных войск из рейнской зоны летом 1928 года. Он вызвал со стороны польских политиков, в частности, министра иностранных дел А. Залесского, заявления, предполагавшие претензии Польши на компенсацию в связи с ослаблением гарантий безопасности. В ответ в немецкой прессе началась кампания возмущения попытками Польши лоббировать в текущей ситуации проект Восточного Локарно, а равно в целом, возмущение попытками её вмешательства в вопрос западных границ Германии. Эта кампания подтолкнула британского представителя в Варшаве обсудить этот случай с А. Залесским и высказать тому свою позицию: Германия лучше примирится с её текущими восточными границами, если её отношения с Польшей будут более добрососедскими, а названный случай этому не способствует [22, 5 р. 121–123]. Публичное заявление А. Залесского не осталось незамеченным в Великобритании. Оно спровоцировало вопрос к Дж. О. Чемберлену от депутата палаты общин либерала Сидни Бакстона о потенциальном обсуждении гарантий до вывода союзных войск из Рейнской области. Об этом случае, как и о своём ответе Дж. О. Чемберлен сообщил польскому послу К. Скирмунту для передачи этой информации А. Залесскому. В частности, глава британской дипломатии подчеркнул, что гарантии Великобритании не выйдут за пределы Устава Лиги Наций и Локарнского договора. Таким образом, он пресёк попытки Польши использовать факт вывода войск из рейнской зоны для расширения гарантий её западных границ [22, р. 143–144]. Такую же позицию он подчёркнуто обозначил в беседе с французским послом [22, р. 147]. Однако этим тема оказалась не исчерпана. В конце августа 1928 года польский посол в Лондоне К. Скирмунт обратился с запросом в Форин оффис о ходе эвакуации Рейнской области. В беседе с британскими дипломатами он вновь отметил существующие в Польше опасения того, что эвакуация ослабит её позиции, что требует новых гарантий польской безопасности. На это был получен однозначный ответ о том, что подобные надежды беспочвенны: вывод войск из Рейнской области и так является сложной международной проблемой, нельзя усложнять её ещё больше польскими требованиями [22, р. 270–271]. В сентябре 1928 года во время заседаний ассамблеи Лиги Наций А. Залесский вновь поднял в беседе с британским делегатом вопрос о принятии решения об эвакуации рейнской зоны. В частности, подчёркивая, что Польша была подписантом Локарнских соглашений, он высказал предложение о том, что она должна стать и подписантом соглашения об эвакуации. Это должно было, по словам польского министра иностранных дел, успокоить польское общественное мнение. Однако эта попытка повысить значимость позиции Польши по одному из вопросов, касающихся Германии, не имела успеха. Британский дипломат привёл несколько доводов: во-первых, связь вопроса об эвакуации не с Локарнскими соглашениями, а с Версальским договором; во-вторых, возможное недовольство британского общественного мнения намёком на отказ Великобритании от

позиции «не вовлеченности» в дела восточных границ Германии; в-третьих, недовольство общественного мнения Германии. А. Залесский, со своей стороны, говорил о необходимости «предотвратить негативный эффект в Восточной Европе, который может возникнуть от эвакуации рейнской зоны». Он пояснял, что согласно франко-польскому договору, подписанному в Локарно, Франция гарантировала вступление в войну в поддержку Польши в определенных обстоятельствах, что станет затруднительно после эвакуации, так как они окажутся на более далёком расстоянии. Это означало ослабление гарантий и подталкивало Польшу к поиску других. Но и этот аргумент не убедил собеседника [22, р. 321–323]. Во внутриведомственной переписке, посвящённой этому сюжету, британский посол в Варшаве Уильям Эрскин указывал, что в Польше очень велик страх перед будущей немецкой агрессией, потому неплохо бы было представить ей какую-то форму «морального удовлетворения», например, через участие в подписании соглашения о создании Комитета по контролю и примирению. Однако от британского посла в Берлине Г. Рамбольда поступала информация, что Германия не приемлет никакого контроля за рейнской зоной после 1935 года; даже если реализуется идея создания какого-либо комитета, присоединение к нему Польши вызовет непонимание и негодование, что добавит остроты в германо-польские отношения. Он признавал, что в ближайшее время эти отношения не могут быть сердечными, потому следует поддерживать их корректными. При этом он отметил изменение отношения Германии к Польше: она не воспринималась более как «сезонное государство», её существование признавалось, но было устойчивое мнение, что чем сильнее будет Польша, тем сложнее будет добиться территориальных изменений в вопросе «польского коридора». Как и его коллеги Г. Рамбольд считал, что улучшить отношения могло бы заключение торгового договора, хоть и высказывал сомнения в успешности переговоров по этому вопросу [22, р. 366–367].

В январе 1929 года английский посол в Варшаве сообщил «в форме дружеского совета» А. Залесскому позицию Дж. О. Чемберлена по вопросу эвакуации рейнской зоны. Он подчеркнул, что британское правительство придаёт этому вопросу большую важность, и впечатление, что Польша пытается создать сложности на пути его реализации, настроит против неё общественное мнение Великобритании [23 р. 47–48].

Как известно, на Гаагской конференции летом 1929 года Германия безоговорочно добилась досрочного окончания оккупации зоны Северного Рейна, а с польской делегацией обошлись так же, как в Локарно [24, с. 63].

То есть ситуация с решением вопроса об оккупации рейнской зоны вновь, как и в ходе Локарнской конференции, показала, что в германо-польских отношениях Великобритания проявляла готовность к пренебрежению позицией Польши, исходя из примата Германии над Польшей в структуре международных отношений в Европе с точки зрения британской дипломатии.

В конце 1920-х годов британские дипломаты всё чаще сталкивались с проблемой национальных меньшинств в германо-польских

отношениях. В частности, в конце ноября 1928 года в Форин оффис поступали сообщения о деятельности организации «Стальной шлем» в Германии в целом, и Верхней Силезии в частности. На тот момент опасности в деятельности этой организации не было замечено. Однако отмечалось, что у большей части населения Германии бытовало мнение, что необходимо проявлять терпение, так как возврат территорий, отошедших к Польше, невозможен при текущей парламентской системе; только при сильном национальном режиме Германия сможет добиться старых границ на востоке [22, р. 488–489].

Насколько эта информация могла привлечь внимание главы Форин оффис? Комментируя развитие германо-польских отношений в своём письме У. Эрскину Дж. О. Чемберлен признавал, что его мало интересовали их частные аспекты, такие как вопрос о положении польского и немецкого меньшинств на территориях Германии и Польши соответственно. Он скорее склонен давать им общую оценку: отношения ещё долго останутся враждебными. «Залесский сдержан и терпелив, но презрение которое немцы испытывают по отношению к полякам и которое они не могут не показывать при каждом удобном случае, делает двусторонние отношения скорее вопросом эмоций, чем политики» [23, р. 23–24]. Тем не менее британский посол продолжал информировать Форин оффис о положении в Верхней Силезии, попытках Германии через немецких работодателей оказывать давление на местных рабочих с целью отправки их детей в немецкие школы, что мешало интеграции региона в Польшу; сам автор при этом придерживался мнения, что регион должен быть колонизирован, что является жизненно важным для будущего мира в Европе [23, р. 59–61]. Но частное мнение У. Эрскина не отражало позицию британской дипломатии в целом. В марте 1929 года Дж. О. Чемберлен в беседе с польским послом К. Скирмунтом изложил свою точку зрения на ряд аспектов польско-немецких отношений, о которых была проинформирована польская сторона. Во-первых, он дал понять, что не вникает в процедуру рассмотрения вопроса о положении национальных меньшинств. Во-вторых, по вопросу о восточных границах Германии он вновь выразил надежду, что общие интересы Германии и Польши создадут такие отношения между ними, что удастся путём взаимных уступок выйти из состояния вражды, которое их разъединяет. Глава Форин оффис признавал, что это произойдёт не скоро, но до тех пор Великобритания будет чётко демонстрировать, что она против пересмотра мирных соглашений в текущих условиях и не примет иного решения кроме непосредственного соглашения между заинтересованными сторонами или при дружественном посредничестве в соответствии с 19 статьёй Устава Лиги [23, р. 273–274].

Таким образом, во второй половине 1920-х годов в среде британских политиков и дипломатов признавалось существование напряжённости в германо-польских отношениях, как экономических, так и политических, вопрос о пересмотре итогов Версальского мирного договора не сходил с повестки дня, декларировалась лишь приверженность его не силовому

варианту. Для британской дипломатии был очевиден инструментальный характер проблемы положения национальных меньшинств на германо-польском пограничье, потому она минимально привлекала внимание руководящих кругов Форин оффис. При этом данный вопрос, как показывает анализ парламентских дебатов, активно использовался оппозицией как повод для нападок на правительство, в том числе и следующее. Так 13 ноября 1929 года уже новому главе Форин оффис А. Гендерсону в ходе парламентского заседания был задан вопрос о положении немецкого меньшинства в Польше, обращениях по этому поводу в Лигу и её реакции, от ответа на который он ушёл [25].

Источники и литература

1. Трухановский, В.Г. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918–1939) / В.Г. Трухановский. – М. : Изд-во Ин-та международных отношений, 1962. – 412 с.
2. Демидов, С.В. Внешняя политика и дипломатия Великобритании между двумя мировыми войнами / С.В. Демидов. // Актуальные проблемы истории Великобритании XVII–XX веков. – Рязань, 2017. – С. 98–136.
3. Капитонова, Н.К. История внешней политики Великобритании / Н.К. Капитонова, Е.В. Романова. – М. : Международные отношения, 2016. – 838 с.
4. Аршинцева, О.А. Великобритания и проблема стабилизации Версальского миропорядка в первой половине 1920-х гг. / О.А. Аршинцева. // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 3. – Т. 2. – С. 157–162.
5. Демидов, С.В. От Версаля до Локарно: внешняя политика и дипломатия Великобритании (1919–1925) / С.В. Демидов // Российский научный журнал. – 2009. – №6 (13). – С. 100–110.
6. Прокопов, А.Ю. Европейское направление британской внешней политики в 1920-х годах / А.Ю. Прокопов. // Вестник МГИМО-Университета. – 2012. – №2. – С. 112–119.
7. Хахалкина, Е.В. Локарнские соглашения 1925 г. в контексте трансформации версальской системы: взгляд из Лондона / Е.В. Хахалкина, В.С. Дзюба // Вестник Московского ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. – 2021. – № 1. – С. 157–195.
8. Jordan, W.M. Great Britain, France and the German problem 1918–1939 / W.M. Jordan. – London–New York–Toronto : Oxford University press, 1943. – 235 p.
9. Powell, M.J. The battleground of high politics. A comparative study of British and French policies towards Poland and the Baltic states. 1917–1939 / M.J. Powell. – Sussex : The book Guild Ltd, 2003. – 265 p.
10. Baumgart, M. Wielka Brytania a odbudowa Polski, 1914–1923 / M. Baumgart. – Szczecin : Uniwersytet Szczeciński, 1990. – 214 s.
11. Nowak-Kielbikowa, M. Polska-Wielka Brytania w dobie zabiegów o bezpieczeństwo w Europie, 1923–1937 / M. Nowak-Kielbikowa. – Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1989. – 588 s.
12. Piszczkowski, T. Anglia a Polska, 1914–1939. W świetle dokumentów brytyjskich / T. Piszczkowski. – Londyn : Oficyna Poetów i Malarzy, 1975. – 456 p.
13. Foreign affairs // House of Commons debates. 05 March 1925 [Electronic resource]. – Mode of access : <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1925/mar/05/foreign-affairs>. – Date of access : 28.04.2023.

14. Danzig // House of Commons debates. 05 March 1925 [Electronic resource]. – Mode of access : <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1925/mar/05/danzig>. – Date of access : 28.04.2023.
15. British policy // House of Commons debates. 05 March 1925 [Electronic resource]. – Mode of access : <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1925/mar/05/british-policy>. – Date of access : 28.04.2023.
16. Дубровко, Е.Н. Великобритания и «польская дилемма» в период подписания локарнских соглашений / Е.Н. Дубровко // Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны (да 75 годдзя кафедры ўсеагульнай гісторыі Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Францыска Скарыны): зб. навук. арт. Вып. 8. / рэдкал. : М. М. Мязга (гал. рэд.) [і інш.] ; Гомельскі дзярж. ун-т ім. Ф. Скарыны. – Гомель : ГДУ ім. Ф. Скарыны, 2022. – С. 99–105.
17. Локарнская конференция 1925 г. Документы. – М. : Госполитиздат, 1959. – 512 с.
18. Documents on British foreign policy 1919–1939. 1st Ser. / ed. by W.N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1984. – Vol. 25. – 953 p.
19. Илюхина, Р.М. Лига Наций 1919–1934 / Р.М. Илюхина. – М. : Наука, 1982. – 357 с.
20. Documents on British foreign policy 1919–1939. 1st A Ser. / ed. by W.N. Medlicott. – London, 1970. – Vol. 3. European and naval questions. 1927. – 802 p.
21. Documents on British foreign policy 1919–1939. 1st A Ser. / ed. by W.N. Medlicott. – London, 1971. – Vol. 4. European and security questions. 1927–1928. – 668 p.
22. Documents on British foreign policy 1919–1939. 1st A Ser. / ed. by W.N. Medlicott. – London, 1973. – Vol. 5. European and security questions. 1928. – 928 p.
23. Documents on British foreign policy 1919–1939. 1st A Ser. / ed. by W.N. Medlicott. – London, 1975. – Vol. 6. – 880 p.
24. Волос, М. Внешняя политика Польши на фоне международных событий в Европе в 1924–1932 гг. (ключевые проблемы) / М. Волос // Вестник Омского университета. – 2011. – № 1. – С. 60–67.
25. Poland (German minority) // House of Commons debates. 13 November 1929 [Electronic resource]. – Mode of access : <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1929/nov/13/poland-german-minority>. – Date of access : 28.04.2023.

АДОЛЬФ ГИТЛЕР НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

Э.Г. Иоффе, г.Минск (Республика Беларусь)

За последние годы вышло немало публикаций о Гитлере, его приспешниках и военачальниках. Принципиальное отличие данной статьи состоит в том, что в ней впервые деятельность Гитлера в годы Великой Отечественной войны, особенно в 1941 году, показана через его визиты в различные населённые пункты Беларуси – главным образом, в те, где находилась штаб-квартира группы армий «Центр», через призму его встреч с военачальниками и главой фашистской партии и фашистского правительства Италии Бенито Муссолини.

При написании статьи использованы различные источники, в том числе фонды Национального архива Республики Беларусь, Центрального архива КГБ Республики Беларусь, архивов Брестской и Минской областей, мемуары немецких военачальников.

Ключевые слова: Адольф Гитлер, Борисов, штаб-квартира группы армий «Центр», фон Бок, Гудериан, Гот, Муссолини, Ганс Баур.

К сожалению, в истории СССР периода Великой Отечественной войны до настоящего времени немало «белых пятен». Одно из них – пребывание в западных областях Советского Союза в 1941–1943 годах фашистского диктатора Германии, главного нацистского военного преступника, президента и канцлера Германии, главнокомандующего вермахтом, одного из главных организаторов массового уничтожения мирного населения, военнопленных, зверств, осуществленных нацистами в оккупированных странах и особенно на захваченной территории СССР Адольфа Гитлера.

Когда автор этих строк пытался узнать, известно ли это нашим землякам, большинство из них отвечали мне вопросом на вопрос: «А что, разве Гитлер был в Советском Союзе, в Беларуси, в России, на Украине?». И я отвечал: «Был, и не один раз».

ГИТЛЕР В БОРИСОВЕ. К 22 июня 1941 года Гитлер находился в ставке «Вольфшанце». Кроме поездки в штаб группы армий «Север». Отсюда он выезжал к фельдмаршалу Боку в Житомир; в города Брест-Литовск и Умань в сопровождении Муссолини; к фельдмаршалу Клейсту в Мариуполь и генералу Рейхенау в Полтаву.

27 июля 1941 года в штаб-квартире командующего группой армий «Центр» генерал-фельдмаршала Федора (Теодора) фон Бока в городе Борисове созвали совещание командующих армиями, на котором был зачитан приказ главкома сухопутными войсками вермахта генерал-фельдмаршала Вальтера фон Браухича.

Суть его сводилась к тому, что какое-либо немедленное наступление на Москву или даже на Брянск исключалось. В качестве ближайшей задачи была поставлена окончательная ликвидация нашей 3-й армии, которая группировалась вокруг Гомеля. Это, по существу означало, что 2-я танковая группа генерала Гудериана должна была повернуть более чем на 90 градусов и наступать в юго-западном направлении.

Приказ Браухича вызвал недоумение и недовольство среди многих военачальников вермахта. Последовали телефонные звонки Гитлеру с просьбой разъяснить ближайшие задачи немецких войск на Восточном фронте. В то же время сам Браухич обратился к фюреру по поводу положения у Бока, прося помочь центральной группировке.

Обеспокоенный положением дел, Гитлер отправляется на фронт к фон Боку. Это было 3–4 августа 1941 года.

Местные жители рассказывали, что во второй половине июля оккупационные власти изгнали большинство жителей Старо-Борисова и окружающих деревень – кого вывезли в другие деревни, кто сам где-нибудь устроился. А в середине августа разрешили вернуться в свои дома. Только в 1950-е годы, когда были изданы воспоминания Гудериана, стало известно, что сюда в то время прилетал фюрер. Возле Старо-Борисова находился аэродром, недалеко размещалось бывшее поместье великого князя Николая Николаевича, где в 1812 году жил два дня император Наполеон, пока строили мосты в деревне Студянка. Всё это повлияло на выбор места штаб-квартиры группы армий «Центр», куда прилетел Гитлер.

В город Старо-Борисов, где располагался штаб группы армий «Центр», прибыли Гитлер, Кейтель и Йодль. Здесь предстояло обсудить ставшую столь неясной и противоречивой обстановку и наметить, что же, в конце концов, делать дальше. Когда все расселись в просторном помещении штаба, генерал-фельдмаршал фон Бок, сухопарый, натянутый как струна, подошел к карте и с разрешения Гитлера начал доклад об обстановке на фронте.

Что мог сказать фон Бок? В нашем распоряжении есть его дневниковая запись за 4 августа 1941 года:

«Утром прибывает фюрер, тепло поздравивший меня по случаю «успехов в масштабах мировой истории».

Знакомлю его с обстановкой, после состоявшегося тут же совещания выясняется, что фюрер, судя по всему, недопонимает, каким образом проводить дальнейшие операции. Когда он, наряду с остальными вариантами, затрагивает тему наступления в восточном направлении, я энергично поддерживаю его, сказав, то именно на этом направлении нам придется столкнуться с основной массой русских войск и что именно неприятель намерен дать нам решающий бой своими, вероятнее всего, последними имеющимися в его распоряжении силами. Гудериан [2-я танковая группа] и Гот [3-я танковая группа] докладывают о состоянии дел в танковых войсках. Фюрер тут же соглашается, что переброска сил и их развертывание на новых участках требует времени. Уже сегодня он намерен принять решение, как он лично может способствовать обновлению материальной части танковых дивизий. Отвечая на вопрос фюрера, и затем снова в процессе беседы я воспользовался возможностью поблагодарить наше всегда готовое прийти на помощь население...» [1, с. 261–262].

Фон Бока сменили командующие двумя его танковыми группами Гудериан и Гот. Первый сказал, что ему необходимо срочное пополнение людьми и техникой. Для глубоких операций надо 70% танков оснастить новыми моторами. В ином случае он может проводить только ограниченные операции. Гот также заявил, что, если ему не дадут новых моторов, он сможет вести действия с неглубокими задачами.

Хмуро и мрачно Гитлер слушал генералов. Когда они кончили, воцарилось молчание. Затем фюрер поднялся. Он не может удовлетворить требование о моторах. Он может дать Гудериану и Готу только 400 новых моторов.

Гудериан сразу возразил: ему требуется 300 штук!

Гитлер оставил это без внимания. На первом месте среди достижимых целей стоит Ленинград с русским побережьем Балтийского моря из-за его индустрии, промышленности, выпускающей тяжелые танки, и вследствие необходимости уничтожить Балтийский флот. Ленинград будет блокирован. Эстония и побережье Балтики должны быть заняты. Он, фюрер, считает, что эта задача будет выполнена до 20 августа группой «Север» с помощью корпуса пикирующих бомбардировщиков Рихтгофена. Потом ударные силы группы армий надо перебросить к Москве.

На юге дела идут удовлетворительно. Скоро русская армия достигнет такого состояния, при котором больше не сможет производить

крупные операции. Противник понес большие потери. Разбиты его лучшие войска «эти потери доказаны также, - Гитлер обратился к Гудериану, - вашим докладом о наступлении на Рославль.

Гудериан молчал. Наступила тягостная пауза. Фюрер встал, подошел к окну. Потом, повернувшись, продолжал, все более накаляясь:

– Ход операций на Восточном фронте до сих пор развивался более успешно, чем можно было предполагать в обстановке, когда неожиданно оказались перед фактом, что русские имеют больше танков и авиации, чем ожидалось.

– Если бы я, – воскликнул Гитлер, – перед началом похода был осведомлен об этом, то принять решение о его необходимости мне было бы намного труднее!

Вырвавшаяся у Гитлера фраза поразила всех сидящих. Что это значит? У фюрера впервые во Второй мировой войне появилась пусть незначительная, но все же очевидная нотка досады и признания, быть может, поспешности принятого решения.

Внимание слушателей достигло предела.

Гитлер перешел к важнейшей части аргументации своих планов.

– Весьма существенную роль с точки зрения важности для противника играет южная Россия, особенно Донецкий бассейн, который начинается у Харькова. Там находится основная база русской экономики. Захват этой области означал бы гарантию полного подрыва всего хозяйства противника. Поэтому я имею в виду прежде всего необходимость поворота крупных сил группы армий «Центр» к югу и танковой группы Гота, на северо-восток [2, с. 299].

Многозначительно подчеркивая каждую фразу, Гитлер давал понять, что именно здесь лежит основа его дальнейших планов.

– Москва с точки зрения жизненной важности для противника стоит на третьем месте. Поэтому операция на юго-восток является первоочередной, в то время как в восточном направлении первоначально, вероятно лучше остаться в обороне. Кроме того, на юге России период осенних дождей начинается в середине сентября, а в московском районе – только в середине октября. Триумфальным крикам англичан, что германское наступление застряло, надо противопоставить невероятные продвижения, которые сейчас необходимы, - завершил Гитлер свои указания» [2, с. 300].

Гудериан, отправляясь из починковских Прудков в Борисов, твердил сам себе:

«Только не выводить войска из района ельнинского выступа. Только не оставлять Ельню».

Гитлер, выслушав жалобы Бока, Гудериана и Гота, конечно, не рекомендовал оставлять ельнинский выступ. Однако он предложил свой план поворота танковых групп: Гудериана – на юг, Гота – на север.

Предложения Бока, Гудериана и Гота быстрее завершить удар на Москву Гитлер парировал их собственными доводами: большие потери противника видны из поражения известных нам избранных войск,

а также – Гитлер обратился к Гудериану из вашего доклада о наступлении на Рославль. Ведь там в отдельных местах русские вообще не оказывают сопротивления, не так ли? У вас, Гудериан, кажется, вообще сложилось впечатление, что можно было наступать дальше на восток, не встречая сопротивления?» [2, с. 300].

После окончания совещания в Борисове Гитлер отбыл в Полтаву к Рундштедту.

Автору этих строк удалось познакомиться с воспоминаниями адъютанта Гитлера Николауса фон Белова, которые вышли в Майнце в 1980 году. В них есть такие строки:

«Командование сухопутных войск и, как оказалось, командование армейской группы “Центр” придерживалось в отношении дальнейших операций воззрений, которые не разделялись Гитлером. Споры по этому поводу еще не успели разгореться по-настоящему, когда в конце июля Гитлер в связи с болезнью в течение нескольких дней совершенно не принимал участия в делах. Официально замалчивали, что он не выходил к общему столу и не принимал участия в оперативках. Но ясно было видно, что чувствует он себя неважно. Доктор Моррель намекал, что дело идет, возможно, о легком ударе. Сердце и кровообращение не в порядке, но ему удастся в короткий срок вернуть фюреру его прежнюю дееспособность. В самом деле, через несколько дней мы заметили улучшение. О заболевании Гитлера нам было строго приказано молчать...

3 августа (1941 г. – Э.И.) мы прилетели к фельдмаршалу фон Боку в Борисов, где размещалось верховное командование армейской группой «Центр», и встретились там с Браухичем и Гальдером. Гитлер вел подробные беседы с этими генералами. На первом плане в беседах стояли такие вопросы, как анализ положения русских, военная мощь противника и размеры территории. Браухич, Бок и Гальдер упорно настаивали на том, что у армейской группой “Центр” есть только одна цель-взятие Москвы. Они были оптимистически настроены и в том смысле, что этого можно добиться после некоторых перегруппировок и довооружений еще до начала неблагоприятного времени года. Точка зрения Гитлера была иной. Он сослался на свою еще до начала восточного похода неоднократно высказанную точку зрения о том, что надо остановиться за Смоленском, силами же армейской группой “Юг” взять Ростов. Его намерением было из этих двух пунктов повести наступление на Москву таким образом, чтобы наступательные клинья сошлись восточнее Москвы. В ходе продолжительной дискуссии не пришли ни к какому решению...» [3, с. 286–288].

У автора этих строк нет оснований обвинять адъютанта Гитлера в искажении фактов. Один только факт можно поставить под сомнение. Речь идет о дне прибытия Гитлера в Борисов – 3 или 4 августа. Может Н. фон Белов запомнил день? Может, это было 4 августа 1941 года, а не 3 августа того же года?

В то же время, по другим источникам, совещание высшего командного состава вермахта в Борисове с присутствием Гитлера произошло

4 августа 1941 года. Так, в книге Л.Безыменского «Германские генералы – с Гитлером и без него» говорится:

«Обеспокоенный положением дел, Гитлер отправляется на фронт к фон Боку. Маленький белорусский городок Борисов, в котором расположен штаб Бока, 4 августа заполняют автомашины со штандартами командующих армий и групп. Пред очи фюрера вызывают Гудериана, Гота. Из ставки прибывает неразлучная пара – Кейтель и Йодль. Браухича и Гальдера представляет начальник оперотдела генштаба полковник Хойзингер. Гитлер выслушивает доклады генералов, которые высказываются за немедленный (15–20 августа – Э.И.) марш на Москву. Но Гитлер отвечает им, что в настоящее время “важнее” Ленинград и Украина» [4, с. 175].

Известный английский историк Алан Кларк в своей книге «План “Барбаросса”. Крушение Третьего рейха. 1941–1945» отмечает:

«Третьего августа (1941 года – Э.И.) прибыл конвой СС, привезя с собой собственные штабные машины. И когда наконец приземлился самолет Гитлера, они сопровождали его в трехмильном пути от посадочной полосы до штаба пока конвой не остановился перед зданием штаба Бока, нельзя было узнать, в какой машине находится Гитлер. Во все время его пребывания ни один из молодых офицеров группы армий «Центр» не мог приблизиться к Гитлеру настолько, чтобы прицелиться в него, а тем более запустить в действие сложные планы «задержки и «суда», которые так долго вынашивали» [5, с. 108].

Мало кому известно, что во время посещения Гитлером штаба группы армий «Центр» 3-4 августа 1941 года его хотели похитить.

Так, Уильям Ширер сообщает:

«Когда Гитлер 4 августа 1941 г. посетил в Борисове командование группы армий «Центр, Тресков (офицер штаба группы армий «Центр», племянник командующего группой армий «Центр» фон Бока – Э.И.) и его личный адъютант решили действовать самостоятельно: они хотели схватить Гитлера во время его поездки с аэродрома в штаб-квартиру Бока. Но заговорщики были тогда еще дилетантами и не учли принятые меры по обеспечению безопасности Гитлера. Окруженный людьми своего эсэсовского полка личной охраны, он отказался воспользоваться автомашиной группы армий, выслав вперед свою собственную автоколонну, и таким образом лишил обоих офицеров даже случая приблизиться к нему. Из этого фиаско – а их явно было несколько – заговорщики-офицеры вермахта извлекли некоторые уроки. Первый: заполучить Гитлера в свои руки – дело непростое; его всегда хорошо охраняют. Другой: его захват или арест едва ли решит проблему. поскольку высшие генералы либо слишком трусливы, чтобы и дальше помогать оппозиции, либо им мешает делать это сбивающий их с толку конфликт с присягой на верность фюреру. Примерно к этому времени – к осени 1941 г. – некоторые молодые офицеры сухопутных войск. частично из запаса (такие, как, скажем, Шлабрендорф), преодолев внутреннее сопротивление, пришли к выводу: самое простое и, пожалуй, единственное решение – это убить Гитлера. Тогда, верно, и

самые колеблющиеся, связанные присягой лично фюреру генералы пойдут заодно с новым режимом и обеспечат ему поддержку сухопутных войск» [6, с. 247].

И, наконец, в нашем распоряжении имеется очень авторитетный источник. Среди секретных документов Гитлера и верховного командования вермахта сохранилась стенограмма «Беседы по случаю присутствия фюрера и верховного главнокомандующего вооруженными силами в штабе группы армий «Центр» 4 августа 1941 года» (здесь и далее курсив мой – Э.И.):

«Фюрера сопровождают генерал-фельдмаршал Кейтель. Генерал артиллерии Йодль и полковник службы генерального штаба Шмундт, генерал-фельдмаршала Бока сопровождают начальник штаба и начальник оперативного отдела штаба группы армий «Центр». Кроме того, присутствуют: начальник оперативного отдела главного командования сухопутных войск. а также командующий 2-й танковой группой генерал Гудериан и командующий 3-й танковой группой генерал Гот.

Генерал-фельдмаршал Бок докладывает обстановку на фронте группы армий «Центр» и обрисовывает положение с личным составом и материальным обеспечением.

Генерал-полковник Гудериан докладывает обстановку на фронте 2-й танковой группы, включая потребности восполнения потерь в офицерах, унтер-офицерах и солдатах, а также в технике. В случае подвоза необходимого числа новых двигателей можно на 70% восстановить боеспособность танков для ведения глубоких операций, а в случае подвоза только запасных частей – лишь для ведения ограниченных операций.

Генерал-полковник Гот докладывает обстановку на фронте 3-й танковой группы и особенно подчеркивает, что дальнейшие операции можно вести лишь с ограниченной целью, если не будут подвезены новые двигатели.

Фюрер: планы Англии определить в настоящее время невозможно. Ограничится ли британский противник тем, что будет продолжать свою войну на изнурение. Или же попытается высадить силы на Пиренейском полуострове либо в западной Африке? Для отражения таких попыток высадить десант, а также для других целей необходимо держать наготове высокоманевренные резервы. Для этого служат две танковые дивизии. находящиеся на родине, и вновь формирующиеся танковые соединения. На оснащение последних идет основная масса производимых двигателей. Несмотря на это, продумывается вопрос о том, чтобы отказаться в пользу удовлетворения потребностей Восточного фронта от месячной продукции в двигателях для вновь формирующихся соединений плюс 30% от числа двигателей, идущих для других целей. В результате можно было бы за один раз предоставить 400 новых двигателей для 2-й и 3-й танковых групп. Однако решение может быть принято лишь после решения ряда других вопросов.

Генерал-полковник Гудериан докладывает, что только для 2-й танковой группы требуется 300 новых двигателей.

Фюрер: для принятия решений о продолжении операций определяющим является задача лишить противника жизненно важных районов.

Первая достижимая цель – Ленинград и русское побережье Балтийского моря в связи с тем, что в этом районе имеется большое число промышленных предприятий. а в самом Ленинграде находит ся единственный завод по производству сверхтяжелых танков, а также в связи с необходимостью устранения русского флота на Балтийском море. Следует занять Эстонию и русские острова в Балтийском море. Фюрер рассчитывает, что эта цель будет достигнута к 20.8 путем сосредоточения сил группы армий «Север» западнее озера Ильмень и усиления авиации за счет соединений пикирующих бомбардировщиков авиационного корпуса Рихтгофена. После этого все находящиеся там авиационные силы и значительная часть войск группы армий «Север» будут переданы в распоряжение группы армий «Центр».

На юге обстановка развивалась в течение последних дней благоприятным образом. там впервые намечается уничтожение крупных сил противника. Противник сильно измотан также в результате е предшествующих операций группы армий «Юг», и его боеспособность нельзя назвать высокой. На основании цифровых данных периода мировой [первой] войны фюрер проводит следующий расчет.

Россия потеряла в мировой [первой] войне 1,5 млн. военнопленных (по немецким данным) и 5 млн. убитыми (по русским данным). Если, несмотря на донесения о больших потерях русских на всем Восточном фронте, взять за основу вышеприведенные сравнительные данные, то при наличии 900 тыс. пленных после шести недель боем получаем примерно 3 млн. убитых и раненых, причем число раненых следует считать весьма заниженным. Предполагается, таким образом, что в ближайшее время русская армия придет в такое состояние, что не сможет вести крупных операций, сохраняя целостность фронта. Большие потери противника подтверждаются тем, что в последнее время бросает в бой свои отборные пролетарские соединения, а также докладом генерал-полковника Гудериана о наступлении его армейской группы на Рославль. Там в ряде мест русские были смяты, а в отдельных местах они вообще не оказывали никакого сопротивления. Впечатление генерал-полковника Гудериана таково, что ему удался полный прорыв и что в данный момент путь на Восток за Рославлем свободен.

В целом операции на Восточном фронте развивались до сих пор более удачно, чем этого можно было ожидать, учитывая неожиданное большое число танков и самолетов, которое имели русские. Если бы фюрер был информирован об этом перед началом войны. то ему было бы значительно труднее принять решение о необходимости нападения.

Радостным крикам англичан, что, мол. Немецкое наступление остановилось. Следует противопоставить огромные расстояния, которые уже преодолены. Суточные переходы пехоты превосходят все, что было достигнуто до сих пор. Фюрер первоначально рассчитывал. Что войска группы армий «Центр» достигнут рубежа Днепр-Западная Двина и временно перейдут здесь к обороне.

Он предполагал, что группа армий «Север» к этому моменту еще меньше продвинется вперед. В этих условиях группа армий «Центр» должна передать обе танковые группы и часть пехотных дивизий группе армий «Север» и группе армий «Юг». В действительности же войска группы армий «Центр» продвинулись значительно дальше, а группа армий «Север» двигалась быстрее, нежели предполагалось. В результате этого сложилась новая обстановка, требующая нового ее осмысления.

На втором месте по важности для противника стоит юг России. в частности Донецкий бассейн. Начиная от района Харькова, там расположена вся база русской экономики. Овладение этим районом неизбежно привело бы к крушению всей экономики русских. Поэтому фюрер имеет в виду в первую очередь повернуть крупные силы группы армий «Центр» на юго-восток, тем более что уже невозможно своевременно осуществить поворот танковой группы Гота на северо-восток после смены ее войсками 9-й армии вследствие того, что она скована боями и ее необходимо пополнить.

Генерал-полковник Гудериан и Гот докладывают, что обе танковые группы в ближайшее время снова будут готовы к операциям, если смена произойдет 8.8. причем решение вопроса о том. какие это будут операции. глубокие или с ограниченными целями. Зависит от удовлетворения потребности в новых двигателях. Как срок готовности генерал-полковник Гудериан называет 15.8, а генерал-полковник Гот 18-20.8.

Фюрер: в соответствии с изложенным, район Москвы по своей важности для противника стоит лишь на третьем месте. Поэтому операция в юго-восточном направлении представляется первоочередной. В то время как на восточном направлении пока, очевидно, лучше избрать оборонительный способ действия. Доклады экспертов относительно времени года и метеорологических условий в России говорят, что операции в восточном направлении является первоочередной, так как период осенних дождей на юге России начинается обычно уже в середине сентября, а в районе Москвы, напротив, лишь в середине октября.

Как сказал фюрер, он «вкратце продумал также вопрос о том. перспективно ли наступление с ограниченными целями на фронте группы армий, обращенном в настоящее время к востоку.

Генерал-фельдмаршал фон Бок: отвечает, что такое наступление будет направлено против основных сил противника и может – так как противник бросил в настоящее время на этот фронт все, что только возможно – решить исход войны. Но надо ясно отдавать себе отчет, что такое наступление необходимо питать.

Фюрер воздерживается пока от принятия окончательного решения о продолжении операций (включая операцию в районе Гомеля). Независим от этого 2-я армия осуществит операцию в районе Рогачева, чтобы сократить линию фронта и высвободить силы» [7, с. 295–298].

Совещание в Борисове 4 августа 1941 года было связано с необходимостью принятия новых решений на проведение операций вермахта на Восточном фронте. Под Смоленском немецкие войска были вынуждены

перейти к обороне, но Гитлер искал пути достижения целей войны до наступления зимы. Предложенный главнокомандованию сухопутных войск план действий на северном и южном флангах Восточного фронта, по мнению Браухича, Гальдера и Бока, не был лучшим. В результате дискуссии планы ведения войны против СССР изменений не претерпели.

Есть все основания утверждать, что Адольф Гитлер прилетел в Борисов 3 августа во второй половине дня или вечером. Совещание же, скорее всего, началось 4 августа 1941 года утром.

В то же время мы не можем пренебрегать таким ценным источником, как собственноручные показания начальника личной охраны Гитлера группенфюрера СС и генерал-лейтенанта полиции Ганса Раттенхубера от 28 ноября 1945 года:

«...За исключением совместного вылета на фронт с Муссолини (в августе 1941 года – Э.И.), все остальные поездки Гитлера были проведены неожиданно и поэтому никакие подготовительные охранные мероприятия проведены не были, тем более, что Гитлер приезжал на фронт не больше, чем на несколько часов (курсив мой – Э.И.). По прибытии Гитлера местные органы СД немедленно принимали все необходимые меры по его охране...» [8, с. 84].

Дадим слово непосредственным участникам совещания в Борисове. Вот что вспоминал командующий 2-й танковой группой генерал Гудериан:

«Совещание с участием Гитлера происходило в городе Борисов, где находился штаб группы армий “Центр”. Присутствовали: Гитлер, Шмундт (полковник службы генерального штаба – Э.И.), фельдмаршал фон Бок, Гот (командующий 3-й танковой группой – Э.И.) и я, а также представитель ОКХ – начальник оперативного отдела полковник Хойзингер. Каждому участнику совещания предоставили возможность по очереди высказать свою точку зрения таким образом, что никто не знал, о чем говорил предыдущий участник совещания. Все генералы группы армий “Центр” высказались за то, чтобы продолжать наступление на Москву, имеющее решающее значение. Гот заявил, что его танковая группа может начать наступление не раньше, чем с 20 августа. Я заявил, что буду готов к 15 августа. Затем в присутствии всех участников совещания выступил Гитлер. Он заявил, что его первой целью является индустриальный район Ленинграда. Вопрос о том, наступать ли затем на Москву или на Украину, окончательно еще не был решен. Сам Гитлер был склонен начать с наступления на Украину...

Затем совещание перешло к разбору отдельных вопросов... В получении новых танков нам вообще было отказано, так как Гитлер предназначал все новые танки для новых танковых соединений, формирующихся в Германии. При обсуждении этого вопроса я указал Гитлеру на то обстоятельство, что русские имеют большое превосходство в танках, которое будет увеличиваться, если потери в танках у нас будут одинаковые. У Гитлера тогда вырвалась фраза: “Если бы я знал, что у русских действительно имеется такое количество танков, которое приводилось в вашей книге (речь идет о книге Г.Гудериана “Внимание, танки!”, выпущенной в

1937 году, – Э.И.), я бы, пожалуй, *не начинал эту войну*” (курсив мой – Э.И.)» [9, с. 172–173].

Генерал Гудериан забыл, что из ставки Гитлера «Вольфшанце» в Восточной Пруссии прибыла неразлучная пара-начальник штаба верховного главнокомандования вермахта генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель и начальник штаба оперативного руководства штаба верховного главнокомандования вермахта, один из главных советников Гитлера по оперативно-стратегическим вопросам генерал Альфред Йодль.

В воспоминаниях В.Кейтеля мы находим такие строки:

«Вскоре после первых победоносных сражений вновь возникли трения между Гитлером и главнокомандующим сухопутными войсками. Стратегически идея Гитлера отличалась от идеи ОКХ. В то время как оно всей концентрированной силой группы армий “Центр” преследовало цель захватить Москву и овладеть Валдайской возвышенностью, чере которую поддерживалась связь с Ленинградом, Гитлер желал остановиться на общей линии Одесса–Орел–Смоленск–Чудское озеро и, ослабив эту наиболее крупную группу армий за счет сокращения ее численного состава и танковых соединений, сначала посредством значительного усиления группы армий “Юг”, отобрать у противника Донецкий бассейн, нефтяные месторождения Майкопа и Краснодара, а действиями усиленной группы армий “Север” взять Ленинград и установить коммуникации с Финляндией...

Вопреки этому, ОКХ было убеждено в том, что ключом (к быстрому окончанию войны) служит его предложение. Фюрер отнюдь не был в этом уверен.

Он решил лететь в группу армий “Центр” (Борисов), куда приказал явиться командующим танковых групп Готу и Гудериану. Я сопровождал Гитлера и присутствовал на этом совещании с командующим группой армий “Центр” фон Боком и его танковыми генералами, которых фюрер первыми (во всяком случае, одного из них) хотел повернуть к обоим соседним группам армий. Однако он натолкнулся на их единый фронт отказа...» [10, с. 358–359].

Что же ответил Гитлер, выслушав своих генералов?

Он выступил перед ними с длинной речью, в которой дал подробную характеристику текущего момента. В начале этой речи Гитлер признался, что планы Англии в настоящее время определить невозможно. Фюрер обратился к своим слушателям со следующим вопросом: «Ограничится ли британский противник тем, что будет продолжать войну на изнурение, или же попытается высадить силы на Пиренейском полуострове либо в Западной Африке?»

Напомним практически дословно, что, отвечая на этот вопрос, Гитлер подчеркнул: «Для отражения таких попыток высадить десант, а также для других целей необходимо держать наготове высокоманевренные резервы. Для этого служат две танковые дивизии, находящиеся на родине, и вновь формирующиеся танковые соединения. На оснащение последних идет масса производимых двигателей. Несмотря на это, продумывается

вопрос о том, чтобы отказаться в пользу удовлетворения потребностей Восточного фронта от месячной продукции в двигателях для вновь формирующихся соединений плюс 30 процентов от числа двигателей, идущих для других целей. В результате можно было бы за один раз предоставить 400 новых двигателей для 2-й и 3-й танковых групп. Однако решение может быть принято лишь после решения ряда других вопросов».

Присутствующие на совещании немецкие военачальники с нетерпением ждали, когда верховный главнокомандующий войсками вермахта перейдет к оценке боевых действий на Восточном фронте. Особенно их волновал следующий вопрос: поддержит ли фюрер их план предстоящего наступления на Москву.

Первые же слова Гитлер по этой проблеме разочаровали как генерал-фельдмаршала Бока, так и генерал-полковников Гудериана и Гота. Что же конкретно сказал фюрер?

Отметив, что для принятия решений о продолжении операций определяющей является задача лишить противника жизненно важных районов, Гитлер подчеркнул: «Первая достижимая цель-Ленинград и русское побережье Балтийского моря в связи с тем, что в этом районе имеется большое число промышленных предприятий, а в самом Ленинграде находится единственный завод по производству сверхтяжелых танков, а также в связи с необходимостью устранения русского флота на Балтике. Следует занять Эстонию и русский острова в Балтийском море...После этого все находящиеся там авиационные силы и значительная часть группы армий “Север” будут переданы в распоряжение группы армий “Центр”».

Главнокомандующий вооруженными силами Германии важное место в своей речи уделил необходимости быстрее захвата Украины. По мнению Гитлер, на втором месте по важности для противника стоит юг России, в частности Донецкий бассейн, начиная от района Харькова. Там расположена вся база русской экономики. Овладение этим районом неизбежно привело бы к крушению всей экономики русских. Поэтому Гитлер предложил повернуть крупные силы группы армий “Центр” на юго-восток.

В конце своей речи фюрер пришел к неожиданному для всех присутствующих выводу. Он сказал: «В соответствии с изложенным район Москвы по своей важности для противника стоит лишь на третьем месте. Поэтому операция в юго-восточном направлении представляется первоочередной, в то время как на восточном направлении пока, очевидно, лучше избрать оборонительный способ действия».

Следует заметить, что Гитлер воздержался от принятия окончательного решения о продолжении операций (включая операцию в районе Гомеля). Независимо от этого, считал он, 2-ая армия осуществит операцию в районе Рогачева, чтобы сократить линию фронта и высвободить силы.

После совещания в Борисове 4 августа 1941 года полковник Хойзингер сделал доклад о нем своему непосредственному начальнику – начальнику генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковнику Гальдеру и другим ответственным работникам генштаба.

По мнению Хойзингера, выводы фюрера содержали: 1) обоснование причин, по которым он задерживает поставку войскам танков; 2) уже известную точку зрения фюрера в отношении характера продолжения операций (он придает особое значение Ленинграду, а также захвату южных районов-уголь, железо, уничтожение воздушной базы противника в Крыму; овладению Москвой фюрер не придает никакого значения).

К сожалению, у нас нет полных записей бесед Гитлера с представителями германского генералитета в Борисове в августе 1941 года, но есть основания полагать, что он был серьезно обеспокоен силой сопротивления Красной Армии, однако никогда не признался бы в этом профессиональным солдатам. Тень Наполеона витала над головой Гитлера, как и над каждым немецким офицером на восточном фронте, и главнокомандующий войсками вермахта был исполнен решимости не поддаваться искушению начать марш на Москву, пока не создаст (как он считал) надежные стратегические предпосылки.

И еще. Именно в Борисове на совещании с Боком Гитлер разрабатывал свой неслыханный по варварству план уничтожения столицы Советского Союза. Адъютант начальника оперативного отдела штаба Бока Фабиан фон Шлабрендорф сохранил в своих записях содержание беседы Гитлера с Боком в Борисове. "Гитлер. – пишет Шлабрендорф, – обсудил свой план захвата Москвы. В этот город не должен вступить ни один немецкий солдат. Москву следует окружить так, чтобы из нее не вышли ни русские солдаты, ни гражданское население. Будут приняты меры для того, чтобы затопить Москву и ее окрестности... Там, где сегодня Москва, возникнет огромное озеро, которое навсегда скроет столицу русского народа".

ГИТЛЕР В БРЕСТСКОЙ КРЕПОСТИ.

Пятьдесят семь лет тому назад, в 1966 году на экраны вышел документальный фильм Михаила Ромма "Обыкновенный фашизм". В нём есть уникальные кадры немецкой кинохроники: Гитлер вместе с Муссолини на развалинах Брестской крепости. Но сразу же встает вопрос: когда это было и в связи с какими обстоятельствами?

В 1989–1990-х годах автором этих строк была изучена большая литература на русском, белорусском, немецком и английском языках, материалы периодической печати, разнообразные источники, в том числе белорусские националистические издания, выходившие в Белоруссии и Берлине в годы Великой Отечественной войны. Были просмотрены уникальные материалы, находящиеся в Национальном архиве Республики Беларусь, Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны, Белорусском государственном музее кинофотофонодокументов.

Так, в 1967 году в Минске в издательстве "Беларусь" вышла книга В. Михайлова и В. Романовского "Нельзя простить", в которой приведены два кадра немецкой кинохроники о пребывании Гитлера и Муссолини в Брестской крепости. Но конкретно о времени их пребывания там написано расплывчато: "лето 1941 года". Но ведь лето-это июнь, июль, август. Когда же Гитлер и Муссолини были в Бресте?

Я сразу же исключил июнь и две декады июля, когда в Брестской крепости еще шли бои. По моим расчетам получалось, что Гитлер мог быть в Брестской крепости с 20-х чисел июля до конца августа 1941 года.

Внимательно изучаю мемуары немецких генералов. Передо мной первая книга третьего тома «Военного дневника» начальника Генерального штаба сухопутных войск фашистской Германии генерал-полковника Франца Гальдера. Ищу сообщения, связанные с Муссолини. В записях за 20 августа 1941 года есть такие строки: «Генерал Герке докладывает по вопросу, связанному с визитом Муссолини... Генерал Вагнер... Ведется подготовка к визиту Муссолини». Наконец, в записях за 25 августа 1941 года нахожу то, что искал: “.15–18.30 – визит дуче (Муссолини). Он прибыл в штаб-квартиру ОКХ в качестве личного гостя фюрера. Ему была организована встреча на вокзале» [11, с. 303–304].

В заключение у главкома (главнокомандующего сухопутными войсками вермахта генерал-фельдмаршала Вальтера фон Браухича – Э.И.), состоялся чай. Муссолини посетил оперативную комнату оперативного отдела. Начальник связи сделал ему доклад.

Возникает вопрос: где находилась штаб-квартира ОКХ? Там же, где и Ставка Гитлера-в Восточной Пруссии.

Верховное командование во главе с Гитлером в начале Великой Отечественной войны переехало из Берлина в новую Ставку. Эта Ставка была построена специально для руководства операциями против Советского Союза. Она находилась в Восточной Пруссии, недалеко от города Раценбург, рядом с системой Мазурских озер.

В Ставке было несколько зон. Одну из таких зон занимал ОКВ (штаб Верховного главнокомандования вермахта). Неподалеку, под городом Ангербургом, в таких же помещениях располагался Генеральный штаб сухопутных войск (ОКХ) во главе с Гальдером и штаб Люфтваффе (военно-воздушных сил).

Если первые недели войны Гитлер был убежден, что вермахт сам быстро разобьет Красную Армию, то к концу августа его взгляды изменились. Он начал сознавать, что нельзя победить на Востоке без помощи союзников-Италии, Румынии, Венгрии, Финляндии и других стран.

В свою очередь диктатору Италии Бенито Муссолини хотелось вместе с Гитлером диктовать свою волю побежденным народам. Он мечтал о возрождении Римской империи, называл себя потомком Юлия Цезаря. “Наша империя навсегда потеряна, путь к ее восстановлению идет через Советский Союз. Мне нужно несколько тысяч мертвых, чтобы сесть за стол победителей”, – запальчиво восклицал дуче. И вот он уже фотографируется с фюрером на развалинах Брестской крепости.

Гитлер и Муссолини в Брестской крепости. Но когда это было? Как отмечается в третьем томе «Истории Италии» (М., 1971), в августе 1941 года Муссолини вместе с Гитлером осмотрели развалины Брестской крепости, а затем они приняли парад итальянских частей в районе Умани.

Уже известно, что Гитлер и Муссолини посетили Восточный фронт после 25 августа 1941 года. Просматриваю сотни белорусских националистических газет и журналов периода 1941–1944 годов. Передо мной “Раніца. Беларуская газета у Нямеччыне”, которая выходила в Берлине три раза в месяц. На первой странице номера за 10 сентября 1941 года помещена фотография Гитлера вместе с Муссолини со следующей надписью: «Нямецкія жаўнеры горача вітаюць Гітлера і Мусаліні, адведаўшага Усходні фронт. У часе гэтых адведзінаў былі абгавораны ваенныя і палітычныя справы» [12, с. 1].

Чтобы установить точную дату пребывания Гитлера и Муссолини в Брестской крепости, я решил обратиться в мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой» к тогдашнему его директору Павлу Нестеровичу Панасюку. В ответном письме он сообщил, что приезд Гитлера и Муссолини в Брестской крепости датируется 26 августа 1941 года, что полностью совпало с результатами моих исследований. После этого они отправились под Ленинград, в штаб группы армий «Север».

Кадры немецкой кинохроники запечатлели Гитлера и Муссолини на выставке боевой техники на фоне Тереспольских ворот Брестской крепости. Их гидом стал фельдмаршал фон Клюге.

«Мы никак не ожидали, – рассказывал он, увлекая гостей в руины Брестской крепости, – что именно здесь, возле границы, русские задержат вермахт почти на целый месяц. Форсировав Буг, танки рванулись вперед, но вскоре пришлось отозвать их обратно-в помощь инфантерии. Из Германии на особых платформах вывезли шестимиллиметровые пушки, чтобы они похоронили русский гарнизон в развалинах этой крепости...»

В 1991 году в издательстве «Беларусь» вышел в свет фотоальбом Владимира Шнаревича «Я-крепость, веду бой...», в котором помещены снимки о пребывании Гитлера и Муссолини в Брестской крепости. Эти кадры есть в документальном фильме «Восточный фронт сражается» (производство «Беларусьфильм», 1989 г.).

Последним, незаконченным романом писателя Виктора Пикуля стал роман-размышление «Барбаросса». В нем есть такие строки:

«24 августа (в действительности, 26 августа 1941 года – Э.И.) Муссолини встретился с фюрером в Бресте, где была расположена личная ставка Германа Геринга... [13, с. 175]

Два диктатора, дуче и фюрер, запечатлели нерушимый союз на фоне развалин Бреста множеством фотоснимков, что весьма льстило тщеславному Муссолини...» [13, с. 198-199].

В 1999 году вышла фундаментальная монография «Муссолини». Её автор – Джаспер Ридли отмечает: «В конце августа (речь идет о 1941 годе – Э.И.)... Гитлер пригласил Муссолини на четырехмоторном самолете “Кондор” посетить ставку фельдмаршала Гюнтера фон Клюге и фельдмаршала Альберта Кессельринга под Брестом» [14, с. 395].

Данные разнообразных источников свидетельствуют, что В.Пикуль ошибался. Посещение Гитлером и Муссолини Брестской крепости произошло 26 августа 1941 года, а не 24 августа 1941 года.

Как же проходил этот полет?

Ответ на этот вопрос мы найдем в мемуарах личного пилота Гитлера Ганса Баура:

«Гитлер пригласил Муссолини посетить вместе с ним Брест-Литовск. Помимо всего прочего дуче должен был стать свидетелем применения на практике германской гаубицы калибра 60 сантиметров. К полету в Брест-Литовск было подобрано несколько Ju-52. Вскоре после вылета с Гитлером и Муссолини на борту я заметил, что центральный двигатель теряет большое количество масла. Маслом густо заляпало лобовое стекло. Что мешало обзору. А кроме того, струйка масла текла по корпусу самолета. я пребывал в нерешительности: стоит ли мне повернуть обратно или продолжать полет? В конце концов я заглушил этот двигатель и долетел до Бреста, до которого оставалось не столь уж и большое расстояние. Там Гитлера и Муссолини приветствовало большое число высших офицеров. так что они не обратили никакого внимания на самолет. Только адъютант Гитлера Брукнер спросил меня: «Баур, в чем дело? Иллюминаторы становились все более и более мутными, пока через них уже вообще ничего нельзя было разглядеть!» Я пояснил ему, в чем дело. Действительно, наш самолет напоминал сардину, залитую маслом. Однако к тому времени, когда предстояло отправляться в обратный полет, все было исправлено. После короткого обеда колонна автомобилей отправилась в Брест. Гитлер осмотрел новые германские гаубицы, которые использовались для обстрела Брестской крепости. Он описал Муссолини эффективность этого могучего оружия и ужасающие последствия его применения для гарнизона, для которого начало обстрела стало полной неожиданностью. По словам Гитлера, много солдат противника погибло еще в казармах. Поскольку ударная волна была настолько мощной, что у них просто лопнули легкие. Муссолини также поинтересовался тем, какие последствия имели взрывы для стен крепости.

Тем временем Цинтль, мой бортинженер, размышлял о причине столь значительного расхода масла. Оказалось, что причина была не в трубках системы подачи топлива, а в том, что у масляного насоса вылетела прокладка. Ее заменили, и проблема была решена. После этого самолет как следует отмыли. Наш надежный «Юнкерс» снова выглядел как новенький, когда пассажиры вернулись к нему» [15, с. 247–248].

В начале 1993 года «Военно-исторический журнал» опубликовал очень интересный и важный документ – «Собственноручные показания начальника личной охраны Гитлера группенфюрера СС и генерал-лейтенанта полиции Раттенхубера Ганса от 28 ноября 1945 г.». Вот что свидетельствовал главный телохранитель фюрера в разделе «Охрана Гитлера во время его выездов за границу и на фронт»:

«В отношении поездок Гитлера на фронт могу показать следующее:

Во время войны с Советским Союзом в 1941–1942 гг. Гитлер вылетал в г. Брест и Умань, в районы городов Риги и Минска, в Мариуполь к фельдмаршалу Клейсту, в Полтаву, к фельдмаршалу Рейхенау и в Смоленск к фельдмаршалу Клюге.

В 1943 г. Гитлер вылетал в Запорожье к фельдмаршалу фон Манштейну и вторично посетил фельдмаршала Клюге в Смоленске. ...Гитлер и Муссолини посетили в Брест-Литовске только крепость. За время посещения крепость была окружена «батальоном сопровождения фюрера и закрыта для проникновения туда военнослужащих и гражданских лиц.

Я уже указывал, что Гитлер и Муссолини ездили каждый в своем отдельном спецпоезде. Полеты в Брест и Умань также совершались в разных самолетах, ибо по этому поводу имелось специальное указание Гитлера.

Пилотом для Муссолини Гитлер назначил своего шеф-пилота генерал-лейтенанта Баура, а самолет Гитлера вел полковник Дольди.

Во время автомобильных поездок Гитлер и Муссолини сидели в кузове вместе. Рядом с шофером Кемпкой обычно сидел в той же машине адъютант Шауб или Шмидт» [8, с. 84–87].

Во время посещения Гитлером и Муссолини Брестской крепости 26 августа 1941 года фюрера сопровождали рейхсмаршал Герман Геринг, рейхсминистр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп и командующий вторым воздушным флотом генерал-фельдмаршал Альберт Кессельринг.

Источники и литература

1. Бок Ф. фон. Дневники. 1939–1945 гг. – Смоленск: Русич, 2006 – 592 с.
2. Проэктор Д.М. Агрессия и катастрофа. – М: Наука, 1972 – 762 с.
3. Nicolaus V. Below. Als Hitlers Adjutant. 1937–1945. – Mainz, 1980.
4. Безыменский Л.А. Германские генералы – с Гитлером и без него. – М., Соцэкгиз, 1961 – 400 с.
5. Кларк А. План «Барбаросса». Крушение Третьего рейха. 1941–1945. – М; Центрполиграф, 2002 – 358 с.
6. Вилль Б. 42 покушения на Гитлера. – Смоленск; Русич, 2003 – 352 с.
7. Дашичев В.И. Стратегия Гитлера – путь к катастрофе. 1933–1945: ист. очерки, документы и материалы. В 4-х т. Т.3. – М.: Наука, 2005 – 606 с.
8. «Военно-исторический журнал». – 1993. – №1. – С.84–88.
9. Гудериан Г. Воспоминания солдата. – Ростов-на-Дону: изд-во «Феникс», 1998 – 544 с.
10. Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР. Секретные речи. Дневники. воспоминания. Смоленск: «Русич», 2000 – 640 с.
11. Гальдер Ф. Военный дневник. Том 3. В двух книгах. Книга первая (2.6.1941–30.9. 1941). Пер. с нем. – М..Воениздат – 408 с.
12. Раница. Беларуская газета у Нямеччыне. – 1941. – 10 верасня (сентября). – С. 1.
13. Пикуль В. Барбаросса. Роман-размышление. – М.: АСТ: Вече, 2005 – 573 с.
14. Ридли Д. Муссолини. – М: АСТ, 1999 – 448 с.
15. Баур Г. Личный пилот Гитлера, Воспоминания обергруппенфюрера СС. – М. ЗАО Центрполиграф, 2006 – 399 с.

Г. ХИЛЬГЕР О ВОЕННОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ ГЕРМАНИИ И СОВЕТСКОЙ РОССИИ (СССР) В 1920–1930 ГГ.

В.А. Космач, г. Витебск (Республика Беларусь)

Статья посвящена, военному и военно-техническому сотрудничеству Берлина и Москвы в межвоенный период (1919–1939 гг.), когда Германия СССР в силу сложившихся внешнеполитических обстоятельств и геополитике великих держав в Европе стали тесно сотрудничать в военной области в духе Рапалльского, Московского и Берлинского договоров 1920-х гг. Написана на основе книги Г. Хильгера и А. Майера «Россия и Германия союзники или враги?» [11].

Ключевые слова: СССР, Германия, рейхсвер, Красная Армия, договор, военное сотрудничество, военно-технические связи, дипломатия.

Введение. После поражения в Первой мировой войне Германия в европейской политике и международных отношениях оказалась в ситуации неблагоприятной, в изоляции и положение изгоя. Не лучшая обстановка складывалась вокруг Советской России. Всё это вынудило Берлин и Москву подписать договор в Рапалло в апреле 1922 г. во время работы международной конференции в Генуе. После этого между Германией и Советской Россией, а затем СССР начались интенсивные военные и военно-технические контакты, принесшие выгоду обеим сторонам. Начинались они, как дипломатические и торговые связи, ещё в 1917–1919 гг. Германский дипломат и советник германского посольства в Москве Густав Хильгер был не только свидетелем, но и одним из участников и творцов германо-советского сотрудничества во всех областях, в том числе в военной, на протяжении всех лет «рапалльской политики», до и после Рапалло, а также в 1930-е годы.

Материалы и методы. Цель данной статьи состоит в том, чтобы показать ключевые моменты германо-советского сотрудничества в военной области, но не путём пересказывания уже, написанного немецкими, советскими, российскими и белорусскими историками [1–9; 10; 12; 13], а отразить их через их видения и оценку в работе известного германского дипломата и советника германского посольства в Москве в 1923–1941 гг. Густава Хильгера, написавшего совместно с немецким историком Альфредом Майером книгу «Несовместимые союзники», которая увидела свет и нашла своего читателя на русском языке 2008 г. под названием «Россия и Германия союзники или враги?» [11].

Историко-описательный и историко-сравнительный методы положено в основу написания данной статьи.

Результаты и их обсуждение. Густав Хильгер родился в Москве, где провел большую часть жизни. Его прапрадед еще в 1830-е годы, спасаясь от экономического кризиса, перебрался в Россию и построил текстильную фабрику на Клязьме. Когда дела пошли лучше, Хильгеры создали преуспевающую торговую компанию, московским отделением которой

руководил отец нашего героя. Густав окончил немецкую гимназию в Москве, где преподавание велось на немецком языке, но в соответствии с принятыми в России учебными курсами: «Киевская Русь, Иван Великий и Пугачев были для меня более реальны и более знакомы, нежели Священная Римская империя, Карл V или крестьянская война в Германии. Русские классики Грибоедов, Пушкин, Гоголь, Толстой, по меньшей мере, так же близки мне, как Гёте, Гейне и Шиллер. Оглядываясь на годы взросления, я отчетливо вижу, что, в зависимости от тех или иных воздействий, я нередко разрывался между русской и германской культурами. В конце концов, германское влияние победило, но не ошибусь, сказав, что у меня всегда было две родины – Германия и Россия. Я привязан к обоим любовью и ностальгией». Стоит ли добавлять, что он был совершенно двуязычен – не только лингвистически, но во многом и ментально [7, с. 194–195].

Получив высшее техническое образование в Дармштадте, Хильгер собирался уехать в Америку, но крупный германский промышленник, также родившийся в России, переманил его обратно. В 1910 г. Густав вернулся в Москву и через два года женился на дочери промышленника Марии, которая стала верной спутницей всей его жизни. Идиллию семейной и деловой жизни грубо прервала мировая война: Хильгер был арестован и после нескольких месяцев в тюрьме депортирован в отдаленную деревню Вологодской губернии, выбраться из которой смог только после Февральской революции. Знание русского языка и русских нравов сделало его одним из основных ходатаев по делам немцев перед местными властями; после революции он неофициально, а после Брестского мира и официально возглавлял различные комиссии по помощи и репатриации военнопленных. После разрыва дипломатических отношений в ноябре 1918 г. Хильгер уехал в Германию, но уже летом 1920 г. вернулся в Москву, где вскоре стал официальным представителем германского Красного Креста и принимал непосредственное участие в борьбе с голодом и эпидемиями, сам чуть не став жертвой одной из них. При отсутствии дипломатических и консульских отношений между странами Хильгер на деле был главным представителем Веймарской республики в Советской России, на свой страх и риск решая вопросы, от которых нередко зависела жизнь его соотечественников. Позже он вспоминал это время как самое счастливое в своей жизни [7, с. 195].

В 1922 г. он снова задумался о возвращении на историческую родину, откуда ему поступали заманчивые деловые предложения. Однако назначенный после Рапалльского договора посол граф Ранцау уговорил его остаться. Для развития советско-германских отношений в 1920-е годы Ранцау сделал не меньше, чем Гото для советско-японских, – во многом благодаря нашему герою. В январе 1923 г. Хильгер поступил на дипломатическую службу, получив ранг советника и должность начальника экономического отдела посольства с прямым подчинением послу. Техническое образование и опыт в сфере бизнеса делали его наиболее подходящей кандидатурой, но уникальное знание России и умение ладить

с большевиками повышали ценность и значение Хильгера во сто крат. Послы менялись – он оставался на своем посту в качестве главного консультанта по русским делам и главного канала связи с русскими во всех ведомствах и на всех уровнях. В том числе полуофициально, как в случае Радека.

Хильгер имел все основания не любить большевиков, лишивших его семью и семью его тестя собственности и превративших его родственников в беженцев. Однако он не считал их власть однодневкой или «временным явлением». «Всерьез и надолго», – часто цитировал он известную фразу Ленина про нэп. Не обольщаясь насчет истинных мотивов и намерений «красных» в отношении «капиталистического окружения», он считал необходимым выстраивать долгосрочные отношения с ними и влиять в этом направлении на сильных мира сего. Но таких возможностей с каждым годом становилось все меньше. К концу тридцатых Хильгер фактически превратился в переводчика. Правда, не простого: он переводил беседы Риббентропа со Сталиным в Кремле и Молотова с Гитлером в рейхсканцелярии, не говоря уже о регулярных визитах посла в НКВД. Так что где пишется «Шуленбург», надо читать «Шуленбург и Хильгер» [7, с. 196].

Прежде чем говорить о советско-германском сотрудничестве 1920–1930-е годы, Густав Хильгер указывает на то, что по данному вопросу в Берлине среди политической и военной элиты существовали глубокие разногласия, в том числе между начальником генштаба рейхсвера генералом Хансом фон Сектом и послом Германии в Советской России и СССР графом У фон Брокдорф-Ранцау [11, с. 116–119].

Г. Хильгер пишет, что можно предполагать, что Ранцау подозревал о существовании секретной сделки между рейхсвером Секта и Красной армией; слухи о том, что договор в Рапалло содержал тайные военные параграфы, широко обсуждались в Германии, и, даже если Ранцау не придавал им значения, он полагал, что этот договор способствовал поддержанию таких вредных слухов. В июле 1922 года Ранцау написал пространную памятную записку президенту и канцлеру, в которой предупреждал даже против подобия военных договоров с советским правительством, поскольку такие соглашения могли бы нанести серьезный ущерб всяким оставшимся надеждам на сближение с Западом и могли бы подтолкнуть Англию и Францию к созданию единого фронта против Германии. Естественные опасения Англии в отношении Франции, полагал Ранцау, могут быстрее и надежнее привести к перевооружению Германии, чем сделка с советским режимом. От военных соглашений могут выиграть лишь Советы, ибо эти договоры бросят Германию прямо в советские руки. Во-первых, Россия может в любой момент обнародовать существование этих секретных отношений и тем самым дискредитировать Германию, во-вторых, она может втянуть Германию в безнадежную войну с Западом, если Красная армия вторгнется в Польшу. А если советские войска окажутся потом в Германии, они это сделают не для того, чтобы освободить ее от Антанты, а чтобы «перенести границы Азии аж до Рейна». Меморандум заканчивается увещанием подождать развития событий в России, а тем временем искать дружбу с Англией.

В известной мере это нетипичное изложение его взглядов на германо-советскую политику, потому что здесь Ранцау выразил лишь одни сомнения и оговорки, которые хранил против договора в Рапалло. И это при том, что он с готовностью соглашался, что этот договор явился блестящим ходом; а после своего назначения Ранцау не щадил себя, работая на укрепление отношений согласно договору в Рапалло.

Эта памятная записка была передана фон Секту 9 сентября 1922 года. Через два дня Сект вручил канцлеру свой ответ, написанный в воинствующем, агрессивном тоне.

Генерал заявил в упор, что Германия должна проводить активную внешнюю политику, содержащую в себе цель и твердую волю, и нанес быстрый удар по Ранцау, сказав, что «лица, которые видят одни лишь опасности... должны держаться подальше от сцены» политических действий, как непригодные для того, чтобы делать политику. Германии нужен Талейран или Троцкий, предположил Сект.

Возражая против требования Ранцау выхолостить договор Рапалло, убрав из него политический смысл и сведя договор к узкоэкономическому применению, Сект подчеркнул политическое значение договора. Комбинация с Россией, заявил он, стала первым и практически единственным выигрышем в силе и престиже, которого добилась Германия после Версаля. «Есть, – продолжал Сект, – политики, которые боятся завоеваний в активной политике Германии, когда они видят опасность в новых и более сильных контрмерах со стороны западных врагов. Такая ситуация ставит перед ними вопрос выбора западной ориентации против восточной, вопрос, которого они хотели бы избежать. Но фактически этот вопрос вообще не возникал». Затем генерал продолжает объяснять, почему, по его мнению, альянс с Советской Россией был бы единственным средством для усиления Германии. Политика выполнения условий Версаля безнадежна, потому что Франция, как считает Сект, склонна к уничтожению Германии. И умиротворить ее невозможно. Англия, утверждал он, смещается к конфликту с Францией, и независимо от того, войдет Германия в союз с Советской Россией или нет, она будет естественным континентальным союзником Англии. В принципе чем более сильной обнаружит Англия Германию, тем больше ее будет притягивать к Германии. Для фон Секта Польша не является узлом всех проблем на Востоке. Ее дальнейшее существование не может быть оправдано, полагает Сект, считая само собой разумеющимися неизбежность и желательность четвертого раздела Польши.

Нанося еще один укол графу, фон Сект заявил, что всякий, рассматривающий договор в Рапалло как ошибку, непригоден для работы на посту посла в Москве. Укрепляя Россию, своего потенциального будущего союзника, Германия усилит саму себя, писал он; и указывал, что процесс укрепления должен включать в себя и военное сотрудничество. Германия, говорил Сект в заключение, не должна погружаться в нереалистичские грезы, что останется в стороне от возможных будущих конфликтов» [11, с. 116–118].

Г. Хильгер отмечает, что толчком к Германо-советскому военному сотрудничеству послужили события 11 февраля 1919 г., когда «германская полиция арестовала Карла Радека, бывшего одним из советских эмиссаров, участвовавших в провалившемся коммунистическом восстании, известном как «восстание «Спартак». Радека бросили в тюрьму в Берлине и поначалу весьма грубо с ним обращались (как он излагал эту историю спустя несколько лет). Однако постепенно его тюремщики стали вежливее. С него сняли кандалы, его перевели в камеру получше, и ему даже разрешили получать немецкие и иностранные газеты» [11, с. 233].

«Скоро, отмечал далее Г. Хильгер, Радека в тюрьме перевели в комфортабельную камеру; а после того, как ему разрешили принимать посетителей (разрешения на его посещение давали в военном министерстве), его жилище превратилось в политический салон, куда молодые коммунистические лидеры приходили за советом, государственные деятели – чтобы озвучить свои взгляды, а офицеры – чтобы установить контакт и поговорить о возможном военном сотрудничестве, особенно против Польши. После выхода из тюрьмы Радек какое-то время жил на квартире одного из этих офицеров – барона Ойгена фон Райбница, который много лет спустя сообщил, что между ним и Радеком были достигнуты определенные договоренности о новом разделе Польши. Взятие Красной Армией Варшавы должно было стать сигналом для германского «Фрайкорпса» (Добровольческий корпус; были и другие добровольческие объединения, состоявшие в основном из фронтовиков) к движению к новым границам.

Похоже, что фон Райбниц и еще один из посетителей Радека, полковник Макс Бауэр, были оба тесно связаны с генералом Людендорфом. Как и их начальник, они не придерживались мнения, типичного для военных людей Германии тех дней. В первые месяцы после революции среди германских генералов, видимо, господствовала надежда, что они могут стать нужными для Англии и Франции, сражаясь с большевизмом. Эта надежда могла еще связываться с давними амбициями расширения на Восток, наиболее радикальным выражением которых может являться меморандум, сочиненный генералом фон Сектом, возможно, в 1915 году [11, с. 234–235].

В примечаниях к книге Г. Хильгера и А. Мейера отмечено, что видимо «генерал Ганс фон Сект не всегда выступал за военное сотрудничество между Германией и Россией. Его политика сотрудничества была следствием поражения Германии и непримиримого отношения к ней западных союзников в Версале. До этого времени генералом, похоже, владели несколько иные идеи.

Среди объемистых трудов генерала фон Секта, находящихся ныне в Национальном архиве Соединенных Штатов, присутствует меморандум, написанный генералом собственноручно. Согласно замечанию, сделанному карандашом (скорее всего, добавленному генералом фон Рабенау, официальным биографом фон Секта), этот меморандум, возможно, был составлен в 1915 году. Здесь он публикуется впервые.

Невозможно установить, были ли цели войны, выраженные в этом меморандуме, теми самими, с которыми фон Сект выступал в 1915 году, или

он просто скопировал чьи-то чужие идеи. Однако наверняка фон Сект был, по крайней мере, не чужд симпатий к ним, даже несмотря на то, что мог бы изложить их в менее радикальной форме. И даже в этом случае эти идеи заслуживают быть опубликованными как типичное выражение традиционных устремлений, разбушевавшихся в военное время. Меморандум гласит:

«Сепаратный мир с Францией и Бельгией на основе предшествовавшего статус-кво. Затем все силы бросить против России. Завоевание 10 тысяч квадратных миль, высылка населения, за исключением, естественно, немецкого. В России для него много места, особенно в великолепной Южной Сибири.

Немецкому народу нужны великие задачи. Но мы не должны рассеиваться по всему миру, а нам надо сосредоточить свои усилия в Европе. Форма: Восточная марка – Австрия времен Бабенбергов: королевство при Фридрихе Эйтеле. Свободное распределение обширных земельных пространств миллионам или более ветеранов, желающих стать колонизаторами; чем выше ранг, тем больше земли. При столкновении с [людской] жадностью это приведет к тому, что сразу же рухнет сопротивление со стороны социал-демократии и центра. Когда там будет, скажем, к 2000 году 200 миллионов здоровых и в основном немецких людей на 200 тысячах квадратных миль земли, мы сможем, по крайней мере, чувствовать себя хоть в относительной безопасности от того, что огромная Россия сможет когда-нибудь родить еще одного Петра Великого. Уже Скобелев был опасен. (Внезапная смерть блестящего генерала М.Д. Скобелева (1843–1882), не дожившего до 39 лет, скорее всего, дело германских агентов (отравление – в компании девиц легкого поведения).

Эта война, вероятно, будет стоить нам миллиона человек, и среди них будут самые лучшие. (К началу января у нас в общей сложности было убито 150 тысяч человек, 550 тысяч ранено, из них 225 тысяч тяжело, 325 тысяч – легко, а 150 тысяч пропало без вести.) Что будет значить по сравнению с этим – выслать 20 миллионов человек, среди которых множество еврейского сброда, поляков, Мазуров, литовцев, латышей, эстонцев и т. п.?

У нас есть сила для того, чтобы сделать это; и мы брошены в такие условия, которые в смысле кровопролития и уничтожения оставляют далеко позади эпоху переселения народов; отсюда давайте и вести себя соответственно обычаям эпохи переселения народов.

Наш союзник (то есть Австро-Венгрия), если хочет, может получить свою долю добычи в Волыни и Подолии.

России придется смириться с утратой земли, особенно если мы прикроем ее тыл для дальнейших экспансий в Азию.

В любом случае мне кажется, что легче выслать 20 миллионов русских, чем вытерпеть 7,5 миллиона бельгийцев.

Если России суждено победить в войне, она отберет у нас, по крайней мере, Восточную Пруссию и Западную Пруссию на правом берегу Вислы, то есть примерно одну десятую территории и одну двенадцатую часть населения Германского рейха.

Если, таким образом, весь избыток германской энергии сконцентрировать на три поколения на колонизации Востока, тогда также становится возможным мир с Англией на базе статус-кво, потому что в предсказуемом будущем у нас не будет столкновения интересов, Но если Англия желает чего-то другого, тогда наш флот-достаточно силен, чтобы продолжать эту войну до бесконечности.

Если нам впоследствии понадобятся новые колонии, мы их завоюем. Но в 2000 году этот вопрос вряд ли будет стоять между Германией и Англией, я, скорее, между Европой, Азией и Америкой» [11, с. 235–236].

Но еще до Версаля, пишут далее Г. Хильгер и А. Мейер, более влиятельные элементы среди военных обратились к идее сотрудничества с Советской Россией. Первая попытка генерала фон Секта наладить контакты с русскими была, похоже, сделана в апреле 1919 года. В то время генерал помог своему хорошему другу Энвер-паше (1881–1922) перейти санитарный кордон и добраться до советской территории. Турецкий революционер, националист, офицер и яростный враг британского империализма (а также в период Первой мировой войны фактически главнокомандующий турецкой армией, формально им был султан) Энвер-паша познакомился с генералом во время войны; после поражения Турции он бежал в Германию и находился в тесном контакте со своим другом фон Сектом; а теперь ему предоставили аэроплан, на котором он вылетел в Советскую Россию.

Однако Энвер-паша был схвачен британскими войсками, когда совершил вынужденную посадку в Литве. Он чудом спасся, когда друг генерала фон Секта майор Фриц Чунке, возглавлявший подразделение «Фрай-корпса» в Литве, узнал Энвер-пашу до того, как британцы разглядели турецкого генерала под обманчивой внешностью, и майор помог ему бежать [11, с. 26–237].

«В начале 1920-х годов, говорит Г. Хильгер, я несколько раз видел Энвер-пашу в Москве. О сути его миссии от имени генерала фон Секта или его достижениях не имею понятия. Однако нет свидетельств тому, что этот германский шпион добился каких-то ощутимых результатов. (Это весьма темная страница истории. Во всяком случае, большевистские вожди поддерживали врага Энвер-паши Мустафу Кемаля (будущего Ататюрка). А Энвер-паша в конце концов оказался в Средней Азии, где руководил басмачами и был в 1922 году убит в стычке с отрядом Красной армии) [11, с. 237].

Новые попытки установления военного сотрудничества между Германией и Советской Россией по Г. Хильгеру, были совершены после окончания Гражданской войны в России. Осенью 1921 года в Берлин приехал директор фирмы «Юнкерс», чтобы прозондировать чиновников министерства иностранных дел и военного министерства на тему, какую помощь может оказать рейх его фирме для создания авиамоторных заводов в Советском Союзе. Для участия в переговорах военное министерство командировало офицеров из «Особой группы «R». «Особая группа «R» была создана несколькими месяцами ранее внутри армейской организации для

специфических целей ведения всякого Сотрудничества, которое можно было бы вести с Красной армией. Есть указания на то, что к ней относился майор Чунке и что эту группу мог возглавлять некий майор (потом полковник) Фишер. В переговорах между представителями «Юнкерса» и министерством иностранных дел «Особая группа» сыграла активную роль, гарантировав авиационной фирме, что возьмет на себя все политические риски, которые могли быть сопряжены с планируемой сделкой. Далее она гарантировала предоставление «Юнкерсу» оборотного капитала в размере 600 миллионов марок. В то время такая сумма составляла примерно 3 миллиона долларов США; но инфляция германской марки обрела такие темпы, что спустя несколько месяцев, в марте 1922 года, эта сумма стоила не более 250 тысяч долларов.

Несмотря на такие финансовые трудности, соглашения, заключенные в 1922 и 1923 годах, привели к подписанию контракта, согласно которому советское правительство предоставляло корпорации «Юнкере» концессии для производства авиационных двигателей на заводе в Филях, чуть западнее Москвы. (В 1935 году Филя включены в состав Киевского района Москвы. – Ред.) В те же месяцы была создана германо-советская компания «Берсол» с целью производства отравляющих газов – в Троицке, в Самарской губернии. Управляющим этого предприятия был д-р Гуго Штельценберг. Также были заключены контракты, по которым советское правительство должно было получать техническое содействие от Германии в производстве боеприпасов в Златоусте, Туле и Петрограде. Военному министерству рейха полагалась определенная доля продукции этих заводов. Эта последняя договоренность была подготовлена в Берлине летом 1923 года с советской делегацией, которую возглавлял Аркадий Павлович Розенгольц, в то время член Революционного военного совета и председатель центрального руководства Советских военно-воздушных сил.

Для финансового покрытия своей поддержки этим предприятиям германское военное министерство создало нечто вроде холдинга под безобидным названием Gesellschaft zur Förderung gewerblicher Unternehmungen (GEFU), с главными конторами в Берлине и Москве. Оборотный капитал GEFU в 1923 году, после окончания германской инфляции, составил 75 тысяч рейхсмарок (примерно 18 тысяч долларов США). Но компания просуществовала недолго. Возможно, военные не знали, как подобрать эффективных руководителей бизнеса; в любом случае GEFU впуталась в сомнительные финансовые дела за границей и к концу 1920-х годов исчезла из вида. Ее функции перешли к подобной организации, названной Wirtschaftskontor (WIKO).

«Особая группа «R» осуществляла свой бизнес не только в Берлине, но и одновременно создала свой филиал в советской столице под названием «Централь Москва». Летом 1921 года в Москву приехал некий герр Науман в качестве представителя военного министерства для изучения возможностей военного сотрудничества и организации необходимых концессий. Под псевдонимом Науман скрывалась личность бывшего

тогда майором Оскара Риттера фон Нидермайера, который родился в Баварии в 1885 году. Карьерный офицер, он обрел известность во время Первой мировой войны в качестве командира германской военной экспедиции в Афганистан и за свое авантюрное бегство из этого предприятия. В данном случае выбор фон Секта был вполне естествен, поскольку он сам был заинтересован в Ближнем Востоке еще со времен своей службы в Турции. Частные архивы фон Секта, находящиеся ныне в Соединенных Штатах, содержат пространную машинописную статью фон Нидермайера, возможно написанную примерно в 1920 году, затрагивающую геополитические проблемы этого региона, причем особое внимание уделено панисламистским и пантюркистским течениям» [11, с. 237–239].

«Я впервые, заметил Г. Хильгер, познакомился с ним по его приезду в Москву летом 1921 года. Одной из задач, стоявших перед нами в то время, была инспекция оборонных заводов и верфей в Петрограде, которая, как заявили советские власти германскому военному министерству, могла бы служить подходящей основой для германо-советского сотрудничества в области военной промышленности. Советское правительство предложило Германии, чтобы та оказала техническую и финансовую помощь в восстановлении наиболее важных военных заводов в Петрограде; в качестве вознаграждения за такую помощь Германия получала бы часть этой продукции. Хотя у меня было (и даже заранее) впечатление, что советские планы шли значительно дальше пределов возможностей, открываемых для разбитой и доведенной до нищеты Германии, я был готов участвовать в инспекции этих заводов, особенно в связи с тем, что я рассчитывал получить таким образом неоценимое внутреннее представление о состоянии советской индустрии. То, что советское правительство питало огромные надежды на результаты этой инспекции, было видно из факта, что заместителю комиссара по иностранным делам Карахану, а также советскому представителю в Берлине Виктору Коппу было приказано сопровождать нас в нашей поездке в Петроград.

Впечатление, которое мы получили с фон Нидермайером от этой инспекции, было удручающим. Большинство заводов и верфей не работали, потому что не было сырья и потому что большая часть рабочих подалась в деревни, чтобы не умереть с голоду в городе. Крыши повсюду были повреждены, так что оборудование подвергалось разрушительному воздействию дождя и снега; и к тому же большая часть станочного парка находилась в неопишимо ужасном состоянии. Нам было ясно, что о каком-либо немецком участии в реконструкции петроградской индустрии при таких обстоятельствах не могло быть и речи, потому что тут требовались затраты, превышающие то, что в то время могла себе позволить Германия. Еще более примечательным было то, что советскому правительству в последующие годы все же удалось привести промышленность Петрограда в рабочее состояние без иностранной помощи [11, с. 240].

Отчет фон Нидермайера о результатах его поездки, пишет Г. Хильгер, привел к тому, что военное министерство рейха отказалось от идеи

немецкого участия в восстановлении промышленности Петрограда. Последовавшее потом соглашение с «Юнкерсом», создание «Берсола» и договоренность о немецком техническом содействии в производстве боеприпасов были несколько менее амбициозными, но более безопасными средствами в отношении такого восстановления.

Кроме того, военное министерство заключило соглашение с Красной армией, по которому немецкие пилоты и эксперты по танкам получили возможность ознакомиться с производством и использованием авиации и танков в России; производить и иметь эти виды вооружения (а также подводные лодки и химическое оружие. – Ред.) было рейху запрещено Версальским мирным договором. Красная армия организовала летную школу возле Липецка, в Тамбовской губернии, где проходили обучение сотни немецких экспертов, приезжавших и уезжавших стабильным потоком. Хотя эта школа финансировалась германской армией, участие в ней немецкого персонала маскировалось. Немецкие механики и бывшие кадровые офицеры авиации нанимались как частные лица. Но даже офицеры действительной службы, которых посылали в Липецк в краткие командировки, формально освобождались от несения службы на время обучения на этих курсах. Идентичные договоренности были достигнуты и в отношении функционирования танковой школы возле Казани. Используемые там танки были закуплены в Англии, и как советский, так и германский персонал использовали их на своих занятиях.

Со времени создания и до 1932 года Оскар фон Нидермайер был главой «Централь Москау», осуществлявшей административный, экономический и финансовый контроль этих дел и в дальнейшем выступавшей в роли административного центра для всего германского персонала, с ними связанного. Кроме того, Нидермайер выполнял функции неофициального германского военного атташе, делая регулярные отчеты о своих впечатлениях и наблюдениях. В этом он был более ценен, чем официальный военный атташе, контакты с Красной армией которого были куда более ограниченными, нежели у «Централь Москау». Помимо этого, по соображениям безопасности официальному военному атташе не разрешалось иметь какие-либо контакты с фон Нидермайером и его группой, так что у последнего были все возможности, чтобы пообщаться с постоянным потоком германского военного персонала, проходившего через «Централь Москау» по пути в различные места Советского Союза и обратно.

После освобождения от своих обязанностей в «Централь Москау» фон Нидермайер вернулся в Германию и занял должность профессора географии и геополитики в Берлинском университете. Когда разразилась Вторая мировая война, он отдал себя в распоряжение вооруженных сил, и позднее его произвели в командиры добровольческой дивизии, состоявшей из солдат из Средней Азии. В начальный период гитлеровского режима фон Нидермайер не испытывал недружелюбия в отношении национал-социализма; он даже вступил в партию в относительно ранний период. Однако во время войны в нем развился острый антагонизм к

нацистской политике на оккупированных советских территориях. Поскольку Нидермайер не скрывал своего мнения, он за несколько месяцев до крушения Германии очутился в концентрационном лагере, откуда его освободили аме-риканские войска. Вскоре после этого он переехал в советскую зону оккупации, потому что полагал, что советское правительство примет его с распростертыми объятиями в знак признания его заслуг во имя германо-советского взаимопонимания. Но вместо сердечного приветствия его арестовали по стандартному обвинению в шпионаже и вывезли в Россию. Там Нидермайера видел Ганс Фрицше – в печально известной Бутырке и в состоянии, заставлявшем опасаться за его дальнейшую судьбу. Логично предположить, что советские власти избавились от Нидермайера как от нежелательного свидетеля неприятного прошлого.

На посту главы «Централь Москау» фон Нидермайера заменил полковник фон дер Лит-Томсен, бывший во время Первой мировой войны важным офицером военно-воздушных сил. Оставшись в рейхсвере, даже несмотря на то, что Германии было запрещено восстановление военной авиации, он являлся важным связующим звеном в германо-советской военной кооперации, особенно в том, что касалось военно-воздушных сил. Он участвовал в соглашениях с «Юнкерсом» и помогал в организации школы в Липецке.

Некоторые из тех, кто писал на эту тему, задумывались о мотивах, которые двигали германскими генералами в этом тесном сотрудничестве с Красной армией. Намекая на то, что эти две армии сговаривались о совместной войне против Запада с целью добиться пересмотра мирного урегулирования, Меллвилл писал: «Руководители рейхсвера, проводившие *Abmachungen* (сделку. – Ред.), питали заблуждения, что смогут использовать большевистскую Россию, которая поможет им в долгожданной реваншистской войне с Европой, а потом, в час победы, смогут запугать большевиков и удержать тех на своем месте» [11, с. 241–243].

3 декабря 1926 года «Манчестер гардиан» (ежедневная британская газета, выходящая с 1821 года, с 1959 года называется просто «Гардиан». – Ред.) опубликовала сенсационную статью, в которой утверждалось, что германские вооруженные силы, грубо нарушая условия Версальского мирного договора, тесно сотрудничают с Красной армией. Германская авиационная фирма «Юнкерс», как заявляла «Гардиан», управляет неким филиалом под Москвой; немцы построили в Советском Союзе несколько заводов по производству отравляющих газов; офицеры германской армии совершают частые поездки в Советский Союз, и, наконец, «Гардиан» объявила, что располагает сведениями о крупных поставках вооружений из Ленинграда в Германию. Эти грузы якобы были замечены, когда они следовали транзитом через порт Штеттин.

Британская либеральная газета подвергала суровой критике германские военные круги за секретные сделки [11, с. 231].

На самом же деле, подчеркивал Хильгер, ближайшие цели обеих армий были куда более ограниченными. Германия (или ее военные лидеры) хотела перевооружиться, поддерживать обучение своих кадров из

технических родов войск и развивать современные методы ведения боевых действий. Этого можно было достичь лишь в нарушение Версаля; и Советская Россия была вполне логичным местом для того, чтобы прятать такого рода деятельность. Конечно, Красная армия только выигрывала от таких взаимоотношений; но до тех пор, пока можно было иметь при себе свою козырную карту, такой побочный продукт был весьма желателен.

Для Красной армии контакт с рейхсвером давал возможность крайне необходимого обучения штабной работе и организации. Многие высокопоставленные советские офицеры извлекали пользу из столетий прусского военного опыта (после того как были уничтожены десятки тысяч русских офицеров, а с ними – столетия русского военного опыта. – Ред.) на курсах, которые они проходили в Военной академии в Берлине. Кроме того, германское техническое содействие помогало ускорить строительство советской военной промышленности. Тот факт, что Советская Россия тем самым одновременно способствовала германскому перевооружению, являлся сознательно уплачиваемой ценой. Возможно, Кремль придерживался мнения, что немецкая изобретательность все равно найдет способ, чтобы обойти условия Версаля; в этом случае выигрывала и Красная армия, извлекавшая пользу из ситуации, улучшая собственные методы, получая информацию о рейхсвере и помогая немцам саботировать Версаль.

Более того, сотрудничество двух армий никогда не останавливало Коммунистический интернационал от яростных попыток подорвать мощь германских вооруженных сил.

Волленберг даже утверждал, что некоторая часть средств, полученных от рейхсвера, была передана Германской коммунистической партии на антивоенные кампании и на то, чтобы создать коммунистические ячейки среди рядового состава. В свою очередь, вечная борьба фон Секта против коммунистической деятельности в армии шла рука об руку с его политикой сотрудничества. Принимая все это во внимание, возможно, будет удивительно, что военные вопросы были той областью советско-германских отношений, которая не была затронута какими-либо серьезными инцидентами. Напротив, личные отношения между военными двух армий были великолепными и быстро переросли в сердечную дружбу [11, с. 243–244].

Фон Сект, отмечал далее Г. Хильгер, ещё в 1922 году поддерживал политику прямых переговоров между двумя армиями. В меморандуме, который он послал рейхсканцлеру в ответ на *pro memoria* (напоминания) Брокдорфа-Ранцау, он заявлял, что такие прямые сделки избавят от необходимости привлечения невоенных учреждений рейха и тем самым спасут политические и государственные ветви власти от всяких возможных неприятностей. «То, что эти [военные учреждения] не заключат каких-либо обязательных для рейха соглашений без ведома учреждений, определяющих политику, должно приниматься как нечто само собой разумеющееся», – добавил он. Фактически фон Сект вышел за рамки этого предложения, заявляя, что создавать русскую военную промышленность, способную при необходимости помочь Германии, – дело не рейхсвера, а

германского бизнеса, при условии, что эти деловые круги будут следовать указаниям, исходящим из военного министерства.

И как следствие, правительство, похоже, утратило не только контроль над германо-советским военным сотрудничеством, но и, вероятно, имело лишь смутные представления о деятельности и сделках фон Секта и его офицеров. В этом, кажется, самое логичное объяснение многих неправильных представлений в отношении германо-советского военного альянса, которые стали основой страхов фон Гинденбурга и предостережений, высказанных в его мемории Ранцау. После своего назначения на пост посла Ранцау убедил себя, что никакой такой альянс не предполагался (а тем более заключался), но он не переставал жаловаться на отсутствие связи между военными и остальными ветвями исполнительной власти. Военные миссии прибывали в Советскую Россию даже без ведома посла, либо если они и появлялись в посольстве, то не обращали внимания на правила, выработанные Ранцау для переговоров. Германские офицеры делали в России совершенно безответственные заявления и предлагали фантастические сделки, которые русские, похоже, принимали за чистую монету лишь какое-то время; потом эти предложения становились не чем иным, как источниками неприятностей для политического представителя рейха, то есть Ранцау [11, с. 245–246].

В феврале 1923 года группа высокопоставленных офицеров, включая генерала Гассе, майора Чунке и в то время майора Фишера, провела некоторое время в Москве; и граф Ранцау выразил в резкой форме обиду министру иностранных дел по поводу неконтролируемых разговоров генерала Гассе о великой освободительной войне, которая начнется через три–пять лет, и его вежливым обещанием прислать вскоре в Москву постоянного военного атташе – то есть продвигая ту политику, которую сам посол в категорической форме отвергал. Другие миссии вступали в финансовые сделки или переговоры, размах которых, по мнению графа, далеко выходил за рамки компетентности военных и которые следовало рассматривать прежде всего как политические. Отсюда и неоднократные требования Ранцау, чтобы политические и военные власти установили тесную связь и пришли к единому мнению о советско-германском военном сотрудничестве. Но и независимая инициатива, отданная на откуп частному бизнесу, не принесла всеобщего удовлетворения, потому что в конечном счете она была основана на самообмане. Берлин всегда хорошо осознавал, что все эти сделки имели решительно политический характер. Однако, как только бизнесу был подан одобрительный сигнал, министерство иностранных дел не смогло предложить ничего иного, кроме добровольного совета. Русские, в свою очередь, также понимали, что эти сделки выходили за рамки частного бизнеса; но они совершали противоположную ошибку, рассматривая этот бизнес как полуофициального представителя Германского государства. Поэтому они придавали разговорам с частными промышленниками откровенно политический тон [11, с. 246].

Главная жалоба посла основывалась на его подозрении в том, что Советская Россия в военных соглашениях постоянно является выигрывающей стороной. Мне вспоминается разговор с уже упоминавшимся А.П. Розенгольцем летом 1923 года, в котором Ранцау открыто заявил, что германские заказы на военные материалы следует в действительности рассматривать как прямую субсидию в советскую военную промышленность, особенно учитывая астрономические цены, которые Германии приходится платить. Ранцау настаивал на том, что из военных соглашений необходимо извлекать конкретные политические преимущества. В то время как фон Сект был либо удовлетворен военными выгодами получения оружия, боеприпасов и поддержания процесса обучения его персонала, либо считал, что политические преимущества станут естественным и автоматическим следствием тесного военного сотрудничества, посол постоянно требовал, чтобы переговорщики требовали от советского правительства по крайней мере четкой гарантии против Польши.

Посол то и дело бомбардировал своих вышестоящих начальников в Берлине всеми этими жалобами. Хотя причины для этих жалоб никогда не устранялись до такой степени, чтобы удовлетворить его полностью, Ранцау, по крайней мере, удалось вынудить кабинет взять на себя определенный контроль над вопросами военного сотрудничества. Уже в ноябре 1922 года Вирт взял на себя труд заверить посла, что впредь заставит генералов сотрудничать. Более активную поддержку он получил летом 1923 года от канцлера Куно. Тот и некоторые члены его кабинета решили посодействовать Ранцау, перенеся некоторые переговоры в Берлин, исключив тем самым из процесса фон Нидермайера, который особенно активно противодействовал послу своими своевольными и безответственными поступками. Еще одна причина, по которой граф хотел, чтобы русские ехали в Берлин, – это предупреждение на случай утечки информации возможности, что Германия в таком случае окажется единственной ответственной за такие политически взрывчатые переговоры. И поэтому, когда в июле 1923 года Чичерин сказал нам, что его правительство пошлет в Берлин Аркадия Розенгольца для прямых переговоров с кабинетом, Ранцау одержал тактическую победу, которая превратилась в триумф, когда на одной из первых конференций в Берлине было решено, что отныне посольство в Москве должно контролировать военные соглашения [11, с. 246–247].

«К концу 1926 года, писал Г. Хильгер, когда «Манчестер гардиан» вышла со своими «разоблачениями», чисто военное сотрудничество в авиационной и танковой школах было в полном разгаре. Германское финансовое участие и техническое консультирование в области расширения и модернизации советских заводов боеприпасов прекратились, хотя германская армия все еще получала поставки вооружений с этих заводов. Советско-германская химическая компания «Берсол» была ликвидирована через несколько лет после своего создания; но в начале 1926 года заместитель военного комиссара И.С. Уншлихт (типичный представитель «ленинской гвардии», с 1917 года член и председатель различных органов, в

1921–1923 – зампредседателя ВЧК–ГПУ; в 1925–1930 – зампредседателя РВС СССР и наркома военных и морских дел и т. д. Расстрелян. – В.К.) в обстановке величайшей секретности отправился в Берлин и сделал амбициозные предложения Штреземану, фон Секту и другим политическим лидерам кабинета. Он изложил планы строительства заводов для производства тяжелой артиллерии, химических боеприпасов, прецизионных инструментов и других материалов, которые Версальский договор запрещал Германии иметь либо использовать. Уншлихт предложил, чтобы с этими промышленными предприятиями были связаны школы подготовки офицерского состава. Он также просил оказать финансовую поддержку и дать гарантии, что Германия будет покупать какую-то долю продукции этих заводов, пока Красная армия еще не будет в состоянии использовать ее, сделав тем самым строительство этих заводов экономически целесообразным.

Не знаю, материализовались ли предложения Уншлихта полностью. В любом случае в конце 1926 года немецкие технические и медицинские эксперты все еще находились в Советском Союзе, оказывая помощь в экспериментах с некоторыми химическими веществами. Кроме того, офицеры Генеральных штабов обеих стран постоянно участвовали в армейских маневрах другой стороны и обменивались военной информацией и опытом.

Ко времени «разоблачений» в «Манчестер гардиан» завод фирмы «Юнкере» в Филях был закрыт. Контракт между «Юнкерсом» и Советским Союзом был преждевременно прекращен, и каждая из сторон винила в этой неудаче другую. Общие правила в отношении концессий и особенно советское трудовое законодательство, по которому эти предприятия были обязаны работать, представляли собой такую проблему, что фирма «Юнкерс» неоднократно пыталась их обойти. Однако советские власти не проявили никакого желания делать то же самое, и, может быть, это было для них политически и экономически невыполнимо – предоставить исключительный статус какому-то иностранному концессионеру в нарушение своих собственных законов. Не добившись успеха в преодолении этого барьера, люди «Юнкерса» обвинили советские власти в злых намерениях, поскольку последние делают работу, согласованную в контракте, невыполнимой. Но в ответ выставлялись обоснованные обвинения в том, что «Юнкерс» совершил явное нарушение контракта, не сумев приступить к производству авиамоторов в согласованный срок; компания также не ввезла некоторые необходимые для производства материалы и не проявила каких-либо усилий в организации своего производства в Советском Союзе» [11, с. 248–249].

Статья в «Манчестер гардиан», писал Г. Хильгер далее, разорвалась как политическая бомба как раз в то время, когда военный министр Отто Гесслер находился под непрекращающимся «обстрелом» со стороны социал-демократов по поводу его якобы сговора с антиреспубликанскими кругами крайне правого толка. Эти новые разоблачения, которые в течение последующих десяти дней были подкреплены новыми порциями доказательств, стали завершающим ударом. 16 декабря 1926 года социал-демократический депутат

Шейдеман в своей воинственной и разгневанной речи в зале заседаний рейхстага внес предложение, чтобы этот орган отказал в доверии кабинету министров; в результате голосования по этому предложению кабинет канцлера Вильгельма Маркса был сокрушен подавляющим большинством голосов. Социал-демократы были твердо намерены провести глубокое расследование этого вопроса и призвать военных к ответу.

В министерстве иностранных дел, среди военных кругов и в посольстве в Москве настроение было в основном сочетанием печали и раздражения в связи с тем, что социалисты позволили соображениям партийной политики возобладать над тем, что многие из моих коллег считали национальным интересом. Дипломаты и военные воспринимали международную политику «двухпартийной», веря, что ни один лояльный немец не способен нанести вред хрупкой ткани международных отношений, которую опытные чиновники в министерстве иностранных дел и в военном министерстве так тщательно пряли ради блага нации. Их излишнюю чувствительность открыто выразили с трибуны рейхстага представители консервативных партий, которые бросались эпитетами «предатель» в адрес Шейдемана и его товарищей по партии. Ибо, по мнению солидного, респектабельного гражданина, военные дела рейха не подлежат публичному обсуждению, особенно когда они не только нарушают стандартные соображения безопасности, но еще и создают серьезные политические неприятности [11, с. 249–250].

Германские законодатели также сообща стремились утихомирить критиков и болтунов. Когда 19 января 1927 года «Мюншнер пост» опубликовала имена офицеров рейхсвера, находившихся во временных командировках в России, ее редактор был осужден за предательство. Летом 1930 года капитан Амлингер разбился во время испытания самолета в России, и его вдова опубликовала традиционное извещение о смерти с припиской, что ее муж умер «за свое германское Отечество в далекой России, занимаясь своей профессией летчика». И здесь власти тоже оперативно сработали, чтобы замять эту историю.

Публикация статей в «Манчестер гардиан» и «Форвертс» с такой тревогой рассматривалась министерством иностранных дел потому, что, с одной стороны, возникала угроза обострить подозрения западных держав, чьей дружбы Штресеман тогда всеми силами искал. Но одновременно возникала еще большая угроза политике открытых дверей для дружеских отношений с Россией.

Обнародование фактов германо-советского военного сотрудничества поставило в самое неудобное положение германскую коммунистическую партию, что с готовностью было использовано и смаковалось социал-демократической прессой. «Форвертс» ликующе разглагольствовало, что пули, которыми войска рейхсвера подавили к крови коммунистическое восстание 1923 года, возможно, были отлиты на «родине пролетариата». В стенах рейхстага представители буржуазии могли наслаждаться даже еще более занимательным зрелищем трех взаимно

враждебных, ожесточенно сражавшихся между собой коммунистических фракций, оскорблявших друг друга. (Данный состав рейхстага был избран в 1924 году, и с того времени некоторые депутаты- коммунисты перешли в оппозицию сталинистскому центру, но отказывались освободить свои места.) Все эти недели, во время которых бушевал этот политический шторм, официальная коммунистическая газета «Роте фане» либо печатала категорические опровержения этих обвинений, либо защищалась благоразумным и смущенным молчанием. Тем не менее яростные споры по поводу этих разоблачений наверняка шли и внутри Коминтерна, и представлялось вероятным, что партии, входящие в Коминтерн, будучи идеологически преданными неослабевающей борьбе против милитаризма и перевооружения, вынудят правительство Советского Союза закончить со своим военным сотрудничеством с рейхом.

Тем временем советские власти (и в Москве, и в Берлине) срочно потребовали, чтобы ничто впредь не разглашалось общественности и даже рейхстагу. Но умеренные партии, особенно социал-демократы, требовали от военного министра объяснений. На запрос комиссии по ассигнованиям прокомментировать эти разоблачения военный министр Гесслер тянул время, обещая предоставить детальное разъяснение комиссии по иностранным делам. Даже это обещание, о котором сообщалось в германской печати, интерпретировалось советскими лидерами как опрометчивость, и, как обычно, воображение Ранцау в Москве рисовало мрачные картины крушения всего германо-советского сотрудничества [11, с. 250–251].

С этого времени, заметил Г. Хильгер, «советские руководители стали крайне осторожными. С одной стороны, Чичерин, Литвинов, Ворошилов и Уншлихт воспользовались возможностью добиваться много более широкого и тесного сотрудничества, которое также распространялось и на вопросы разоружения. С другой стороны, они сделали любое дальнейшее сотрудничество зависящим от твердых немецких гарантий, что впредь их не будут тревожить никакими новыми «разоблачениями». После одной из своих бесед с Луневым (С.В. Петренко-Лунев (1890–1937), бывший поручик царской армии (командир телеграфной роты), при новой власти дослужился до комкора. В 1925– 1928 годах был военным атташе в Берлине. Расстрелян), советским военным атташе в Берлине, Фишер писал фон Секту: «На этот раз как ни странно, именно другая сторона озвучила опасения, что наш МИД объявит об этом соглашении в той манере, в какой ведется наш работа» [11, с. 253].

В первые месяцы 1927 года генерал фон Сект, не имея в тот момент никакого официального поста, был в отпуске в Италии. Перед возвращением домой, в Германию, он наметил поездку в Турцию, где воевал в боях Первой мировой войны, а оттуда нанести визит в СССР. В свете недавних «разоблачений» его запланированный визит вдруг стал угрожать привлечением больших политических трудностей, чем были готовы вынести Советы. В соответствии со своей осторожной, насыщенной подозрительностью линией поведения советские представители намекнули

министерству иностранных дел (через Брокдорфа-Ранцау), что было бы мудро отложить этот визит, пока не уляжется буря.

Хотя полковник Фишер и призывал генерала не обращать внимания на эти предостережения, МИДу удалось убедить генерала отложить эту поездку. Так фон Сект и не попал в Россию. Даже когда фон Сект занимал официальные должности, он, видимо, понимал, что после вмешательства Берлина вся политическая ответственность за этот визит легла бы на советские власти, а у генерала не было желания доставлять им какие бы то ни было неприятности [11, с. 253–254].

В конце концов советские подозрения утихли, и вместо прекращения военное сотрудничество между Германией и Советским Союзом только усилилось. Штреземан выразил свое одобрение продолжающемуся функционированию школ в Липецке и Казани. Немецкие ученые были посланы в Оренбург для помощи в проведении военно-химических экспериментов. На короткое время германская армия перестала отправлять своих офицеров, находившихся на действительной службе, в русские школы, но это длилось недолго, и еще больше немецких офицеров, чем прежде, стали прибывать через «Централь Москау», хотя теперь уже предпринимались значительно более серьезные меры предосторожности, чтобы замаскировать их под гражданских лиц. С другой стороны, немецким офицерам, участвовавшим в маневрах Красной армии, отныне разрешалось носить свою военную форму. Советский Союз посещали германские офицеры высочайшего ранга, и среди них – бывший тогда в звании полковника Вернер фон Бломберг (1878–1946, в 1927–1929 годах начальник войскового управления (фактически Генштаба); с 1935 года – военный министр и главком вооруженными силами. Из-за оппозиции резко авантюристическому курсу Гитлера был в 1938 году уволен в отставку (под надуманным предлогом) и даже генерал Курт фон Хаммерштайн, тогдашний командующий армией. Германского военного атташе полковника (впоследствии генерала) Кестринга летом 1931 года взяли в инспекционную поездку по частям Красной армии, растянувшуюся на более чем 11 тысяч километров, и по возвращении он доложил своему бывшему начальнику, генералу фон Секту, что со всех точек зрения в Красной армии видны результаты немецкого военного влияния. «Наши взгляды и методы красной нитью проходят через них», – писал он.

Подобная интенсификация добрых отношений произошла и в экономическом аспекте германо-советского военного сотрудничества. В 1928 году Крупп подписал соглашение, по которому обязался оказать техническую помощь в производстве качественных и высоколегированных видов стали как для военных, так и для гражданских нужд. Весной 1930 года проходили дальнейшие переговоры между наркомом военных и морских дел (и председателем Реввоенсовета) Ворошиловым, заместителем наркома Уншлихтом и советским главой артиллерийско-технического и вещевого снабжения генералом Уборевичем (1896–1937, до революции подпоручик, начальником вооружений РККА был в 1930–1931 годах.

Расстрелян), с одной стороны, и такими германскими корпорациями, как «Крупп» и «Рейнметалл-Борзиг», с другой стороны [11, с. 254–255].

Примерно в это время полковник Джемс Маршалл Корнуолл, британский военный атташе в Берлине, вручил своему послу сэру Горацио Рамболду доклад о деятельности германской армии, который содержал следующий пассаж: «Отношения между германскими и советскими военными властями останутся в некотором роде загадкой. Такое сотрудничество, какое существует, основано чисто на принципе взаимной выгоды, но похоже, что не так давно отношения были менее сердечными и было наверняка меньше обменов визитами между старшими штабными офицерами этих двух стран. Практика командирования германских офицеров для тренировочных полетов в Россию, преобладавшая с 1927 по 1930 год, недавно, видимо, была прекращена. Определенно нет германских офицеров-инструкторов, прикрепленных к Советской армии. В Москву был послан новый германский неофициальный представитель, полковник Кестринг. Охлаждение германо-советских отношений может быть частично отнесено на счет яростной пропагандистской кампании, направляемой [Германской] коммунистической партией против рейхсвера» [11, с. 255].

Переходя к военному сотрудничеству Германии и СССР, между рейхсвером и Красной Армией (вермахтом и Красной Армией) в 1930-е гг., Г. Хильгер замечает, что «нам ещё предстоит разговор о приходе Гитлера к власти на основе дружбы рейхсвера и Красной Армии» [11, с. 255], но от подобного разговора далее уходит, сведя всё к политико-дипломатическим отношениям Берлина и Москвы после прихода в январе 1933 г. к власти, включая всю гамму и напряжённость в германо-советских отношениях в 1939–1941 гг. [11, с. 305–412].

Заключение. Таким образом Густав Хильгер, занимавший должность советника германского посольства в Москве 1923–1941 гг. рассказал в своей книге многое о секретных связях Красной Армии и рейхсфера, военно-политическом, военном и военно-техническом сотрудничестве Берлина и Москвы в период известный в истории германо-советских, отношений «рапалльской политики» 1922–1932 гг., о чём не было принято говорить в Советской историографии до «перестройки Горбачёва».

Вместе с тем, многие важные детали германо-советского военного сотрудничества, Г. Хильгер сознательно опустил. Он не рассказал о том, что в марте 1920 г. по секретным данным 2-го бюро военного министерства Польши между Германией и Советским правительством был заключён военно-политический договор, подписанный Лениным, Троцким. И Чичериным с советской стороны и Носке Эрцбергером и Бауэром, как представителями германского правительства с немецкой. Согласно этому договору Германия обязывалась: оснастить русскую армию и промышленность, чтобы они могли противостоять англичанам в Азии и Польши и всемерно поддерживать Россию в её мирных переговорах с западными державами. Советское правительство приняло на себя обязательства предоставить немцам в эксплуатацию шахты, железные дороги, каналы и

крупные предприятия, а также поддержать Германию в случае конфликта [4, с. 32–33].

К этому времени число немецких инструкторов в Советской России достигло 20000 человек. Они приезжали в Россию обычным морским путём из Штеттина [4, с. 33]. «Веймарская республика, – отмечает в своей книге «Брестский мир. Победа и поражение Советской дипломатии» (М., 2009. С. 11–12) британский историк Джон Уиллер-Беннет, – при поддержке большей части руководства генерального штаба, чьи взгляды весьма рельефно выражал генерал фон Сект стремилась к сближению с Советским Союзом и весьма в этом преуспела, что выразилось в подписании Рапальского договора и военного соглашения от 3 апреля 1920 г., а также советско-германского договора о дружбе и нейтралитете от 1924 г.»

19 апреля 1920 г. Германия и РСФСР подписали соглашение о возвращении на родину военнопленных и интернированных с обеих сторон. Это соглашение юридически закрепило существование миссий наблюдения. В Москве такую миссию возглавил Густав Хильгер в Берлине – Виктор Копп [4, с. 33].

Источники и литература

1. Ахтанзян, А.А. Профили рапальской дипломатии (очерки) / А.А. Ахтанзян. М., 2009. – 288 с.
2. Гаспарян, А. С. Россия и Германия друзья или враги? / А. С. Гаспарян. М., 2017. – 352 с.
3. Горлов, С.А. Совершенно секретно: Альянс Москва-Берлин., 1920–1933 гг. (Военно-политические отношения СССР-Германия) / С.А. Горлов. М., 2001. – 352 с.
4. Дьяков, Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсфер Тайное сотрудничество. 1922-1933. Неизвестные документы / Ю.Л. Дьяков Т.С. Бушуева. М., 1992. – 384 с.
5. Кантор, Ю.З. Заклятая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии 20-30-х годов / Ю.З. Кантор. М., 2014. – 383 с.
6. Космач, В.А. До и после Рапалло: Советская Россия и СССР во внешней культурной политике Германии (1917-1932 гг.). Монография / В.А. Космач. Витебск, 2003. – 178 с.
7. Молодяков, В.Э. Тайный сговор или Сталин и Гитлер против Америки / В.Э. Молодяков. М., 2008. – 368 с.
8. Молодяков, В.Э. Россия и Германия: Дух Рапалло (1919-1932) / В.Э. Молодяков. М., 2009. – 176 с.
9. Уиллер-Беннет, Дж. Брестский мир Победы и поражения советской дипломатии / Дж. Уиллер-Беннет. М., 2009. – 415 с.
10. Россия и Германия 1900 1945. Сплетение истории / Б.Л. Хавкин. М., 2014. – 424 с.
11. Хильгер Г., Майер А. Россия и Германия союзники или враги? / Г. Хильгер, А. Майер. М., 2008. – 415 с.
12. Шикорад, А.Б. Россия и Германия. История военного сотрудничества / А.Б Шикорад. М., 2007. – 400 с.
13. Zeidler, M. Reichwehr und Rote Armee. 1920-1933: Wege und Stationen einer ungewöhnlichen Zusammenarbeit / M. Zeidler. Munchen, 1993. – 375 S.

СТАНОВЛЕНИЕ И ПЕРВЫЕ ШАГИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕРМАНИСТИКИ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ В Г. ВИТЕБСКЕ В 1985–1995 гг. (О СЕБЕ В ТРЕТЬЕМ ЛИЦЕ)

В.А. Космач, г. Витебск (Республика Беларусь)

Статья посвящена становлению и развитию исторической германистики новейшего времени в г. Витебске в 1985–1995 гг. на примере научно-исследовательской работы профессора В.А. Космача, который в те годы и в последующее время являлся единственным специалистом в области германской истории новейшего времени.

Ключевые слова: история, историческая наука, новейшая история, историческая германистика, диссертация, статья, монография, историография.

Начало становления исторической германистики Новейшего времени в г. Витебске связано с переездом в этот город и началом работы в должности преподавателя кафедры истории КПСС Витебского государственного ордена Дружбы народов медицинского института (теперь – кафедра социально-гуманитарных дисциплин УО «ВГМУ») в 1985 г. кандидата исторических наук Вениамина Аркадьевича Космача, который годом ранее в Белгосуниверситете защитил кандидатскую диссертацию на тему «Германо-советские научно-технические и культурные связи в 1922–1932 гг. (Из истории культурной политики Германии в отношении СССР)» под научным руководством профессора кафедры новой и новейшей истории исторического факультета БГУ, доктора исторических наук Г.М. Трухнова [1].

Под влиянием талантливого педагога, научных исследований и профессионализма известного ученого-историка, неординарности личности и человеческого обаяния профессора Григория Марковича Трухнова и по примеру старшего брата Г. А. Космача (в те годы – доктора исторических наук, профессора, долгие годы – заведующего кафедрой новой и новейшей истории УО «БГПУ имени М. Танка») еще в студенческие годы (1977–1982) на историческом факультете БГУ В.А. Космач определился в своем научном выборе – желании профессионально исследовать историю Германии новейшего времени, чему позволяло базовое университетское образование и обучение там же, в БГУ, в спецгруппе немецкого языка. Выбор пал на Веймарскую республику и период Рапалло в советско-германских отношениях 1922–1932 гг. Уверенность в правильности выбора укрепилась у В.А. Космача во время учебной стажировки в ГДР в составе группы по линии студенческих обменов осенью 1980 г., когда своими глазами удалось увидеть сам г. Веймар, другие города и университеты тогдашней ГДР, попробовать себя в практике разговорного и литературного немецкого языка. На выпускных экзаменах летом 1982 г. В.А. Космач под научным руководством профессора Г.М. Трухнова защитил диссертационную работу на тему «Германо-советские научно-технические и культурные связи в период Веймарской республики». В 1984 г., будучи соискателем кафедры новой и новейшей истории БГУ и работая учителем истории и

обществоведения Хожовской СШ Молодечненского района Минской области БССР, В.А. Космач в соавторстве с профессором Г.М. Трухновым опубликовал в «Вестнике БГУ» свою первую научную работу – статью «Общества германо-советского научно-технического и культурного сотрудничества в период Веймарской республики (1919–1933)» [2]. В этом же году была завершена работа над кандидаткой диссертацией. Затем, в 1985 г., последовал переезд в г. Витебск, по приглашению тогдашнего руководства Витебского государственного медицинского института (профессора М.Г. Сачека).

Во второй половине 1980-х гг., уже в г. Витебске, В.А. Космач определился с темой докторской диссертации. Ей стали история и проблемы внешней культурной политики Германии в годы Веймарской республики (1919–1933). Следует заметить, что сами термины «культурная политика», «внешняя культурная политика» в те годы советской и белорусской историографии были неприменимы и вызывали не только дискуссии, но и открытую оппозицию в плане неприятия. Понадобилось время, чтобы они стали общепринятыми в профессиональном обиходе историков и обществоведов. В 1987–1990 гг. появляются первые печатные работы В.А. Космача по исторической германистике новейшего времени. В 1987 г. в журнале «Советское здравоохранение» была опубликована статья «Неделя советской медицины в Берлине», а через два года в этом же издании – статья «Важный этап сотрудничества в области медицина», посвященная, в основном, образовательным и научно-техническим связям и сотрудничеству советских и немецких медиков в годы Рапалло [3]. В 1989 г. в «Вестнике Академии наук БССР» вышла еще одна статья В.А. Космача по вопросам участия Белорусской ССР в сотрудничестве Советского Союза и Германии в области образования, науки, техники и культуры в годы рапальской политики [4]. В том же году в журнале «Советское здравоохранение» была напечатана статья В.А. Космача «Из истории советско-германского сотрудничества в области медицины», опять же по периоду Рапалло в истории Германии и СССР [5].

Наконец, в те же годы кафедра истории КПСС ВГМИ стала исследовать историю и опыт сотрудничества СССР и ГДР по всем отраслям взаимодействия за 40-летний период (1949–1989 гг.). Появились несколько печатных работ, в том числе брошюра и депонированная в ИНИОН АН СССР статья старшего преподавателя этой кафедры В.А. Космача [6]. С прекращением существования ГДР кафедра истории КПСС ВГМИ прекратили работу над выше указанной проблематикой, а доцент В.А. Космач сосредоточился на изучении внешней культурной политики Германии в годы Веймарской республики (1919–1933), которая, как уже было сказано выше, стала темой его докторской диссертации.

Правда, до «растворения» ГДР в ФРГ, в Москве осенью 1989 г. в Доме дружбы народов, рядом с Арбатом, советские и немецкие, из ГДР, историки организовали и провели научную конференцию, посвященную 40-летию образования ГДР. Никто тогда не предполагал, что через год ГДР

не станет! На пленарном заседании этого советско-восточногерманского научного форума по теме участия БССР в советско-германском научно-техническом и культурном сотрудничестве в годы рапалльской политики (1922–1932) выступал и В.А. Космач из Витебска. Это было настоящее «боевое крещение» и символическое начало пути В.А. Космача в «большую германистику». Именно тогда, в 1989 г., в Москве состоялось знакомство с Г.Н. Сапожниковой, Б.М. Туполевым, Г. Розенфельдом, И.М. Кулиничем, С.Р. Сухоруковым, другими известными историками-германистами СССР и ГДР и, конечно же, укрепились еще более контакты и сотрудничество с одним из ярких и талантливых советских историков-германистов, доктором исторических наук, ведущим научным сотрудником Института мирового рабочего движения АН СССР Л.И. Гинцбергом, который в 1984 г. в Белгосуниверситете выступил первым оппонентом по кандидатской диссертации В.А. Космача. В 1990 г. по итогам работы научного семинара историков-германистов в г. Челябинске в сборнике научных докладов были опубликованы тезисы доклада В.А. Космача по теме докторской диссертации [7].

В 1991–1995 гг. историческая германистика новейшего времени в г. Витебске продолжала развиваться, но по-прежнему, в основном на кафедре общественно-гуманитарных наук ВГМУ. Доцент В.А. Космач продолжал работу над докторской диссертацией. В те же годы им были установлены широкие деловые и научные контакты с ведущими центрами российской германистики в Москве, Челябинске, Волгограде, Воронеже, Вологде, Кемерово, Уфе, а также в Киеве, Днепропетровске, Баку и других городах бывшего СССР, где продолжали работать хорошие знакомые, коллеги и друзья. Особенно тесные связи сложились с институтом всеобщей истории РАН (еще с советских времен!), которым и сегодня руководит академик А.О. Чубурьян. В этом крупном научном центре советской и российской исторической науки по проблемам всеобщей истории, на секторе западноевропейской истории новейшего времени, а также в Витебске, на кафедре общественно-гуманитарных наук ВГМУ, под руководством научного консультанта – ведущего научного сотрудника института всеобщей истории АН СССР (после 1991 г. – РАН, г. Москва), доктора исторических наук Б.М. Туполева – начинались и велись научные исследования доцента ВГМУ из г. Витебска В.А. Космача по теме докторской диссертации – «Внешняя и культурная политика Германии в годы Веймарской республики (1919–1933)».

За 1991–1995 гг. В.А. Космачем был опубликован целый ряд работ по теме научного исследования и исторической германистике новейшего времени [8], а также монография по теме докторской диссертации [9]. Состоялся зарубежный научный дебют в Польше (Белосток, 1994 г.) [10]. Укрепились и расширились деловые и научные контакты не только с хорошо знакомыми ранее коллегами (Л.И. Гинцбергом, Г.Н. Сапожниковой, Б.М. Туполевым и др.), но и новыми коллегами-германистами (Б.В. Петелиным, А.И. Борозняком, В.А. Артемовым, Ю.В. Галактионовым,

К.А. Марковым, М.Н. Машкиным, Н.С. Черкасовым, С.В. Кретиным, В.А. Бухановым, Л.Н. Корневой, Д.М. Мельниковым, М.Б. Корчагиной, С.В. Оболенской и многими другими). К сожалению, в настоящее время многих из них уже нет в живых, но зато живы их работы в историографии германской истории XX – начала XXI в., в научных работах и разработках их благодарных учеников.

Источники и литература

1. Космач, В.А. Германо-советские научно-технические и культурные связи в 1922-1932 гг. (из истории культурной политики Германии в отношении СССР): автореф. ... канд. ист. наук/В.А. Космач. – Минск, 1984. – 20 с.
2. Космач, В.А. Общества германо-советского научно-технического и культурного сотрудничества в период Веймарской республики (1919-1933) / В.А. Космач // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У.І. Леніна. – Серыя III. – 1984. – № 1. – С. 18–29.
3. Космач, В.А. Неделя советской медицины в Берлине / В.А. Космач // Советское здравоохранение. – 1987. – № 1. – С. 64–65; он же. Важный этап сотрудничества в области медицины // Там же. – 1988. – № 4. – С. 64–65.
4. Космач, В.А. З гісторыі і традыцый рапальскай палітыкі: Беларуская ССР у супрацоўніцтве Савецкага Саюза з Германіяй у 1922–1932 гг. / В.А. Космач // Весці Акадэміі навук БССР. Серыя грамадскіх навук. – 1989. – № 1. – С. 58–63.
5. Космач, В.А. Из истории советско-германского сотрудничества в области медицины / В.А. Космач // Советское здравоохранение. – 1989. – № 7. – С. 59–61.
6. Космач, В.А. Витебск – Франкфурт-на-Одере: 20 лет дружбы и сотрудничества городов-побратимов и областей (1969-1989): материалы в помощь лектору / В.А. Космач. – Витебск: Общество «Знание», 1989. – 24 с.; Он же. Белорусская ССР в культурном сотрудничестве Советского Союза и ГДР в 1949-1989 гг. (страницы истории): рукоп. деп. в ИНИОН АН СССР, № 42153 от 19.06.90 г. // Библиографический указатель ИНИОН АН СССР «Новая сов. лит-ра по обществ. наукам. История. Археология. Этнография». – 1990. – 22 с.
7. Космач, В.А. Внешняя культурная политика Германии в 1919–1933 гг.: борьба альтернатив // Политические альтернативы в германской истории XX века: тезисы научного семинара. – Челябинск, 1990. – С. 36–38.
8. Космач, В.А. Из истории и опыта советско-германских отношений: торгово-экономическое сотрудничество и духовные контакты 1922–1932 гг.: материал для студентов по курсу «История Отечества» / В.А. Космач. – Витебск, 1992. – 62 с.; Он же. Рапалло и восточно-европейский аспект германской внешней культурной политики в годы Веймарской республики (1919–1932 гг.) // Рапальская политика: истоки. Традиции и современность: тезисы докладов и сообщений участников научного семинара (26–27 мая 1992 г.). – М., 1992. – С. 26–28; Он же. Тоталитарные и демократические тенденции в германской внешней культурной политике в годы Веймарской республики (1919–1933) / В.А. Космач // Демократия и тоталитаризм в судьбах европейской цивилизации XIX-XX веков: тезисы научной конференции. – Уфа, 1992. – С. 40–42; Он же. Георг Шрайдер и проблемы германской внешней культурной политики в программе и тактике католической партии Центра (1919–1933 гг.) / В.А. Космач // Человек, общество, личность: исторические, философские и экономические аспекты проблемы. – Витебск, 1993. – С. 3–4; Он же. Внешняя культурная политика

в германской политике новейшего времени / В.А. Космач // Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў “Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь (новыя канцэпцыі і падыходы), Мінск, 3–5 лютага 1993 г.: тэзісы дакладаў і паведамленняў. – Мінск, 1993. – Ч. 2. Сусветная гісторыя. – С. 223–224; Он же. Віцебшчына ў гандлёва-эканамічных і культурных сувязях Беларусі з Германіяй у 20-я – пачатку 30-х гг. XX ст. / В.А. Космач // Віцебшчына старадаўняя і сучасная // тэзісы накладаў навуковай канферэнцыі. – Віцебск, 1993. – С. 42–45; Он же. Эканамічная і культурная палітыка Германіі ў адносінах да Беларусі ў 1919–1933 гг. (агляд некаторых архіўных крыніц і статстычных матэрыялаў) / В.А. Космач // Архівазнаўства, крыніцазнаўства, гістарыяграфія Беларусі стан і перспектывы: тэзісы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, 1-2 снежня 1993 г. – Мінск, 1993. – Ч. 1. – С. 123–127; Он же. Вопыт і урокі культурнай паліткі Германіі 20-х – пачатку 30-х гг. для нацыянальна-культурнага адраджэння Беларусі / В.А. Космач // Філасофія сацыяльнага дзейства і перспектывы дэмакратыі: тэзісы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, 6–7 красавіка 1994 г. Секцыя IV. Культура і цэннасці нацыянальнага самасознання. – Мінск: БГУ, 1994. – С. 92–94; Он же. Из истории и опыта внешней культурной политики 20-х годов: сотрудничество Беларуси и Германии в области медицины и здравоохранения / В.А. Космач // Міжнародныя сувязі медыкаў Беларусі матэрыялы навукова-практычнай гісторыка-медыцынскай канферэнцыі, Мінск, 1–2 красавіка 1993 г. – Мінск: БГМУ, 1994. – С. 63–68; Он же. Віцебск: энцыклапедыя гісторыі Беларусі / В.А. Космач, Л. Каледзінскі, М. Ткачоў, В. Сяргеева. – Мінск: Бел. Энцыклапедыя, 1994. – С. 309–317; Он же. Выкладанне беларусказнаўства ў вышэйшых навучальных установах: стан і перспектывы / В.А. Космач // Роля сацыяльна-гуманітарных дысцыплін у фарміраванні каштоўнасцей арыентаваў будучага настаўніка: тэзісы дакладаў рэсп. навук.-практ. канф., 15–16 снежня 1994 г. – Віцебск: ВДП імя С.М. Кірава, 1994. – С. 55–56; Он же. Крах тоталітарызма і перспектывы сучаснай палітычнай і грамадзянскай жыццёвай рэспублікі / В.А. Космач // Праблемы сацыяльнай дынамікі ў посттоталітарных грамадствах: тэзісы дакладаў навукова-практычнай канферэнцыі, 17–18 лютага 1995 г. – Мінск: БГУ, 1995. – С. 5–6; Он же. Внутраная культурная палітыка ў германскай гісторыі і культуры новага часу / В.А. Космач // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў рэспубліцы Беларусь. – Мінск: БГУ, 1995. – Ч. 2. Сусветная гісторыя. – С. 173–178; Он же. Знешняя культурная палітыка Германіі ў 1919–1933 / В.А. Космач // Беларускі гістарычны часопіс. – 1995. – № 1. – С. 38–44; Он же. На пути к войне: германский национал-социализм и его внешняя культурная политика (20-х – начало 30-х гг.) / В.А. Космач // Война известная и неизвестная: материалы науч.-практ. конф., посвященной 50-летию освобождения Витебщины от немецко-фашистских захватчиков, 15–16 июля 1994 г. – Витебск: ВГПИ им. С.М. Кирова, 1995. – С. 4–18; Он же. Внешняя культурная политика Германии в годы Веймарской республики (1919–1933 гг.): автореф. дисс. ... докт. ист. наук / В.А. Космач. – Москва: РАН, 1995. – 50 с.

9. Космач, В.А. Внешняя культурная политика Германии в годы Веймарской республики (1919–1933 гг.): монография / В.А. Космач. – Минск: БГУ, 1994. – 373 с.

10. Космач, В.А. Внешняя культурная политика Германии в отношении Польши (1919–1933): взгляд на проблему и возможные варианты сотрудничества белорусских и польских ученых / В.А. Космач // Białostocka przeglad resowy. – Białostok, 1994. – Т. 3. Dziedzictwo przeszlosci zwiazkow jezykowych lit- erackich i kulturowych polsko-wschodnioslowianskich / pod red. I.F. Nosowicha. – S. 101–110.

КРАХ ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ ФРГ В ДУХЕ «РЕАЛПОЛИТИК»: ПРИЧИНЫ И КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ РУСОФОБСКОЙ ПОЛИТИКИ БЕРЛИНА В ОТНОШЕНИИ МОСКВЫ И МИНСКА (наши дни, авторское видение)

В.А. Космач, г. Витебск (Республика Беларусь)

В статье рассмотрены основные причины и ключевые факторы краха восточной политики ФРГ в духе «реалполитик» в отношении России в наши дни. Представлено авторское видение этой проблемы с учетом исторического прошлого, геополитических и внешнеполитических реалий первой четверти XXI в.

Ключевые слова: Германия, Россия, восточная политика ФРГ, «реалполитика», «канцлер-акт», российско-германские отношения.

Когда не так давно министр иностранных дел Германии Анналена Бербок пафосно заявила, что в своей «украинской политике» и в отношении Запада Президент России В.В. Путин и Кремль должны развернуться на 360 градусов, ее безжалостно высмеяли из Москвы (пресс-секретарь российского МИД М. Захарова), намекнув А. Бербок на плохое знание азов математики. И, как говорится, поделом, справедливо. А вот восточная политика самой ФРГ в отличие от России и Беларуси, действительно, по сравнению с внешней политикой Германии в отношении Москвы и Минска времен Г. Коля, Г. Шрёдера и Ангелы Меркель, развернулась на все 180 градусов, став откровенно русофобской и антибелорусской.

На это есть свои веские причины и обстоятельства.

Во-первых, это «канцлер-акт». Об этом тайном документе, результате сговора западных союзников-победителей во Второй мировой войне и сформированной ими властью ФРГ, известно очень мало. Одно из официальных упоминаний о существовании данного акта – документ из недр секретной службы ФРГ Bundesnachrichtendienst (<http://www.bnd.de/>), который можно найти в интернете, в том числе в русском переводе. Одним из первых сообщил о нем германский генерал, руководитель армейских спецслужб ФРГ Герд-Хельмут Комосса «Немецкая карта. Скрытая игра секретных служб» (книга вышла в австрийском Граце и доступна в интернете; через два года книга вышла в России). О канцлер-акте говорил в интервью газете «Die Zeit» крупный политический и государственный деятель Германии Э. Бар (Egon Bahr, 1922–2015 гг.). О нем пишет доктор Клаус Маурер в своей интересной книге «Die “BRD” – GmbH» (книга также доступна в интернете). О нем пишут российские и немецкие блогеры. О нем рассуждает в программе Первого канала российского телевидения генерал-майор КГБ СССР, бывший начальник Управления нелегальной разведки ПГУ КГБ СССР Ю. Дроздов (см.: <https://www.youtube.com/watch?v=oGbQUrJMMXo>).

О наличии данного документа косвенно свидетельствует и поведение германских канцлеров; сразу после своего избрания все они первый

свой официальный зарубежный визит осуществляли в США. Официальные власти Германии существование данного документа отрицают. Получается, что все вышеуказанные люди говорят неправду? Трудно в это поверить. Что же это за документ?

«Канцлер-акт» – это на политическом жаргоне условное название тайного, тщательно скрываемого от немцев и всего остального мира, документа, который принуждает соответствующее правительство ФРГ действовать, прежде всего, по указанию западных союзников, и лишь затем во благо и в интересах Германии. Этот акт является частью тайного межгосударственного договора между США и временным правительством ФРГ от 21 мая 1949 года, в котором прописаны условия государственного «суверенитета» Федеративной Республики Германии и с помощью которого западные союзники контролируют власть в ФРГ. По сути, этот документ есть «ярлык на княжение», то есть принятие властями ФРГ неких обязательств по отношению к западным союзникам, прежде всего, по отношению к США.

Среди этих обязательств:

1) западные союзники (читай: США) осуществляют контроль над германскими средствами массовой информации – радио и телевидением, печатными изданиями (газеты, журналы, издательства), кинопродукцией, музыкой, школьными воспитательными программами, учебными планами и т.п. на период до 2099 года. – Имеющиеся документальные свидетельства германских журналистов подтверждают наличие такого контроля;

2) «канцлер-акт» должен подписывать каждый федеральный канцлер ФРГ. – А. Меркель, как и все семь ее предшественников на посту федерального канцлера Германии, свой первый зарубежный визит нанесла в Вашингтон;

3) весь государственный золотой запас Германии хранится в хранилищах западных союзников. – В 2015 г. золотой запас (или резерв) ФРГ составил 3384,2 тонны (2-е место в мире после США), из них: 45% находилось на хранении США, 13% – в Лондоне, 11% – во Франции, и лишь 31% в самой Германии [1, с. 112–113].

В 2013 г. в Германии заговорили о возврате золота домой. Был разработан план, согласно которому до 2020 г. предполагалась вернуть половину своего драгметалла из зарубежных хранилищ. Если с Францией у немцев особых проблем не возникло, то американцы вернули всего лишь 5 тонн, причем золотые слитки, переданные США в ФРГ, отличаются от тех, которые когда-то передавал в США на хранение германский Бундесбанк. В немецком журнале Focus была опубликована статья о том, что, возможно, американцы торгуют золотом из германских резервов, в том числе для сдерживания котировок на желтый металл. Статья взорвала общественное мнение в Германии. В сложившейся ситуации, как указывает В. Липскеров, у правительства «имелось два варианта: в ультимативной форме требовать возвращения золотого резерва или оставить всё как есть». Правительство А. Меркель, разумеется, предпочло второй путь, объявив народу, что причины для недоверия к американским партнерам

отсутствуют. Правящую коалицию тут же поддержали и в СМИ, публикуя, как под копирку, данные о миллионных расходах на перевозку слитков золота в Германию, забывая сравнить эти данные со стоимостью самого желтого металла. В результате американцы «рвение Германии вернуть золото, просто пресекли на самом высоком уровне, дав понять, что не стоит затевать всю эту историю, а немцам просто не хватило решительности. Увидят ли немцы свои золотые запасы? Достаточно вспомнить скандал, связанный с тем, что представителей Бундесбанка не пустили в хранилища, где должны лежать слитки резерва Германии. Поведение американцев указывает на то, что им есть что скрывать. Многие еще помнят другой скандал, связанный с ФРС США. В 2009 году Минфин США отправил в Китай партию слитков, как оказалось потом – фальшивых. Привезенные в Китай слитки были отлиты из вольфрама, покрыты слоем золота и имели регистрационные номера банков ФРС. Вполне возможно, что золото Германии, находящееся в США, давно выглядит точно также» [1, с. 113–114].

«Федеральная разведывательная служба присвоила тайному государственному договору от 21 мая 1949 г. степень “строжайшей секретности”. В договоре были закреплены основополагающие ограничения, наложенные победителями на суверенитет Федеративной Республики на период до 2099 г., факт существования которых вряд ли у кого сегодня, думается, может уложиться в сознании. В соответствии с условиями договора за союзными державами закреплялось также “право на осуществление полного контроля за немецкими средствами массовой информации” вплоть до 2099 г. К тому же договор предусматривал, что перед принятием присяги каждый вступающий в должность Федеральный канцлер Германии по распоряжению союзников обязан подписать так называемый “канцлерский акт”. Кроме того, союзники наложили арест на золотой запас Российской Федерации» [1, с. 112].

Таким образом, до 2099 г. Германия полностью зависит от США и не самостоятельна в принятии решений ни во внутренней, ни во внешней политике. И в собственной геополитике Бонн также может следовать только в рамках решений, принимаемых в Вашингтоне. И так все время, начиная с 1949 г. ... и по 2099 год!

Во-вторых, Берлин в лице своей политической и бизнес-элиты поддержал в феврале 2014 г., как и другие страны ЕС и НАТО, государственный переворот (украинский майдан) в Украине, сразу же включился в войну против России и, прикрываясь Минскими соглашениями, стал готовить Киев к ядерной атаке на Россию, к военному вторжению на Донбасс и в Крым. Это не могло не вызвать ответных мер со стороны Москвы, чем и стала специальная военная операция (СВО) России в Украине с целью ее демилитаризации и денацификации, а также с целью защиты населения Донбасса и Крыма. Берлин с 2014 г. в отношении Москвы действует строго в рамках «канцлер-акта».

В-третьих, и это тоже важная причина враждебных отношений Берлина с Москвой сегодня, связана с тем, что после Г. Коля и Г. Шрёдера, т.е.

с 2005 г. к власти в Германии пришла совершенно новая политическая элита. А. Меркель – бывшая «ГДРовка», но из антисоветски и антироссийски настроенных немецких политиков и интеллигентов. В 2005–2021 гг. она тайно вредила Кремлю, в том числе и по линии Минских соглашений 2015 г. [2]. А. Меркель – тайная русофобка. Ее преемник, нынешний федеральный канцлер Германии Олаф Шольц, наоборот, не скрывает своей русофобии. В своих публичных выступлениях он с гордостью заявляет, что только за один год СВО России в Украине Германия оказала Киеву военную и иную помощь на сумму в размере 14 млрд. евро.

Есть еще одна важная причина, и это, **в-четвертых**, прямого участия Берлина в войне против России в Украине. На наш взгляд, это польский фактор. Польша сегодня – это верный вассал США. С согласия и при поддержке США она стала оттеснять Германию с лидирующих позиций в ЕС. Поляки не случайно требуют сегодня от Берлина уплаты Варшаве 1,6 трлн. евро в качестве компенсации за Вторую мировую войну. Немцы пока парируют и утверждают, что вопрос закрыт и за все давно уплачено, в том числе немецкими территориями, отошедшими к Польше в 1945 г. Отношения Берлина и Варшавы сегодня сложные. И не исключено, что на этом фоне Германия демонстрирует своему хозяину (США), что в «русском вопросе» она круче и решительнее чем Польша.

Таковы, на наш взгляд, ключевые причины и мотивы разрыва Берлина с традициями восточной политики ФРГ и «наследием Бисмарка» в отношении Москвы. Германия сегодня активно воюет против России на территории Украины. И если в 1941–1944 гг. по нашим землям в Украине ползли немецкие «тигры» и шли солдаты вермахта, то сегодня, там же, на наших исконно русских землях воюют немецкие наемники и уже появились немецкие «леопарды». Потомки германских нацистов напрочь забыли уроки истории. Придется напомнить, в том числе и о том, что русские в истории трижды брали Берлин (1760, 1813, 1945 гг.). Но до этого нам следует освободить и денацифицировать два русских города – Киев и Варшаву.

А пока что Германия несет огромные убытки. Военный конфликт на Украине до конца этого года обойдется экономике Германии в 160 миллиардов евро (примерно 171 миллиард долларов), или на уровне 4,0% от ВВП. Об этом заявил глава Торгово-промышленной палаты ФРГ Петер Адриан в интервью крупнейшей региональной газете Германии Rheinische Post (Дюссельдорф). Петер Адриан пояснил, что означают эти цифры для рядового немца. По словам главы Торгово-промышленной палаты ФРГ, падение ВВП на душу населения в этом году составит «минус 2000 евро» для каждого жителя Германии. Одна из главных причин заключается в том, что Германия – индустриальная страна, где промышленность составляет значительную долю в экономике. А так как промышленность – это очень энергоемкая отрасль, по промышленникам ФРГ сильно ударил скачок цен на энергоресурсы, который в ЕС ставил рекорды на протяжении всего прошлого года. По оценке международной страховой компании Allianz Trade, в

2023-м промышленники Германии должны платить за энергоресурсы на 40% больше, чем в 2021 году. И перспективы печальные.

«Наш прогноз по ВВП на 2023 и 2024 годы еще ниже, чем во многих других странах», констатирует Петер Адриан. Как сообщает Reuters, ФРГ, которая десятилетиями работала на относительно дешевом газе из России, сегодня страдает из-за чрезмерно высоких цен. В то время как у США есть свои собственные запасы газа, а у Франции – страховка в виде атомных электростанций. «Цены на газ сейчас в 3–4 раза выше, чем в США», – заявил глава Торгово-промышленной палаты ФРГ Петер Адриан.

При этом Адриан добавил, что стоимость электроэнергии в Германии в 4 раза выше, чем во Франции. Как сообщало EADaily, ранее Институт немецкой экономики подсчитал, что военный конфликт на Украине только в 2022 году обошелся всей мировой экономике в 1,6 триллиона долларов (или 1,5 триллиона евро). По оценке экономистов из ФРГ, именно на такую величину сократился общемировой объем производства [3].

По мнению доцента Финансового университета (г. Москва) Геворга Мирзаяна, подрыв газопровода «Северный поток-2», что молчаливо одобрили в Берлине, лишают Германию будущего. **Во-первых**, экономического. Да, Германия взяла курс на отказ от российских углеводородов и даже в этом преуспела. Однако этот курс (предусматривающий переход на уголь и СПГ) будет стоить ФРГ почти 50 миллиардов евро, и не факт, что даже с такими расходами он окажется успешным. «Потоки» же позволяли в любой момент откатить ситуацию назад. В частности, после примирения с Москвой вернуться к потреблению дешевого и надежного (то есть независимого от украинского транзита) российского газа, являющегося одной из основ немецкой промышленности. **Во-вторых**, политического. И дело даже не в том, что «Северный поток» позволял Германии стать страной-транзитером российского газа для стран Центральной Европы. И даже не в том, что газопровод являлся важнейшим символом российско-германского стратегического партнерства. А в том, что он был примером субъектности Германии. Объектом национального интереса, который та же Ангела Меркель защищала перед Трампом и Байденом – и в какой-то момент показалось, что защитила. Подтвердив тем самым свое реноме сильнейшего европейского политика.

Сейчас же, после взрывов газопроводов, американцы, как верно отметил министр иностранных дел России Сергей Лавров, окончательно решили германский вопрос. Сделали так, «чтобы никогда Германия не пыталась играть какую-то самостоятельную роль в обозримой исторической перспективе» [4]. Все по «канцлер-акту»!

Источники и литература

1. Деревянченко, А.А. Три жизни Ангелы Меркель: обычная, пропедевтическая, триумфальная. Политическая и личная биография первой женщины – федерального канцлера / А.А. Деревянченко. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – 304 с.
2. Павлов, Н.В. Эра Ангелы Меркель / Н.В. Павлов. – М.: Изд-во «Аспект-Пресс», 2023. – 431 с.

3. Минус 200 евро с каждого: в Германии подсчитали убытки из-за украинского кризиса. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eadaily.com/ru/news/2023/02/22/minus-2-000-evro-s-kazhdogo-v-germanii-podschitali-ubytki-iz-za-ukrainskogo-krizisa>. – Дата доступа: 22.02.2023.

4. Германия позорится на весь мир из-за страха перед США. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vz.ru/world/2023/2/22/1200328.html>. – Дата доступа: 22.02.2023.

ВЛИЯНИЕ ГЕРМАНСКОГО ФАКТОРА НА СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЙ ПЕРЕГОВОРНЫЙ ПРОЦЕСС В КОНЦЕ 1924 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1925 Г.

Н.Н. Мезга, г. Гомель (Республика Беларусь)

В статье рассматривается зависимость хода советско-польских переговоров в конце 1924 – первой половине 1926 г. от германского фактора. Установлено, что, приступив к переговорам с Польшей о договоре о ненападении, СССР не отказался от усилий по ревизии польской границы. Данная позиция согласовывалась с рапальской политикой в советско-германских отношениях. В ходе переговоров как СССР, так и Польша учитывали роль германского фактора на международной арене. Варшава рассчитывала, что переговоры с Москвой будут содействовать разрушению рапальской системы. Для СССР Германия оставалась приоритетным международным партнером, что делало крайне проблематичным заключение советско-польского договора. Германский фактор в значительной степени предопределил динамику советско-польских переговоров.

Ключевые слова: советско-польские переговоры, договор о ненападении, СССР, Польша, Германия, рапальская политика.

В результате геополитических изменений после Первой мировой войны страны Центральной и Восточной Европы оказались на восточной периферии Версальской системы международных отношений. В данном регионе на ряду со странами, составившими ядро Версальской системы (Великобритания, Франция), во многом определяющие влияние на характер международной ситуации оказывали отношения между СССР, Германией и Польшей. Важную роль в выстраивании международного порядка в Центрально-Восточной Европе на ряду с Версальскими соглашениями сыграли Рижский и Рапальский договоры. К середине 1920-х гг. европейская политическая ситуация, в том числе и на восточной периферии Версальской системы, переживает существенные изменения. Причем правящие круги Польши и Советского Союза воспринимали эти изменения как неблагоприятные для своих стран. Речь идет прежде всего об существенном улучшении отношений Германии с бывшими противниками по Первой мировой войне. Сложившаяся международная ситуация порождала сложную дипломатическую «игру» в «треугольнике» Москва – Берлин – Варшава. Это, в частности нашло отражение в проходивших параллельно

в конце 1924 – первой половине 1926 гг. советско-польских и советско-германских переговорах. Цель данной статьи заключается в том, чтобы установить, в какой степени германский фактор повлиял на советско-польский переговорный процесс в указанный период.

Советское руководство в обозначившемся в 1924 г. сближении Германии с Западом увидело угрозу разрушения рапалльской политики. Нарком иностранных дел СССР Георгий Чичерин отмечал, что вхождение Германии в Лигу Наций без СССР означало бы ее присоединение «к враждебной нам группировке. ... Это конец рапалльской системы» [1, с. 237]. На наш взгляд, эти опасения были преувеличены. СССР и Германией были заинтересованы в сохранении рапалльской политики, так как еще не были решены задачи, которые Москва и Берлин перед ней ставили: изменение международного порядка, установленного после Первой мировой войны. Для Германии сближение с Западом вовсе не означало разрыва с курсом Рапалло. Как справедливо отмечал А. А. Ахтамзян, Германия хотела обговорить с СССР приемлемые формы поддержания нормальных отношений в связи с ее вступлением в Лигу Наций, а СССР считал возможным в такой ситуации через заключение нового политического соглашения сохранить дух Рапалло [2, с. 145]. 11 ноября 1924 г. состоялась беседа Г. Чичерин и германского посла в Москве Ульриха Брокдорф-Ранцау, в ходе которой было достигнуто соглашение о начале торговых переговоров. Они начались 15 ноября, а 3 декабря советская печать сообщила об их успешном ходе [3, с. 541, 565].

Сложившаяся в 1924 г. международная ситуация создавала объективные предпосылки для улучшения советско-польских отношений. Для Москвы улучшение отношений с Польшей вписывалось в общее стремление к нормализации отношений с Западом в условиях выбора советским руководством курса на строительство социализма в одной стране. В Москве оценивали международное положение Польши как сложное и рассчитывали, что удастся договориться на советских условиях. Кроме того, через переговоры с Варшавой можно было оказывать давление на Германию, добиваясь от нее уступок в ходе советско-германских переговоров.

Польские правящие круги в происходивших на международной арене изменениях видели неблагоприятные для своей страны моменты и рассчитывали несколько уменьшить их, демонстрируя улучшение отношений с СССР. В то же время в Варшаве надеялись, что поворот Германии в сторону Запада приведет к крушению «советско-германского блока» [4, с. 250]. Свою задачу польская дипломатия видела в том, чтобы содействовать этому процессу, в т. ч. через демонстрацию улучшения советско-польских отношений. В декабре 1924 г. через советское торговое представительство в Берлине от Польши поступило предложение приступить к переговорам по широкому кругу вопросов [5, с. 344]. Польское предложение обсуждалось на заседании политбюро ЦК РКП(б) 18 декабря. Было принято решение согласиться начать переговоры, но при их ведении не отказываться от принципа «исправления границ» [6, с. 10].

В это же время между советскими и германскими дипломатами проходило обсуждение принципов, которые следовало положить в основу советско-германских переговоров по политическим аспектам. Сразу же возник польский вопрос как предмет переговоров. 4 декабря во время беседы с У. Брокдорф-Ранцау член коллегии НКВД Виктор Копп заявил, что для советского руководства достижение соглашения с Германией по польскому вопросу «является очень желательным». Советская сторона предложила организовать совместное выступление против Польши, если Германия не отказалась от своих территориальных претензий. Германский посол заметил, что Германия не может отказаться от территориальных претензий к Польше, но в настоящий момент невозможно добиваться их реализации силой [7, с. 64]. Во время новой встречи 5 декабря В. Коппа с У. Брокдорф-Ранцау германский посол отметил, что, если бы русское правительство гарантировало польскую западную границу, то это рассматривалось бы Германией как недружественный акт. В. Копп со своей стороны заметил, что в случае вступления Германии в Лигу Наций она, как это понимает советская сторона, гарантирует польскую западную границу [8, с. 238]. Как видим, Москва и Берлин демонстрировали стремление не допустить получения Польшей дополнительных гарантий ее границ.

Министр иностранных дел Германии Густав Штресеман предложил в ходе советско-германских переговоров сделать их главным предметом именно польскую проблему и выдвинул формулу возвращения Польши к ее этническим границам. У. Брокдорф-Ранцау, выполняя указания главы МИД, встретился с Г. Чичериным и довел до него данную позицию относительно предмета будущих переговоров. Советский нарком иностранных дел, в принципе, не отверг германское предложение об оттеснении Польши к ее этническим границам, но заявил, что не считает возможным сводить обмен мнениями по международным вопросам лишь к польской проблеме [2, с. 132–133]. Политбюро 24 декабря обсудило вопрос о переговорах с Германией и поддержало позицию Г. Чичерина, не исключавшую совместного с Германией пересмотра польской границы при условии соглашения по другим вопросам советско-германских отношений, прежде всего, отношения к Лиге Наций [9, с. 57]. Данное решение в части пересмотра польской границы логично согласовывалось с упоминавшимся выше решением политбюро от 18 декабря о принципах ведения переговоров с Польшей. Как видно из обмена мнениями между советскими и германскими дипломатами, в Москве понимали, что сохранение курса Рапалло неразрывно связано с общей политикой Германии и СССР по ревизии польских границ. Поэтому заинтересованность Москвы в продолжении рапальской политики требовала на переговорах с Польшей избегать всего, что могло расцениваться как подтверждение признания польских границ, что и нашло отражение в решении политбюро от 18 декабря. Тем более, что германская дипломатия сразу же проявила настороженный интерес к польско-советским переговорам, который был озвучен 19 декабря У. Брокдорф-Ранцау в беседе с Г. Чичериным. Советский нарком

ответил, «что никаких переговоров нет, а был с польской стороны зондаж в самой первичной и осторожной форме, неофициальной, относительно возможностей переговоров, причем в данный момент мы еще не знаем, будут ли эти переговоры и о чем» [10, с. 455].

Позицию Москвы по непризнанию границ Польши и зависимость хода и исхода советско-польских переговоров от отношений между СССР и Германией красноречиво иллюстрирует инструкция НКВД, направленная полпреду в Варшаве Петру Войкову 2 января 1925 г. Из текста данного документа следует, что для Советского Союза переговоры с Польшей в значительной степени были подчинены тем целям, которых советское руководство намеревалось добиться в отношениях с Германией. В частности, в инструкции НКВД отмечалось: «Переговоры необходимо начать возможно скорее, затягивая их с таким расчетом, чтобы мы могли раньше договориться с Германией на основе проводимого с обеих сторон аналогичного зондажа. После нашего соглашения с Польшей у Германии исчезнет всякий стимул для принятия наших предложений. Наше соглашение с Польшей, то есть обеспечение нашего нейтралитета в случае столкновения Польши с Германией, фактически изолирует Германию полностью и убивает ее надежды на всякое сотрудничество с нами. Германии не приходится опасаться нашего соглашения о совместном выступлении с Польшей и Францией, а поэтому наш нейтралитет, после того как мы обещали такой же нейтралитет и Польше, теряет для Германии всякий смысл» [11, л. 3, 4]. Очевидно, что советско-германское сотрудничество во многом базировалось на возможности совместных антипольских акций. Поскольку для СССР сохранение рапалльской политике являлось первостепенной внешнеполитической задачей, для него подписание соглашения с Польшей, предусматривающего действительный отказ от таких акций, было невозможно.

Из инструкции НКВД также видно, что потенциальное соглашение с Польшей являлось для Москвы лишь временным тактическим ходом: «Мы можем утешить Германию, что соглашение с Польшей носит временный характер и рассчитано на тот срок, на который и мы, и Германия обречены на пассивность» [11, л. 3, 4]. Таким образом, ход переговоров с Польшей советское руководство подчиняло решению задачи сохранения сотрудничества с Германией, что практически не оставляло шансов на их успех. Последующие положения инструкции НКВД подтверждают отраженную в называвшихся решениях политбюро готовность СССР принять выдвинутую Германией формулу оттеснения Польши к ее этническим границам. Советская сторона планировала в ходе переговоров обсудить вопрос о культурной автономии для национальных окраин в Польше, однако исключалась возможность в самом соглашении упоминать об автономии, «прежде всего, потому что это было бы сопряжено с окончательным признанием границ» [11, л. 3, 4]. С другой стороны, отметим, что инициатива Польши о начале переговоров с СССР во многом была реакцией на изменения, происходившие на германском участке европейской политики. Польское правительство, делая демонстративные шаги по сближению с СССР, рассматривало

их как инструмент подрыва рапалльской системы в отношениях между Москвой и Берлином, а затем шантажа Запада в связи с подготовкой неблагоприятного для Польши Гарантийного пакта.

Выше было показано, что в качестве одного из принципов для ведения переговоров с Польшей советское руководство определило неприемлемость включения в потенциальный договор положений, которые можно было бы рассматривать как предоставление дополнительных гарантий польским границам. Подтверждения такой же политики по отношению к польским границам Кремль стал добиваться и от Германии, особенно активно с момента появления проекта Гарантийного пакта. СССР был обеспокоен тем, что Германия в той или иной форме гарантирует в будущем договоре польские западные границы. Г. Штреземан, чтобы рассеять советские опасения, направил специальный меморандум советскому правительству, в котором отметил, что в проектируемом Гарантийном договоре о дополнительных международных гарантиях для восточных границ Германии нет и речи. 15 апреля 1925 г. состоялась беседа главы германского МИД с советским полпредом в Берлине Николаем Крестинским, в ходе которой германская сторона высказала заверение, что Германия оставляет за собой свободу рук в отношении восточной границы и будет стремиться к ее ревизии всеми мирными средствами [12, с. 512, 513]. При этом советская дипломатия внимательно следила за ходом германо-польских торговых переговоров. П. Войков в послании в Москву 22 мая с удовлетворением констатировал, что эти переговоры «находятся на мертвой точке» [13, л. 205]. Москва была заинтересована в сохранении напряженности в польско-германских отношениях, т. к. это служило одним из факторов, позволявшим сохранять рапалльскую политику.

В середине января 1925 г. начались советско-польские переговоры о договоре о ненападении. СССР предложил заключить договор о ненападении и неучастии во враждебных комбинациях. Польская сторона настаивала на заключении Советским Союзом соглашения о ненападении не с одной Польшей, а одновременно и с прибалтийскими странами, чтобы Москва гарантировала не только границы Польши, но и прибалтийских государств [14, с. 71, 105; 5, с. 359, 378]. Выше отмечалось, что в планы Москвы не входило в рамках договора с Польшей предоставлять ее границам дополнительные гарантии. Стремление же польской стороны добиться заключения коллективного договора о ненападении между СССР и его западными соседями воспринималось советским руководством как желание Польши утвердить свое влияние в Прибалтике и вызывало негативную реакцию.

Ведя переговоры с Польшей, советское руководство учитывало роль Германии в своей внешней политике. В телеграмме П. Войкову 12 февраля 1925 г. В. Копп по поводу обмена послами с Польшей отмечал, что польское предложение о повышении статуса дипломатических представительств до уровня послов должно быть отклонено, потому что это будет вызовом Германии [11, л. 42]. В свою очередь П. Войков писал в Москву 27 марта, обозначая приоритет для СССР отношений с Германией: «Мне кажется, что в

настоящий, особенно трудный момент, вопрос наших взаимоотношений с Польшей является подчиненным вопросу наших взаимоотношений с Германией и будет поставлен только в этой связи» [13, л. 112–113].

Политика Польши по отношению к СССР также учитывала германский фактор. Поляки осознавали угрозу со стороны Германии, но это не являлось для них решающим стимулом, чтобы идти на коренное улучшение отношений с Советским Союзом. В докладе министра иностранных дел Польши Александра Скшиньского, представленном в правительство в конце января, говорилось, что Польша, даже под угрозой потери Силезии и Поморья, на союз с СССР не пойдет и будет против него [13, л. 38]. В целом, можно констатировать, что стратегическая линия внешней политики как СССР, так и Польши практически не оставляли шансов на успешное завершение начавшихся переговоров.

Между тем, польское правительство продолжало прилагать усилия, направленные на то, чтобы привести к краху рапальскую политику в советско-германских отношениях. Летом 1925 г. МИД Польши подготовил меморандум, в котором отмечалось, что антипольская политика Германии равнозначна тесному германо-российскому сотрудничеству, и, если Гарантийный пакт оставит свободу рук Германии в деле ревизии ее восточных границ, то толкнет ее тем самым в объятия Советской России. Одной из главных задач внешней политики Польши называлось недопущение компромисса между Гарантийным пактом и Рапальским договором, углубление разногласий между Советским Союзом и Германией [15, s. 335–339].

Информация о состоянии советско-германских отношений, которой располагало польское правительство летом 1925 г., казалось, давала Польше шанс реализовать эти намерения. Польское посольство в Москве информировало МИД 14 июля, что из достоверного источника получены сведения о ходе советско-германских переговоров. Согласно им, в отношениях между СССР и Германией возникла определенная напряженность. Посол У. Брокдорф-Ранцау может снова выехать из Москвы, по крайней мере, он не хочет выполнять обязанности руководителя делегации на торговых переговорах из-за больших проблем в их ведении [16, л. 154]. Схожую информацию содержала и телеграмма посольства в Москве от 30 июля. В ней отмечалось, что советско-германские торговые переговоры столкнулись с большими трудностями. В Москве ходят слухи о скором отъезде германского посла на летний отдых, а это означает фактическое прекращение переговоров [16, л. 191].

Действительно, можно говорить об определенном кризисе в отношениях между СССР и Германией в тот момент. Г. Штреземан в своих мемуарах писал, что с июня 1925 г. советско-германские отношения переживали помрачение. В июне неудачей закончился визит в Берлин заместителя наркома иностранных дел Максима Литвинова. Он не смог добиться от немцев отказа от подписания Гарантийного пакта и вступления в Лигу Наций [12, s. 519, 516] Г. Штреземан в тот момент выступал против заключения германо-советского договора о ненападении, считая, что это

помешает Германии вступить в Лигу Наций. Реагируя на такую позицию Германии, М. Литвинов в беседе с немецким министром иностранных дел 13 июня дал понять, что в сложившихся условиях СССР может пойти на сближение с Польшей и Францией [17, с. 95].

У советского руководства существовало мнение, что летом 1925 г. Польша готова пойти на сближение с СССР, при чем во многом в связи с ситуацией на германском участке международной политики. 4 июля Г. Чичерина писал в политбюро, что в Польше наблюдаются определенные перемены в политике в отношении СССР, и поляки осознали, что их главным врагом является Германия, а не Советский Союз. Для Москвы, по мнению наркома, очень важно поддерживать эти перемены в польской политике, учитывая неблагоприятные для СССР изменения международной ситуации в связи с предстоящим подписанием Гарантийного пакта [18, л. 2, 3]. При этом советская дипломатия пыталась предоставить полякам информацию, которая убедила бы их в агрессивных планах Германии и нежелании СССР к ним присоединяться. 12 июля в Берлине состоялся обмен мнениями между формально не занимавшими государственных постов К. Радеком и Х. Танненбаумом, в ходе которого советский представитель высказал предположение, что результатом присоединения Германии к Гарантийному пакту станет польско-советское сближение и сообщил, что германское правительство пыталось вести с СССР разговоры о разделе Польши, но столкнулись с его отрицательной позицией [7, с. 65]. Однако говорить о сближении с Польшей как долгосрочной политике СССР летом 1925 г. не приходится. Советское руководство не отказывалось от идеи ревизии польской границы, установленной Рижским договором. Н. Крестинский писал Г. Чичерину в июле 1925 г.: «То обстоятельство, что мы публично заявили о желании иметь мир, а не войну с Польшей, не означает вовсе нашей готовности признать Галицию за Польшей» [19, с. 296].

В контексте хода советско-польских и советско-германских переговоров следует рассматривать визит Г. Чичерина в Варшаву 28–30 сентября. Советское правительство использовало пребывание наркома иностранных дел в Варшаве для давления на Германию, чтобы побудить ее сделать шаги по пути заключения советско-германского торгового договора. Герберт фон Дирксен, в то время сотрудник Восточного отдела МИД Германии, в своих мемуарах писал, что остановка Г. Чичерина в Варшаве по пути в Берлин была жестом, напоминавшим шантаж [20, с. 87]. Польские правящие круги рассчитывали на то, что визит Г. Чичерина в Варшаву будет содействовать ослаблению рапалльской политики. Однако эффект получился обратный. Германия под влиянием этого события выразила готовность немедленно заключить торговый договор и активизировать переговоры о пакте о нейтралитете с СССР.

В ходе переговоров в Варшаве Г. Чичерин повторил советское предложение заключить договор о ненападении и неучастии во враждебных коалициях. При этом он подчеркнул, что у СССР есть пространство для маневра, так как существует возможность англо-германского сближения и

франко-польский союз. Оба блока, по его словам, будут приглашать к себе СССР [5, с. 416, 418]. Польско-советские переговоры о договоре о ненападении возобновились в начале 1926 г. уже после заключения Локарнских соглашений и подписания советско-германского торгового договора. В советских дипломатических кругах исходили из того, что Польша находится в сложном международном положении и, в связи с этим, позиция СССР на новом этапе переговоров должна оставаться жесткой. 16 октября 1925 г. П. Войков направил в Москву докладную записку, посвященную отношениям с Польшей. Он высказал предположение, что положение вещей на международной арене обязывало поляков искать сближения с СССР, который тоже должен проводить политику налаживания контактов с Польшей. Но при этом полпред высказывался за продолжение оказания поддержки националистическим организациям, действующим на территории Польши, прежде всего украинским. По расчетам П. Войкова, их деятельность должна была еще больше осложнить положение Польши и сделать ее более сговорчивой на переговорах. [21, л. 67]. В тот же день 16 октября советник полпредства СССР в Варшаве Григорий Беседовский также направил докладную записку в НКВД. Он рассматривал сближение с Польшей лишь как тактический ход, так как для Москвы приоритетное значение имели отношения с Германией, а поддерживать хорошие отношения одновременно с Берлином и Варшавой в тех условиях было практически невозможно. Г. Беседовский видел еще одну преграду на пути к советско-польскому сближению. По его мнению, Польша, в связи с обострением польско-германских отношений, крайне заинтересована в английской поддержке. Поэтому Варшава при проведении своей политики должна будет прислушиваться к директивам, исходящим из Лондона, а они будут толкать Польшу на антисоветские позиции [22, л. 19–20]. Г. Чичерин также считал международную ситуацию благоприятной для налаживания отношений с Польшей на советских условиях. Он писал 30 октября своему заместителю М. Литвинову: «Ситуация для нас очень благоприятная. Упускать налаживание отношений с Польшей совершенно непозволительно» [14, с. 647]. Г. Чичерин, в отличие от П. Войкова, полагал необходимым для сближения с Варшавой, чтобы белорусские и украинские эмигрантские организации отказались от вынесения резолюций, направленных против Польши и исходящих из принципа права наций на самоопределения [22, л. 19–20].

Предполагаемое налаживание сотрудничества с Польшей не означало отказа от сотрудничества с Германией в деле ревизии польских границ. Когда Г. Чичерин вслед за Варшавой в начале октября 1925 г. прибыл в Берлин, польская проблема, на ряду с торговым договором, стала важнейшей в его переговорах с Г. Штреземаном. Г. Чичерин в очередной раз высказал опасение, что подписание Гарантийного пакта приведет к какому-либо, пусть даже косвенному, подтверждению германо-польской границы. В ответ он получил заверения, что Германия никогда не пойдет добровольно на предоставление гарантий Польше. Г. Штреземан 10

октября направил меморандум советскому полпреду в Берлине, в котором указывалось, что о гарантии восточной границы Германии в проекте Гарантийного пакта нет и речи [12, с. 512, 515]. Таким образом, планы Германии и СССР по ревизии польской границы не изменились, а, следовательно, осталась основа для рапальской политики, которая в значительной степени имел антипольскую основу. Как писал Г. Дирксен, в основе русско-германской дружбы «лежала общая нелюбовь к своему общему соседу – Польше» [20, с. 37]. Польские усилия, направленные на разрушение советско-германского сотрудничества, оказались напрасными. Когда в конце лета 1925 г. в Берлине было замечено некоторое потепление в польско-советских отношениях, проявившееся, в частности, в заключении соглашения о разрешении пограничных конфликтов, Г. Штреземан предписал германской делегации на торговых переговорах в Москве оставаться на месте, чтобы, «учитывая политические соображения, заключить с русскими какой бы то ни было договор» [23, с. 137]. 27 августа и 3 сентября политбюро в свою очередь приняло решение пойти на уступки Германии и активизировать переговоры с привлечением к ним М. Литвинова [24, с. 91, 92–93].

В преддверии возобновления советско-польских переговоров П. Войков 18 декабря 1925 г. направил в Москву письмо, в котором изложил свои предложения по их ведению. Он считал, что в ходе их следовало добиваться согласия Польши на ликвидацию советских материальных обязательств по Рижскому договору, а также согласия на расторжение союза с Румынией. По мнению П. Войкова, эта цель была достижима в связи с тяжелым международным положением Польши после Локарно. Также полпред предлагал на переговорах поднять вопрос о правах национальных меньшинств, но только «для торга» [21, л. 216]. Исходя из тезиса о сложном международном положении Польши, уже с начала переговоров Москва начала диктовать свои условия их ведения. Польское правительство стремилось заключить с СССР в первую очередь торговый договор [25, с. 58]. Советская сторона отдавала приоритет политическому соглашению и предложила немедленно приступить именно к политическим переговорам [26, л. 7], с чем Польша вынуждена была согласиться. Вскоре после начала переговоров между СССР и Польшей стало очевидно, что шансы на достижение соглашения крайне малы. Причем польская сторона сразу же отметила негативное влияние на ход переговоров германского фактора. 18 февраля 1926 г. во время встречи с Г. Чичериным польский посланник Станислав Кентжинский указал на постоянные попытки германского правительства срывать нормализацию отношений между Польшей и СССР [5, с. 477]. При этом поляки пытались посеять определенное недоверие в Кремле по отношению к германской политике, подчеркивая сотрудничество Берлина и Лондона. 26 февраля состоялась встреча Г. Чичерина со С. Кентжинским и заведующим восточным отделом польского МИД Станиславом Яниковским. Польские представители высказались за заключение коллективного пакта о ненападении между СССР, с одной стороны, и Польшей и прибалтийскими

государствами, с другой. Они пытались убедить советского наркома, что польское влияние в Прибалтике выгодно СССР, так как в противном случае в этом регионе будет преобладать Германия, а за ней стоит Англия [5, с. 467–468]. Однако, учитывая характер советско-германских отношений в то время, для СССР предпочтительнее было видеть усиление в Прибалтике влияния Германии, чем Польши. Член коллегии НКВД Семен Аралов в телеграмме П. Войкову 6 апреля указывал на большую заинтересованность немцев в Прибалтике. Полпредству в Варшаве предписывалось наладить тесный контакт с германским посольством для координации усилий против польского проникновения в Прибалтику [26, л. 30].

В ходе переговоров с Польшей советское руководство постоянно оглядывалось на Германию. С. Аралов писал 6 февраля в Варшаву П. Войкову, что коллегия НКВД признала нецелесообразным в то время приезд в Москву польской экономической делегации. Мотивом для такого решения послужили сложившиеся в тот момент трудности в ходе советско-германских переговоров. Чтобы не создавать дополнительные осложнения на переговорах с немцами, СССР не хотел давать полякам никаких обещаний и никаких конкретных промышленных заказов [26, л. 11].

В начале марта стало очевидно, что польско-советские переговоры зашли в тупик. Это констатировал в письме П. Войкову от 2 марта С. Аралов [25, с. 145]. Полпред в Варшаве придерживался той же точки зрения. 8 марта в послании в Москву он перспективу переговоров характеризовал как безнадежную, так как правительство А. Сквинынского не может отказаться от своей постоянной балтийской и румынской линии [13, л. 12–13].

8 марта на заседании коллегии НКВД было принято следующее решение: «а) ... категорически заявить полякам, какое бы то ни было фиксирование интересов Польши в Прибалтике не может быть базой для переговоров... б) необходимо сейчас же заявить полякам, что до выработки той или иной базы политического соглашения переговоры о торговом договоре являются преждевременными» [26, л. 24]. Ужесточение советской позиции произошло в то время, когда на проходившей в Женеве сессии Лиги Наций Польше не удалось получить постоянное место в Совете этой организации, а немцы потерпели неудачу в стремлении войти в нее. Советское правительство могло теперь рассчитывать, что и Варшава, и Берлин станут более сговорчивыми. При этом советское руководство понимало, что заключение соглашения с Германией окажет негативное влияние на переговоры с Польшей, но отдавало приоритет Германии. М. Литвинов 3 марта писал по этому поводу членам коллегии НКВД и полпреду в Берлине: «Неблагоприятно отразится заключение договора также на наших переговорах с Польшей. Тем не менее, мы должны принять германское предложение, руководствуясь хотя бы элементарной мудростью: “лучше синица в руке, чем журавль в небе”. Исход переговоров с Францией и с Польшей гадателей, а политическое соглашение с Германией, даже нейтрализуемое ее пребыванием в Лиге Наций и в кумовстве с Англией, исключает враждебные действия

между нами и Германией и в международном отношении нас укрепляет, ослабляя значение Локарно» [10, с. 797].

Рост германской угрозы и усиление международной изоляции Польши вынуждали ее продолжать переговоры, несмотря на ужесточение советской позиции. 29 марта А. Скшиньский во время встречи с П. Войковым подчеркнул заинтересованность Польши в продолжении переговоров с СССР. При этом польское правительство выразило готовность отказаться от требования непосредственного участия стран Прибалтики в проходивших переговорах, но продолжало настаивать на включении в будущий договор заявления о гарантии их границ [5, с. 481–482]. Советник польского МИД В. Фабержевич в беседа с секретарем советского полпредства в Варшаве М. Аркадьевым подчеркнул, что политика сближения с Россией и умиротворения на всей западной границе СССР остается основой внешней политики Польши. Такая польская политика диктуется ярко выраженным стремлением Германии к ревизии западной польской границы, а также фактом англо-американо-германского сближения [5, с. 477]. Однако этих польских уступок оказалось недостаточно, чтобы вывести переговоры из тупика.

В Берлине, видимо, не имели точной информации о ходе польско-советских переговоров, которые не продвигались вперед. Поэтому по мере их продолжения обеспокоенность Германии нарастала. П. Войков писал 1 января 1926 г., что на приеме у президента Польши «немецкий посол У. Раушер встретил меня с распростертыми объятьями и всячески желал показать, что он все тот же, и что наше сближение с Польшей есть только милая шутка и больше ничего» [27, л. 8]. 4 марта состоялась беседа Г. Чичерина с У. Брокдорф-Ранцау. Немецкий посол получил от Г. Чичерина заверения, что Советский Союз не намерен гарантировать западные границы Польши, но готов подписать с ней договор о ненападении относительно ее восточных границ. Это заявление не удовлетворило Г. Штреземана. Он обязал У. Брокдорф-Ранцау добиться новой встречи с Г. Чичериным и заявить, что Германия не подпишет проектируемое соглашение с СССР, если он имеет намерение заключить какой-либо договор с Польшей [28, s. 174].

Такая встреча состоялась 13 марта, и в ходе ее Г. Чичерин заявил, что для СССР не приемлем польский проект договора. Он также отметил: «Слух о том, что якобы мы гарантируем Польше ее нынешнюю польско-немецкую границу, настолько нелеп, что даже опровержения казались бы мне излишними, и это должно быть ясно послу». Германский посол высказал опасения, что советско-польские переговоры могут повредить «нашим переговорам в Берлине, ибо советско-польское соглашение об абсолютном и безусловном нейтралитете значительно уменьшает для Германии ценность ее отношений с СССР». Советский нарком ответил, что на переговорах с Варшавой Москва еще не выдвинула никакого проекта договора и его выдвижение будет зависеть от того, какими будут советско-германские отношения. Г. Чичерин подчеркнул, что для СССР важно упрочение мирных отношений с Польшей, но еще важнее упрочение отношений с Германией [10, с. 834–835]. С. Аралов сообщал 30 марта П. Войкову в

Варшаву, что «в последнее время немцы проявляют большой интерес к нашим переговорам с Польшей. При всех моих встречах со здешними немцами они все свои разговоры переводят на прощупывание меня по этому вопросу» [26, л. 27]. В те же дни в Берлине польскую проблему обсуждали Г. Штреземан и Н. Крестинский. Германский министр иностранных дел настойчиво стремился выяснить, каковы истинные намерения СССР в отношении Польши. А статс-секретарь германского МИД Карл фон Шуберт заявил Н. Крестинскому о необходимости для Германии гарантий того, что СССР не заключит какого-либо соглашения с Польшей [29, с. 13, 14].

Советская тактика шантажа Германии с помощью переговоров с Польшей дала результат. Германское правительство под воздействием информации о польско-советских контактах решило отказаться от тактики затягивания переговоров с СССР и выразило готовность подписать с ним договор о нейтралитете [2, с. 190–194]. В начале апреля предстоящее подписание советско-германского договора о нейтралитете уже не было секретом. Данная информация оказала отрицательное влияние на советско-польские отношения. Польское правительство пыталось сорвать подписание советско-германского договора путем организации коллективного дипломатического демарша в Берлине с участием ведущих государств Запада. Однако последние, прежде всего Англия, отвергли польское предложение [30, с. 177–178].

П. Войков 19 апреля сообщал в Москву, что советско-германские переговоры вызвали крайнее беспокойство и разочарование в Варшаве и просил инструкции [21, л. 67]. На следующий день он получил из Москвы телеграмму, в которой перед полпредством в Варшаве ставилась задача создать у поляков впечатление, что СССР вынужден был пойти на более быстрое соглашение с немцами «благодаря упорству Скшиньского». П. Войков также должен был внушить полякам, что подписание советско-германского договора не исключает дальнейших советско-польских переговоров, «если только Польша изменит свою позицию» [26, л. 36].

После подписания Берлинского договора П. Войков информировал Москву, что все польские политические группы считают этот договор ударом для Польши, «полным доказательством невозможности создания каких-либо прочных отношений с нами». Даже национальные демократы после подписания советско-германского договора отказались от идеи нормализации польско-советских отношений [31, л. 36]. В ответной телеграмме из Москвы от 27 апреля, подписанной С. Араловым, полпреду ставилась задача в беседах с поляками подчеркивать, что политика А. Скшиньского ускорила соглашение Советского Союза с Германией, что данная политика привела Польшу к полной изоляции, и она не давала советской стороне никаких побуждений к прекращению переговоров с Германией [26, л. 137]. Подписание Берлинского договора все же не стало для Польши фактором, побудившим ее прервать переговоры с СССР. 29 апреля премьер-министр А. Скшиньский направил инструкцию польскому посланнику в Москве, в которой подчеркивал, что подписание советско-германского договора о нейтралитете не меняет польскую политику по

отношению к СССР и не является препятствием для заключения польско-советского политического соглашения [5, с. 487–488].

Таким образом, в ходе переговоров в конце 1924 – первой половине 1926 г. на позицию как СССР, так и Польши существенное влияние оказывал германский фактор. Сближение Германии с Западом создавало объективные предпосылки для начала советско-польских контактов, нацеленных на улучшение двусторонних отношений. Правящие круги Польши рассчитывали использовать переговоры с СССР для того, чтобы содействовать разрушению рапалльской политики в советско-германских отношениях. Для Москвы переговоры с Польшей являлись инструментом дипломатического давления на Германию с целью сохранения рапалльской политики. В условиях ведения одновременных переговоров с Польшей и Германией руководство СССР отдавало явный приоритет соглашению с Берлином. Германский фактор в значительной степени предопределил ход советско-польских переговоров в конце 1924 – первой половине 1926 г.

Источники и литература

1. Советско-германские отношения. 1922–1925. Документы и материалы : в 2 ч. – М. : Политиздат, 1977. – Ч. 1. – 408 с.
2. Ахтамзян, А. А. Рапалльская политика. Советско-германские отношения. 1922–1932 / А. А. Ахтамзян. – М. : Международные отношения, 1974. – 303 с.
3. Документы внешней политики СССР : в 24 т. – М. : Госполитиздат, 1965. – Т. 7. – 760 с.
4. Ольшанский, П. Н. Рижский договор и развитие советско-польских отношений. 1921–1924 / П. Н. Ольшанский. – М. : Наука, 1974. – 326 с.
5. Документы и материалы по истории советско-польских отношений : в 14 т. – М. : Наука, 1966. – Т. 4. – 559 с.
6. Материалы особой папки Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений. 1923–1945. – М. : Институт славяноведения и балканистики, 1997. – 144 с.
7. Бабенко, О. В. Польско-советские отношения в 1924–1928 гг.: от противостояния к сотрудничеству / О. В. Бабенко – М. : РАН ИНИОН, 2007. – 224 с.
8. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 г.). Зборнік дакументаў і матэрыялаў : у 4 т. – Мінск : “ЮНІПАК”, 2012. – Т. 2. – 480 с.
9. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы. – М. : «Российская политическая энциклопедия», 2004. – 960 с.
10. Москва – Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920–1941 : сб. док. : в 3 т. / отв. ред. Г.Н. Севостьянов. – М. : Наука, 2011. – Т. 1. – 1031 с.
11. Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВПРФ). – Ф. 04. – Оп. 32. – П. 217. – Д. 52670.
12. Streseman, G. Vermachtnis / G. Streseman : in 3 b. – Berlin : Ullstein Von Henri Bernhard, 1932. – B. 2. – 611 s.
13. АВПРФ. – Ф. 04. – Оп. 32. – П. 217. – Д. 52667.
14. Документы внешней политики СССР : в 24 т. – М. : Госполитиздат, 1967. – Т. 8. – 862 с.
15. Dokumenty z dziejow polskiej polityki zagranicznej 1918–1938 : w 2 t. – Warszawa : Inst. Wyd. Pax., 1989. – Т. 1. – 540 s.
16. Archiwum Akt Nowych. – MSZ. – Sygn. 6635.

17. Kamiński, M. Polityka zagraniczna II Rzeczypospolitej. 1918–1939 / M. Kamiński. – Warszawa : Młodzieżowe Agencja Wydawnicza, 1987. – 120 s.
18. АВПРФ. – Ф. 04. – Оп. 32. – П. 217. – Д. 52673.
19. Зубачевский, В. А. Политика России в Центрально-Восточной Европе (первая треть XX века): Геополитический аспект / В. А. Зубачевский. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2018. – 396 с.
20. Дирксен, Г. Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики / Г. Дирксен. – М. : «ОЛМА-ПРЕСС», 2001. – 446 с.
21. АВПРФ. – Ф. 04. – Оп. 32. – П. 217. – Д. 52668.
22. АВПРФ. – Ф. 04. – Оп. 32. – П. 212. – Д. 52669.
23. Никонова, С. В. Очерки европейской политики Германии в 1924–1929 годах / С. В. Никонова. – М. : Наука, 1977. – 373 с.
24. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения особой папки 1923–1939. – М. : РОССПЭН, 2001. – 400 с.
25. Документы внешней политики СССР : в 24 т. – М. : Госполитиздат, 1968. – Т. 9. – 783 с.
26. АВПРФ. – Ф. 04. – Оп. 32. – П. 217. – Д. 52672.
27. АВПРФ. – Ф. 04. – Оп. 32. – П. 219. – Д. 52693.
28. Lopatniuk, S. Polsko-radzieckie rokowania w sprawie paktu o niagresji 1925–1932 / S. Lopatniuk // Z dziejow stosunkow polsko-radzieckich. – 1965. – Т. 1. – S. 167–188.
29. Grosfeld, L. Polska a stosunki niemiecko-sowieckie. 1918–1939 / L. Grosfeld. – Warszawa : Niezależna Oficyna Wydawnicza, 1988. – 43 s.
30. Мезга, Н. Н. В тисках Рапалло: германский фактор в польско-советских отношениях 1921–1926 годов / Н. Н. Мезга. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2010. – 196 с.
31. АВПРФ. – Ф. 04. – Оп. 32. – П. 218. – Д. 52688.

ГЕРМАНО-БЕЛОРУССКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ И НАУЧНЫЕ СВЯЗИ В 20-х гг. XX в.

Д.А. Мигун, г. Минск (Республика Беларусь)

В статье подробно исследуется процесс развития белорусско-германских культурных и научных связей после подписания Рапальского договора. На основании тщательного анализа архивных документов центральной белорусской прессы, автор приходит к выводу, что после подписания Рапальского договора белорусско-германские культурные и научные связи заметно активизировались.

Ключевые слова: Германия, Беларусь, культурные и научные связи, Рапальский договор, Белорусское общество культурной связи с границей.

После подписания Рапальского договора и договора о распространении германско-российских договоренностей на БССР германо-белорусские культурные связи заметно активизировались. Особый импульс их развитию был придан в 1926 г., когда было организовано Белорусское общество культурной связи с границей, ставшее филиалом союзного.

П. К. Кравченко указывает на то, что «в начале 20-х гг. в Западной Европе знали мало о БССР. Белорусский народ не успел еще в полной мере выйти на международную арену. К тому же отдельная и отрывочная информация о БССР, появлявшаяся в зарубежных периодических изданиях, усиленно фальсифицировалась реакционной прессой» [1, с. 18].

В 1920-е гг. культурные и научные связи между Веймарской Германией и БССР были весьма плодотворными и активными. С германской стороны наиболее выдающейся стала деятельность Товарищества по содействию развитию германской науки. С белорусской стороны большую роль в научных и культурных контактах играл Белорусский государственный университет, Государственная библиотека имени В. И. Ленина. Особенно большой вклад в развитие культурных и научных связей Беларуси и Германии вносило Белорусское общество культурной связи с заграницей (БелОКС). БелоОКС было создано в апреле 1926 г. [2, с. 198] Как указывалось в журнале «Полымя» «организационное бюро в составе Д. Жилуновича, А. Цвикевича и С. Гельтмана начало вербовку членов БелОКС. Общество имеет своей целью широко провести свою работу и в свой план деятельности включает публичные доклады о соседних с БССР странах, а также издание соответствующей литературы, которая будет знакомить Запад с очевидными успехами культурного и экономического строительства в БССР» [2, с. 198]. Его устав был утвержден СНК БССР 2 октября 1926 г.

П. К. Кравченко указывает на то, что «создание БелОКС предопределило значительную интенсификацию международных контактов Советской Белоруссии, а также способствовало увеличению количества их форм и методов» [1, с. 19]. Далее он указывает на то, что «к числу основных форм белорусско-германского научного и культурного сотрудничества следует отнести взаимный обмен делегациями деятелей культуры, науки и искусства, участие в международных выставках, научных конгрессах и съездах, подготовку научных кадров за границей, помещение информации о политических, экономических и культурных достижениях молодой национальной республики в иностранной периодике, гастроли белорусских артистов, книгообмен, переводческую деятельность. Особую роль играли поездки за границу представителей белорусской науки и культуры, способствовавшие распространению за рубежом правды о жизни Советской страны» [1, с. 19].

В БГУ активно занимались европейской историей, и предпочтение отдавалось именно истории немецкого народа. Об активности книгообмена говорят следующие цифры: только за октябрь 1926 г. из Германии было получено 3622 книги, туда из БССР была направлена 351 книга [3, л. 3]. Белорусская государственная библиотека наладила книгообмен с библиотеками Лейпцигского, Магдебургского, Франкфуртского и Мюнхенского университетов. Последний только за 1928 г. выслал белорусской библиотеке более ста своих диссертаций.

В 1921 г. германская сторона получила от белорусского правительства заказ на издание учебников по арифметике, алгебре, грамматике.

В их числе — «Грамматика» Б. Тарашкевича, «Альгебра» (ч. 1) А. Круталевича [4, с. 49]. В Берлине также были изданы две книги Т. Гартного (Д. Жилуновича) — стихотворения «Песні працы і змагання» и роман «Сокі цаліны» (вернее, первая его часть «Бацькава Воля»); «Казкі» Я. Коласа. Всего в 1921–1922 гг. в Германии было издано для Беларуси девять книг общим тиражом 131 тыс. экземпляров [4, с. 49].

В русле политики 1920-х гг. было разрешено пропагандировать национальную культуру. В БССР проводилась политика белорусизации. Для того чтобы сведения о белорусских научных учреждениях и деятелях культуры были помещены в германском ежегоднике «Minerva. Jahrbuch der gelehrten Welt» («Минерва. Ежегодник научного мира»), одном из наиболее крупных мировых изданий, необходимо было посредничество Всеобщего (союзного) товарищества культурной связи с зарубежьем.

В связи с проявлением большого интереса к белорусской культуре (БелОКС) начало издавать книги на иностранных языках. На немецком языке вышли работа И. Симоновского «Белорусская государственная библиотека» (1928) и сборник статей «Белорусская культура» (1928), который дает общее представление о ее развитии в 1917–1927 гг. Эти работы заслуживают уважения, так как появились благодаря инициативе белорусской интеллигенции, направленной на знакомство с культурой народа в Германии.

О событиях культурной жизни в БССР публиковались сведения в следующих немецких журналах: «Archiv für slavische Philologie» («Архив славянской филологии»), «Zeitschrift für slavische Philologie» («Журнал славянской филологии»), «Slavische Rundschau» («Славянское обозрение»), «Ost-Europa» («Восточная Европа»), «Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven» («Ежегодник по культуре и истории славян») [5, с. 65].

В 1925 г. профессорами Берлинского университета М. Фасмером и Р. Траутманом была основана серия «Grundriss der slavischen Philologie und Kulturgeschichte» («Очерк по славянской филологии и истории культуры»), в которой в 1926 г. вышла работа Я. Карского «История белорусского устного народного творчества и литературы». Германские слависты М. Фасмер и Р. Траутман высоко оценили это издание. Они считали, что работа не имеет себе равных среди изданий 1920-х гг. в области белорусской филологии. Книга ученого на протяжении десятилетий была важным источником по белорусистике для германских славистов. А то, что первый отклик на эту работу появился в журнале «Ost-Europa» только спустя четыре года после ее издания, свидетельствует о низком уровне осведомленности германских славистов в области белорусской культуры.

Германские ученые и писатели стремились ознакомить общественность своей страны со славянским фольклором. В 1926 г. Институтом библиографии в Лейпциге был издан сборник германского ученого П. Айснера «Народные песни славян». Здесь в числе других были опубликованы 42 белорусские песни [6]. Подборка песен сделана так, чтобы ярко отобразить жизнь народа, его характер и душу.

В 1926 г. В Минске с 14 по 21 ноября проходила Академическая конференция по вопросам реформы белорусского правописания и азбуки. Президиум Инбелкульта пригласил на конференцию германских славистов М. Фасмера и Е. Бернекера. Ученые приняли участие в этом мероприятии [7, с. 4]. 15 ноября 1926 г. на банкете по случаю открытия в Минске белорусской академической конференции представитель берлинского университета профессор Макс Фасмер заявил, что «германская интеллигенция с радостью готова оказывать помощь молодой белорусской интеллигенции в ее творческой культурной работе» [8, с. 2]. Также Макс Фасмер 19 ноября 1926 г. посетил БГУ и выступил там [9, с. 3].

Стремительное развитие белорусской литературы привлекло внимание к ней и в Германии. Наиболее важным стало издание антологии Е. Кальмера «Европейская лирика современности. 1900—1925». Там были опубликованы произведения белорусских поэтов Я. Купалы, Я. Коласа, М. Богдановича, З. Бядули [10]. Из множества антологий, которые издавались на землях Германии в XIX—XX вв., это был первый случай, когда публиковались произведения белорусской художественной литературы.

Одним из эффективных средств ознакомления германской общественности с культурой Беларуси стало ее активное участие в многочисленных выставках: книжной в Лейпциге (1927), Международной книжной в Кёльне (1928), берлинской выставке 1928 г. с демонстрацией экспонатов отдела просвещения и земледелия, а также в выставке печати в Кёльне (1929).

Германско-белорусский диалог культур в это время был многосторонним. Важным для БССР было ее участие во всемирной выставке народных инструментов во Франкфурте-на-Майне (1927). Огромным успехом на ней пользовались белорусские музыкальные инструменты. Артисты, выступавшие в белорусских национальных костюмах и на фоне белорусских декораций, создали яркий портрет народной художественной культуры, мало известной в то время в Германии.

В июле–сентябре 1927 г. БССР в составе союзной делегации участвовала в международной музыкальной выставке «Музыка в жизни народов», проходившей в германском городе Франкфурте-на-Майне. Здесь прекрасно выступили певица из Минска Л. Александровская и цимбалист Т. Новицкий. В белорусской столице гастролировал профессор Берлинской консерватории Э. Петри.

На страницах органа Центрального Комитета Коммунистической партии (большевиков) Беларуси и Минского Областного комитета КП(б) газеты «Звезда», в номере от 25 февраля 1930 г. в статье под названием «Первая выставка пролетарской культуры в Берлине» [11, с. 1] говорилось о том, что «22 февраля в центре Берлина, на Потсдамской площади открылась „Первая всенемецкая выставка пролетарской культуры“» [11, с. 1]. Данная выставка была организована немецкими революционными культурно-просветительскими организациями. Целью данной выставки, как указывалось в статье, был показ развития пролетарской культуры в

Советском Союзе и в капиталистических странах [11, с. 1]. В статье также отмечается, что «...при входе размещены экспонаты немецкого союза сторонников СССР. В отделе „Правда о Советском Союзе” тщательно собраны материалы, которые очевидно показывают клевету социал-демократической и буржуазной печати на СССР и показывают зрителям настоящую картину социалистического строительства» [11, с. 1]. Также на выставке был широко представлен материал антирелигиозного и атеистического характера. Выставочный комитет отвел много места на выставке различным революционным издательствам, так как «пролетарская книга является важным средством в освободительной борьбе рабочего класса» [11, с. 1]. Большой популярностью на выставке пользовался отдел союза пролетарских театров, где ежедневно давались представления. Далее в статье говорится о том, что «на „Первой всенемецкой выставке пролетарской культуры», был представлен также союз киноорганизаций, материалы которого знакомят посетителей с резкими разногласиями между кино в капиталистических странах, где оно используется для того, чтобы отвлечь внимание рабочих от борьбы с эксплуататорами и в Советском Союзе, где кино является мощнейшим средством политического воспитания трудящихся» [11, с. 1]. Также в выставке принял участие ряд пролетарских, спортивных, музыкальных и иных организаций.

Оживленное сотрудничество наблюдалось между Беларусью и Германией и в области киноиндустрии. 17 декабря 1924 г. на основании постановления СНК БССР «Об урегулировании кинодела БССР» было образовано Управление по делам кино (Белгоскино) [12, с. 66]. Белгоскино вменялось в обязанность руководство производством, покупкой, продажей и прокатом кинофильмов, как отечественных, так и зарубежных.

Правительственные органы и общественные товарищества БССР принимали многочисленные меры для более широкого распространения белорусской культуры за границей, в том числе и в Германии. Большую роль сыграло здесь (БелОКС) и особенно председатель этого учреждения – Т. Гартный. С первых дней существования товарищества в число его членов вошли Белорусское государственное издательство, Инбелкульт, Первый белорусский государственный театр, а также более сорока частных лиц, среди которых – Я. Купала, Я. Колас, Т. Гартный, М. Чарот – известные представители интеллигенции БССР.

БелОКС, Народный комиссариат просвещения БССР, Инбелкульт, крупнейшие учебные заведения республики провели во второй половине 1920-х гг. большую работу по организации заграничных командировок, в том числе и в Германию, содействовали участию белорусских ученых в международных мировых конференциях, планировали поездки писателей и деятелей искусства. Но деятели науки и культуры БССР были вынуждены пропагандировать «ценности» мировой пролетарской революции и классовой борьбы, т. е. вести политическую и идеологическую агитацию, что запрещалось договоренностью от 1922 г. Это в Германии было замечено и наконец, привело к недоверию и идеологической

враждебности. Взаимное недоверие снижало результативность германско-белорусских культурных связей.

Как следует из «Плана заграничных командировок научных сотрудников вузов БССР в 1926–1927 гг.» за подписью Заместителя Народного комиссара образования Волосевича, за пределы Белоруссии и в том числе в Германию планировалось отправить в общей сложности 31 ученого [3, л. 105–107]. Среди научных работников высших учебных заведений, которые командировались Комиссариатом образования с научной целью в Германию, были:

- 1) С. Вольфсон, профессор кафедры материализма БГУ;
- 2) В. Перцев, профессор кафедры всеобщей истории БГУ;
- 3) М. Прилежаев, профессор кафедры органической химии БГУ;
- 4) С. Лебёдкин, профессор кафедры нормальной анатомии БГУ;
- 5) М. Медиш, профессор кафедры фитопатологии Белорусской государственной академии сельского хозяйства, и другие ученые [3, л. 18, 18^{об.}, 23, 39].

Так, командировка профессора кафедры фитопатологии Белорусской государственной академии сельского хозяйства М. М. Медиша была связана с ознакомлением с общей организацией работы на Центральной фитопатологической станции и в сельскохозяйственных высших учебных заведениях Берлина, Лейпцига, Галле; с изучением болезней вырождения картофеля и ознакомлением с картофельным раком, который есть в Польше и угрожает СССР; с перениманием опыта, как лучше организовать преподавание фитопатологии и микробиологии в белорусских высших учебных заведениях данного направления [3, л. 84–85, 105].

Профессор кафедры всеобщей истории БГУ В. Н. Перцев планировал ознакомиться в Германии с немецкой литературой и поработать в архиве для подготовки монографии [3, л. 103].

Профессор кафедры материализма БГУ С. Я. Вольфсон собирался ознакомиться в Германии с постановкой работы на юридическом и экономическом факультетах. Также он планировал посетить в Германии ряд библиотек с целью подготовки учебников и монографии [3, л. 103].

Профессор кафедры нормальной анатомии С. Лебёдкин планировал ознакомиться с Анатомическим институтом в Берлине, а также в Мюнхене и других городах. Кроме этого, он собирался поработать с научной литературой, которой в настоящее время нет в Минске, Москве и Ленинграде [3, л. 47].

Профессор кафедры глазной клиники БГУ С. Каминский выезжал в Германию, чтобы посетить аналогичные по роду своей деятельности клиники в Берлине и Фрайбурге, а также участвовать в Общенемецком съезде окулистов в Гейдельберге [3, л. 49].

Профессор кафедры физиологии БГУ Л. Розанов планировал побывать в Германии в Физиологическом институте в университете Галле для того, чтобы ознакомиться с работами этого института. Он планировал приобрести ряд журналов, которых не было в Минске и в Москве. Так как

он работал над дрожжами, то планировал посетить Институт профессора Нойберга, который тоже исследовал дрожжи. Кроме того, он собирался посетить Физиологический институт профессора Эбера, чтобы ознакомиться с техникой физико-химических и иных исследований относительно эмульсионной теории возбуждения. Там же у профессора Шадэ профессор Л. Розанов собирался работать по исследованиям водородного показателя в тканях живых людей [3, л. 47–48].

Профессор кафедры общей хирургии С. Рубашов хотел ознакомиться в клиниках Берлинского университета с новыми методами клинического преподавания, которые практиковались во всех трех берлинских хирургических клиниках, а также ознакомиться с новейшими достижениями немецкой хирургии. Кроме этого, профессор С. Рубашов, работая два года по вопросам хирургии нервной системы, собирался изучить ряд вопросов по хирургии симпатической нервной системы у профессора Брюнинга в Берлине и по хирургии головного мозга у профессора Ферстера в Бреславле. Наконец, профессор С. Рубашов планировал работать в Берлине, в Институте профессора Блюменталля по злокачественным опухолям. Эта командировка дала бы профессору С. Рубашову возможность закончить две большие монографии, что не было бы возможным без работы в медицинских библиотеках Берлина [3, л. 48].

Уже из этого видно, что контакты между белорусскими и германскими учеными приобрели довольно обширный характер. К этому можно добавить, что самыми плодотворными были связи в области медицины.

В 1928 г. известный ученый, представитель школы В. О. Ключевского, первый ректор Белорусского государственного университета В. И. Пичета принял активное участие в «Неделе советской исторической науки в Берлине», где выступил с докладом «Аграрная реформа в восточных волостях Литовско-Белорусского государства во второй половине XVI – начале XVII в.» [13, с. 223].

Ознакомление белорусской интеллигенции с научной и культурной жизнью Германии было многогранным. Эту страну посетили в 1925 г. Я. Купала, Т. Гартный, М. Чарот (М. Куделька). В 1927 г. в соответствии с постановлением № 112 Народного Комиссариата Просвещения БССР от 6 июля 1927 г. «Об иностранных командировках белорусских писателей» в Германию для ознакомления с бытом и культурными достижениями выезжали Д. Жилунович (Т. Гартный), М. Куделька (М. Чарот), М. Косенков (М. Зарецкий) [3, л. 203]. В Берлине они встречались с пролетарским писателем И. Бехером, который согласился стать постоянным сотрудником белорусского журнала «Полымя». Белорусские писатели встретились и с германским автором Г. Полем, редактором журнала «Die neue Bücherschau» («Новое книжное обозрение»). С ним также было налажено сотрудничество.

К сожалению, имел место очень сильный контроль со стороны государственных органов и учреждений за командировками ученых. Госорганы на основании письменных обоснований самих ученых и ряда

ходатайств со стороны руководства вузов решали, разрешить или нет тому или иному ученому зарубежную командировку. Это отчетливо видно на личном примере преподавательницы Горецкого рабочего факультета К. Соловьевой, которая потратила много времени и усилий, но так и не смогла получить командировку в Германию с целью совершенствования знаний немецкого языка [3, л. 8–15, 130–141]. Придирчивое и во многом субъективное, некомпетентное отношение к ученым со стороны властей, плохое знание иностранных языков, в том числе немецкого, и ряд иных факторов отрицательно влияли на развитие белорусско-германских научных и культурных связей.

Свою роль в расширении белорусско-германских культурных связей сыграл журнал «Полымя». Он систематически информировал читателей о том, как воспринимают белорусскую культуру за границей. С 1927 г. здесь публиковались также переводы произведений классической и современной иностранной, в том числе и немецкой литературы, критические статьи, отзывы и рецензии на издания, хроника культурной жизни.

В февральском номере журнала «Полымя» за 1927 г. в разделе «Хроника белорусской культуры» сообщалось, что «редакция немецкой рабочей газеты „*Illustrierte Arbeiter Zeitung*“ под руководством Вилли Мюнценберга обратилась к берлинскому корреспонденту „Советской Беларуси“ с просьбой предоставить для размещения в газете обзор хозяйственных и культурных достижений за 8 лет существования Советской Беларуси и до десятка фотографий, которые бы ярко иллюстрировали эти достижения» [14, с. 204–205]. На протяжении 1927 г. на страницах журнала «Полымя» печатались переводы произведений известного немецкого пролетарского прозаика и поэта Иоганнеса Бехера: «Массы», «Пробуждение человека», «Призыв», «Буржуазная и пролетарская революционная литература в Германии», «В походе», «Оружие», «Герои». А на протяжении 1928 г. были опубликованы: «Единая справедливая война», «Портовые города», «Рассматривая тридцатилетие жизни».

В апрельском номере журнала «Полымя» за 1927 г. в разделе «Хроника белорусской культуры» сообщалось, что «11 июля во Франкфурте на Майне откроется всемирная выставка народной музыки» [15, с. 240]. Планировалось, что от Советской Беларуси на эту выставку будут отправлены народные инструменты: трубы, которые используются пастухами, жалейки, лиры, дудки и цымбалы. К инструментам прикладывалось их историческое описание. Также предусматривалось, что для демонстрации исполнения на этих инструментах на выставку будут отправлены музыканты. Как в дальнейшем сообщали немецкие газеты, белорусские экспонаты вызвали большой интерес и внимание [16, с. 204].

В апрельском номере журнала «Полымя» за 1928 г. в рубрике «Иностранные государства о Белоруссии» был размещен любопытный материал о реакции прогрессивной немецкой печати на события в Польше, связанные с запретом деятельности и судебной расправой над лидерами и рядовыми членами Белорусской крестьянско-рабочей громады [17,

с. 208]. Там сообщается, что «в № 19 рабочей иллюстрации, которая издается в Берлине „А. I. Z.“, отведена страница, посвященная процессу над „Громадой“. Страница проиллюстрирована снимками послов за решеткой, силуэтами-крестьян-свидетелей и фигурой крестьянина-белоруса» [17, с. 208]. А в № 4 «Der Rote Hefter» «Красная папка» размещена статья под названием «Massen Protest gegen die Hromada» «Массовый протест против Громады», иллюстрированы шесть портретами деятелей Белорусской крестьянско-рабочей громады [17, с. 208]. Вообще статьи о несправедливой судебной расправе над «Громадой» были размещены в следующих немецких газетах: «Berliner Tagesblatt», «Deutsche Allgemeine Zeitung», «Der Tag», «Deutsche Presse», «Hermania», «Vorwärts» [17, с. 208].

5 мая 1928 г. в Кёльне открылась выставка печати. На выставке была представлена как история развития периодической белорусской печати, так и все белорусские периодические издания на тот момент [18, с. 230]. Кроме этого, были представлены наиболее важные книжные издания а также диаграммы, снимки и другие экспонаты которые давали четкое представление о тогдашнем состоянии белорусской печати. Например снимки грамот о присвоении звания народных поэтам Янке Купале и Якубу Коласу и постановление правительства БССР в связи с празднованием 400-летия белорусской печати, фотографии факультета журналистики и другие материалы [18, с. 230]. Также на международную выставку печати в Кёльне отправлял свои экспонаты и Институт белорусской культуры. Это были материалы от отделов языка и литературы, природы и хозяйства, польского и еврейского национальных секторов. Всего было отправлено 67 экспонатов, среди которых работы профессоров Бузука, Смолча, Расторгуева, Некрашевича и др. [18, с. 230].

Присутствие белорусской культуры в Германии наиболее широко и объемно было зафиксировано в германских славистических журналах, перечень которых дан выше. На их страницах нашли отражение многочисленные проблемы белорусской культуры. Среди авторов – В. Самойло, Г. Виршубский, Я. Карский, Я. Баричевский, Т. Гартный, А. Навина, П. Расторгуев, А. Вознесенский, А. Некрасов, В. Пичета, Н. Дурново и другие. Особое значение имели публикации обзорного характера. Это – «Белорусская филология за последние десять лет» Я. Карского, «Белорусский театр сегодня» А. Вознесенского, «Исследования по истории Беларуси» В. Пичеты, «Институт белорусской культуры и белорусская Академия наук» Н. Дурново, «Исследования по белорусскому языковедению за 1917–1927 гг.» П. Расторгуева и другие.

В 1929 г. белорусская культура была широко представлена на страницах нового германского славистического журнала «Slavische Rundschau» («Славянское обозрение»), основанного Ф. Скином и Г. Геземаном.

Основатели видели упадок германской славистики в университетах Германии и поэтому требовали от ученых более тесной связи с современностью. К их мнению прислушались, и очень скоро именно этот журнал стал своеобразной информационно-критической летописью духовной жизни славян. С ним активно сотрудничали многочисленные белорусские

ученые – Я. Карский, В. Пичета, И. Замотин, А. Вознесенский и другие. Среди прочих публикаций огромное место занимают сообщения и библиографические заметки о театре, изобразительном искусстве, литературоведении, архитектуре, истории, этнографии, языкознании и литературе.

Уже в первом томе этого журнала была помещена рецензия Е. Боричевского на двухтомное издание произведений М. Богдановича, подготовленное комиссией Инбелкульта. В ней можно выделить две части. В первой определяются роль и место М. Богдановича в белорусской литературе. Во второй дается анализ качества издания собрания его произведений. Рецензент отвел М. Богдановичу одно из первых мест в литературе его народа, определил новое в творчестве поэта и показал, каким образом им были достигнуты вершины не только белорусской национальной, но и мировой поэзии. Рецензия давала немецкому читателю представление о том, что в издании хорошо показано наследие одного из лучших поэтов.

В германских славистических журналах не была забыта и историческая тематика. В 1929 г. на страницах «Jahrbüher für Kultur und Geschichte der Slaven» она была представлена рецензией В. Самойлы на книгу «Год 1863 на Минщине», в которой показаны выступления русских властей против засилья польского дворянства на белорусских землях и то, что участие поляков в политической жизни не было активным и значительным.

В этом издании в том же году увидела свет докторская диссертация белорусского ученого С. Калеко «Аграрные отношения в Беларуси до перелома 1917 г.», которую он защитил в Германии. В ней было точно отражено состояние жизни крестьянства в России того времени, формы его занятий, разделение на более бедное и более богатое, разорение, бегство в города и вынужденные скитания по другим районам огромной империи, эмиграция за рубеж в поисках работы и лучшей жизни.

1929 г. оказался самым плодотворным с точки зрения публикаций белорусских материалов в германских славистических журналах. Больше всего материалов, как и раньше, было посвящено белорусской литературе и фольклору, исторической тематике. Они охватывают все более важные области политической и культурной жизни, истории края.

В январе 1929 г. в Москве была проведена неделя германской техники, которая была подготовлена обществом «Культура и техника» и союзом германских инженеров. На страницах всебелорусской ежедневной газеты «Рабочий», издававшейся от ЦК КП(б)Б и ЦПСБ в номере от 8 января 1929 г. сообщалось, что «в Москву через Минск проехала группа немецких ученых, которые примут участие в проведении в Москве «недели немецкой техники», организуемой обществом «Культура и техника» и союзом германских инженеров» [19, с. 5]. Далее в сообщении речь шла о том, что «вопросы, которые будут освещаться германскими учеными в их докладах, являются для нашего хозяйственного строительства чрезвычайно своевременными и актуальными. Однако, не только для научных и руководящих кругов, но и для огромных масс технических работников Советского Союза устраиваемая «неделя» будет иметь большое

значение» [19, с. 5]. Германский посол господин фон-Дирксен получил приглашение выступить на заседании, посвященном торжественному началу недели [20, с. 5]. В интервью специальному корреспонденту газеты «Рабочий», которое германский посол дал 6 января 1929 г. на белорусской станции Негорелое он заявил: «Я всегда близко интересовался вопросами культурного сближения и обменом научными достижениями между Германией и СССР. Значение недели германской техники, начавшейся сегодня в Москве, несомненно велико хотя бы уже потому, что в ней участвуют лучшие представители германской технической мысли. Из Германии для участия в неделе техники в Москву придут 14 виднейших ученых. Надеюсь, что вторая научная неделя послужит укреплению дружеских отношений между Германией и СССР и еще больше разовьет обмен научными мыслями между этими странами» [20, с. 5].

В газете «Рабочий» в статье «Неделя германской техники» в номере от 10 января 1929 г. сообщалось, что «вечером 8 января в актовом зале первого Московского Государственного Университета состоялось заседание, посвященное «неделе германской техники» [21, с. 7]. Заседание открыл член коллегии НКВД СССР, председатель общества «Культура и техника» Б. С. Стомоняков. Он указал на то, что «Германия, заняв среди всех стран первое место в товарообмене с СССР, занимает также первое место в обмене культурными ценностями с нашей страной» [21, с. 1]. Также он отметил, что «советское государство и советская общественность особенно заинтересованы в перенесении из Германии итогов работы тех отраслей науки, которые имеют решающее значение для индустриализации нашей страны и реконструкции сельского хозяйства» [21, с. 1]. Германский посол Герберт фон Дирксен в своем приветственном обращении к участникам торжественного заседания отметил, что «среди различных видов совместной деятельности, которая уже в течение ряда лет происходит между Германией и Советским Союзом, совместная деятельность на поприще техники дала самые яркие результаты и принесла обоим народам наибольшую пользу» [21, с. 1]. «Тот факт, что союз германских инженеров с радостью принял предложение общества «культура и техника» относительно совместного устройства «недели», ясно подчеркивает готовность германского технического мира делиться с Советским Союзом результатами своих теоретических изысканий и практическим опытом и одновременно пользоваться плодами достижений советской науки» [21, с. 1].

Старшины германской ученой делегации профессор Мюллер и Матчос произнесли ответные речи. Профессор Мюллер в своем выступлении заявил, что «в СССР возник целый ряд новых крупнейших электростанций, и дело электрификации быстрыми темпами продвигается вперед» [21, с. 1]. Профессор Матчос сказал, что «рад тому гостеприимству, с которым германских ученых встретили в СССР, и рад пригласить советских инженеров на ближайший съезд германских инженеров в Кенигсберге» [21, с. 1].

Посольство Германии придавало большое значение проходившей в Москве неделе германской техники. В газете «Рабочий» в заметке «Прием у германского посла» в номере от 16 января 1929 г. говорилось о том, что «вечером 12 января германский посол Герберт фон Дирксен дал в помещении германского посольства прием по случаю происходившей в Москве недели германской техники» [22, с. 5]. Перед отъездом в Берлин старшина германской ученой делегации профессор Мюллер отметил, что «мы покидаем СССР с чувством глубочайшего удовлетворения, так как нам был оказан здесь самый сердечный прием как советским правительством, так и общественными и научными организациями Москвы» [23, с. 1].

После 1929 г. отмечается резкое уменьшение количества белорусских публикаций в германской славистической печати. Когда в 1929 г. их было 88, то в 1930 — всего 17, а в 1931-м — 11. Причиной этого стало ухудшение отношений с Германией, в печати которой критиковались сталинская коллективизация, дискредитация и аресты в СССР ученых. Большинство журналов прекратили печатание белорусских материалов. Их ученые не присылали, опасаясь обвинения в шпионаже в пользу Германии.

Тем не менее, в журнале «Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven» белорусские материалы еще печатались, но в меньшем количестве. Если в 1929 г. их здесь было 24, в 1930 — 10, в 1931-м — 7, то в 1932 — всего 2, в 1933 — 1, в 1934 — 2, в 1935-м — 2 материала.

Из публикаций 1930 г. наибольший интерес вызывает статья Т. Вочкэ «Польские и литовские студенты в Кёнигсберге». В ней приводятся интересные сведения о студентах-белорусах, которые занимались в Кёнигсбергском университете и после его окончания стали проводниками идей Реформации, активными участниками культурной и политической жизни на своей родине. Эта работа отобразила состояние просвещения на белорусских землях XVI в., тогдашние культурные связи между белорусским и германским народами.

В этом же году здесь увидела свет рецензия М. Лауберта на книгу Ё. Пицнера «Литовский князь Витовт великий как государственный деятель». Книга Ё. Пицнера показана как значительное исследование на пути раскрытия правдивой истории средневековой Беларуси и ее соседей, входивших в Великое княжество Литовское. Характеризуя Витовта как государственного деятеля, автор книги показывает его не только активным, одаренным полководцем, но и человеком, который в сложных условиях благодаря своей гибкости и дальновидности смог создать могучее государство в окружении многочисленных врагов, невзирая на измену близких ему людей.

Источники и литература

1. Кравченко, П. К. Экономические и культурные связи БССР с зарубежными странами (1921-1932 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / П. К. Кравченко ; Бел. гос. ун-т. — Минск, 1976. — 23 с.
2. Хроніка беларускае культуры // Полымя. — 1926. — № 3.

3. Материалы о заграничных командировках сотрудников вузов БССР в связи с заграничными культурно-просветительными учреждениями / приказы, циркуляры, планы, протоколы, переписка и др. // НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 338.

4. Ермаловіч, В. 3 гісторыі беларуска-нямецкага грамадскага супрацоўніцтва ў 20-х гг. XX стагоддзя / В. Ермаловіч // Беларуска-нямецкае грамадска-культурнае ўзаемадзеянне : гісторыя, сучаснасць, перспектывы : матэрыялы Міжнар. «круглага стала», Мінск, 29–30 крас. 1996 г. / Addз-не культуралогіі і духоўн. сувязей сусед. народаў Міжнар. акад. навук Еўразіі, Міжнар. асац. беларусістаў, Нац. навук.-асвет. цэнтр імя Ф. Скарыны пры М-ве адукацыі і навукі Рэсп. Беларусь ; рэдкал.: Л. Кулажанка [і інш.]. – Мінск, 1996. – С. 46–52.

5. Брэдэрлоў, Н. Беларусы – паміж вайной і мірам / Н. Брэдэрлоў // Беларуска-нямецкае грамадска-культурнае ўзаемадзеянне: гісторыя, сучаснасць, перспектывы : матэрыялы Міжнар. «круглага стала», Мінск, 29–30 крас. 1996 г. / Addз-не культуралогіі і духоўн. сувязей суседн. народаў Міжнар. акад. навук Еўразіі, Міжнар. асац. беларусістаў, Нац. навук.-асвет. цэнтр імя Ф. Скарыны пры М-ве адукацыі і навукі Рэсп. Беларусь ; рэдкал.: Л. Кулажанка [і інш.]. – Мінск, 1996. – С. 64 – 69.

6. Volkslieder: Volkslieder der Slaven / Ausgewählt, übersetzt, eingeleitet und erläutert von P. Eisner. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1926–1927. 560 S.

7. Беларуская акадэмічная канфэрэнцыя. Прыезд замежных гасцей // Звезда. – 1926. – 13 ноября. – С. 4.

8. Вечер смычки советских и заграничных ученых в честь академической конференции // Звезда. – 1926. – 17 ноября. – С. 2.

9. Делегаты академической конференции в БГУ // Звезда. – 1926. – 20 ноября. – С. 3.

10. Lyrik. Europäische Lyrik der Gegenwart 1900 – 1925 / In Nachdichtungen von Josef Kalmer. Wien; Leipzig: Verlagsanstalt Dr. Zahn und Dr. Diamant, 1927. 319 S.

11. Первая выставка пролетарской культуры в Берлине // Звезда. – 1930. – 25 февраля. – С. 1.

12. Космач, В. А. Вклад Белгоскино в развитие германо-белорусских культурных связей в годы Рапалло (1922–1932 гг.) / В. А. Космач // Беларусь и Европа: взаимодействие культур (история, уроки, опыт, современность) : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 30 нояб. – 1 дек. 2000 г. / Витеб. гос. ун-т им. П. М. Машерова ; редкол.: В. А. Космач [и др.]. – Витебск, 2000. – С. 65–68.

13. Советско-германские научные связи времени Веймарской республики / Рос. акад. наук. Ин-т истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. С.-Петерб. фил. ; отв. ред. Э.И. Колчинский. – М. : Наука, 2001. – 366 с.

14. Хроніка беларускай культуры // Полымя. – 1927. – № 2. – С. 204-205.

15. Хроніка беларускай культуры // Полымя. – 1927. – № 4. – С. 240.

16. Хроніка беларускай культуры // Полымя. – 1927. – № 5. – С. 204.

17. Замежныя краіны аб Беларусі // Полымя. – 1928. – № 4. – С. 208.

18. Хроніка беларускага друку // Полымя. – 1928. – № 2. – С. 230.

19. Через Минск проехала группа немецких ученых // Рабочий. – 1929. – 8 янв. – С. 5.

20. Приезд германского посла господина фон-Дирксена в СССР // Рабочий. – 1929. – 8 янв. – С. 5.

21. Неделя германской техники // Рабочий. – 1929. – 10 янв. – С. 1.

22. Прием у германского посла // Рабочий. – 1929. – 16 янв. – С. 5.

23. Отъезд германских ученых из СССР // Рабочий. – 1929. – 17 янв. – С. 1.

СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ГЕРМАНСКИЙ ВОПРОС: ПРИЗНАНИЕ И РЕШЕНИЕ. 1985–1990 гг.

Б. В. Петелин, г. Череповец (Российская Федерация)

После окончания Второй мировой войны в Европе германский вопрос стал частью внешней политики СССР. Решить его по многим причинам не удалось. С началом перестройки германская проблема вновь приобрела актуальность, что было продиктовано стремлением завершить холодную войну. Советская дипломатия, о чем идет речь в данной статье, прилагала усилия к тому, чтобы объединение Германии не подорвало безопасность СССР, и не привело бы в дальнейшем к новой конфронтации в Европе. Однако односторонние уступки советского руководства, фактическое отстранение профессионалов, что практиковали инициаторы «нового политического мышления», обернулись явным проигрышем для России, падению ее авторитета на мировой арене.

Ключевые слова: перестройка, советская дипломатия, германский вопрос, М.С. Горбачев, объединение Германии.

Будущее Германии определялось ходом Второй мировой войны. Гитлер ввергнул страну в катастрофу, итогом которой стало тотальное поражение и безоговорочная капитуляция. Преодолеть последствия национал-социализма обязались победители, согласовав общую политику на Крымской конференции. До этого, как известно, ни в Тегеране, ни в Москве никаких определенных решений по германскому вопросу принято не было [15, с. 115]. Взяв на себя ответственность за Германию в целом, победители не смогли исполнить это обязательство: в 1949 г. в Европе появилось два немецких государства – ФРГ и ГДР, что дало основания разным сторонам, партиям и политикам заявлять об «открытом германском вопросе».

В статье нет необходимости представлять все попытки объединения Германии в период 1949–1953 гг., как и последующее проведение германской политики СССР. Она не была прямолинейной и однозначной, но подобное характерно и в отношении западных держав, прежде всего, США и Великобритании [6, с. 91–92]. В 1954 г. для советского руководства была составлена «справка», в которой обосновывались «условия прихода к власти Гитлера» в Западной Германии, естественно «нового», ибо канцлер Аденауэр расчищает ему путь, как это сделал Ф. фон Папен в Веймарской республике. Оценка, как отметил известный российский историк А.М. Филитов, – «хлесткая, но далекая от реальности» [20, с. 205].

Тем не менее отказаться полностью от «решения германского вопроса» советская сторона, как и западная, не могли, поэтому до конца 1950-х гг. появлялись планы по объединению Германии. В июле 1955 г. на Женевской встрече делегации СССР во главе с Н.С. Хрущевым с делегациями США, Великобритании, Франции, возглавляемыми президентом Д. Эйзенхауэром, премьер-министром Э.Иденом, французским премьером Э. Фором центральным был германский вопрос. Основным препятствием на пути к объединению Германии становились всеобщие выборы,

проведение которых, скорее всего, давало огромные преимущества партиям ФРГ, тогда как коммунисты из ГДР могли не попасть в общегерманский парламент. Естественно, что СССР и ГДР такой исход не устраивал. Впрочем, канцлер ФРГ К. Аденауэр и правящие партии ХДС/ХСС, как убеждают в этом документы и исследования, вовсе не стремились к объединению и, более того, относил эту возможность на неопределенное будущее [12, с. 36–37]. Раскол Германии устраивал и США, так как в Западной Германии находились их войска, а в случае объединения США теряли свои позиции в Европе. Что касается СССР, то по словам Н.С. Хрущева, лучше «иметь под своей рукой 18 миллионов немцев, нежели объединенную Германию, даже если та будет нейтральным государством» [4, с. 83].

В сентябре 1955 г. во время официального визита канцлера ФРГ Аденауэра в Москву были установлены дипломатические отношения между двумя государствами [1]. Предварительным условием со стороны ФРГ было освобождение всех немецких военнопленных, которые таковыми уже не являлись, а находились в СССР как осужденные за свои преступления в годы войны. Западногерманская сторона ссылалась на явно завышенное количество «военнопленных» – более ста тысяч человек, что категорически отрицалось представителями советской делегации. По состоянию на 1 марта 1952 г. в СССР находилось всего 15 120 осужденных из бывших немецких военнопленных [14, с. 687]. Их репатриация на родину началась еще до визита Конрада Аденауэра. На 1 сентября 1955 г., по заявлению Председателя Совета министров СССР Н.А. Булганина, в СССР оставалось 9626 осужденных, освобождение которых продолжается. В начале следующего года все заключенные будут освобождены и возвратятся на родину [7, с. 45].

Что касается германского вопроса, то реального продвижения в Москве не было. Позиция СССР была достаточно ясной: чтобы преодолеть раскол, немцы должны начать диалог между собой. Аденауэр не желал признавать существование ГДР, называл ее «советской оккупационной зоной», где население якобы не имеет законной власти [1, с. 76]. В августе 1961 г. появилась Берлинская стена, разделившая Восточную и Западную части Берлина. Как писал немецкий историк Манфред Вильке – «дверь на Запад из Берлина закрылась навсегда» [23, с. 5.]. Таким образом германо-германские отношения были заморожены вплоть до «новой восточной политики» Вилли Брандта. Бонн не пошел на официальное признание ГДР, но германский вопрос фактически выпал из международной повестки. Его возвращение состоялось лишь с приходом к власти в октябре 1982 г. ХДС/ХСС, с формированием нового правительственного кабинета во главе с Гельмутом Колем [13].

В 1985 г. с избранием нового секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева в СССР было заявлено о начале «перестройки», которая, по мнению ее инициаторов, должна была привести к «обновлению социализма». Во внешней политике посредством «нового политического мышления» ставилась цель «изменить сложившуюся мировую ситуацию и построить мир, свободный от ядерного оружия, свободный от насилия и ненависти, страха и подозрительности» [2, с. 147]. Иными словами, следовало покончить с холодной войной

в международных отношениях, ликвидировать то, что привело к ее возникновению. Раскол Германии, Берлинская стена, германский вопрос – все это должно исчезнуть в новой системе европейской безопасности.

Перестраивать внешнюю политику выпало новому министру иностранных дел СССР Эдуарду Шеварднадзе, назначенному на эту должность 2 июля 1985 г. Для него, как он написал в мемуарах, это назначение было «абсолютным сюрпризом». Ссылки на то, что «нет опыта в сфере международной политики», что по «традиции этот пост занимают русские», что на самом деле не так, были отклонены. Между тем Шеварнадзе рассказал, что знакомы с Горбачевым они были давно, тот не раз «гостил» в Грузии, много ездили по республике, открыто беседовали и рассуждали на разные темы. Горбачев и его супруга Раиса были прекрасными знатоками и ценителями грузинского искусства, и прежде всего они любили кино... Шеварнадзе утверждает, что приоритетом в советской внешней политике был вопрос об объединении Германии [22, с. 71–72].

Однако в опубликованных работах, статьях, мемуарах советских и российских исследователей, политиков и дипломатов высказывается мнение, что советская сторона не рассматривала германский вопрос в числе приоритетных направлений в своей политике. Помощник советского президента А.С. Черняев отмечал в одной из своих публикаций: к середине 80-х гг. СССР «совсем не был готов к решению «германского вопроса» [21, с. 27]. Действительно, в партийных решениях 27 съезда КПСС (25 февраля – 6 марта 1986 г.) о «германском вопросе» ничего нет, хотя европейское направление было охарактеризовано как одно из основных в международной политике СССР.

И все же германская тема попадала в поле зрения советских политиков. В марте 1986 г. Анатолий Черняев отправил секретарю ЦК КПСС А.Н. Яковлеву тезисы «О практических выводах из съезда для международной политики». Необходимо, предлагал он, усилить внимание к ФРГ, причем в самом широком смысле. «Если удастся подтянуть ее к нам – а таких возможностей было бы много больше при социал-демократах – то это стало бы крупнейшим достижением и нашей европейской и мировой политики. Сразу бы все снова засуетились – от Вашингтона и Парижа до других столиц». В отношении ГДР и «неуправляемого» Хонеккера предлагалось действовать осторожно. «Стоит вообще основательно подумать, – советовал Черняев, – не оседлать ли нам весь этот «германо-германский вопрос» таким образом, чтобы он был на пользу социалистического содружества, социализма, на пользу нашей политике» тем более, что такой «важный козырь» – решение вопроса о «воссоединении Германии» находится в наших руках [10, с. 70].

«Советы» помощника Горбачева были учтены. 27 марта 1986 г. на заседании Политбюро ЦК КПСС вопрос об отношениях с ФРГ был поставлен. Горбачевым было сказано, что «отлуп» Колю был дан правильно, торопиться налаживать с ним контакты не следует – «надо еще давать уроки канцлеру». Но ФРГ – это «огромная сила и нам надо считаться с этим фактором на европейском и мировом поле» [5, с. 3]. 26 мая 1986 г. состоялось «узкое

совещание» у Горбачева с участием Шеварнадзе, Добрынина, Ахромеева, Черняева. В отношении ФРГ Горбачев отметил, что состоявшаяся беседа посла Квицинского с Колем свидетельствует: мы «подошли к пределу, за которым надо что-то менять. Загнали Коля в угол. Теперь надо обдумать и не шарахаться». Горбачев предложил задействовать «закрытый канал с немцами», для того чтобы ознакомить Коля с намерениями советской стороны. Надо дать понять, сказал Горбачев, что мы «готовы обдумать любые соображения», если с их стороны будет понимание [5, с. 5].

Одним из самых авторитетных специалистов по Германии был Валентин Михайлович Фалин, являвшийся в 1971-1978 гг. советским послом в ФРГ. Как он сам написал в своей книге «Без скидок на обстоятельства», отставка с должности посла состоялась по его настойчивой просьбе, с которой он обращался лично к Л.И. Брежневу [18, с. 318]. В дальнейшем он был лишен возможности оказывать реальное влияние на внешнюю политику, даже несмотря на то, что в 1978 г. стал первым заместителем заведующего Отделом международной информации ЦК КПСС, а в 1988–1991 гг. его заведующим и советником Горбачева по внешнеполитическим проблемам. В его повествованиях немало противоречий: с одной стороны, поддерживал политику перестройки, говорил о «нежизненности советского социализма», с другой – критиковал Горбачева, обвинял его в провалах той же «перестройки», поспешности и непродуманности принимаемых решений. Объединение Германии Фалин считал неизбежным, но в своих «докладных записках» Горбачеву в феврале 1990 г. прямо указывал на ущерб безопасности СССР от утраты «форпоста социализма» в Центральной Европе [19, с. 365–367].

Преемником В.М. Фалина стал Владимир Семенович Семенов, наверное, самый опытный дипломат, начинавший еще во времена Сталина и сыгравший немаловажную роль в создании ГДР. Он 23 года был заместителем министра иностранных дел СССР и знал всю «кухню» советской внешней политики. К сожалению, его воспоминания «От Сталина до Горбачева. Полвека дипломатической миссии 1939-1991 гг.», изданные в 1995 г. в ФРГ, остаются не переведенными в России [8]. Разумеется, для Владимира Семенова исчезновение ГДР было трагедией, предотвратить которую он был не в силах. К тому времени, М.С. Горбачев замкнул на себя все основные решения по германскому вопросу. Даже Шеварнадзе в воспоминаниях отметил, что в споре с Горбачевыми вопрос все равно решался им [22, с. 164].

В 1986–1990 гг. советским послом в ФРГ был Юлий Александрович Квицинский, имевший до этого опыт работы в ГДР. На заседании Политбюро 27 марта 1986 г., на котором состоялся обмен мнениями по германской проблеме, Квицинский, за месяц до этого назначенный послом в ФРГ, сказал, что не следует препятствовать визиту Хонеккера в ФРГ, это вряд ли остановит развитие германо-германских отношений [3, с. 466]. Судя по воспоминаниям Квицинского, в 1986-1987 гг. ничто не предвещало перемен в германской политике СССР. Отношения с ФРГ развивались по восходящей, что было выгодно обеим сторонам. В июле 1986 г. в Москву прибыл

министр иностранных дел ФРГ Ганс-Дитрих Геншер, опытный политик, председатель СвДП, входившей в правительственную коалицию. Беседа Горбачева с Геншером оказалась не простой, но в итоге оба политика остались довольны друг другом. После визита Геншера, отметил Квицинский, дела в отношениях в ФРГ пошли быстро и многообещающе [3, с. 503].

Правда с визитом канцлера Коля возникла непредвиденная пауза, но в июле 1987 г. удалось организовать поездку в СССР федерального президента Рихарда фон Вайцзеккера. Во время подготовки визита, как пишет Квицинский, обсуждалась возможность посещения Волгограда, куда не приезжал еще ни один высокопоставленный политик из ФРГ. Но Вайцзеккер отдал предпочтение Ленинграду, где в годы войны он был в составе немецких войск [3, с. 508]. В переговорах Горбачева с президентом ФРГ была затронута проблема раскола Германии. По словам Горбачева, сейчас существуют два немецких государства, а что будет через 100 лет решит история. Германия объединится через два года. Юлий Квицинский пишет, что в Бонне тогда не верили в возможность объединения и что именно советское руководство своей импровизацией в политике подталкивало немцев к единству. Горбачев, по мнению Квицинского, занимался не реформированием социализма, а его разрушением, что и стало итогом советской перестройки [3, с. 513].

Помимо официальной дипломатии, были и неофициальные каналы связи с Колем через его ближайших советников. Одним из них был Хорст Тельчик, сыгравший немаловажную роль в «подталкивании» канцлера к решительным действиям. Именно Тельчику 21 ноября 1989 г. сотрудник Международного отдела ЦК КПСС Н.С. Португалов передал документ с «официальными» и «неофициальными» соображениями советского руководства по германскому вопросу [11]. Николай Португалов, журналист-международник, был хорошо известен в ФРГ, имел доверие среди немецких политиков из ХДС и СДПГ. В этом «документе» прозрачно намекалось, что советская сторона не будет возражать, если в Бонне вплотную займутся объединением Германии. В этом случае ФРГ будет двигаться на «зеленый свет». В Бонне срочно заработала «пропагандистская машина» и 28 ноября Гельмут Коль выступил в бундестаге с «программой из 10 пунктов». Советская «дипломатия» сработала на «отлично».

В мае 1990 г. вместо Ю.А. Квицинского послом СССР в ФРГ был назначен Владислав Петрович Терехов, который стал первым российским послом в Германии и находился на этом посту до 1997 г. Процесс объединения ФРГ и ГДР находился в завершающей стадии, так что изменить что-то было уже невозможно. С новым послом не консультировались, а Шеварднадзе в своей книге о Терехове даже не вспомнил. Но о своей персоне был высокого мнения, считал, что ни в чем не уступает Горбачеву и за свой вклад в решение германской проблемы был достоин Нобелевской премии [22, с. 190]. В.П. Терехову, по его словам, пришлось строить новые отношения с Германией не столько на «обломках Берлинской стены», сколько на обломках Советского Союза. К сожалению, как считает известный российский историк Н.В. Павлов, прочные и долговременные отношения с Германией так и не удалось выстроить: «альянс» не удался [9].

В 2012 г. Владислав Терехов издал свои воспоминания, где рассказал о своем видении истории германского единства. По его мнению, исчезновение Берлинской стены и объединение Германии – это следствие начавшихся перемен в Восточной Европе и СССР [16, с. 176]. Это не совсем так. ГДР стала первым государством, где был ликвидирован не только социализм, но и ее история, что кардинально меняло ситуацию в Европе. Именно за этим как костяшки домино посыпались коммунистические режимы в восточноевропейских странах. Гельмут Шмидт, бывший канцлер ФРГ в 1974-1982 гг., в своих публикациях писал, что Германия может объединиться только тогда, когда Советский Союз уйдет из Европы. Процесс пошел при М.С. Горбачеве, носившегося с идеей «общеевропейского дома», в котором не нашлось места ни СССР, ни России [17].

Получается, что наша дипломатия и дипломаты оказались не на высоте. В опубликованных статьях, книгах, интервью российским СМИ они признают, что им не удалось отстоять интересы страны, несмотря на все усилия, которые действительно были проявлены. Горбачев и Шеварднадзе действовали без учета мнений и предложений профессионалов, лучше их знавших германские дела. Профессионалам отвели роль грамотных оформителей решений, принятых в верхах [16, с. 148-150]. За эти «решения» Россия расплачивается до сих пор...

Источники и литература

1. Визит Канцлера Аденауэра в Москву 8–14 сентября 1955 г. Документы и материалы. – М.: Права человека, 2005. – 232 с.
2. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. – М.: Политиздат, 1988. – 271 с.
3. Квицинский Ю.А. Время и случай: Заметки профессионала. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999. – 576 с.
4. Майсснер Б. На пути к воссоединению Германии и нормализации германо-российских отношений. Избранные сочинения/ Пер. с нем. – М., Прогресс-Традиция, 2001. – 160 с. 83.
5. Михаил Горбачев и германский вопрос. Сб. документов. 1986-1991. – М.: Издательство «Весь Мир», 2006. – 696 с.
6. Новик Ф.И. «Оттепель» и инерция холодной войны (Германская политика СССР в 1953-1955 гг.). – М.: Институт всеобщей истории РАН, 2001. – 277 с.
7. Новик Ф.И. Переговоры канцлера ФРГ Конрада Аденауэра в Москве: историографический аспект//Установление дипломатических отношений между СССР и ФРГ. Немецкие военнопленные в СССР. Материалы Международного научного семинара. Вологда, 17-18 октября 2005 г. – Вологда, 2006. – С. 44-48.
8. От Хрущева до Горбачева. Из дневника Чрезвычайного и Полномочного посла, заместителя министра иностранных дел В.С. Семенова. Предисловие и комментарии Е.В. Семеновой и Б.Л. Хавкина // Новая и новейшая история. – 2004. – №3. – С. 96-136; №4. – С. 84-141.
9. Павлов Н.В. Россия и Германия: несостоявшийся альянс (история с продолжением): Научное издание. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. – 560 с.

10. Петелин Б.В. Германская политика канцлера Гельмута Коля 1982-1990 гг. Научное издание. – Вологда, 2004. – 304 с.
11. Петелин Б.В. «Документ Португалова» о позиции советского руководства по германскому вопросу 21 ноября 1989 г. // Вопросы истории. – 2005. – №10. – С. 3-9.
12. Петелин Б.В. Германская политика Конрада Аденауэра 1949-1966: Научное издание. – Вологда: Книжное наследие, 2006. – 192 с.
13. Петелин Б.В. Гельмут Коль: быть немцем. Страницы биографии. – СПб: Владимир Даль, 2021. – 399 с.
14. Советская политика в отношении Германии, 1944-1954. Документы. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2011. – 751 с.
15. Тегеран. Ялта. Потсдам. Сборник документов. – М.: Международные отношения, 1971. – 416 с.
16. Терехов В.П. Холодный блеск фортуны. – М.: изд-во МГИМО(У), 2012. – 432 с.
17. Уткин А.И. Измена генсека. Бегство из Европы. – М.: Эксмо/Алгоритм, 2009. – 256 с.
18. Фалин В. М. Без скидок на обстоятельства» Политические воспоминания. – М.: Республика: Современник, 1999. – 463 с.
19. Фалин В.М. Конфликты в Кремле. Сумерки богов по-русски. – «Секретная папка»- М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2000. – 394 с.
20. Филитов А.М. Германия в советском внешнеполитическом планировании. 1941-1990. М.: Наука, 2009. – 333 с.
21. Черняев А. Объединение Германии. Политические механизмы и психологические стереотипы // Свободная мысль. – 1997. – № 8. – 25-34.
22. Шеварнадзе Э. Когда рухнул железный занавес. Встречи и воспоминания / Пер. с нем. – М.: Издательство «Европа», 2009. – 428 с.
23. Wilke M. Die Berliner Mauer – das Symbol deutscher Teilung // Die Politische Meinung, Juli-August 2011. – S. 5–12.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В 1920-е гг.

Д.В. Родин, г. Москва (Российская Федерация)

В рамках представленной статьи прослеживается влияние геополитического фактора на динамику советско-германских отношений на протяжении 1920-х гг. Продемонстрировано, что геополитический аспект, суть которого состояла в совместном противостоянии Москвы и Берлина «диктату Версаля» и сдерживании великодержавных претензий Польши в Восточной Европе, способствовал оформлению «курса Рапалло», служившего основой для развития советско-германского партнерства в указанные годы. В то же время сближение Германии с западными державами в рамках «локарнского процесса» вело к постепенному выхолащиванию «духа Рапалло», следствием чего стало определенное похолодание в отношениях СССР и Веймарской республики к началу 1930-х гг.

Ключевые слова: международные отношения, Версальская система, СССР, Германия, Рапальский договор, Берлинский договор, локарнский процесс.

На протяжении 1920-х гг. одним из основных внешнеполитических партнеров сперва Советской России, а затем СССР выступала Веймарская республика, в отношениях с которой с 1922 г. основополагающим являлся «курс Рапалло». Данный курс подразумевал достаточно тесное экономическое, военно-техническое и политическое взаимодействие двух держав, однако если первым двум аспектам в историографии уделяется достаточно много внимания [1; 5; 16; 22; 50; 56; 57], то политический, а точнее, геополитический аспект их взаимодействия, несмотря на его важность, оказывается как будто в тени первых двух. Данная статья преследует цель продемонстрировать важность данного аспекта в советско-германских отношениях в 1920-е гг. и выделить основные линии взаимодействия двух держав в сфере геополитических устремлений.

Завершение Первой мировой войны и Ноябрьская революция 1918 г. подвели черту под «брестским» периодом в отношениях РСФСР и Второго рейха, который характеризовался стремлением правящих кругов Берлина и союзной ему Вены к «закреплению и закабалению оккупированных территорий Польши, Прибалтики, Белоруссии, Украины, Крыма, Румынии, а также экономическому и политическому закабалению Советской России» [9, с. 291]. Попытка оформления германской гегемонии в Восточной Европе в рамках «Брестского порядка» оказалась безуспешной в первую очередь вследствие перенапряжения сил Второго рейха и допущенных его руководством политических ошибок, главной из которых стала недооценка «приоритетности для местных элит именно внутривнутриполитического противостояния на оккупированных территориях» [17, с. 701–702]. В то время как национальные элиты Восточной Европы в первую очередь опасались распространения большевизма как новой формы доминирования России, германское руководство было убеждено, что по сравнению с мировым конфликтом все прочие глубоко второстепенны, из-за чего не уделяло достаточно внимания вопросам сотрудничества с националистическими движениями оккупированных территорий, предпочитая выстраивать стабильные отношения с большевистской Россией, что должно было стать гарантией спокойствия на восточных границах рейха.

В результате поражение Германии на Западном фронте привело к стремительному обрушению ее власти в Восточной Европе, поскольку «германское влияние в Украине и на границах России не успело пустить корни» [19, с. 416]. Однако и большевикам, 13 ноября 1918 г. денонсировавшим Брестский мирный договор, не удалось закрепиться в районах, которые оставляли германские войска. Несмотря на проведенное зимой 1918–1919 гг. наступление, уже в течение следующих двух лет советское правительство, занятое борьбой с Белым движением и искавшее поддержки на бывших окраинах империи, было вынуждено отвести войска из Прибалтики, а неудачи в конфликтах с Финляндией и Польшей вынудили Москву пойти на территориальные уступки, оформленные Тартуским и Рижским мирными договорами 1920–1921 гг. Появление между Германией и Советской Россией стран-лимитрофов, добившихся

международного признания, означало формирование нового порядка в Восточной Европе, который, будучи важной составляющей системы международных отношений, сложившейся по итогам Первой мировой войны, дал основания некоторым исследователям говорить о Версальско-Рижском порядке в межвоенной Европе [36, с. 76].

Вместе с тем следует отметить, что само по себе завершение мировой войны и начало Ноябрьской революции в Германии привело, скорее, не к улучшению, а к временному ухудшению отношений между Берлином и Москвой. 5 ноября 1918 г. под предлогом финансирования большевиками германской революции правительство Максимилиана Баденского заявило о разрыве дипломатических отношений с РСФСР и о высылке советского посольства из Берлина. Пришедший к власти в результате революции Совет народных уполномоченных во главе с Ф. Эбертом также негативно оценивал перспективы взаимодействия с Советской Россией, что было связано как с опасениями перед распространяемой в стране большевистской пропагандой, так и с давлением со стороны Антанты, которая, как вспоминал Шейдеман, была готова предложить Германии «подходящие условия мира» и снабдить ее продовольствием лишь при условии, что «в Германии нет большевизма» [37, с. 229–230]. Равным образом и первый министр иностранных дел Веймарской республики У. фон Брокдорф-Ранцау весной 1919 г. выступал против возобновления дипломатических отношений с Москвой ввиду усиливавшейся пропаганды большевиков и позиции держав-победительниц, называвших советское правительство своим общим врагом [45].

Однако одновременно с противостоянием большевизму правительство Шейдемана было заинтересовано в сдерживании Польши, возродившейся по итогам мировой войны и заявлявшей о претензиях на германские провинции Западная Пруссия, Позен и Силезия. Ряд польских политиков, например, Р. Дмовский, представлявший Вторую Речь Посполитую на Парижской конференции, рассматривали Германию в качестве «главного противника Польши и препятствия к осуществлению ее амбиций» [55, р. 12], что не оставалось незамеченным для германской общественности, открыто называвшей польские требования «абсолютно чрезмерными» [53, S. 6]. О необходимости в равной степени сдерживать большевиков (в том числе путем переговоров с Антантой) и «всячески препятствовать польским притязаниям на территорию Германии и вообще укреплению Польши» говорил, в частности, генерал-квартирмейстер В. Грёнер [48, S. 109].

Заключение Версальского мирного договора 28 июня 1919 г., поставившее Веймарскую республику и РСФСР в положение парий на международной арене, способствовало разочарованию германской элиты в курсе на сотрудничество с лагерем победителей в мировой войне и обозначило сближение между Берлином и Москвой. В немалой степени этому способствовали успехи Красной Армии на фронтах Гражданской войны, служившие, с точки зрения германского Генерального штаба, доказательством жизнеспособности большевистского режима [48, S. 139–140].

Представители НСДПГ уже в августе 1919 г. высказывались за восстановление экономических связей с Россией, считая, что это позволит «покончить с существующим ныне промежуточным положением полувойны – полумира и подготовить общее политическое соглашение между Германией и Россией с участием Польши и Литвы» [47]. Однако летом 1919 г. правительство Г. Бауэра еще не было готово к столь радикальному шагу и предпочитало продолжать наблюдение за ситуацией на востоке.

Реализация постановлений Версальского договора, означавшая в том числе радикальное сокращение рейхсвера, способствовала развитию симпатий к Советской России среди военной элиты Германии. Сближение с Москвой рассматривалось как непереносимое условие восстановления германских позиций в Европе. Так, генерал-полковник Г. фон Сект, назначенный в 1919 г. начальником войскового управления, накануне советско-польской войны говорил, что только «в тесном союзе с Великобританией у Германии есть перспектива вновь обрести положение великой державы» [5, с. 39]. Аналогичные взгляды распространялись и среди политиков. Министр иностранных дел В. Симонс, выступая в рейхстаге в июле 1920 г., настаивал на соблюдении строгого нейтралитета Веймарской республики в советско-польском конфликте, что означало в том числе отказ от провоза через германскую территорию каких-либо вооружений из стран Антанты на помощь Польше. В то же время он заявлял: «Мы не намерены обращаться с Советской республикой, как с изгоем, лишь потому, что нам не нравятся ее методы управления; мы сами вдоволь пострадали от обращения как с парией, чтобы позволить другим страдать от подобного отношения» [48, S. 238–239].

В Москве в связи с началом советско-польской войны также по-новому взглянули на перспективы сотрудничества с Германией. Если в 1919 г. уполномоченный НКВД и НКВТ в Берлине В.Л. Копп писал о Польше как о «барьере между Германией и Россией» и как о «согревательном компрессе», приложенном к Германии с Востока [2, с. 357], то в июле 1920 г., докладывая наркому иностранных дел Г.В. Чичерину о своих переговорах с Симонсом, он с оптимизмом оценивал возможности советско-германского сближения в случае победы Красной Армии над Польшей. Следствием этой победы должна была стать «перемена польской ориентации: из построенного Антантой барьера между Россией и Германией Польша должна превратиться в связывающий их мост» [48, S. 230]. О важности сокрушения Второй Речи Посполитой для установления прямой связи между Москвой и Берлином говорил и председатель СНК РСФСР В.И. Ленин, в своем выступлении на IX партийной конференции назвавший Польшу «буфером между Россией и Германией» и «опорой всего Версальского договора» [29, с. 63].

Поражение Москвы в советско-польской войне и территориальные уступки по Рижскому мирному договору 1921 г. еще больше укрепили убежденность советского правительства в необходимости развития связей с Веймарской республикой, также видевшей в Польше одного из

ключевых геополитических противников. Для этого предполагалось использовать в том числе польско-литовские противоречия из-за Виленской области: полпред РСФСР в Ковно С.И. Аралов предлагал в мае 1921 г. не препятствовать возможным совместным литовско-германским действиям против Польши и снабжению Литвы германским оружием [27, с. 77]. Перспектива подобного сотрудничества между Ковно и Берлином объяснялась тем, что в мае – июле 1921 г. бушевало Третье силезское восстание, представлявшее собой, по справедливому замечанию специалиста по истории Польши Г.Ф. Матвеева, «первое крупное нарушение Францией и Польшей Версальского договора 1919 г., заметно укрепившее среди немцев чувство допущенной в отношении них несправедливости, а также настроения реваншизма» [21, с. 129–130].

Урегулирование последствий данного восстания на конференции послан Антанты в Париже в октябре 1921 г., где было решено передать часть Верхней Силезии Польше, а также определение окончательной суммы германских репараций, озвученной в Лондонском ультиматуме от 5 мая 1921 г., привели к всплеску симпатий в отношении Советской России среди германских политических, промышленных и военных кругов, недовольных диктатом Антанты и уступчивостью правительства Й. Вирта. Таким образом, уже осенью 1922 г. в Германии начало оформляться «рапалльское лобби», выступавшее за сближение с Москвой [51, р. 93]. К этому времени и в советском руководстве окончательно созрела мысль о подписании с Германией отдельного соглашения, способного воспрепятствовать «появлению блока немцев, англичан и французов с целью эксплуатации России», за что, как знали в Москве, выступали некоторые германские промышленники, например, Г. Стиннес [48, S. 418].

Для подготовки советско-германского политического соглашения о восстановлении дипломатических отношений в январе – феврале 1922 г., накануне Генуэзской конференции, К.Б. Радек и Н.Н. Крестинский провели переговоры в Берлине. В инструкциях представителей РСФСР одним из «козырей» советского правительства была названа «возможность военной силой сокрушить Польшу», а в рамках потенциального договора предполагалось заключить оборонительное соглашение против Варшавы, по отношению к которой оба правительства должны были бы «находиться в постоянном обмене мнениями и информацией» [33, с. 36–37]. О важности польского вопроса говорит тот факт, что при упоминании Польши участвовавший в берлинских переговорах фон Сект «потерял самообладание» и заявил: «Она должна быть раздавлена, и она будет раздавлена, как только Россия и Германия усилятся» [5, с. 61]. Равным образом и канцлер Й. Вирт в 1922 г. неоднократно требовал разгрома Второй Речи Посполитой и восстановления за ее счет германо-российской границы [26, с. 243].

Переговоры в Берлине обозначили первую фазу советско-германских переговоров, второй же их фазой стали переговоры уже в рамках Генуэзской конференции, итогом которых стало подписание Рапалльского договора 16 апреля 1922 г. Данный договор, по словам известного

политолога Г. Киссинджера, стал возможным ввиду того, что победители в мировой войне «подвергли остракизму две крупнейшие континентальные державы посредством создания пояса слабых, враждебных друг другу государств, а также посредством расчленения как Германии, так и Советского Союза» [14, с. 262]. Тем самым Москву и Берлин подтолкнули к сотрудничеству на антиверсальской основе, что стало серьезным вызовом для только что сформированной Версальской системы.

Чичерин считал, что этот договор обозначил приоритет германского направления в советской внешней политике и закончил «триумф победителей» в мировой войне, положив начало «появлению новых международных политических сил» [10, с. 5]. Схожим образом оценивали соглашение в Берлине. Более того, во время переговоров в Генуе канцлер Й. Вирт высказался за «восстановление границ образца 1914 года» [25, с. 97], тем самым еще раз подчеркнув, что речь идет не только об экономическом и военно-техническом сотрудничестве, но и о согласованной политике двух держав в отношении стран-лимитрофов, зажатых между Германией и Советской Россией. В этом отношении симптоматичными следует назвать следующие слова депутата Национального собрания Чехословакии от «Союза сельских хозяев» Ф. Шпина: «Германо-русское соглашение создало в Европе германо-славянскую сферу интересов» [35, с. 11].

Немаловажно, что за месяц до заключения Рапалльского договора Польша, Латвия, Эстония и Финляндия заключили так называемый «Варшавский аккорд», предусматривавший взаимную поддержку стран-участниц соглашения в случае нападения на одну из них. Данный договор мог быть направлен как против Советской России, так и против Германии, что, в свою очередь, вызвало опасения как в Берлине, усматривавшем в этом происки французской дипломатии [38, S. 34], так и в Москве, где постарались противопоставить попытке создания польско-балтийского блока (неудачной ввиду провала ратификации «Варшавского аккорда» парламентом Финляндии) итоги Рижского совещания 29–30 марта 1922 г., которые сумели «поколебать единый фронт прибалтийских государств и притупить антисоветское острие решений Варшавской конференции» [13, с. 166]. В этом отношении Рапалльское соглашение являлось продолжением решений Рижского совещания и было призвано укрепить взаимодействие Советской России и Веймарской республики в деле противостояния польским попыткам установить в той или иной форме протекторат над прибалтийскими государствами.

Поступательное развитие советско-германских отношений временно приостановилось в связи с Рурским кризисом 1923 г. и ролью Коминтерна в подготовке «Красного октября» в Тюрингии и Саксонии. В это время председатель ИККИ Г.Е. Зиновьев писал генеральному секретарю ЦК РКП(б) И.В. Сталину: «Близко время громадных событий в Гер[мании]. Близко время, когда нам придется принимать решения всем[ирно]-историч[еской] важности» [29, с. 159]. Однако провал коммунистических выступлений привел к резкому похолоданию в отношениях Москвы и

Берлина. Чичерин сообщал Зиновьеву о «решительных протестах против подстрекательства немецких коммунистов русскими коммунистами» [23, с. 233], а Сталина извещал о царившей на Вильгельмштрассе «сильнейшей нервозности и тревоге по поводу нашей нынешней германской политики» [23, с. 236]. Лишь уменьшение влияния Л.Д. Троцкого, К.Б. Радека и их сторонников в Коминтерне после XIII партийной конференции в январе 1924 г. позволило руководству НКВД СССР нормализовать отношения с Веймарской республикой. В немалой степени нормализации способствовало и понимание германскими политиками важности сохранения дружественных отношений с Москвой с геополитической точки зрения: они прислушались к предупреждениям Брокдорфа-Ранцау, бывшего с 1922 по 1928 гг. послом в СССР, что разрывом или охлаждением в советско-германских отношениях могут воспользоваться страны Антанты, и в первую очередь Франция, для того, чтобы изолировать и ослабить Веймарскую республику [39, S. 454].

Дальнейший диалог двух держав, несмотря на обозначившееся после Лондонской конференции 1924 г. и принятия плана Дауэса сближение Германии с западными странами, выявил близость позиций Москвы и Берлина по ряду ключевых вопросов, касающихся границ в Восточной Европе: Мемельскому, Виленскому и Галицийскому. Так, например, статс-секретарь МИД Германии А. Мальцан в сентябре 1924 г. сообщал германскому поверенному в делах в Москве О. Радовицу: «В восточногалицийском вопросе немецкие и русские интересы близки друг другу» [12, с. 203]. На основе идей Мальцана уже в декабре 1924 г. Брокдорф-Ранцау предлагал Чичерину координировать действия двух держав с целью «оттеснения Польши в ее этнографические границы» [40, S. 641]. Советский нарком, в свою очередь, считал, что «обмен мыслей с Германией должен касаться не только отношений к Польше, но и к Англии и всей вообще международной политики обоих государств», и предлагал заключить между СССР и Германией более широкое политическое соглашение с обязательством сторон не вступать в блоки, соглашения и комбинации с третьими державами, направленные против другой договаривающейся стороны [28, с. 57]. Тем самым советская сторона настаивала на углублении сотрудничества двух держав, имея в виду согласованные действия в отношении как стран-лимитрофов, так и великих европейских держав.

Однако в Берлине к заключению подобного договора не были готовы. Более того, в 1925 г. в полной мере проявилась политика лавирования Германии между Востоком и Западом, осуществляемая министром иностранных дел Веймарской республики Г. Штресеманом. В январе 1925 г. им было озвучено предложение о заключении гарантийного пакта для Западной Европы, что положило начало подготовке Локарнской конференции [18, с. 7]. Ее решения, оформленные в виде Локарнских соглашений, противопоставлялись советско-германскому сотрудничеству «в духе Рапалло» и были призваны ослабить связи Германии с СССР, переориентировав Берлин на более тесное сотрудничество с Лондоном и Парижем.

Так, в частности, рассуждал британский посол в Берлине Э.В. д'Абернон, считавший, что важным следствием пакта станет то, что «с Германией будут обращаться на равных, как с партнером Франции и Англии в деле сохранения положения, сложившегося в Западной Европе. Таким образом, угроза ее вовлечения в орбиту коммунистической России будет уменьшена» [44, р. 184]. Равным образом советский полпред в Лондоне Х.Г. Раковский с самого начала переговоров между Германией и западными державами отмечал, что «по объективному ходу событий» подготавливаемый пакт мог означать изоляцию Советского Союза, «ликвидацию даже тех слабых перспектив сближения с Германией, которые открывал Рапалльский договор, и начало новой ориентации всей европейской политики» [32, л. 31].

Это прекрасно понимал и Штресеман, который, со своей стороны, не желал терять рычаг давления на страны Запада и возможность «шантажировать» их угрозой советско-германского сближения. Еще на стадии переговоров он заверял советского полпреда в Берлине Крестинского, что членство в Лиге Наций не может «иметь ничего общего с каким-либо политическим фронтом против России», и пообещал проработать формулировку, которая позволила бы Германии избежать участия в возможных антисоветских санкциях [59, S. 97]. Такая формулировка действительно была найдена. На конференции в Локарно Штресеман сделал следующую оговорку по поводу 16-й статьи Устава Лиги Наций: Германия, ввиду ее недостаточного вооружения по условиям Версальского мира, должна сама определять степень своего участия в санкциях Лиги [20, с. 467–473]. Уже после Локарнской конференции И.М. Майский, на тот момент сотрудник советского полпредства в Лондоне, сообщал, что в ходе конференции Штресеман категорически заявлял, что «Германия не позволит использовать ее в качестве орудия против СССР» [7, л. 113].

Тем не менее в Москве начавшийся «локарнский процесс» вызвал негативную реакцию, т.к. в нем видели попытку отрыва Веймарской республики от Советского Союза – несмотря на то, что еще в июле 1925 г. Разведуправление Штаба РККА признавало, что без существенного пересмотра Версальского договора «Германия даже при вхождении в Лигу Наций и подписании гарантийного договора вряд ли займет враждебную позицию по отношению к СССР» [4, с. 201]. Зиновьев в связи с итогами Локарнской конференции писал, что «английский империализм готовит международную империалистическую коалицию против СССР, готовит изоляцию Союза» [11, с. 2]. Сталин, выступая с отчетом о международном положении на XIV съезде ВКП(б) 18 декабря 1925 г., также указал на антисоветский характер Локарнских соглашений: «Английские консерваторы думают и “статус-кво” сохранить против Германии, и использовать Германию против Советского Союза» [34, с. 274].

К подобным оценкам советскую власть подталкивал тот факт, что международные гарантии западной границы Веймарской республики были даны без оформления аналогичных гарантий в отношении ее восточных границ, а вступление Германии в Лигу Наций, к которой советское

правительство относилось крайне негативно, означало, с точки зрения Москвы, попытку западных стран склонить Германию к отказу от «курса Рапалло» в отношениях с СССР и убедить ее примкнуть к антисоветскому лагерю. Соответственно, советской дипломатии предстояло разработать и заключить с Берлином договор, способный нивелировать потенциальные угрозы со стороны Локарнских соглашений. Равным образом ведущий сотрудник Восточного отдела МИД Германии Г. фон Дирксен утверждал, что Германия должна предложить Москве «некий политический эквивалент Локарнскому договору с тем, чтобы восстановить равновесие между Востоком и Западом», а «Рапалльский договор следовало омолодить» [6, с. 81].

Основой для подобного договора могла стать обоюдная заинтересованность двух держав в ослаблении польского влияния в Восточной Европе и в отрыве от Варшавы других стран-лимитрофов. В отношении последних Штреземан совместно с фон Дирксеном выступал за «отрыв трех окраинных государств (Литвы, Латвии, Эстонии) от Польши и последующее уменьшение нагрузки на восточную границу Германии» [41, S. 712]. Добиться этого можно было лишь при сотрудничестве с Советским Союзом, например, в виде совместных гарантий Германии и СССР прибалтийским республикам, в чем германский посол в Риге А. Кёстер видел «самое подходящее средство для срыва франко-польской дипломатии на Балтике» [51, р. 152]. При этом вследствие подготовки Локарнской конференции германская дипломатия не могла проводить линию, открыто враждебную Польше, и подталкивала к активным действиям СССР, что исследователь П. Боровски описал следующим образом: «К чему не была готова сама Германия, то должен был сделать Советский Союз» [46, S. 159-160]. Примером подталкивания последнего к более активным действиям можно считать деятельность сотрудника немецкого посольства в Риге Г. Риссера, который с начала 1925 г. убеждал советского полпреда А.Г. Гамбарова, что создание союза Эстонии, Латвии и Литвы, обособленного от Польши, «нужно, несомненно, приветствовать и поддерживать» [15, л. 48].

Однако советские дипломаты прямо заявляли своим германским коллегам, что «для России союз окраинных государств в любом виде является нежелательным» [49]. Взамен советская дипломатия с конца 1925 г. приступила к политике нейтрализации периметра советских границ на основе двусторонних соглашений с соседними странами, первым из которых стал советско-турецкий договор от 17 декабря 1925 г. Как отмечали впоследствии специалисты Королевского института международных отношений, крупного британского аналитического центра, заключение данного договора обеспечило Москве «не только крайне необходимый дипломатический успех, на который он мог указать в качестве ответного удара по триумфу “капиталистических” держав в Локарно, но и новую основу, на которой должна была основываться преимущество советской внешней политики» [58, р. 5].

Для усиления давления на германскую сторону Советский Союз приступил к переговорам с Польшей о заключении пакта о ненападении, однако ход данных переговоров выявил существенную разницу в подходах

двух стран к проблеме безопасности в Восточной Европе: если Москва выступала за подписание отдельных договоров о ненападении с западными соседями, то Варшава пыталась претворить в жизнь «Восточное Локарно» на основе многостороннего пакта о ненападении, в рамках которого Вторая Речь Посполитая выступала бы в роли протектора прибалтийских республик и, как отмечали германские дипломаты, могла «теснее привязать прибалтийские государства к Польше» [42, S. 178]. Тем не менее сам факт переговоров между СССР и Польшей в сочетании с провалом попытки германской делегации добиться приема в Лигу Наций на мартовской сессии Ассамблеи Лиги в 1926 г. стимулировали начало переговоров о политическом соглашении между Москвой и Берлином.

Результатом данных переговоров стал Берлинский договор о дружбе и нейтралитете от 24 апреля 1926 г., при подготовке которого, как отмечал историк Дж. Корбел, обе стороны разыгрывали «польскую карту», а его заключение приветствовали в Москве и Берлине в том числе потому, что он подтверждал изоляцию Польши [52, р. 197]. С одной стороны, этот договор частично нейтрализовал эффект от Локарнских соглашений, поскольку подтвердил отказ Германии вступать в блоки, союзы и комбинации, направленные против СССР. С другой, данный договор советская сторона использовала как образец при обсуждении аналогичных соглашений с Польшей, Финляндией и прибалтийскими республиками, причем усилия дипломатов СССР неизменно пользовались поддержкой их коллег из Германии. Так, после заключения советско-литовского договора о взаимном ненападении и нейтралитете от 28 сентября 1926 г. глава Восточного отдела МИД Веймарской республики Э. Вальрот заявил, что этот договор «по выражаемым в нем тенденциям» полностью соответствовал целям немецкой политики [43, S. 301].

Между тем с конца 1926 г. в германской внешней политике обозначилось усиление прозападного курса, что было отмечено заместителем председателя РВС СССР и заместителем наркома по военным и морским делам СССР И.С. Уншлихтом, писавшим на основе агентурных материалов, что «Штреземан фактически базируется в своей политике на Англии», а в отношении СССР проводит линию «использования Москвы для германских целей» [23, с. 968–979]. Действительно, в 1927–1928 гг. германская дипломатия неоднократно блокировалась с британской для сопротивления попыткам Польши реализовать проект «Восточного Локарно», например, на VII сессии Ассамблеи Лиги Наций в сентябре 1927 г. [30, с. 108–116] или в ходе визита польского министра иностранных дел А. Залеского в Брюссель и Париж в июне 1928 г. [31, с. 285–287] Равным образом германская дипломатия сотрудничала с Парижем и Лондоном в деле урегулирования польско-литовского конфликта, несмотря на то, что Чичерин через Брокдорфа-Ранцау требовал от Берлина выступить совместно по данному вопросу, предупреждая, что аннексия Литвы Второй Речью Посполитой «настолько укрепила бы положение Польши, что развязало бы ей руки, и повела бы к самым неблагоприятным последствиям и для СССР, и для Германии» [24, с. 109].

Определенный крен в сторону Запада объяснялся не только готовностью британской дипломатии содействовать Германии по вопросам сохранения статус-кво в Восточной Европе, но и тем, что с осени 1927 г. прервались советско-польские переговоры о пакте о ненападении, вследствие чего Москва лишилась довольно действенного инструмента давления на Берлин. Заменой ему могли бы стать переговоры между СССР и Францией, однако в указанные годы они практически не сдвинулись с мертвой точки.

В то же время германское правительство по-прежнему оставалось верным своей политике лавирования между Востоком и Западом. Так, после разрыва дипломатических отношений между СССР и Англией в мае 1927 г. канцлер В. Маркс заверял Чичерина, что «в англо-советской борьбе Германия должна оставаться нейтральной и ни в коем случае не должна присоединяться к Англии» [24, с. 61]. На Женевской конференции 14–16 июня 1927 г. Штреземан не поддержал предложение главы Форин офиса О. Чемберлена о совместной декларации против деятельности Коминтерна. Уже после конференции германский министр, выступая в рейхстаге по поводу англо-советского конфликта, подчеркивал свое стремление дистанцироваться от конфликта и уберечь Германию от охлаждения отношений с любой из двух конфликтующих сторон. Вместе с тем он выступал за «включение Советской России в международное сообщество» и за сохранение с нею политических и деловых связей [54].

Тем не менее к концу 1920-х гг. в советско-германских отношениях вновь обозначилось похолодание: хотя Веймарская республика оставалась важнейшим торговым партнером СССР, внутрисоветская обстановка в Стране Советов – свертывание НЭПа, ухудшение положения советских немцев, первые репрессии, затрагивавшие в том числе немецких специалистов, – вызывала негативную реакцию в Берлине. Дирксен в беседах с временным поверенным в делах в СССР в Германии С.И. Братман-Бродовским объяснял это в первую очередь разочарованием немецких деловых кругов в советском рынке, а Шахтинское дело 1928 г. называл «каплей, переполнившей чашу» [8, с. 282]. В то же время Москву все больше раздражало стремление Берлина, как выражался полпред СССР во Франции В.С. Довгалецкий, «сидеть между двумя стульями», сохраняя приверженность «локарнским тенденциям» – и одновременно стремясь «сохранить свою львиную долю на советском рынке, отпугнув от него конкурентов или создав с ними альянс под своей ферулой, чтобы продолжать свое внедрение на советском рынке на худших для нас условиях» [8, с. 393].

Ухудшение советско-германских отношений вело обе стороны к поиску новых партнеров, следствием чего в начале 1930-х гг. стал поворот СССР к сотрудничеству с Францией, что стимулировало заключение пактов о ненападении с Эстонией, Латвией, Финляндией и Польшей. В то же время германское руководство продолжало курс на сближение с западными державами и решение с их помощью ключевых внешнеполитических проблем, в частности, репарационного вопроса, который был в очередной раз пересмотрен по итогам Гаагской конференции 1929–1930 гг. Несмотря на это, в

1931 г. был продлен и Берлинский договор, однако его ратификация состоялась лишь в 1933 г. – когда к власти в Германии пришли нацисты и в советско-германских отношениях обозначился новый этап, характеризовавшийся сворачиванием связей между двумя государствами.

Подводя итоги, отметим, что в динамике отношений СССР и Веймарской республики геополитический аспект играл достаточно важную роль. Он проявлялся прежде всего на двух направлениях: восточноевропейском, где позиции Москвы и Берлина оказывались достаточно близки, и западноевропейском, где обе стороны преследовали единую цель подрыва версальских постановлений. Таким образом, геополитические устремления двух держав способствовали формированию и поддержанию «курса Рапалло», являвшегося основой их взаимоотношений.

Вместе с тем политика лавирования и «мирной ревизии» Версальских постановлений, являвшаяся, по меткому замечанию историка В.П. Газина, «целью и смыслом деятельности» Штреземана [3, с. 16–17], бывшего министром иностранных дел Германии с 1924 по 1929 гг., подталкивала Веймарскую республику к дрейфу в сторону западных демократий, что неизбежно оказывало негативный эффект на двусторонние отношения Москвы и Берлина. С точки зрения последнего, Советский Союз все больше превращался в партнера «по расчету», чьи интересы учитывались лишь в той степени, в какой это позволяло германской дипломатии оказывать давление на Лондон и Париж с целью ослабления «пут Версаля». Как следствие, «дух Рапалло», основанный на доверительных отношениях между СССР и Германией, постепенно выхолащивался, и уже к началу 1930-х гг. сотрудничество между двумя державами осуществлялось, скорее, по инерции, нежели в силу осознанного выбора Кремля и Вильгельмштрассе.

Источники и литература

1. Ахтамзян, А.А. Профили рапальской дипломатии: очерки. – М.: МГИМО-Университет, 2009. – 285 с.
2. Война, революция, мир. Россия в международных отношениях. 1915–1925. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. – 491 с.
3. Газин, В.П. Локарно и проблема «мирной ревизии» Версальского договора в 1925–1927 гг. // Политика великих держав в Центральной Европе, на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. – Свердловск: УрГУ, 1989. – С. 16-26.
4. Глазами разведки. СССР и Европа. 1919–1938 годы: сборник документов из российских архивов. – М.: Историческая литература (ИстЛит), 2015. – 601 с.
5. Горлов, С.А. Совершенно секретно: Альянс Москва — Берлин, 1920–1933 гг.: Военно-политические отношения СССР — Германия. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 349 с.
6. Дирксен, Г. фон. Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 444 с.
7. Дневник Майского № 15. От 24-го ноября по 5-ое декабря 1925 г. // Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 04. Оп. 4. П. 33. Д. 456. Л. 111-114.
8. Документы внешней политики СССР. Т. XI. – М.: Политиздат, 1966. – 792 с.

9. «Дранг нах Остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, 1871–1918 гг. – М.: Наука, 1977. – 317 с.
10. Дух Рапалло: Советско-германские отношения. 1925–1933. – Екатеринбург, Москва: Научно-просветительский центр «Университет», 1997. – 286 с.
11. Зиновьев, Г.Е. Наше международное положение // Известия. – 1925. – 18 октября. – С. 2.
12. Зубачевский, В.А. Политика России в Центрально-Восточной Европе (первая треть XX века): геополитический аспект. – М.: Политическая энциклопедия, 2019. – 278 с.
13. История дипломатии. Т. 3: Дипломатия в период подготовки второй мировой войны (1919–1939 гг.). – М., Л.: Государственное издательство политической литературы, 1945. – 883 с.
14. Киссинджер, Г. Дипломатия. – М.: Издательство АСТ. – 2018. – 896 с.
15. Копия из приложения к докладу тов. Гамбарова к тов. Аралову. От 4/I-1925 г. // Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0135. Оп. 8. П. 113. Д. 17. Л. 47–48.
16. Космач, В.А. От Компьена до Рапалло и оккупации Рура. Внешняя политика Веймарской Германии после Первой мировой войны (1918–1923 гг.): страницы истории. – Псков: Изд-во Псковского государственного университета, 2017. – 551 с.
17. Ланник, Л.В. Брестская система международных отношений как пространство германской гегемонии в Восточной Европе в 1918 г. Дисс. на соискание ученой степени доктора исторических наук. – М., 2021. – 764 с.
18. Лашкевич, Г.Н., Штейн, Б.Е. Локарнские соглашения: перевод с официального текста. – М.: Литиздат НКВД (Наркоминдела), 1925. – 39 с.
19. Ливен, Д. Навстречу огню. Империя, война и конец царской России. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 430 с.
20. Локарнская конференция 1925 г. Документы. – М.: Госполитиздат, 1959. – 512 с.
21. Матвеев, Г.Ф. Как делалось Силезское восстание в 1921 г. // Casus belli в международных отношениях XIX–XX вв.: дипломатия, идеология, военные приготовления. – СПб.: Алетейя, 2023. – С. 108–130.
22. Молодяков, В.Э. Россия и Германия: Дух Рапалло (1919–1932). – М.: Просвещение, 2009. – 174 с.
23. Москва – Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920–1941: сб. док.: в 3 т. Т. 1: 1920–1926. – М.: Наука, 2011. – 1030 с.
24. Москва – Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920–1941: сб. док.: в 3 т. Т. 2: 1927–1932. – М.: Наука, 2011. – 754 с.
25. Павлов, Н.В. История внешней политики Германии. От Бисмарка до Меркель. – М.: Междунар. отношения, 2012. – 797 с.
26. Павлов, Н.В. Россия и Германия: несостоявшийся альянс (история с продолжением). – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. – 557 с.
27. Павлова, М.С. Литва в политике Варшавы и Москвы в 1918–1926 годах. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. – 171 с.
28. Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – 398 с.
29. Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 960 с.
30. Родин, Д.В. Дискуссия вокруг польского проекта «Восточного Локарно» на VIII сессии Ассамблеи Лиги Наций (сентябрь 1927 г.) // Вестник Брянского государственного университета. – 2019. – № 1. – С. 108–116.

31. Родин, Д.В. Проекты «новых Локарно» в англо-германских отношениях во второй половине 1920-х годов. Дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 2021. – 367 с.
32. Секретно. Париж, 5-го апреля 1925 года. Замнаркоминделу т. М.М. Литвинову. Г. Москва // Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 04. Оп. 4. П. 32. Д. 451. Л. 31.
33. Случ, С.З. Германия и СССР в 1918–1939 годах: мотивы и последствия внешнеполитических решений // Россия и Германия в годы войны и мира (1941–1995). – М.: Гея, 1995. – С. 26-94.
34. Сталин, И.В. Сочинения. Т. 7. – М.: Госполитиздат, 1952. – 423 с.
35. Станков, Н.Н. Рапалльский договор 1922 года и Чехословакия // Славяноведение. – 2006. – № 3. – С. 3-15.
36. Треугольник Москва – Варшава – Берлин. Очерки истории советско-польско-германских отношений в 1918–1939 гг. – СПб.: Издательство «Европейский Дом», 2011. – 218 с.
37. Шейдеман, Ф. Крушение Германской империи. Воспоминания первого канцлера Веймарской республики о распаде великой державы. 1914–1922 гг. – М.: Центрполиграф, 2022. – 255 с.
38. Akten zur deutschen auswärtigen Politik: 1918 bis 1945. Ser. A: 1918–1925. Bd. VI: 1. März bis 31. Dezember 1922. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1988. – LVIII, 665 S.
39. Akten zur deutschen auswärtigen Politik: 1918 bis 1945. Ser. A: 1918–1925. Bd. IX: 16. November 1923 bis 6. April 1924. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1991. – LV, 710 S.
40. Akten zur deutschen auswärtigen Politik: 1918 bis 1945. Ser. A: 1918–1925. Bd. XI: 5. August bis 31. Dezember 1924. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1993. – LVII, 738 S.
41. Akten zur deutschen auswärtigen Politik: 1918 bis 1945. Ser. A: 1918–1925. Bd. XII: 1. Januar bis 25. April 1925. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1994. – LXI, 788 S.
42. Akten zur deutschen auswärtigen Politik: 1918 bis 1945. Ser. B: 1925–1933. Bd. II,1: Dezember 1925 bis Juni 1926: Deutschlands Beziehungen zur Sowjet-Union, zu Polen, Danzig und den baltischen Staaten. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1967. – XLVIII, 543 S.
43. Akten zur deutschen auswärtigen Politik: 1918 bis 1945. Ser. B: 1925–1933. Bd. II,2: Juni bis Dezember 1926: Deutschlands Beziehungen zur Sowjet-Union, zu Polen, Danzig und den baltischen Staaten. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1967. – XLII, 555 S.
44. An Ambassador of Peace. Lord D'Abernon's Diary. Vol. III. – London: Hodder and Stoughton, 1930. – X, 317 p.
45. [Beziehungen zur Sowjetregierung]. Kabinettsitzung vom 22. April 1919, 11 Uhr // Akten der Reichskanzlei. Weimarer Republik. Das Kabinett Scheidemann (1919). Bd. 1. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bundesarchiv.de/aktenreichskanzlei/1919-1933/0000/sch/sch1p/kap1_2/kap2_53/para3_1.html (дата обращения: 10.05.2023).
46. Borowsky, P. Schlaglichter historischer Forschung. Studien zur deutschen Geschichte im 19. und 20. Jahrhundert. – Hamburg: Hamburg University Press, 2005. – 331 S.
47. Der Reichswirtschaftsminister an den Reichsministerpräsidenten. Weimar, 2. August 1919 // Akten der Reichskanzlei. Weimarer Republik. Das Kabinett Bauer (1919/1920). Bd. 1. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bundesarchiv.de/aktenreichskanzlei/1919-1933/0000/bau/bau1p/kap1_2/para2_39.html?highlight=true&search=Russland&stemming=true&pnd=&start=&end=&field=all#highlightedTerm (дата обращения: 10.05.2023).
48. Deutsch-sowjetische Beziehungen von den Verhandlungen in Brest-Litowsk bis zum Abschluss des Rapallovertrages. Bd. 2: 1919–1922. – Berlin: Staatsverlag der Deutschen Demokratischen Republik, 1971. – XXXII, 716 S.

49. Estnisch-russische Beziehungen. Von W. Frank. Reval, den 10. Juli 1925 // The National Archives. GFM 33/2349/5462/66/E373567-373570.
50. Haigh, R.H. German-Soviet Relations in the Weimar Era: Friendship from Necessity. – Totowa, N.J.: Barnes & Noble, 1985. – VIII, 206 p.
51. Hiden, J. The Baltic States and Weimar Ostpolitik. – Cambridge: Universal Press, 1987. – XI, 276 p.
52. Korbel, J. Poland between East and West: Soviet and German Diplomacy toward Poland, 1919–1933. – Princeton: Princeton University Press, 1963. – 336 p.
53. Preußische Landesversammlung // Beilage zur «Freiheit». Berliner Organ der Unabhängigen Sozialdemokratie Deutschlands. – 1919. – 26. März. – S. 5-6.
54. Reichstagsprotokolle, 1924/28,10. 326. Sitzung. Donnerstag den 23. Juni 1927. 11001–11003. [Электронный ресурс]. URL: http://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt2_w3_bsb00000077_00998.html (дата обращения: 10.05.2023).
55. Riekhoff, H. von. German-Polish Relations, 1918–1933. – Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1971. – XIV, 421 p.
56. Rosenfeld, G. Sowjetrussland und Deutschland, 1917–1922. – Köln: Pahl-Rugenstein, 1984. – XI, 407 S.
57. Rosenfeld, G. Sowjetrussland und Deutschland, 1922–1933. – Köln: Pahl-Rugenstein, 1984. – 514 S.
58. The U.S.S.R. System of Neutrality and Non-Aggression // Bulletin of International News. New Series. – 1928. – Vol. 4. – № 25. – P. 3-13.
59. Walsdorff, M. Westorientierung und Ostpolitik. Stresemanns Rußlandpolitik in der Locarno-Ära. – Bremen: Schünemann, 1971. – 326 S.

ДИСКУССИЯ ПО ВОПРОСАМ «ИМПЕРСКОЙ РЕФОРМЫ» В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ (1933–1934)

О.Г. Субботин, г. Минск (Республика Беларусь)

Период национал-социалистической революции в Германии сопровождался дискуссией на тему «имперской реформы», нацеленной на реорганизацию государства сообразно представлениям НСДАП о его функциях и мессианстве. В сущности, она следовала в русле общественно-политических дебатов периода Веймарской республики, тесно связанных с попытками модернизации федеративных отношений – преодоления диспропорций в территориальной организации рейха, ведомственного партикуляризма и негативных проявлений «пруско-германского дуализма».

Ключевые слова: Третий рейх, Пруссия, немецкие земли, имперская реформа, федерализм, унификация, централизация.

Приход к власти НСДАП в 1933 г. существенно ускорил начатый при канцлере Франце фон Папене процесс ликвидации исторически сложившихся связей между централизмом, федерализмом и регионализмом. Ни одна эпоха в истории Германии, по словам немецкого исследователя Хорста Мёллера, не была «столь антифедералистской, как национал-

социалистическая» [1, S. 21–22]. Соединив архаичные формы господства с революционной идеологией и современной техникой использования власти, нацисты взяли курс на замену «рациональной структуры управления» автократическим централизмом, быстрыми темпами стирая грань между организационной сферой партии, министерской бюрократией и действующими в стране институтами управления [2, S. 20].

Успех политики А. Гитлера зависел во многом от готовности традиционных элит на местах поддерживать новую власть. Этим фактом можно объяснить его чуткую реакцию на дискуссию о путях и способах преодоления конструктивных недостатков существующей государственной системы, известную со времени Веймарской республики под вывеской «имперская реформа». Символическая апелляция фюрера к «региональной идентичности» являлась ничем иным, как отголоском популистской мобилизационной стратегии НСДАП 1920-х гг., с помощью которой национал-социалистическое движение боролось с периферии против веймарской демократии, а теперь маскировало устремления диктаторского режима трансформировать рейх в абсолютистское централизованное унитарное государство *sui generis*, «вступавшие в противоречие с автохтонными проявлениями культурного регионализма», которые Гитлер ассоциировал с партикуляризмом, вплоть до сепаратизма [3, S. 80; 4, S. 105]. В конце концов, его умелое маневрирование позволило в кратчайшие сроки принять целый ряд антиконституционных правовых актов, венцом которых стал закон от 30 января 1934 г.

Поначалу Гитлер избегал открытого конфликта с немецкими землями, руководствуясь принципом *divide et impera*. Выступая перед членами рейхсрата 2 февраля 1933 г., он открыто высказался против «безудержной регламентации государственной жизни», пообещав сохранить «исторические компоненты немецкой нации» [5, S. 37]. Это, впрочем, не помешало три недели спустя главе МВД Вильгельму Фрику угрожать немецким землям рейхсэкзекуцией в случае, если те «не уяснят суть нового времени» [5, S. 38]. На основании президентского декрета «О защите народа и государства» от 28 февраля 1933 г. НСДАП «безжалостно расправилась» с частью из них: Бавария, Саксония, Вюртемберг, Баден, Гессен, Шаумбург-Липпе и три ганзейских города (Гамбург, Бремен, Любек) в принудительном порядке были подчинены рейхскомиссарам. В остальных же землях, включая Пруссию, национал-социалисты на тот момент контролировали ситуацию.

После столь радикальных мер политико-практического характера «реформа» была приостановлена. В преддверии голосования по закону о чрезвычайных полномочиях Гитлер перешел на более мягкий тон, категорически отрекшись от намерения упразднить земли и объединить административные границы с границами партийных гау. В принципе он не исключал подобных изменений в будущем, но полагался на «живое развитие» ситуации и «законную легализацию» реформы населением [5, S. 38]. Насколько данное обещание соответствовало действительности, продемонстрировало возобновившееся в последующие дни «реформаторское

движение» в русле унификации рейха и земель (см. далее), открывшей путь к «разгосударствлению» последних без изменения их формы.

По существу, «национальная революция» в одностороннем порядке легализовала нарушение действующего права, позволив новому правительству без промедлений приступить к ликвидации федерализма на основании *Закона о преодолении бедственного положения народа и государства* от 24 марта 1933 г. [6]¹. В некотором роде данный правовой акт стал «временной конституцией», опираясь на которую осуществлялись все последующие мероприятия в области государственного строительства [7, S. 44]. Первый в их череде – *Закон об унификации земель с рейхом* от 31 марта, на основании которого расстановка сил в ландтагах приводилась в соответствие с политической линией партии и результатами выборов 5 марта в рейхстаг [8; 9]. Впредь правительствам земель запрещалось издавать нормативно-правовые акты, противоречившие конституции и имперским законам.

Целям дальнейшей концентрации и унификации государственной власти в Германии служил *Второй закон об унификации* от 7 апреля 1933 г., известный как *Закон об имперских наместниках* (штатгальтеры), призванных обеспечить неукоснительное исполнение директив канцлера [10]. «Вице-короли рейха», как их нарек Гитлер, обладали правом назначения и отстранения от власти членов земельных правительств, государственных служащих и судей, могли распускать ландтаги, принимать непосредственное участие в разработке законов, объявлять амнистию и т.д. [11, S. 228]. Особым образом регулировались отношения Пруссии и рейха: функции имперского наместника здесь возлагались на министра-президента на основании закона от 25 апреля 1933 г. Данный акт цемментировал «новую прусско-германскую унию». С его помощью рейх намеревался положить конец федералистскому мышлению на местах, окончательно устранить дуализм и утвердить примат общегерманской идеи, лишив ее «партикуляристских примесей» [7, S. 46]. Вице-канцлер Ф. фон Папен считал данный шаг «коронованием» процесса «законодательного синтеза интересов» Пруссии и рейха [12].

На практике амбиции «князей гау», с энтузиазмом внедрявших принцип фюрерства на местах, довольно быстро вплелись в традиции регионального партикуляризма. Сформированная здесь структура управления оказалась в ряде случаев более автономной в своих действиях, нежели в период полноценной деятельности ландтагов. Пожалуй, самой «проблемной» фигурой в этом плане был Герман Геринг, усомнившийся в эффективности создания «строго централизованного унитарного государства романского образца» и вознамерившийся на этом основании «пруссифицировать» рейх, переведя земли в ранг прусских провинций [3, S. 87; 13].

Поворотным в этом плане был Нюрнбергский съезд партии, проходивший с 30 августа по 3 сентября 1933 г. Выступая от имени национал-социалистического движения, Гитлер отказался «консервировать» германский федерализм, провозгласив курс на ликвидацию земель [5,

¹ Также: Закон о чрезвычайных полномочиях.

S. 41]. Как следствие, в ход была запущена пропагандистская кампания, призванная теоретически обосновать новую установку фюрера. В типичной для 1920-х гг. манере власти обратились к «административной дискуссии» о реформе рейха [4, S. 109]. Ее проработкой неофициально занимались Служба сословного строительства и Имперский союз Народность и Родина под руководством Вернера Хавербека. Деятельность последнего зиждилась на анализе самых известных на то время проектов, среди которых был, например, «Франкфуртский план» А. Вайтцеля 1928 г. [5, S. 41]. На официальном уровне вопросами реформы ведало Министерство внутренних дел и лично В. Фрик, настаивавший на централизованной системе управления авторитарного типа, позднее – на личной унии наместников и министров-президентов (глав местных правительств). Высокую активность проявляли также отдельные штатгальтеры и гауляйтеры.

Следует отметить, что с лета 1933 г. в недрах МВД шла работа над планами (территориальной) реорганизации рейха с целью повышения его эффективности. С помощью «авторитарного централизма» Берлин планировал «покончить» с традиционными структурами управления на местах и прочно интегрировать гауляйтеров и прусских оберпрезидентов (глав окружного управления) в систему государственной власти, предупредив таким образом партикуляристские настроения в будущем.

Самым деятельным «теоретиком» реформы на тот момент являлся, пожалуй, начальник окружного управления Магдебурга, министериаль-директор в МВД Хельмут Николаи. В работе «Основы будущей конституции» он подробно остановился на ключевых аспектах преобразований, в частности, отмел в сторону «противоречащие взглядам национал-социализма историко-династические факторы организации немецких земель», предложив оригинальный план административно-территориального деления Германии [14]. Он включал в себя 13 субъектов: Пруссия, Поммерания, Бранденбург, Саксония-Тюрингия, Силезия, Нижняя Саксония, Вестфалия, Рейнланд, Рейнская Франкония, Гессен, Майнцская Франкония, Швабия, Бавария. Берлин сохранял статус столицы империи, важнейшими центрами которой были такие крупные города, как Мюнхен, Дрезден, Гамбург, Бремен, Дюссельдорф [15]. Впоследствии Николаи довел общее количество «субъектов» до 14, дополнив список Австрией [16, S. 79-80].

Будучи противником и централизации, и партикуляризма, оптимальным вариантом теоретик права национал-социализма считал модель децентрализованного унитарного государства, основанного на идеях фёлькише [17, S. 79]. Исходя из этого, он предлагал закрепить за рейхом монополию на внешнюю политику, армию, налоги, транспорт, право устанавливать законодательные функции земель и санкционировать принятие ими законов, а все прочие сферы управления подвергнуть «эластичному регулированию», призванному утвердить «разумную» автономию земель и достичь «отсутствующей на сегодня сплоченности власти». Общую схему отношений «центр – регионы» Николаи переводил в формулу: «чем преданнее субъекты государства, тем больше свободы можно им предоставить; чем сильнее центростремительные силы, тем меньше они (субъекты – Прим. авт.) требуют надзора за собой, опеки, кулака» [15].

К концу осени 1933 г. дискуссия по вопросам «имперской реформы», обретя собственную динамику, грозила выйти из-под контроля высшего партийного руководства, о чем наглядно свидетельствовал непрерывающийся поток инициатив с мест. Так, в ноябре 1933 г. гессенский наместник Якоб Шпренгер с энтузиазмом рапортовал фюреру: «Население земли Гессен и Гессен-Нассау не только созрело для глубокой реформы, но и с нетерпением ожидает решительных действий» [17]. О готовности жителей к «масштабным преобразованиям» сообщал штатгальтер Брауншвейга и Ангальта Вильгельм Фридрих Лепер [18]. В итоге правительство, пытаясь умерить пыл и энтузиазм региональных партийных функционеров, распорядилось прекратить в ноябре 1933 г. любые общественно-политические дебаты на вышеназванную тему, а в декабре издало официальный запрет на книгу Г. Николаи «Государство в национал-социалистическом мировоззрении». Вслед за этим от планов нацистского теоретика-реформатора, репрессированного в 1935 г. «ввиду допущенных нравственных ошибок», дистанцировалось МВД [5, S. 41]. В правительстве не исключали масштабной реорганизации Германии, но инициативу ее проведения, равно как и содержательную сторону вопроса, резервировали за собой.

Завершающим актом в деле выстраивания жесткой вертикали власти стал *Закон о реконструкции рейха от 30 января 1934 г.*, упразднивший федеративный облик немецкого государства [19, S. 37]. Призванный, по словам главы МВД Фрика, положить «начало очередной эпохе в истории немецкого народа», данный документ предоставил правительству возможность легализовать «новое конституционное право», выходящее за рамки закона о чрезвычайных полномочиях от 24 марта 1933 г. Впервые рейх воспользовался им 14 февраля, распустив рейхсрат [10, S. 23]. Таким образом, прекратил существование символ германского федерализма, сфера деятельности которого при Гитлере ограничивалась участием в подготовке инструкций о порядке применения парламентских законов, чрезвычайных постановлений, административных актов. В том же месяце Берлину перешли функции правосудия земель, а в апреле – остатки финансового суверенитета. Вдобавок ко всему упразднялось гражданство земель и ликвидировались их представительства на территории страны. В Германии больше не существовало юридических различий между общенациональным и региональным уровнями управления, и вполне ходовым стало понятие «коммунализация земель». Отныне роль посредников между рейхом и землями выполняли исключительно наместники, переданные под надзор соответствующих рейхсминистров. Тем самым сформировалась новая имперская инстанция среднего звена [10, S. 24].

Общий итог системных преобразований 1933–1934 гг. оказался не утешительным для протагонистов децентрализации. Земли утратили отведенные им по конституции законодательную, исполнительную и судебную функции и, вопреки наличию некоторых внешних атрибутов власти, деградировали до уровня заурядных провинций, что дало В. Фрику

основание громогласно заявить о создании сильного национального унитарного государства на месте федеративного [5, S. 42–43; 7, S. 48].

Тем временем дискуссия об имперской реформе плавно переключалась в служебные кабинеты, несмотря на ее запрет на уровне партии и правительства, переданный заместителем фюрера Р. Гессом лично Фрику. В марте 1934 г. руководитель Пруссии Г. Геринг направил в адрес МВД меморандум, изложив собственное видение реформы, предлагая, в частности, оптимизировать сферу государственного управления. К *исключительным* полномочиям рейха были отнесены: законодательство, правосудие, внешняя политика, вермахт, авиасообщение, транспорт, почта, радио, пропаганда, высшая школа, подготовка педагогических кадров, горное дело, горная полиция, управление лесными угодьями. Сфера *общего* управления, реализуемого совместно имперскими министерствами и наместниками, распространялась на полицию, сельхозпоселения, речное и дорожное сообщение, финансы. Наконец, в *распоряжение* поднадзорных рейху *гау* переходили: внутреннее управление, коммунальный надзор, школа, социальное обеспечение, ремесло, медицина, ветеринарная служба, искусство, охрана территории, управление имуществом гау, что, в принципе, соответствовало уровню автономии прусских провинций [20].

Особое внимание в меморандуме было уделено аспектам административно-территориальной реформы. Деление государства на полуавтономные рейхсгау подрывало, по мнению Геринга, целостность Германии, в то время как предложенная им «конструкция и организация» гау могла обеспечить единство при любых обстоятельствах и сценариях развития событий, «даже тогда, когда стоящие во главе гау личности не являются выдающимися» [21]. К факторам государственной стабильности глава Пруссии относил «планомерное воспитание корпуса немецких служащих в имперском духе», а также лишение гау большей части принадлежавшего ранее землям и провинциям имущества, включая промышленные объекты и земельные угодья. Наконец, Геринг настоятельно рекомендовал отказаться от ориентации «исключительно на [исторически обусловленное] локальное обозначение» немецких территорий в пользу «более возвышенного – Германии». В общей сложности на реализацию реформы он отводил 10 лет, которых, по его мнению, было «достаточно, чтобы заложить прочные основы Третьего рейха» [21].

Решив подать пример «правильного поведения», Геринг инициировал объединение прусского министерства внутренних дел, которое самостоятельно возглавлял, с ведомством Фрика. В письме рейхсканцлеру от 17 марта 1934 г. он отметил, что «едва ли мог придумать меру более подходящую, чем эта, чтобы открыть путь к обновлению рейха, начиная с Пруссии» [5, S. 44]. Персональная уния двух кабинетов была окончательно закреплена 1 ноября 1934 г. Тем же путем последовали и другие ведомства.

В июле 1934 г. оригинальный план «имперской реформы» в адрес МВД направил гауляйтер Адольф Вагнер. Разработанный при участии геополитиков Карла Хаусхофера и историка Карла Александра фон

Мюллера, он предусматривал деление Германии на 24 гау с «подконтрольными территориями». Ключевая идея Вагнера заключалась в усилении внешних границ рейха и создании «внутренней организации, не уязвимой перед племенными, конфессиональными и экономическими особыми интересами» [22, S. 67–68].

Реагируя на высказанные инициативы, Фрик выступил 15 ноября 1934 г. перед офицерами рейхсвера с докладом на тему «Строительство Третьего рейха», в котором подробно остановился на принципах построения нового государства, определив в качестве одной из важнейших задач правительства пересмотр административных границ Германии, «основанный на географических, экономических и народонаселенческих принципах в противовес династическим». Ориентировочно речь шла о 20 субъектах с населением в 3–4 млн человек, границы которых предлагалось установить в соответствии с интересами вермахта. Конечной целью реформы министр объявил достижение «состояния внутреннего единства» немецкого народа, «одинаково мыслящего и обладающего единой волей» [23, S. 7].

Несмотря на обилие проектов реформы, ни один из них так и не был реализован. В партии считали недальновидным доверять ее разработку историкам, писателям, министерской бюрократии. Такую привилегию НСДАП оставляла за собой. Вполне очевидно, что нацистская верхушка не имела четкой стратегии поведения в этом вопросе. И на вертикальном, и на горизонтальном уровне налицо было переплетение персонально-политических властных интересов, а соперничество между органами центральной и региональной власти вышло за пределы первой фазы унитаризации рейха 1933–1934 гг. Де-юре, как отмечает немецкий историк М. Рук, Германия вышла из «национальной революции» децентрализованным унитарным государством, чьи территории обладали делегированными из центра полномочиями. Де-факто правительство испытывало сильное влияние региональных структур, поскольку успех политики Гитлера зависел во многом от их готовности поддерживать новую власть [4, S. 107].

К началу 1934 г. в Германии все еще продолжали сосуществовать конкурирующие между собой суплементарные сепаратные государственные и партийные ведомства. В ход так и не был запущен ни процесс укрупнения территорий, ни их реорганизация. Более того, после объединения Мекленбург-Штрелица и Мекленбург-Шверина, состоявшегося 15 декабря 1933 г., застопорилась ликвидация анклавов и эксклавов. Последним мероприятием в данном направлении стал *Закон о Большом Гамбурге* от 26 января 1937 г., с помощью которого был создан «город-гау» и завершен длительный период раздробленности на Нижней Эльбе.

Источники и литература

1. Möller, H. Regionalismus und Zentralismus in der neueren Geschichte. Bemerkungen zur historischen Dimension einer aktuellen Diskussion / H. Möller // Nationalismus in der Region. Beiträge zur regionalen und lokalen Forschung und zum internationalen Vergleich; Hrsg. von H. Möller, A. Wirsching, W. Ziegler. – München : Oldenbourg, 1996. – S. 9–22.

2. Reichardt, S. Radikalität und Stabilität: Herrschen und Verwalten im Nationalsozialismus / S. Reichardt, W. Seibel // Das prekäre Staat: Herrschen und Verwalten im Nationalsozialismus; S. Reichardt, W. Seibel. – Frankfurt/New York : Campus, 2011. – S. 7–27.
3. Ruck, M. Partikularismus und Mobilisierung – traditionelle und totalitäre Regionalgewalten im Herrschaftsgefüge des NS-Regimes / M. Ruck // Das prekäre Staat: Herrschen und Verwalten im Nationalsozialismus; S. Reichardt, W. Seibel. – Frankfurt/New York : Campus, 2011. – S. 75–120.
4. Ruck, M. Zentralismus und Regionalgewalten im Herrschaftsgefüge des NS-Staates / M. Ruck // Nationalsozialismus in der Region. Beiträge zur regionalen und lokalen Forschung und zum internationalen Vergleich ; Hrsg. von H. Möller, A. Wirsching, W. Ziegler. – München: Oldenbourg, 1996. – S. 99–122.
5. Baum, W. Die „Reichsreform“ im Dritten Reich / W. Baum // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. – 1955. – H. 1, Jg. 3. – S. 36–43.
6. Gesetz zur Behebung der Not von Volk und Reich, v. 24.03.1933 // Reichsgesetzblatt (RGBl.). – 1933. – Nr. 25. – Tl. I. – S. 141.
7. Pogge, E. Das Verhältnis Reich und Länder einst (nach der Weimarer Verfassung) und jetzt (nach den Gesetzen der nationalen Erhebung) : Diss. / E. Pogge. – Hamburg : Fried. Priess Buchdruckerei, 1934 – 53 S.
8. Vorläufiges Gesetz zur Gleichschaltung der Länder mit dem Reich, v. 31.03.1933 // RGBl. – 1933. – Nr. 29. – Tl. I. – S. 153–154.
9. Begründung zum Entwurf eines Gesetzes zur Gleichschaltung der Länder mit dem Reich // Bundesarchiv (BA). – Akten der Reichskanzlei. – R 43 II/1309. – Bd. 1. – S. 8, 41.
10. Weniger Länder – mehr Föderalismus? Die Neugliederung des Bundesgebietes im Widerstreit der Meinungen 1948/49–1990. Eine Dokumentation / Bearb. von R. Schiffers. – Düsseldorf : Droste, 1996. – 421 S.
11. Mommsen, H. Reichsreform und Regionalgewalten. Das Phantom der Mittelinstanz 1933–1945 / H. Mommsen // Zentralismus und Föderalismus im 19. und 20. Jahrhundert; Hrsg. von O. Janz, P. Schiera, H. Siegrist. – Berlin : Duncker & Humblot, 2000. – S. 227–237.
12. Abschrift des Schreibens des Vizekanzlers von Papen an den Reichskanzler vom 7. April, v.11.04.1933 // BA. – Akten der Reichskanzlei. – R 43 II/1363a. – S. 4.
13. Die konstituierende Sitzung des Preussischen Staatsrats. Die Eröffnungsrede des Ministerpräsidenten Göring, v.26.04.1933 // BA. – Akten der Reichskanzlei. – R 43 I/2300. – S. 7–8.
14. Reichsreform im neuen Deutschland, in: Frankfurter Zeitung, v.21.11.1933 // BA. – Akten der Reichskanzlei. – R 43II/495. – S. 19.
15. Vorschläge zur Reichsreform, in: Anhalter Anzeiger, v. 8.12.1933, Nr. 288 // BA. – Akten der Reichskanzlei. – R 43II/495. – S. 26.
16. Nicolai, H. Der Staat im Nationalsozialistischen Weltbild / H. Nicolai // BA. – Akten der Reichskanzlei. – R 43II/495. – S.79–80.
17. Schreiben des Reichsstatthalters in Hessen an den Herrn Reichskanzler, v.14.11.1933 // BA. – Akten der Reichskanzlei. – R 43II/495. – S. 16.
18. Schreiben des Reichsstatthalters in Braunschweig und Anhalt an den Herrn Staatssekretär Dr. Lammers in der Reichskanzlei, v. 23.11.1933 // BA. – Akten der Reichskanzlei. – R 43II/495. – S. 17–19.

19. Gesetz über den Neuaufbau des Reiches, 30.01.1934 // Deutsche Geschichte 1933–1945. Dokumente zur Innen- und Außenpolitik; Hrsg. von W. Michalka. – Frankfurt a. M.: Fischer Taschenbuch Verl., 1996. – 419 S.

20. Schreiben des Preussischen Ministerpräsidenten an den Herrn Reichsminister des Innern (Anlage: Bemerkungen zur Reichsreform), v.21.03.1934 // BA. – Akten der Reichskanzlei. – R 43II/495. – S. 176–185.

21. Göring über die politische Aufgabe im Dritten Reich, in : Deutsches Nachrichtenbüro, v. 19.06.1934 // BA. – Akten der Reichskanzlei. – R 43 II/1362. – S. 59.

22. Burg, P. Die Neugliederung deutscher Länder / P. Burg. – Münster : LIT, 1996. – 110 S.

23. Frick, W. Der Neubau des Dritten Reiches. Vortrag, gehalten vor Offizieren der Reichswehr am 15. November 1934 / W. Frick. – Berlin: Carl Heymanns, 1934. – 16 S.

НЕМЕЦКИЕ ЕВРЕИ В АНТИГИТЛЕРОВСКОМ СОПРОТИВЛЕНИИ. ГРУППА ГЕРБЕРТА БАУМА

Б.Л. Хавкин, г. Москва (Российская Федерация)

После установления в Германии нацистской диктатуры легальные методы противодействия нацизму были внутри страны невозможны. Сопротивление немцев нацизму ушло в подполье или в эмиграцию.

Составной частью немецкого Сопротивления нацизму было Сопротивление немецких евреев. Эта проблема является новой для российской историографии. Автор, изучая эту тему в основном на основе немецких источников и литературы, приходит к выводу, что сформированное в литературе представление о беззащитном немецком еврее является мифом. Немецкие евреи и их родственники и друзья-немцы принимали активное участие в немецком антигитлеровском Сопротивлении. Одной из групп Сопротивления была берлинская группа под руководством Герберта Баума, объединявшая евреев, немцев и иностранных принудительных рабочих. В статье рассказывается история этой группы.

Ключевые слова. Третий рейх, антигитлеровское Сопротивление, евреи в нацистской Германии, группа Герберта Баума.

В Третьем рейхе немецкие евреи были отгорожены от так называемого «немецкого народного сообщества» сотнями законов и распоряжений, претворяемых в жизнь не только убежденными нацистами, но и большинством простых немцев-членов «народного сообщества», а также чиновниками, юристами, полицией, армией, прессой, школой. Евреи лишались гражданских и имущественных прав, попали под надзор полиции, в их паспортах ставился красный штамп «J» («юде») и вписывалось второе принудительное имя: мужчинам – Израиль, женщинам – Сара. С 19 сентября 1941 г. все евреи были обязаны носить на одежде желтую шестиконечную звезду [1, S. 43]. Таким образом, все евреи были поставлены под непосредственный полицейский контроль; по отношению к ним гражданское право уже не действовало. По сообщениям СД, распоряжение о

ношении евреями звезды Давида было признано немецкой общественностью вполне своевременной мерой: все евреи теперь были на виду. Многие немцы стали с удивлением замечать, как много еще евреев в Германии: на 1 октября 1941 г. евреев в Германии было 163692, а к началу депортаций на Восток — 131823 [2, с. 76].

При строго контролируемых полицией многочисленных запретах, ограничениях и постоянных унижениях, делавших повседневную жизнь евреев в нацистской Германии невыносимой, вообще странно, что в Третьем рейхе стали возможным какие-либо акции еврейского Сопротивления.

Однако еврейское Сопротивление, как одиночек, так и групп, в Германии существовало. Число евреев-участников немецкого Сопротивления оценивается историками в 2-3 тыс. человек – 1-2% от 200 тыс. евреев, находившихся в рейхе на 1 сентября 1939 г. и приблизительно 0,25% от 800 тыс. немцев-участников Сопротивления [3, с. 113].

Примером еврейского Сопротивления нацизму является группа Герберта Баума, которая действовала в самом сердце Третьего рейха – в Берлине [4, S. 80-81]. Все члены этой группы были молодыми людьми от 19 до 40 лет. Они происходили из мелкобуржуазных и пролетарских еврейских семей. Их родители до 1933 г. были ремесленниками, лавочниками, мелкими служащими, наемными рабочими. Самые молодые члены группы еще не имели среднего специального или высшего образования и едва ли могли его получить в нацистском государстве. Почти все члены группы Баума ранее состояли в «Немецко-еврейском молодежном сообществе». Они часто выезжали в зелёные районы на окраинах Берлина, совершали турпоходы по его окрестностям. «Мы много разговаривали. Обсуждали важные жизненные вопросы, на которые дети всегда ищут ответы», - вспоминал Герхард Цадек, один из немногих оставшихся в живых бойцов еврейского Сопротивления [3, с. 126]. Для молодого Цадека примером для подражания стал лидер его группы - Герберт Баум. Юные любители походов чувствовали себя в Германии как дома даже тогда, когда штурмовики уже маршировали по Берлину. Члены кружка Герберта Баума перестали надеяться на счастливый исход лишь после «Хрустальной ночи» 1938 г. Они сообща ушли в подполье. В 1938-1939 г. Герберт Баум объединил вокруг себя группу молодых евреев, в которую входили около 70 человек - левые сионисты, социалисты и коммунисты. В дальнейшем она выросла до 150 человек [5, S. 29].

Герберт Баум родился в 1912 г. в польском городе Мосине, который после раздела Польши 1792 г. стал принадлежать Пруссии, и вырос в Берлине. Его отец был бухгалтером. После школы Герберт Баум получил специальность электрика; посещал вечерние инженерные курсы в Берлинской высшей школе техники им. Бойта, но в 1935 г. был исключен как еврей. В 20 лет возглавил ячейку «Немецко-еврейского молодежного сообщества». Был членом Коммунистического союза молодежи Германии, руководил подпольной коммунистической молодежной ячейкой берлинского района Юго-Восток, был связан с нелегальным центром КПГ

Берлина под руководством Роберта Урига, который, как писала коммунистическая историография ГДР и СССР, «стремился, чтобы члены организации Баума постоянно ощущали солидарность Коммунистической партии с ним и ее готовность оказать им необходимую поддержку» [6, с. 79]. Изданная в ГДР «История германского рабочего движения», не говоря о разных политических взглядах членов группы Баума и явно преувеличивая роль КППГ, даже утверждала, что «ведущие коммунистические функционеры учили ее членов (т.е. членов группы Баума. - Б.Х.) видеть сущность гитлеровского фашизма не только в терроре против евреев, но и угнетении всего немецкого народа и поэтому активно бороться за его свержение» [7, S. 314].

При этом игнорировался факт, что нелегальное руководство КППГ отдало распоряжение, что товарищи по партии еврейского происхождения по конспиративным причинам не должны больше работать в коммунистических подпольных группах. Об этом есть свидетельство Шарлотты Хольцер, единственной пережившей Холокост участницы группы Баума [8, S. 5]. Деятельность группы Баума велась в соответствии с широкой антифашистской программой, под которой могли подписаться и коммунисты, и социал-демократы, и левые сионисты, и беспартийные евреи и немцы: «1. Серьезная политическая учеба всех членов группы; 2. Каждый обязан создавать у себя на производстве опорные антифашистские ячейки; формами борьбы являются протест против сверхэксплуатации, замедление работы, пассивное сопротивление, саботаж, забастовки; 3. Борьба с антисоветской пропагандой, воспитание чувства интернационализма в отношении иностранных рабочих и евреев; помощь военнопленным красноармейцам; 4. Размножение пропагандистских материалов антифашистского характера, распространение их среди населения и переправка в воинские части, находящиеся на советско-германском фронте» [9, с. 11].

Почему же произошло удивительное, на первый взгляд, объединение сионистов с коммунистами и социалистами еврейского происхождения? Ответить на этот вопрос можно, если попытаться представить себе, что значило в 1939 г., когда группа Баума начала свою работу в Сопротивлении, быть евреем в нацистской Германии. К этому году евреи были отгорожены от так называемого «немецкого народного сообщества» сотнями законов и распоряжений, претворяемых в жизнь не только убежденными нацистами, но и большинством простых немцев-членов «народного сообщества», а также чиновниками, юристами, полицией, армией, прессой, школой и т.д. Евреи были лишены не только своих гражданских прав, но и, как правило, потеряли свои рабочие места и места на студенческой скамье. Евреи лишались большинства гражданских и имущественных прав, попали под надзор полиции, в их паспортах ставился красный штамп «J» («юде») и вписывалось второе принудительное имя: мужчинам – Израиль, женщинам – Сара. С сентября 1941 г. все евреи были обязаны носить на одежде желтую шестиконечную звезду. Евреев терроризировали как государство, так и отдельные нацисты; большинство немецких христиан сторонились евреев, от относились к ним с презрением и

враждой. Значительная часть «простых немцев» писала доносы на своих соседей-евреев. К этому следует добавить многочисленные запреты: евреям запрещалось служить в госучреждениях, вступать в браки с «арийцами», посещать общеобразовательные школы, университеты, театры и кинотеатры, концерты, выставки, общественные парки, бани и бассейны, преподавать во всех видах учебных заведений (кроме еврейских), лечить и обсуживать не евреев, покупать газеты (кроме еврейских), работать в научных учреждениях, владеть автомобилями и ездить на них, иметь свои предприятия (кроме мелких семейных лавок и мастерских), владеть недвижимостью, наследовать от арийцев имущество, держать домашних животных, пользоваться общественными телефонами, владеть и пользоваться радиоприемниками и пишущими машинками; вводились ограничения на общественном транспорте. Нормы снабжения евреев по продуктовым карточкам были значительно ниже «арийских»; на «отоваривание» карточек отводился лишь один час - с 16 до 17 часов. За торговлю и обмен вещей на продукты на «черном рынке» полагался концлагерь.

26 марта 1938 г. был принят декрет о запрете регистрации еврейской собственности на сумму более 5 тыс. марок. 12 ноября 1938 г. – декрет об исключении евреев из немецкой хозяйственной жизни. 3 декабря 1938 г. – закон об обязательной «ариизации» еврейских предприятий (т.е. продаже принадлежащих евреям предприятий немцам).

Перед лицом исключения из «народного сообщества», диффамации, эксплуатации, ограбления и преследования евреев как таковых, сотрудничество сионистов и коммунистов еврейского происхождения становится понятным. Для еврейских юношей и девушек не имело значения, кто из них пришел из сионистских, коммунистических или социалистических организаций, кто из них был из пролетарской, кто из буржуазной семьи. В итоге важным оставалось лишь то, что их объединяло: а именно ненависть к нацизму и принадлежность к преследуемому меньшинству, которое отнюдь не пользовалось симпатией и поддержкой подавляющего большинства не-еврейского населения Германии. Баум был убежден (и постоянно говорил об этом своим товарищам), что только борьба против фашизма является единственным действенным оружием против антисемитизма.

О причудливом переплетении в мировоззрении Герберта Баума и его друзей идей антифашизма, коммунизма и сионизма говорит тот факт, что их листовки по форме и содержанию мало отличались от воззваний «Белой Розы», «Красной капеллы», «Свободной Германии» и других немецких антифашистских групп. В то же время, когда этих мужественных людей вели на казнь, они пели еврейские народные песни и коммунистический гимн Интернационал.

Члены группы Баума не собрались безропотно сносить свое рабское существование. В 1939-1940 гг. они неоднократно жаловались в Немецкий рабочий фронт (официальные профсоюзы. – Б.Х.) на крайне низкие зарплаты и чрезвычайно плохие условия труда еврейских принудительных рабочих. В мае 1940 г. на еврейском кладбище Берлин-Вайсензее они

устроили поминки по коммунистическому молодежному функционеру и руководителю еврейских узников концлагеря Бухенвальд Руди Арндту, убитому нацистами 3 мая 1940 г. В демонстрации, не смотря на тотальный контроль и террор гестапо, участвовали от 40 до 70 человек: поминки превратились в мужественный акт Сопротивления.

С началом Второй мировой войны немецкие евреи были мобилизованы на принудительные общественные работы. В 1941 г. Герберт Баум, его жена Марианна и другие члены группы работами в особых «еврейских цехах» на заводах «Эльмо» фирм Сименс в берлинском районе Шпандау и АЕГ в районе Трептов. В «еврейских цехах» в каторжных условиях трудились сотни «еврейских рабов», которые носили спецовки со звездой Давида и надписью «юде». Здесь в обстановке секретности высокими темпами велось производство сердечников электродвигателей для подводных лодок [10, S. 742]. Электрик Баум научил своих товарищей изолировать якорную обмотку с таким расчетом, чтобы на испытаниях она выдерживала напряжение, но при рабочей эксплуатации быстро выходила из строя. Весной 1942 г. участникам группы Сопротивления удалось уничтожить склад готовой продукции. Гестапо долго не могло выявить саботажников [11, с. 138-139].

Все контакты евреев с «арийскими» коллегами, а также иностранными рабочими были запрещены. Однако через француженку Сюзанну Вессе (она была связана с группой Сопротивления через родственника - еврея-коммуниста Феликса Хеймана) Герберт Баум и его товарищи сумели установить контакт с молодыми французами. Для них составлялись листовки на французском языке о положении на фронте. С помощью французских рабочих члены группы Баума получили возможность пользоваться документами (подлинными и фальшивыми) иностранных рабочих, что позволяло обходить запреты и ограничения, наложенные нацистами на евреев.

Тексты листовок обсуждались и составлялись коллективно. Печатать и распространять антифашистские листовки и нелегальные брошюры Бауму и его друзьям помогали Сюзанна Вессе и немка Ирена Вальтер – им как не евреям разрешалось иметь пишущие машинки. Материалы на немецком языке были предназначены немцам - представителям разных социальных групп и профессий. Например, листовка, адресованная немецким врачам, гласила: «Растущая массовая смертность от туберкулеза легких, тифа, скарлатины и дифтерии, гриппа, язвы желудка в последнее время – это следствие полуголодного рациона немецкого народа. Это знаем не только мы – медики, осознающие свою ответственность перед Германией. Мы знаем также, что дальнейшее систематическое ухудшение режима питания и жилищных условий вследствие этой безумной войны создает благоприятные условия для массовых эпидемий. Призрак голода уже рядом! Вопреки обещаниям господ из гитлеровского правительства, отвечающих за то, чтобы продовольственных запасов хватило бы в случае длительной войны, нас, кроме сокращения нормы до 35 продовольственных карточек, ждет новое сокращение продовольственного рациона. Каждый врач вынужден сегодня признать, что трудящееся

население находится на пределе своих физических возможностей... Народ стоит накануне катастрофы! Коллеги, хотите ли вы и дальше быть соучастниками надвигающейся катастрофы, которая неминуемо разразится, если вы будете поддерживать Адольфа Гитлера в бесперспективной войне, которую он ведет с целью удовлетворения своего преступного властолюбия? Свержение Гитлера – спасение Германии. Должен ли Гитлер действительно стать могильщиком Германии? Этого нельзя допустить. Вместе со всеми антифашистами – трудящимися Германии схватите его за руки. Германия сохранит себя, если свергнет Гитлера. В таком случае миллионы немцев сохраняют свои жизни. Германии не будет, если мы погибнем! Германия будет жить, если мы живы!... Поэтому лучшие немцы – это смертельные враги Гитлера!» [12, S. 165–166].

В ноябре 1941 г. группа Баума в форме обращения к соотечественникам опубликовала обширный материал, в котором был дан анализ ситуации, сложившейся после нападения Германии на СССР: «Мы, коммунисты, можем с гордостью сказать, что именно благодаря мужественному отпору наших русских братьев и товарищей гитлеровская стратегия молниеносных войн потерпела провал... Ход войны на Восточном фронте докажет, что усилия и жертвы СССР были не напрасны, что ему с помощью свободолюбивых народов мира удастся уничтожить алчный фашизм». Авторы листовки объясняли немцам, что их участие в «попытке эксплуататоров сокрушить самый свободолюбивый народ мира» было бы изменой их собственным интересам. Советский Союз всегда был вашим другом». Для гитлеровцев же «Советский Союз станет адом, из которого не будет никакого спасения» [13, S. 178-179, 183].

Изготовление и распространение листовок было делом очень опасным: за распространение листовок можно было попасть в гестапо. Берлинцы, в чьи почтовые ящики попадали листовки, как правило сообщали в полицию.

В центре деятельности молодых антифашистов было стремление предотвратить депортацию берлинских евреев в гетто и концлагеря, подготовить их бегство и переход на нелегальное положение. Для этого нужны были фальшивые документы, которые можно было достать за большие деньги. 20% зарплаты, которые еженедельно добровольно жертвовали члены группы на свою деятельность, для этого было явно недостаточно. Молодые антифашисты решили достать деньги, изымая ценные вещи у богатых евреев: эти дорогие вещи все равно подлежали бы конфискации полицией. 9 мая 1942 г. берлинские газеты сообщили о нападении на квартиры богатых евреев с целью ограбления [14, S. 7]. Однако продать ценные вещи, награбленные в богатых квартирах, «налетчики» так и не смогли: описание вещей было известно полиции, которая передала эти сведения всем берлинским антикварам и скупщикам ценностей.

Кульминацией и в то же время концом существования группы Баума стала другая отчаянная акция – нападение на нацистскую выставку «Советский рай» в центре города в Люстгартене, рядом с Берлинским

собором. Выставка была организована отделом пропаганды нацистской партии; по официальным данным, с 8 мая по 21 июня 1942 г. её посетило 1,3 миллиона человек – более трети населения Берлина. Термин «советский рай» или «большевистский рай» был расхожим штампом нацистской пропаганды, который неоднократно использовался в киножурнале «Немецкое еженедельное обозрение» и в книге «Письма солдат с фронта» [3, с. 132].

Люстгартене на 9 тыс. квадратных метров были сооружены выставочные павильоны, в которых были представлены фотографии, картины, захваченные предметы и оружие. Главной частью выставки была искажённая реконструкция одного из районов Минска, а также советской деревни, в которой люди жили в землянках. Некоторые фотографии советского быта были инсценированы с использованием узников концлагеря Заксенхаузен. На подготовку экспозиции ушло несколько месяцев. Согласно анонсу, она должна была продемонстрировать «бедность, нищету, упадок и разложение» в Советском Союзе. Таким образом, национал-социалисты пытались оправдать войну против СССР и укрепить моральный дух населения, обеспокоенного провалом блицкрига и поражением вермахта под Москвой. Разумеется, экспонаты выставки не рассказывали о преступной политике уничтожения евреев на захваченной гитлеровцами советской территории.

18 мая 1942 г. члены группы Баума подожгли эту клеветническую антисоветскую выставку. Очаги пожара вспыхнули сразу в нескольких местах. Пламя было быстро потушено, однако от поджога пострадали 11 посетителей. Выбор объекта атаки вызвал одобрение всех участников акции: в том, что не только коммунисты, но и социалисты и сионисты выступали в поддержку СССР, не было ничего необычного: с борьбой Советского Союза против фашизма они связывали свое освобождение и спасение еще остававшихся в живых евреев.

Характерно, что в акции против выставки «Советский рай» участвовали не только члены группы Баума, но и другие немцы-антинацисты. Подпольщики из группы Х. Шульце-Бойзена и А. Харнака (она известна как берлинская группа «Красной Капеллы») и организации Роберта Урига выпустили листовку «Постоянная выставка – нацистский рай: война, голод, ложь, гестапо. Долго ли еще? Сколько еще это будет продолжаться?». В распространении листовки участвовали 60 человек [15, с. 140–141].

Секретный отчет гестапо от 27 мая 1942 г. относил нападение на выставку «Советский рай» к «важнейшим политическим событиям» в Германии: «Отделению гестапо в Берлине удалось внедриться в нелегальную коммунистическую группу, которая была создана вскоре после начала войны с Советским Союзом и занималась вплоть до последнего времени изготовлением и распространением материалов подрывного характера, расклеивала в Берлине коммунистические листовки и создала общество подслушивания. Этой группой планировались диверсионные акты, в частности, 18 мая нападение на выставку «Советский рай» в берлинском Люстгартене, для чего в некоторых помещениях были подложены

зажигательные устройства. Однако своевременное вмешательство помогло предотвратить причинение большого ущерба. Во время акции против этой группы было арестовано 22 человека, имена прилагаются, среди них 7 евреев или полукровок 1-й степени. Руководителем и идеологом нелегальной группы был технический служащий фирмы АЕГ в Берлине Иоахим Франке, который еще до перемены власти активно действовал в пользу КППГ, особенно в литературных кругах. Установлено, что Иоахим Франке, Герберт Баум, Штайнбринк и Ганс Феттер совместно сочинили, отредактировали и распространили следующие листовки: «Немецким врачам» (ср. сообщение № 3 от 8. 4. 42 г., стр. 3), «Выход» (ср. сообщение № 7 от 15. 12. 41 г., стр. 4), «Путь к победе». Кроме того, в нападении на выставку принимали участие лица, названные в приложении в п. п. 1–11. Изготовителем зажигательных устройств назван Штайнбринк» [16, с. 193].

22 мая 1942 г. были арестованы участники нападения на выставку Герберт и Марианна Баум, Хейнц Иоахим, Сала Кохман, Герд Мейер, Сюзанна Вессе и Ирена Вальтер. Затем в застенки гестапо попали еще 25 членов группы [17, S. 7]. Быстрый арест участников акции свидетельствовал о том, что среди них был информатор тайной государственной полиции; вероятно, это был Иоахим Франке, названный в отчете гестапо «руководителем и идеологом нелегальной группы». По свидетельству Шарлотты Хольцер, нацисты принудили Франке, арестованного накануне акции в Люстгартене, к сотрудничеству: гестапо арестовало его жену, которую жестоко пытали на глазах мужа. Основную «вину» за поджог Франке, назвавшись руководителем группы, взял на себя. Поэтому трудно разделить упреки в предательстве, которые бросали в Иоахима Франке историки из бывшей ГДР. Несмотря на то, что Франке был казнен вместе с другими членами группы Баума, его имени нет на мемориальном камне, установленном на еврейском кладбище Вайсензее.

Надпись на мемориальном камне гласит: «Членам группы Герберта Баума, казненным в 1942-1943 гг. Марианна Баум, 30 лет; Мартин Кохман, 30 лет; Сала Кохман, 30 лет; Герд Мейер, 22 года; Ханни Мейер, 22 года; Сюзанна Вессе, 29 лет; Ирена Вальтер, 22 года; Хейнц Бирнбаум, 23 года; Хейнц Ротхольц, 21 год; Хелла Хирш, 22 года; Алиса Хирш, 19 лет; Эдит Френкель, 21 год; Феликс Хейман, 26 лет; Вернер Штейнбринк, 26 лет; Хильда Ядамович, 26 лет; Ханс Адлер, 30 лет; Ханс Иоахим, 21 год; Марианна Иоахим, 21 год; Зиги Ротхольц, 21 год; Лотта Ротхольц, 20 лет; Лотар Салингер, 23 года; Хильда Лёви, 20 лет; Херберт Буджиславски, 22 года; Хельмут Нойман, 21 год; Хардель Нойман, 31 год; Курт Бернхард, 40 лет; Херберт Мейер, 32 года. Они погибли в борьбе за мир и свободу» [18, S. 88].

29 мая 1942 г., через 11 дней после поджога выставки «Советский рай», начальник «еврейского реферата» Главного управления имперской безопасности оберштурмбаннфюрер СС Адольф Эйхман сообщал члену правления «Имперского объединения евреев в Германии» Рихарду Лёвенгерцу, что в связи с нападением на выставку «Советский рай» в Берлине, в котором принимали активное участие 5 евреев (из 7 участников

нападения на выставку евреями были Герберт и Марианна Баум, Хейнц Иоахим, Сала Кохман, Герд Мейер. Сюзанна Вессе была француженкой, а Ирена Вальтер – немкой. – Б.Х.), было арестовано 500 евреев, из которых 250 были расстреляны, а другие 250 отправлены в концлагерь. Было заявлено, что следует ожидать продолжения карательных мероприятий, если акции саботажа со стороны евреев будут продолжаться. Лёвенгерцу поручалось довести эту информацию до сведения евреев и объяснить им последствия своих действий [19, S. 179].

Упомянутые Эйхманом 250 заложников были расстреляны во дворе казармы СС в берлинском районе Лихтерфельде; их родственники – отправлены в концлагерь Терезиенштадт. Женам убитых заложников при регистрации в концлагере эсэсовцы сообщали, что они уже стали вдовами. Еще 250 заложников были казнены в концлагере Заксенхаузен и в лагерях уничтожения на Востоке.

Однако в подцензурной и подконтрольной рейхсминистру просвещения и пропаганды д-ру Йозефу Геббельсу немецкой прессе не сообщалось ни о нападении на выставку «Советский рай», ни об аресте группы Баума, ни о расстреле 500 евреев. Национал-социалисты пытались сделать все возможное, чтобы скрыть от общественности деятельность группы Герберта Баума: в отличие от понятия «борющиеся левые», такое понятие как «борющиеся евреи» не имело права на существование даже как образ врага.

Распоряжение Эйхмана за каждого еврея-участника Сопrotивления расстреливать по 50 его единоверцев, было дополнено Геббельсом, который был также гауляйтером Берлина: он предложил «за каждую попытку покушения или проявление неповиновения со стороны евреев за каждого непокорного еврея расстреливать 100 или 150 его соплеменников, находящихся в наших руках» [20, S. 243].

Эти угрозы должны были продемонстрировать немецким евреям безысходность ситуации. Каждый еврей, осмелившийся на Сопrotивление, должен был осознать, что своими действиями он обрекает верную смерть сотни своих соплеменников и единоверцев. В то же время, участники Сопrotивления навсегда разрушили представление о еврее, который, не сопротивляясь, позволяет себя убивать.

16 июля 1942 г. в Имперском народном трибунале начался процесс над группой евреев-поджигателей. Герберт Баум не дожид до суда: он погиб 11 июня 1942 г. Было ли это самоубийство, или он умер в результате пыток, примененных к нему по приказу оберштурмфюрера СС Бовензипена – не известно. Марианна Баум, Герд Мейер, Хайнц Иоахим, Ирена Вальтер, Сала Кохман, Сюзанна Вессе были казнены в берлинской каторжной тюрьме Плётцензее 18 августа 1942 г. Салу Кохман принесли на казнь на носилках из Еврейской больницы на Иранише штрассе. Чтобы избежать пыток, она выбросилась из окна гестаповской тюрьмы и сломала позвоночник. Как гласил расклеенный на афишных тумбах кроваво-красный плакат со зловещими черными буквами, 18 августа 1942 г. на рассвете в Берлине была казнена группа евреев-поджигателей, мужчины и

женщины в возрасте от 23 до 33 лет. Были названы имена казненных с предписанным «арийскими законами» вторым именем – Сара для женщин и Израиль для мужчин. Палач справился со своей задачей за 27 минут.

10 декабря 1942 г. пошел процесс над членами группы Баума, которые непосредственно не участвовали в поджоге «Советского рая». Государственный обвинитель Виттман требовал для всех обвиняемых смертной казни, т.к. они «виновны в государственной измене и пособничестве врагу». Суд в составе председателя – вице-президента Имперского народного трибунала д-ра Кроне и заседателя – судебного советника Пройснера удовлетворил требование прокурора. 9 обвиняемых были приговорены к смерти. Обоснование приговора гласило, что «обвиняемые являются евреями и как таковые должны вести себя тихо, а не так, как это было в 1914-1918 гг., когда евреи нанесли Германии удар ножом в спину». 4 марта 1943 г. Хейнц Ротхольц, Зигберт Ротхольц, Хейнц Бирнбаум, Лотар Салингер, Хельмут Нейман, Хелла Хирш, Ханни Мейер, Марианна Иоахим и Хильдегард Лёви были казнены в тюрьме Плётцензее. По распоряжению министра юстиции их трупы были переданы в анатомический театр Берлинского университета.

Третий, последний процесс против членов группы Баума состоялся 14 июня 1943 г. Обвиняемые Мартин Кохман, Феликс Хейман и Херберт Буджиславски по требованию прокуроров Виттмана и Лаутца были приговорены к смерти, т.к. они «состояли в еврейско-коммунистической группе и тем самым помогали врагам Германии». Их казнили в сентябре 1943 г. На суде обвинитель Лаутц подчеркивал, что «на собраниях этой группы превозносился главный враг Германии – большевизм. Обвиняемые утверждали, что победа большевизма приведет к решению еврейского вопроса в интересах евреев. При этом евреи изучали мировоззрение большевизма, чтобы способствовать большевистской революции в Германии» [8, S. 10].

На вопрос, кем были члены группы Баума – немецкими антифашистами, сионистами или коммунистами, нет однозначного ответа. Ясно одно: это была важнейшая молодежная организация еврейского антигитлеровского Сопротивления в Германии.

В 1981 г. в Люстгартене, в центре Восточного Берлина, тогдашней столицы ГДР, по проекту архитектора Юргена Рауэ был установлен мемориальный камень, надпись на котором гласила: «Не забыты мужество и стойкость молодых коммунистов руководимой Гербертом Баумом антифашистской группы Сопротивления. – Связанные дружбой с Советским Союзом на вечные времена». В 2000 г. этот камень был покрыт стеклянной плитой с именами членов группы Баума и словами: «Этот мемориальный камень документирует сегодня мужественную акцию Сопротивления 1942 г., понимание истории в 1981 г. и нашу вечную память о Сопротивлении против нацистского режима». Мемориальная доска установлена в Берлине на доме №3 по Гипсштрассе, где жили Мартин и Сала Кохман: «В этом доме жили борцы Сопротивления из группы Баума - Сала

Кохман, казненная фашистами в Плетцензее 18.8.1942 г. и Мартин Кохман, казненный фашистами в сентябре 1943 г. Их борьба – это наша борьба!» [3, с. 138].

Источники и литература

1. Steffler W. Judenverfolgung im Dritten Reich 1933-1944. Berlin, 1966, S. 43.
2. Пленков О.Ю. Тайны Третьего Рейха. Рай для немцев. М., 2009, с. 76.
3. Хавкин Б.Л. Расизм и антисемитизм в гитлеровской Германии. Антинацистское Сопротивление немецких евреев. М., 2018, с. 113, 126, 132, 138.
4. Pikarski M. Jugend im Berliner Widerstand. Herbert Baum und Kampfgefährten. Berlin, 1978, S. 80-81.
5. Paucker A. Deutsche Juden im Widerstand 1933-1945. Tatsachen und Probleme. Berlin, 2014, S. 29.
6. Гинцберг Л.И. Борьба немецких патриотов против фашизма 1933-1935. М., 1987, с. 79.
7. Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. 5. Von Januar 1933 bis Mai 1945. Berlin, 1966. S. 314.
8. Wippermann W. Die Berliner Gruppe Baum und der jüdische Widerstand. Gedenkstätte Deutscher Widerstand. Berlin, 2001. S. 5, 10.
9. Вейцман О.Д. Немецкая молодежная группа Баума в борьбе против фашизма (1938-1942 гг.) // Очерки всеобщей истории. Л., 1969, № 307, с. 11.
10. Kennzeichen J. Dokumente, Bilder, Berichte zur Geschichte der Verbrechen des Hitlerfaschismus an deutschen Juden 1933-1945. Berlin, 1981. S. 742.
11. Гинцберг Л.И. Указ. соч., с. 138-139.
12. Möller L. Op. cit., S. 165-166.
13. Pikarski M. Jugend im Berliner Widerstand. Herbert Baum und Kampfgefährten. S. 178–179, 183.
14. Wippermann W. Die Berliner Gruppe Baum und der jüdische Widerstand. S. 7.
15. Бланк А.С. В сердце «третьего рейха». Из истории антифашистского Народного фронта в подполье. М., 1974, с. 140-141.
16. Война Германии против Советского Союза 1941-1945. Документальная экспозиция под редакцией Рейнгарда Рюрупа. Каталог выставки. Русский вариант. Берлин, 1992. С. 193.
17. Wippermann W. Die Berliner Gruppe Baum und der jüdische Widerstand. S. 7, 10.
18. Deutsche Widerstandskämpfer 1933-1945. Biographien und Briefe. Bd. 1. Berlin. 1970. S. 88.
19. Adler H.-G. Der verwaltete Mensch. Studien zur Deportation der Juden aus Deutschland. Tübingen, 1974. S. 179.
20. Wollt ihr den totalen Krieg? Die geheimen Goebbels-Konferenzen 1933-1943. Hrsg. Willi Boelcke. Berlin, 1967. S. 243.

ДУАЛИЗМ ОТНОШЕНИЙ НКВД РСФСР И КОМИНТЕРНА НА ГЕРМАНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ В 1920–1921 ГОДАХ

В. Л. Черноперов, г. Иваново (Российская Федерация)

В статье показано противостояние и сотрудничество Наркомата по иностранным делам РСФСР и Коммунистического Интернационала на германском направлении в 1920–1921 годах. Основное внимание уделено действиям и оценкам В.Л. Коппа – полулегального полпреда Советской России в Веймарской республике. В публикации выявлена зависимость изменений диалектики отношений НКВД и III Интернационала от позиции Политического бюро ЦК РКП(б), которое определяло внутреннюю и внешнюю политику РСФСР.

Ключевые слова. Политбюро ЦК РКП(б), НКВД, Коминтерн, В.Л. Копп, Г.В. Чичерин, Веймарская республика, КПГ.

Представленная публикация продолжает исследования о дуализме советской внешней политики на германском направлении в межвоенное время [историографию вопроса см., напр.:10]. Это взаимодействие и противостояние революционных устремлений и прагматизма наиболее отчетливо проявилось в отношениях Наркомата по иностранным делам РСФСР (Наркоминдела, НКВД) и Коммунистического Интернационала (Коминтерна, III Интернационала). Автор статьи, не претендуя на всестороннее освещение проблемы, стремится лишь добавить новые штрихи к диалектике отношений НКВД и Коминтерна. Хронологически работа охватывает период с марта 1920 г. по май 1921 г. Выбор временных рамок обусловлен периодом вовлечения в отношения Наркоминдела и III Интернационала уполномоченного Наркоматов иностранных дел и внешней торговли (а фактически «полулегального полпреда») в Веймарской республике Виктора Леонтьевича Коппа. Источниковую базу публикации составили материалы российских архивов, публикации документов и эго-источники.

В.Л. Копп, когда получил задание большевистского руководства – въехать в Германию, цель своей миссии в письме наркому по иностранным делам РСФСР Георгию Васильевичу Чичерину от 26 июня 1919 г. определил предельно ясно: «...главная работа, за которую придется взяться, – это работа политического характера, т.е. помощь спартаковцам» [1, ф. 04, оп. 13, п. 73, д. 1037, л. 57]. Таким образом, В.Л. Копп предполагал сосредоточиться на помощи германскому коммунистическому движению, которое большевики по инерции и в память о леворадикальной группе «Спартак» во главе с Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург продолжали называть «спартаковским». Выполнение задачи предполагало нелегальные методы работы. Виктор Копп знал их очень хорошо. До Октябрьского переворота 1917 г. он входил в одну из самых засекреченных структур Российской социал-демократической рабочей партии и связанной с ней Германской социал-демократической партии (СДПГ), – Берлинскую транспортную группу, которая обеспечивала нелегальную

транспортировку людей и грузов через российско-германскую границу [15, 44–50]. В Веймарскую республику в 1919 г. Копп въехал также нелегально [15, 82–83].

Добравшись до Берлина, этот эмиссар большевиков оказался в водовороте большой международной политики. Увиденное изменило приоритеты в его действиях. Отныне центром приложения сил Коппа стала не помощь Коммунистической партии Германии (КПГ), а выстраивание взаимовыгодной политики с элитами Веймарской республики, которые в своей массе стояли на антикоммунистических позициях. Это априори вело «полулегального полпреда» Коппа к конфликту как с лидерами Российской коммунистической партии (РКП(б)), настроенными ультрареволюционно, так и с руководителями III Интернационала, который рассматривался как единая коммунистическая партия с отдельными ячейками в разных странах, и целью которого являлась всемирная революция.

В Советской России политический режим имел свою специфику. Высшей властью страны стало Политическое бюро Центрального комитета РКП(б) (Политбюро ЦК РКП(б)), которое в документах часто называли Инстанцией. Именно здесь рассматривались все значимые вопросы внутренней и внешней политики и принятые на заседаниях решения были обязательными к исполнению как партийными, так государственными институтами. В 1920–1921 гг. в Политбюро входило 5 человек (Владимир Ильич Ленин (Ульянов), Лев Давидович Троцкий (Бронштейн), Иосиф Виссарионович Сталин (Джугашвили), Лев Борисович Каменев (Розенфельд) и Николай Николаевич Крестинский (в марте 1921 г. его сменил Григорий Евсеевич Зиновьев (Апфельбаум)). Причем почти все члены Инстанции занимали в Советской России высшие государственные посты. В.И. Ленин возглавлял правительство – Совет народных комиссаров (Совнарком, СНК) и Совет труда и обороны, Л.Д. Троцкий руководил Народным комиссариатом по военным и морским делам, а также Революционным советом республики, И.В. Сталин управлял Народными комиссариатами по делам национальностей и Рабоче-крестьянской инспекции, Н.Н. Крестинский стоял у руля Народного комиссариата финансов, а Л.Б. Каменев председательствовал в высшем органе власти столицы – Московском городском совете. Большевицкая партия переплелась также с Коминтерном. Именно РКП(б) выступила инициатором создания этой организации в марте 1919 г., а члены Политбюро и Центрального Комитета вошли в его руководящие структуры. Председателем Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ) стал член ЦК РКП(б), а затем и Политбюро Г.Е. Зиновьев.

В.Л. Копп впервые испытал неприятные последствия от действий вождей РКП(б) и Коминтерна весной 1920 г. 12 марта этого года крайне правые силы Германии попытались совершить государственный переворот (Капповский путч), который сорвала всеобщая забастовка трудящихся, местами, переросшая в вооруженное сопротивление. Уже 17 марта 1920 г. путчисты сложили оружие. Через десять дней в Веймарской республике

было сформировано правительство «большой коалиции» (СДПГ, католическая партия Центр, Немецкая демократическая партия) во главе с социал-демократом Германом Мюллером, что означало стабилизацию положения. Однако в Москве этого не заметили. Известие о провале Капповского путча создало у большевистских вождей превратное представление о германских реалиях. В.И. Ленин в телеграмме И.В. Сталину от 17 марта 1920 г. так описал сложившуюся ситуацию и исходящие из нее первоочередные задачи: «...в Берлине идет бой [.] и спартаковцы завладели частью города. Кто победит неизвестно, но для нас необходимо максимально ускорить овладение Крымом, чтобы иметь вполне свободные руки, ибо гражданская война в Германии может заставить нас двинуться на Запад на помощь коммунистам» [8, с. 331].

Ленинский боевой настрой поддержали делегаты IX съезда РКП(б), который открылся в Москве 29 марта 1920 г. Кандидат в члены Политбюро ЦК РКП(б) Николай Иванович Бухарин в первый день форума заявил делегатам о захвате немецкими пролетариями берлинской радиостанции и об уверенном движении германских трудящихся к «рабочей диктатуре» [4, с. 9, 10]. В Веймарскую республику полетели радиотелеграммы, в которых приветствовались немецкие пролетарии, поднявшие знамя коммунизма – знамя немецкой Германской Советской республики, «под которым были убиты К. Либкнехт и Р. Люксембург», и проклинались немецкие политики. Прежде всего, из лагеря социал-демократов. В том числе, находившийся у власти президент Веймарской республики Фридрих Эберт. В радиообращениях содержались также вопросы: какие города удерживают германские коммунисты и независимые социал-демократы (?), где находится немецкая Красная армия (?) [17, S. 118–119].

Германское руководство в ответ на телеграммы из Москвы резко меняло отношение к Коппу, которому к марту 1920 г. удалось расположить к себе небольшую часть немецкой политической и экономической элиты. Советский эмиссар свое новое положение и психологическое состояние ярко описал в докладе наркому торговли и промышленности РСФСР Леониду Борисовичу Красину 23 апреля 1920 г.: «...я был ошарашен протестом по поводу всяческого рода поздравительных радио в Рурский бассейн и пр[очее]. В результате: новый министр меня еще не принял, ... вопрос об открытии агентурн[ого] бюро приходится отложить[,] и в правой печати началась против меня травля. При таких условиях ей Богу же опускаются руки. Я только что говорил на эту тему с представителем К.Р.Д. [КПП – В.Ч.] Там не только разделяют мое мнение о вреде поздравительной политики для нашего дела, но находят, что такие приветствия, попадая иногда не совсем в точку, могут играть на руку партизанщине и всяким иным сомнительным элементам.

Я очень прошу Вас[,] Л. Б. [Красин – В.Ч.] [,] и также М. М. [Литвинова – В.Ч.] употребите все усилия для прекращения этой право же неумной политики. Одно из двух: либо хотят добиться этим радио каких-либо важных результатов[,] и тогда нечего городить огород о возобновлении

сношений, комиссиях и пр[очее], или же верно именно второе и тогда нет смысла уничтожать сделанную работу агитационными выступлениями. Впрочем[,] это истины азбучные. Но именно поэтому прошу со всей решительностью выбрать одну какую-либо линию. Разыгрывать роль дурака не имею никакой охоты» [11, ф. 413, оп. 3, д. 325, л. 12–13].

Апелляция Виктора Коппа к Леониду Красину и Максиму Максимовичу Литвинову (Валлаху) не случайна. Это были не только видные большевики, причем из дореволюционной гвардии, но и государственные политики, которые уже в силу занимаемых должностей выступали за прагматизм в действиях Советской России на международной арене. Л.Б. Красин возглавлял Наркомат торговли и промышленности РСФСР (с июня 1920 г. – Наркомат внешней торговли, НКВТ), а М.М. Литвинов занимался налаживанием отношений с деловыми и политическими кругами западных стран не только по линии НКВД, но и через золотовалютные операции, проведению которых революционные призывы явно не способствовали.

Не успели утихнуть страсти по мартовским радиограммам 1920 г., как осенью того же года в отношениях Коппа и Коминтерна появилась новая проблема – поездка в Германию на IV съезд Независимой социал-демократической партии Германии (НСДПГ, независимцев) председателя ИККИ Г.Е. Зиновьева и одного из руководителей Всероссийского центрального совета профессиональных союзов Алексея Лозовского (Дридзо).

Высокопоставленные большевики должны были выполнить задачу, поставленную еще Первым Конгрессом III Интернационала в марте 1919 г., – расколоть НСДПГ. В Москве выделяли в этой партии два неравных лагеря. Первый состоял из немногочисленных руководителей-контрреволюционеров, которых называли меньшевиками или реже эсерами. Во второй лагерь включались многочисленные революционно-настроенные рядовые члены партии. При этом большевики в 1919–1920 гг. с удовлетворением фиксировали усиливавшееся в НСДПГ размежевание между двумя лагерями [7, с. 196; 13, с. 314, 392]. В этой поляризации Москва видела укрепление революционных сил Германии. Также Кремль оценил согласие Берлина на въезд в Веймарскую республику Г.Е. Зиновьева и А. Лозовского. Копп придерживался иного мнения. В докладе от 8 октября 1920 г. он призывал советское руководство не обольщаться немецким левым движением. В получении большевиками въездной визы дипломат разглядел не слабость буржуазии Германии, а, наоборот, ее консолидацию и уверенность в своих силах [1, ф. 04, оп. 13, п. 73, д. 1038, л. 40]. Что касается съезда НСДПГ, то Копп, хотя и считал раскол независимцев неизбежным, предрекал, что по его итогам к КПГ перейдет меньшая часть партии.

Насколько сообщения дипломата влияли на представления высшего большевистского руководства осенью 1920 г. сказать сложно. Во всяком случае, Троцкий в это время начал высказывать определенный скепсис относительно сил и возможностей немецких коммунистов [14, с. 113]. Ленин же продолжал преувеличивать их влияние [7, с. 339].

Коппу вопрос о въезде Зиновьева и Лозовского (первоначально Зиновьева и Бухарина) решал на переговорах с министром иностранных дел Веймарской республики Вальтером Симонсом с конца сентября 1920 г. [1, ф. 04, оп. 13, п. 73, д. 1045, лл. 4, 5]. Учитывая статус московских эмиссаров, решение проблемы было вынесено на заседание немецкого правительства, созданного в июне 1920 г. (правительства «малой коалиции» (Центр, НДП, Немецкая народная партия)). 5 октября 1920 г. въезд был разрешен [16, S. 120].

Зиновьев до отбытия в Веймарскую республику в кругу единомышленников высказывал опасения относительно своей безопасности («не едет ли он в поставленную ему западню», не предпримет ли германское правительство «что-либо нарушающее его неприкосновенность») [10, ф. 5, оп. 1, д. 2103, л. 13]. Проблему удалось снять после переговоров Виктора Коппа с министром внутренних дел Пруссии Карлом Зеверингом. Москва помимо обеспечения безопасности большевистским визитерам обязала Коппа организовать встречу Зиновьева с французскими и итальянскими коммунистами, а также помочь с финансированием съезда НСДПГ [10, ф. 5, оп. 1, д. 2103, л. 54, 56].

Форум независимцев в Галле открылся 12 октября 1920 г. Центральными темами стали доклад о Коминтерне и вступление НСДПГ в эту организацию. Во время выступления Зиновьева «нервное напряжение» достигло «крайней степени». С одной стороны его слова поддерживались аплодисментами, с другой – бурными протестами [3]. В конце концов, как с известным самолюбованием вспоминал Зиновьев, его речь стала победой коммунистических идей, что и отразило голосование [5, с. 46] – 236 делегатов высказались за присоединение НСДПГ к III Интернационалу, против – 156. Зиновьев, упиваясь победой, писал: «Долго не забуду того момента, когда правая часть покидала съезд. Переполненные рабочими хоры грозят кулаками уходящим и шлют проклятия по их адресу. Левые торжественно, с подъемом пели Интернационал. Из правых часть уходила, понура голову, другая часть надменно и нахально смотрела в сторону большинства. У многих из нас сжимались кулаки» [6, с. 48]. За словесной мишурой председатель ИККИ, которого власти Германии после съезда поместили под домашний арест, «не заметил», того, что, во-первых, эффект от его выступления был существенно снижен лидером российских меньшевиков Юлием Осиповичем Мартовым (Цедербаумом), речь которого на съезде НСДПГ зачитал член этой партии Александр Николаевич Штейн (Рубинштейн) [12, с. 161], во-вторых, и это главное, Зиновьев «упустил», что от НСДПГ к КПП, как и прогнозировал Копп, перешло меньшинство – из 893 000 не более 300 000 членов партии.

Выступление Зиновьева и Лозовского спровоцировало в Германии новый взлет недоверия к большевикам. Виктор Копп в телеграмме заместителю наркома внешней торговли Андрею Матвеевичу Лежаве от 18 октября 1920 г. подчеркивал, что теперь «немцы видят в каждом пребывающем из России агитатора и перестали нам верить» [1, ф. 04, оп. 13, п. 73, д. 1045, л. 11]. В развернутом виде этот тезис дипломат изложил через

3 дня в письме главе НКВД Чичерину, которое было размножено для руководителей Советской России. В заключении послания наркому Копп с сожалением констатировал: «Нужно согласиться с Симонсом, охарактеризовавшим <...> [инцидент с Зиновьевым и Лозовским – В.Ч.] как “тяжелое испытание на прочность” русско-германских отношений. <...> Придется поэтому считаться на ближайшее будущее с заметным охлаждением отношений» [1, ф. 04, оп. 13, п. 73, д. 1038, л. 53].

Реакцией Кремля на сетования Коппа стала телеграмма Чичерина от 22 октября, в которой от «полулегального полпреда» потребовали демарша перед немецкими властями против задержания Зиновьева [1, ф. 04, оп. 13, п. 73, д. 1045, л. 12]. Копп же ожидал предложений по развитию всего спектра советско-германских связей. Не удовлетворенный телеграммой, он в докладе Чичерину от 28 октября 1920 г. заострил внимание на обстоятельствах инцидента с Зиновьевым и Лозовским. С этим докладом, как свидетельствует запись на его первом листе, ознакомились 13 большевистских руководителей, включая Л.Д. Троцкого, Н.Н. Крестинского, Л.Б. Каменева, Н.И. Бухарина, А.М. Лежаву, члена ЦК РКП(б) Карла Бернгардовича Радека (Собельсона) и начальника Особого отдела ВЧК Вячеслава Рудольфовича Менжинского.

Копп в докладе от 28 октября сообщал: власти Германии расценили выступление Зиновьева и Лозовского на съезде НСДПГ как «начало нового пропагандистского похода Советской России против буржуазного Запада», «в первую очередь» против Веймарской республики [1, ф. 04, оп. 13, п. 73, д. 1038, л. 49]. Симонс в личной беседе с Коппом заметил, что Зиновьев, «открыто призывающий к применению террора, не может пользоваться гостеприимством Германии», а Лозовский с момента приезда в Веймарскую республику «неоднократно нарушал» «торжественные обещания не выступать на открытых собраниях», а после Галле «сделал свое пребывание в Германии совершенно невозможным». Глава МИД Германии «дал понять Коппу», «что ему с большим трудом удалось уговорить ... сотрудников по кабинету от принятия против Зиновьева более решительных мер» [1, ф. 04, оп. 13, п. 73, д. 1038, л. 49]. В целом, у советского дипломата «получилось впечатление, что ... политика сближения с Совестью Россией получила после зиновьевского инцидента тяжелый удар справа, от которого ей, пожалуй, не так скоро оправится» [1, ф. 04, оп. 13, п. 73, д. 1038, л. 49–49об.].

Перспективы же были еще более безрадостные. У влиятельных германских националистов «хмельной угар» лета 1920 г. от военных успехов Красной армии и ожиданий пересмотра Версальского договора осенью сменился «горьким похмельем» [1, ф. 04, оп. 13, п. 73, д. 1038, л. 49об.]. Теперь они стали высказываться за прекращения всяких сношений с Советской Россией и демонстрировали готовность обнародовать неприятные для Москвы факты, вроде истории о бриллиантах для революционной пропаганды. Из партий, вошедших в правительственную «малую коалицию», по наблюдениям Коппа, «более прилично» в отношении к РСФСР

вел себя только Центр. Демократы же заняли «явно враждебную позицию». Не было поддержки у Москвы и на левом фланге. Лидеры СДПГ заявляли о необходимости возобновления советско-германских дипломатических отношений «больше по должности», чем по убеждениям [1, ф. 04, оп. 13, п. 73, д. 1038, л. 49об.–50]. Не желали помогать Москве и правые независимцы. Коммунисты же, по прогнозам Коппа, в ближайшее время будут оттеснены «в оборонительную позицию». В итоге, по словам дипломата, сложилось столь «серьезное положение», «что повторение истории Иоффе», т.е. высылки советской миссии из Берлина в ноябре 1918 г., становилось «вполне возможно» [1, ф. 04, оп. 13, п. 73, д. 1038, л. 50об.]. Причем Советская Россия акции помешать не могла. Прежде всего, потому, что у нее в Германии не было многочисленных, надежных и влиятельных сторонников. Широкая общественность страны была взбудоражена и крайне разочарована подготовленным в Риге советско-польским мирным договором, «все тайные пункты» которого Копп «узнал из германской прессы еще до того как получил» их в шифротелеграмме от Чичерина [1, ф. 04, оп. 13, п. 73, д. 1038, л. 51]. Что касается немецких «рабочих масс», то, как с некоторым сарказмом заметил Копп, «защита» РСФСР с их «стороны дальше демонстраций», «хотя бы импозантных», «пойти не может». Поэтому единственным шансом, который мог предотвратить повторение «истории Иоффе», становилась борьба за сохранение доверия, завоеванного большевиками у «некоторых правительственных и предпринимательских кругов» Веймарской Германии. Но для такого сохранения необходимы были заверения Москвы в том, «что советское правительство не ведет никакой пропаганды, а занимается исключительно мирными делами обмена военнопленных и возобновления торговых отношений» [1, ф. 04, оп. 13, п. 73, д. 1038, л. 51].

Копп понимал, что в условиях двухколейности большевистской внешней политики проводить намеченную им линию будет сложно. «Наши ссылки на то, что Коминтерн одно, а сов[етское] пра[вительство] другое, – писал он, – выслушиваются только дипломатами, до и то с улыбкой авгуров, обыкновенная же публика их и слушать не хочет, и только в момент добродушия воспринимает их с таким же юмором, с каким мы читаем известную сказку о католическом попе, окрестившем курицу карпом в постный день. Это диалектическое противоречие нашей политики, от которого ей, разумеется, не уйти. Нужно только заботиться о том, чтобы противоречие это обострялось не в момент нашей слабости» [1, ф. 04, оп. 13, п. 73, д. 1038, л. 52–52об.].

В следующем докладе Чичерину, датированном 4 ноября 1920 г., с которым ознакомился Ленин, Копп выделил еще два печальных последствия галльского рандеву Зиновьева и Лозовского. Первое: в германском правительстве появились планы связать готовящийся удар по местному рабочему движению «с травлей против Советской России». Вторым печальным последствием стало укрепление в Министерстве иностранных дел Германии антисоветских сил. Главу МИДа Симонса, «попытавшегося было править самостоятельно», «успели взять в плен» «старые тайные

советники», выступавшие против сближения с Москвой и ориентирующиеся на Лондон. В итоге в министерстве «не у дел» оказались «немногочисленные элементы, работавшие в контакте» с Коппом, и, прежде всего, референт по русским делам и сторонник германо-советского взаимодействия Адольф (Аго) фон Мальцан [10, ф. 5, оп. 1, д. 2137, л. 52]. Связи с советским дипломатом перешли к министриал-директору, заведующему отделом России, Польши и северных стран Густаву Берендту, в котором Копп видел открытого реакционера [1, ф. 04, оп. 13, п. 73, д. 1038, л. 50об.].

В практической плоскости возрастание недоверия к РСФСР поздней осенью 1920 г. проявилось в новых визовых ограничениях для советских специалистов, командированных в Германию [10, ф. 5, оп. 1, д. 2137, л. 52об.], а также в обыске советского корабля «Субботник», который провела полиция Гамбурга при участии представителя «враждующей державы» – Франции. В ответ на эти действия Копп отдал приказ команде «Субботника» «оказать при повторении подобного случая вооруженное сопротивление» [10, ф. 5, оп. 1, д. 2137, л. 53–53об.].

Реакция Москвы на донесения В.Л. Коппа о последствиях коминтерновской акции в Галле вкупе с советско-польскими переговорами о мире и ростом антисоветских настроений в разных кругах Германии была неоднозначной. От Г.В. Чичерина во второй половине ноября 1920 г. пришло пространно-успокоительное письмо, в котором, в частности, говорилось: «Результаты выступления Зиновьева <...> естественны и неизбежны. В общем, однако, результатом этого выступления будет громадное усиление нашей позиции, несмотря на временные неудобства для Вашей работы» [1, ф. 04, оп. 13, п. 73, д. 1039, л. 39]. Совсем иной оказалась реакция руководителя советской делегации на мирных переговорах с Польшей Адольфа Абрамовича Иоффе. В докладе Ленину, Троцкому и Крестинскому от 19 ноября 1920 г., он так выразил свое отношение к позиции «полулегального полпреда» в Веймарской республике: «По-моему, только бесхребетностью и паникерством Коппа можно объяснить все его выводы. Делать из высылки Зиновьева такие выводы как делает Копп, способен только он при его чисто обывательском настроении». По мнению А.А. Иоффе, советский представитель в Берлине при анализе ситуации не учитывал влияние на германское правительство изменений в мире – решительную ноту Москвы в адрес Лондона 9 ноября 1920 г., победу на президентских выборах в США У. Гардинага, заключение большевиками концессии с В. Вандерлипом, который был связан с новым главой Белого дома, и поражение в Крыму последних крупных сил Белого движения. «В такой момент, – резюмировал А. Иоффе, – говорить о неизбежности разрыва Германии с нами – значит ничего не понимать в политике. И если бы вместо Коппа в Берлине сидел менее панический и более политически-мыслящий человек, то он наоборот ... мог бы использовать этот момент для того, чтобы ребром поставить вопрос о российско-германских взаимоотношениях и добился того, от чего Германия до сих пор отлынивает» [10, ф. 2, оп. 1, д. 26501, л. 7].

Вряд ли Копп узнал об оценках его деятельности со стороны Иоффе, но даже если бы и ознакомился с ними, вряд ли изменил свою позицию. Прежде всего, потому, что сохранял скепсис относительно революционных сил Германии и ее авангарда – КППГ. Еще 8 октября 1920 г. он писал: «...до сих пор ... германские массы надеялись более на силу штыка русского красноармейца, чем на свою собственную революционную мощь» [1, ф. 04, оп. 13, п. 73, д. 1038, л. 40]. Мало изменились его оценки и через месяц. В докладе от 4 ноября 1920 г. Копп замечал: «Положительные результаты партайтага [съезда – В.Ч.] в Галле скажутся только в будущем, после более или менее продолжительного процесса организационного созревания массовой коммунистической партии и политического воспитания штаба ее руководителей. Пока же сказываются результаты отрицательные в виде дезориентированности масс и организационной слабости партийного аппарата. <...> Германская революция ... не созрела не только для окончательной победы, но даже для достаточно внушительного и успешного протеста в нашу пользу» [10, ф. 5, оп. 1, д. 2137, л. 52].

Принятие вывода Коппа, приведенного выше, означало, что в обозримой перспективе главными партнерами Советской России в Германии по выстраиванию взаимовыгодных отношений будут отнюдь не коммунисты или близкие к ним движения, а силы правее КППГ. Следовательно, нужно было приложить максимум усилий, чтобы их не оттолкнуть. В том числе, через пропагандистские компании Коминтерна, нацеленные на Германию

Копп, призывая прислушаться к своим аргументам, иногда «давал волю эмоциям». Наглядным примером служит его письмо Чичерину от 2 декабря 1920 г.: «Вы, на мой взгляд, глубоко не правы, полагая, что шум, поднятый вокруг Зиновьева, носит искусственный характер. Германская буржуазия пережила спартаковское восстание в январе 1919 г., Мюнхенскую советскую республику и Красную армию в Рурском бассейне. Животный страх, который она испытывает перед большевизмом, вовсе не подделен» [1, ф. 04, оп. 13, п. 73, д. 1038, л. 68].

После истории с Зиновьевым и Лозовским в отношениях Коппа с Коминтерном некоторое время наблюдалось затишье. Новый этап противостояния пришелся на весну 1921 г. Причем вначале он вновь оказался связан с галльским съездом НСДПГ, точнее с его финансированием. Член ИККИ и руководитель его Петроградского бюро (отделения) Михаил Вениаминович Кобецкий заявил, что на этот форум Наркоминдел израсходовал деньги III Интернационала. Чичерин обвинения отверг, о чем уведомил Коппа [1, ф. 04, оп. 13, п. 73, д. 1038, л. 54]. Позже, 25 апреля 1921 г., нарком сообщил в Берлин о том, что М.В. Кобецкий изначально имел мандат на выплату денег только по линии НКВД, и именно на этом основании Коппу осенью 1920 г. было поручено «уплатить Галле в счет Наркоминдела». Что касается претензий ИККИ, то они, по словам Чичерина, были несостоятельны, ибо не существовало мандата на выплату денег по линии III Интернационала [1, ф. 04, оп. 13, п. 73, д. 1038, л. 56].

Параллельно с «финансовой проблемой», которая Коппа затронула косвенно, возникла еще одна – поддержка Москвой выступлений в Средней Германии, которые прошли с 23 марта по 1 апреля 1921 г., и кульминацией которых стали боевые действия против сил правопорядка и рейхсвера отрядов под командованием Макса Гельца. Исполком III Интернационал после поражения восставших подготовил воззвание «К революционным рабочим Германии», в котором, в частности, были такие слова: «Первый раз после январских и мартовских дней 1919 г. революционные пролетарии Германии вступили в борьбу против капиталистического правительства не только для того, чтобы получить от него кусочек хлеба, не только для того, чтобы выразить протест против свирепствования белых банд, но желая ... подготовить конец господству германских эксплуататоров. <...> Они доказали всей Германии, что миллионы пролетариев готовы рискнуть своей жизнью, чтобы освободиться от господства капитала. <...> Коммунистический Интернационал говорит вам: вы поступили правильно! <...> Готовьтесь к новым боям, изучайте опыты вашей борьбы, учитесь по этим опытам, сомкните свои ряды, усильте свою легальную и нелегальную организацию, обострите пролетарскую дисциплину и коммунистическое единство борцов» [6, с. 254–256].

Воззвание ИККИ было составлено 6 апреля 1921 г., но его отправка по радио, по-видимому, задержалась. В Христиании его перехватили только 16 апреля в 7.45 утра.

Неуместность нового демарша Коминтерна для Коппа была более чем очевидной. Прежде всего, потому, что именно в это время в завершающую стадию вошли переговоры о советско-германском торгово-политическом договоре [15, с. 323–333], и воззвание ставило под удар его подписание (будет заключен 6 мая 1921 г.). Кроме того, по наблюдениям Коппа, мартовское выступление оказалось не просто провальным, но наглядно продемонстрировало немцам всю слабость местных коммунистов. В донесении Чичерину от 29 марта 1921 г. он так описал ситуацию в Веймарской республике: «Несмотря на внешний грозный вид, события в Германии не имеют серьезного характера. ...радикально настроенные массы не обнаруживают в данный момент склонности к решительным выступлениям. Это чувствует и коммунистическая партия, позиция которой отличается крайней шаткостью. К тому же ее организационный аппарат до крайности слаб. Похоже на то, что партийная организация потеряла власть над своими боевиками, которые принялись действовать на свой страх и риск. Динамитные выступления в Берлине, например, носят на себе явную печать этой дезорганизованности и анархии. <...> Лучшим мерилom несерьезности движения является отношение к нему буржуазии. Средний обыватель держит себя совершенно спокойно, о прежнем ужасе перед красным петухом нет и помину» [1, ф. 04, оп. 13, п. 74, д. 1051, л. 14].

А. фон Мальцан, получив воззвание Исполкома Коминтерна, направил В.Л. Коппу личное письмо, в котором потребовал разъяснений. При этом назвал действия лидеров III Интернационала «новым примером...

вмешательства... во внутренние дела Германии», «в высшей степени характерным признаком безответственной травли» немецких властей и отдельно отметил причастность к этой акции официальных советских лиц. «Я твердо убежден, – писал Мальцан Коппу, – что Вы, как и я, осуждаете такого рода пропаганду, которая лишь дает новое оружие в руки противников германо-русского соглашения. Мы оба должны нести ответственность за подобный сход с рельсов, и я не могу от Вас скрыть, что это новое воззвание значительно осложнило и ухудшило мое положение» [10, ф. 5, оп. 1, д. 2137, л. 70–71].

Копп, получив письмо Мальцана, поспешил на встречу с немецким дипломатом. Во время переговоров он попытался разрядить ситуацию указанием на то, что Коминтерн – «частное международное общество, а не орган русского правительства» [10, ф. 5, оп. 1, д. 2137, л. 69]. Для немцев данная аргументация не была новой и неожиданной [17, S. 199], но в апреле 1921 г. они, чтобы не поставить под удар готовящееся соглашение, ее приняли и решили «предать дело забвению».

Копп, несмотря на благополучное разрешение проблемы, в докладе Чичерину от 22 апреля 1921 г. вновь просил Москву быть осмотрительнее. «На будущее время, – увещевал он, – было бы хорошо, если бы Коминтерн свои возвания к немецким рабочим подписывал бы именем представителя Германии в Коминтерне. Тогда формально исчез бы особенно одиозный для герм[анского] пра[вительства] русский характер таких возваний» [10, ф. 5, оп. 1, д. 2137, л. 69].

Увещевания Коппа подвигли Чичерина 2 мая 1921 г. обратиться к абсолютному авторитету в Политбюро ЦК РКП(б) – Ленину с письмом следующего содержания: «Трудность нашего положения между требованиями нашей легальной, государственной международной политики ... и требованиями нелегальной политики Коминтерна все больше обостряется и заслуживает серьезнейшего внимания. <...> В данный момент Наркоминдел еще не в состоянии поставить этот вопрос в целом и выставить исчерпывающие предложения. Вопрос слишком сложен и труден и его следует еще некоторое время обдумывать в наших партийных кругах. Но есть частности, требующие решения немедленно. Тов. Копп прислал ноту Мальцана от 19-го апреля по поводу радио Исполкома Коминтерна, отправленного из Москвы в Христианию 16-го апреля. <...> Мальцан указывает, что это есть определенный призыв к ниспровержению германского правительства. Он исходит от организации, которой руководят те же лица, господствующие в советском государстве. Этот призыв отправлен с официальной московской радиостанции, которая находится целиком в руках советского правительства. Такая пропаганда дает оружие в руки врагов соглашения между Германией и Россией. <...> В результате беседы между Мальцаном и Коппом удалось на этот раз придать это дело забвению, и Копп ограничился своими обычными объяснениями. Тов. Копп предлагает, чтобы на будущее время возвания Коминтерна к немецким рабочим подписывались именем представителя Германии в

Исполкоме. Это конечно недопустимо, так как призывы исходят от всего Исполкома, а не от одной германской делегации. Но нам казалось бы, в виду обострения связанного с этим общего вопроса, необходимым теперь же поставить вопрос об отделении советской радиостанции от коминтерновской. <...> Мы тогда умоем руки относительно всех выступлений этой радиостанции. <...> Конечно, отделение радиостанции не есть решение общего вопроса о взаимоотношениях правительства и Коминтерна, но это есть частичный временный паллиатив, который хотя бы некоторое время в отдельных случаях может нам помочь» [10, ф. 5, оп. 1, д. 2057, л. 4–6].

Ленин к письму Чичерина прислушался, и вскоре появились «Тезисы Политбюро ЦК РКП(б) о взаимоотношениях между органами Народного комиссариата иностранных дел и Коминтерна» [6, с. 264–265]. На основании этого документа Инстанция 14 мая 1921 г. приняла постановление, внесшее разграничение в сферы деятельности НКВД и III Интернационала. В частности, нелегальной работой отныне запрещалось заниматься «как послам и ответственным должностным лицам, советским представителям за границей, так и курьерам и всяким другим служащим» [10, ф. 17, оп. 3, д. 164, л. 3]. Казалось вопрос, решению которого Копп и другие сотрудники НКВД уделяли столько сил, разрешился. Однако это не так. Как свидетельствуют источники, Политбюро летом – осенью 1921 г. еще не раз будет обращаться к взаимоотношениям НКВД и Коминтерна [10, ф. 17, оп. 3, д. 194, л. 2; д. 242, л. 9]. Причем принятые решения, по сути, повторяли постановление от 14 мая. Данный факт говорит как об игнорировании ИККИ достигнутых договоренностей, так и о сбоях в работе государственного-партийного аппарата большевиков.

Подведем итоги. Перевес в диалектическом взаимодействии НКВД и Коминтерна в 1920–1921 гг. зависел от большевистского Политбюро. А там долгое время превалировали ультрареволюционные ожидания, и основная ставка делалась на Коминтерн. В результате партийный ареопаг на уровне ЦК РКП(б) плохо воспринимал донесения дипломатов о слабости немецкого революционного движения, о том, что не на него, а на другие силы следует делать ставку в диалоге с Веймарской республикой. Свою позицию большевистское руководство изменило с переходом к НЭПу, который повлек кардинальные перемены не только во внутренней, но и внешней политике Советской России. Как следствие укрепились позиции Наркоминдела, сотрудники которого ранее других прочувствовали государственные задачи и вступили в конфликт с линией Коммунистического Интернационала. Причем не только на словах. В начале января 1921 г. член ИККИ М.В. Кобецкий жаловался В.И. Ленину на то, что В.Л. Копп «самым безбожным образом» «задерживает у себя» литературу и корреспонденцию, посылаемую из Москвы для КПГ [14, ф. 5, оп. 3, д. 153, л. 1]. Причем его действия, по мнению коминтерновца, *отражали линию всего Наркоминдела*, которую он охарактеризовал как «свинство» (*die Schweinerei*). Данный факт подтверждает сообщения мемуаристов о том, что в руководстве НКВД, прежде всего, в лице М.М. Литвинова

и В.Л. Коппа, с большим скепсисом относились к экспериментам а-ля Коминтерн [2, с. 143, 146].

Источники и литература

1. Архив внешней политики Российской Федерации.
2. Беседовский, Г.З. На путях к термидору / Г.З. Беседовский. – М.: Современник, 1997. – 469 с.
3. Германия на распутье // Вестник НКВД. – 1920. – № 9–10. – С. 36.
4. Девятый съезд РКП(б): март–апрель 1920 г. / Под ред. Н. Л. Мещерякова. М.: Партиздат, 1934. – 612 с.
5. Зиновьев, Г. Е. Двенадцать дней в Германии / Г.Е. Зиновьев. – Пг.: Госиздат, 1920. – 78 с.
6. Коминтерн и идея мировой революции: Документы / РАН. Ин-т всеобщ. истории; Федер. арх. Служба России; Рос. Центр хранения и изуч. док. новейшей истории; Сост. Я. С. Драбкин и др. – М.: Наука, 1998. – 949 с.
7. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 5-е изд. – М.: Госполитиздат, 1977. – Т. 41. – 696 с.
8. Ленин, В.И. Неизвестные документы, 1891–1922 / В. И. Ленин; подгот. Ю. Н. Амиантовым и др.; Федер. арх. служба РФ, Российский гос. арх. социал.-полит. истории. – М.: РОССПЭН, 1999. – 670 с.
9. Макаренко, В.П. Историография дуализма советской внешней политики 1917–1933 годов: германский аспект / В.П. Макаренко // Вестник ВГУ. – 2018. – № 3. – Сер.: История. Политология. Социология. – С. 4–10.
10. Российский государственный архив социально-политической истории.
11. Российский государственный архив экономики.
12. Савельев, П. Ю., Тютюкин, С. В. Юлий Осипович Мартов (1873–1923): человек и политик / П. Ю. Савельев, С. В. Тютюкин // Новая и новейшая история. – 1995. – № 5. С. 130–166.
13. Сталин, И.В. Сочинения / И. В. Сталин; Ин-т Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б). – М. Госполитиздат, 1953. – 488 с.
14. Троцкий, Л. Д. Сочинения / Л.Д. Троцкий. – М.; Л., : Госиздат, 1926. – Т. XIII. – 248 с.
15. Черноперов, В.Л. Дипломатическая деятельность В.Л. Коппа в Германии в 1918–1921 гг. / В.Л. Черноперов. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2006. – 436 с.
16. Linke, H. G. Deutsch-sowjetische Beziehungen bis Rapallo / H. G. Linke. – 2 Aufl. – Köln: Verlag Wissenschaft und Politik, 1972. – 296 S.
17. Schlesinger, M. Erinnerungen eines Außenseiters im diplomatischen Dienst – aus dem Nachlaß herausgeben und eingeleitet von Hubert Schneider / M. Schlesinger. – Köln: Verlag Wissenschaft und Politik, 1977. – 316 S.

Р А З Д Е Л IV ГЕРМАНИЯ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

РАЗВИТИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ КНР И ФРГ В ЭПОХУ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЁРСТВА (2004–2020 гг.)

И. И. Ковяко, Бай Сюетун, г. Минск (Республика Беларусь)

Статья посвящена научно-техническому сотрудничеству между Китаем и Германией. На основе анализа широкого круга источников определены основные этапы развития научно-технического сотрудничества КНР и ФРГ в эпоху стратегического партнерства, проанализировано их содержание. Отдельное внимание уделено проблемным моментам диалога сторон. Сделан вывод о том, что сотрудничество в сфере науки и техники в период 2004–2020 гг. оказалось тесно связанным с экономическим и образовательным вектором партнерства ФРГ и КНР в рамках регионального и глобального взаимодействия.

Ключевые слова: научно-техническое сотрудничество; КНР; ФРГ; стратегическое партнерство; китайско-германские отношения.

Германия является важным партнером Китая в области международного научно-технического сотрудничества. Партнерство с глобальной ответственностью в рамках стратегического партнерства КНР и ЕС, установленное между Китаем и Германией в 2004 г., укрепило политическое доверие и заложило прочную основу для научно-технического взаимодействия. В 2014 г. отношения между Китаем и Германией были повышены до уровня всеобъемлющего стратегического партнерства, что сопровождалось публикацией «Программы действий по китайско-германскому сотрудничеству: Совместное формирование инноваций». С этого момента стороны начали эпоху сотрудничества в области инноваций. Сегодня набирает силу новый виток глобальной технологической и промышленной революции, наука и технологии находятся в центре конкурентной борьбы крупных держав. Актуальность научно-технического и инновационного сотрудничества между Китаем и Германией возрастает.

Цель статьи – определение основных этапов и содержания китайско-германского сотрудничества в сфере науки и техники в 2004–2020 гг.,

выявление его роли в системе двусторонних отношений. При подготовке статьи использовались источники и литература на китайском, немецком и английском языках, что способствовало достижению относительной объективности результатов исследования. Ученые Лу Жуйцзюнь, Ши Шуай, Р. Фрич и У. Тагшерер, С. Кристманн-Будиан внесли важный вклад в изучение отдельных аспектов темы. Программы «Индустрия 4.0», «Сделано в Китае — 2025» и инновации стали объектом исследований Хэ Чжэнчу и Пань Хунъюй, М. Давиля и М. Танг, О. А. Тимофеева и В. С. Ронжиной, Н. Коррохэра и Р. Мавилиа. Тенденции и перспективы китайско-германского сотрудничества в сфере науки и техники привлекли внимание Ли Янь, Сюй Хун, Ли Ян и Го Цзыхань, Пань Ялин и Ни Ша и других авторов.

С момента установления дипломатических отношений между КНР и ФРГ в 1972 г. стороны неуклонно развивали обмены и сотрудничество в сфере науки, техники и инноваций. «Соглашение между правительством КНР и правительством ФРГ о научно-техническом сотрудничестве», подписанное в ноябре 1978 г., является основополагающим документом сотрудничества между двумя странами [1]. Документ являлся первым профильным соглашением о сотрудничестве между двумя странами на правительственном уровне. Он отражал важность, которую правительства обеих стран придавали научно-техническому сотрудничеству. По условиям соглашения стороны создали Китайско-германскую совместную комиссию по научно-техническому сотрудничеству. Комиссия играет важную роль в руководстве и планировании диалога, ее заседания проводятся с 1980 г. под совместным председательством Министерства науки и техники КНР и Федерального министерства образования и научных исследований Германии. По состоянию на февраль 2021 г. было проведено 25 встреч.

В мае 2004 г. премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао посетил с визитом Германию. Согласно совместному заявлению, подписанному в ходе визита, стороны намеревались укреплять сотрудничество в области экологической политики, в частности, охраны окружающей среды и устойчивого развития [2]. В рамках восстановления экономики Северо-Восточного Китая был подписан «Китайско-германский меморандум о научно-техническом сотрудничестве в области возрождения промышленности на северо-востоке Китая» [3]. Во время встречи с канцлером Германии Г. Шрёдером, Вэнь Цзябао отметил, что сотрудничество в области высоких технологий является важным стержнем для будущего китайско-германского экономического сотрудничества [4]. В том же году главы правительств приняли участие в третьем заседании китайско-германского форума по диалогу в области высоких технологий в Берлине. Вэнь Цзябао выдвинул предложения по укреплению китайско-германского сотрудничества в области информации, биологии, наноматериалов, энергетики, охраны окружающей среды и научно-технических МСП, а также выступил с предложением по защите прав интеллектуальной собственности – вопросу, который представлял большой интерес для немецкой стороны [5].

В ноябре 2005 г. Государственный комитет по развитию и реформам Китая совместно с Министерствами окружающей среды и экономики Германии, Экономическим и социальным совет ООН и Европейским союзом организовали в Пекине Международный конгресс по возобновляемым источникам энергии. Во время встречи Федеральный министр окружающей среды, охраны природы, ядерной безопасности и защиты прав потребителей Германии Ю. Триттин отметил активную роль Китая в продвижении возобновляемых источников энергии и глобального процесса защиты климата [6].

В апреле 2007 г. И Сяочжунь, заместитель министра коммерции КНР, и Ф. Штанцель, посол Германии в Китае, подписали «Соглашение о техническом сотрудничестве между Правительством КНР и ФРГ на 2006 г.». Согласно документу, правительство Германии предоставляло Китаю безвозмездную помощь в размере 20 млн. евро для поддержки шести проектов технического сотрудничества: устойчивое развитие городов (фаза II), экологическая политика, создание системы рынка прав собственности, устойчивое региональное развитие и корпоративная социальная ответственность [7].

В 2009–2010 гг. Китай и Германия успешно организовали «Перекрестный год науки и образования в КНР и ФРГ», который расширил сотрудничество в сфере науки и техники. В школах, университетах и научно-исследовательских институтах было проведено большое количество мероприятий, которые способствовали обмену и взаимопониманию между молодыми людьми. Федеральный министр образования и научных исследований Германии А. Шавань отметил, что высокообразованные молодые люди, как в квалифицированных профессиях, так и в науке, играют важную роль в развитии инноваций [8, с. 11].

В июне 2011 г. во время первого раунда консультаций между правительствами Китая и Германии были опубликованы «Совместное заявление об установлении стратегического партнерства в области электромобилей» [9] и «Совместная декларация о создании китайско-германской платформы инновационной политики». Китайско-германская платформа инновационной политики является одним из важных результатов правительственных консультаций по научно-техническому сотрудничеству и стала долгосрочным механизмом для обмена и диалога между двумя странами в области инноваций.

Переориентация научно-технической стратегии КНР, а также реализация экономических стратегий «Идти вовне» и «Один пояс, один путь» способствовали увеличению инвестиций в научно-техническую сферу и инновации. В 2022 г. Китай занял 12-е место среди ведущих стран мира по интенсивности инвестиций в НИОКР, которые достигли 3 трлн. юаней [11] и 11-е место в мире по общему инновационному потенциалу [12]. В связи с этим Китай становился все более сильным партнером Германии в области науки, техники и инноваций.

С немецкой стороны, по данным за 2021 г., инвестиции в исследования и разработки составили 112,6 млрд евро [13], ФРГ занимала 8-е место в мире по общему инновационному потенциалу в 2022 г. [12]. Очевидно, что в

настоящее время страны занимают лидирующие позиции по расходам на НИОКР и инновации. Они намерены разрабатывать новые инновационные стратегии, чтобы оставаться конкурентоспособными. Примером могут быть «Индустрия 4.0», «Сделано в Китае – 2025», «Немецкая стратегия в области высоких технологий» и «Набросок Национальной стратегии инновационного развития КНР». Похожие национальные инновационные стратегии Китая и Германии создали новые возможности для взаимодействия [14, с. 433].

В октябре 2014 г. Китай и Германия совместно опубликовали «Программу действий по китайско-германскому сотрудничеству: Совместное формирование инноваций». С тех пор инновации стали ключевым словом в китайско-германских двусторонних отношениях. В программе четко определены планы сотрудничества двух сторон в области «Индустрия 4.0», инноваций, исследований и разработок, окружающей среды и климата, которые тесно связаны с наукой и технологиями [15]. В этот период Китай и Германия находились в важнейшем периоде продвижения реформ и структурной перестройки, сталкивались с одинаковыми вызовами и возможностями, разделяли общие цели развития и растущий спрос на сотрудничество. Программа была направлена на стимулирование роста и повышение конкурентоспособности обеих стран посредством реформ и инноваций с целью достижения взаимовыгодного результата [16].

В ходе визита А. Меркель в Китай в октябре 2015 г. страны объявили, что будут способствовать сопряжению инициатив «Индустрия 4.0» и «Сделано в Китае – 2025» для совместной реализации новой промышленной революции [17]. Идея сопряжения инициатив стала стержневой стратегией китайско-германского инновационного партнерства [18, с. 349].

В 2015 г. Германия впервые опубликовала стратегию сотрудничества в области науки, технологий и инноваций с Китаем – «Стратегия Китай на 2015–2020 гг.». Согласно документу, сотрудничество с Китаем является уникальной возможностью для Германии и должно быть продуктивно использовано. Берлин придает особое значение сотрудничеству с Китаем, особенно поиску устойчивого, экологически чистого и ресурсоэффективного пути развития для совместного решения глобальных проблем. Электромобили, устойчивое развитие и цифровая экономика – вот основные направления будущего сотрудничества между сторонами [19]. Позднее, в 2016 г., Китай опубликовал соответствующую «Стратегию Германия» и отметил, что ФРГ, как инновационная экономическая держава, не только накопила богатый опыт в преобразовании и модернизации промышленности и поддержании глобальной конкурентоспособности отраслей, но и обладает уникальным опытом в управлении инновациями, сопряжению промышленности и университетов, научных исследований, профессионального образования и т.д. Укрепление научно-технического инновационного обмена и сотрудничества с Германией имеет большое практическое значение для текущей реализации Китаем стратегии инновационного развития [20, с. 8].

Сотрудничество в области «Индустрии 4.0» было реализовано в ходе четвертого раунда китайско-германских межправительственных консультаций в июне 2016 г. Раунду предшествовало подписание «Меморандума о взаимопонимании между Министерством промышленности и

информационных технологий КНР и Федеральным министерством экономики и защиты климата Германии о развитии сотрудничества между китайскими и немецкими предприятиями в области интеллектуального производства и взаимодействия производственных процессов» (июль 2015 г.) и «Совместной декларации о намерении разрабатывать и продвигать инновационные программы посредством двустороннего научно-технического сотрудничества в области Индустрии 4.0 и интеллекта» (январь 2016 г.) [21].

В июне 2017 г. в Берлине состоялся китайско-германский форум «Сотрудничество в области инноваций», организованный совместно Министерством науки и технологий КНР и Федеральным министерством образования и научных исследований Германии. В ходе встреч стороны отметили, что «Сделано в Китае – 2025» и «Индустрии 4.0» уже достигли ряда успешных результатов, таких как первая китайско-германская линия интеллектуального производства «Индустрии 4.0» в Шэньяне, китайско-германские индустриальные парки в Циндао, Уху, Цзеяне и Тайцане [22].

В июле 2018 г. в Берлине состоялся пятый раунд китайско-германских межправительственных консультаций, по итогам которого страны опубликовали совместное заявление. В нем стороны подчеркнули необходимость двустороннего и многостороннего сотрудничества, особенно в области охраны окружающей среды и борьбы с изменением климата. Помимо этого, в ходе консультаций стороны подписали ряд документов: «Совместная декларация о намерениях между Министерством науки и технологий КНР и Министерством образования и научных исследований ФРГ об углублении сотрудничества в области исследований изменения климата», «Совместная декларация о намерениях между Министерством науки и технологий КНР и Министерством образования и исследований ФРГ о сотрудничестве в области технологий и инноваций умного производства» [23].

Совместная декларация по умному производству, подписанная двумя сторонами, была реализована в октябре 2020 г., когда возник китайско-германский индустриальный парк в Тайцане (Китай). Создание этой сети является важной вехой для сотрудничества двух стран в области интеллектуального производства. Парк фокусируется на семи направлениях, включая интеллектуальные производственные технологии, интеллектуальную логистику и интеллектуальные услуги, информационные физические системы и применение искусственного интеллекта в области интеллектуального производства, для углубления международного научно-технического сотрудничества и продвижения взаимной выгоды [24].

Из-за пандемии в 2020 г. обмен персоналом между Китаем и Германией был затруднен, но научно-техническое сотрудничество не остановилось. Стороны поддерживали связь через онлайн-форматы. Примером могут быть китайско-германский форум по научно-техническому сотрудничеству в августе 2020 г., встреча между лидерами Китая, Германии и Европы в сентябре 2020 г., китайско-германский форум по развитию и перспективам сотрудничества в области умного производства в декабре 2020 г.

Стоит отметить, что, хотя пандемия привела к негативным последствиям и неопределенности в сотрудничестве между двумя сторонами, она также создала новые возможности в таких областях, как

здравоохранение, биофармацевтика, цифровизация, устойчивое развитие и борьба с изменением климата.

Во-первых, обратим внимание на обмен и сотрудничество в области биофармацевтики. В январе 2021 г. состоялось 25-е заседание китайско-германского совместного комитета по научно-техническому сотрудничеству, в ходе которого стороны, в частности, упомянули, что во время эпидемии эксперты высокого уровня в области биофармацевтики провели несколько видеоконференций для укрепления обмена и сотрудничества в области вакцин [25].

Во-вторых, борьба с изменением климата является одним из наиболее перспективных направлений сотрудничества между Китаем и Германией [26]. В последние годы Китай уделяет все больше внимания борьбе с изменением климата и поставил цель минимизировать выбросы к 2030 г. и добиться углеродной нейтральности к 2060 г. Китай также активно участвует в глобальном управлении климатом и окружающей средой и стал важным игроком в строительстве глобальной экологической цивилизации. В частности, Китай сыграл важную роль в содействии заключению и вступлению в силу Парижского соглашения [27].

Во время встречи лидеров Китая, Германии и ЕС в сентябре 2020 г. стороны решили создать Диалог высокого уровня по окружающей среде и климату, а также Диалог высокого уровня по цифровому сектору. Кроме того, возникло зеленое партнерство и цифровое партнерство Китай–ЕС [28].

Во время шестого раунда китайско-германских межправительственных консультаций в апреле 2021 г. стороны выразили намерение углублять сотрудничество в ряде областей, таких как автомобилестроение и новая энергетика, для достижения взаимной выгоды и взаимовыгодных результатов. Страны подписали «Китайско-германскую совместную декларацию о намерениях сотрудничества в области окружающей среды, изменения климата и устойчивого развития» и «Совместную декларацию о намерениях между Министерством науки и технологий КНР и Федеральным министерством образования и исследований ФРГ об укреплении сотрудничества в области исследований и разработок по вопросам изменения климата с целью углеродной нейтральности» [29].

Китайско-германское сотрудничество в области климата распространяется и на многосторонние отношения. В ноябре 2022 г. в ходе 27-й Конференции ООН по климату Китай и Германия провели параллельное мероприятие по вопросам изменения климата и устойчивого развития. Стороны заявили, что являются важными партнерами в деле борьбы с изменением климата и что механизм диалога помог лучше понять друг друга и способствовал реализации Парижского соглашения, обеспечивая эффективную поддержку практическому сотрудничеству Китая, Германии и ЕС в области изменения климата [30].

В-третьих, цифровая трансформация – это важный процесс экономических и социальных преобразований. В настоящее время стороны учредили Китайско-германский форум по цифровой трансформации, целью которого является содействие обмену между исследователями и

проектному сотрудничеству. Первое заседание форума состоялось в декабре 2020 г. Стороны обсудили такие темы, как цифровая трансформация предприятий и цифровые платформы дистанционного обучения [31].

В ноябре 2022 г. канцлер Германии О. Шольц посетил Китай и встретился с Председателем КНР Си Цзиньпином. Китай выразил готовность продолжать углублять авиационное сотрудничество с немецкой и европейской сторонами, осуществлять обмены и сотрудничество в области профилактики и борьбы с эпидемиями, а также укреплять обмены и взаимопонимание по таким вопросам, как зеленое развитие и защита окружающей среды. Немецкая сторона отметила, что Китай играет важную роль во многих глобальных вопросах, таких как борьба с изменением климата, защита биоразнообразия, борьба с эпидемией и решение продовольственного кризиса [32]. Очевидно, что обе стороны признают роль сотрудничества в области науки и техники. Научно-техническое сотрудничество является важным инструментом, особенно в решении крупных глобальных проблем.

Отметим, что с 1978 г. научно-техническое сотрудничество между двумя сторонами практически не подвергалось влиянию политики и не затрагивалось торговыми спорами [33, с. 27]. Однако, по мере роста уровня экономического развития, индустриализации и всеобъемлющей национальной мощи Китая, повысилась конкурентоспособность обеих сторон в определенных областях, что оказало влияние на научно-техническое сотрудничество. Слияние китайских компаний и рост прямых китайских инвестиций, направленных на поиск технологий (Technology-Seeking OFDI), привлек внимание немецкой стороны. Сделка между «Мэйди» (Китай) и «КУКА» (Германия) вызвала в немецком обществе бурную реакцию. Немецкая сторона считала, что приобретение Китаем ключевых отраслей промышленности для получения передовых технологий поставит под угрозу международное лидерство Германии в сфере высоких технологий и создаст вызов для стратегии «Индустрия 4.0» и национальной безопасности [34, с. 287]. В январе 2019 г. Федерация немецкой промышленности опубликовала бюллетень «Партнер и системный конкурент. Как нам быть с китайской экономикой, контролируемой государством». В документе отмечалось, что Китай становится технологически развитой промышленной державой благодаря активной инновационной политике, что оказывает огромное давление и создает проблемы для промышленности Германии и ЕС в целом [35].

Китай и Германия привержены политическому взаимному доверию, содействию визитам и общению на высоком уровне, а также использованию правительственных консультаций и других механизмов для разрешения конфликтов. Кроме того, ориентированный на рынок подход к научно-техническому сотрудничеству привел к многочисленным деловым и взаимовыгодным результатам.

Не следует также упускать из виду, что успехи сторон в области образования, особенно в плане развития талантов и сотрудничества университетов, также послужили опорой для сотрудничества в области

науки и технологий. Количество граждан КНР, получающих высшее образование в Германии с 2004 по 2020 г. выросло с 24 тыс. до более 40 тыс. чел. [36]. С 2011 г. китайцы составляют большинство зарубежных студентов в вузах ФРГ [37, с. 80]. Университетами двух стран в этот период было реализовано 1359 совместных проектов [38].

Таким образом, китайско-германское сотрудничество в сфере науки и техники является одним из важных составляющих двусторонних отношений. В научно-техническом сотрудничестве КНР и ФРГ можно выделить три периода развития. В 2004–2010 гг. устойчивое развитие китайско-германских отношений привело к всесторонней модернизации научно-технического сотрудничества, которое постепенно становилось стандартизированным и институционализированным. С повышением уровня отношений между двумя сторонами в период с 2011 по 2014 гг., особенно с созданием механизма правительственных консультаций, китайско-германское сотрудничество в сфере науки и техники перешло на новый этап. Между сторонами расширились контакты в области науки и техники, диалог в этой сфере стал регулярным, а взаимодействие – более частым. Начало эры всеобъемлющего стратегического партнерства в 2014 г. открыло новую главу сотрудничества в области науки, техники и инноваций.

Вместе с тем, в рассматриваемый период возникали проблемы, однако обе стороны продолжали придерживаться принципов взаимовыгодного сотрудничества и расширяли диалог при поддержке механизма межправительственных консультаций. Сегодня в условиях неопределенности, таких как затяжные последствия эпидемии, дефицит на рынке энергоносителей и украинский кризис, Китай и Германия объективно заинтересованы в развитии научно-технического сотрудничества, чтобы эффективно противостоять региональным и глобальным вызовам.

Источники и литература

1. Чжун хуажэньминь Гунхэго хе Деичжи Ляньбан Гунхэго Чжэнфу Кэсюе Цзишу Хэцзо Седин = Соглашение между правительством КНР и правительством ФРГ о научно-техническом сотрудничестве [Электронный ресурс] // Чжунхуажэньминь гунхэго вайцзяобу = Министерство иностранных дел КНР. – Режим доступа: <http://treaty.mfa.gov.cn/tykfiles/20180718/1531876533762.pdf>. – Дата доступа: 01.05.2023. (на кит. яз.).

2. Чжунго юй Дего Чжэнфу Фабао Ляньхэ Шэнмин = Совместное заявление правительств Китая и Германии [Электронный ресурс] // Чжунхуажэньминь гунхэго Чжуняньжэньминь чжэнфу = Центральное народное правительство КНР. – Режим доступа: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/ywzt_675099/zt2004_675921/wjbzlfw_oz_675937/200405/t20040504_9289351.shtml. – Дата доступа: 01.05.2023. (на кит. яз.).

3. Чжунго тун Дего де гуаньси = Отношения между КНР и ФРГ [Электронный ресурс] // Чжунхуажэньминь гунхэго вайцзяобу = Министерство иностранных дел КНР. – Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679086/sbgx_679090/. – Дата доступа: 01.05.2023. (на кит. яз.).

4. Вэнь Цзябао Цзунли юй Шилодэ Цзунли Хуйьтань = Встреча премьера Вэнь Цзябао и канцлера Шрёдера [Электронный ресурс] // Чжунхуажэньминь гунхэго

вайцзяобу = Министерство иностранных дел КНР. – Режим доступа: https://www.mfa.gov.cn/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679086/xgxw_679092/200405/t20040504_9334260.shtml. – Дата доступа: 01.05.2023. (на кит. яз.).

5. Вэнь Цзябао Тичу Сыдянь Цзяньи Цзяцян Чжунде Лянго Цзянь Гаоцзишу хэцзо = Вэнь Цзябао выдвигает четыре предложения по укреплению высокотехнологичного сотрудничества между Китаем и Германией [Электронный ресурс] // Чжунсин ван = Китайская новостная служба. – Режим доступа: <http://www.chinanews.com.cn/n/2004-05-04/26/432825.html>. – Дата доступа: 01.05.2023. (на кит. яз.).

6. Pekinger Konferenz setzt Signal für den weltweiten Ausbau der erneuerbaren Energien [Electronic resource] // BMUV. – Mode of access: <https://www.bmuv.de/pressemitteilung/pekinger-konferenz-setzt-signal-fuer-den-weltweiten-ausbau-der-erneuerbaren-energien>. – Date of access: 01.05.2023.

7. Чжун хуажэньминь Гунхэго хе Деичжи Ляньбан Гунхэго Чжэнфу Эр лин лин лю нянь Цишу Хэцзо Седин = Соглашение о техническом сотрудничестве между Правительством КНР и ФРГ на 2006 г. [Электронный ресурс] // Чжунхуажэньминь гунхэго вайцзяобу = Министерство иностранных дел КНР. – Режим доступа: <http://treaty.mfa.gov.cn/tykfiles/20180718/1531876909215.pdf>. – Дата доступа: 01.05.2023. (на кит. яз.).

8. Abschlussbericht des Deutsch-Chinesischen Jahres der Wissenschaft und Bildung 2009/2010 // BMBF. – 2010. – P. 75.

9. Чжун Де Гуаньюй Цзяньли Дяньдунцичэ Чжаньлюе Хобань Гуаньси Ляньхэ Шэнмин = Китайско-германское совместное заявление об установлении стратегического партнерства по автомобилям [Электронный ресурс] // Чжунхуажэньминь гунхэго вайцзяобу = Министерство иностранных дел КНР. – Режим доступа: https://www.mfa.gov.cn/web/zyxw/201106/t20110629_314157.shtml. – Дата доступа: 01.05.2023. (на кит. яз.).

10. Ху Цзиньтао цзай Чжунго Гунчаньдан Дишиба цы Цюаньго Дайбиаодахуй шан дэ Баогао = Доклад Ху Цзиньтао на 18-м Всекитайском съезде КПК [Электронный ресурс] // Чжунхуажэньминь гунхэго Чжунянжэньминь чжэнфу = Центральное народное правительство КНР. – Режим доступа: http://www.gov.cn/ldhd/2012-11/17/content_2268826.htm. – Дата доступа: 01.05.2023. (на кит. яз.).

11. Чжунго гоцзя тунци цзюй = Национальное бюро статистики КНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01&zb=A060F02&sj=2004>. – Дата доступа: 01.05.2023. (на кит. яз.).

12. Global Innovation Index 2022 at a glance [Electronic resource] // WIPO. – Mode of access: <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo-pub-2000-2022-section1-en-gii-2022-at-a-glance-global-innovation-index-2022-15th-edition.pdf>. – Date of access: 01.05.2023.

13. Research and development expenditure at new record high in 2021e [Electronic resource] // Statistisches Bundesamt. – Mode of access: https://www.destatis.de/EN/Press/2023/03/PE23_089_218.html. – Date of access: 01.05.2023.

14. Corrocher, N, The Sino-German alliance for the fourth industrial revolution: dynamics and policy implications / N. Corrocher, R. Mavilia, M, Giorgio // Journal of Economic Policy Reform. – 2020, 23(4). – P. 426-446.

15. Чжундэ хэцзо синдун гунао = Программа действий китайско-германского сотрудничества [Электронный ресурс] // Чжунго чжу дэго дашигуань = Посольство КНР в ФРГ. – Режим доступа: <http://de.china-embassy.org/chn/zt/2014lkq/t1212296.htm>. – Дата доступа: 01.05.2023 (на кит. яз.).

16. Ши Минде Даши Цзешоу Цзичжэ Чжуаньфан = Интервью посла Ши Минде с журналистами [Электронный ресурс] // Дагун бао. — Режим доступа: <http://news.takungpao.com/world/watch/2014-10/2769952.html>. — Дата доступа: 01.05.2023(на кит. яз.).

17. Ли Кэцян юй Дего Цзунли Мокээр гунтун хуйь цзянь цзичжэ = Ли Кэцян и А.Меркель встречаются с журналистами [Электронный ресурс] // Чжунхуажэньминь гунхэго вайцзяобу = Министерство иностранных дел КНР. — Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679086/xgxw_679092/201510/t20151029_9334591.shtml. — Дата доступа: 01.05.2023. (на кит. яз.).

18. Тимофеев, О. А. Сопряжение программ «Сделано в Китае-2025» и Industrie 4.0 как основа инновационного сотрудничества КНР и Германии / О. А. Тимофеев, В. С. Ронжина // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — 2017. — No 22. — С. 338–351.

19. China Strategy 2015-2020 - Strategic Framework for Cooperation with China in Research, Science and Education [Electronic resource] // BMBF. — Mode of access: <https://www.readkong.com/page/china-strategy-2015-2020-strategic-framework-for-8655422>. — Date of access: 01.05.2023.

20. Кеци Чуансинь Гунсу Вэйлай Дего Чжаньлюе = Технологические инновации Вместе формируем будущее Стратегия Германии / Чжунго кесюе цзишу бу = Министерство науки и технологий КНР. — 2016. — Р. 18(на кит. яз.).

21. Ди сы Лунь Чжунде Чжэнфу Цошан Ляньхэ Шэнмин = Совместное заявление о четвертом раунде китайско-германских правительственных консультаций [Электронный ресурс] // Чжунхуажэньминь гунхэго Чжуняньжэньминь чжэнфу = Центральное народное правительство КНР. — Режим доступа: http://www.gov.cn/xinwen/2016-06/13/content_5081771.htm. — Дата доступа: 02.05.2023. (на кит. яз.).

22. Ли Кэцян тун Дего Цзунли Мокээр Гунтун Чуси Чжунде Луньтань Гунсу Чуансинь Бин Фабао Яньцзян = Ли Кэцян и канцлер Германии Меркель принимают участие в китайско-германском форуме Совместное формирование инноваций и выступают с речью [Электронный ресурс] // Жэньминь жибао. — Режим доступа: <http://politics.people.com.cn/n1/2017/0602/c1024-29312695.html>. — Дата доступа: 02.05.2023. (на кит. яз.).

23. Ди ву Лунь Чжунде Чжэнфу Цошан Ляньхэ Шэнмин = Совместное заявление о пятом раунде китайско-германских правительственных консультаций [Электронный ресурс] // Чжунхуажэньминь гунхэго Чжуняньжэньминь чжэнфу = Центральное народное правительство КНР. — Режим доступа: http://www.gov.cn/xinwen/2018-07/10/content_5305483.htm. — Дата доступа: 02.05.2023. (на кит. яз.).

24. Чжунде Чжинэн Чжицзао Кэци Чуансинь Хэцзо Ляньмэн Чжэнши Чэнли = Официально создан Китай-Германия интеллектуальное производство наука и технологии инновации сотрудничество сеть [Электронный ресурс] // Китай-Германия интеллектуальное производство наука и технологии инновации сотрудничество сеть. — Режим доступа: <http://cgimst.com/detail/5f9f570484363281ebe913c1>. — Дата доступа: 02.05.2023. (на кит. яз.).

25. Чжундэ Чжаокай Кэци Хэцзо Ди 25 Цы Хуйь = 25-е заседание китайско-германского совместного комитета по научно-техническому сотрудничеству [Электронный ресурс] // Чжунго чжу Де Шигуань = Посольство Китая в Германии. — Режим доступа: http://de.china-embassy.gov.cn/kjcx/zdkjcxjlyhz/202102/t20210201_3160170.htm. — Дата доступа: : 02.05.2023. (на кит. яз.).

26. Индуй цихоу биань ши чжунде чжуноу чжицзянь цзуйцзюй цзэнчжан цянъли де хэцзо линюй чжи = проблема борьбы с изменением климата является одной из наиболее перспективных областей сотрудничества между Германией и Китаем [Электронный ресурс] // Чжунго синьвэнь ван = Новости Китая. — Режим доступа: http://m.china.com.cn/appdoc/doc_1_3_1760024.html. — Дата доступа: 01.05.2023.(на кит. яз.).

27. Чжунго Туйдун Цюаньцю Цихоу Чжили хэ Гоци Хэцзо де Чжаньлюе Яньцзю = Исследование стратегии и ответных мер Китая по продвижению глобального управления климатом и международного сотрудничества [Электронный ресурс] // Гоциа Хэцзо Чжаньлюе Чжунсин = Национальный центр климатической стратегии. — Режим доступа: <https://www.efchina.org/Reports-zh/report-lceg-20210207-2-zh>. — Дата доступа: 01.05.2023.(на кит. яз.).

28. Си Цзиньпин тун Чжун Де оу Линдаожэнь Хуйьву = Си Цзиньпин и лидеры ЕС Германии проводят совместную встречу [Электронный ресурс] // Синьхуа сеть. — Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2020-09/15/c_1126493059.htm. — Дата доступа: 01.05.2023.(на кит. яз.).

29. Чжунде 25 вэй бучжан юньцошан лянг цзунли цзяньчжэн шифанлэ насе синьхао = 25 Министры Германии и Китая проводят консультации в режиме онлайн, какое сообщение отправили премьер и канцлер вместе [Электронный ресурс] // Чжунхуажэньминь гунхэго чжунянжэньминь чжэнфу = Центральное народное правительство КНР. — Режим доступа: http://www.gov.cn/xinwen/2021-04/29/content_5603877.htm. — Дата доступа: 01.05.2023.(на кит. яз.).

30. Гоциа Хэцзо Чжаньлюе Чжунсин Цзюйбань Эргуй Хуйь = NCCS является одним из организаторов параллельного мероприятия китайско-германского диалога "Путь 2" на Китайском уголке KC27 [Электронный ресурс] // Гоциа Хэцзо Чжаньлюе Чжунсин = Национальный центр климатической стратегии. — Режим доступа: http://www.ncsc.org.cn/xwdt/zxxw/202211/t20221111_1004577.shtml. — Дата доступа: 01.05.2023.(на кит. яз.).

31. Шоуцзе Чжунде Шуцзыхуа Чжуаньсин Луньтань Сяньшан Цзюйсин = Первый "Китайско-германский форум цифровой трансформации" прошел в режиме онлайн [Электронный ресурс] // Чжунго чжу Де Шигуань = Посольство Китая в Германии. — Режим доступа: http://de.china-embassy.gov.cn/kjcx/zdkjcxjlyhz/202012/t20201211_3160165.htm. — Дата доступа: 01.05.2023.(на кит. яз.).

32. Си Цзиньпин Хуйьцзянь Дего Цзунли Шольц = Си Цзиньпин встречается с канцлером Германии Шольц [Электронный ресурс] // Чжунхуажэньминь гунхэго вайцзяобу = Министерство иностранных дел КНР. — Режим доступа: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202211/t20221104_10800441.shtml. — Дата доступа: 01.05.2023.(на кит. яз.).

33. Frietsch, R, German-Sino collaboration in science, technology and innovation / R. Frietsch, U. Tagscherer // Fraunhofer ISI Discussion Papers-Innovation Systems and Policy Analysis. — 2014.— P. 30.

34. Вэй, Наймин.Чжунцзы цие цзайдэ тоуцзы фачжань гочэн цзици шэхуйь сяоин = Процесс развития инвестиций китайских предприятий в Германии и его социальные последствия / Наймин Вэй // Дего фачжань баогао 2018 = Доклад о развитии Германии 2018 г.. — Шэхуйь кэсюе вэньсянь чубаньшэ = Издательство Института Социальных Наук Китая. — 2018. — С. 276—299. (на кит. яз.).

35. Partner und systemischer Wettbewerber –Wie gehen wir mit Chinas staatlich gelenkter Volkswirtschaft um? [Electronic resource] // BDI. — Mode of Access: https://www.politico.eu/wp-content/uploads/2019/01/BDI-Grundsatzpapier_China.pdf. — Date of access: 01.05.2023.

36. Internationale Studierende in Deutschland [Electronic resource] // Wissenschaft weltoffen. — Mode of access: <https://www.wissenschaft-weltoffen.de/de/daten/>. — Date of access: 01.05.2023.

37. Ван, Хуэйяо. Доклад о развитии обучения китайских студентов в аброрде 2022 / Хуэйяо Ван // Издательство литературы по общественным наукам. — 2022. — 388 с. (на кит. яз.).

38. Statistik über Kooperationen und Institutionen [Electronic resource] // Ein Angebot der Hochschulrektorenkonferenz. — Mode of access: https://www.internationale-hochschulkooperationen.de/statistik/act/stat.html?tx_szcooperationsearch_pi2%5Bcontoller%5D=CooperationResults&cHash=43826ae86ab83901a6afc0a42ccf4849. — Date of access: 01.05.2023.

ДИВЕРСИФИКАЦИЯ ЭНЕРГОНОСИТЕЛЕЙ В ГЕРМАНИИ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА

И. И. Ковяко, Д. А. Пузанова, г. Минск (Республика Беларусь)

На основе широкого круга первоисточников проанализировано влияние современного геополитического кризиса на энергетические отношения Германии и России. Определены предпосылки и причины постепенного сокращения российско-германского и российско-европейского сотрудничества в области поставок энергоносителей. Охарактеризованы позиции заинтересованных сторон. Установлены основные механизмы и промежуточные результаты политики диверсификации энергоносителей, реализуемой ФРГ и ЕС в последние годы.

Ключевые слова: диверсификация энергоносителей; геополитический кризис; «Северный поток»; энергетическая безопасность, украинский кризис, страны-транзитёры.

Энергетический фактор традиционно занимал особое место в системе российско-германских отношений. Солидная база сотрудничества в данной сфере, созданная во второй половине XX в., во многом определяла развитие диалога России и Германии в новом столетии. Однако геополитический кризис последних лет привел к существенным изменениям в многолетней структуре энергетических и политических отношений двух государств. Конец 2021 г. – начало 2022 г. ознаменовался изменением в структуре энергетического рынка ФРГ. Прежние планы правительства и цепочки поставок оказались нарушены и потребовали пересмотра концепции энергетической безопасности. Бундестагу пришлось выработать новую политику и гармонично внедрить её в общество к началу отопительного периода. В этой связи, особое внимание стоит уделить судьбе проекта «Северный поток» и попыткам ФРГ диверсифицировать энергоносители в 2022 г.

В конце 2021 г. завершилось строительство «Северного потока – 2». При этом Германия и США подчеркнули условия, на которых возможен запуск газопровода: не политизированность проекта, обеспечение стабильности и энергетической безопасности в регионе, выполнение Россией обязательств по транзиту газа через территорию Украины и т.д. Вместе с тем, правительство ФРГ пыталось лавировать между главным политическим союзником и главным торговым партнёром, заявляя, что Украина должна зарекомендовать себя в качестве надёжного и привлекательного транзитёра [1].

Несмотря на возрастающее напряжение в мировом сообществе в январе-феврале 2022 г., канцлер ФРГ О. Шольц заявил, что «Северный поток – 2» не должен стать предметом политизации. Именно поэтому после 24 февраля официальная позиция Германии была противоречивой. В конечном итоге, под давлением органов ЕС правительство ФРГ приостановило сертификацию газопровода [2].

В этих условиях, с целью поддержания стабильности энергетического сектора в марте 2022 г. ЕС принял дорожную карту, в которой были предусмотрены поэтапные шаги отказа от российского газа и нефти к 2027 г. [3, р. 44]. Стоит отметить, что подобные ограничения активно поддерживались руководством ФРГ. Министр экономики Р. Хабек заявил, что к осени 2022 г. Германия собирается отказаться от российского угля и нефти. Изначально речь не шла об отказе от российского газа, так как поиск альтернативы мог занять много времени и средств. Поэтому О. Шольц намеревался продолжать энергетическое сотрудничество с Россией, тем более, что действующие на тот момент энергопроекты не были затронуты санкциями [4].

Вместе с тем Германия всё же начала предпринимать превентивные меры и разрабатывать планы по повышению энергоэффективности: переоборудование домохозяйств так, чтобы было возможно использовать для отопления возобновляемые источники энергии; установка на крышах домов солнечных батарей; единый проездной для поездок по всей Германии; льготный месячный проездной и т.д. Стоит отметить, что предпринятые меры и осознанность немецкого населения помогло улучшить ситуацию [5, с. 127]. Первые успехи в области обеспечения энергетической безопасности были достигнуты властями ФРГ уже в середине весны 2022 г. Началась активная закачка газа в хранилища, были подписаны необходимые соглашения о начале строительства СПГ-терминалов и аренде плавучих терминалов на первое время. Согласно официальным данным, уже в апреле 2022 г. зависимость ФРГ от российского угля снизилась до 8%, а от газа до 35% [6].

В мае 2022 г. оператор ГТС Украины прекратил транзит из России в Европу через газораспределительную станцию «Сохрановка». Подобное решение было объяснено форс-мажорными обстоятельствами. Украинской стороной была выдвинута альтернатива, которая предполагала перенос поставки на точку «Суджа». Данное предложение не было встречено положительно «Газпромом», который заявил о технической

невозможности переноса. Данная ситуация привела к значительному снижению поставок газа на территорию ФРГ. Кроме того, в мае были прекращены поставки по газопроводу «Ямал – Европа», что было связано с завершением контракта на использование «Газпромом» польского участка, а также взаимном введении ограничительных мер [5, с. 129].

По этой причине ФРГ и ЕС в короткие сроки переориентировались на сжиженный природный газ. Несмотря на то, что Германия является крупнейшим хабом распределения газа по другим странам ЕС, в этой стране неразвита инфраструктура для сжиженного природного газа. Во время надвигающегося энергетического кризиса руководством Германии было принято решение о возобновлении развития СПГ-инфраструктуры и импорта данного вида газа, как наиболее перспективного направления. Во-первых, это позволило бы возобновить сотрудничество со старыми партнёрами или начать партнёрство с дальними государствами, с которыми сотрудничество было невозможно из-за отсутствия наземных сетей газопроводов. Во-вторых, развитие СПГ-инфраструктуры соответствовало целям Германии перейти на возобновляемые источники энергии. СПГ-терминалы являются переходным этапом к получению водорода, который возможно вывести из природного газа. Ожидалось, что СПГ сможет снизить на 20% годовую потребность Германии в этом виде энергоресурса. Более того, правительство подчёркивало, что развитие СПГ-инфраструктуры скорее отвечает краткосрочным целям, чем полному переходу на данный вид энергии в долгосрочной перспективе [7].

В итоге, в мае 2022 г. в Германии был принят закон «Об ускорении строительства терминалов СПГ». Он предусматривал ускорение строительства плавучих и наземных СПГ-терминалов, при этом опустив на время экологические аспекты данного вопроса. Среди основных мест, где планировалось осуществлять строительство были выделены следующие города: Вильгельмсхафен, Брунсбюттель, Штаде, Росток, Лумбин и Гамбург-Моорбург [8]. Согласно планам правительства СПГ-терминалы в Вильгельмсхафене и Брунсбюттеле должны быть подключены к немецкой газовой сети к концу 2022 г. Начиная с мая 2022 г. федеральное правительство заключало необходимые соглашения с соответствующими землями. Кроме того, активное участие в данном процессе принимали бизнес-круги, инвестируя в данную сферу [9, с. 85].

В начале лета 2022 г. ситуация с поставками газа по «Северному потоку» усугублялась с каждым днём. Помимо неработающих 3 и 4 веток газопровода возникли трудности с ветками 1 и 2. Загрузка в сутки составляла половину объёма мая 2022 г. – 67 млн м куб. в сутки. «Газпром» объяснил эту ситуацию следующим образом: в тот период времени был запланирован капитальный ремонт турбины, которая была отправлена в Монреаль и не могла быть получена обратно из-за санкций Канады. Правительство Германии вступило в переговоры с Канадой, чтобы разрешить данный вопрос и обеспечить нормальный уровень поставок российского газа. Канадское руководство отправило турбину в ФРГ, после чего она так

и не была доставлена в Российскую Федерацию за-за отсутствия документальных таможенных разрешений от России. В этот момент обе стороны заявили о своих версиях происхождения. Руководство Германии утверждала, что выполнило все необходимые шаги для того, чтобы турбина была отправлена в Россию, в то время как Москва намеренно затягивает её перевозку, снижает поставки газа по «Северному потоку – 1». Всё это, по мнению Берлина, делалось с целью давления на Германию и ЕС, чтобы они отменили санкции в отношении РФ и не препятствовали запуску «Северного потока – 2». Российская Федерация заявила, что без надлежащего ремонта турбин их эксплуатация не отвечает техническим требованиям и может быть просто небезопасна. Кроме того, за обслуживания турбин отвечает английская компания «Сименс Энерджи» («Siemens Energy»), сотрудники которой не намеревались приезжать в Россию для решения данной ситуации. Также российская сторона не считала возможным нормальное обслуживание оборудования «Северного потока – 1», пока на него распространяются санкции ЕС и Великобритании. Руководство Москвы предлагало Германии обратиться к Польше и Украине для того, чтобы договориться о возобновлении поставок газа по газопроводу «Ямал-Европа». В итоге, к сентябрю 2022 г. поставки по ниткам газопровода «Северный поток» почти не осуществлялись [5, с. 118-125].

26 сентября 2022 г. сейсмологическими службами нескольких стран были зафиксированы подводные толчки, которые соответствовали взрывам. После первого толчка давление в одной из ниток «Северного потока – 2» упало, затем изменение давления произошло в обеих ветках «Северного потока – 1» [10].

Почти сразу же Германия, Дания и Швеция заявили о диверсии, аргументируя это тем, что подводные газопроводы ломаются редко. Осмотр подтвердил, что газопроводы были взорваны намеренно. Спустя несколько дней все три страны начали независимые расследования. Однако, спустя несколько месяцев расследование перешло в стадию затишья. Лишь в первой половине ноября 2022 г. компания «Nord Stream AG» завершила первоначальный сбор данных на месте аварий и получила доступ к точке взрыва [11].

На начало 2023 г. так и не было выяснено, кто причастен к диверсии на «Северных потоках». Единственной зацепкой оставалось лишь то, что подрыв газопроводов был осуществлён государством, об этом свидетельствовали масштабы операции [12].

По мнению российской стороны, отсутствие результатов расследования связано со следующими факторами:

1. Во-первых, страны ЕС препятствуют участию России в расследовании и необходимых мероприятиях. При этом, Швеция отказалась передавать какие-либо материалы расследования российской стороне [13].

2. Во-вторых, российское предложение о создании совместной следственной группы было отклонено рядом европейских стран [14, с. 2].

Несмотря на отсутствие конкретных результатов, акторами международных отношений, исследовательскими институтами и организациями были выделены основные подозреваемые:

- США. Ещё в 2015 г. «RAND Corporation» опубликовал исследование, в котором обсуждалось укрепление России, главным образом, за счёт газовых поставок. В целях сдерживания России остановка «Северного потока – 2» могло стать идеальным исходом. В 2022 г. Д. Байден предупредил, что в случае вторжения Россией на территорию Украины «Северный поток – 2» будет ликвидирован. У большинства складывается мнение о причастности США к подрывам. Россия выступает в поддержку данной версии, аргументируя это тем, что диверсия помогла бы американскому СПГ наконец-то выйти на европейский рынок в нужном объёме [15, с. 23].
- Россия. Подобная версия появилась в отдельных западных источниках. Бывший замминистра энергетики России В. Милов отметил, что для точного подрыва газопроводов необходимо досконально знать все особенности данного проекта. Кроме того, 19 сентября 2022 г. в Балтийском море проходили учения Балтийского флота. Согласно спутниковым съёмкам были замечены судна недалеко от места происшествия, в районе отмечалась активность дронов [16; 17]. Однако другая часть экспертов полагает, что данный акт был бы крайне невыгодным для России как с политической, так и экономической точки зрения. Более эффективным в этом плане представлялось простое сокращение или прекращение поставок. Редактор журнала «Telegraph» Джеймс Крипс предполагал, что диверсия на газопроводах могла быть показательным актом устрашения для открывшегося 27 сентября 2022 г. газопровода из Норвегии в Польшу. Однако общественность не была убеждена подобной аргументацией [18].
- Польша. Данная страна имеет как коммерческие, так и исторические причины для того, чтобы ликвидировать «Северный поток». Во-первых, из-за данного газопровода Польша лишилась значительной части доходов как страна-транзитёр. Во-вторых, польско-российские отношения традиционно не отличались особой теплотой. Более того, руководство Польши активно поддерживает Украину и выступает против любых компромиссов и уступок Москве. Однако, есть мнение, что Польша не пошла бы на подобный шаг самостоятельно, учитывая, что это могло бы привести к серьёзным последствиям в отношениях с Германией [19, р. 3].
- Украина. Для украинской стороны подрыв ниток газопровода «Северный поток» является наиболее выгодным. Это позволило бы зарекомендовать себя как надёжного партнёра НАТО и ослабить газовое влияние России на Европу. При этом в данном случае Украина не несёт никаких дополнительных потерь [20].
- Проукраинская группа. В начале марта 2023 г. появилась новая версия случившегося. Американские и немецкие СМИ заявили о возможной

причастности к диверсии неизвестной проукраинской группы. Однако, данная версия не получила дальнейшего развития по нескольким причинам. Во-первых, небольшая группа не могла осуществить подобную операцию не привлекая внимание европейских правоохранителей. Во-вторых, эксперты ещё раз подчеркнули, что подобный масштаб ущерба мог быть нанесён только государством [21].

После диверсий на трубопроводах «Северный поток – 1, 2» Германия, кажется, перестала рассчитывать на продолжение энергетического сотрудничества с Россией, по крайней мере в кратко- и среднесрочной перспективе. В конце сентября 2022 г. в Берлине прошла конференция, посвящённая вопросам обеспечения Германии топливом в ближайшем будущем. Клаус Мюллер, один из экспертов, выделил три основных столпа, на которых будет базироваться немецкая энергетика в ближайшие годы:

1. Во-первых, в 2022 г. Германия активно начала развивать сферу СПГ. Правительство уже арендовало 5 плавучих СПГ-терминалов и планирует строительство собственных.

2. Во-вторых, производственные процессы своевременно были переведены на использование нефти и угля, что позволило сэкономить потребление газа на 20%.

3. В-третьих, с февраля 2022 г. Германия обеспечила себя достаточными запасами газа, заполнив свои хранилища более чем на 90%.

Ещё одним положительным моментом является тот факт, что Норвегия увеличила поставки газа в Германию на 17%, став главным поставщиком вместо России [22, с. 372].

Многие эксперты полагают, что снижение и прекращение поставок по веткам «Северного потока» надо рассматривать комплексно, принимая во внимания те события, которые происходили ещё с весны 2021 г. Таким образом, выделяется несколько факторов, которые способствовали сокращению газовых поставок из России:

1. Во-первых, на протяжении многих лет «Газпром» не только поставлял газ в Европу для моментального использования, но также и пополнял хранилища. С лета 2021 г. компания перестала пополнять европейские газохранилища, аргументируя это суровой зимой в России [23, р. 18].

2. Во-вторых, «Газпром» прекратил продажу газа своим европейским дочерним предприятиям. 1 апреля 2022 г. компания заявила о выходе из участия в своих дочерних компаниях [24].

3. В-третьих, в конце марта 2022 г. В. Путин заявил, что все поставки газа должны быть оплачены в российских рублях. Это привело к тому, что около 7 компаний прекратили сотрудничество с «Газпромом», расторгнув контракты. Некоторые компании подали судебный иск по обвинению «Газпрома» в нарушении договорных обязательств [25, р. 6].

4. В-четвёртых, правительство России ввело санкции в отношении компании «ЕвроПол Газ» («EuRoPol Gaz»), которая является владельцем газопровода Ямал-Европа на территории Польши. С конца сентября 2021 г. этот газопровод не работает на полную мощность.

5. В-пятых, несмотря на договорённости с Украиной, заключенные на период до декабря 2024 г., «Газпром» уже значительно сократил поставки газа через ее территорию.

6. В-шестых, с июня 2022 г. «Газпром» постепенно снижал мощность подачи газа по «Северному потоку». Сначала это было связано с тем, что компании прекратили сотрудничество с Россией после заявления В. Путина от 31 марта 2022 г. Затем «Газпром» объявил о неисправности нескольких турбин, которые должны были быть отремонтированы в Канаде, но так и не прибыли обратно в Россию. В июле 2022 г. начались плановые работы на газопроводе, что привело к полной остановке поставок на протяжении 10 дней [26, р. 14].

Таким образом, изменение геополитической ситуации в Восточной Европе в 2022 г. привело к возникновению новых вызовов и реальных угроз европейской энергетической безопасности. Постепенный процесс разрушения традиционных каналов поставки газа и других энергоносителей вызвал незамедлительную диверсификацию энергоресурсов в странах ЕС. Реализация разработанных Еврокомиссией и Бундестагом планов способствовала успешному преодолению отопительного периода 2022–2023 гг. Вместе с тем, предпринятые меры являются скорее экстренными и не рассматриваются в качестве долгосрочной стратегии.

Источники и литература

1. Westphal, K. Nord Stream 2 und das Energiesicherheitsdilemma / K. Westphal // Stiftung Wissenschaft und Politik [Elektronische Ressource]. – 2021. Zugriffsmodus: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2021A52/>. - Zugriffsdatum: 05.02.2023.

2. Minister Habeck comments on the situation in eastern Ukraine and the discontinuation of the certification procedure for Nord Stream 2 [Electronic resource] : Federal Ministry for Economic Affairs and Climate Action, 2022. – Mode of access: <https://www.bmwk.de/Redaktion/EN/Pressemitteilungen/2022/02/20220222-minister-habeck-comments-on-the-situation-in-eastern-ukraine-and-the-discontinuation-of-the-certification-procedure-for-nord-stream-2.html>. – Date of access: 07.02.2023.

3. Ozawa, M. The Russia-Ukraine war and the European energy crisis / M. Ozawa // NATO Defense college. – 2022. – P. 41-52.

4. Денисенко, К. Политика энергетического перехода: Германия в поисках альтернативы / К. Денисенко // Российский совет по международным делам [Электронный ресурс]. – 2022. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/oilandgastoday/politika-energeticheskogo-perekhoda-germaniya-v-poiskakh-alternativy/>. – Дата доступа: 16.03.2023.

5. Белов, В. Б. Антикризисные меры правительства Германии в сфере энергетики / В. Б. Белов // Научно-аналит. вест. инст. Европы РАН. История и археология. – 2022. – №4. – С. 116-132.

6. Zweiter Fortschrittsbericht Energiessicherheit [Elektronische Ressource] : BMWK, 2022. – Zugriffsmodus: https://www.bmwk.de/Redaktion/DE/Downloads/Energie/0325_fortschrittsbericht_energiesicherheit.pdf?__blob=publicationFile&v=14. – Zugriffsdatum: 17.03.2023.

7. Import of green energy: RWE builds ammonia terminal in Brunsbüttel [Electronic resource] : RWE, 2022. – Mode of access: <https://www.rwe.com/en/press/rwe-ag/2022-03-18-import-of-green-energy-rwe-builds-ammonia-terminal-in-brunsbuettel/>. – Date of access: 20.03.2023.
8. LNG-Terminal auch auf Emden Seite der Ems gefordert [Elektronische Ressource] : NWZ Online, 2022. – Zugriffsmodus: https://www.nwzonline.de/plus-emden/fluessiggas-umschlag-in-emden-vorsitzender-des-nautischen-vereins-schlaegt-alte-gas-tanker-reede-als-umschlagplatz-vor_a_51,7,2548596328.html#. – Zugriffsdatum: 20.03.2023.
9. Котов, А. В. Развитие инфраструктуры СПГ в Германии: гонка со временем / А. В. Котов // Научно-аналит. вест. инстит. Евр. РАН. Экономика и бизнес. – 2022. – №3. – С. 83-94.
10. Chestney, N. Q+A What is known so far about the Nord Stream gas pipeline leaks / N. Chestney // Reuters [Electronic resource]. – 2022. Mode of access: <https://www.reuters.com/world/europe/qa-what-is-known-so-far-about-nord-stream-gas-pipeline-leaks-2022-09-27/>. – Date of access: 17.02.2023.
11. Инцидент на газопроводе «Северный поток – 1» [Электронный ресурс] : Nord Stream AG, 2022. – Режим доступа: <https://www.nord-stream.com/ru/informatsiya-dlya-pressy/press-relizy/intsident-na-gazoprovode-severnyi-potok-1-obnovlenie-ot-14112022-529/>. – Дата доступа: 17.02.2023.
12. State actor still main suspect behind Nord Stream sabotage, says investigator [Electronic resource] : The Guardian, 2023. – Date of access: <https://www.theguardian.com/world/2023/apr/06/nord-stream-sabotage-pipeline-blasts>. – Date of access: 25.02.2023.
13. Швеция откажет России в доступе к итогам расследования ЧП на «Северных потоках» [Электронный ресурс] : Forbes, 2022. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/biznes/479443-svecia-otkazet-rossii-v-dostupe-k-itogam-rassledovania-cr-na-severnyh-potokah>. – Дата доступа: 01.03.2023.
14. Вышегородцев, Д. Д. Состояние взаимодействия России и стран ЕС в энергетической сфере: октябрь 2022 года / Д. Д. Вышегородцев Геоэкономика энергетики. – 2022. – №4 - С. 1-5.
15. Якубов, И. Х. Подрыв газопроводов «Северный поток» и «Северный поток – 2» как угроза энергетической безопасности на постсоветском пространстве / И. Х. Якубов // Постсовет. исслед. Полит. науки. – 2023. – №1. – С. 20-29.
16. Putins geheimer Konvoi [Elektronische Ressource] : T-online. Nachrichten für Deutschland, 2023. – Zugriffsmodus: https://www.t-online.de/nachrichten/deutschland/ausserpolitik/id_100144520/nord-stream-spuren-des-anschlages-fuehren-nach-russland.html. – Zugriffsdatum: 02.03.2023.
17. Widdershoven, C. European energy security faces. New risks with Nord Stream explosions / C. Widdershoven // Oilprice [Electronic resource]. – 2022. Mode of access: <https://oilprice.com/Geopolitics/Europe/European-Energy-Security-Faces-New-Risks-With-Nord-Stream-Explosions.html>. – Date of access: 02.03.2023.
18. Why Putin would want to blow up Nord Stream 2, and the advantages it gives him [Electronic resource] : The Telegraph, 2022. – Mode of access: <https://www.telegraph.co.uk/world-news/2022/09/27/putins-nord-stream-2-sabotage-sends-warning-will-blow-pipes/>. – Date of access: 30.03.2023.
19. Thakur, R. The Mystery of the Nord Stream Pipeline explosions : policy brief №138, October 2022 / R. Thakur // Toda Peace Institute. – 2022. – P. 1-9.

20. Who sabotaged the Nord Stream pipelines? [Electronic resource] : The daily sceptic, 2022. – Mode of access: <https://dailysceptic.org/2022/09/28/who-sabotaged-the-nord-stream-pipelines/>. – Date of access: 10.03.2023.

21. Intelligence suggests Pro-Ukrainian group sabotages pipelines, U.S. official say [Electronic resource] : The New York Times, 2023. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/2023/03/07/us/politics/nord-stream-pipeline-sabotage-ukraine.html>. – Date of access: 15.03.2023.

22. Тарасова, А. И. Перспективы Развития энергетической сферы в ФРГ на фоне дефицита энергоносителей из России / А. И. Тарасова // Проблемы и перспективы развития России: молодёжный взгляд в будущее : сб. ст. – Курск, 2022. – С. 371-373.

23. Sharples, J. A series of unfortunate events. Supply-side factors in the European gas price rally in 2021 and outlook for the rest of winter / J. Sharples // The Oxford institute for energy studies. – 2021. – P. 1-35.

24. Nasr, J. German regulator takes over Gazprom Germania to ensure energy supply / J. Nasr // Reuters [Electronic resource]. – 2022. Mode of access: <https://www.reuters.com/business/energy/german-regulator-takes-over-gazprom-germania-ensure-energy-supply-2022-04-04/>. – Date of access: 30.03.2023.

25. Ason, A. Rouble gas payment mechanism: implications for gas supply contracts / A. Ason // The Oxford institute for energy studies. – 2022. – P. 1-11.

26. Sharples, J. Falling like dominoes: the impact of Nord Stream on Russian Gas flows in Europe / J. Sharples // The Oxford institute for energy studies. – 2022. – P. 1-21.

КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИНДИЙСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В XXI ВЕКЕ

С. Ф. Свилас, О. В. Ливиндюк, г. Минск (Республика Беларусь)

В статье показана ретроспектива отношений Индии с двумя германскими государствами в годы «холодной войны». Раскрыто содержание стратегического партнерства Индии и объединенной Германии, достигнутое в 2001 году. Рассмотрены принципы стратегического партнерства, его эволюция, нормативная база, направления, механизмы и платформы, успехи и противоречия.

Ключевые слова: Индия; Германия; национальные интересы; стратегическое партнерство; Индийско-германский энергетический форум; инвестиционное сотрудничество; сотрудничество в сфере безопасности.

После Второй мировой войны Индия стала одной из первых стран, признавших Федеративную Республику Германия. Дипломатические отношения с ней были установлены в 1951 г. (с Германской Демократической Республикой – только в 1972 г.), но по мере разворачивания «холодной войны» стало очевидно, что идеологические разногласия не позволяют углублять сотрудничество, выходящее за рамки торговли и культурного обмена [1]. В то время как ФРГ стремилась к быстрой интеграции в НАТО, Индия не примкнула ни к одному из блоков, а руководствовалась

концепцией «позитивного нейтралитета» и встала у истоков Движения неприсоединения [2, с. 310].

ФРГ в 1955 г. приняла доктрину Хальштейна, направленную на изоляцию ГДР в мировом сообществе и оставлявшую за Бонном право разрыва дипломатических отношений с любым государством, признавшим ГДР как полноправного актора международных отношений. Индия установила с ГДР дипломатические отношения лишь в 1972 году, когда доктрина прекратила своё существование [3, с. 246].

Как уже отмечалось, Индия и Западная Германия практиковали активное сотрудничество в сфере культурного и научного обмена. В 1956 г. на основе германо-индийского правительственного соглашения был основан Индийский технологический институт в Мадрасе, а в 1974 г. стороны подписали соглашение о научно-техническом сотрудничестве [4]. Долгое время экономическое измерение отношений играло второстепенную роль, а сотрудничества в сфере политики безопасности не существовало вовсе вплоть до 1990-х гг. [1]. Окончание «холодной войны» и распад Советского Союза положили конец эпохе блокового противостояния. В лице СССР Индия потеряла не только наиболее значимого торгового партнера, но и самого влиятельного сторонника во внешней политике, была вынуждена отправиться на поиски новых надежных союзников.

В мае 2000 г. Индия и Германия согласовали «Повестку дня индийско-германского партнерства в XXI веке». Документ охватил широкий спектр сфер, начиная от сотрудничества по вопросам безопасности и заканчивая технологическим и культурным сотрудничеством [5]. С 2001 г. Индия и Германия поддерживают «стратегическое партнерство», которое стимулировали два раунда межправительственных консультаций в Нью-Дели (май 2011 г.) а также в Берлине (апрель 2013 г.). В 2006 г. было подписано двустороннее соглашение о сотрудничестве в области обороны, которое обеспечило основу для ежегодных консультаций. Страны институционализировали свои договоренности, учредив несколько совещательных механизмов: стратегический диалог, консультации министерств иностранных дел, совместная комиссия по промышленному и экономическому сотрудничеству, группа партнерства в области высоких технологий, комитет обороны, объединенная рабочая группа по борьбе с терроризмом и так далее. Обе страны проводят регулярные консультации по таким вопросам, как политика в Восточной и Центральной Азии, всеобщее разоружение и нераспространение ядерного оружия [6, с. 1].

Промышленное и техническое сотрудничество – ключевые направления индийско-германских отношений. Функционируют совместная комиссия по промышленно-экономическому сотрудничеству и несколько совместных рабочих групп в области сельского хозяйства, автомобильной промышленности, энергетики, инфраструктуры, туризма и образования [6, с. 3]. Необходимо также отметить важную роль Индийско-германского энергетического форума, созданного в 2006 г. бывшим премьер-министром Индии Манмоханом Сингхом и канцлером Германии Ангелой

Меркель с целью расширения стратегического диалога в этой сфере. Индия и Германия стремятся расширить использование возобновляемых источников энергии и повысить энергоэффективность. Обе страны едины во мнении, что решение проблемы выброса парниковых газов – зеленая экономика, и Форум способствует не только экономическому, но и экологическому сотрудничеству. Он предоставляет платформу для конструктивных дискуссий о возобновляемых источниках энергии, альтернативных видах топлива, энергоэффективных технологиях и электроэнергетике. Индийско-германский энергетический форум способствует значительному углублению сотрудничества между правительствами, исследовательскими институтами и частным сектором обеих стран [7].

Рассматривая экономический аспект отношений этих двух государств, можно с уверенностью утверждать, что Германия – самый важный торговый партнер Индии в Европе и шестой по важности в мире [8].

Пандемия COVID-19 нанесла серьезный ущерб индийско-германским торговым отношениям. В 2020 г. экспорт из Индии в Германию снизился на 5%, а экспорт из Германии в Индию – на 10% по сравнению с 2019 годом. Однако обе страны сумели в рекордные сроки восстановить товарооборот. Так, в период с января по июль 2021 года экспорт из Германии в Индию вырос на 20%, а экспорт из Индии в Германию на 25 % [9].

В 2022 г. Германия заняла 9 место по объему инвестиций в индийскую экономику. Основными областями немецких инвестиций в Индии стали транспорт, электрооборудование и металлургическая промышленность, сфера услуг (страхование), химическая промышленность, строительство, торговля и автомобильная промышленность [10]. По данным на 2023 год, в Германии работает более 213 индийских компаний, которые задействованы главным образом в сфере торговли, инновационных разработок и услуг [11].

Несмотря на динамичное развитие индийско-германского экономического сотрудничества, Нью-Дели и Берлин так и не подписали двустороннее торговое соглашение. Рамки экономических отношений устанавливают такие концептуальные документы, как Дорожная карта ЕС-Индии до 2025 г., «Партнерство по связям» (2021 г.) и Индо-Тихоокеанская стратегия (2021). Все эти документы – свидетельство того, что ЕС и Германия стремятся к более тесному партнерству с Индией [10]. Заинтересованность Берлина в сотрудничестве с Нью-Дели подтверждает и тот факт, что в мае 2022 г. страны инициировали партнерскую программу до 2030 года на сумму в 10 млрд евро для укрепления финансового и технического сотрудничества в целях борьбы с изменением климата и достижения целей в области устойчивого развития. Не менее многообещающая возможность – возобновление после девятилетнего перерыва переговоров о всеобъемлющем соглашении о свободной торговле между ЕС и Индией [11].

Для немецкого бизнеса индийский рынок предлагает заманчивые перспективы в области цифровизации, сельского хозяйства, производства экологически чистой энергии, электронной мобильности, городского развития, «умных» городов и стартапов. Индия и Германия также согласовали

совместные разработки в области искусственного интеллекта и его применении в сфере устойчивого развития и здравоохранения [11].

Правительства обоих государств прилагают все усилия для экономического и инвестиционного сотрудничества. С целью стимулирования инвестиций Департамент содействия развитию промышленности и внутренней торговли в 2015 г. учредил механизм ускоренного доступа для немецких компаний на индийский рынок. В том же году была запущена программа Make in India Mittelstand (MIIM), которая упрощала выход на рынок для немецких предприятий малого и среднего бизнеса. В 2018 г. страны запустили совместную программу обмена стартапами (GINSEP) – некоммерческую платформу, созданную для развития индийско-германских экономических отношений в стартап-секторе [10].

В директивах федерального правительства 2020 г. и коалиционном соглашении 2021 г. подчеркивается важность укрепления отношений с Индией. Индия занимает центральное место в геополитических расчетах ЕС в контексте системного соперничества между Китаем и Соединенными Штатами. Она считается единственной страной, которая может уравновесить Китай в Индо-Тихоокеанском регионе [12].

В феврале 2023 года немецкая делегация во главе с канцлером Олафом Шольцем посетила Нью-Дели и подтвердила свою заинтересованность в подписании соглашения о свободной торговле между Индией и ЕС. Министр иностранных дел Германии Анналена Бербок, чья Партия зеленых настроена по отношению к Китаю особенно негативно, дважды посетила Индию и подчеркнула важность сотрудничества с ней как по экономическим вопросам, так и по вопросам безопасности [13].

Для Берлина быстрорастущая индийская экономика представляют огромный интерес. ФРГ озабочена перспективой впасть в экономическую зависимость от КНР: по данным общественного опроса 84% немцев желают урезать экономические связи с Китаем [13]. В сложившихся обстоятельствах партнерство с Индией – шанс усилить диверсификацию экспорта и импорта без ущерба экономическим интересам.

В области политики безопасности Берлин и Нью-Дели солидарны относительно геостратегических вызовов, особенно в отношении политики Китая в регионе. Визит фрегата «Бавария» в Мумбаи (январь 2022 г.) отразил тенденцию укрепления двухстороннего сотрудничества в области безопасности. Однако между странами существует целый ряд противоречий. В контексте своих территориальных конфликтов с Китаем и Пакистаном Индия настаивает на более тесном сотрудничестве в области политики вооружений, однако новое федеральное правительство объявило об ограничении их экспорта [12]. Правящие круги Индии и ФРГ по-разному представляют и демократический режим. В отчете Freedom House за 2021 г. отмечается, что правительство Нарендры Моди «ввергает страну в авторитаризм» [14]. Германская дипломатия относится к политике индуистского национализма весьма скептически. Помимо этого, Берлин выразил возмущение, когда на решающем голосовании в Совете Безопасности ООН

26 февраля 2022 г., а также при последующем голосовании в Генеральной Ассамблее ООН и Совете ООН по правам человека Индия воздержалась [15]. Германия осознает, что Индия и Россия давние партнеры, но все же осуждает Нью-Дели за стремление сохранить нейтралитет.

Таким образом, в годы холодной войны взаимодействие Индии с двумя германскими государствами ограничивалось торговыми, научными и культурными связями, однако в условиях постбиполярного мира Нью-Дели и Берлин приступили к активному развитию сотрудничества в сферах экономики и безопасности. В XXI век Индия и Германия вошли уже как стратегические партнеры. Практикуются ежегодные межправительственные консультации по вопросам политики в Восточной и Центральной Азии, всеобщего разоружения и нераспространения ядерного оружия. Важнейшая роль в индийско-германских отношениях отводится промышленному и техническому сотрудничеству, а также сотрудничеству в сфере экологии. Опытom развития зеленой экономики Нью-Дели и Берлин делятся в рамках Индийско-германского энергетического форума. Германия – самый важный торговый партнер Индии в Европе. Товарооборот между странами быстро оправился от пандемии и демонстрирует впечатляющие темпы роста. Индийские и немецкие предприятия реализуют ряд совместных проектов в сфере цифровизации, сельского хозяйства, производства экологически чистой энергии, электронной мобильности, городского развития, «умных» городов и стартапов. Индийское правительство всячески способствует этому, облегчив доступ немецких компаний на свой рынок – тому пример программа Make in India Mittelstand. Между Индией и Германией существуют определенные разногласия, мешающие в полной мере раскрыть потенциал данного сотрудничества: Германия осуждает тенденцию к авторитаризму в политике правящей партии Индии, а также стремление этого государства сохранить сотрудничество с Россией и оставаться на позиции нейтралитета относительно украинского кризиса.

Источники и литература

1. Indo-German relations: achievements and challenges in the 21st century [Electronic resource] – Special report. – Institute of Peace and Conflict Studies. – 01.07.2009. – Mode of access: http://www.ipcs.org/issue_select.php?recNo=283. – Date of access: 14.05.2023
2. Юрлов, Ф. Н. История Индии. XX век [Электронный ресурс] / Ф. Н. Юрлов // Институт востоковедения РАН. – 2010. – Режим доступа: <https://www.rulit.me/books/istoriya-indii-xx-vek-download-free226919.html>. – Дата доступа: 12.05.2023
3. Цвык, А. В. Концептуальные основы внешней политики ФРГ [Электронный ресурс] / А. В. Цвык // Среднерусский вестник общественных наук. – № 6. – 2015. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-vneshney-politiki-frg>. – Дата доступа: 14.05.2023
4. Ein strategischer Partner in Asien: 70 Jahre diplomatische Beziehungen mit Indien [Electronic resource] – Auswärtiges Amt. – 07.03.2021. – Mode of access: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/service/laender/indien-node/70-jahre-deutsch-indische-beziehungen/2445324>. – Date of access: 14.05.2023

5. Agenda für die deutsch-indische Partnerschaft im 21. Jahrhundert [Electronic resource] – Auswärtiges Amt.– 18.05.2000. – Mode of access: <https://www.auswaertiges-amt.de/blob/206094/ca4241f2ad0ef0529d7407f394a4054c/000518-agendastrategischepartnerschaft-data.pdf>. – Date of access: 14.05.2023
6. India-Germany Relations [Electronic resource] – Embassy of India in Berlin. – 2014. – Mode of access: https://www.mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/Germany_Dec2014.pdf. – Date of access: 14.05.2023
7. Mission of the Indo-German Energy Forum (IGEF) [Electronic resource] – Indo-German Energy Forum. – Mode of access: <https://www.energyforum.in/home/about/about-our-mission/>. – Date of access: 14.05.2023
8. Borchard, G. Wirtschaftstrends und Außenhandel [Electronic resource] / G. Borchard // Rhein-Neckar. – 2023. – Mode of access: <https://www.ihk.de/rhein-neckar/international/maerkte-international/indien/landes-wirtschaftsinformationen/wirtschaft-aussenhandel-indien-3167120>. – Date of access: 14.05.2023
9. Shiraishi, J-A. T. Indo-German Relations Through The Eyes Of New IGCC Head: Stefan Halusa [Electronic resource] / J-A. T. Shiraishi // India Week Hamburg. – Abteilung Internationale Zusammenarbeit. – Mode of access: <https://indiaweek.hamburg.de/blog/indo-german-relations-through-the-eyes-of-new-igcc-head-stefan-halusa-7666>. – Date of access: 14.05.2023
10. Bhardwaj, N. India-Germany Bilateral Trade and Investment Relations [Electronic resource] / N. Bhardwaj // India Briefing. – 03.05.2023. – Mode of access: <https://www.india-briefing.com/news/profiling-india-germany-trade-and-investment-relations-26995.html/>. – Date of access: 14.05.2023
11. India Germany Trade [Electronic resource] – India Brand Equity Foundation. – 2023. – Mode of access: <https://www.ibef.org/indian-exports/india-germany-trade#:~:text=The%20bilateral%20trade%20between%20the,months%20of%202021%20over%202020>. – Date of access: 14.05.2023
12. Wagner, C. Mehr Indien wagen: Dreieckskooperation als nächster Schritt der strategischen Partnerschaft [Electronic resource] / C. Wagner // Stiftung Wissenschaft und Politik. – 28.02.2022. – Mode of access: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2022A17/>. – Date of access: 14.05.2023
13. Malhotra, S., Srintharan, S. Germany needs to board the right train in Asia [Electronic resource] / S. Malhotra, S. Srintharan // ORF. – 06.05.2023. – Mode of access: <https://www.orfonline.org/expert-speak/germany-needs-to-board-the-right-train-in-asia/>. – Date of access: 14.05.2023
14. Repucci, S., Slipowitz, A. Freedom in the World 2021 Democracy under Siege [Electronic resource] / S. Ripucci, A. Slipowitz // Freedom House. – Mode of access: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2021/democracy-under-siege>. – Date of access: 14.05.2023
15. Stiebitz, V. A. Das schwierige Verhältnis zwischen Indien und Europa [Electronic resource] / V. A. Stiebitz // Deutschlandfunk. – 08.06.2022. – Mode of access: <https://www.deutschlandfunk.de/indien-europa-annaeherung-100.html>. – Date of access: 14.05.2023

НЕМЕЦКАЯ ДИАСПОРА В БРАЗИЛИИ: ФОРМИРОВАНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

С.Ф. Свилас, К.И. Ткачук, г. Минск (Республика Беларусь)

В статье рассмотрены причины, ход и особенности немецкой иммиграции в Бразилию, усилия переселенцев по сохранению своей национальной идентичности и трудности на этом пути, особенно ощутимые в «эру Варгаса». Подчеркнуто значение открытия Института имени Гете в Сан-Паулу как важного этапа в «реанимации» немецкого языка, раскрыты основные направления, формы и специфика деятельности этой структуры в стране, дана оценка вклада Института в развитие образовательного диалога и культурного обмена между Бразилией и Германией.

Ключевые слова: немецкая иммиграция в Бразилию; национальная идентичность; культурная дипломатия; бразильско-германские культурные связи; Гёте-Институт.

Немецкая иммиграция в Бразилию началась в 1824 году, когда правительство этой латиноамериканской страны подписало соглашение с рядом германских государств с целью ускорения процесса колонизации южных регионов страны, которые нуждались в трудовых ресурсах для развития сельского хозяйства и других отраслей экономики. В соответствии с программой, иммигранты в основном направлялись в штаты Сан-Паулу, Санта-Катарина, Парана и Рио-Гранде-ду-Сул [8].

Одной из основных причин немецкой иммиграции в Бразилию было слабое экономическое развитие германских государств в первой половине XIX века, что приводило к нехватке рабочих мест и стабильного дохода. Важной причиной выезда стала социальная и политическая нестабильность: войны, революции, националистические движения, которые вызывали ощущение нестабильности жизни, особенно у молодежи. Некоторые немецкие иммигранты были привлечены обещаниями земли и возможностью начать новую жизнь в отдаленных, свободных от чрезмерной регламентации местах. Они внесли свой вклад в экономическое и социальное развитие страны. С другой стороны, правительство Бразилии, получившей независимость в 1822 году, проводило активную политику привлечения иммигрантов для развития экономики [3].

Немцы были среди национальностей, которым в наибольшей степени удалось сохранить свою культуру в Бразилии. Из-за их проживания в регионах с трудным доступом, особенно в южных штатах, удалось создать несколько преимущественно германских колоний. Одной из наиболее важных форм сохранения культурной идентичности стало создание немецких школ и немецкоязычной прессы.

Немецкие иммигранты, прибывшие в Южную Бразилию в XIX веке, представляли неоднородную группу, поскольку являлись выходцами не только из различных регионов Германии, но и из Швейцарии и Австрии. Среди иммигрантов были пруссаки, померанцы, австрийцы, швейцарцы, рейнландцы, баварцы и т. д. Соответственно, эти группы принесли

в Бразилию свои региональные диалекты. Германия была объединена только в 1871 году, и «стандартный» немецкий язык, существующий сегодня, не получил распространения, считался языком перевода Мартином Лютером Библии (XVI век). Немцы в повседневной жизни использовали для общения различные региональные диалекты [1].

Бразильское правительство не оказывало иммигрантам необходимой помощи, поэтому им пришлось самим строить свои школы, церкви и создавать социальную структуру. Правительство не предоставляло немцам государственных школ в колониях для изучения португальского языка: в XIX веке образование не было приоритетным направлением государственной политики. С другой стороны, в Германии базовое образование было обязательным, и немцы перенесли это в Бразилию. В немецких общинах неграмотность была практически нулевой, в то время как в остальной Бразилии неграмотными были примерно 80% населения. Для обучения своих детей немецким иммигрантам пришлось создавать собственные школы, в которых преподавали стандартный немецкий язык, хотя дома и на улице немцы говорили на своих региональных диалектах.

1930-1945 гг. вошли в историю Бразилии как «эра Варгаса». В 1937 году Ж. Варгас распустил парламент и в течение восьми лет правил как диктатор. На тот момент в Бразилии насчитывалось 1 579 немецких, 396 итальянских, 349 польских и 178 японских школ. В 1938 году все они были закрыты, а иностранцам запрещалось заниматься бизнесом; вводился также запрет на публичное общение на немецком языке. В это время Бразилия переживала экономический кризис и социальные потрясения, которые привели к ухудшению условий жизни и образования [7].

Таким образом, иностранный язык, преподававшийся в большинстве школ страны, был в одночасье запрещен, газеты закрыты, книги конфискованы, начались аресты и интернирование. Опасаясь репрессий, многие родители не отправляли своих детей изучать немецкий язык. Возник конфликт поколений, который ощущается и сегодня.

После окончания Второй мировой войны и падения диктаторского режима в 1945 году Бразилия открылась для международного сообщества, начала стремительно развиваться в экономическом и культурном плане. Немецкий язык, однако, не стал популярным среди молодого поколения, которое забыло о национальных и культурных связях с Германией.

Важным этапом в «реанимации» немецкого языка стало открытие Гёте-Института (1963 г., Сан-Паулу). В 1960-х гг. институт приступил к проведению учебных курсов для преподавателей бразильских школ, чтобы рассказать им о жизни и творчестве Гёте и популяризировать его идеи среди молодежи. Первыми мероприятиями института стали показы фильмов таких режиссеров, как Р. В. Фасбиндер и Вернер Херцог, – «икон» немецкого кино [9].

В настоящее время в Бразилии работают пять отделений Гёте-Института (в Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро, Куритибе, Порту-Алегри и Салвадоре). В стране также имеется один Центр Гете, шесть культурных обществ и 18 партнерских экзаменационных центров [10].

Гёте-Институт предлагает широкий спектр курсов немецкого языка в своих отделениях по всей Бразилии, где можно сдать ряд международно признаваемых экзаменов (TestDaF и Goethe-Zertifikat).

В Гёте-Институте действует программа DLL (дистанционного обучения) для студентов, которые не могут посещать университет из-за особенностей проживания или других обстоятельств. Эта программа предоставляет уникальную возможность для студентов получить качественное образование из своего дома или офиса, обеспечивая доступ к видеоурокам, лекциям и другим материалам.

В программе принимают участие профессиональные преподаватели, которые обеспечивают высокий уровень обучения. Студенты могут связываться с преподавателями через онлайн-форумы и электронную почту, чтобы получить дополнительную помощь и поддержку. Программа DLL предоставляет студентам возможность получить квалификацию в различных областях, включая бизнес, право, маркетинг, технологии и многое другое [4].

Инициатива, в которой Гёте-Институт играет ключевую роль, называется «Школы: партнерство во имя будущего» (PASCH). В 2008 году Федеральное министерство иностранных дел Федеративной Республики Германия выступило с этой инициативой, которая укрепляет и активизирует контакты во всемирной сети из 1500 школ-партнеров, характеризующихся тесной связью с Германией. Цель инициативы – пробудить у молодых людей устойчивый интерес к современной Германии, ее обществу и языку. Гёте-Институт финансирует 23 школы PASCH по всей Бразилии. Он предлагает учителям курсы повышения квалификации по методологии и дидактике, развитию языка и современные мультимедийные учебные материалы. В рамках этой инициативы институт также направляет экспертов для наблюдения за преподаванием в таких партнерских школах. В рамках инициативы PASCH Гёте-Институт сотрудничает с бразильскими школами, где преподают немецкий язык, предоставляя им методическую поддержку, возможности обучения и обмена опытом. Бразильские учителя могут посещать семинары и курсы повышения квалификации [5].

Гёте-Институт не только занимается преподаванием немецкого языка и организацией экзаменов, но и способствует международному культурному обмену, проводя множество культурных и научных мероприятий совместно со своими бразильскими партнерами.

В жизни бразильцев большую роль играет спорт, в частности, футбол – национальное развлечение в Бразилии и одновременно актуальная тема для таких дискуссий, как «футбол в литературе и кино», «футбол и музыка», «футбол и дети».

Гёте-Институт в Сан-Паулу, как и другие офисы организации, имеет фильмотеку из 600 немецких документальных и художественных фильмов. Коллекция варьируется от классики экспрессионизма до новейшего немецкого кинематографа, с субтитрами на португальском языке. Публика также может получить доступ к синопсисам фильмов и техническим данным (рейтинг, режиссура, год производства, тема и т. д.) на

нескольких языках. Фильмы предоставляются бесплатно для проведения мероприятий и в образовательных целях [6].

Институт также регулярно проводит выставки, посвященные немецкому искусству и культуре, которые проходят в различных городах Бразилии и предоставляют уникальную возможность познакомиться с произведениями искусства, которые не так часто можно увидеть в Южной Америке. Он имеет богатую библиотеку и предоставляет информацию о текущих культурных, социальных и политических тенденциях в Германии, а также обширную печатную, аудиовизуальную и мультимедийную документальную коллекцию всем тем, кто интересуется Германией и намерен изучать или преподавать немецкий язык [2].

Таким образом, немецкая иммиграция в Бразилию была важным историческим событием, которое оказало значительное влияние на экономику, культуру и общество этой страны. Немецкие иммигранты внесли заметный вклад в развитие земледелия, лесной и текстильной промышленности, а также в строительство железных дорог.

Немецкий язык распространяется в XIX веке, с начала переселения немецких иммигрантов в различные регионы Бразилии. По последним данным, около 3 млн человек разговаривают на нем. Есть множество школ и университетов, которые предлагают курсы немецкого языка. Основным учреждением, распространяющим немецкий язык и немецкую культуру, является Гёте-Институт. Его деятельность направлена на проведение конференций, выставок, концертов и лекций о культуре и истории Германии. Институт также поддерживает связи между учеными и культурными деятелями двух стран, способствуя развитию двухстороннего культурного сотрудничества.

Гёте-Институт вносит чрезвычайно ценный вклад в продвижение немецкого языка и культуры своими интенсивными и долгосрочными инициативами, являясь катализатором дальнейшего углубления и без того плодотворных германо-бразильских отношений.

По разным оценкам, в Бразилии насчитывается 2–5 млн немцев, из них не более 900 тыс. владеют языком своих предков. Немецкий язык в Бразилии все еще уступает английскому, испанскому и французскому в списке самых популярных языков, однако инициативы Гёте-Института способствуют повышению мотивации бразильцев, особенно молодых, к изучению языка и его использованию как в личных, так и в деловых целях.

Источники и литература

1. A contribuição alemã para a formação da cultura brasileira [Recurso Eletrônico] // Instituto Brasileiro de Geografia e Estatística. – Modo de acesso: <https://brasil500anos.ibge.gov.br/territorio-brasileiro-e-povoamento/alemaes/a-contribuicao-alema-para-a-formacao-da-cultura-brasileira.html>. – Data de acesso: 13.04.2023.
2. Biblioteca [Recurso Eletrônico] // Goethe-Institut. – Modo de acesso: <https://www.goethe.de/ins/br/pt/sta/rio/bib.html>. – Data de acesso: 13.04.2023.
3. Condições de emigração [Recurso Eletrônico] // Instituto Brasileiro de Geografia e Estatística. – Modo de acesso: <https://brasil500anos.ibge.gov.br/territorio-brasileiro-e-povoamento/alemaes/condicoes-de-emigracao>. – Data de acesso: 13.04.2023.

4. DLL-Cooperação Universitária no Brasil [Recurso Eletrônico] // Goethe-Institut. – Modo de acesso: <https://www.goethe.de/ins/br/pt/spr/eng/cud.html>. – Data de acesso: 13.04.2023.
5. Escolas PASCH [Recurso Eletrônico] // Goethe-Institut. – Modo de acesso: <https://www.goethe.de/ins/br/pt/spr/eng/pas/sch.html>. – Data de acesso: 13.04.2023.
6. Filmoteca [Recurso Eletrônico] // Goethe-Institut. – Modo de acesso: <https://www.goethe.de/ins/br/pt/kul/ser/flm.cfm>. – Data de acesso: 13.04.2023.
7. Getúlio Vargas [Recurso Eletrônico] // Mundo educação. – Modo de acesso: <https://mundoeducacao.uol.com.br/biografias/getulio-vargas.htm>. – Data de acesso: 13.04.2023.
8. Imigração alemã: formação de uma comunidade teuto-brasileira [Recurso Eletrônico] // Instituto Brasileiro de Geografia e Estatística. – Modo de acesso: <https://brasil500anos.ibge.gov.br/territorio-brasileiro-e-povoamento/alemaes.html>. – Data de acesso: 13.04.2023.
9. O Espaço Alemão em São Paulo – O Goethe-Institut [Recurso Eletrônico] // São In Foco Paulo. – Modo de acesso: <https://www.saopauloinfoco.com.br/goethe-institut/>. – Data de acesso: 13.04.2023.
10. Tarefas e objetivos [Recurso Eletrônico] // Goethe-Institut. – Modo de acesso: <https://www.goethe.de/ins/br/pt/ueb/auf.html>. – Data de acesso: 13.04.2023.

НОВЫЕ ИДЕИ СДПГ В ПОЛИТИКЕ БЕЗОПАСНОСТИ И ОБОРОНЫ

А. А. Сундеев, г. Москва (Российская Федерация)

Цель статьи зафиксировать идейные направления пересмотра политики безопасности и обороны в Социал-демократической партии Германии (СДПГ) и оценить возможности позитивного влияния на перспективы посткризисного сотрудничества между РФ и ФРГ. В статье отмечается незавершённость мировоззренческого поиска и содержательная открытость большинства обсуждаемых идей, представлен временный компромисс среди социал-демократов и подчёркивается необходимость рассматривать политику безопасности в контексте будущей модели глобализации. Автор полагает, что СДПГ не откажется от пацифистских идей и предлагает активизировать обсуждение будущих «европейских идей» в различных экспертных форматах.

Ключевые слова: безопасность, политика безопасности, политика мира, формирование политики безопасности, подходы к формированию политики безопасности, СДПГ.

Введение. Трансформация системы международных отношений определяет *актуальность* углублённого изучения политических взглядов региональных элит. В силу пяти причин Федеративной Республике Германия и Социал-демократической партии Германии (СДПГ) необходимо уделить в этом процессе особое внимание.

Во-первых, территориальная близость Российской Федерации и ФРГ. Во-вторых, исторические связи между обеими странами. Достаточно вспомнить, что В. Брандт был канцлером, председателем СДПГ и

инициатором «восточной политики», реализация которой в период холодной войны привела к сближению СССР и ФРГ, способствовала разрядке в Европе [8]. В-третьих, традиционная ориентация СДПГ на комплексную, не ограничивающуюся исключительно военными элементами, безопасность. В-четвертых, особая историческая ответственность Германии за развязывание Второй мировой войны и последствия нацистских преступлений. В-пятых, начавшийся пересмотр основополагающих идей политики безопасности и обороны ФРГ. Одной из вех данного пересмотра стали заявление канцлера О. Шольца (СДПГ) от 27 февраля 2022 г. о «новой эре в истории [Европейского] континента»¹ и обнародование им решения выделить 100 млрд евро на модернизацию бундесвера².

Исходя из этого, *исследовательская проблема* заключается в том, чтобы зафиксировать новые идейные направления пересмотра политики безопасности и обороны в СДПГ и оценить, с учётом всей неоднозначности изученного проблемного комплекса, возможности позитивного влияния на перспективы посткризисного сотрудничества между РФ и ФРГ³. Последнее уточнение обуславливает практическую значимость статьи [Ср.: 2; 13; 12: 351-372; 15; 11].

Поскольку изменения и поиск нового ещё не завершены, под новыми в статье понимаются высказанные в 2022 – начале 2023 г. идеи. Автору было важно проанализировать, систематизировать и охарактеризовать их. Он не ставил задачу определить степень новизны. Исходная исследовательская гипотеза состояла в наличии взаимосвязи между текущими представлениями о новом и ожидаемым результатом.

Материалы и методы. В указанных хронологических рамках были отобраны и проанализированы все опубликованные официальные материалы СДПГ, касающиеся предмета статьи. Непосредственно в статье даны ссылки на двенадцать документов. Пик осмысления проблематики социал-демократами пришёлся на осень 2022 г. Это объясняется интенсивной работой Министерства иностранных дел ФРГ, возглавляемого А. Бербок (партия «зеленые») над «Национальной стратегией безопасности». СДПГ было важно внести свой вклад в «Стратегию». Запоздалое осмысление политики безопасности и обороны свидетельствует также о сложной закулисной работе, о которой пока известно крайне мало.

Представленные в ссылках источники были проанализированы с помощью дискурс-анализа. Это позволило выявить основные аргументационные линии и идеи, сопоставить их и решить заявленную исследовательскую проблему. Полученный результат следует рассматривать в качестве промежуточного. Именно промежуточный характер идейных направлений пересмотра политики безопасности и обороны в Социал-демократической

¹Deutscher Bundestag. – 20. Wahlperiode – 19. Sitzung. Berlin, Sonntag, den 27. Februar 2022. S. 1350.

²Ibid. S. 1352.

³По «программам будущего» см.: Синдеев А.А. Германия и трансформационные процессы в сфере безопасности: «программа будущего» А. Бербок // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 12. С. 13-16. DOI: <https://doi.org/10.24158/pep.2022.12.1>.

партии Германии предоставляет возможность воздействовать на происходящие незавершённые процессы. Тем более многие механизмы обеспечения и поддержания единства коллективного Запада демонстрируют исторический континуитет. С учётом данного уточнения полученный результат следует включать в предложенные автором гипотезы и направления исследования трансатлантического единства⁴.

Автор не использовал в статье выступления и интервью канцлера О. Шольца, поскольку их анализ целесообразно проводить при изучении взаимодействия франко-германского тандема⁵.

Интерпретационный потенциал нового. Несмотря на провозглашённую в феврале 2022 г. О. Шольцом «новую эру», сопредседатель СДПГ Л. Клингбайль только 18 октября упомянул о необходимости «нести ответственность за оформление нового»⁶. 21 июня 2022 г. он размышлял лишь над тем, что глобализирующий по-новому «мир будет организован <...> с помощью центров», движущимися силами в которых станут «убеждения и интересы»⁷. Рано или поздно центры начнут «работать в одном направлении». В июне Л. Клингбайль назвал и «самый главный социал-демократический проект во внешней политике и в политике безопасности»: «раскрыть связующую силу, выковать новые политические альянсы, заключить партнёрские соглашения, предложить открытые структуры»⁸. В случае с «открытыми структурами» речь шла о доступных для присоединения «стратегических партнёрствах»⁹, а также о неких «умных культурах управления»¹⁰.

⁴Подробнее см.: Синдеев А.А. Трансформации Трансатлантического сотрудничества: подход США и ФРГ к единству в НАТО (1981 г.) // США & Канада: экономика – политика – культура. 2022. № 9. С. 65-78. DOI: 10.31857/S2686673022090048.

⁵См. статьи автора в соавторстве с Ю.И. Рубинским, приведённые далее в хронологическом порядке: Рубинский Ю.И., Синдеев А.А. От Елисейского к Ахенскому договору // Современная Европа. 2019. № 2. С. 18-26. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220195362>; Рубинский Ю.И., Синдеев А.А. Франко-германский тандем в контексте евровыборов // Современная Европа. 2019. № 3. С. 53-61. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320195361>; Рубинский Ю.И., Синдеев А.А. Макрон и Крамп-Карренбауэр: франко-германский диалог о будущем Европы // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2019. № 2. С. 20-25. <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran220192025>; Рубинский Ю.И., Синдеев А.А. Франко-германский тандем перед лицом коронавируса // Современная Европа. 2020. № 4. С. 16-24. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420201624>; Рубинский Ю.И., Синдеев А.А. Франко-германский тандем: настройка на будущее // Аналитические записки Института Европы РАН. 2022. Вып. IV. № 29 (№ 296). С. 52-58. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics42920225258>.

⁶Zeitenwende: Sicherheit und Frieden in Europa (Rede Lars Klingbeil, zur Veranstaltung der SPD am 18.10.2022). URL: <https://www.spd.de/aktuelles/detail/news/zeitenwende-sicherheit-und-frieden-in-europa/19/10/2022/> (дата обращения: 10.11. 2022).

⁷Rede Lars Klingbeil, FES-Tiergartenkonferenz 2022: «Zeitenwende – der Beginn einer neuen Ära» (Die Sozialdemokratie hat die Chance, Europa zu prägen). URL: <https://www.vorwaerts.de/artikel/sozialdemokratie-hat-chance-europa-praegen> (дата обращения: 08.11. 2022).

⁸Ibid.

⁹18 октября появилось дополнение: «для того, чтобы укрепить мультилатерализм». «Альянс для защиты мультилатерализма» Х. Мааса не был упомянут (об этом альянсе см.: Синдеев А.А. Германия и трансформационные процессы в сфере безопасности: подход Хайко Мааса // Общество: политика, экономика, право. 2019. № 4. С. 12–15).

¹⁰Rede Lars Klingbeil, FES Tiergartenkonferenz 2022...

В отличие от разноплановых *ad hoc* альянсов, партнёрств и союзов «культуры управления» представляют пока незначительный исследовательский интерес, поскольку даже применительно к западному центру, территории практического приложения культур, сохраняется неясность¹¹. С одной стороны, Л. Клингбайль традиционно выступил за стратегическую автономию Евросоюза [9], в котором «[к]ритические товары и инфраструктура должны <...> производиться и поддерживаться <...> в Европе»¹²; с другой стороны – предложил смотреть на Запад как на единое образование, что, в контексте названных им стран-членов¹³, возможных средств сплочения, максимально быстрого расширения Евросоюза за счёт Балкан, отсутствия общего позитивного проекта для всего Запада, заставляет усомниться в продуманности высказанных мыслей [Ср.: 14: 139-188].

В узком понимании безопасности «оформление нового» свелось у Л. Клингбайля к признанию ошибок¹⁴, к «организации безопасности от России»¹⁵, к работе над новым бундесвером, к попытке утвердить представление о том, что в рамках политики мира «военная сила [может] считаться легитимным средством»¹⁶, а также к готовности в будущем как-то договариваться с Россией¹⁷.

13 сентября 2022 г. министр обороны ФРГ К. Ламбрехт (СДПГ)¹⁸ раскрыла свое видение новой ответственности. По мнению К. Ламбрехт, «масштабы Германии, её географическое положение, её экономическая сила <...> делают [страну] ведущей державой <...> и в военной сфере»¹⁹. С точки зрения министра, Соединённые Штаты должны остаться «незаменимыми»²⁰, а НАТО – «главной опорой <...> безопасности» [см. в этом контексте: 4]. Государствам ЕС предстоит самостоятельно «развивать

¹¹Другая причина – неочевидность отличий между «руководством» и «стилем руководства» в открытом дискурсе: «Руководство означает осознать свою роль. Не уклоняться, объединять других. Никогда не действовать высокомерно, действовать продуманно, убежденно и целенаправленно. Кооперативный стиль руководства – умный стиль руководства» (Rede Lars Klingbeil, FES Tiergartenkonferenz 2022...).

¹²Ibid.

¹³«Чрезвычайно важно, чтобы мы на Западе были едины: *центр* (здесь и далее выделено нами. – А.С.) – сильная Европа, но в тесном контакте с США, Соединенным Королевством, Австралией, Японией и *другими*» (Ibid).

¹⁴Вот примерный перечень «ошибок»: «Германию и Россию связывает особая история <...> Изменение через сближение <...> Германия своей энергетической политикой сделала себя зависимой от России <...> мы недостаточно учитывали интересы и перспективы наших восточноевропейских и центрально-европейских партнеров» (Zeitenwende: Sicherheit und Frieden in Europa...).

¹⁵См. в этом контексте на первый взгляд отпугивающую установку: «До тех пор, пока в России ничего фундаментально не изменится, Россия не может быть серьезным партнером» (Ibid).

¹⁶Rede Lars Klingbeil, FES-Tiergartenkonferenz 2022... 18 октября 2022 г. «легитимность» исчезла.

¹⁷Пока с оговоркой, «что слишком рано детализировать принципиальную политику в отношении России» (Zeitenwende: Sicherheit und Frieden in Europa...).

¹⁸Ушла в отставку 16 января 2023 г.

¹⁹Grundsatzrede zur kommenden Nationalen Sicherheitsstrategie der Verteidigungsministerin Christine Lambrecht am 12. September 2022. URL: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/grundsatzrede-zur-sicherheitsstrategie-5494864> (дата обращения: 13.11. 2022).

²⁰Из речи К. Ламбрехт: «Германия и европейцы зависят от мирового порядка, который они не могут гарантировать единолично. Безопасность гарантируется нашим важнейшим союзником – Соединёнными Штатами» (Ibid).

компетенции <...>, которые сделают их сильнее, пригоднее к операциям и более заслуживающими доверия»²¹.

Складывается впечатление, что федеральное правительство (либо под давлением Франции, либо просто из-за нежелания лишней раз провоцировать французского партнёра) не собирается отказываться от поддержки самостоятельных инициатив ЕС в сфере обороны и безопасности, но при этом не планирует начинать активную работу над ними²². Для коалиционного правительства О. Шольца приоритетно совершенствование альянса [см. подробнее о роли НАТО: 5; 7].

Не исключено, что с точки зрения *сроков и перспектив реализации* проанализированное выше может оказаться лишь фоном для ускоренной модернизации бундесвера. Конечная картина модернизации и её эффективность пока туманны. Кроме того, из-за контурности представленного возникают сомнения относительно выверенности и согласованности среднесрочных и долгосрочных планов «новой эры». Если модернизация бундесвера призвана служить «безопасности от России», то какова итоговая сумма обеспечения такой безопасности в НАТО и в ЕС, включая дальнейшую плановую модернизацию. Если модернизация должна гарантировать безопасность Запада (западного центра глобализации), то будут ли достаточными утверждённые бундестагом 100 млрд евро и возвращение к «базовой задаче» – защите территории²³.

Не рассматривают ли в бундесвере модернизацию в качестве шанса устранить проблемы, возникшие из-за недофинансирования в прошлом? Насколько подобная модернизация окажется действительно необходимой в мире, построенном «с помощью центров»? Не противоречат ли друг другу модернизация, повышение роли бундесвера в НАТО, «задача <...> вырабатывать общие интересы на международном уровне»²⁴ и стремление «играть весомую роль [в том, чтобы] создать новый мирный порядок в Европе и поддерживать основанный на правилах порядок в трансформирующемся мире»²⁵

Допустима и иная трактовка. В рамках правительственного участия СДПГ приходится выступать за выполнение обязательств Германии в НАТО и в ЕС, а внутри партии продолжать обсуждение и ратовать за широкое понимание безопасности. Этим, наверняка, объясняются крайне размытое содержание «самого главного социал-демократического проекта во внешней политике и в политике безопасности», соединение внешней политики и безопасности.

²¹Ibid.

²²Вне сомнения, правительство ФРГ понимает сложность одновременной работы по обоим направлениям. Поэтому позднее в кругах социал-демократов появилась следующая иерархия: «укрепить европейскую опору в НАТО и расширить военные возможности и компетенции ЕС».

²³Об относительности выбранной цифры свидетельствует требование выделить 300 млрд евро на модернизацию бундесвера, озвученное членом СДПГ, уполномоченной бундестага по делам бундесвера.

²⁴Zeitenwende: Sicherheit und Frieden in Europa...

²⁵Ibid.

Компромисс 2022 г. В ноябре 2022 г. социал-демократами было принято промежуточное компромиссное решение²⁶. Интересным в нем является включение в политику обеспечения мира «военных союзов и стратегических альянсов», которые якобы должны помочь «выступить <...> с позиции силы за мир и права человека» и сохранить «ранее наработанное». Под «ранее наработанным» понимается «взаимодействие <...> дипломатии, политик развития и безопасности, поддерживаемых международными соглашениями и инициативами по разоружению, а также международным правом, сотрудничеством в области развития и мультилатерализмом». Очевидно, что из подобного масштабного взаимодействия Россию не удастся исключить ни с помощью «ценностного подхода»²⁷, ни с помощью «военных союзов и стратегических альянсов».

Несмотря на модернизацию бундесвера, «новый мирный порядок» и факторы, о которых говорил Л. Клингбайль, политике безопасности и обороны пока принадлежит отнюдь не главная роль, поскольку «экономике нужны более широкие и устойчивые сети снабжения», а Германия «сможет» уверенно вести переговоры [только], если разрушенные цепочки поставок не парализуют экономику» страны.

Ноябрьское решение СДПГ позволяет предположить, что Федеративной Республике придется сначала приняться за решение национальных проблем, в частности за обеспечение «более широких и устойчивых сетей снабжения»²⁸. Утверждение в роли лидера будет перенесено. Это утверждение (за исключением выделения дополнительных средств на политику развития и гуманитарную помощь) при правительстве О. Шольца, по всей видимости, не состоится.

Идейный плюрализм. Под видом обсуждения будущей «Стратегии национальной безопасности» руководство СДПГ попыталось защитить себя и сформировать своего рода идейный багаж, на основе которого оно смогло бы вариативно действовать в зависимости от складывающейся ситуации. Впервые в СДПГ были обнародованы дискуссионные документы, посвященные текущему состоянию обсуждения. Часть из них (кстати, наиболее радикальная) появилась после обращения за консультацией к представителям научного сообщества.

С. Фишер из Фонда «Наука и политика» полагает, что в настоящее время «самая важная предпосылка безопасности и стабильности – это больше не взаимопонимание с Россией, а эффективная интеграция»²⁹ Украины, Молдавии и Грузии в западные структуры, а также устранение Российской Федерации от урегулирования конфликтов на постсоветском

²⁶Цитаты в подразделе по: Ein Jahrzehnt des Aufbruchs: Ein Jahrzehnt der sozialen Demokratie. Unsere Missionen für eine gerechte Transformation. Berlin: SPD-Parteivorstand, 2022. S. 9-11.

²⁷Из решения: «Права человека и защита окружающей среды не могут быть для нас предметом переговоров» (Ibid. S. 11).

²⁸Вспомним самостоятельный (без участия французского президента) визит канцлера О. Шольца в Пекин в 2022 г.

²⁹Fischer S. Eine neue Ost-Europapolitik für Deutschland. URL: https://debattenkonvent.spd.de/fileadmin/debattenkonvent_2022/Impulse/Zeitenwende/Fischer_neue_Osteuropa_Politik.pdf (дата обращения: 09.11. 2022).

пространстве, иными словами – максимальное вытеснение с постсоветского пространства. В «новой восточной политике» С. Фишер рекомендует сделать ставку на «сдерживание» и «эскалационный менеджмент»³⁰, поскольку «агрессивная империалистическая внешняя политика России детерминирована преимущественно внутриполитически[ми факторами]»³¹.

Профессор А.-К. Хорнидге, наоборот, вписывает украинский кризис в глобализационные процессы и указывает на то, что «новую эру нужно понимать глобально»³². Настоящей задачей для СДПГ, с её точки зрения, должно стать соединение «мира и будущего», повышение роли ЕС «в многосторонних форумах и организациях»³³ [см. о субъектности Евросоюза: 1].

Т. Фоглер, член правления Немецкого общества Объединённых Наций, призвал к строительству «безопасности в широком смысле» с «сильн[ой] и дееспособн[ой]» ООН³⁴. Для него лидерство Германии заключается в лучшем финансировании ООН, в привязке выделяемых двух процентов на оборону с одним процентом ВВП на политику развития и дипломатию [ср.: 10: 17-32].

Комиссия по ценностям правления СДПГ представила вся возможную идейную палитру: *от* поддержки «цели основанного на правилах многостороннего порядка и усиления Объединённых Наций», предотвращения (вследствие украинского кризиса) «образования блоков» *до* обеспечения «односторонней заикленностью на военную безопасность и её финансирование за счет <...> целей безопасности человека» и угроз, связанных с подталкиванием Китая (главного противника на глобальной арене) «к более тесному союзу с Россией»³⁵.

Члены «Кружка Э. Эпплера» напомнили о том, что «самой важной целью социал-демократической политики» являются «мир и справедливость», а партия должна «четко показать, что мир между этносами и нациями невозможен, в виду экологических кризисов в мировом масштабе, без мира с природой»³⁶. В этом и состоит, по их мнению, ответственность социал-демократов.

Два варианта «общего знаменателя». В начале 2023 г. потребовалось привести обнародованные идеи к «общему знаменателю».

³⁰Она настаивает на том, чтобы «полностью вычеркнуть из употребления понятие "диалог"».

³¹Fischer S. Eine neue Ost-Europapolitik für Deutschland...

³²Hornidge A.-K. Deutschland und Europa brauchen eine Kooperationsstrategie für das globale Gemeinwohl: europäisch – kooperativ – sozial – transformativ – demokratisch. URL: https://debattenkonvent.spd.de/fileadmin/debattenkonvent_2022/Impulse/Zeitenwende/Deutschland_und_Europa_brauchen_eine_Kooperationsstrategie_fuer_das_globale_Gemeinwohl.pdf (дата обращения: 07.11. 2022).

³³Ibid.

³⁴Vogler T. Die Vereinten Nationen in Zentrum der Zeitenwende. URL: https://debattenkonvent.spd.de/fileadmin/debattenkonvent_2022/Impulse/Zeitenwende/Die_Vereinten_Nationen_im_Zentrum_der_Zeitenwende.pdf (дата обращения: 07.11. 2022).

³⁵Grundwertekommission beim SPD-Parteivorstand. Europa stärken, globale Partnerschaften gewinnen. URL: https://debattenkonvent.spd.de/fileadmin/debattenkonvent_2022/Impulse/Zeitenwende/Europa_staerken_globale_Partnerschaften_gewinnen.pdf (дата обращения: 08.11. 2022).

³⁶Erhard-Eppler-Kreis. Frieden auf der Erde – Frieden mit der Erde. URL: https://debattenkonvent.spd.de/fileadmin/debattenkonvent_2022/Impulse/Zeitenwende/Frieden_auf_der_Erde_-_Frieden_mit_der_Erde.pdf (дата обращения: 08.11. 2022).

В ходе исследования выявлены два текущих варианта «общего знаменателя». Первый вариант был выработан фракцией СДПГ в бундестаге³⁷. Депутаты согласились с тем, что *основной* конфликт в мире заключается не в украинском кризисе, а в конкуренции между «моделью демократического правового государства, которое защищает универсальные права человека в свободной и социальной экономике» и «китайской моделью авторитарного государственного капитализма, релятивирующего универсальные права человека».

В связи с этим Германии и ЕС предстоит перейти на принцип «ценностно-ориентированного прагматизма», настроиться на «различные уровни кооперации»³⁸, «сдела[ть] убежденным Китаем странам и регионам альтернативные и привлекательные предложения о сотрудничестве», сформировать равноправные и взаимовыгодные «глобальные и солидарные ответственные партнёрства». Применительно к трансатлантическому партнёрству восторжествовала уверенность, что «[а]мериканская гарантия безопасности для Германии и Европы будет более устойчивой, если ЕС возьмёт на себя больше ответственности <...> в политике безопасности»³⁹. Последнее предполагает создание системы сдерживания и сохранение «диалоговых и институциональных форматов» деэскалации.

Второй вариант «общего знаменателя» – это вариант Комиссии по международной политике СДПГ⁴⁰. Оценка ситуации в нём отличается: мир, по мнению членов Комиссии, переживает не конкуренцию моделей, а находится «в начале многополярного века», в котором для относительно мирного сосуществования и развития нужен «основанный на правилах международный порядок». Эффективное влияние на утверждение данного порядка предполагает инвестиции «в собственную безопасность», разнообразные стратегические партнёрства, «конкретную кооперацию» и стратегическое мышление⁴¹. Особенностью варианта стало признание «альтернатив западной модели развития». Во втором варианте конкретизируется геополитическая акторность ЕС. Речь идёт, например, о «скоординированных оборонных расходах» государств-участников и о Европейском совете обороны.

Принципиально важно то, что Германия не собирается единолично брать на себя лидерство и ответственность, поскольку «[к]ооперативный стиль руководства – это современный стиль руководства», а сложность кризисов не позволяет ни одной стране разрешать их самостоятельно.

³⁷Цит. из первого варианта: Positionspapier der SPD-Bundestagsfraktion «Sozialdemokratische internationale Politik in der Zeitenwende». URL: <https://www.spdfraktion.de/system/files/documents/position-zeitenwende-internationale-politik.pdf> (дата обращения: 15.01. 2023).

³⁸Имеются в виду прежде всего «прогрессивными правительствами Африки, Азии и Латинской Америки».

³⁹Схожая формулировка встречается и во втором варианте.

⁴⁰Участие в работе принимали представители Ведомства федерального канцлера. Цит. из второго варианта: «Sozialdemokratische Antworten auf eine Welt im Umbruch». Berlin. 20.01.2023. URL: <https://www.spd.de/aktuelles/detail/news/sozialdemokratische-antworten-auf-eine-welt-im-umbruch/23/1/2023/> (дата обращения: 25.01. 2023).

⁴¹Комиссия по международной политике СДПГ рекомендовала «думать сценариями».

Общим для обоих вариантов становится признание сложности современного этапа трансформации, стремление образовать новые и усовершенствовать старые партнёрства, настроиться на длительную фазу открытой конкуренции. Таким образом, направления понятны, детали же предстоит уточнять в будущем.

Результаты. Установлено, что украинский кризис послужил катализатором появления «программ будущего» в Германии (в терминологии О. Шольца – «смены эпох»). Дилемма социал-демократов в политике безопасности и обороны заключается в том, как, не отказываясь от борьбы за мир и справедливость, не злоупотребляя раскаянием и признанием ошибок прошлого, соединить общеевропейскую и мировую безопасности с коллективной («кооперативной») ответственностью и ролью собственной страны.

По наиболее важным направлениям в СДПГ отсутствуют чёткие подходы и идейный консенсус. Среди прочего речь идёт об одновременном использовании элементов силы, посредничества и миротворчества; о взаимосвязи НАТО и военно-политической акторности ЕС; о соотношении «ценностно-ориентированного прагматизма» и национальных задач развития; о роли украинского кризиса в контексте глобального противоборства между Китаем и коллективным Западом. Дискуссии в СДПГ по данным вопросам будут продолжены.

С учётом установленного, допустима гипотеза, согласно которой несформированный и сложный дискурс является открытым, что дает возможность повлиять на него с помощью расширения тем потенциального диалога. Если данная гипотеза верна, то идейный плюрализм в СДПГ необходимо рассматривать как предпосылку для организации и ведения подобной работы, а под сложным дискурсом понимать отнюдь не участие в обсуждении политиков, что по понятным причинам в настоящее время крайне затруднительно, а прежде всего активизацию дискуссии касательно будущих «европейских идей» в научном сообществе. Неслучайно социал-демократы обратились к немецким экспертам и обнародовали предложенные ими идеи.

Исходной установкой активизации обсуждения будущих «европейских идей» в научном сообществе могло бы стать включение политики и проблем обороны и безопасности в более широкий контекст, например: в контекст содержания и будущего глобализации⁴² [3; 6]. Не стоит забывать и о том, что взвешенный диалог о роли ООН активизирует дополнительные опции, поскольку СДПГ настроена на усиление Организации Объединённых Наций.

Таким образом, перспективы отношений РФ с одним из крупнейших европейских государств зависят от эффективного использования потенциала отечественного научного сообщества, плановой и

⁴²Один из возможных контекстов изучения и обсуждения проблем глобализации см.: Синдеев А.А. Как изучать глобализацию? (О дискуссии, начатой «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte») // Новая и новейшая история. 2022. № 1. С. 18-29. DOI: 10.31857/S013038640018243-5.

программной поддержки исследователей, в том числе представителей региональных вузов.

Источники и литература

1. Арбатова Н.К. Станет ли Европейский союз мировым центром силы? (Тенденции, возможности, риски) // Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 6. С. 51-65. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-51-65.
2. Белов В.Б. Германо-российское сотрудничество – вызовы 2020 года и перспективы 2021 года. Часть 1: политические аспекты // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021. № 1. С. 70-80. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran120217080>.
3. Громыко Ал.А. (Дез)интеграционные процессы: кризис «глобального мира» // Обозреватель-Observer. – 2020. – № 7. – С. 24–38.
4. Громыко Ал.А. Субъектность Евросоюза – между атлантизмом и европоцентризмом // Современная Европа. 2021. № 4. С. 10-25. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope42211025>.
5. Данилов Д.А. Россия – ЕС: диалог без диалога // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2021. – № 2. – С. 7–15. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran22021715>.
6. Дынкин А.А., Телегина Е.А. Шок пандемии и посткризисный мир // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – № 8. – С. 5–16. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-8-5-16.
7. Иванов О.П. Модернизация стратегии НАТО и Россия // Современная Европа. – 2020. – № 3. – С. 117–127. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32020117127>.
8. Филитов А.М. СССР и «Новая восточная политика» ФРГ // Вестник МГИМО-Университета. – 2017. – № 3. – С. 123–140.
9. Щербак И.Н. Стратегическая автономия Евросоюза на перепутье // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2021. – № 2. – С. 34–40. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran220213440>.
10. Böing A. Die außenpolitischen Debatten in Deutschland um die Raketenabwehrpläne der USA und der NATO während der Amtszeiten der Regierungen Merkel (2005-2017): eine Analyse im Lichte der Spannungsverhältnisse «Westintegration» und «Ostpolitik». Münster: Westfälische Wilhelms-Universität, 2018. 731 p.
11. Hufen C. «Was verliert Europa, wenn es Russland verliert?»: Anregungen von Fedor Stepun (1884–1965) für eine neue Ostpolitik. Berlin: Helle Panke e.V., 2017. – 48 p.
12. Luks L. Macht und Ohnmacht der Utopien: Essays zur Geschichte Russlands im 20. und 21. Jahrhundert. Stuttgart: ibidem Verlag, 2022. – 383 p.
13. Platzeck M. Wir brauchen eine neue Ostpolitik: Russland als Partner. – Berlin: Propyläen, 2020. – 253 p.
14. Schmidt H. «Das ist ein starkes Stück, Herr Bundeskanzler!»: die Antrittsreden der SPD-Kanzler Olaf Scholz, Gerhard Schröder, Helmut Schmidt, Willy Brandt. Hamburg: Hoffmann und Campe, 2022. – 267 p.
15. Steinmetz W. Empörende Vergleiche im politischen Raum: Formen, Strategien, Geschichte, ed by Kämper H., Plewnia A. Sprache in Politik und Gesellschaft. Perspektiven und Zugänge. – Berlin/Boston: de Gruyter, 2022. – S. 73–97.

«СМЕНА ЭПОХ» ФРГ В СВЕТЕ МЕЖПАРТИЙНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА ОЛАФА ШОЛЬЦА

А.П. Соколов, А.Д. Давыдов, С.Е. Проценко, г. Москва (Россия)

В статье анализируются ключевые партийные документы и выступления представителей партий-участниц «светофорной» коалиции Германии на тему объявленной в феврале 2022 г. «смены эпох». В то время как в СДПГ данный термин рассматривается в широком контексте безопасности, «Зелёные» и либералы применяют его инструментально в целях укрепления собственного имиджа, а также уделяют больше внимания ценностной риторике. Разногласия, возникающие между партиями в процессе выработки общих подходов к внешней политике, формируют объективные трудности в процессе реализации масштабных преобразований, анонсированных правительством Олафа Шольца.

Ключевые слова: смена эпох; Германия; международные отношения; светофорная коалиция; СДПГ; Зелёные; СвДП.

В ноябре 2021 г. победившая на выборах в бундестаг Социал-демократическая партия Германии совместно с третьей и четвертой по популярности партиями «Союз 90/Зелёные» и Свободная демократическая партия Германии (СвДП) представили коалиционное соглашение, на основе которого было сформировано правительство ФРГ на период 2021-2025 гг. В отдельном разделе, озаглавленном «Ответственность Германии за Европу и мир» [11, с.104-109], были прописаны согласованные партиями внешнеполитические приоритеты и цели правительства на ближайшие четыре года.

Однако уже спустя три месяца на выступлении в бундестаге 27 февраля 2022 г. канцлер ФРГ Олаф Шольц объявил «смену эпох» (*нем. Zeitenwende*) и кардинальный пересмотр внешней политики и политики безопасности ФРГ [14]. Изменение внешнеполитического курса Берлина поставили под вопрос актуальность ряда внешнеполитических положений коалиционного договора и, в более широком смысле, всей послевоенной немецкой дипломатии.

Исходя из этого, авторы считают важным рассмотреть ключевые партийные документы и выступления видных представителей партий за 2022 г. и первую половину 2023 г., чтобы оценить изменения во внешнеполитическом дискурсе немецких политических элит. Акцент именно на партийных материалах связан с особенностями политической системы Германии, в которой коалиционные партнёры распределяют между собой руководящие посты в правительстве. Согласно Основному закону ФРГ ключевые направления политики определяет канцлер, то есть социал-демократ Олаф Шольц. Тем не менее сегодня во внешнеполитическом курсе Берлина заметна и значительная роль младших партнёров, прежде всего «Зелёных»: член партии Анналена Бербок руководит министерством иностранных дел. Определённое влияние на внешнюю политику оказывают и свободные демократы: лидер СвДП Кристиан Линднер

является министром финансов, а значит, его ведомство занимается составлением бюджета, в том числе по вопросам обороны, безопасности и внешней политики.

На основе партийных материалов авторы смогут оценить масштаб перемен в немецкой внешней политике, а также выявить, насколько по-разному три партии видят изменения международной среды и новую роль Германии на мировой арене. Данная статья станет актуальным продолжением большого цикла публикаций о внешнеполитической дискуссии в партийной системе ФРГ, среди которых – работы Н.В. Павлова [2], В.Б. Белова [1], Е.В. Пименовой [3] и др.

Социал-демократическая партия Германии

23 января 2023 г. комиссия по международной политике СДПГ опубликовала 21-страничный документ под названием «Социал-демократические ответы на меняющийся мир» [15]. Авторы подробно описывают, что лежит в основе «социал-демократической внешней политики» (*sozialdemokratische Außenpolitik*) и как, по мнению СДПГ, Германии необходимо действовать на международной арене.

Многие части документа прописаны в схожем ключе с последними коалиционными соглашениями правительства (в договорах 2013 и 2018 гг. СДПГ является младшим партнёром, который выдвигал своего представителя на пост министра иностранных дел, а в действующей коалиции социал-демократы выступают старшим партнёром). Главным приоритетом во внешней политике для социал-демократов остаётся «сильная и суверенная» Европа, «которая обеспечивает своим гражданам благосостояние, безопасность и мир». Авторы документа уверены, что Германия должна продвигать свои ценности и интересы исключительно в рамках Европейского союза, отказываясь от односторонних шагов. Незаменимой основой развития ЕС, по мнению социал-демократов, является франко-германское сотрудничество. Центральным элементом внешней политики ФРГ и ЕС для СДПГ остаются трансатлантические отношения с США, а также членство Германии в НАТО. Таким образом, интересы Германии на мировой арене встроены в интересы ЕС, а партнёрство с США и членство в НАТО сохраняются как главные гаранты национальной безопасности ФРГ.

Несмотря на неизменность основ немецкой внешней политики, авторы считают, что Германии необходимы новые ориентиры, на основе которых страна должна преодолевать глобальные вызовы. Необходимость пересмотра внешнеполитических приоритетов связана с большим числом военных, экономических, климатических и других кризисов, которые, как считают в партии, ослабляют «порядок, основанный на правилах», и замедляют процесс формирования многополярного мира.

Главным ответом социал-демократов на актуальные кризисы является объявленная Шольцем «смена эпох», которой даётся подробное обоснование в тексте. Ключевой причиной «смены эпох», по мнению авторов, являются действия России, которая «представляет главную угрозу порядку, основанному на правилах». Тезис о «российской

угрозе» прослеживается во всём документе, а «российский след» социал-демократы искусственно выявляют в большом количестве глобальных проблем. Авторы пересматривают всю современную историю отношений между Берлином и Москвой и заключают, что в обозримой перспективе европейскую безопасность необходимо выстраивать «перед лицом угрозы от России». Данный тезис вписывается во всю нынешнюю риторику руководства СДПГ в контексте российско-германских отношений. В партии считают, что достижения в двустороннем диалоге за прошедшие годы являются ошибкой Берлина. Прошлые просчёты в отношении Москвы, к примеру, подчеркнул в своей речи[13] сопредседатель СДПГ Ларс Клингбайль, назвав ошибочной политику наращивания экономических и торговых связей с целью оказания влияния на политическую ситуацию в другой стране.

В рамках «смены эпох» в риторике социал-демократов прослеживаются два явных изменения. С одной стороны, актуальной становится дискуссия о концепции «силы» в международных отношениях, к которой социал-демократы классически относят прочность институтов, устойчивую экономику и привлекательную социальную модель. К этому в СДПГ теперь добавляют и военные возможности государства. Поэтому в документе особое внимание акцентируется на развитии вооруженных сил Германии, реформе бундесвера, увеличении военных расходов и совместных военных инициативах в рамках НАТО и ЕС. Особо отмечается принятое Шольцем решение о создании специального военного фонда размером в 100 млрд евро и обещание повысить расходы на оборону до 2% ВВП в год.

С другой стороны, «смена эпох» позволяет социал-демократам более активно отстаивать идею лидерства Германии в Европейском союзе и во всём мире. В партии призывают «защищать порядок, основанный на правилах», потому что такая система наиболее выгодна Германии, а «ответственность перед союзниками» и «солидарность с другими демократиями» является для ФРГ главным стимулом для более активной внешней политики.

Хотя документ призван дать комплексный ответ социал-демократов на ключевые вызовы международных отношений, авторы не раскрывают большинство идей достаточно чётко и не объясняют многие важнейшие термины, оставляя пространство для спекуляций. Во-первых, неясен подход немцев к строительству многополярного мира. С одной стороны, в СДПГ призывают на равных вести диалог со странами с разными политическими системами. С другой стороны — в документе неоднократно упоминается необходимость противодействовать «авторитарным режимам». Тезис о готовности Берлина сотрудничать с «трудными партнёрами» ради построения многополярного мира звучит крайне неубедительным на фоне стратегии системного противостояния с Россией в среднесрочной перспективе.

Во-вторых, недостаточно проработанной остаётся цель сформировать из Европейского союза самостоятельный и суверенный центр силы. В СДПГ признают, что нынешний уровень отношений с США как гарантом безопасности европейских членов НАТО не стоит воспринимать как

должное. Принятие американцами протекционистских мер и ориентация США на Индо-Тихоокеанский регион только усиливают сомнения членов ЕС в исключительности её партнерства с Вашингтоном. Тем не менее стремление к сильному и независимому ЕС распространяется на сферу безопасности пока только в теории: на практике ответственность за мир на европейском континенте по-прежнему возлагается на НАТО во главе с США. В контексте развития стратегической автономии ЕС упоминаются некоторые военные инициативы Берлина, к примеру, проект по созданию европейской системы противовоздушной и противоракетной обороны, который, впрочем, пока не находит широкого отклика среди европейских союзников.

В-третьих, определённая амбивалентность прослеживается в курсе Берлина по отношению к Пекину. В целом, в документе заметно возросло значение китайской проблематики, которая описана сразу после фрагмента о главных союзниках ФРГ и предшествует разделу о «российской угрозе». Хотя Германия выступает против полного разрыва тесных экономических отношений с Китаем, т.н. декаплинга (*англ. decoupling, нем. Abkopplung*), в СДПГ с настороженностью отмечают возросшее влияние Китая как в Азии, так и во всём мире. По мнению авторов документа, «переоценка» германо-китайских отношений должна состоять в минимизации экономической зависимости от Пекина и большему вниманию к партнёрам ФРГ, которым может угрожать Китай. Неясным остаётся вопрос, не пойдёт ли Берлин в своём курсе по отношению к Пекину по сценарию отношений с Москвой, если конфликтный потенциал между КНР и Западом достигнет критической точки.

«Союз 90/Зелёные»

Для «Зелёных» концепция «смены эпох» стала прежде всего возможностью укрепить ценностные ориентиры партии во внешней политике. Воплощением такого ценностного подхода стали опубликованные в министерстве иностранных дел в марте 2023 г. «Руководящие принципы феминистской внешней политики»[9]. Так как подготовкой документа занималась глава МИД ФРГ, видный представитель «Зелёных» Анналена Бербок, его стоит рассматривать именно как результат партийной работы «экологов».

Цель «руководящих принципов» — закрепить поддержку женщин и защиту маргинализированных групп в качестве центрального элемента внешнеполитической деятельности ФРГ. «Положения прав женщин – это барометр состояния нашего общества» - считает А.Бербок.[5] В шести изложенных в документе директивах описано, как принципы феминизма должны быть интегрированы в различные темы внешнеполитической деятельности Германии: свобода и безопасность, гуманитарная помощь, защита прав, борьба с изменением климата, экономическая и культурная политика.

Кроме ценностных ориентиров, в 80-страничном каталоге практически отсутствуют положения о конкретных действиях Германии в области внешней политики, а все глобальные проблемы рассматриваются исключительно через призму гендерной тематики. Тем временем из-за межпартийных споров между партнёрами по коалиции затягивается принятие обещанной Бербок стратегии национальной безопасности Германии,

в которой ожидается комплексное рассмотрение всей внешней политики и стратегии безопасности, а не только вопроса феминизма [16].

Так как у «Зелёных» отсутствует центральный документ по широкому кругу вопросов деятельности Германии на международной арене, целесообразно обратиться к материалам партийных съездов «Зелёных», а также отдельным выступлениям ведущих представителей партии. Несмотря на общую поддержку концепции «смены эпох», в риторике «Зелёных» заметны расхождения с СДПГ по отдельным важным вопросам.

Во-первых, гораздо меньше, по сравнению с социал-демократами, представители Зелёных говорят о необходимости достижения стратегической автономии Европы [12]. Конфликт на Украине, по их мнению, ещё раз показал зависимость безопасности Европы от обороноспособности НАТО. Выводом из этого тезиса является не стремление к развитию собственной европейской армии, а скорее инвестирование в «европейскую опору трансатлантического альянса». Выделение 100 млрд евро на нужды вооружённых сил страны также рассматривается сквозь призму укрепления союзнических обязательств по НАТО.

Во-вторых, между СДПГ и «Зелёными» существуют явные разногласия по поводу курса Берлина в отношении Пекина. После визита Бербок в Китай в апреле 2023 г., в ходе которого министр открыто критиковала Пекин по многим вопросам внутренней и внешней политики, социал-демократы прозвали курс младшего партнёра по коалиции «антикитайской стратегией».

Свободная демократическая партия Германии

В общих чартах «смена эпох» находит поддержку и в рядах свободных демократов. За последний год в СвДП вышел ряд документов [6], согласно которым партия не имеет концептуальных разногласий со своими коалиционными партнерами по вопросу внешнеполитических подходов ФРГ. Свободные демократы так же, как СДПГ и «Зелёные», поддерживают отправку Киеву тяжёлых вооружений, обучение и консультирование украинских военнослужащих. Как и в случае своих партнёров по коалиции, представители СвДП указывают на важность поддержки Украины совместно с союзниками по ЕС и НАТО и другими странами, выступающими за сохранение так называемого «либерального порядка».

При этом именно среди свободных демократов часто звучат призывы к ещё более активной военной помощи Киеву. К примеру, ярким сторонником поставок танков *Leopard* на Украину является член партии, председатель комитета бундестага по обороне Мари-Агнес Штрак-Циммерман, которая активно выступала за поставки ещё до окончательного решения Шольца в январе 2022 г., оказывая таким образом серьёзное давление на канцлера в бундестаге.

К важному экономическому инструменту «противостояния России» свободные демократы относят санкции. По мнению руководства партии, экономические ограничения демонстрируют свою эффективность и поэтому должны быть расширены. Жёсткий антироссийский курс, как считают либералы, должен распространяться не только на нынешних членов

ЕС, но и потенциальных кандидатов. В СвДП призывают отказывать в перспективе вступления в ЕС тем странам, которые помогают России обходить санкционный режим [6, с. 3].

Во времена «смены эпох» либералы стремятся укрепить свой собственный имидж, поэтому ищут ниши, которые больше всего привлекают либеральный электорат. В январе 2023 г. министр финансов и глава партии Кристиан Линднер заявил, что «смена эпох» необходима также и в финансовой политике правительства.[17] Финансовая система ФРГ, по словам министра, сталкивается с возрастающей нагрузкой из-за непредвиденных расходов, высокой инфляции, снижения конкурентоспособности немецкой экономики.

Несмотря на общую поддержку «смены эпох» в немецкой политике, конкретные инициативы СДПГ нередко встречают сопротивление либералов, когда дело касается финансовых вопросов. Так, в мае 2023 г. Кристиан Линднер выступил против идеи министра обороны, члена СДПГ Бориса Писториуса, в кратчайшие сроки закупить новые БМП *Puma* из средств специального фонда бундесвера и потребовал дополнительное обсуждение этого вопроса в комитете бундестага по бюджетным вопросам [10].

Противоречиво выглядит позиция партии по поводу деятельности СМИ. Заявляя о том, что свобода слова и свобода прессы — высшие демократические блага, СвДП поддерживает запреты на трансляцию российских СМИ на территории Германии. Ответный запрет на вещание в России таких агентств, как Deutsche Welle, тем не менее, подвергается критике.

Таким образом, СДПГ оказалась единственной партией в коалиции, которая рассматривает «смену эпох» в широком контексте безопасности ФРГ и Европейского союза, в то время как «Зелёные» и либералы скорее ориентируются на ценностную риторику или вопросы, вызывающие наибольший интерес лояльных им электоральных групп. Однако несмотря на призыв социал-демократов к стратегическому мышлению в международных делах, многие внешнеполитические вопросы либо остаются недостаточно проработанными на партийном уровне, либо вызывают противоречия в рамках коалиции. Это затрудняет подготовку таких совместных документов, как стратегия национальной безопасности ФРГ, приводит к спорам и разногласиям при принятии важных государственных решений, а также ставит под сомнение реальное наступление «смены эпох» во внешней политике Германии.

Выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №23-28-01501 «Трансформация военно-политической стратегии ФРГ как угроза безопасности Российской Федерации»).

Источники и литература

1. Белов В.Б. «Новая» коалиция в Германии, «новый» президент в России, новые геополитические вызовы для двустороннего сотрудничества // Германия. 2018 / Отв. ред. В.Б. Белов. — М. : Ин-т Европы РАН, 2019. - С. 97-107.
2. Павлов Н.В. ФРГ через год после выборов: ждать ли перемен во внешней политике? / Н.В.Павлов // Экономика и политика Германии: через год после выборов:

[монография] / [В.П.Федоров и др.; отв. ред. Е.П.Тимошенкова]. — М. : Ин-т Европы РАН, 2019. — С. 78–87.

3. Пименова Е.В. Новая эра германской политики. Вызовы и перспективы / Е.В. Пименова // Свободная мысль. – 2022. - №2. - С. 125-134.

4. Auf dem Weg zu einer Nationalen Sicherheitsstrategie - Auftaktveranstaltung [Electronic resource] : Auswärtiges Amt. – Mode of access: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/sicherheitspolitik/nationale-sicherheitsstrategie/baerbock-nationale-sicherheitsstrategie/2518048>. – Date of access: 20.04.2023.

5. Baerbock zum Ukraine-Krieg: keine Zeit für Naivität [Electronic resource]: Frankfurter Allgemeine Zeitung. – Mode of access: <https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/annalena-baerbock-klare-absage-fuer-rufe-nach-verhandlungen-mit-putin-18395401.html>. – Date of access: 20.04.2023.

6. Die Freien Demokraten stehen an der Seite der Ukraine [Electronic resource]: FDP. – Mode of access: https://www.fdpbt.de/sites/default/files/2022-09/Die%20Freien%20Demokraten%20stehen%20an%20der%20Seite%20der%20Ukraine_0.pdf. – Date of access: 21.04.2023.

7. «Ein Kriegstreiber ist der Toni nicht» [Electronic resource]: Süddeutsche Zeitung. – Mode of access: <https://www.sueddeutsche.de/muenchen/landkreismuenchen/landkreis-muenchen-hofreiter-ukraine-waffen-1.5569621>. – Date of access: 20.04.2023.

8. Feministische Außenpolitik gestaltet. Leitlinien des Auswärtigen Amts [Electronic resource] Auswärtiges Amt. – Mode of access: <https://www.auswaertiges-amt.de/blob/2585008/d444590d5a7741acc6e37a142959170e/ll-ffp-data.pdf>. – Date of access: 25.04.2023.

9. Leitlinien für feministische Außenpolitik: Außenpolitik für alle [Electronic resource] : Mode of access: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/leitlinien-ffp/2584950>. – Date of access: 20.04.2023.

10. Lindner zweifelt an Pistorius' Panzerplänen [Electronic resource]: Der Spiegel. – Mode of access: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/bundeswehr-milliardenvertrag-fuer-neue-puma-christian-lindner-zweifelt-an-panzer-plaenen-von-boris-pistorius-a-309d0d9e-2fea-4f07-a2df-748273d00bd6>. – Date of access: 25.04.2023.

11. Mehr Fortschritt wagen. Bündnis für Freiheit, Gerechtigkeit und Nachhaltigkeit. Koalitionsvertrag 2021 – 2025 zwischen der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands (SPD), BÜNDNIS 90 / DIE GRÜNEN und den Freien Demokraten (FDP) [Electronic resource]: Berlin, den 7. Dezember 2021// Mode of access: https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Koalitionsvertrag/Koalitionsvertrag_2021-2025.pdf. – Date of access: 27.04.2023.

12. Parteitag: Grüne Friedens- und Sicherheitspolitik in der Zeitenwende [Electronic resource]: Berlin, den 16. Oktober 2022// Mode of access: <https://www.gruene.de/artikel/parteitag-gruene-friedens-und-sicherheitspolitik-in-der-zeitenwende>. – Date of access: 27.04.2023.

13. Rede von Lars Klingbeil. Zeitenwende: Sicherheit und Frieden in Europa [Electronic resource] : SPD. – Mode of access: <https://www.spd.de/aktuelles/detail/news/zeitenwende-sicherheit-und-frieden-in-europa/19/10/2022/>. – Date of access: 19.04.2023.

14. Regierungserklärung von Bundeskanzler Olaf Scholz am 27. Februar 2022 [Electronic resource] : Bundesregierung. – Mode of access:

<https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/regierungserklaerung-von-bundestkanzler-olaf-scholz-am-27-februar-2022-2008356>. – Date of access: 12.04.2023.

15. Sozialdemokratische Antworten auf eine Welt im Umbruch [Electronic resource]: SPD. – Mode of access: https://www.spd.de/fileadmin/internationalepolitik/20232001_KIP.pdf. – Date of access: 19.04.2023.

16. «Wir sind nicht Amerika» [Electronic resource] : Frankfurter Allgemeine Zeitung. – Mode of access: <https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/nationale-sicherheitsstrategie-nach-verzoegerung-in-ressortabstimmung-18754061.html#void>. – Date of access: 24.04.2023.

17. Zeitenwende auch in der Finanzpolitik [Electronic resource] : FDP. – Mode of access: <https://www.fdp.de/zeitenwende-auch-der-finanzpolitik>. – Date of access: 21.04.2023.

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

О.Э. Терехов, О.Н. Терехова, г. Кемерово (Россия)

Рассматривается современная российская историография взаимоотношений РФ и ФРГ в 1991–2021 гг. Цель – показать отражение основных тенденций российско-германских отношений в российской историографии. Источниковая база статьи – работы современных российских историков, политологов, экономистов, в которых затрагиваются проблемы политических отношений РФ и ФРГ. Автор отмечает, что оценка российско-германских отношений в современной историографии напрямую зависела от их конъюнктуры, но в то же время исследователи стремились рассмотреть эти отношения в контексте определенной исторической и политической перспективы.

Ключевые слова: Россия, Германия, российско-германские отношения, современная российская историография.

Директор Института Восточной Европы Свободного университета Берлина профессор Клаус Зегберс в предисловии к коллективной российско-немецкой монографии 2013 г. писал: «Германия и Россия до сих пор являются ключевыми политическими и экономическими игроками в Европе. Их отношения после Второй мировой войны в большей степени определялись историческим наследием, культурными аспектами (волжские немцы) и экономической взаимозависимостью (торговля энергетическими ресурсами) и были скорее напряженными, нежели партнерскими» [1, с. 5].

Российско-германские отношения всегда занимали особое место в отечественной гуманитарной мысли. Современный исторический период взаимоотношений РФ и ФРГ не стал исключением в этом ряду. Во-первых, оба государства в том виде, в котором они существуют сейчас, образовались практически одновременно. Объединенная Германия, несмотря на то, что сохранила прежнее название Западной Германии – ФРГ, возникла 3 октября 1990 г., Российская Федерация (РФ) – 26 декабря 1991 г., после

окончательного распада СССР. Во-вторых, учитывая роль, которую сыграл в процессе объединения Германии первый и последний президент СССР М. С. Горбачев, установившиеся особые отношения между ФРГ и СССР были пролонгированы германской стороной и на взаимоотношения с новой Россией. В-третьих, это позволило Германии уже в 1990-х гг. стать крупнейшим партнером России среди стран ЕС и Запада в целом, а политическое и экономическое значение Германии в Евросоюзе и западном блоке сделало эти взаимоотношения чрезвычайно ценными для нового российского руководства и самой России.

Автор данной статьи не ставит перед собой цель подробного рассмотрения российской историографии различных, и довольно разнообразных, отношений РФ и ФРГ. Цель статьи – анализ основных тенденций современной отечественной историографии российско-германских отношений. Методологической основой работы служит проблемно-хронологический метод, т. к. он помогает рассмотреть заявленную тему в диахроническом и синхроническом ракурсах, одновременно выявляя ее временную и проблемную составляющие. Источниковую базу исследования составляют работы современных российских историков, политологов, экономистов, в которых затрагиваются проблемы политических отношений РФ и ФРГ.

В развитии проблемы российско-германских отношений в современной отечественной историографии можно выделить условных три этапа, которые совпадают и одновременно не совпадают с хронологией непосредственно отношений РФ и ФРГ: 1) 1990-е гг.; 2) 2000–2013 гг.; 3) 2014 г. – до настоящего времени.

Российская германистика в период своего становления в 1990-х гг. опиралась на советское интеллектуальное наследие. Однако это не мешало ученым в короткие сроки перестроить свой теоретико-методологический инструментарий и расширить тематику исследований. Высокая культура и обширная эрудиция позволили российским германистам достаточно быстро освоить новые исследовательские ниши, хотя этот процесс занял в целом 10 лет. Это, впрочем, характерно для всей современной российской гуманитаристики. Несомненно, чтобы освоить и понять новые исторические и интеллектуальные реалии, требовалось время. И в этом смысле процесс институализации российской германистики развивался в синтезе старого и нового исследовательского контента. В качестве примера можно привести существование уже известных исследовательских центров отечественной германистики и появление новых, таких как Центр германских исследований в Институте Европы РАН.

Вопрос о российско-германских отношениях в современной российской историографии 1990-х гг. дебатировался в контексте объединения Германии и его последствий. Надо отметить, что в условиях становления современной российской германистики тема объединения Германии, учитывая его стремительность и наличие многих разнообразных факторов, действительно являлась актуальной и важной. По крайней мере, она имела явную историческую и политическую завершенность. Российские

исследователи-германисты И. Ф. Максимычев [2], А. М. Филитов [3], А. А. Ахтамзян [4], И. Н. Кузьмин [5] представили свои версии этого события. Подводя итоги объединения Германии, авторы неоднозначно воспринимали влияние этого объединения. Ряд из них указывали как на позитивные, так и негативные итоги для СССР и России.

Начиная с середины 1990-х гг. внимание отечественных исследователей постепенно начинает смещаться в сторону последствий объединения или, как тогда говорили, трансформации Германии, причем в контексте российского политического и экономического опыта перехода к демократии и рыночной экономики 1990-х гг. Квинтэссенцией такого сравнительного анализа трансформации России и Германии 1990-х гг. стала конференция «10 лет трансформации: сравнительный анализ немецкого и российского развития», проведенная в Москве 18 ноября 1999 г. совместными усилиями Центра германских исследований Института Европы РАН и Московского представительства немецкого фонда Фридриха Эберта. Участники конференции, как с российской, так и с немецкой стороны, отмечали, что десятилетняя трансформация обоих государств дала неоценимый опыт перехода к демократии и рыночной экономики (для ФРГ – это перестройка ГДР), который может быть полезен России и Германии. «В ходе дискуссии российские и немецкие участники сошлись во мнении о том, что обмен опытом должен быть двусторонним» [6, с. 91].

На рубеже XX–XXI вв. в развитии современной российской германистики происходит качественный скачок роста исследований по германской проблематике, который был обусловлен процессами 1990-х гг., описанными выше. С начала 2000-х гг. стали выходить обобщающие работы по различным аспектам новейшей истории Германии. А. Ю. Ватлин в своей монографии отмечал, что активизация политических контактов с Россией вызвана не в последнюю очередь тем, что в конце XX в. объединенная Германия «не испытывает особого восторга от нового глобализма США» [7, с. 300]. Касаясь общей оценки отношения Германии к РФ, автор приводит слова Г. Шрёдера о том, что немцы заинтересованы, чтобы Россия стала страной с демократическим обществом и процветающей экономикой [6, с. 302]. Н. В. Павлов и А. А. Новиков в своей обобщающей монографии по истории внешней политики ФРГ, характеризуя отношения РФ и ФРГ на рубеже веков, подчеркивают кризис т. н. «банной дипломатии» Ельцина – Коля: «Особые отношения с Россией перестали приносить прежний политический эффект» [8, с. 444]. Кабинет Шрёдера Фишера, по словам авторов, четко дал понять, что только демократический тренд развития России способен усилить политические контакты между двумя странами. Изменилась и форма контактов между странами: «на смену двусторонним политическим контактам в российско-германских отношениях пришел функциональный многоступенчатый диалог» [8, с. 448].

В 2009 г. под эгидой Института Европы РАН вышла коллективная монография «Германия. Вызовы XXI века» [9]. Автор главы по российско-германским политическим отношениям в ней – известный дипломат и

германист, доктор политических наук И. Ф. Максимычев (1932 – 2021). Он отмечал, что перестройка стала тем благодатным периодом, когда сформировалась основа российско-германских отношений. Подход советского руководства к решению германского вопроса стал той благодатной почвой, на которой выросли современные взаимоотношения РФ и ФРГ. Однако, по его мнению, первоначальные положительные тенденции в российско-германских отношениях были нивелированы их развитием в 1990-е гг. В частности, И. Ф. Максимычев указывал на проблему расширения НАТО: «Данные Западом в контактах с Горбачевым обещания и (устные) гарантии не продвигать свои военные структуры на освобождаемое СССР место в Центральной Европе были бесцеремонно нарушены» [9, с. 352]. При этом автор, поглощенный анализом внешнеполитических аспектов российско-германских отношений в 1990-е гг. (расширение НАТО, вмешательство НАТО в войну в бывшей Югославии, русофобия бывших социалистических стран Европы), практически не обращает внимания на другие стороны политических отношений РФ и ФРГ, которые он также оценивает в негативном ключе. По утверждению И. Ф. Максимычева, «ельцинская Россия мечтала «слиться в экстазе» со своими новыми учителями и наставниками» [9, с. 361]. «Однако практика очень скоро показала, что никто демократическую Россию на иждивение брать не собирается, а широковежательные намеки на возможный «план Маршалла» для Российской Федерации оказались обычными мыльными пузырями» [9, с. 361]. В 2000-е гг., согласно автору, ситуация в российско-германских отношениях несколько улучшилась благодаря тендему Путин-Шрёдер и ряду совместных внешнеполитических и экономических действий, что создало определенные перспективы на будущее.

В том же 2009 г. вышел сборник статей, посвященный рассмотрению российско-германских отношений в контексте европейской безопасности [10]. Авторы сборника подняли актуальные проблемы внешнеполитических реалий в Европе: внутренние проблемы европейской интеграции, влияние мирового кризиса 2008 г., американское ПРО в Восточной Европе, русофобия и политика двойных стандартов в отношении России. Авторы отмечали большую роль Германии в формировании архитектуры европейской безопасности. При этом они подчеркнули, что понимание Германией проблем европейской безопасности находится в русле евроатлантической внешнеполитической парадигмы. Тем не менее они отметили важность российско-германских политических отношений на современном этапе как фактора стабильности в Европе.

В 2010 г. вышла книга известного отечественного специалиста по истории внешней политики Германии, доктора исторических наук, профессора МГИМО А. А. Ахтамзяна (1930 – 2018). Проблемам взаимоотношений современной России и объединенной Германии посвящены две главы, автор на страницах своей книги неоднократно возвращается к этой проблематике. Говоря о российско-германских отношениях периода 1990-х гг., А. А. Ахтамзян рассматривает их сквозь призму геополитики «в условиях

коренного изменения геополитической и стратегической обстановки в Европе» [11, с. 243]. Далее, несмотря на тот факт, что в 1990-х гг. «официальные отношения между Россией и Германией развиваются благоприятно для правительств» [11, с. 245], автор полагает, что они были наполнены скрытыми конфликтами и противоречиями. По его мнению, после 2000-х г. внешнюю политику и международные связи Германии следует рассматривать в контексте ее глобализации. Эта тенденция применима к политике в отношении России, хотя автор отмечает значительное улучшение отношений между странами с начала XXI в.

В начале 2010-х гг. получила свое развитие практика издания коллективных сборников по российско-германским отношениям, которые, как правило, были материалами международных конференций. В данном контексте хотелось бы обратить внимание на уже вышеупомянутую коллективную российско-германскую монографию «Россия и Германия в пространстве европейских коммуникаций», изданную в 2013 г. в Тюмени. Авторы предприняли попытку системного анализа различных аспектов современных отношений РФ и ФРГ. Фиксируя итоги российско-германских отношений (на уровне 2013 г.) в различных сферах, в том числе и политической, авторы пишут о дилемме, перед выбором которой стоит германская элита: ее «можно сформулировать как противоречие между ценностно-ориентированным и прагматичным подходами» [1, с. 264]. С момента образования РФ эта дилемма раскалывает общественное сознание не только германской элиты, но и всего немецкого общества. «В центре германских дебатов о России находятся две ключевые концепции – нормальности (нормализации) и реальности (реалистичности). Обе являются «плавающими», то есть легко меняющими свое местоположение в системе внешнеполитического дискурса, что и создает сложности его понимания и прочтения» [1, с. 264–265]. Таким образом, авторы монографии выявили, на наш взгляд, ключевую проблему российско-германских политических отношений, по крайней мере до 2014 г.: почему Россия так и не стала страной с демократической системой правления и рыночной экономикой и как к этому относиться.

Завершающим аккордом вышеописанного этапа современной российской историографии российско-германских отношений стала написанная еще до кризиса взаимоотношений России и ЕС и изданная в 2014 г. фундаментальная работа И. Ф. Максимычева [12]. Автор, наблюдая после 2000 г. ситуацию внутри и вокруг ЕС, предчувствует скорый кризис концепции Большой Европы (автор был горячим сторонником этой концепции). В этой связи он подчеркивает важность развития наметившегося в самом начале столетия треугольника Париж-Берлин-Москва. Германия, дабы сохранить свою внешнеполитическую идентичность, должна была идти на сотрудничество с Россией. Он делает вывод, что «объективно Россия и Германия не являются конкурентами ни в Европе, ни в остальном мире» [12, с. 448]. По мысли И. Ф. Максимычева, они дополняют друг друга во многих отношениях и поэтому обречены на

полномасштабное сотрудничество в политической, экономической и других сферах деятельности.

Второй этап российской историографии российско-германских отношений характеризуется новым качественным уровнем их рассмотрения. Это обусловлено тем, что начинается формирование фундаментальных теоретико-методологических основ исследования современной Германии в отечественной германистике. Изучение российско-германских отношений не стало исключением в этом ряду.

Третий этап отражает российскую историографию взаимоотношений РФ и ФРГ в условиях кризиса в отношениях России и ЕС. Украинский кризис 2014 г. и последующая за ним санкционная война между РФ и ЕС привела к пересмотру в современной российской гуманитарной мысли многих идей и концепций относительно прошлого, настоящего и будущего взаимодействия России со странами ЕС. Самым неожиданным следствием этого кризиса для российских гуманитариев-германистов стало то, что ФРГ, благодаря жесткой позиции канцлера Ангелы Меркель, занятой ей в ходе украинского кризиса, явилась едва ли не главным проводником антироссийской линии в европейском сообществе.

В 2015 г. одним из первых на создавшуюся ситуацию в российско-германских отношениях отреагировал И. Ф. Максимычев. Профессиональный дипломат в области отношений с ФРГ и ГДР Игорь Федорович достаточно эмоционально воспринял перемены в отношениях РФ и ФРГ. Как поборник концепции Большой Европы он подверг резкой критике руководство ФРГ за то, что оно идет в фарватере политики США: «При этом необходимо видеть, что немецкое главенство в ЕС усиливает не столько европейские, сколько американские позиции в мире. Перспектива «европеизации» внешней политики Германии относится пока, судя по всему, к области фантастики» [13, с. 31]. Это наглядно проявилось в отношении кризиса в Украине: «припадки политической шизофрении плюс скоропостижная потеря памяти налицо и в отношении Германии к украинскому кризису» [13, с. 33]. Как полагает И. Ф. Максимычев, в создавшихся условиях конструктивное сотрудничество и равноправный диалог между Россией и Германией едва ли возможны. Всю ответственность за это он возлагает на политическое руководство ФРГ.

В том же 2015 г. вышла в свет новая коллективная монография, посвященная современной Германии [14]. Главу по российско-германским отношениям на этапе середины 2010-х гг. написал Н. В. Павлов. В начале главы он задается рядом вопросов относительно этих отношений, главный из которых: «Кто мы, наконец, – извечные соперники или все-таки стратегические партнеры, за новое совместное будущее?» [14, с. 609]. Ответу на этот и другие вопросы и посвящена глава. Автор справедливо отмечает, что именно ФРГ была той страной, которая прикладывала больше всего усилий для интеграции России в западные структуры. Однако итог этих усилий оказался нулевым. Причину этой неудачи Н. В. Павлов видит в слишком резком переходе России в различных областях к

евроатлантическим институтам и формам. Мюнхенская речь В. В. Путина, грузино-осетинский конфликт ознаменовали переход к «холодному миру» между Россией и Западом, а украинский кризис привел к недопониманию и конфронтации. В этой связи «особый» геополитический подход ФРГ к РФ стал не актуален. Тем не менее автор считает, что в создавшихся условиях диалог между Россией и Германией ни в коем случае не следует прерывать.

Развивая свои размышления 2015 г., Н. В. Павлов в 2017 г. выпустил новую монографию о российско-германских отношениях [15]. Книга написана в историко-публицистическом жанре и посвящена российско-германским отношениям за период от IX в. до современности. По мнению автора, исходя из того, что Европа и мир сегодня вошли в новое качественное состояние, «возникает острая необходимость проанализировать исторические корни российско-германских отношений, их эволюцию и при определении ориентиров российской внешней политики на ее европейском направлении, выделить роль и место в них связей между Берлином и Москвой» [15, с. 9]. Оценивая современный этап российско-германских отношений, Н. В. Павлов жалеет, что объявленное стратегическое партнерство между Россией и Германией так и не случилось, а украинский кризис и присоединение Россией Крыма привели к сворачиванию российско-германского межгосударственного диалога. Но вызовы XXI в. неизбежно будут толкать Россию и Германию навстречу друг другу, а руководителям стран необходимо «проявить выдержку и терпение», чтобы преодолеть разногласия и совместно противостоять вызовам XXI века» [15, с. 514].

Большую аналитическую работу в исследовании проблем современной Германии, в том числе и в сфере российско-германских отношений, проводит Центр германских исследований в Институте Европы РАН. В книжном варианте эта работа воплощается в ежегодных обзорах по Германии, выходящих в серии «Доклады Института Европы». С началом украинского кризиса авторы данного издания пристально следят за перипетиями отношений России и Германии. Так, характеризуя динамику российско-германских отношений на начальной стадии украинского кризиса, авторы утверждают, что во второй половине 2015 г. был восстановлен рабочий политический диалог на разных уровнях и в сферах. Рассматривая динамику российско-германских отношений во второй половине 2010-х гг., авторы констатируют: в целом 2019 г. показал, что Россия по-прежнему занимает одно из ведущих мест в германской внешней политике, а отношения между ФРГ и РФ, несмотря на известные разногласия, продолжают играть особую роль, как в общеевропейском, так и в глобальном контексте.

В публикациях рубежа 2010 – 2020-х гг. российских экспертов по Германии углубляется скептицизм относительно будущего российско-германских отношений. В. И. Васильев констатирует, что на сегодняшний день эти отношения переживают один из сложнейших этапов в своем развитии, вызвавший глубокое разочарование сторон друг в друге [16, с. 198]. Автор дает ретроспективу оценке восприятия Россией среди немецкой интеллектуальной элиты и приходит к выводу, что негативный

образ РФ сформировался еще до украинского кризиса, который просто стал его триггером. В коллективной монографии сотрудников Института мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова рассмотрению современного российского вектора внешней политики Германии отведено две главы. Авторы пишут о том, что после украинского кризиса политика ФРГ в отношении России «приобрела негативную направленность» [17, с. 92]. Далее авторы констатируют, что противоречия между Россией и Германией связаны не только с событиями на Украине, но их вызвал целый комплекс проблем европейской безопасности. Все это привело в конечном итоге к отсутствию доверия между российским и германским политическими классами.

События 24 февраля 2022 года окончательно поставили все точки над «i» над отношениями России и Евросоюза и провели красную черту под целой эпохой их взаимоотношений. Канцлер Олаф Шольц 27 февраля на заседании бундестага огласил новую повестку дня в отношении с Россией. Как пишет В. Б. Белов: «Берлин обозначил себя в качестве одного из основных игроков ЕС, выступающих за ужесточение политических отношений с Россией и существенное ограничение возможностей Москвы в среднесрочной перспективе влиять на формирование европейско-германско-российских связей» [18, с. 102]. И далее автор пишет, «российско-германские отношения впервые оказались в глубоком кризисе во всех без исключения сферах» [18, с. 112]. Ситуация не изменилась к настоящему времени.

Таким образом, можно констатировать, что в развитии современной российской историографии российско-германских отношений выделяется три этапа, которые совпадают и одновременно не совпадают с хронологией непосредственных отношений РФ и ФРГ: В этом ее особенность. Это, на наш взгляд, вызвано спецификой самого процесса историографического осмысления текущих исторических и политических событий. Исследователям необходимо некоторое временное абстрагирование от событий, чтобы затем проследить и показать их внутреннюю логику и связь.

В целом в современной российской историографии российско-германских отношений в 1991 – 2021 гг. сформировалось два подхода к их оценке и перспективам. Первый, позитивный подход положительно рассматривает эти отношения, но считает, что их улучшению мешают определенные обстоятельства. Второй подход исходит из прагматичной позиции в двусторонних российско-германских отношениях и предлагает в их развитии придерживаться тактических и ситуационных моментов.

Источники и литература

1. Россия и Германия в пространстве европейских коммуникаций, под ред. А. В. Девяткова, А. С. Макарычева. – Тюмень: ТюмГУ, 2013. – 272 с.
2. Максимычев, И. Ф. Крушение. Реквием по ГДР. // Последний год ГДР, под общ. ред. В. С. Рыкина. – М.: Междунар. отношения, 1993. – 285 с.
3. Филитов, А. М. Германский вопрос: от раскола к объединению. Новое прочтение / А. М. Филитов. – М.: Международные отношения, 1993. – 240 с.

4. Ахтамзян, А. А. Объединение Германии, или Аншлюс ГДР к ФРГ. Т. 1 / А. А. Ахтамзян. – М.: Мысль, 1994. – 108 с.
5. Кузьмин, И. Н. Крушение ГДР. История. Последствия. 2-е изд., доп. / И. Н. Кузьмин. – М.: Научная книга, 1996. – 229 с.
6. Вяткин, К. С. Россия и Германия – десять лет трансформации. / К. С. Вяткин // Современная Европа. – 2000. – № 1. – С. 89–94.
7. Ватлин, А. Ю. Германия в XX веке / А. Ю. Ватлин. – М.: РОССПЭН, 2002. – 336 с.
8. Павлов, Н. В., Новиков, А. А. Внешняя политика ФРГ от Аденауэра до Шредера / Н. В. Павлов, А. А. Новиков. – М.: Московские учебники – СидиПресс, 2005. – 605 с.
9. Германия. Вызовы XXI века, под ред. В. Б. Белова. – М.: Весь Мир, 2009. – 792 с.
10. Российско-германские отношения в контексте европейской безопасности, под общ. ред. В. И. Дашичева, отв. ред. Н. К. Меден. – М.: ИЭ РАН, 2009. – 186 с.
11. Ахтамзян, А. А. Объединение Германии. Обстоятельства и последствия / А. А. Ахтамзян. – М.: Библос консалтинг, 2010. – 386 с.
12. Максимычев, И. Ф. Россия – Германия. Война и мир: от мировых войн к европейской безопасности / И. Ф. Максимычев. – М.: Кн. мир, 2014. – 510 с.
13. Максимычев, И. Ф. Есть ли будущее у германо-российского сотрудничества? // Россия XXI. – 2015. – № 6. – С. 28–37.
14. Современная Германия. Экономика и политика, под общ. ред. В. Б. Белова. – М.: Весь мир; ИЕ РАН, 2015. – 720 с.
15. Павлов, Н. В. Россия и Германия. Несостоявшийся альянс (история с продолжением) / Н. В. Павлов. – М.: Аспект Пресс, 2017. – 558 с.
16. Васильев, В. И. Европейская политика Германии. Опыт, проблемы, перспективы. – М.: ИМЭМО РАН, 2020. – 226 с.
17. Германия в евроинтеграционных и трансатлантических процессах, под ред. В. И. Васильев, А. М. Кокеев. – М.: ИМЭМО РАН, 2021. – 127 с.
18. Белов В.Б. Новое правительство ФРГ и германо-российские отношения. Фактор Украины. Часть 2 // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2022. – №2. – С. 100-116.

ОТЧЕТЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА ФРГ О РОЛИ ФИНАНСОВОГО УЧАСТИЯ В НАТО

Т.Г. Хришкевич, г. Псков (Россия)

Статья посвящена механизмам финансового участия ФРГ в деятельности НАТО в рамках трастовых фондов Североатлантического альянса в годы канцлерства А. Меркель. Программы финансирования раскрыты в ежегодных отчетах федерального правительства о контроле над вооружениями и деятельности с 2013 по 2021гг.

Ключевые слова: Германия, США, НАТО, экспорт вооружения.

В последние десятилетия мир становится все более непредсказуемым и неопределенным для всех ведущих мировых держав. Международные порядки и фундаментальные принципы, такие как многосторонность, международное право и универсальные права человека находятся под

постоянным давлением. Стремление к подлинной безопасности в условиях глобализации становится в этих условиях скорее исключением, чем правилом, а партнерские отношения и альянсы, средством к достижению собственного доминирования. Особое место занимает в этих процессах ФРГ.

Внешнеполитический курс единой Германии, как и у любого другого государства, неотъемлемо связан с международной обстановкой и той позицией, которую занимают по тому или иному вопросу наднациональные организации. Германия, как член ООН и НАТО, не может этого не учитывать. ФРГ участвует в 15 специализированных учреждениях ООН, в реализации программ экономического развития и сотрудничества, неоднократно получала место в Совете Безопасности среди десяти непостоянных членов, занимает третье место по доле вклада в бюджет ООН и на втором месте в НАТО.

Определение внешнеполитического курса ФРГ после объединения в 1990-х гг. было связано не только с традиционными направлениями, оформившимися на протяжении 1950-1980-х гг. в Боннской республике, но и оказалось в зависимости от опасений европейских держав относительно возрождения имперских амбиций. Приверженность мирному курсу была подтверждена в соглашении СДПГ и партии «Союз-90/Зеленые» от 20 октября 1998 г. «Прорыв и обновление – путь Германии в XXI столетие», которое декларировало, что новое правительство будет развивать основные принципы ранее проводимой внешней политики Германии.

Коалиционные договоры периода канцлерства А. Меркель неоднократно подчеркивали, что главной задачей немецкой политики является укрепление и развитие международного сотрудничества, институтов и организаций, основанных на правилах, в качестве основы мира, безопасности и стабильности. Германия преследует две центральные цели: Европа должна стать более самостоятельной и дееспособной на международном уровне, в то же время укрепляя связь с США [1, s. 144]. Таким образом, ни перемены в федеральном правительстве, ни накопление международного опыта А. Меркель в качестве канцлера (в том числе связанного с периодическими разногласиями с США) почти не оказали влияния на генеральную линию: стремление взять на себя «большую ответственность за безопасность и обороноспособность», направленную на укрепление европейского сотрудничества и трансатлантического партнерства. Коррекциям подвергались скорее методы «доступные для решения огромных международных проблем», к которым относятся, в том числе, «средства, выделяемые на эти задачи», которые Германия должна «адекватно увеличить». К ним следует отнести оборонные расходы и различные виды финансового участия в обеспечении политики безопасности. Рост расходов ФРГ в полной мере отвечает не только ее собственным интересам, но и соответствует мнению главного атлантического партнера.

Реализация данного курса требует активных действий и подтверждения статуса. ФРГ идет в этом направлении тремя путями. С одной стороны, это непосредственное использование бундесвера в мировой

политике. С другой стороны, это традиционная для Европы «мягкая сила»: проведение международных конференций и семинаров, дипломатические усилия по поддержанию региональной безопасности. Третий путь – это финансовое участие в проектах, направленных на разоружение и нераспространение стрелкового вооружения, что должно подтверждать статус ФРГ как государства стремящегося к мирному сосуществованию.

Подтверждением изменения подходов к глобальной роли ФРГ и её масштабного финансового участия являются отчеты федерального правительства о состоянии усилий по контролю над вооружениями, разоружению и нераспространению и о развитии Вооруженных сил с 2013 по 2021 гг. [2] Экономическое участие в деятельности Северо-Атлантического альянса ФРГ предприняла уже в первые годы государственного единства. Первым примером стала поддержка западных союзников во время войны в Персидском заливе в 1991 г. Продолжением стало участие в конфликте в бывшей Югославии, где Германия впервые заявила о себе, как о новой и сравнительно самостоятельной политической силе. В то же время, способом поддержания статуса и взаимодействия с союзниками по НАТО стало финансирование трастовых фондов. Их основной целью, как правило, является повышение оперативной совместимости стран-партнеров с НАТО в интересах широкого привлечения внеблоковых государств к участию в операциях и миссиях альянса.

Политика трастовых фондов была разработана в сентябре 2000 г. в рамках программы Партнерство ради мира (ПРМ) для предоставления ресурсов странам-партнерам с целью осуществления проектов в области демилитаризации. Альянс декларировал возможность любой стране-партнеру обратиться за помощью, для чего создавался специальный фонд, позволяющий другим странам оказывать финансовую поддержку на добровольной основе или вносить взносы натурой (например, оборудованием или экспертной оценкой) [5].

Подходы изменились после 2001 г. Программа стала декларироваться как практический инструмент борьбы с терроризмом. Для этого были сформулированы новые задачи: оборона и наращивание военного потенциала. Уничтожение избыточных запасов оружия и боеприпасов объявлялись средством уменьшения угрозы для отдельных стран-партнеров и их населения, а также для всего региона в целом. Безопасное уничтожение гарантирует, что избыточные запасы будут выведены за пределы досягаемости террористов и преступников.

За двадцать лет реализации программы трастовых фондов основная работа преимущественно сосредоточена на оказании помощи странам-партнерам в уничтожении запасов противопехотных наземных мин, избыточных и неразорвавшихся боеприпасов, стрелкового оружия и легкого вооружения (СОЛВ), переносных зенитных ракетных комплексов, ракет, ракетного топлива, а также проведение военных реформ.

Механизм действия фондов предусматривает назначение для каждого проекта ведущей страны, которая определяет потенциальных

участников и проводит проект через все этапы его развития. Проекты финансируются на добровольной основе. Общего финансирования НАТО для этих проектов не существует. Следует подчеркнуть, что размеры фондов существенно отличаются. Так, например, в 2003-2004 г. в Сербии и Черногории было уничтожено 28 000 единиц СОЛВ при участии таких стран как Канада, Франция, Великобритания В Грузии с 2003 г. было вложено более 1 млн. евро в уничтожение 526 ракет класса «земля-воздух» и 45 боеголовок. Проект финансировали такие страны как Канада, Чехия, Финляндия, Норвегия, Швеция, Великобритания, Швейцария, Турция. Ведущей страной стал Люксембург [6].

Сфера интересов Федеративной Республики Германия в рамках партнерских отношений с НАТО представлена в отчетах федерального правительства весьма широко. Особое внимание уделяется присутствию на постсоветском пространстве, но участвует и в совместных проектах на территории Юго-Восточной Европы и Западной Африки. Например, в таких фондах как «Украина IV» совместно с Канадой и Великобританией (общий бюджет в 2018 г. 3 млн. 700 тыс. евро); «Армения» (1, 42 млн. евро) [3], [4]. Согласно ежегодным Отчетам федерального правительства о состоянии усилий по контролю над вооружениями, разоружению и нераспространению, а также о развитии Вооруженных сил за период с 2013 по 2021 г. ФРГ приняла участие в финансировании 16 различных фондов. Взносы ФРГ варьируются от 33 % от общей суммы (Украина) до 76% (Армения).

Отчеты правительства свидетельствуют, что особое место в проектах ФРГ занимала Украина. Несмотря на то, что трастовые фонды для нее действуют с начала 2000-х гг., Германия присоединяется только в 2014 г. с началом нового этапа, ознаменовавшимся большей широтой охвата, не ограничивающегося традиционными ранее процедурами по обезвреживанию боеприпасов. С 2014 г. фонды финансировали мероприятия по модернизации командования, контроля и связи, логистики и стандартизации в вооруженных силах и пограничной службе; обеспечение кибернетической безопасности; переподготовку и социальную адаптацию военных; медицинскую реабилитацию. Помимо стандартного для ФРГ участия в уничтожении обычных боеприпасов и запасов противопехотных мин, Германия руководила программой UKR Disposal of Radioactive Waste II по утилизации радиоактивных отходов в Житомирской области, запущенной в 2016 г. Вклад ФРГ составлял в этот период более 1 млн. евро. В сербском Крагуеваце идет работа по уничтожению запасов 1,3 млн. противопехотных мин, а так же нескольких тысяч единиц стрелкового оружия [6].

Трастовые фонды НАТО это не единственный пример финансового участия ФРГ в мероприятиях по разоружению. Приверженность европейскому партнерству нашло выражение в финансировании британской благотворительной Организации жизнеобеспечения в опасных зонах (Hazardous Area Life-Support organization, HALO), а стремление к

присутствию на мировом уровне – во взносах в фонд Организации Объединенных Наций, созданного в целях поддержки сотрудничества в сфере регулирования вооружений (United Nations Trust Facility Supporting Cooperation on Arms Regulation, UNSCAR).

UNSCAR был создан в 2016 г. и, также как и другие трастовые фонды, предусматривает нескольких доноров. Он предназначен для спонсирования проектов, направленных на поддержку осуществления Договора о торговле оружием и Программы действий по стрелковому оружию и легким вооружениям. Германия является председателем комитета трастового фонда и в настоящее время его крупнейшим донором. До создания Фонда, с 2013 г. ФРГ вела работу в рамках бюро Организации Объединенных Наций по вопросам разоружения (United Nations Office for Disarmament Affairs, UNODA) в отдельных государствах АСЕАН, а также на Ближнем и Среднем Востоке. В сотрудничестве с региональным бюро UNODA по Азии она поддержала семинар по борьбе с незаконной торговлей оружием и боеприпасами в Индонезии. В целом за период с 2013 по 2018 гг. ФРГ выделила более 3 млн. евро на программы ООН по разоружению.

Участвуя в финансировании программ по разоружению, федеральное правительство исходит из нескольких принципов. За необходимостью контроля над нестабильными регионами стоит желание подчеркнуть свою надежность и незаменимость в качестве партнера по НАТО. Именно слово «надежность» является постоянным рефреном в докладах федерального правительства по вооружению. Правительство А. Меркель с 2005 г. неизменно отмечает тот факт, что НАТО остается незаменимым гарантом и основой безопасности государства, а цель ФРГ состоит в более тесном сотрудничестве с США, согласовании целей и ликвидации любых неиспользованных возможностей. Контроль над вооружениями и разоружение остаются приоритетными целями немецкой внешней политики и политики безопасности на протяжении тридцати лет единства. В то же время финансовые инструменты позволяют ФРГ играть более заметную роль на мировой арене, наряду с миссиями бундесвера и посреднической ролью в урегулировании конфликтов.

Стремление ФРГ играть все более заметную роль на мировой арене и сохранения тесного партнерства с НАТО требует от правительства гибкости, а также использования всех доступных методов и ресурсов: как участия бундесвера в миссиях НАТО и продажи оружия, так и защиты принципов разоружения. Анализ вкладов ФРГ в различные трастовые фонды показывает, что за последние годы направленность финансирования меняется в сторону увеличения взносов в благотворительные организации, дающие позитивный общественный резонанс. Декларирование приверженности политике разоружения не приведет к отказу от производства вооружения, а репутационный урон будет сглаживаться посредническими усилиями в

региональных конфликтах, таких как украинский или приднестровский, а также организации Мюнхенской конференцией по безопасности.

Источники и литература:

1. Deutschlands Verantwortung für Frieden, Freiheit und Sicherheit in der Welt / Ein neuer Aufbruch für Europa. Eine neue Dynamik für Deutschland. Ein neuer Zusammenhalt für unser Land. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. 19. Legislaturperiode. [Elektronische Ressource]: URL: https://www.cdu.de/system/tdf/media/dokumente/koalitionsvertrag_2018.pdf (Behandlungsdatum: 25.02.2023).

2. Jahresabrüstungsbericht. Bericht der Bundesregierung zum Stand der Bemuhungen um Rustungskontrolle, Abrüstung und Nichtverbreitung sowie über die Entwicklung der Streitkräftpotezenziale. 2013-2021. [Elektronische Ressource]: URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/search?search=Jahresabr%C5%B1stungsbericht.%20Rustungskontrolle> (Behandlungsdatum: 25.02.2023).

3. Summary of ongoing trust funds. [Electronic resource]: URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2019_02/20190214_190214-trust-funds.pdf (accessed: 24.02.2023).

4. Summary of ongoing NATO trust funds – august 2018. [Electronic resource]: URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2018_08/20180802_180802-trust-funds.pdf (accessed: 25.02.2023).

5. Trust Funds: supporting demilitarization and defence transformation projects. [Electronic resource]: URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_50082.htm (accessed: 24.02.2023).

6. Trust Fund projects promoting security and defence reform. [Electronic resource]: URL: <https://www.nato.int/docu/trust/trust-eng.pdf> (accessed: 24.02.2023).

РЕЦЕНЗИИ...

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ ПРОФЕССОРА, ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК В.А. КОСМАЧА «ТАЛУИ: ИСТОРИЯ ДЕРЕВНИ, ЕЕ ЖИТЕЛЕЙ И ОКРЕСТНОСТЕЙ»

М.С. Довгялло, г. Минск (Республика Беларусь)

Рецензируемая рукопись является результатом тщательной работы автора с обширной литературой, архивным материалом, энциклопедическими трудами, периодической печатью, монографиями белорусских авторов, а также сбора информации в иностранных библиотеках. Она освещает историю деревни, где родился автор, ее жителей и окрестностей. Монография охватывает значительный хронологический период (1616 – по н/в), содержит большой фактический документальный и фотографический материал.

Метод подбора и изложения материала можно характеризовать как комплексный. Он сочетает цивилизационный, хронологический, страноведческий и сравнительно-исторический принципы. Содержание книги включает 11 глав. Первые главы исследования посвящены сведениям о первых исторических записях в XV в. о деревне Талуи, ее жителях, происхождении фамилии Космач. Затем автор рассматривает историю деревни во взаимосвязи с соседним местечком Марково после разделов Речи Посполитой. Отдельная глава посвящена Первой мировой войне, обороне г. Сморгони. Как отмечает автор, бои были настолько жестокими, что российские солдаты говорили: «Кто в Сморгони не бывал, той войны не видал» (с. 163). На эту войну был мобилизованы и родственники Вениамина Аркадьевича. Значительное место в книге занимает описание событий Великой Отечественной войны в рассматриваемом регионе, судеб жителей Талуев и близлежащих деревень в военное время, их борьбе с оккупантами.

Несомненным достоинством рецензируемой работы является обстоятельный анализ истории семьи Космач на протяжении 4-х поколений: брата Геннадия, родителей Аркадия Степановича и Нины Григорьевны, бабушек и дедушек по материнской и отцовской линии, прадедов. Заслуживает внимания и информация о самом авторе, его детстве, учебе в Марковской средней школе и в БГУ на историческом факультете, работе учителя в Хожевской средней школе Молодеченского района, а в

последующем, после защиты кандидатской и докторской диссертаций, - преподавателя Витебского медицинского института, а затем Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Автор не обошел вниманием и достопримечательности деревень Талуи, Марково и Бенина. Как отмечено в книге, Бенина – это третье известное в истории после Марково и Лебедево местечко в ВКЛ и Речи Посполитой (с. 239). Особое внимание уделено православным церквям, Марковской Свято-Троицкой и Беницкой Свято-Покровской, их бывшим и настоящим настоятелям. Не обошел вниманием автор и жителей соседних окрестных мест его родной деревни: Долгий Лог, Трепалово, Васюковщина, Гаевцы, Клочково, Ковальцы и др.

Последняя глава монографии, в которой используется семейный архивный документальный материал, посвящена родному брату автора. Именно доктор исторических наук, профессор Геннадий Аркадьевич, к сожалению, рано ушедший из жизни, являлся духовным наставником, советчиком и примером в преподавательской и научно-исследовательской работе Вениамина Аркадьевича (с. 296).

Рецензируемая монография доктора исторических наук, профессора В.А. Космача «Талуи: История деревни, ее жителей и окрестностей» написана на высоком научном уровне, оставляет очень благоприятное впечатление, читается с интересом и может быть рекомендована к печати. Она будет полезна научным работникам, преподавателям, краоведам и музеоведам, всем кто интересуется историей и краеведением нашей страны.

Хочется пожелать автору успехов в дальнейшем исследовании истории родной фамилии, деревни Талуи и ее жителей.

ЭРА МАСТЕРА КОМПРОМИССОВ

М.В. Стрелец, г. Брест (Республика Беларусь)

О политике мирового уровня – достоверно, компетентно, убедительно

Доктор исторических наук, профессор, профессор Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России Николай Валентинович Павлов подготовил монографию «Эра Ангелы Меркель», которая вышла в 2023 году в московском издательстве «Аспект Пресс». Употребление выражения «Эра Ангелы Меркель» сопряжено с колоссальной ответственностью, которую берёт на себя автор. Эта уникальная женщина с 22 ноября 2005 года по 8 декабря 2021 года бессменно стояла у руля германского государства. Если мы посмотрим, что же оказалось в сухом остатке после канцлерства фрау Меркель, то убедимся в глубокой правоте профессора.

Начнём с экономики. Хорошо известно, что это – фундамент любого государства. Не лишним представляется и упоминание банальной

истины: экономика без цифр, что песня без слов. Мой российский коллега скрупулёзно отобрал ключевые макроэкономические показатели. Акцент сделан на данные весьма авторитетных экспертов, прежде всего сотрудников Всемирного банка.

Первые и по значимости, и по порядку показатели касаются сугубо объёмов валового внутреннего продукта (ВВП).

«Если в 2005 г. объем ВВП на душу населения в Германии, по данным Всемирного банка, составлял 34,5 тыс. долл., то в 2020 г. этот показатель равнялся 46,2 тыс. долл. (максимальное значение в 2014 г. – 47,9 тыс.). В 2015 г. ВВП Германии вырос еще на 1,7%, в 2016 г. – на 1,9, а в 2017 г. – еще на 2,2%. Объем ВВП Германии в 2020 г. составил 3,8 трлн долл. Уже в 2006 г. экономический рост составил 2,5%. В 2009 г., в период глобального финансового кризиса, было зафиксировано падение экономики на 5,6%, однако затем в результате принятых мер экономика начала восстанавливаться. Темп роста постепенно увеличивался с 0,4% в 2012 г. до 2,7% в 2017 г. В 2020 г. из-за последствий пандемии COVID-19 ВВП снизился на 4,5%» (с. 33). Н.В. Павлов подводит читателя к выводу о том, что «основным мотором экономического роста был внутренний спрос» (с. 38). Значительное увеличение объёма ВВП на душу населения заметно укрепило и без того сильный социальный стержень внутренней политики государства.

Второй аргумент команды Меркель – кардинальное изменение на рынке труда. С момента объединения Германии федеральные правительственные кабинеты столкнулись с высоким уровнем безработицы. И при Коле, и при Шрёдере среднегодовая численность лиц без работы была не менее 2 млн человек. Команде бундесканцлерин в 2015 году впервые в истории объединённой Германии удалось добиться того, что «безработица составила менее 2 млн человек, т.е. она стала меньше на 140 тыс. (–6,7%) по сравнению с 2014 г. К 2018 г. количество лиц без работы практически сошло на нет (из-за введенных коронавирусных ограничений в 2020 г. этот показатель вырос до 3,8%)» (с. 38).

Третий аргумент складывается из ответов на ряд вопросов. Наблюдалось ли устойчивое повышение общего уровня цен на товары и услуги? В какой мере прослеживается процесс обесценивания денег? Происходило ли ощутимое падение покупательной способности денег вследствие двух сценариев? Первый сценарий: чрезмерная эмиссия. Второй сценарий: сокращение товарной массы в обращении при неизменном количестве выпущенных денег. Российский коллега исчерпывающе ответил на поставленные вопросы. Вот ответ на самый главный вопрос: «Инфляция колебалась в пределах от 0,4% в 2006 г. до 2% в 2013 и 2015 гг. В 2017 г. ее уровень составил 1,8%, в 2020 г. сократился до 0,5%».

Четвёртый аргумент – весьма благоприятное положение в бюджетной сфере. «Профицит общественных бюджетов ФРГ в 2017 г. достиг наивысшего показателя за прошедшие 27 лет. Превышение доходов над

расходами составило в абсолютном исчислении 36,6 млрд евро, что стало рекордом с момента объединения Германии».

Пятый аргумент – качественные изменения в месте и роли ФРГ в европейской и глобальной экономике. «В Германии были достигнуты рекордные показатели по стоимостному объему экспортно-импортных товарных операций и положительному внешнеторговому сальдо, которое было самым высоким в мире. Традиционно Германия занимает первые строчки в рейтинге Всемирного банка и по объему экспорта. Этот показатель составлял 1,1 трлн долл. в 2005 г., 4 трлн долл. в 2018 г., а в 2020 г. страна экспортировала товаров и услуг на сумму 1,7 трлн долл. (третье место после Китая и США).

А в 2018 г. в ежегодном рейтинге конкурентоспособности, который составляют эксперты Всемирного экономического форума (*WEF*), Германия заняла третье место вслед за США и Сингапуром. Она также опередила США как наиболее благоприятная для инноваций страна по всему миру» (там же)

Меркель учитывала, что «между Берлином и Вашингтоном сложились прочные связи в области торговли и финансов. Экономическая кооперация продолжала оставаться стержнем германо-американского сотрудничества и оказывала влияние на политические процессы между ФРГ и США, зачастую являясь «сдерживающим фактором» от необдуманных шагов в отношении друг друга (с. 175). В 2007 году взаимный товарооборот впервые превысил 140 млрд долларов (с. 176).

Для Меркель, её предшественников и преемника центральное направление внешнеэкономической политики – евросоюзное. Команда Меркель сыграла ключевую роль в разработке экономических статей Лиссабонского договора, который по сути является Конституцией Европейского союза (ЕС).

У ФРГ самый прочный народно-хозяйственный комплекс среди всех государств-членов ЕС. «Германия практически не пострадала от европейского долгового кризиса (начался осенью 2009 г. в Греции и затем распространился почти на всю зону евро). В июне 2010 г. правительство приняло беспрецедентную в истории страны программу мер жесткой экономии, которая предусматривала снижение бюджетных расходов в 2010–2014 гг. более чем на 80 млрд евро. С большой неохотой самая экономически сильная страна в Евросоюзе взяла на себя всю ответственность за принятие порой непопулярных решений в объединенной Европе. С одной стороны, канцлер ФРГ вынудила страны с особенно большой задолженностью придерживаться жесткого курса экономии и реформ. С другой стороны, Меркель одобрила масштабную помощь пострадавшим от кризиса странам ЕС, в связи с чем ответственность Берлина по долгам других стран значительно возросла» (с. 37).

Ещё одним серьезным вызовом для ЕС явился выход из этой организации Соединённого королевства Великобритании и Северной Ирландии. Конечно, брексит противоречил национальным интересам ФРГ, особенно в той части, которая касалась экономики. Судя по содержанию

монографии, кабинет Меркель делал всё возможное для предотвращения брексита. Но британцы сделали иной выбор. Меркель постоянно держала руку на пульсе на всём протяжении переговоров представителей ЕС с коллегами из Туманного Альбиона на предмет разработки итогового соглашения.

В период первой в истории канцлерства Меркель «большой коалиции» Германия отметилась успешным председательством в «Группе восьми». В актив бундесканцлерин следует занести запуск «хайлигендамского процесса». Суть настоящего процесса: привлечение к работе «восьмерки» быстроразвивающихся стран третьего мира. Соглашусь с российским коллегой в том, что «не в последнюю очередь благодаря личным усилиям, упорству и настойчивости А. Меркель в условиях наступления глобального финансово-экономического кризиса была реализована идея создания «Группы двадцати» (с. 42).

Берлин стремился использовать по максимуму и членство в других международных организациях, и возможности иных переговорных площадок для взятия новых рубежей в своей торгово-экономической политике.

За время правления Ангелы Меркель укрепились позиции ФРГ в международном военно-политическом ландшафте. Российский учёный объясняет это «проведением самой масштабной в истории страны реформы бундесвера. Ее цель – создание мобильной профессиональной армии, способной к участию в миротворческих операциях по всему миру. В результате всеобщая воинская повинность была отменена (существовала с 1956 г., при необходимости может быть возвращена). С 2011 г. комплектование армии осуществляется на основе добровольной службы, минимальный срок составляет шесть месяцев (ранее – девять)» (с. 61). Автор монографии убедительно показал, что указанная цель достигнута. Перед нами ценный опыт обеспечения военной безопасности государства.

А вот что касается энергетической безопасности, то говорить о жизненной неспособности взятого командой Меркель курса ещё совсем рано. И в тоже время сам процесс выработки настоящего курса представляет собой хрестоматийное пособие на тему «Как власть советуется с народом в цивилизованном мире?»

В рецензируемой работе читаем: «На фоне благоприятной внутренней конъюнктуры федеральное правительство в июле 2011 г. под давлением изменившегося после мартовской аварии на японской АЭС «Фукусима» общественного мнения приняло стратегическое решение отказаться от атомной энергетики, а в последующем и от ископаемых энергоносителей. Его важнейшей частью стал план перехода на возобновляемые источники энергии (ВИЭ), который должен быть реализован до 2050 г. Меркель содействовала принятию ряда законов, направленных на продвижение возобновляемых источников энергии. Парламентарии в 2020 г. проголосовали за полный отказ ФРГ от производства электроэнергии с помощью угля не позднее конца 2038 г.» (с. 38). Здесь неразрывны энергетическая и экологическая безопасность. Полный переход к зелёным

технологиям приведёт, по мнению оптимистов, к революционным изменениям в системе охраны окружающей среды. Сама бундесканцлерин многие годы находилась в лагере пессимистов. Российский коллега неплохо показал эволюцию взглядов Меркель в данном вопросе.

Не менее удачно освещена деятельность первого лица в ФРГ во время миграционного кризиса 2015 года. Нельзя не согласиться с утверждением Николая Валентиновича о том, что «ничто не принесло Меркель такой известности во всем мире и ничто не вызвало такого противоречивого отношения к ней в Германии и за рубежом, как ее единоличное решение в конце лета 2015 г. открыть границы ФРГ для беженцев и мигрантов. Миграционная волна из кризисных регионов, захлестнувшая тогда Европу и спровоцировавшая «кризис солидарности» внутри ЕС, оказала существенное влияние на экономические и политические процессы в самой Германии» (с. 39).

Масштабы ответственности, которую взвалила на свои плечи госпожа федеральный канцлер, не могли не впечатлять. Её знаменитый лозунг «Мы справимся!» услышали многие соотечественники. Мигрантам активно помогали органы местного самоуправления, волонтеры. «Страна, в которой доля населения «с миграционным фоном» (происхождением) составляет 20,5% (16,5 млн человек), была вынуждена принять в течение одного только 2015 г. 1,1 млн беженцев, из которых около полу-миллиона человек подали заявление о предоставлении убежища. Это было в 2 раза больше, чем в 2014 г.» (там же). К принятию анализируемого решения бундесканцлерин подтолкнули два момента. Во-первых, «христианская любовь к ближнему», во-вторых, «опыт жизни в ГДР с неприступными границами».

Конечно, финансовые средства германского государства – не бездонная бочка. Поэтому вполне логично то, что с января 2016 года был взят курс на резкое уменьшение притока новых мигрантов.

Николай Валентинович скрупулёзно исследовал действия команды бундесканцлерин в то время, когда человечество боролось с пандемией ковид-19. Меркель в 2020–2021 гг. скрепила своей подписью целый пакет нормативно-правовых актов. Высшему органу исполнительной и распорядительной власти удалось найти оптимальный вариант поддержки НХК в период пандемии COVID-19. «Так, на эти цели было выделено 750 млрд евро – по словам канцлера, беспрецедентный по масштабам пакет помощи компаниям. Средства пошли на создание фонда помощи крупным предприятиям с объемом инвестиций 600 млрд евро, выплаты частным предпринимателям и наиболее уязвимым группам населения, свыше 3 млрд евро было направлено на финансовую поддержку медучреждениям. И это дало свои результаты. Германия выходит из пандемии с минимальными потерями благодаря своевременным и эффективным мерам правительства и премьер-министров всех федеральных земель. Еще в марте 2020 г. в стране был введен режим эпидемии национального значения, который четырежды продлевался решением бундестага. Он позволял

кабинету министров издавать предписания, на основании которых федеральные земли вводили антикоронавирусные ограничения» (с. 40).

Николай Павлов обратился также к недостаточно исследованным проблемам внешней политики кабинетов А. Меркель. Его вклад в разработку этих проблем таков.

Во-первых, сформулированы причины «постшрёдеровского потепления» отношений между ФРГ и США.

Во-вторых, в комплексе рассмотрена борьба коллективного Запада с международным терроризмом с германским упором на гражданско-гуманитарную составляющую (Ирак, Афганистан).

В-третьих, проанализированы многочисленные высказывания бундесканцлерин о необходимости скорейшего мирного урегулирования на Ближнем Востоке.

В-четвёртых, детально освещена борьба ФРГ за предотвращение ядерного вооружения Ирана.

В-пятых, убедительно показана заинтересованность официального Берлина в денуклеаризации Корейского полуострова.

В-шестых, основательно рассмотрена причастность ФРГ к целому блоку событий, включавшему завершение и легализацию политики сегментирования Балкан с признанием независимости Косово.

В-седьмых, на базе эксклюзивных источников освещается, как немецкий канцлер пережила начало отчуждения между коллективным Западом и Россией. Данное отчуждение усилилось после того, как на смену Меркель пришёл новый канцлер Олаф Шольц. Особенно это стало ощутимым с началом Специальной военной операции (СВО) России в Украине.

Полностью согласен с российским коллегой в том, что госпожа федеральный канцлер «всегда старалась находить компромиссы, даже если их поиск занимал много времени. И в большинстве случаев ее попытки имели успех. Не случайно премьер-министр Люксембурга Ксавье Беттель назвал Меркель «машиной по поиску компромиссов». В данном случае это прямая цитата. Она обладает таким политическим стилем, до которого многим политикам еще далеко. При этом за время председательства в ХДС и канцлерства она не была вовлечена ни в одну политическую аферу. За ее стиль Меркель уважают за границей даже больше, чем в Германии. Не случайно Джордж Буш-младший назвал ее «женщиной с принципами и большим сердцем». Экс-премьер Великобритании Тони Блэр сказал, что «она одна из тех, кто решает проблему, кто выступает менеджером в сложной ситуации. Благодаря этой способности она так долго продержалась на своем посту» (с. 44).

Источники и литература

1. Павлов, Н.В. Эра Ангелы Меркель / Н.В. Павлов. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2023. – 431 с.

ИЗБРАННЫЕ ФОТОГРАФИИ

**ПАСВЕДЧАННЕ
АБ НАРАДЖЭННІ**
СВИДЕТЕЛЬСТВО О РОЖДЕНИИ

Гр. Генадзій Аркадзевіч
(прозвішча — фамилия, імя і імя па бацьку — імя і отчество)

нарэдзіўся (дзя) 4 ліп. 1953 г. серада
родзіўся (дзя) 4 ліп. 1953 года серада
(прозвішча і імя па бацьку — імя і отчество, прозвішча і імя па бацьку — імя і отчество)

19 ліпеня 1953 года
(прозвішча і імя па бацьку — імя і отчество)

Месца нараджэння дзіцяці: горад, сяло, вёска, вёска, вёска
Месца нараджэння дзіцяці: горад, сяло, вёска, вёска, вёска
район Молодзінскі
обласць Молодзінская
обласць Молодзінская

аб чым у кнізе запісаў актаў грамадзянскага стану аб нараджэнні
о чым у кнізе запісаў актаў грамадзянскага стану аб нараджэнні
о чым у кнізе запісаў актаў грамадзянскага стану аб нараджэнні

19 53 года 18 чысла 29
19 53 года 18 чысла 29

ўтворан адпаведны запіс за
произведена соответствующая запись за

ВЫДАН ПАСПОРТ СЕРЫЯ И-412
63888, 3. IX. 1971 г.
БАЦЬКІ: Аркадзій Іосифавіч
РОДИТЕЛИ: Аркадзій Іосифавіч
Молодзінскага горадскага р-на, горад Мінск, Мінская абласць

Бацька: Аркадзій Іосифавіч
Отец: Аркадзій Іосифавіч
(прозвішча — фамилия, імя і імя па бацьку — імя і отчество)

нацыянальнасць беларуская
нацыянальнасць беларуская
Маці: Лілія Іосифавна
Мать: Лілія Іосифавна
(прозвішча — фамилия, імя і імя па бацьку — імя і отчество)

нацыянальнасць беларуская
нацыянальнасць беларуская
Месца рэгістрацыі Мар'ёўскі
Месца рэгістрацыі Мар'ёўскі
(назва і месцазнаходжанне бюро ЗАГС, найменне і месцазнаходжанне бюро ЗАГС)

Дата выдання 22 чэрв. 1953 г.
Дата выдання 22 чэрв. 1953 г.

М. П. ПШ 480552

Загадчык бюро запісаў актаў грамадзянскага стану
Заведующий Бюро записей актов гражданского состояния

ДЫПЛОМ
З АДЗНАКАЙ
С № 395292

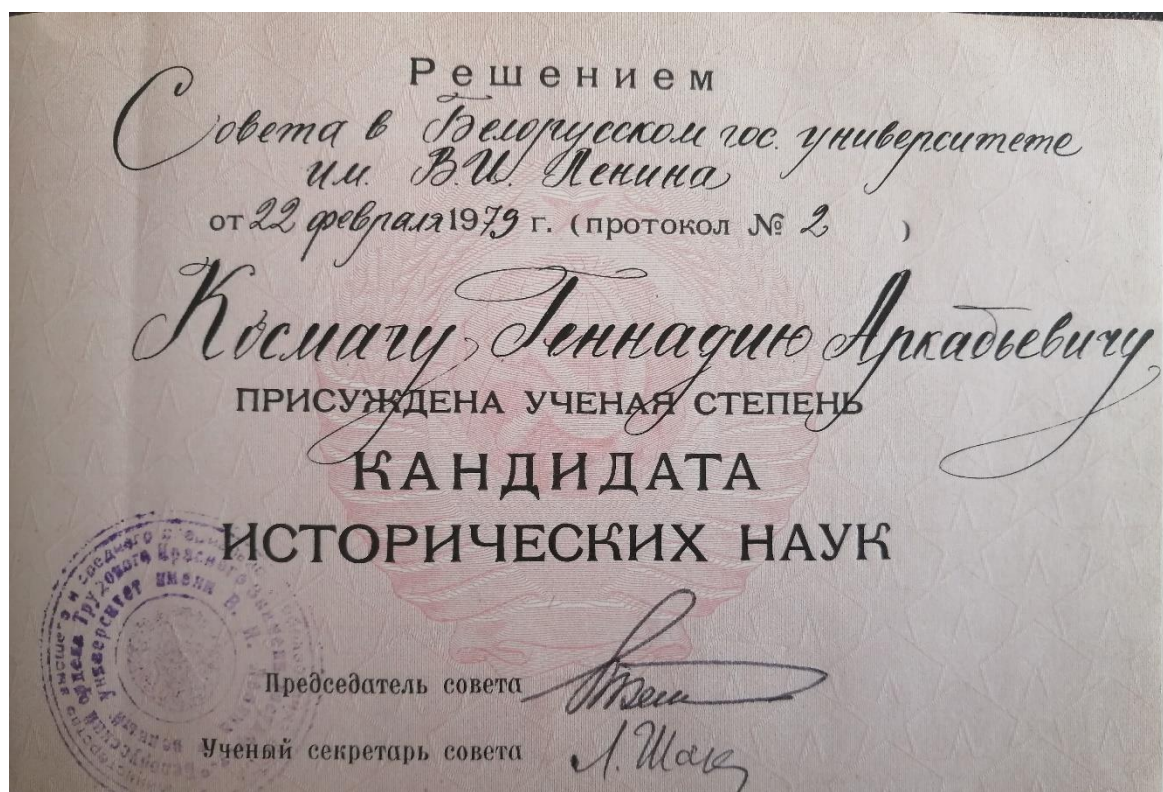
Гэты дыплом выданы Госмагу
Генадзю Аркадзевічу
у тым, што ён у 1971 годзе паступіў у Беларускі дзяржаўны
універсітэт імя Ч.Т. Леаніда
і ў 1976 годзе скончыў поўны курс назвазнага ўніверсітэта
па спецыяльнасці Гісторыя

Рашэннем Дзяржаўнай экзаменацыйнай камісіі ад 21 чэрвеня 1976 г. Госмагу Г.А. прысвоена кваліфікацыя Гісторык
Дзяржаўна-гістарычна-грамадзянскага
Старшыня Дзяржаўнай экзаменацыйнай камісіі Г.А. Сасадзіна
Рэктар Г.А. Сасадзіна
Секратар Г.А. Сасадзіна
М. П. Горад Мінск 24 чэрвеня 1976 г.
Рэгістрацыйны № 0243-9

ДИПЛОМ
С ОТЛИЧИЕМ
С № 395292

Настоящий диплом выдан Госмагу
Генадзю Аркадзевічу
в том, что он в 1971 году поступил в Белорусский государственный
университет имени Ч.Т. Леониды
и в 1976 году окончил полный курс назвазнага ўніверсітэта
по специальности Гісторыя

Решением Государственной экзаменационной комиссии от 21 июня 1976 г. Госмагу Г.А. присвоена квалификация Гісторык
Дзяржаўна-гістарычна-грамадзянскага
Председатель Государственной экзаменационной комиссии Г.А. Сасадзіна
Ректор Г.А. Сасадзіна
Секретарь Г.А. Сасадзіна
М. П. Город Мінск 24 июня 1976 г.
Регистрационный № 0243-9
Московская типография Гознака. 1967.

Р е ш е н и е м
Высшей аттестационной комиссии
при Совете Министров СССР

от 15 марта 1991 г. (протокол № 109/60)

Космачу Теннадью Аркадьевичу

ПРИСУЖДЕНА УЧЕНАЯ СТЕПЕНЬ

ДОКТОРА

исторических наук

Председатель
Высшей аттестационной комиссии

Главный ученый секретарь
Высшей аттестационной комиссии

Мамин
Скулашов

Р а ш ь н ь е м
А т э с т а ц и й н а я к а л е г і і

ад „ 9 “ красавіка 1993 г. (пратакол N 4/1-П)

Космачу Тенадзю Аркадзевічу

прысвоена вучонае званне

ПРАФЕСАРА

на кафедры ўсесагульнай гісторыі

Старшыня
Атэстацыйнай калегіі

В. А. Таісенак

Институт теории и истории социализма ЦК КПСС

ПРОПУСК

на вход в читальный зал
Центрального партийного архива

Выдан тов.

Жосмачу Т. А.

Срок занятий до "

31

декабря

1992 г.

Действителен при предъявлении паспорта

Зав. читальным залом

31

декабря

1992 г.

Зак. 61—5000

Государственная общественно-политическая библиотека

БИЛЕТ №

1437

на право занятий в читальном зале
библиотеки

Выдан

Срок занятий до "

31

декабря

2005 г.

Директор библиотеки

"9"

декабря

2005 г.

ГОП
ЧИТАЛЬНЫЙ
ЗАЛ

ПАСТАНОВА

Вучонага савета № 1
ад “ 25 ” верасня 1997 г.

Прысудзіць I прэмію Беларускага дзяржаўнага
педагагічнага ўніверсітэта імя М. Танка

ў галіне гістарычных навук

Космагу Тенадзю Аркадзевічу

за навукова-метадычную працу

“ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ XIX-XX ВВ.”, 11 клас. Мн.,
Народная асвета, 1996

Старшыня Вучонага савета

[Signature]

(Л. Н. Ціханавіч)

Дазволены ўваход у чыталь-
ную залу Нацыянальнага архі-
ва Рэспублікі Беларусь

сп. *Космагу Тенадзю*

Аркадзевічу

з *05 верасня* 199 *9* г.

да *05 верасня* 199 *00* г.

Дырэктар архіва

М. П.

Прадоўжана:

з _____ 199 г.

да _____ 199 г.

Дырэктар архіва

Прадоўжана:

з *5 верасня* 199 *2* г.

да *4 верасня* 199 *3* г.

Дырэктар архіва

М. П.

Прадоўжана:

з _____ 199 г.

да _____ 199 г.

Дырэктар архіва

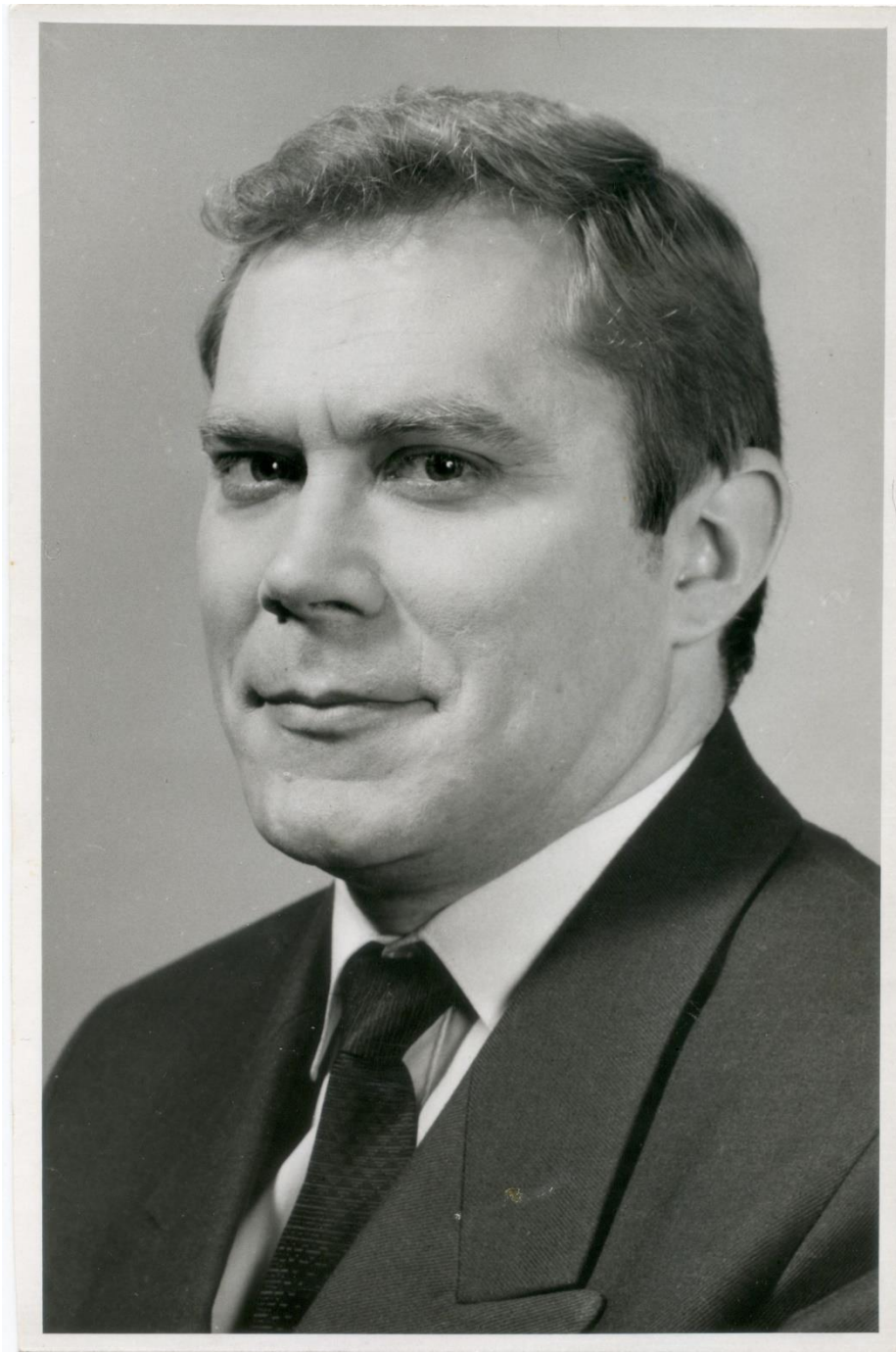
М. П.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ СТАТЕЙ

Бай Сюетун (р. 1995) – аспирант кафедры международных отношений ФМО БГУ, г. Минск. Тема диссертационного исследования: «Развитие стратегического партнерства КНР и ФРГ (2004–2020)». Научный руководитель – кандидат исторических наук И. И. Ковяко.

Контактная информация: baixuetong125@mail.ru

Величко Нина Веняминовна (р. 1983) – кандидат исторических наук, доцент. Выпускница исторического факультета Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка (2005).

Сфера научных интересов: германский вопрос; история внешней политики Франции; история международных отношений в годы «холодной войны»; проблемы новейшей истории стран Азии и Африки.

Доцент кафедры истории и культурного наследия ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск.

Контактная информация: ninakosmach@mail.ru

Гавриловец Людмила Владимировна (р. 1981) – кандидат исторических наук, доцент. Окончила исторический факультет Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины (2007).

Доцент кафедры истории и обществоведческих дисциплин УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И.П. Шамякина», г. Мозырь.

Специализируется на изучении внешней политики Польши, польско-германских и польско-белорусских отношений в новейшее время.

Контактная информация: lussjawlad@mail.ru

Давыдов Александр Дмитриевич (р. 1998 г.) – эксперт Института международных исследований МГИМО, г. Москва. Аспирант Университета МГИМО.

Сфера научных интересов: внутренняя и внешняя политика Германии, евроинтеграция, внешняя политика ЕС, германо-российские отношения, политика ЕС на постсоветском пространстве.

Контактная информация: a.davydov@inno.mgimo.ru

Добровольский Евгений Сергеевич (р. 1990) – кандидат исторических наук. Доцент кафедры ИиФ ФГБОУ ВО ЧГУ, г. Череповец.

Сфера научных интересов: история ГДР, партийно-политическая жизнь послевоенной Германии, история Христианско-демократического союза ГДР.

Контактная информация: jekeedee@mail.ru

Довгялло Михаил Степанович (р. 1956) – кандидат исторических наук, доцент. Выпускник исторического факультета Белорусского государственного университета имени В.И. Ленина (1982).

Сфера научных интересов: история южных и западных славян в Новое и Новейшее время; методика преподавания истории; внешняя политика славянских стран в XX – XXI в.; историческая экология; экологические проблемы славянских стран РБ.

Доцент кафедры истории южных и западных славян УО «Белорусский государственный университет», г. Минск.

Контактная информация: misha_dauhiala@tut.by

Дубровко Елена Николаевна (р. 1981) – кандидат исторических наук, доцент. Окончила исторический факультет Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины (2003).

Доцент кафедры всеобщей истории УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины», г. Гомель.

Сфера научных интересов: европейская политика Великобритании в межвоенный период.

Контактная информация: dubrovko@gsu.by

Иоффе Эммануил Григорьевич (р. 1939) – доктор исторических наук, профессор. Выпускник исторического факультета Белорусского государственного университета (1961).

Сфера научных интересов: еврейская история, история Холокоста, малоисследованные и неисследованные аспекты Второй мировой войны, анализ жизни и деятельности ряда руководителей БССР.

Контактная информация: mach1939@mail.ru

Ковяко Ирина Ивановна (р. 1987) – кандидат исторических наук, доцент. Окончила исторический факультет УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка» (2009).

Доцент кафедры международных отношений БГУ, г. Минск.

Сфера научных интересов: германский вопрос в системе международных отношений второй половины XX в., историография германской проблемы, немецкая геополитика.

Контактная информация: klq2034@mail.ru

Космач Вениамин Аркадьевич (1959 г.р.) – доктор исторических наук, профессор. Выпускник исторического факультета Белорусского государственного университета имени В.И. Ленина (1982).

Сфера научных интересов: история Германии в Новое и Новейшее время; германский вопрос после Второй мировой войны; германский и западноевропейский фашизм; история государства и права России; история государства и права зарубежных стран; геополитика и история международных отношений в XX веке; история и историческое краеведение Беларуси; теория и история культуры.

Профессор кафедры психологии ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск.

Контактная информация: v.kosmach@tut.by

Космач Павел Геннадьевич (р. 1984) – кандидат исторических наук, доцент. Выпускник исторического факультета БГУ (2006). Доцент кафедры истории нового и новейшего времени БГУ, г. Минск.

Доцент кафедры истории нового и новейшего времени Белорусского государственного университета, г. Минск.

Сфера научных интересов: история Нового времени, история религии, философия и теория истории.

Контактная информация: hist2014@yandex.by

Ландина Лариса Владимировна (р. 1968) – доктор исторических наук, доцент. Окончила исторический факультет Минского государственного педагогического института им. М. Горького (1990).

Профессор кафедры историко-культурного наследия Белорусского государственного университета культуры и искусств, г. Минск.

Сфера научных интересов: всеобщая история Нового времени, история Беларуси, исследование государственных институтов, методология, историография, интеллектуальная история, гендерная история, культурология, историко-культурное наследие.

Контактная информация: larisa-hist@mail.ru

Ливиндюк Ольга Владимировна (р. 2000) – магистрант ФМО БГУ. Тема диссертационного исследования «Эволюция индийско-китайских отношений в XXI в.». Научный руководитель – доктор исторических наук С.Ф. Свилас.

Контактная информация: livindiuk.olga@gmail.com

Мезга Николай Николаевич (р. 1965) – доктор исторических наук, профессор. Выпускник исторического факультета Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины (1989).

Заведующий кафедрой всеобщей истории УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины», г. Гомель.

Сфера научных интересов: международные отношения в Центрально-Восточной Европе в межвоенный период.

Контактная информация: nmezga@gsu.by

Мигун Дмитрий Адамович (р. 1971) – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой историко-культурного наследия Беларуси УО «РИВШ», г. Минск.

Сфера научных интересов: германо-белорусские связи в межвоенный период, история, идеология, политология, международные отношения.

Петелин Борис Валентинович (р. 1948) – доктор исторических наук, доцент. Профессор кафедры истории и философии, Череповецкий государственный университет, г. Череповец, Россия.

Сфера научных интересов: современная история Германии, партии ХДС/ХСС, германо-российские связи и отношения в XX веке.

Контактная информация: pbwtscherepowez@mail.ru

Проценко Станислав Евгеньевич (р. 1990) – магистрант Университета МГИМО. Тема магистерской диссертации «Внешняя политика ФРГ в контексте украинского кризиса: трансформация германского подхода к урегулированию военно-политических конфликтов». Научный руководитель – кандидат исторических наук А. П. Соколов.

Контактная информация: procenko_s_e@my.mgimo.ru

Пузанова Дарья Алексеевна (р. 2002) – студент бакалавриата ФМО БГУ (выпуск 2023 г.). Тема дипломной работы: «Энергетический фактор в отношениях ФРГ и России». Научный руководитель – кандидат исторических наук И. И. Ковяко.

Контактная информация: puzanovadasha02@gmail.com

Родин Денис Валерьевич (р. 1993) – кандидат исторических наук. Выпускник исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (2016). Научный сотрудник МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва.

Сфера научных интересов: международные отношения в межвоенный период, проблема европейской безопасности.

Контактная информация: enigma9307@mail.ru

Свилас Светлана Францевна (р. 1954) – доктор исторических наук, доцент. Окончила исторический факультет БГУ (1976).

Профессор кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, г. Минск.

Специализируется на изучении истории и историографии истории международных отношений XIX – XX вв., истории ООН и ее специализированных учреждений, внешней политики Беларуси.

Контактная информация: svilas0104@gmail.com

Синдеев Алексей Александрович (р. 1974) – доктор исторических наук, профессор. Главный научный сотрудник Отдела европейской безопасности Института Европы РАН, г. Москва.

Сфера научных интересов: история и современное состояние европейской интеграции, история Германии, международные отношения и вопросы европейской безопасности.

Контактная информация: a_sin74@mail.ru

Снапковский Владимир Евдокимович (р. 1954) – доктор исторических наук, профессор. Профессор кафедры международных отношений факультета международных отношений БГУ, г. Минск.

Сфера научных интересов: история внешней политики Беларуси, внешнеполитическая деятельность БССР, белорусско-российские и белорусско-польские отношения.

Контактная информация: ulsnap44@inbox.ru

Соколов Артем Павлович (р. 1989) – кандидат исторических наук. Выпускник исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (2011).

Научный сотрудник Центра европейских исследований, Институт международных отношений МГИМО, г. Москва.

Сфера научных интересов: внутренняя и внешняя политика ФРГ, евро-интеграция, германо-российские отношения, общая политика безопасности и обороны ЕС.

Контактная информация: a.sokolov@inno.mgimo.ru

Стрелец Михаил Васильевич (р. 1959) – доктор исторических наук, профессор. Выпускник исторического факультета БГУ (1981).

Сфера научных интересов – германская история новейшего времени.

Контактная информация: mstrelez@mail.ru

Субботин Олег Геннадьевич (р. 1972) – доктор исторических наук, профессор. Выпускник исторического факультета УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка» (1994).

Сфера научных интересов: история Германии в новое и новейшее время, история международных отношений в межвоенный период, история российского конституционализма в XIX – начале XX в., история федерализма.

Профессор кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории УО «БГПУ имени Максима Танка», г. Минск.

Контактная информация: subbotin.science@gmail.com

Терехов Олег Эдуардович (р. 1968) – доктор исторических наук, доцент. Профессор кафедры ВИиСПН Института истории и международных отношений КемГУ, г. Кемерово.

Сфера научных интересов: историография и история Германии XX – начала XXI в.

Контактная информация: terehov1968@mail.ru

Терехова Оксана Николаевна (р. 1970) – кандидат исторических наук, доцент. Доцент КемГУ, г. Кемерово.

Сфера научных интересов: история и историография европейского абсолютизма, история Германии в новое и новейшее время.

Контактная информация: terehov1968@mail.ru

Ткачук Карина Ивановна (р. 2003) – студент бакалавриата ФМО БГУ. Тема курсовой работы «Публичная дипломатия Бразилии». Научный руководитель – доктор исторических наук С. Ф. Свилас.

Контактная информация: tkchukarina@mail.ru

Хавкин Борис Львович (р. 1954) – доктор исторических наук, профессор Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва.

Сфера научных интересов: история советско/российско-германских отношений, история германского национал-социализма, история анти-гитлеровского Сопротивления.

Контактная информация: novistor@mail.ru

Хришкевич Татьяна Георгиевна (р. 1974) – кандидат исторических наук, доцент.

Доцент кафедры отечественной и всеобщей истории ПсковГУ, г. Псков.

Сфера научных интересов: политическая и социальная история Германии в последней трети XIX – начале XXI в.; проблемы федерализма и региональной диспропорции Германии; особенности партийной системы ФРГ.

Контактная информация: faschoda@mail.ru

Черноперов Василий Львович (р. 1963) – доктор исторических наук, доцент.

Профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета. Профессор кафедры богословия и Священного Писания Ветхого и Нового Завета Свято-Алексеевской Иваново-Вознесенской православной духовной семинарии. Главный редактор журнала «Интеллигенция и мир».

Сфера научных интересов: история Германии и международных отношений в новое и новейшее время, теория и методы изучения интеллигенции и интеллектуалов, российская и мировая общественная мысль XX – начала XXI в., сравнительное богословие, межкультурный и межрелигиозный диалог в современном мире.

Контактная информация: vlchernoperov@rambler.ru

Научное издание

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕРМАНИСТИКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Сборник научных статей и материалов

Технический редактор	<i>В.А. Космач</i>
Корректор	<i>И.И. Ковяко</i>
Компьютерный дизайн	<i>Н.В. Величко</i>

Подписано в печать 31.07.2023. Формат 60х84^{1/16}. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 20,98. Уч.-изд. л. 25,95. Тираж 35 экз. Заказ 315.

Отпечатано в типографии ООО «ЛОГОС» с оригинал-макета заказчика.

180000, г. Псков, ул. Металлистов, д. 25;

тел. (8112)79-37-23; 8-921-218-47-47.